ДЖЕЙСОН БЕРРИ

ДЕНЬГИ ВАТИКАНА

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ЦЕРКОВНЫХ ФИНАНСОВ

Джейсон Берри

Деньги Ватикана

Тайная история церковных финансов

Джейсон Бери

Деньги Ватикана. Тайная история церковных финансов

Посвящается памяти
Ариэль Ляфоре Берри, ребенка моего сердца,
Джеральда Реннера, коллеги и друга

Я – старый полицейский, охраняющий золотые запасы. Если старому полицейскому говорят, что законы скоро изменятся, он вспомнит, что он – старый полицейский, и сделает все возможное, чтобы предотвратить эти изменения… Когда новые законы становятся сокровищем церкви, увеличением ее золотых запасов, остается только один принцип: быть верным в своем служении церкви. Но это служение предполагает верность ее законам – верность слепого. Я – некто вроде слепца.

Кардинал Альфредо Оттавиани, префект Священной канцелярии, к Марио фон Галли, «Собор будущего» (1966)

От автора

В книге используются интервью, взятые во время многочисленных обменов звонками и е-мейлами, так что приводить их в виде цитат со ссылками было бы непрактично. Большинство прямых цитат приведены не в примечаниях, а в основном тексте. Я старался как можно меньше напрямую использовать данные источников, пожелавших сохранить анонимность, однако расследования, особенно касающиеся Ватикана и высших уровней Католической церкви, опираются на показания людей, которые настаивали на анонимности, поскольку публикация имен поставила бы под угрозу их карьеру. Я ссылаюсь лишь на небольшую часть интервью, которые было уместно передавать в виде цитат. Многие статьи и документы, которые я цитирую в данной книге, доступны в библиотеке на сайте www.bishopaccountability.org.

Пролог

Князья и их владения

Церковь стояла у подножия холма Банкер-Хилл в Чарльзтауне, одном из старейших пригородов Бостона. Подобно другим местам в городе, Чарльзтаун давно уже перестал быть районом, где явно преобладают ирландцы. Около старых деревянных трехэтажек, где десятилетиями жили семьи рабочих, стали активно селиться представители среднего класса, так что к 2004 году здесь лишь уединенные далекие улицы напоминали о былой эпохе наркоторговли.

Социальная пестрота прихода Св. Екатерины Сиенской нравилась Роуз Мэри Пайпер. Ее жизнь приближалась к концу, она была матерью четырех взрослых детей и бабушкой нескольких почти взрослых внуков. Из-за многообразия людей, посещавших мессу, этот приход сильно отличался от других, куда собирались преимущественно белые, и это трогало Роуз, потому что она чувствовала свое единство с массой верующих, не похожих на нее. Из домов, построенных в рамках государственной программы вдоль Мистик-Ривер, на воскресную мессу приходили пуэрториканцы и доминиканцы со своими испанскими сборниками гимнов и двуязычными программками, которые молились рядом с католиками ирландского происхождения или такими космополитическими жителями Бостона, как ее зять Питер Борре, живший неподалеку.

Роуз Пайпер понимала, как трудно здесь жить женщинам из Латинской Америки – такие же трудности испытывали ее предки, некогда приплывшие из Ирландии и высадившиеся на Стейтен-Айленд в Нью-Йорке. Если ты живешь, ты должен быть готов к изменениям. Когда врачи сказали, что у ее мужа развивается слабоумие, Роуз решила продать их дом в Хилтон-Хэд. На протяжении долгих лет их брака Билл Пайпер работал инженером-химиком в «Дюпоне» и потому был привязан к штату Делавэр. Роуз любила проводить с ним время в их доме в Южной Калифорнии. Но она понимала, что одна не справится с заболевшим мужем, и решила обосноваться около Бостона, где жили две ее дочери. Мэри Бет с ее склонностью бунтовать уже не ходила в церковь, но ее муж Питер посещал ту же церковь, что и Роуз.

Каждое воскресенье Роуз Мэри Пайпер опускала в корзинку для сборов чек на 10 долларов, это сделалось ее твердой привычкой. Питер клал туда свои деньги. Раньше он служил в морском флоте и привык верить в справедливость начальства. Ты приходишь в храм, молишься за тех, кого любишь, просишь прощения грехов и даешь деньги, потому что это справедливо. Пока не разразился скандал, они

не задумывались о финансовой жизни церкви – о том, на что тратятся их пожертвования, какой процент от них идет на покрытие расходов храма, какая часть идет на приходскую школу и на бедных, какая – епископу и в Рим. Ты даешь деньги, а священник и епископ ими распоряжаются. Католическая церковь – святая, истинная, апостольская и достаточно богатая, чтобы помогать многим нуждающимся.

Для Питера Борре жизнь перевернулась в 2004 году, когда в Бостонской архидиоцезии началось масштабное закрытие приходских церквей. За несколько месяцев до этого события церковь договорилась о юридическом урегулировании конфликта с 552 жертвами злоупотреблений со стороны духовенства. «Кардинал Лоу прикрывал растлителей детей, – с горечью думала Роуз, – а теперь распродаются церкви!» Питер Борре, привыкший к комфортабельной жизни, также был этим возмущен и начал интересоваться тем, что же происходит в церкви с деньгами. Он мог увидеть, что многие американские католики также негодовали, думая о нечестности епископов в финансовых вопросах. В результате массы судебных процессов, связанных с тем, что епископы прикрывали педофилов, приходские церкви закрывались вопреки воле местного населения; кроме того, гласности предавались все новые и новые случаи нечестного обращения священников и мирян, работавших в церкви, с приходскими финансами. Католики почувствовали, что их предали. Расследование злоупотреблений духовенства в 2010 году показало, что в этом деле неблаговидную роль сыграл кардинал Йозеф Ратцингер задолго до того, как он сделался папой. Хотя Бенедикт XVI встретился с жертвами злоупотреблений и просил у них прощения, он с удивительным равнодушием продолжал относиться к назревшему и очевидному вопросу о структурных реформах в церкви.

Начиная с Бенедикта XV, старавшегося стать миротворцем во время Первой мировой войны, роль пап радикальным образом изменилась: они стали уже не просто духовными вождями, но борцами за мир на международной арене. После Второй мировой папы стали как бы нравственными политиками всего мира, они осуждали антисемитизм церкви прошлого и призывали к переговорам и дипломатическим мерам в решении вооруженных конфликтов, особенно – ядерной эпохи. Важный шаг в этом направлении произошел в 1958 году, когда Иоанн XXIII, который, будучи папским нунцием в Стамбуле во время войны, помогал спасать евреев, исключил выражение «вероломные иудеи» из службы Страстной пятницы. Папа приветствовал делегацию американских евреев словами из описанной в Ветхом Завете истории Иосифа в Египте: «Я – Иосиф, брат ваш»[1].

Его преемник Павел VI повторял такие слова: «Если вы хотите мира, стройте справедливость»[2]. И

даже Пий XII – о котором продолжают спорить историки и еврейские деятели, поскольку во время Второй мировой войны он не выступил с осуждением Гитлера и нацизма, – в послевоенные годы стал знаменитым миротворцем. Вопросы о роли папы Пия пробудил к жизни отнюдь не только скептицизм историков. По иронии судьбы папа Иоанн Павел II призывал церковь более честно взглянуть на саму себя и говорил об «очищении памяти»[3]. Ведущий борец за права человека на политической сцене Иоанн Павел просил прощения за многие грехи церкви прошлого, в том числе – за «страдания, причиненные евреям»[4], хотя при этом не называл имен каких-либо пап.

Но в последнее свое десятилетие Иоанн Павел нанес урон своей репутации защитника прав человека, когда отказался должным образом отреагировать на скандалы, связанные с растлителями детей среди духовенства, и признать, что церковная культура пропитана сексуальными преступлениями. Бенедикт XVI сохранил верность традициям ватиканского правосудия, согласно которым не принято наказывать епископов, замешанных в сексуальных преступлениях или в их сокрытии. Отказавшись применять строгие меры и судить самых отъявленных преступников из епископов, Бенедикт тем самым продемонстрировал свою верность юридической практике Ватикана. Канцелярии Ватикана обычно одобряют финансовые решения епископов. Данная книга в основном и посвящена именно этому вопросу, как функционирует юридическая система Ватикана.

Нам надлежит рассмотреть ряд имущественных и финансовых решений, которые связывают некоторых американских епископов с чиновниками Ватикана; затем мы поговорим об отце Марсиале Масьеле, который был величайшим фандрайзером церкви, а также ее величайшим преступником. Вслед за этими историями мы внимательнее рассмотрим вопрос о том, как церковь обращается с финансами в Бостоне, Кливленде и Лос-Анджелесе, а также положение вещей в некоторых других диоцезиях, все время возвращаясь к деятельности Конгрегации по делам Духовенства – службы Ватикана, которая контролирует продажу собственности епископами. Высокопоставленный чиновник данной Конгрегации недавно помогал американским епископам создать выгодную схему продажи церквей в США. Важнейшую роль в этом сыграл кардинал Анджело Содано, который занимал пост генерального секретаря в течение четырнадцати лет при Иоанне Павле и чуть более года при Бенедикте. Кроме того, Содано был неутомимым защитником отца Масьеля. Кардинал отказывался давать интервью; тем не менее материалы, собранные ФБР в связи с деловой активностью его племянника, наряду с некоторыми другими источниками оказывают нам здесь большую помощь, так что я намерен осветить и махинации Содано.

Кстати, от итальянского слова *Nipote* происходит термин «непотизм».

Мне очень помогла книга Джеймса Голлина «Земные сокровища» (1971), посвященная финансам Католической церкви. По подсчетам автора, от 50 до 60 процентов всех богатств церкви находятся в США, но большая их часть вложена в собственность, которую по закону нельзя продать. «Не так сложно оценить общее богатство церкви, – говорит Голлин, – но куда важнее понять, что с этим богатством происходит»[5]. Я мог убедиться в том, что здесь каждый епископ поступает по-своему.

Римско-католическая церковь, к которой принадлежит 1,2 миллиарда верующих, – это самая огромная и самая многочисленная единая организация в мире, действующая почти везде. Она также в значительной мере децентрализована, так что каждый епископ пользуется большой властью. И как бы епископ ни полагался на своих подчиненных и советников, его власть зависит от Рима. Каждый епископ подотчетен папе, действующему через чиновников Римской курии. Немногие католики ставили под вопрос природу этой монархической организации до тех пор, пока не узнали о том, как епископы скрывают сексуальные преступления от судов, когда СМИ обнажили перед всеми эту преисподнюю, окруженную нездоровой завесой молчания.

«Не перестаю удивляться тому, что в некоторых диоцезиях информация об их финансах остается малодоступной, – сказал в 2002 году газете *New York Times* Патрик Шилтц, декан Школы правоведения Университета Св. Фомы в Сент-Поле, штат Миннесота. – Они как родители, которые не желают посвящать малых детей в свои тайны»[6]. После этого Шилтц стал федеральным судьей. Подобные слова юриста, который занимался защитой диоцезий, обвиняемых в злоупотреблениях, показывают, что многие известные католики глубоко разочарованы делами своей церкви.

«Церковь должна открыть свои бухгалтерские книги, – сказала в интервью газете *Times* Эрика П. Джон, унаследовавшая деньги производящей пиво компании Miller и ставшая знаменитым филантропом. – Нам нужна прозрачность»[7]. Фонд семьи, созданный последним мужем Джон, служил солидной поддержкой для архидиоцезии Милуоки, однако в мае 2002 года она узнала, что архиепископ Ремберт Уикленд за несколько лет потратил 450 тысяч долларов США из денег церкви на своего озлобленного любовника[8]. Уикленд закрывал приходы, ссылаясь на финансовую необходимость, а в это время его адвокаты пытались замять потенциальный скандал; он также отправил 1,5 миллиона долларов в Рим, чтобы организовать кафедру социального учения церкви, носящую его имя, в Папском Грегорианском университете, а также потратил полмиллиона на открытие кафедры литургии и музыки из

средств архидиоцезии, значительная часть которых была получена от семьи Джон[9]. В своих мемуарах в 2009 году Уикленд отмечает: «Я понимал, что люди в первую очередь хранят верность своему приходу, именно с ним они связывают свою католическую веру. Закрытие или слияние приходов неизбежно должно было уменьшить количество практикующих католиков»[10]. Уикленд, которому не раз приходилось прикрывать растлителей детей, пожертвовал кафедральному собору Св. Евангелиста Иоанна в Милуоки бронзовый барельеф стоимостью 100 тысяч долларов, который прославляет святого Иоанна, святую Анну и его самого.

Целибат священников, который любой папа мог бы сделать необязательным, дорого обходится церкви. С 1960-х количество людей, ушедших из священников, превышает количество тех, кто ими стали; многие священники ушли, чтобы вступить в брак, кроме того, среди них широко распространен гомосексуализм. Количество семинаристов снизилось на целых 85 процентов. В одной пятой части 17 958 приходов Америки нет священников. Папы ввели целибат в XI веке главным образом для того, чтобы священники и епископы не могли создавать династии; в тот период церковь стремилась сохранить за собой свои владения и занять достойное место в юридической системе Европы. По словам историка Джеймса Брандеджа, запрет на браки клириков «был важнейшей предпосылкой для освобождения имущества церкви от контроля со стороны мирян»[11]. Однако сегодня епископы со страшной скоростью распродают церковное имущество, чтобы расплатиться с жертвами священников, которые подлежат уголовному наказанию, но по большей части отправляются на дорогостоящее лечение в специальные центры.

В 1950-х на одного священника приходилось 650 прихожан, сегодня это число выросло до 1600[12]. Большинство священников стремятся внести в жизнь прихожан свет Евангелия. Они также занимаются поиском источников финансов для прихода, и потому нехватка священников приводит к финансовым трудностям и потерям. Пастырям приходится полагаться на мирян, многие из которых имеют семьи и нуждаются в хороших зарплатах, в отличие от священников и монахинь, исполнявших эти функции раньше.

Сведения о финансах церкви малодоступны. Лишь немногие диоцезии публикуют полные финансовые отчеты, этого не делает и Конференция католических епископов США, которая обладает вместительным зданием в Вашингтоне, где работает немало служащих. В 2002 году Конференция издала отчет, где говорится, что общий сбор пожертвований на воскресных мессах составил $5,6 миллиарда, а в приходы поступила общая сумма в $7,6 миллиарда[13]. Финансовый аналитик Джозеф Клод Харрис, автор книги

«Стоимость католических приходов и школ», изучил доступные данные о воскресных пожертвованиях таких людей, как Роуз Мэри Пайпер. «Крупнейшая церковь в мире не располагает точными данными о том, сколько составляет сумма сборов в США, – констатирует Харрис. – Полная картина финансов церкви должна включать в себя *все* доходы и расходы. У нас есть лишь фрагментарные данные. Может быть, это не так уж сложно сосчитать? Если каждый епископ желает получить такую информацию, Конференция католических епископов США способна это сделать»[14].

Харрис исследовал данные о воскресных сборах за 2002 год, используя свежие данные о числе католических семей в США. В 2002 году, когда СМИ начали говорить о скандале в церкви, воскресные сборы, по его подсчетам, дали в сумме $6,102 миллиарда. В 2003 году, когда информации о скандале стало гораздо больше, сборы *увеличились* на $38 миллионов, так что общая сумма составила $6,140 миллиарда. В 2004 увеличение составило $207 миллионов, а сумма достигла $6,347 миллиарда. В 2005 году опять наблюдалось возрастание суммы на $194 миллиона, так что она составила $6,541 миллиарда. И в 2006 году (более поздними данными Харрис не располагал) произошел еще более резкий скачок – увеличение суммы на $441 миллион, так что она достигла $6,982 миллиарда[15].

Итоговое увеличение суммы воскресных сборов на $880 миллионов во время самого шумного религиозного скандала в истории Америки свидетельствует о вере католиков «в церковь» – но не в ее структуры власти. Как показал опрос *USA Today*, проведенный в июне 2002 года, 89 процентов католиков считают, что епископ, который покрывает педофила, должен быть смещен. Однако, если не считать бостонского кардинала Бернарда Лоу, лишь немногие из виновных в этом епископы были «понижены». Увеличение объема пожертвований (сделанных наличными или другим способом) показывает, что католики не обращают внимания на замешанных в преступлении епископов и все равно хотят поддерживать свои приходы и программы. Однако кризис со скандалами этим не разрешился.

Согласно одному исследованию, проведенному по поручению епископов, между 1950 и 2002 годами церковь потратила $353 миллиона на урегулирование отношений с жертвами, юридическую защиту, терапию для жертв и для преступников. Страховщики выплатили $218,5 миллиона, так что в целом сумма расходов составляет $571,5 миллиона[16]. В 2002 году после разоблачений в газете *Boston Globe* началась цепная реакция: появились многие новые жертвы, требующие возмещения. Между 2002 и 2009 годом церкви пришлось на это потратить $1,755 миллиарда. Так что в последнее время в среднем соответствующие потери (или расходы) составляют $203 миллиона за год[17].

Как эта организация справляется с такими значительными потерями?

Краткий ответ будет звучать так – с помощью распродажи собственности; более развернутый ответ – через дефицитное финансирование.

Римско-католическая церковь в Америке переживает небывалое в истории «сокращение». Религиозные инфраструктуры, строившиеся еще за сто с лишним лет до президентства Авраама Линкольна и Джона Кеннеди, со страшной скоростью ликвидируют свои активы. Сами по себе скандалы не могут объяснить, почему идет эта «национальная распродажа по сниженным ценам» (слова Питера Борре), в процессе которой епископы продают церкви.

После 1995 года епископы закрыли 1373 церкви – это более одного прихода в неделю на протяжении пятнадцати лет. Новые приходы возникают в пригородах, а многие старые анклавы иммигрантов из Ирландии, Италии и Восточной Европы превращаются в гетто[18]. Люди европейского происхождения занимают более процветающие районы, а условия жизни бедных людей из цветных ухудшаются. Заброшенные церкви теряют способность себя содержать, помещения приходских школ используются для других целей. Когда суровая нужда вынуждает епископов продавать некоторые церкви, вряд ли они должны радоваться тому, что в трудных районах, где церковь издавна помогала беднякам держаться на плаву, им будет больше не на что надеяться.

В каждой диоцезии приходы пересылают епископу от 5 до 15 процентов своих сборов, в зависимости от потока денег, стоимости поддержания прихода и способности платить. Приходы побогаче платят больше. Эти деньги представляют собой подать (она носит латинское имя *cathedraticum*), которую приход платит диоцезии. Здесь епископ играет роль как начальника налоговой инспекции, так и главного банкира. Диоцезия собирает эти средства, чтобы они приносили проценты; когда приходу нечем расплатиться, епископ может использовать эти проценты. Он также может возложить финансовое бремя бедных приходов на приходы богатые. Он может простить приходу долги или взимать с них проценты, пока те не расплатятся. Он может одолжить деньги приходу на какой-то проект под проценты. Он может переслать деньги в другие диоцезии или в другие страны, нуждающиеся в поддержке. Епископ также ищет деньги на крупные проекты, связанные, скажем, с разрастанием пригородов или обновлением структур.

Когда кто-то становится епископом, он – или его диоцезия – платит Ватикану определенную сумму под названием *taxa*. «Ее размер зависит от размера диоцезии, – объясняет Том Дойль, доминиканец, собирающийся оставить священство, работавший специалистом по каноническому праву в посольстве

Ватикана в начале 1980-х. – Как я вспоминаю, когда Джо Бернардин стал кардиналом Чикаго, его *taxa* составляла $6000. Я подумал, что Чикаго совершил выгодную сделку».

В наши дни многие диоцезии используют рынок облигаций, чтобы произвести реконсолидацию долгов и найти деньги на строительство. «Инвесторы все чаще видят в тарелке для сборов пожертвований надежный источник наличных, – писал Джеймс Фримен в газете *Wall Street Journal*. – Церковные долги, которые все чаще продаются в виде ценных бумаг, представляют собой нечто вроде тихой гавани на бурном рынке кредита»[19].

Традиционно принято видеть в епископе защитника иммигрантов и бедных, многие иерархи исполняют эту роль, способствующую улучшению общества. Кардиналов называют «князьями церкви»; каждый епископ действует как глава своего княжества. При такой монархической структуре каждый епископ распоряжается деньгами по своему личному усмотрению – в зависимости от того, как он относится к внутренним фондам, собственности, капиталовложениям, социальным программам и приходской жизни. Но, что бы они ни делали с деньгами, обычно епископы ни перед кем не дают отчета о своих решениях. Изредка Ватикан снимает с поста некомпетентных епископов, но обычно иерархи действуют без контроля извне, коль скоро они не отступают от догматов. В конце 1990-х кардинал Энтони Бевилаква потратил $5 миллионов на реконструкцию дома для отдыха, принадлежащего архидиоцезии, на побережье Нью-Джерси, своей резиденции в Филадельфии и трех зданий офисов. Одновременно он закрыл пятнадцать городских приходов в бедных районах, у которых накопился дефицит в общей сумме на $1,2 миллиона. «Бевилаква потратил примерно $5 миллионов, не оповестив публику об этих расходах, а в некоторых случаях даже не известив об этом своих советников», – писал Ральф Киприано в своем расследовании в газете *National Catholic Reporter*.

> В одном случае архидиоцезия не уведомила городские власти о реконструкции своего центрального офиса, что нарушает муниципальные законы.
>
> Несмотря на его образ в глазах публики, в частной жизни Бевилаква держится замкнуто. Как сообщают, он живет один на каменной викторианской вилле с тридцатью комнатами, которая считается официальной резиденцией епископа… с разукрашенными внутренними стенами, латунными перилами, стульями в стиле королевы Анны, зеркалами в позолоченных рамах, изысканными розовыми и в цветочек портьерами, розовыми кушетками под парчой, гигантскими кроватями с балдахинами, латунными подсвечниками, латунными канделябрами и отполированными каменными статуями

итальянских борзых[20].

Простые прихожане нисколько не участвовали в выборах кардинала Бевилаквы. Это делал Ватикан и другие епископы. И они – как узнал один мирянин в Филадельфии во время особенно яркого скандала с педофилией – не могут добиться его снятия с поста. Это может сделать только папа или прокурор. Окружной прокурор возглавил продолжительное расследование большого жюри в 2004–2005 годах, которое в итоге вынесло такое решение: законы Пенсильвании не дают оснований для судебного преследования Бевилаквы за укрывательство педофилов – за давностью срока событий. В отчете большого жюри 2005 года говорится о тяжести вины кардинала: «отягчающим обстоятельством здесь служит тот факт, что вред, который, с ведома кардинала Бевилаквы и его помощников, был причинен детям – растление, изнасилования, пожизненное чувство стыда и отчаяния, – не был следствием случайности или ошибки, если не говорить о таковых явлениях в нравственном смысле. Причинение вреда стало возможным благодаря сознательным решениям, тщательно продуманным мерам и целенаправленному бездействию»[21].

Дилемма растраты

Католичество в своей истории породило культуру пассивности, установку вроде «молись, плати и слушайся», так что католики молчаливо предполагают, что их даяния, которыми справедливо распоряжаются иерархи, тратятся «на благо церкви». Это ветхое выражение скрывает за собой растяжимое понятие, отражающее комизм ситуации. Католики слишком мало знают о том, как – хорошо или дурно – епископы и другие ответственные тратят деньги прихожан, и о состоянии церковных финансов в целом. Огромнейшая организация в мире имеет характер монархии, не предусматривающей ни подотчетности, ни настоящей системы правосудия. Воровство и растраты со стороны американских священников и работников церкви приводят к существенным потерям. Профессор Чарльз Зех, экономист Университета Виллановы и директор Центра по изучению управления в Церкви, опубликовал с соавтором отчет, где содержатся следующие сведения: 85 процентов диоцезий, согласившихся участвовать в опросе, признают, что их деньги разворовывают. В одиннадцати процентах случаев речь идет о потерях, превышающих $500 тысяч[22].

Так, в 2009 году присяжные Уэст-Пальм-Бич (штат Флорида) признали отца Френсиса Гуинана, 66 лет, виновным в краже в крупных размерах, разобрав показания о том, как он в течение многих лет обращался с финансами своего прихода Св. Винсента Феррера. Суд приговорил отца Гуинана к четырехлетнему заключению. Второй священник Иоанн Скехен получил срок четырнадцать месяцев после признания своей вины и обещания возместить нанесенный ущерб, выплатив $780 тысяч[23]. Эти священники ирландского происхождения тратили деньги церкви на дорогие путешествия, женщин и роскошную жизнь. В американских СМИ мы найдем десятки случаев кражи церковных денег священниками и сотрудниками церкви из мирян. Эта проблема встречается и в других деноминациях. В случае преступлений католиков мы крайне редко слышим о том, что священнику запрещают служить.

Рассмотрим случай монсеньора Джона Вулси, бывшего пастыря Верхнего Ист-Сайда в Манхэттене, который в 2006 году признал себя виновным в крупном воровстве, поскольку похитил более $50 тысяч из церковной кассы. Обвинители утверждали, что в течение последних семи лет Вулси присвоил себе более $800 тысяч. Его приход, церковь Св. Иоанна Мученика, подала иск на страховую компанию Travelers Crime Plus, отказавшуюся выплатить $1,2 миллиона, которые приход потерял в результате воровства Вулси. Священник провел один год в тюрьме. После его освобождения официальный представитель архидиоцезии Нью-Йорка заявил: «Теперь нам предстоит обстоятельно поговорить с монсеньором Вулси о его будущем»[24].

Подобные новости, как и отчет Университета Виллановы, не должны нас удивлять. Майкл Райен, ушедший на пенсию менеджер Инспекции Почтовой службы США, в течение нескольких лет занимался ревизией на местах банковской системы отделений почты. На протяжении десятилетий Райен, несгибаемый католик и отец пятерых детей, терпеливо писал письма епископам, кардиналам и в Центр прикладных исследований Апостолата (ЦПИА), предлагая им свою программу защиты сборов церкви от нечестных служителей. Епископы избегали его как чумы. Письма и статьи Райена доступны на сайте www.churchsecurity.info.

«Предположим, – писал Райен, – из-за мошенничества около 17 900 приходов постоянно теряют около 10 процентов денег. Это значит, что средний приход теряет около $1000 в неделю, то есть около $50 тысяч в год. Это означает, что *за год* только в результате присвоения сборов церковь теряет около $90 миллионов». Если Райен прав, это означает, что примерно за то же время, за которое церковь потеряла $1,775 миллиарда из-за сексуальных скандалов, присвоение и воровство со стороны священников и

сотрудников лишило ее $2,16 миллиарда[25]. Конечно, подсчеты Райена неточны. Они вызывают насмешку Джозефа Харриса, который любит точные данные. Однако выводы Райена разделяют многие другие достойные аналитики.

Леон Панетта, директор ЦРУ при Обаме (ранее глава Белого дома при Клинтоне), с 2002 по 2004 год служил в Национальном совете по защите детей и подростков, состоящем из выдающихся католиков-мирян, которым Конференция епископов поручила расследовать кризис вокруг сексуальных преступлений в церкви и выработать меры по исправлению ситуации. Панетта призывал церковь к введению мер внешнего контроля над финансами. «Им нужно обрести способность вступить в XXI век, – сказал он корреспонденту *USA Today*, – и ввести некоторые меры управления, которые обеспечивают защиту доверия к ним прихожан»[26].

Теренс Мак-Кирнан, возглавляющий сайт BishopAccountability.org, на котором собраны материалы о кризисе в Католической церкви, собрал данные СМИ (опирающиеся на официальные обвинения, приговоры и гражданские иски) о шестидесяти девяти случаях кражи денег внутри церкви, приведших к потерям в общей сумме на $38,5 миллиона. Во многих случаях обвинители утверждали, что объем присвоенных денег был больше. Если принять во внимание эти обвинения, общая сумма присвоенного составит $81,5 миллиона. Мы не знаем, какую часть этих потерь возместило страхование и что было при этом потрачено на страховые взносы, мы не знаем. «Раскрытые потери, – говорит Мак-Кирнан, – это лишь часть целого. Мы имеем дело с неподконтрольными потоками наличности. Большинство случаев краж в приходах, диоцезиях и организациях, которыми управляют религиозные ордена, остаются в тени. Одни и те же структурные проблемы и делают эти преступления возможными, и мешают их выявлять. В целом исследование Университета Виллановы с иной точки зрения показывает, что потери от присвоения за каждый год не поддаются подсчету».

«Особенность власти епископов, – объясняет Майкл Райен, – заключается в том, что они находятся вне поля конструктивной критики. Думаю, они отказываются принять меры для контроля за сборами церкви в первую очередь потому, что они привыкли к пастырскому подходу: они знают, какой воцарится ад, если они изменят нынешнюю систему, где священник может «походить вокруг денег» до того, как их отправляют в банк».

«Многие священники и прихожане не считают ситуацию, когда священник распоряжается деньгами по своему усмотрению, воровством», – добавляет Мак-Кирнан. По мнению Райена, когда деньги помещены в

банк, для получения наличных священнику приходится выписывать чеки. Финансовый совет прихода будет отслеживать движения средств на счету, обращая особое внимание на наличный счет. Необходимо всегда подсчитывать воскресные сборы в присутствии двух людей и следить за тем, чтобы суммарная сумма соответствовала той, что кладется в банк и отражена в соответствующем бланке. На протяжении многих лет епископы уверяли, что они не могут ввести жесткие стандарты устранения растлителей детей, потому что каждый епископ действует автономно. Но они изменили свою политику в 2002 году, когда были введены меры по защите детей и подростков. То же самое они могли бы сделать и в отношении контроля над сборами. Эта мера, утверждает Райен, значительно бы повысила приток средств в диоцезии. Соответственно, по словам Мак-Кирнана, «потери могут оставаться незамеченными на протяжении десятилетий».

Если же мы обратим внимание на собранные на сайте BishopAccountability.org database факты о финансовых потерях религиозных орденов, мы поймем, что здесь ситуация еще хуже. В Филадельфии касса религиозных орденов столь же уязвима, как и в диоцезиях. В 2007 году большое жюри обвинило отца Чарльза Ньюмена из Ордена младших братьев в присвоении путем воровства и подлога средств Школы имени архиепископа Райена (где Ньюмен исполнял должности преподавателя, директора, а затем президента) и ордена францисканцев на общую сумму в $1 033 748. Часть этих денег, согласно материалам обвинения, Ньюмен тратил на мальчика, которого он растлил и содержал; позже этот юноша погиб от передозировки наркотиков. Ньюмена признали виновным в финансовом преступлении и в 2009 году приговорили к тюремному заключению сроком от трех до шести лет[27].

Финансовая подотчетность

В 1985 году, изучая доступные сырые данные, Эндрю М. Грили обнаружил, что католики в среднем жертвуют церкви $320 в год, тогда как этот показатель для протестантов составляет $580. Отец Грили, выдающийся социолог, объясняет это таким образом: «Снижение количества пожертвований среди католиков за последние двадцать пять лет – это результат неудачного управления и отчуждения прихожан не от католической общины или от таинств церкви, но от церковных институтов»[28]. На протяжении последующей четверти века после 1985 года это отчуждение от структур управления стало еще глубже. Как показывает одно исследование 1994 года, церковь потеряла $1,96 миллиарда за год из-за «скупых

пожертвований» – то есть это потери от той суммы, которую епископы «могли бы собрать за год, если бы католики жертвовали столько же денег, сколько жертвует средний американец» другой религиозной организации[29]. В работе 2000 года под провокационным названием «Почему католики не жертвуют… и что с этим делать» профессор из Виллановы Чарльз Зех, опираясь на данные исследования, делает следующий вывод: католики «ощущают, что недостаточно влияют на решения церкви, не имеют информации о том, на что церковь тратит деньги, и не думают, что их иерархи кому-либо отчитываются в том, как они тратят собранные с прихожан деньги»[30].

Епископы, призванные осуществлять дела милосердия, не должны отчитываться о доходах и расходах перед акционерами или внутренней налоговой службой. Такое положение вещей не вызывало сомнений до тех пор, пока СМИ не показали, как некоторые прелаты покрывают сексуальные скандалы, тратя деньги на урегулирование конфликтов. Это вызвало вопросы о характере использования денег прихожан и породило стремление к прозрачности, так что сегодня многие епископы размещают финансовые отчеты диоцезий на своих веб-сайтах. Специалист по бухгалтерскому делу профессор Джек Рул, заместитель декана в Хавортском колледже бизнеса при Университете Западного Мичигана, занимается изучением вопроса о доступности информации о финансах Католической церкви в США. Он сообщает:

> 115 из 194 диоцезий и архидиоцезий предоставляют свои конечные или обзорные финансовые отчеты в Интернете. 39 из оставшихся не предоставляют финансовые отчеты публике. В 12 диоцезиях нужен письменный запрос на имя главного финансового инспектора, который, если сочтет нужным, может предоставить эти сведения. Другие 28 диоцезий публикуют отчеты иного рода, возможно, не подвергавшиеся ревизии. Только 5 из 115 отчетов, прошедших ревизию, содержат сведения по приходам. Оставшиеся 110 – это прошедшие ревизию отчеты административных управлений. Поскольку в этих отчетах нет прошедших ревизию отчетов приходов, эти документы практически бесполезны для того, кто стремится исследовать финансовое положение дел в диоцезии.
>
> Высокой надежностью обладает только полный набор финансовых отчетов, прошедших ревизию в независимых бухгалтерских компаниях.

Бухгалтерская компания не может составить прошедший ревизию отчет, не включив в него все нужные данные. Рул говорит, что можно с доверием относиться к отчетам архидиоцезии Бостона и диоцезий Лос-Анджелеса и Каламазу (Мичиган), предоставивших полноценные и проверенные отчеты, и

продолжает:

> Обзорный отчет по охвату значительно меньше отчета, прошедшего аудит. Такую неполную информацию приводит архидиоцезия Чикаго.
>
> Финансовые отчеты, не проверенные бухгалтерской компанией, недостоверны. Для их составления достаточно попросить бухгалтера устранить лишь очевидные ошибки. Такой отчет приводит архидиоцезия Нового Орлеана. Его данные могут быть верными, а могут и не быть таковыми. Он не содержит полного набора необходимых финансовых отчетов и замечаний.
>
> Атланта, Остин, Арлингтон и Анкоридж приводят прошедшие ревизию отчеты, но без данных по приходам. Диоцезия Остина утверждает, что ее приходы и другие организации прошли отдельную проверку. Чтобы убедиться в том, что средства не были потрачены на урегулирование сексуальных скандалов, нужно иметь полную уверенность в том, что такая отдельная проверка проводилась. «Особого рода» отчет Анкориджа не соответствует общепринятым бухгалтерским стандартам.
>
> Наконец, некоторые финансовые отчеты даже не содержат отчета аудитора. Кто-то мог нарисовать в них любые произвольные цифры. Такого рода отчет, например, приводит архидиоцезия Филадельфии[31].

Церковь испытывает значительные трудности с обеспечением престарелых священников и монахинь, многие из которых никогда не вносили денег в фонд социального страхования. В 2009 году архидиоцезии Лос-Анджелеса не хватало $98 миллионов на выплату пенсий и содержание духовенства, вышедшего на пенсию. В 2010 году архидиоцезии Чикаго не хватало $103 миллиона на эти цели, а архидиоцезии Бостона – $104 миллиона. Это лишь отчасти объясняется финансовым кризисом, снизившим доходы от инвестиций. Сексуальные скандалы дорого обошлись церкви. Люди стали давать меньше денег, потому что совсем покинули церковь, или утратили доверие к епископам, или их возможности ограничил общий финансовый кризис. В 2003 году религиозным орденам на обеспечение своих членов из престарелых не хватало $8,7 миллиона. Из 573 религиозных общин, согласившихся представить данные для исследования, лишь 38 обладали достаточными средствами для обеспечения престарелых[32].

Это грустные факты, особенно если вспомнить о том, какую значительную роль сыграли монахини в развитии католических школ, госпиталей и приютов для сирот. Сегодня эти инфраструктуры влияют на жизнь всего общества, а не только верующих. В католических школах учатся дети из бедных районов из некатолических семей. Церковь работает с бедными, иммигрантами и отверженными, нередко при этом

осуществляя социальные программы государства. Американская католическая благотворительность (АКБ) была организацией, которая играла ведущую роль в деле помощи вьетнамским беженцам, оказавшимся в США в конце 1970-х, или семьям побережья Мексиканского залива, пострадавшим при разливе нефти компании по поверхности воды в 2010 году. Отец Фред Кеммер, член ордена иезуитов и бывший президент АКБ, пишет: «В Соединенных Штатах Римско-католическая церковь руководит самыми большими частными школами, крупнейшими частными здравоохранительными заведениями и обширнейшей частной системой социальных служб. Мы выстроили параллельную систему, которой почти исключительно занимались посвятившие себя этому служению католики» – здесь он имеет в виду священников, монахов и монахинь религиозных орденов, а не духовенство диоцезии. «Теперь же в трех этих системах преимущественно работают миряне. Они служат другим мирянам и некатоликам. Если взглянуть на это явление негативно, можно жаловаться на нехватку священников. С другой же стороны, это знак церкви после Второго Ватиканского собора, выход на сцену мирян, понимающих, что крещение есть призыв к служению. Такова реальность»[33].

В 2007 году бюджет АКБ составлял $3,8 миллиарда. Сорок процентов средств поступило из фондов штата и местных властей, а 11 процентов из федеральных грантов. Более $440 миллионов было отведено на программы помощи нуждающимся детям и семьям, включая интернаты и приемные семьи[34]. В каждой диоцезии у АКБ существуют свой бюджет, свои программы и свой фандрайзинг. В целом в АКБ трудятся 50 тысяч сотрудников и 250 тысяч добровольцев, и ее службы составляют важную часть всей сети социальной защиты страны.

Ватикан

Святейший престол ежегодно в июле публикует свой финансовый отчет, хотя он не дает ясной картины имущества Ватикана и его стоимости. Там есть две главные категории: город-государство Ватикан и так называемая Апостольская вотчина (Патримония). Доходы города-государства связаны с недвижимостью, музеями, магазинами с сувенирами, марками и монетами. Апостольская вотчина – это управление, или Курия, она руководит 120 дипломатическими миссиями, издательством, передачей Радио Ватикан и ежедневной газетой *L’Osservatore Romano*. Доходы города-государства обычно покрывают расходы Патримонии. В 2006 году, как показывает отчет, доходы Ватикана на $3,2 миллиона превысили

расходы, несмотря на потери в $9,5 миллиона из-за соотношений курсов евро и доллара. «Большинство пожертвований Ватикану, как и некоторые его инвестиции, делаются в долларах, но расходует Ватикан преимущественно евро», – отмечала Католическая служба новостей[35]. Но у Святейшего престола есть важные активы, о которых не упоминает финансовый отчет Банка Ватикана.

В 1984 году Банк Ватикана согласился выплатить $242 миллиона трем банкам-кредиторам в качестве компенсации за то, что Ватикан участвовал в схеме отмывания денег банка Роберто Кальви Banco Ambrosiano, который разорился, оставив после себя $1,2 миллиарда долга. Банк Ватикана обычно «вне бухгалтерии», это черная дыра в финансовом отчете Святейшего престола. Поэтому чистый капитал Святейшего престола остается тайной. Вычет суммы денежных обязательств из заниженной суммы стоимости активов ничего не дает. Тем не менее в 2007 году Ватикан указал в своей балансовой ведомости, что общая стоимость его активов составляет 1,4 миллиарда евро, то есть около 2,05 миллиарда долларов США. Это показывает объем средств, поступающих к Святейшему престолу от арендованной собственности в Европе. «Этот чистый капитал невелик для национального правительства, – комментирует Джек Рул, – однако здесь стоимость активов значительно занижена. Так, указанная стоимость базилики Св. Петра и других исторических зданий составляет по 1 евро за здание ($1,47)».

В отчете ничего не говорится о таком имуществе, как золото. «Святейший престол располагает почти [метрической] тонной золота, которое на сегодняшнем нестабильном рынке стоит около 15 миллионов фунтов стерлингов», – писал в 2008 году Роберт Микенс, римский корреспондент английского независимого католического журнала *The Tablet*[36]. «Я никогда не видел в финансовых отчетах отдельного упоминания о золоте, – комментирует Рул. – Обычно золото используется не для инвестиций, но для спекуляций, поскольку золотой рынок крайне нестабилен. Поскольку Святейший престол дает заниженные сведения о стоимости своих активов, нам невозможно их оценить». Город-государство Ватикан и Апостольская Патримония в финансовом плане надежно защищены, однако остающиеся в тени доходы Банка Ватикана не позволяют говорить о какой-либо «прозрачности» Святейшего престола.

Между тем, восемь американских диоцезий и северо-западная провинция Общества Иисуса (куда входит Аляска) пытались заявить о своем банкротстве, чтобы снизить суммы, которые по приговорам суда они должны были выплатить жертвам сексуальных преступлений. Когда в СМИ появились отчеты о регистрации банкротства и соответствующих гражданских судебных процессах, публику удивлял один вопрос: каким образом столь могущественная церковь могла потерять около $4 миллиардов (учитывая

потери от присвоений) с 1965 года? Те же самые епископы, которые покрывали педофилов, решительно отказывались принимать меры контроля над использованием воскресных сборов. Защитники церкви утверждали, что суды несправедливо требуют выплатить слишком большие суммы на урегулирование, однако Ватикан не мог контролировать своих епископов по той причине, что его юридическая система страдает серьезными недостатками.

Коррупция в церкви – это просто историческая реальность. В истории демократии мы тоже найдем кошмарные страницы. Церковь как духовная реальность обладала устойчивостью и потому смогла оказывать пастырскую заботу, облегчать страдания людей и оказывать жизненно важную помощь нуждающимся. Сестра Кристин Шенк, акушерка и известный политический активист в Кливленде, которая еще будет играть важнейшую роль на страницах этой книги, говорит об этом так: «Мы видим, что церковь оказывала прямую помощь жертвам СПИДа в Африке или жертвам стихийного бедствия в Гаити и во многих других странах, причем она стояла в первых рядах. Церковь – одна из немногих международных организаций, которая собирает верующих вокруг тех вещей, что *не* приносят дохода, – вокруг помощи бедным, организации образования и питания, ухода за больными с помощью миссионерских служб. Об этом не слишком много говорят в новостях, но эти повседневные дела свидетельствуют об имени Христа. Церковь обладает сетью коммуникации, через которую можно связаться со многими бедными людьми мира, с теми, кто находится за бортом. Это не Microsoft. Это ответ на призыв Иисуса. Какой бы безумной ни была монархия Ватикана с ее политикой отдачи приказов сверху, католическая сеть тех, кто действительно помогает людям, распространяется повсеместно, это настоящее свидетельство о добре во всем мире».

Эта сакраментальная картина, этот дух ответственности за тех, кто отвержен обществом, позволяет многим из нас сохранять веру, несмотря на скандалы в официальной церкви. Блаженный Августин говорил, что справедливость – это такая добродетель, которая позволяет каждому воздавать должное. Церкви крайне необходима внутренняя справедливость.

В данной книге я иду тем же путем, что и в книге «Не введи нас во искушение» (1992), которая была результатом семи лет исследований и попытки очертить контуры национального скандала. Отдельные раскрытые тогда случаи злоупотреблений в Бостоне и Лос-Анджелесе привели меня к выводу о том, что, если бы мы получили доступ к закрытым архивам этих архидиоцезий, мы открыли бы для себя историю коррупции невиданных размеров. Тогда я не верил, что подобная информация когда-либо станет достоянием публики. Журналисты ссылались на мои подсчеты, согласно которым на ранней стадии

скандала юридические и медицинские расходы на четыреста случаев со священниками составили $400 миллионов. После ряда публикаций в *Boston Globe* в 2002 году можно было понять, что была открыта новая глава старого скандала. Под давлением публики Конференция епископов в итоге опубликовала закрытые данные: между 1950 и 2002 годами 4392 священника были пойманы на сексуальных преступлениях против детей и подростков[37].

В 2004 году вышла книга «Обет молчания», написанная мною в соавторстве с Джеральдом Реннером, многие годы возглавлявшим религиозный отдел в газете *Hartford Courant*. Именно в этой газете мы впервые заявили, что Ватикан не нашел достойного ответа на обвинения в педофилии, выдвинутые против Марсиаля Масьеля, основателя Легиона Христа. В 2008 году я снял документальный фильм на основе книги и некоторых новых фактов. В главе 7 этой книги мы анализируем вопрос глубже, рассказывая о финансовых приключениях Масьеля и показывая, что они отражают правосудие Ватикана.

Данная книга – это завершение трилогии, посвященной расследованию скандала в Католической церкви. После моего первого расследования в 1985 году дела о злоупотреблениях священника каджунского прихода в Лафейетт (штат Луизиана) я переключил внимание на культуру, историю джаза и роман – эти труды заставляли меня думать о вдохновляющих тайнах жизни, в частности жизни моей родины, Нового Орлеана, воскреснувшего после потопа. Признаюсь, из-за этих вещей я пропитался оптимистическим отношением к человеческому эксперименту. Такое мое умонастроение несколько удивляло Джеральда Реннера, который упомянут в посвящении данной книги. Джеральд умер от рака в 2007 году в возрасте 76 лет. Я часто думал о нем, когда писал эту книгу. Он был репортером несокрушимой честности, а кроме того, любил хороший бурбон. Он обладал великим ирландским сердцем. Это один из самых замечательных людей среди тех, кого я знал.

1

Бостон: слабое звено

Питер Борре уже прожил шесть с половиной десятилетий, и подобно большинству мужчин, обретших семейную гармонию, он понимал, что женщины обычно правы. Постепенно усвоив эту драгоценную мудрость, он уже знал, что о некоторых вещах спорить с женщинами бесполезно.

Он с женой жил в их собственной квартире возле старой верфи, откуда можно было видеть парусные суда, стоящие возле бостонской гавани, и широкую панораму города. Во времена Второй мировой войны сорок тысяч рабочих строили здесь миноносцы; теперь же, как и в других бывших промышленных зонах в городах Америки, большую часть верфи заняли дома для обеспеченных людей. Стены его квартиры были украшены огромными цветными фотографиями, сделанными его женой Мэри Бет в их путешествиях: на них были запечатлены цветы Финляндии, резные двери Марракеша и изогнутый пешеходный мостик Таити.

Борре работал в нефтегазовой промышленности, он разрабатывал электростанции и местные энергосистемы. Он владел холдинговой компанией, занимающейся энергетикой. В 1980-х Борре работал для Mobil над разработкой проектов, связанных с природным газом в Западной Африке, и занимался маркетингом в Европе. До этого он работал на правительство: в 1973 году он стал сотрудником разведки Комиссии по энергетике в администрации Никсона, затем занял место товарища секретаря по международным отношениям при Джимми Картере, когда Комиссия была преобразована в Министерство энергии, где он прослужил еще один год и во время президентства Рональда Рейгана. Но геополитика и бизнес, которыми он занимался, не давали ему доступа к духовной жизни его 49-летней жены Мэри Бет, активистки демократической партии.

Каждое воскресенье, пока Мэри Бет смотрела передачу *Meet the Press*, Питер Борре вместе со своей тещей Роуз Мэри Бет ходил в церковь задолго до того, как в 2002 году газета *Boston Globe* начала публиковать материалы о том, как кардинал Бернард Лоу вместе со своими подчиненными епископами покрывал священников, совершивших растление малолетних. Эти публикации вызвали цепную реакцию в американских СМИ, а затем и в других странах, породив кризис, к которому хрупкий и больной папа Иоанн Павел II совершенно не был готов. К зиме 2004 года тема епископов, скрывающих преступных клириков от закона, стала менее популярной. СМИ переключились на историю предварительных президентских выборов демократов и на спорный фильм Мела Гибсона «Страсти Христовы». В 1996 году Мэри Бет Борре участвовала в организации кампании по перевыборам Билла Клинтона. Теперь ее мало интересовал кандидат с наибольшими шансами – сенатор от Массачусетса Джон Керри. Ей как-то пришлось участвовать в сборе средств для Керри в день его рождения, и ее поразили амбиции этого

человека. Хотя она страстно интересовалась новостями, Мэри Бет устала от работы в предвыборных кампаниях. Бостон оказался эпицентром скандала с преступлениями священников, и церковь здесь испытывала финансовые судороги.

Мэри Бет и ее сестра Клавдия поместили своего отца, Билла Пайпера, в интернат, находящийся неподалеку от жилья Клавдии в Винчестере. Пока девушки росли, у него бывали приступы депрессии, а после выхода на пенсию у него нашли болезнь Паркинсона и затем слабоумие. Братья Мери Бет, живущие в Делавэре и Калифорнии, отошли от церкви, Клавдия же исповедовала унитарианство. Мэри Бет ходила на мессу со своей матерью раз в году, на Рождество, это было просто данью семейным традициям. Она интересовалась духовной жизнью, но презирала организованную религию.

В течение шести месяцев Роуз жила вместе с Мэри Бет и Питером в их квартире, пока она искала себе дом в Бостоне. Когда она нашла жилье неподалеку от Клавдии и интерната, Билл изъявил желание снова жить дома вместе с Роуз.

Питер на семнадцать лет старше своей жены Мэри Бет. Наблюдая за реакцией мужа на публикации в газете *Globe*, она решила, что утонченное воспитание американца в Риме, хотя здесь не участвовали монахини, сделало из Питера итальянского католика. Католицизм для него был эстетическим феноменом, тогда как она сама сталкивалась с более пуританскими проявлениями веры. Мэри родилась в 1955 году и была старшеклассницей в Хокессине (штат Делавэр), когда Верховный суд после дела Роу против Уэйда принял решение о легализации абортов. Под влиянием Глории Стейнем и Жермен Грир Мэри Бет Пайпер становилась феминисткой, и она скрежетала зубами, слушая проповеди старого священника против абортов. Позднее она заметила, что молодой священнослужитель их прихода, блондин с накрашенными волосами в одеяниях с блестками (которые шила ее мать), переживал свою тайную драму. В то время ее завораживали социальные изменения, о которых каждый вечер говорили телевизионные выпуски новостей: борьба за гражданские права и права геев, феминизм и протесты против войны во Вьетнаме. Ее возмущали слова о чудесах и загробной жизни, которые она слышала на уроках религии. Ей хотелось найти смысл этой жизни и прямо сейчас. Она считала, что женщина имеет право сделать аборт, что вызывало недовольство ее матери. Когда она пыталась выйти из дому, не надев лифчика, мать возмущалась. «Из тощей девчонки Мэри Бет превратилась в привлекательную девушку, обладавшую всем, что нужно», – вспоминала Роуз, которая была ирландкой из Нью-Йорка в четвертом поколении со своими стандартами вкуса. Пресвитерианец Билл относился к дочери спокойнее, и его было несложно убедить в чем угодно. Попав в колледж, где она познакомилась с гомосексуалистами, Мэри Бет еще

больше удалилась от церкви.

Питер Борре мрачно переживал сексуальный скандал, что предвещало перемену его взглядов. Когда первые статьи в *Globe* начали раскрывать, как кардинал Лоу покрывал преступления священников, Борре произносил туманные речи об «отдельных гнилых плодах» в церкви.

«Это признак нашего времени», – возражала ему Мэри Бет.

Она рассказывала мужу о том, с чем столкнулась в конце 1980-х, в первые годы их брака, когда тот совершал бесконечные деловые поездки, а она работала с жертвами СПИДа, эпидемия которого захлестнула Бостон. Беседуя с жертвами ретровируса, она слышала рассказы о том, как священники избегают таких людей, нуждающихся в утешении. Она узнала, что, несмотря на непримиримое отношение церкви к гомосексуализму, в ней существует множество священников-геев. Одни священники стремились помогать жертвам СПИДа, а другие избегали всяких контактов с ними. Кроме того, некоторые больные мужчины рассказывали, что их растлили священники, когда те были подростками. Среди ее коллег было много бывших католиков и бывших иудеев, порвавших с церковью или синагогой, которые обменивались друг с другом шутками о религиозной вине, поскольку они следовали глубокому иудео-христианскому импульсу, помогая людям, которые погибали от таинственной болезни.

Четырнадцать лет спустя, когда все узнали, что кардинал Лоу прикрывал облеченных священническим саном преступников, Мэри Бет Борре подумала, что теперь ее муж что-то поймет. Поскольку этот скандал все непрерывно обсуждали, Питер Борре признал верность наблюдений своей жены и всерьез задумался о том, что происходит в церкви.

18 сентября 2002 года адвокат истца Митчелл Гарабедьян и его помощник Уильям Гордон потребовали выплатить восьмидесяти шести жертвам одного священника, Джона Джогена, сумму в $10 миллионов[38]. Поскольку пресса упоминала о подобных юридических действиях в прошлом, Борре заинтересовался тем, какую сумму архидиоцезии пришлось выплатить в конце 1990-х, чтобы урегулировать конфликты при помощи Гарабедьяна и преуспевающего адвоката из другой фирмы Родерика Маклиша-младшего (внука поэта Арчибальда Маклиша). Этим адвокатам удалось уладить семнадцать подобных случаев во внесудебном порядке, когда по условиям договора с архидиоцезией жертвы были обязаны молчать – эти условия скрывали документы церкви от глаз публики. Однако из-за большого количества подобных случаев информация просачивалась наружу в виде заголовков некоторых документов, которые заинтересовали Кристен Ломбарди из еженедельника *Boston Phoenix*. Юристы,

работающие в *Globe*, попросили суд предоставить им доступ к этим документам. Судья Констанс Свини, несмотря на сопротивление юристов церкви, разрешил с ними ознакомиться, что открыло путь для эпического расследования 2002 года[39].

Журналисты *Globe*, изучая судебные повестки, выписанные адвокатами жертв, установили, что в сексуальных преступлениях были замешаны десятки священников. Публикаций на эту тему в СМИ становилось все больше, так что незадолго до Рождества 2002 года кардинал Лоу вынужден был покинуть свой пост.

Но события на этом не завершились: началась юридическая игра с высокими ставками. 9 сентября 2003 года церковь оказалась на грани банкротства, поскольку ей нужно было выплатить $85 миллионов 542 жертвам. В это время Лоу жил при женском монастыре в Мэриленде. «Это обязательство поставило в крайне трудное положение архиепископа Шона П. О’Мелли, который в первые же недели в Бостоне должен был улаживать эти юридические дела», – писала об этом *Globe*[40].

Шон О’Мелли, монах-капуцин с белоснежной бородой, был епископом Пальм-Бич во Флориде в тот момент, когда папа назначил его архиепископом Бостона. Тогда ему было 59 лет. Он носил сандалии, коричневое одеяние и веревочный пояс, чем сильно отличался от царственного кардинала Лоу. Никто не думал связывать имя О’Мелли с разразившимся скандалом, тем не менее, пожертвования церкви снизились на 43 процента по сравнению с прошлым годом: они упали с $14 до $8 миллионов в 2003[41]. О’Мелли пришлось преодолевать великие препятствия, чтобы восстановить правду – и найти деньги. В обращении, опубликованном 9 января 2004 года, О’Мелли объявил, что седьмая часть зданий архидиоцезии нуждается в обновлении и это будет стоить $104 миллиона. Церкви следует оценить свое имущество и расходы на работу инфраструктуры. 2 февраля 2004 года в своем выступлении на телевидении архидиоцезии О’Мелли сказал, что у церкви существует текущий дефицит на сумму $4 миллиона и ей надо вернуть Рыцарям Колумба $37 миллионов занятых денег: «Это не имеет никакого отношения к выплатам в связи с сексуальными преступлениями, но имеет прямое отношение к обеспечению жизненно важных служб».

«*Не имеет никакого отношения…*» – повторял Борре про себя.

Два месяца спустя, когда знаменитая бостонская команда Red Sox занималась тренировками, О’Мелли одобрил продажу особняка на Брайтонском холме, где Лоу жил как князь и где вышколенный персонал должен был называть его «ваше высокопреосвященство». Стоимость резиденции кардинала и сорока трех

акров прилегающей земли составляла $107,4 миллиона. Покупателем оказался сосед, обитавший по другую сторону проспекта Коммонвелф – Бостонский колледж, жемчужина среди высших учебных заведений иезуитов[42]. Если принять во внимание количество студентов и преподавателей, а также разнообразие изучаемых предметов, Бостонский колледж по праву мог бы называться университетом, но Бостонский университет уже существовал. Тем не менее в этом ирландском и католическом городе Бостонский колледж имел много приверженцев из бывших студентов (многие из них имели итальянские или португальские корни), и потому он мог собрать вклады на сумму более $1 миллиарда. Для католиков, исполненных возмущением на Лоу, который покрывал преступников, продажа особняка бывшего архиепископа имела символический смысл. Дворец кардинала, с позором покинувшего свой пост, стал собственностью иезуитского колледжа, который стоял за логику мышления и социальную справедливость.

Умудренный опытом работы в нефтяных компаниях Питер Борре стал думать о том, как архиепископ исполняет роль генерального директора предприятия. Если ему приходится выполнять роль мясника, прелат должен заботиться о том, чтобы кровь не капала на пол. Архиепископ О'Мелли был окружен пятнами красных чернил. Борре, следящий за новостями, понимал, что архидиоцезия скрывает какую-то информацию. *Куда идут деньги? Что замыслил О'Мелли? Пытается нас успокоить? Насколько плохо обстоят дела?*

Эти мучительные вопросы существовали в каких-то потаенных углах его мозга, отравляя воспоминания о золотых прошлых годах, а затем Питер Борре, который никогда не был радикалом, почувствовал в себе ярость против священников. В то самое время Мэри Бет размышляла над вопросом о том, чем ее муж с его утонченной организацией будет заниматься на пенсии, и здесь она сразу поняла, что он готов к битве. Питер Борре не был агрессивным человеком, но она видела, что, несмотря на свои элегантные манеры, этот итальянец намерен сражаться. Она получила диплом по маркетингу в Университете Делавэра.

Семейные ценности

В 1976 году Мэри Бет вышла замуж за своего возлюбленного, учившегося в том же колледже, их венчали на мессе под гитару. «Тогда это не казалось уступкой давлению наших семей, – говорила она, вздыхая, несколько десятилетий спустя. – Будь мы немного постарше, когда общество уже стало терпимо относиться к парам, живущим вместе, эта связь закончилась бы не столь болезненно. Я удивилась, когда то же самое сказала моя мать гораздо позднее». Через четыре года они развелись, детей у них не было. Мэри Бет окончательно порвала отношения с церковью и оставила религию. Слишком часто моральные указания казались ей грубым вмешательством в чужую жизнь обычных людей, которые ищут близких отношений.

В 1986 году она работала в нефтяной компании в Хьюстоне, где друзья познакомили ее с Питером, прибывшим в этот город по делам. Этот черноволосый с проседью на висках, обаятельный и остроумный мужчина сразу произвел на нее впечатление. Несколько лет назад он расстался с женой и был отцом троих детей. Когда Мэри Бет сказала матери, что отправляется в Париж со своим новым (сорокавосьмилетним) другом, Роуз на поезде отправилась в Нью-Йорк, чтобы с ним познакомиться. Она обратила внимание на его безупречные манеры и на то, каким нежным жестом он вложил деньги в руки привезшего ее таксиста.

Через три месяца он сделал предложение.

В 1987-м они сыграли свадьбу в Гарвардском клубе в Бостоне.

Несмотря на французскую фамилию, Борре имел итальянские корни. Его дед по отцу Агостино родился в 1871 году – спустя год после того, как националисты захватили территории, ранее контролируемые папами. Италию сотрясали бедствия, и на этом фоне Джузеппе Агостино Борре покинул Зербу, горное селение в провинции Пьяченца к северу от Генуи, «по настоянию брата Эрнесто, уехавшего в 1882 году. Оба брата прибыли в США примерно в девятнадцатилетнем возрасте и оба стали поварами», как об этом рассказывает Мари Рот, кузина Питера, исследовавшая родословную семейства[43]. Его дед со стороны матери Джузеппе Бальбони родился в деревне Эмилия в долине реки По. Сначала он продавал овощи и фрукты с тележки, а в итоге стал владельцем продуктового магазина.

Питер, родившийся в 1938 году в Бостоне, был еще мальчиком, когда его отца, также Питера, юриста и ветерана войны, пригласили работать над проектом восстановления Италии, предварявшим план

Маршалла. В августе 1946 года семья переехала в Рим. Гробы с останками американских солдат все еще стояли в аэропорту, ожидая отправки в США. Мальчик спросил отца, что это за коробки. Отец деликатно рассказал ему историю войны. Его мать Мэри Альбина окончила курсы учителей, а затем в Гарварде защитила диплом по английскому языку. Она подружилась с философом Джорджем Сантаяной (всем знакомо его высказывание: «Те, кто не помнит своего прошлого, обречены его снова повторять»), который свои закатные годы проводил в Риме.

К ним за стол садились епископы, монсеньеры и священники, образованные люди, ум которых производил большое впечатление на мальчика. Один из посетителей, викарный епископ Бостона Джон Райт, был крупным и грузным человеком, который любил пить вино, обсуждая американскую политику, итальянскую политику и политику Ватикана. Позже Райт стал кардиналом в Ватикане и префектом Конгрегации по делам духовенства.

Израненная войной Италия была хаотичным миром, где существовали фашисты, где была крупнейшая коммунистическая партия в Западной Европе, поддерживаемая Советской Россией, где на юге возрождалась мафия и где были христианские демократы, партия, которую поддерживал папа Пий XII. Лидер христианских демократов Альчиде де Гаспери прославился перед войной своими антифашистскими выступлениями; он был заключен в тюрьму Муссолини в 1927-м и выпущен под опеку предыдущего папы Пия XI в 1929 г. Последующие пятнадцать лет де Гаспери жил преимущественно в Ватиканской библиотеке. «Католик, итальянец и демократ – именно в таком порядке» – эти слова были его девизом[44]. В 1945 году в качестве одного из первых послевоенных премьер-министров он возглавил поддерживаемую церковью партию со скромной организационной структурой, тесно связанную с Католическим действием, движением, созданным в 1905 году папой Пием X с целью связать деятельность мирян с программой церковной иерархии. Единство в раздробленном обществе послевоенной Италии поддерживали 65 тысяч приходских священников, работавших в 24 тысячах приходов 300 диоцезий. Кроме того, 200 тысяч священников и монашествующих религиозных орденов работали в школах, госпиталях и благотворительных организациях[45]. Де Гаспери руководил христианскими демократами при трех правительствах на протяжении многих лет, когда десятки партий вели борьбу за власть. Администрация Трумэна стремилась контролировать выборы 1948 года в Италии. «Америка действовала здесь масштабно и скоординированно как один эффективный механизм», – писал Томас Пауэрс, исследователь истории американской разведки[46]. «Чтобы победить коммунистов, требовались наличные

деньги, причем в огромном количестве», – писал журналист Тим Вейнер, занимавшийся историей ЦРУ[47]; по данным шефа резидентуры в Риме, на это требовалось $10 миллионов. И тогда министр финансов Джон Снайдер принял решение:

> …воспользоваться Фондом стабилизации валюты, основанным в годы экономической депрессии, чтобы поддерживать стоимость доллара в других странах с помощью кратковременной торговли валютой. Во время Второй мировой войны этот фонд использовали для накопления поступлений от трофеев войны со странами Оси. В фонде хранилось $200 миллионов, эти деньги были предназначены для восстановления Европы. Он перевел миллионы на банковские счета богатых американских граждан, многие из которых имели итальянские корни, чтобы те переслали деньги новой сформированной ЦРУ подставной организации. Доноры должны были указать, что это «пожертвования на благотворительность», приписав в бланке декларации о подоходном налоге особый код. Эти деньги были переданы итальянским политикам и священникам из Католического действия, которые осуществляли политическую волю Ватикана[48].

На протяжении двенадцати месяцев, предшествовавших дню выборов 18 апреля 1948 года, Америка через ЦРУ и в рамках программ помощи вложила в Италию $350 миллионов. Банк Ватикана, созданный в 1942 году папой Пием XII для консолидации финансов Святейшего престола в самые трудные дни Второй мировой войны, стал источником финансов для христианских демократов. Пий «вложил 100 миллионов лир [$185 тысяч] из своего личного банка, – писал Джон Корнвелл, – сумму, явно вырученную от продажи военной техники США, которую Ватикан намеревался потратить на борьбу с коммунизмом»[49]. В 1948 году прошли первые парламентские выборы по послевоенной итальянской конституции после победы над фашизмом.

«Судьба Италии зависит от грядущих выборов и борьбы между коммунизмом и христианством, между рабством и свободой», – заявил нью-йоркский кардинал Френсис Спеллмен. По указу Ватикана Спеллмен обратился к американцам итальянского происхождения с просьбой написать письма своим родственникам, живущим на их исторической родине. Спеллмен, Гари Купер, Бинг Кросби и известный Френк Синатра участвовали в радиопередаче, посвященной партии де Гаспери[50]. Ватикан делал все возможное, «заставив даже монастыри открыть свои двери, чтобы монахини маршем пришли на избирательные участки и отдали свои голоса за христианских демократов», – писал журналист Нино Ло

Велло[51]. Партия Христианских демократов победила с большим преимуществом и с тех пор продолжала существовать на деньги ЦРУ. «Практика ЦРУ оказывать помощь в предвыборной борьбе с помощью мешков с наличностью была повторена в Италии – и во многих других странах – на протяжении последующих двадцати пяти лет», – пишет Вейнер[52].

По вечерам Борре встречались – в гостях или у себя дома – с американскими дипломатами, итальянскими политиками, бизнесменами, садившимися за один стол с ватиканскими чиновниками, банкирами и кинорежиссерами. Питер, единственный избалованный ребенок, рос в этой среде.

В 1930-х Муссолини оказывал масштабную государственную поддержку итальянскому кинематографу. Диктатор считал кино мощным средством воздействия и распорядился о выпуске фильмов – уже предвещавших фашизм – для пропаганды, в то время как он все более склонялся к альянсу с Гитлером[53]. После войны, когда в Рим потекли американские доллары, глава семьи Борре официально работал на MGM и другие американские студии, которые привлекала дешевизна съемки фильмов и капитальная инфраструктура студии, созданной Муссолини. ЦРУ внушало американским киностудиям мысль, что их фильмы хорошо бы показывать в Западной Европе, чтобы противостоять политике коммунистов. Американские продюсеры не знали, куда девать лиры, а итальянские законы не позволяли им изымать средства из местных банков, чтобы переводить их в доллары. Поскольку американцы потратили горы денег в этой стране, в послевоенной Италии наблюдалось резкое развитие кинематографа, как будто новый Голливуд появился на Тибре. В 1959 году актер Чарльтом Хестон получил Оскара за игру в фильме «Бен-Гур», а Питер Бурре, только что окончивший Гарвард, получил тогда сколько-то лир, потому что в процессе создания фильма работал переводчиком и ассистентом на съемочной площадке.

Через месяц после первого приезда в Италию семилетний Питер поступил в самую престижную иезуитскую школу – Институто Массимо. Одним из ее выпускников был Пий XII. Питер восхищался учителями, которые читали убедительные проповеди и лекции, прославляя Рим как столицу Католической церкви и напоминая о том, что каждый человек отвечает за углубление своей веры. Иезуиты настаивали на классическом образовании и столь строго требовали от учеников сурового труда, что сегодня это могло бы показаться истязанием детей. Каждый день шестидневной учебной недели начинался с мессы в 7 утра и продолжался до 14.30. Обед занимал ровно тридцать минут. В третьем классе Питер уже прекрасно говорил по-итальянски, изучал латынь и алгебру, в пятом он вдобавок к этому работал над греческим и французским.

Школа находилась в самом центре Рима, неподалеку от площади Республики и большой церкви Санта-Мария дельи Анджели, которую в 1563 году начал возводить Микеланджело над руинами древних бань, построенных императором Диоклетианом. Дверь в ее коричневой стене вела в помещение с высоким сводчатым потолком, пронизанным лучами света, которые падали на огромные колонны и разноцветный мраморный пол. Иногда в тишине дня Питер заходил сюда и, глядя на преклоняющих колени людей, чувствовал себя на фоне этого небесного величия чем-то маленьким, но в то же время уникальным. Посещая базилику Св. Петра, он с сочувствием смотрел на Пьету Микеланджело – статую Марии, оплакивающей своего только что снятого с креста Сына. Вот где находилась истинная вера.

Когда ему исполнилось четырнадцать, отец забеспокоился, что мальчик, несмотря на прекрасную успеваемость и владение иностранными языками, с трудом может писать по-английски. И потому родители отослали его назад в Новую Англию, где он поступил в приготовительную школу.

Первая месса, на которую он попал в Андовере, показалась ему ужасной. Церковь была украшена в стиле пестрой сельской ярмарки, священник с такой силой призывал прихожан жертвовать деньги, что показался ему невоспитанным крестьянином. Вместо красоты и величия священных храмов Рима, внушавших ему трепет перед вселенской верой, он увидел нечто убогое и провинциальное. Шестнадцатилетний Питер поступил в Гарвардский колледж. Все эти годы до поступления в университет его раздражало католичество в бостонском стиле, он зевал на проповедях со всеми их ирландскими хитростями, привлекающими внимание ирландских рабочих, и призывами молиться, ходить на исповедь, *следовать правилам* и давать деньги. Представления Борре о вере были связаны с теми умными священниками, с которыми он сидел за столом в Риме, с иезуитами, любившими аналитическое мышление, и с чувством священного, которое у него пробуждала красота храмов Италии.

Он еще был слишком молод, чтобы проникнуться тайной Иисуса, который с необычайной смелостью смеялся над сильными и тепло принимал отверженных, или понять, как зреет духовная жизнь под действием страданий, молитвы и привычных обрядов.

Он чувствовал, что попал в чужую страну. В каком-то смысле так оно и было.

Окрестности

Много лет спустя, когда он уже давно работал в сфере энергетики, так что ему пришлось жить в Вашингтоне и Нью-Йорке, Питер Борре научился радоваться жизни с Мэри Бет в Бостоне.

Чарльзтаун занимает квадратную милю на холмистом полуострове, который с севера огибает река Мистик-Ривер, а с юго-востока – река Чарльз, сливаясь вместе в бостонской внутренней гавани. Из окон жилья Борре был виден стальной мост, соединяющий северную часть Бостона с местностью, которая имела свою необычайно богатую историю.

В 1630 году, десять лет спустя после высадки первых пилигримов на полуострове Кейп-Код, Англию покинул бриг, на котором ехали пуритане. Джон Уинтроп произнес на борту корабля свою знаменитую проповедь, в которой он призывал верных соединить вместе «терпение и свободу… [дабы] мы стали городом, стоящим на верху горы»[54]. После разрыва отношений между Римом и Генрихом VIII возникла новая государственная церковь, от которой теперь откололись Уинтроп и его последователи. Они видели в папе антихриста, а богослужение Англиканской церкви казалось им слишком похожим на католические мессы[55]. Сепаратисты из последователей Уинтропа отвергали официальную религию в любых ее формах. Чарльзтаун был тогда столицей новорожденной колонии, но когда последователи Уинтропа расселились вдоль берега реки Чарльз, это место превратилось в город независимых библейских христиан. Дороги вели к растущим как грибы новым фермам и поселениям Новой Англии, ставшей местом обитания пуритан. Их конгрегационалистские церкви независимо одна от другой занимались своими делами, выбирали себе пасторов и строили храмы, внутри которых не было ни витражей, ни изображений[56].

Массачусетская колония поддерживала свои стандарты поведения, и порой здесь царствовала истерия и производились судебные процессы над ведьмами Салема. В середине XVII века Чарльзтаун «вышел из своей изоляции и стал центром торговли для всего региона», пишет Энтони Люкас. «Чем меньше город соответствовал идеалу Уинтропа, тем больше завораживала людей память об идеальном городе Новой Англии, где царили гармония и единодушие, где людей объединяли общая вера и верность общему делу»[57]. 18 апреля 1775 года Пол Ревер проскакал по Чарльзтауну на коне, оповещая встречных, что британские отряды приближаются к Лексингтону. Разразилась битва – первая в войне за независимость, – на которой Чарльзтаун выступил в союзе с Роксберри, лежавшим от них на юге за рекой. Пятнадцать

тысяч вооруженных колонистов сражались против пяти тысяч солдат Короны. На Банкер-Хилле колонисты потеряли 138 человек, убив 226 британских солдат. Большая часть Чарльзтауна сгорела. Однако в 1810 году здесь обитало уже около пяти тысяч человек и Чарльзтаун стал третьим по величине городом страны, когда национальный флот создал здесь судостроительную верфь с гаванью. Мастера строили суда из срубленных деревьев. Через какое-то время Чарльзтаун был присоединен к Бостону.

Католическая церковь пришла в Массачусетс гораздо позже, чем в Калифорнию, где она активно действовала уже в XVII веке. В 1790-х два французских священника занялись обращением ирландских колонистов и индейцев в штате Мэн, который ранее посещали канадские духовные лица. В Бостоне первая католическая церковь была открыта в 1803 году, ее посещали почти исключительно выходцы из Ирландии. Ее строительство получило протестантскую поддержку, особенно отличился бывший президент Джон Адамс, пожертвовавший на храм $100. Он послал консула в Рим, чтобы установить отношения со Святейшим престолом, хотя они не носили характера официальных дипломатических связей. В 1808 году в Бостоне появился и епископ, уроженец Франции.

Одно поколение спустя в Бостон нахлынули оборванцы, которые приезжали на больших судах из Ирландии, так что местное общество утратило свое единообразие. Ирландцы, ютившиеся в хибарках, домиках из обшивочных досок и кирпичных многоэтажках, занимали в этом обществе маргинальное положение. В конце лета 1825 года местные хулиганы устраивали набеги на ирландский район: они били окна и ломали мебель, так что газета *Boston Advertiser* назвала их действия «позорным буйством». Стабильное положение Чарльзтауна зависело от верфи и протестантских ремесленников, купцов и фермеров. В октябре 1828 католики в присутствии епископа в облачении заложили фундамент местной церкви. По данным на 1830 год в городе с населением 61 392 человека проживало 8000 ирландцев[58]. Около доков веселились и иногда дрались ирландские головорезы.

В 1834 году из большого монастыря урсулинок в Чарльзтауне, где под руководством дюжины подготовленных в Париже сестер занималось шестьдесят юных девушек, убежала монахиня в состоянии психического переутомления. Она оказалась в доме своего брата, а затем по собственному желанию вернулась в монастырь. По городу стали распространяться сплетни, и служитель конгрегационалистов Лаймен Бичер подлил масла в огонь негодования, которое ранее питалось историями о «похищенной» девушке, запертой в стенах монастыря, о которых писали газеты. Бичер обвинил папу в том, что он хочет колонизировать долину Миссисипи. Члены городского управления отправились к монастырю и требовали,

чтобы их туда впустили и они могли произвести расследование, вслед за ними прибежала толпа, которая выволокла из обители монахинь и подожгла ее. Бостонские протестанты выражали вслух свое возмущение этим событием, однако лишь немногих из бунтовщиков взяли под стражу. Состоялся бутафорский суд, на котором никого не признали виновным. В 1836 году толпа подожгла большую часть жилищ ирландского района. Погромы проходили по ирландским гетто в Нью-Йорке, Филадельфии и Детройте, гнев напуганных шовинистов обрушился на людей, которые убежали сюда из-за того, что их родина оказалась в невозможно тяжелой ситуации[59].

Когда в Ирландии грибок уничтожил огромный урожай картошки, в стране воцарился голод, и в результате между 1845 и 1870 годами оттуда уехало 3 миллиона ирландцев[60]. К 1890 году Ирландию покинуло 39 процентов родившихся здесь людей, которые в основном отправлялись в Британию, Северную Америку или Австралию. За одно десятилетие после 1846 года суда доставили в Бостон 130 тысяч ирландцев. «Нашу страну в буквальном смысле слова переполнили несчастные, порочные и грязные бедняки из старой страны», – сетовала газета *Bunker Hill Aurora* в 1848 году. Ирландцы постепенно перемещались из гавани и занимали трехэтажные многоквартирные дома на Банкер-Хилл, а теснимые протестанты переселялись в Соммервиль или в лежавший за мостом Бостон. В 1880 году архиепископ создал систему католических школ в Бостоне[61]. Чарльзтаун заполнили ирландцы, а в это же время в Бостоне между 1881 и 1886 годами удвоилось количество иммигрантов из Италии, которых уже насчитывалось 220 тысяч. Когда в 1880-х годах сюда прибыли дедушки и бабушки Питера Борре, ирландцев здесь обитало втрое больше, чем итальянцев. В самом начале XX века Чарльзтаун все еще был во многом ирландским поселением.

В конце 1930-х на федеральные средства вдоль Мистик-Ривер в Чарльзтауне были построены дома для малообеспеченной части населения. Священник церкви Св. Екатерины Сиенской переживал, потому что ему выпала тяжелая задача «восстановить приход, оставшийся без прихожан и почти закрытый», как о том свидетельствует летопись прихода. «Ему пришлось быть свидетелем этого горя и бедствия – видеть, как сотни его прихожан были вынуждены покинуть свои дома и рассеяться в самом Бостоне»[62].

После Второй мировой войны Чарльзтаун оставался во многом ирландским и рабочим городком. Местная молодежь вступала в стычки с полицейскими и хулиганами из других районов. Чарльзтаун находился в избирательном округе для выборов в Конгресс, от которого в 1946 году кандидатом шел двадцатидевятилетний Джон Кеннеди – богатый красавец, он жил в роскошном отеле на Бикон-Стрит.

Сглаживая впечатление от своего аристократического положения, Кеннеди обменивался рукопожатиями с рабочими верфи, взбирался по лесенкам трехэтажек, чтобы встретиться с матерями-домоседками, и часто упоминал о своем участии во Второй мировой войне. От имени своей семьи Кеннеди вручил архиепископу Ричарду Кашингу чек на $650 тысяч на строительство госпиталя в Брайтоне в честь своего брата Джозефа Кеннеди, разбившегося на самолете во время Второй мировой[63]. Кеннеди удалось завоевать симпатии многих горожан, и он победил на выборах. В апреле 1961 года он пригласил коллег по Совету Рыцарей Колумба в Банкер-Хилл на прием в саду у Белого дома, где они, переживая восторг, могли «поболтать со *своим* президентом»[64].

Кашинг стал кардиналом и легендарным фандрайзером в тот момент, когда бостонские католики процветали. К 1967 году он надзирал за масштабным проектом строительства, на который ушло $300 миллионов: сюда входило возведение трехсот младших и средних школ и создание восьмидесяти шести новых приходов. Как отмечал его биограф, благодаря его плану страхования собственности архидиоцезии «его приходам удалось сэкономить десять миллионов долларов в течение двадцати лет»[65]. Кашинг пожертвовал $200 тысяч на обновление церкви в родном городе папы Иоанна XXIII и $1 миллион на строительство католического университета на Тайване.

В середине восьмидесятых, когда Бернард Лоу стал кардиналом, на новой волне иммиграции сюда прибыли черные и латиноамериканские семьи; дешевое жилье в Чарльзтауне в основном заняли цветные. Белые, которые могли это себе позволить, переселялись отсюда начиная с середины семидесятых, когда федеральный судья распорядился о мерах по преодолению сегрегации в государственных школах Бостона, что вызвало в Чарльзтауне горячие протесты белых. Когда состоятельные белые начали покидать это место, молодые люди, устроенные на хорошие работы, начали перестраивать старые многоквартирные дома под просторное жилье для маленьких семей. Стоило немного пройтись вниз вдоль реки, и можно было увидеть ирландских наркоторговцев на убогих улочках, которые подсаживали на наркотики многоэтничных обитателей соседних домов и увеличивали статистику преступлений среди местных. Границей домов служило благородное здание судостроительной верфи. В этом месте стояли три приходские церкви, расстояние между которыми было не больше мили. Во времена кардинала Лоу сюда уже тихо подкрадывался финансовый кризис, но Питер Борре и Роуз об этом еще ничего не знали, когда воскресным утром 2004 года он с Роуз сидел на скамьях в самом бедном приходе Чарльзтауна.

Прозрение

Шестнадцатилетний Питер Борре поступил в Гарвард, где он изучал историю, и, выйдя оттуда с дипломом в 1959 году, прослужил три года в Военно-морском флоте США. В 1963 году он защитил диплом по международной экономике в Школе передовых исследований международных отношений при Университете Джона Хопкинса. Отец желал, чтобы Питер изучал право, но вместо этого тот получил очередной диплом по международным финансам в Гарвардской школе бизнеса. Опыт службы во флоте был для него очень важным: здесь он научился дисциплине и работе в команде, а также мог увидеть, что система приказов на корабле может действовать эффективно. Его сформировали три организации: Военно-морской флот, Католическая церковь и Гарвард, именно в таком порядке. В его сознании существовала связь между флотом и церковью, всемирным институтом, который испытывает на себе влияние войн, скандалов и отдельных нечестных пап. Миссия церкви исходит от Бога, но люди в состоянии испортить что угодно.

Роуз Пайпер обожала проповеди отца Боба Боуерса, священника за сорок с серебряными волосами, который энергично напоминал прихожанам, что в их приходе встречаются самые разные люди; он изучал испанский и руководил социальными программами, благодаря которым Роуз могла радоваться тому, что принадлежит к Католической церкви. Она была глубоко тронута, увидев, как двое приемных сыновей гей-пары принимали первое причастие. Ее сознание не могло примириться с браками гомосексуалистов. Большую часть жизни она голосовала за республиканцев, но добрые гражданские браки казались ей хорошим делом. Она знала, что многие дети на улице употребляют наркотики и дерутся, пуская в ход пистолеты, и потому понимала, что у этих двух мальчиков по крайней мере есть семья, хотя и странная: двое мужчин, которые их любят, причесывают их, одевают в красивые наряды и молятся с ними в церкви.

В приходе Св. Екатерины Сиенской «церковь» значила больше, чем правила, и она чувствовала, что здесь ее духовный дом, особенно когда вспоминала свои прошлые надежды, не ставшие реальностью. Когда они жила в Делавэре, она воспитывала двух своих сыновей и двух дочерей в церкви, а затем все они отошли от веры или к ней охладели. По каким-то причинам ее старшая внучка, выросшая в Калифорнии и заканчивающая Университет Виргинии, была горячо предана Католической церкви. Роуз понимала, что дети ее многому научили, в частности научили терпимости в изменяющемся обществе. Этой терпимости не хватало церкви, которую она любила, и ей было от этого больно. *Эти епископы! Они покрывают*

сексуальные преступления! Вся эта ложь! Кто-то должен сказать им всю правду!

Поскольку Билл страдал слабоумием, от Роуз требовалось неимоверное терпение, и посещение мессы вместе с Питером давало ей утешение. Ее зять, проникнутый европейским духом, мог быть бестактным и порой даже надменным, но он обладал добрым сердцем. Она радовалась тому, что они с Мэри Бет нашли друг друга.

Питер Борре не мог не вести активную деятельность в приходе. После своего переезда в 1987 в Бостон он совершал бесконечные перелеты по делам. Иногда его сопровождала Мэри Бет, когда она могла и если ее привлекало место. Чаще он ездил один. Возвращаясь из Западной Африки, он обычно останавливался в Париже, где посещал церковь августинианцев. Иногда же он бывал в Лондоне, и тогда посещал церковь Св. Мартина в полях неподалеку от Трафальгарской площади. А вернувшись в Бостон, он нередко ходил в собор Св. Креста в центре города. Но так он поступал лишь изредка, проходило несколько воскресений, и он возвращался в родной приход.

Когда Борре пересек рубеж пятидесятилетия, он нередко думал о своей духовной жизни в прошлом, до того, как распался его первый брак. На момент развода ему было за тридцать. Он считал, что это произошло из-за его собственной неверности и нездоровой поглощенности работой. В двадцать с чем-то он женился на дочери европейского посла, которая воспитывала его сына и двух дочерей одна, потому что он всегда был в командировках. Глядя в прошлое, он мог понять, что его долгие отлучки на самом деле были бегством. После развода он испытывал чувство неприязни к себе самому. Со временем он начал поддерживать добрые отношения со своей бывшей женой, которая уже почти три десятка лет прожила с другим мужчиной на Мартас-Виньярд. Постепенно, не без боли, он восстановил связь со своими детьми. Теперь они уже выросли, так что у него появилось несколько внуков и внучек.

На каждой мессе он пытался восстановить духовное равновесие, найти потерянный нравственный центр жизни. Но когда на воскресной службе все вставали и подходили принимать евхаристический хлеб, в котором присутствовал сам Христос, Борре не решался последовать за другими. Он продолжал сидеть, пока люди выстраивались в очередь, чтобы причаститься.

Борре отказался от мысли о том, чтобы аннулировать свой первый брак, что позволило бы ему получать причастие. Многие католики считали, что такой процесс аннуляции – это возвращение к забытой боли развода. Из слов отца о Роте, высшем суде Католической церкви, который мог аннулировать брак, Борре мог понять, что этот процесс походил на рэкет. Его отец, американский юрист с хорошими связями в Риме, иногда передавал дела специалистам по каноническому праву из Роты, и сам Питер помогал отцу

переводить некоторые прошения на итальянский.

«Я не раз слышал разговоры, – вспоминал Борре, – о том, насколько все там пронизано ложью. Там давали ложные показания о психическом состоянии супруга накануне вступления в брак. Ради этого заинтересованной стороне приходилось вести тайные переговоры и платить деньги за составление ложных документов. Мой отец лишь изредка соприкасался с подобными делами. Ли Бувье, сестре Джека Кеннеди, понадобилось аннулировать брак, чтобы выйти замуж за польского аристократа Станислава Радзвилла. Католическому президенту не подобало иметь разведенную близкую родственницу, тем более что она была подружкой невесты на его свадьбе. Это было ненадежное дело, однако Священная Рота с ним справилась, так что Ли смогла стать «княгиней Радзвилл». В бурные шестидесятые она провела немало времени в Риме. В 1970-х она развелась со своим князем. Но на тот момент это уже не имело политического значения».

Тем не менее многие католики проделывали процедуру аннуляции, чтобы очиститься и также получить возможность венчаться в церкви. При этом необходимо выплатить какую-то сумму в канцелярию диоцезии, заполнить объемную анкету о причине развода (где приходится описывать интимные детали куда подробнее, чем в гражданских судах), а затем долго ждать ответа из Рима. Резкий рост количества разводов среди американских католиков в 1980-х вызвал подозрительное отношение Ватикана. «Система правосудия США самая крупная во всем мире, – сказал мне ватиканский знаток канонического права при личной беседе в Риме в 2002 году. – Никак нельзя сказать, что там работают неопытные люди. И при этом юристы США допускают *великие* – просто чудовищные – нарушения в делах об аннуляции брака»[66].

Никто не знает, сколько разведенных католиков вступают в новый брак, не аннулировав старый, и принимают причастие. Большинство священников не знает, кто из подходящих причащаться делает это в нарушение канонов, и у них нет желания вспоминать о законах церкви, чтобы тем самым затруднить доступ к Евхаристии. Питер Борре – блудный сын, вернувшийся в церковь, – не сдавал позиции. Он избегал «дешевого католичества» людей, которые выбирают себе отдельные правила церкви по вкусу, и знал, что по канонам его второй брак незаконен. И несмотря на подозрительное отношение к процедуре аннуляции, он послушно сидел на церковной скамье и не мог освободиться от чувства собственного недостоинства, соблюдая касательно Евхаристии суровую католическую дисциплину, веря в божественную сущность церкви и в спасение в Иисусе Христе и ожидая, подобно обитателям чистилища

у Данте, оставления грехов в каком-то отдаленном будущем.

Все смутно жаждут блага, сознавая,
Что мир души лишь в нем осуществим,
И все к нему стремятся, уповая[67].

[*Перевод М. Лозинского*]

Однажды, вскоре после того как сенатор Керри стал кандидатом на пост президента, Мэри Бет работала в саду дома во Флориде, где они с мужем отдыхали, и здесь внезапно она подумала, что от мысли об избрании Джорджа Буша-младшего ей становится тошно. Она тотчас же позвонила другу, участвующему в предвыборной кампании Керри, и сказала: «Я с вами». Вскоре она начала работать во Флориде, занимаясь организацией президентской кампании.

Тем временем Питер собирал сведения о финансовых проблемах, кипя от возмущения. Ему казалось, что цифры не сходятся.

2

Возникновение финансовой системы Ватикана

22 июля 2010 года Ватикан объявил, что папа Бенедикт XVI жертвует $250 тысяч на восстановление разрушенной в момент ужасного землетрясения на Гаити школы в Порт-о-Пренсе[68]. С прошлого века папы начали помогать «малым сим» на международном уровне. Но Святейший престол вовсе не богатая страна, подобная арабским нефтяным государствам. Его щедрость зависит от пожертвований, малых и больших.

Важнейшую роль здесь играет так называемая лепта св. Петра: это пожертвование собирают в конце июня по приходам развивающегося мира. Лепта Петра предназначена для помощи самым нуждающимся. В 2009 году размер пожертвований составил $82,5 миллиона[69]. Несмотря на финансовый кризис, эта сумма на $7 миллионов превосходит сумму сборов 2008 года. Лепта Петра не единственный источник денежных поступлений для Святейшего престола. Например, в США существует Папский фонд (члены его совета обязуются вносить туда по $1 миллиону в течение десяти лет), который поддерживает деятельность церкви в бедных странах под руководством Ватикана, куда поступают пожертвования в размере от $15 тысяч до $75 тысяч, как указано на сайте фонда[70].

Хотя Святейший престол ежегодно публикует данные о лепте Петра, мы мало что знаем о том, как именно церковь расходует эти средства на благотворительность. Небольшой офис в секретариате государства Ватикан подсчитывает поступления, рассылает благодарственные письма жертвователям и направляет средства другим службам для оплаты их расходов. Когда я пытался получить сведения об использовании лепты Петра в пресс-службе Конференции епископов США, мне посоветовали обратиться в офис папского нунция архиепископа Пьетро Самби в Вашингтоне, но оттуда мне не дали ответа. Алессандро Спечиале, римский корреспондент международной новостной интернет-службы, писал: «Значительная часть этих средств поступает к епископам бедных диоцезий, когда те встречаются с папой в рамках *ad limina*, встречи, проходящей раз в пять лет, и обсуждают с ним свои проекты открытия школ и госпиталей или выделения грантов для учащихся и т. д. Часть денег поступает в офис Кор Унум, часть тратит сам секретариат государства Ватикан, еще одной частью пользуется апостольская канцелярия,

которая, очевидно, занимается преимущественно Римом и Италией. Еще какой-то частью распоряжается сам папа, тратя ее на благотворительность»[71].

Из трех важнейших ответственных за использование лепты Петра только Кор Унум публикует ежегодные отчеты. Кор Унум осуществляет несколько проектов. Фонд Сахель, основанный Иоанном Павлом II, занимается сельским хозяйством и проблемами размывания почвы; Популором Прогрессио оказывает помощь аборигенам Латинской Америки и Карибов. В 2009 году совет Кор Унум потратил $1,87 миллиона на неотложную помощь двадцати пяти странам, $2,3 миллиона на помощь другим проектам в сорока пяти странах, $2,3 миллиона через Фонд Сахель на проекты в девяти странах и $2,13 на инициативы в двадцати странах Латинской Америки и Карибов.

Таким образом, в четырех областях Кор Унум потратил примерно $8,65 миллиона, то есть 10,5 процента от $82,5 миллиона лепты Петра. Ватикан не опубликовал данные о том, как были израсходованы остальные средства лепты Петра в 2009 году.

Международная благотворительность пап – относительно новый феномен в истории. В прошлом веке лепта Петра играла важнейшую роль в экономике Святейшего престола, однако в основном эти деньги расходовали не на нуждающихся, но на сокращение текущего дефицита Ватикана. В 1985 году, после того как Святейший престол согласился выплатить трем банкам $242 миллиона в связи с участием Банка Ватикана в махинациях банка Роберто Кальви Banco Ambrosiano, Банк Ватикана не мог покрыть текущий дефицит Ватикана в $39,14 миллиона. «Дефицит был покрыт преимущественно за счет лепты Петра и других добровольных пожертвований Святейшему престолу, составивших в сумме $36,927811 миллиона», – говорится в общем годовом балансе[72].

18 ноября 1987 года кардинал из Филадельфии Джон Крол выступал перед экономической комиссией с речью о финансах Святейшего престола. Потомок польских иммигрантов Крол уверен в себе и консервативен в социальной сфере, хотя, с другой стороны, поддерживал выступления американских епископов против ядерного оружия и критиковал оборонную политику Рейгана. Крол также выискивал немалые средства для поддержки польского сопротивления, тем самым укрепляя связь с папой Иоанном Павлом II. Во время своего выступления в 1987 году он сетовал на бюрократический стиль ведения дел в Римской Курии. Государство Ватикан справилось со своим бюджетом, но Курия оказалась слишком расточительной. «Ни одна из этих служб никак не связана с ИРД, который называют также Банком Ватикана, – агентством, работающим совершенно автономно под руководством нескольких кардиналов и

директора», – сказал Крол, обходя в своей речи некоторые вещи. (ИРД здесь сокращение для Института религиозных дел – это другое название Банка Ватикана.) Крол ничего не сказал о том, что архиепископ Пол Марцинкус дал разрешение ИРД отмывать сомнительные деньги для Микеля Синдоны и Роберто Кальви. Синдона умер в тюрьме, где его отравили, а Кальви нашли повешенным на мосту в Лондоне[73]. Уроженец Иллинойса Марцинкус пользовался дипломатической неприкосновенностью, чтобы игнорировать повестки о вызове в итальянский суд, для чего ему приходилось не покидать пределы Ватикана. Когда буря миновала, Марцинкус переехал в Аризону, где спокойно проводил свои закатные годы жизни за игрой в гольф. Крол в тот день 1987 года следовал стилю Ватикана с его любезным отношением к иерархам и потому говорил не о финансовом крахе, связанном с деятельностью Марцинкуса, но о его последствии – текущем долге Ватикана.

> Традиционно лепта Петра собирается на благотворительные дела Святейшего Отца, но из-за снижения поступлений и роста расходов было принято решение использовать все деньги лепты Петра, а затем и все доходы от лепты Петра. Люди, посещающие Святейшего Отца, дарят ему денежные приношения. Эти средства, которые не предназначены для использования с той или иной благотворительной целью, также использовались для сокращения дефицита. На данном этапе резерва – если его можно так назвать – недостаточно для покрытия ожидаемого дефицита[74].

Крол не желал, чтобы лепта Петра, собиравшаяся с церквей некоторых стран как средства на благотворительность, была использована для покрытия зарплат и расходов бюрократии Курии. В 1987 году при бюджете в $132,6 миллиона Святейший престол допустил перерасход в размере $63,8 миллиона. «Создавшийся дефицит был сокращен за счет лепты Петра, из которой было на это использовано $50,299,858,32 миллиона», – говорится в отчете о доходах и расходах за 1987 год. Кроме того, $13,5 миллиона было получено «из других источников… включая ограниченные накопленные резервы, которые были полностью опустошены»[75]. Говоря о средствах на благотворительность, Крол упрямо стоял на своем: «Собранную лепту Петра надлежит вернуть папе, чтобы тот мог помогать бедным»[76].

В 1991 году кардинал Эдмунд Шока, который оставил пост архиепископа Детройта, чтобы взять на себя заботу о финансах государства Ватикан, сообщил Конференции епископов США, что текущий долг Святейшего престола составляет $86,3 миллиона. «Он сказал, что следует положить конец сложившейся в последние трудные годы практике покрывать дефицит Святейшего престола за счет лепты Петра», –

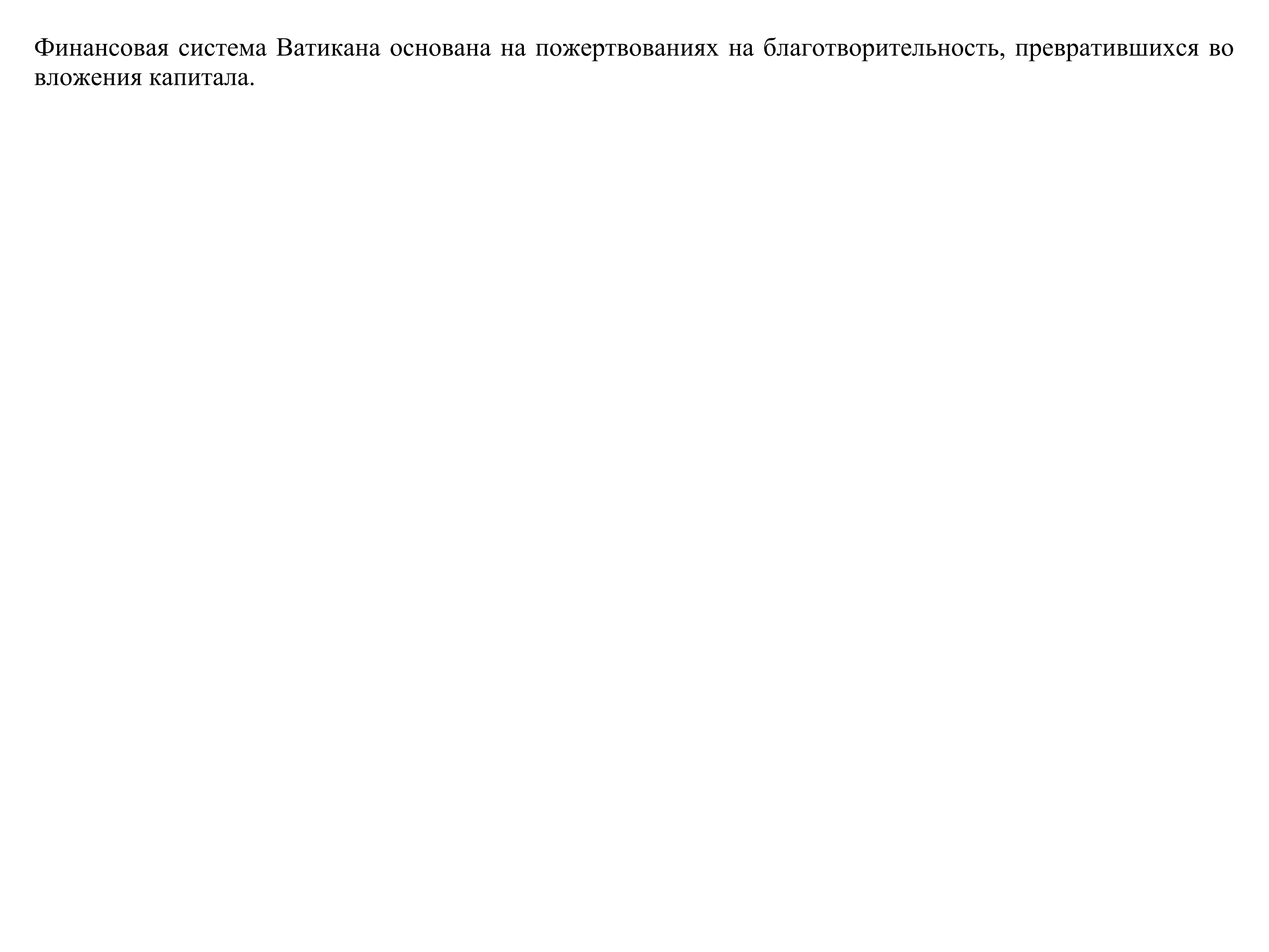
сообщило агентство Catholic News Service[77]. Известный корреспондент Сандро Мажистер, освещающий события религиозной жизни в римской газете *L'Espresso*, сообщил в 2009 году некоторые новые сведения. «Деньги, – писал он, – также поступают от религиозных конгрегаций и фондов. В одном конфиденциальном отчете [за 2007 год], разосланном Ватиканом по диоцезиям, в сумме эти вклады составили $29,5 миллиона». Далее Мажистер переходит к другому источнику средств престола, к Банку Ватикана. Мажистер, который пишет через двадцать лет после известного скандала, говорит в том же духе, что и Крол:

> В марте каждого года ИРД сообщает папе о приходах и расходах прошлого года. Эти данные хранятся в тайне, но можно предположить, что разница между расходами и приходами примерно равна лепте Петра. По крайней мере, это верно для тех четырех лет, когда благодаря утечке информации эти данные стали известны [до перехода Италии на евро]. В 1992 году эта разность составила 60,7 миллиардов лир, в 1993 – 72 миллиарда, в 1994 – 75 миллиарда, в 1995 – 78,3 миллиарда. Лепта Петра за каждый из этих лет лишь немного превышала эти суммы.
>
> Это позволяет предположить, что в 2007 году Бенедикт XVI получил на «благотворительность» в сумме около двухсот миллионов долларов[78].

В 2007 году в бюджете Ватикана существовал дефицит в 2,4 миллиона евро. «Если сравнивать с другими годами, это просто ничто», – замечает Маджистер.

Отец Томас Риз, иезуит, старший научный сотрудник Вудстокского центра Университета Джорджтауна и автор книги «Внутри Ватикана: политика и организация Католической церкви», сказал мне в личной беседе: «На протяжении многих лет Ватикан также финансово поддерживал римскую диоцезию. Сегодня у диоцезии независимый бюджет и она процветает при нынешней системе вычета налогов, которая позволяет любому налогоплательщику направить деньги церкви. Даже некоторые коммунисты ставят галочки в своих налоговых декларациях, потому что они верят, что церковь распорядится их деньгами лучше, чем государство, так что церковь Италии в состоянии давать деньги Ватикану. Однако скандалы с сексуальными преступлениями могут изменить такое положение вещей».

Банк Ватикана действует скрытно: о его деятельности ничего не говорится в финансовых отчетах Святейшего престола, мы ничего не знаем о его доходах и потерях или о том, какие суммы он передает папе. Однако еще когда Банк Ватикана не существовал, папы получали деньги за счет лепты Петра. Эти пожертвования на благотворительность поддерживали Ватикан в долгие годы войны и бедствий в Европе.

Финансовая система Ватикана основана на пожертвованиях на благотворительность, превратившихся во вложения капитала.

Мир Pio Nono

В 1849 году, когда количество католиков в США составляло 5 процентов от нынешнего, епископы собрали чуть меньше $26 тысяч для помощи папе, оказавшемуся в трудной финансовой ситуации. Сборы, проведенные в международном масштабе, стали возрождением традиции лепты Петра. В конце XIX века католики Франции, ранее вносившие больше всего пожертвований, уступили пальму первенства американцам. Но для 1849 года сумма, собранная в Америке для Пия IX, была достаточно значимой. Участие католиков Америки в лепте Петра – особенно это касается Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго и Бостона – стало ощутимей из-за притока оседавших в этих городах иммигрантов из Ирландии, Италии и других стран Европы. В 1870-х, когда папы получали огромные пожертвования, Пий IX мог отгородиться от объединенного Королевства Италии, потребовав вернуть огромные сельскохозяйственные территории папе как абсолютному монарху. Во времена борьбы за папское государство лепта Петра позволяла Ватикану делать инвестиции в бурно развивающийся рынок недвижимости[79].

Когда споры об утраченных территориях были, наконец, улажены в пользу Ватикана, Католическая церковь Америки, несмотря на Великую депрессию, оставалась главным источником финансов для Святейшего Отца. Епископы США, пользуясь своим политическим влиянием, собирали деньги и оказывали поддержку Ватикану. Поток финансов через Атлантический океан сократился еще до всемирного финансового кризиса 2008 года. В 2005 году, когда папой стал Бенедикт XVI, американские диоцезии переживали финансовые потери в связи со скандалом вокруг сексуальных преступлений. Епископы, которым пришлось участвовать в многочисленных судебных процессах, заявляли о своем банкротстве. Так произошло в Портленде, Спокане, Сан-Диего, Тусоне и Давенпорте (штат Айова), а затем в Уилмингтоне, Делавэре и Милуоки. При этом диоцезии не обращались за помощью к папе, но деньги все равно продолжали течь в Рим. Чиновники Римской Курии продолжали наблюдать за случаями банкротства и расходами на судебные тяжбы. В 2002 году Ватикан выдвинул следующее требование: епископ, желающий превратить свои активы в деньги в сумме свыше $5 миллионов (или $10,3 миллиона, в зависимости от размера диоцезии), должен получить на это разрешение Конгрегации по делам Духовенства из Рима[80].

Сердечные привычки порой нелегко поддаются объяснению. За этими финансовыми связями стоит странный роман между верными Нового мира и последней суверенной монархией Старого, облаченной в

одеяния грязной итальянской политики. Но когда бы Ватикан ни нуждался в деньгах, католическая Америка их давала. На такую финансовую зависимость Ватикана не повлияли судебные процессы и государственные расследования последнего десятилетия, прошумевшие в США и Ирландии, из-за которых достоянием публики стали шокирующие документы о священниках, совершающих сексуальные преступления. Когда разразился этот величайший после эпохи Реформации кризис, папа Иоанн Павел II не предпринимал никаких действий, разве что иногда приносил извинения или сетовал в СМИ. В 2002 году, когда случаи педофилии среди священников вызвали международный скандал, папа Иоанн Павел II, страдавший от болезни Паркинсона, обвинял психотерапевтов в том, что те указали неверный путь епископам, а кардиналы Ватикана проклинали СМИ и юристов. Папа не желал признать свою ошибку – как будто о самой возможности этого не могло быть и речи.

За идеей непогрешимости папы стоит продолжительная история, тесно связанная с развитием финансовой системы церкви. В течение семидесяти лет Ватикан превратился из нищего с протянутой рукой в финансовую силу на фоне экономической депрессии, так что он мог давать деньги взаймы фашистской Италии. По мере развития этих странных событий менялся образ папы, который из религиозного монарха, обладающего земельными владениями, превратился в проповедника мира во всем мире.

Ключевой фигурой для нас будет папа Пий IX, *Pio Nono*, как его зовут итальянцы (*nono* означает «девятый»). Пий IX на правах абсолютного монарха потребовал вернуть престолу те сельскохозяйственные угодья, которые республиканцы отняли у папского государства. *Pio Nono* – первый папа, ставший «звездой», его любили католики во многих странах. Подобно большинству других знаменитостей, он отчасти был порождением своей славы; сам же он не был лишен странностей, иногда мрачного свойства. Тем не менее, епископы и кардиналы, которые путешествовали в Рим с щедрыми пожертвованиями, пользовались повышенным уважением по возвращении домой.

Родившийся 13 мая 1792 года Джованни Мария Мастай-Феретти был младшим ребенком в семье с девятью детьми. Его отец был графом в городе Сенигаллия, стоявшем на Адриатическом море. Священники, вышедшие из аристократических семей, занимали привилегированное положение в итальянской иерархии; кардиналы и архиепископы пользовались политической властью в Риме и в других городах, принадлежавших к Папской области, где церковь и была государством. Два дяди Мастай-Феретти были епископами, один из них служил в базилике Св. Петра. В подростковом возрасте у Джованни появились приступы, которые сочли проявлением эпилепсии. Верен этот диагноз или нет, этот

приятный человек иногда испытывал приступы ярости и обладал жутковатым чувством юмора. Он не выделялся талантами в семинарии и в двадцать четыре года стал священником, а еще через четыре года – дипломатом папы. В 1823 году его послали в Чили, где он провел два года. Вернувшись в Рим, он стал заведовать церковным госпиталем. В 1827 году тридцатипятилетний Мастай-Феретти был назначен архиепископом города Сполето, находящегося в Папской области, а в 1840 стал кардиналом[81].

Кардинал Мастай-Феретти, который славился своей неутомимостью, пастырскими качествами и чувством юмора, в 1846 году был избран конклавом и стал папой; друзья кардинала полагали, что конклав стремился найти человека, сочетавшего в себе смирение и общительность. В начале своего правления Пий IX заботился о своей популярности. Он гулял по Риму, заботился об уличном освещении, объявил амнистию бунтовщикам в Папской области, избавил евреев от бремени тяжелого требования еженедельно слушать проповеди священников и организовал комиссию для исследования условий жизни в еврейских гетто[82]. *Pio Nono* также твердо верил в свое земное царство. Ему было восемь лет, когда в 1799 году войска Наполеона вошли в Рим и взяли в плен папу Пия VI, который умер в тюрьме во Франции. Ко временам папства Пия IX Италия вернулась к тому состоянию, в каком находилась до завоевания Наполеона: превратилась в ряд царств и автономных государств, не став единой страной со стойкой национальной идентичностью.

В результате Французской революции 1789 года один монарх лишился головы, но короли все еще правили многими странами Европы и в середине XIX века. Монархи относились к папе как к духовному вождю и владыке, стоящему вровень с ними. У пап был свой двор: кардиналы, епископы, важные чиновники, окруженные свитой советников и толпой богатых аристократов, «черных римлян», корыстные интересы которых были как-то связаны с городом, управляемым папой. Двор папы существовал за счет доходов с Папской области, владения, возникшего еще в VIII веке, которое брало начало в середине полуострова вокруг Рима и простиралось на северо-восток, представляя собой на карте изогнутую территорию. Духовенство нередко делило здесь власть с мелкопоместным дворянством. Значительную часть земель возделывали сезонные работники; издольщики трудились на краю Тосканы и в Умбрии[83]. Владения около Болоньи на севере приносили доход от шелка и табака, южнее, в землях, окружающих Рим, половина населения жила в страшной нищете. Иерархи подвергали цензуре прессу и использовали наемных убийц для запугивания возмущенных работников, готовых поднять бунт[84]. Чарльз Диккенс, посетивший в 1844 году Рим, хладнокровно описывает «разрушенные храмы; разрушенные надгробья на

кладбище. Пустыня, где все в упадке, мрачная и запущенная выше всякой меры»[85].

Южнее находился Неаполь, которым правил порочный король из династии Бурбонов при поддержке безжалостной армии. После своего путешествия по Италии в 1851 году британский политик Уильям Гладстон назвал монархию Неаполя «отрицанием Бога, которое превращено в систему правления». Слова Гладстона повлияли на общественное мнение. Вот какими словами о короле Неаполя говорила газета *New York Daily Times*: он есть «убийство, посаженное на трон и коронованное, воплощение зла… самый омерзительный и жестокий правитель из всех, что втаптывали народы в грязь»[86]. У Америки были торговые отношения с Папской областью, хотя в Риме в 1847 году находился только вице-консул. Конгресс порвал все формальные связи с государством пап[87].

На севере Пьемонтом правил Виктор Эммануил II, король-воин, склонный проводить реформы, который смог заключить союз с графом Камилло Кавуром, премьер-министром Сардинии. Политический отец единой Италии Кавур боролся за введение национальной валюты. Но единая денежная система повлекла за собой геополитическое единство. В Сицилии харизматический полководец Джузеппе Гарибальди начал борьбу за Рисорджименто, объединение Италии. Пока с двух сторон полуострова к его центру начали двигаться войска, Папская область, дурной пережиток феодализма, продолжала терять деньги.

В 1832 году парижский банк Ротшильда предоставил Святейшему престолу кредит, чтобы тот мог продержаться. «Не имеющие юридического права владеть землей и исключенные из сферы торговли, которую контролировали гильдии, евреи нашли в финансах и кредитовании единственный открытый для них путь к процветанию», – пишет историк Дэвид Кертцер[88]. Ротшильды боролись за то, чтобы евреи покинули свои гетто. Они видели в Пие IX реформатора, который способен облегчить тяжесть положения евреев.

Венецианская республика заключила евреев в гетто в 1517 году. В 1555 году Павел IV издал указы о сегрегации евреев в подвластных ему областях. «Для этого приверженца аскетики, – пишет историк Джеймс Каррол, – оставалась одна-единственная тактика: навязывать свой порядок везде, где это было возможно… Борись с протестантами вне церкви, вводи дисциплину внутри церкви. Но прежде всего – *обращай евреев*»[89].

В 1848 году *Pio Nono* согласился ввести в Папской области конституцию с избираемой палатой представителей. Но когда австрийцы двинулись в сторону Итальянского полуострова, папа, надеясь

избежать войны с другой католической страной, призвал народ хранить верность своим господам. Тем временем Гарибальди вместе с союзниками собрал армию, готовую сражаться за единую Италию. Экономическое положение ухудшалось; премьер-министр папы погиб от ножевых ранений. Когда войска Гарибальди вошли в Рим, папа в одежде простого священника бежал – повозка доставила его в Гаэту, крепость неподалеку от Неаполя.

Враждебное отношение Пия IX к объединению Италии было великим препятствием для политического разрешения проблем. Люди на полуострове говорили на разных диалектах, между отдельными областями существовали конфликты, так что было рано стремиться к такому национальному самосознанию, которое существовало, скажем, во Франции. Местные вожди желали объединиться под духовной властью папы, передав управление премьер-министру и парламенту. *Pio Nono* считал, что Римом должен править *он сам*, и это заводило переговоры в тупик. В июле 1849 года, когда Франция захватила Рим, папа снова обратился за помощью к банку Ротшильда. В Париже император Луи-Наполеон просил предоставить папе кредит. Но Джеймс Ротшильд «поднял вопрос о положении евреев в Папской области и поставил условие: сначала папа выпустит евреев из гетто, и только потом можно будет вести разговор о займе», как о том пишет Кертцер.

> Папа послал Ротшильду письменное обещание через своего нунция в Париже. Он желает только блага евреям в Папской области, говорил папа, и надеется, что скоро издаст указ об отмене гетто. Но, добавил он, было бы некрасиво – и даже невообразимо – прямо связывать заем с таким указом[90].

В январе 1850 Ротшильд согласился предоставить папе заем в 50 миллионов франков. 12 апреля *Pio Nono* вернулся в смирившийся Рим, желая править древним городом. Но он не выполнил то, что обещал своему кредитору. Более того, он как будто стал более правым и восстановил жесткий контроль над еврейскими гетто, какой был раньше[91].

В то время как он занял неудачную позицию в борьбе за судьбу Италии, Пий IX начал пользоваться популярностью *за пределами* Апеннинского полуострова. Тронутые судьбой изгнанного папы, католики из аристократических семей Парижа возродили средневековую традицию лепты Петра (скажем, в Англии в давние времена каждый дом платил подать в один пенни в пользу сидящего на престоле святого Петра)[92], чтобы оказать прямую поддержку окруженному врагами *Pio Nono*. В 1849 году американские диоцезии собрали $25,978,24 тысячи «в утешение Его Святейшества»[93]. Архидиоцезия Нью-Йорка

собрала $6200, а Филадельфия – $2800. Католическое население (численностью около 1,4 миллиона) возносило молитвы за папу, чьи злоключения делали его особенно близким для их сердец. Помогая ему, они оказывали помощь церкви и вере[94].

Пий IX поставил секретарем государства смышленого молодого диакона из неапольской семьи, обладавшей хорошими связями. Хотя Джакомо Антонелли не был даже священником, папа настолько ценил его умения, что сделал его кардиналом, а это вызвало зависть других князей церкви. Высокий, худой и «чертовски ловкий» (по язвительному выражению одного летописца) Антонелли трудился под прикрытием пестрой личности Пия IX. У кардинала был брат-банкир, который помогал устанавливать деловые связи за пределами Италии. Антонелли, занимавшийся финансами папы посреди бурных политических изменений в Европе, реструктурировал долг Святейшего престола, разделил бюджеты папского двора и Курии и ввел более строгую бухгалтерскую отчетность в Папской области[95]. Он сделал своего брата главой банка папы. Один негодующий историк назвал Антонелли «жадным человеком»[96]. Другой его брат стал главой монополии на импорт зерна в Рим. «Братья Антонелли фиксировали цены на зерновые, так что они вместе со своими агентами накопили немалое богатство… это был один из последних случаев вопиющего непотизма при папах», – пишет Энтони Родс. *Pio Nono*, говоря об Антонелли, называл его «мой Варавва»[97].

В 1857 году Антонелли использовал лепту Петра как обеспечение нового займа у Ротшильда. Несмотря на это Пий отказался распорядиться о возвращении шестилетнего еврейского мальчика Эдгардо Мортары, которого полиция отняла у родителей в Болонье, после того как служанка заявила, что она совершила крещение ребенка, когда он оставался один и был серьезно болен. Его поместили в Дом катехуменов (изучающих вероучение) и представили папе. Пий IX брал мальчика с собой «на аудиенции, где он играл с ним в прятки, прячась за своим облачением»[98].

Международная пресса кипела от возмущения; Пий запугивал лидеров еврейских общин на аудиенции, когда они умоляли его вернуть мальчика в семью. «Благодать Божия велит мне исполнять мой долг, и я скорее готов лишиться всех моих пальцев, чем отступить от него», – заявил папа. Мальчика взяли в семинарию. Став священником, Мортара почти забыл о своей семье. Будучи уже взрослым человеком, он встречался со своими родственниками, но так и не смог с ними окончательно примириться. (Он умер в 1940 году в монастыре в Бельгии, дожив до восьмидесяти восьми лет.) То, как папа поступил с семьей Мортары, вызвало парадоксальную реакцию во многих странах. «Даже его критики, раздраженные

его упрямством и не ценящие его логичного ума, признали, что его невозможно не любить, – отмечает историк папства Имон Дюффи. – Он был доброжелательным человеком без претензий, весь в крошках нюхательного табака». Когда через много лет умер его враг граф Кавур, папа назвал его «истинным итальянцем» и сказал: «Бог, несомненно, простит его, как мы его прощаем»[99].

В 1860 году коалиция Пьемонт-Сардиния Кавура вступила в союз с южными национальными силами Гарибальди, так что сторонники Рисорджименто захватили две третьих Папской области. Гарибальди, который некогда работал на производстве свечей на Стейтон-Айленд, сделался героем Америки. «Новое рождение Италии – это величайшее событие современной эпохи», – говорил специалист по Данте Чарльз Элиот Нортон. «Требование платить лепту Петра напоминает нам о времени крестоносцев, – холодно писала газета *New York Times*. – Но сегодня Святейший престол атакуют именно католики – католики юга и севера»[100].

Из благожелательного деспота Пий превратился в реакционного монарха. Он нанес ответный удар (не упоминая прямо Кавура, Гарибальди или республиканцев)[101] в своем эдикте от 1864 года *Syllabus*, «Перечень главнейших заблуждений», где он пытался приструнить нарождающуюся европейскую демократию. Гарри Уиллс назвал *Syllabus* «великим, хотя и в своем безумном стиле», документом, поскольку там говорится, что папа никогда не «примирится с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией и никогда их не примет»[102].

Тем не менее Антонелли понял, что у него появился еще один ценный актив – изображение папы. Продажа картинок и маленьких карточек с ликом *Pio Nono* наряду с его имиджем в газетах сделали папу «популярной иконой, так что он стал самым известным из всех понтификов в истории»[103]. Епископы Европы и Америки объединились для помощи папе, и потому между 1859 и 1870 годами лепта Петра ежегодно возрастала примерно на 8 миллионов лир[104]. Хотя изначально папа думал, что будет использовать эти деньги для своей военной защиты, теперь он мог распоряжаться ими по своему усмотрению.

Хотя Пий не спешил освобождать евреев, Ротшильд смотрел в будущее. Его банк одалживал деньги и королевскому дому Пьемонта. Тот факт, что клиентом французского банка является папа, не вредил его репутации, несмотря на то, что папа не выполнил своих обязательств. Поскольку две трети Папской области захватили итальянские силы, *Pio Nono* уже не мог препятствовать созданию Королевства Италии. В 1861 году он отлучил ее короля, Виктора Эммануила II, от церкви. Пий отказывался от предложений

новых политических вождей ввести Закон о гарантиях, согласно которому папа будет получать 3,5 миллиона лир ежегодно и ему обеспечат охрану Ватикана. Граф Кавур, стремившийся достичь соглашения с папой, призывал к созданию «свободной церкви в свободном государстве». Ловкий Антонелли мог бы заключить и более выгодную сделку, если бы только его здесь поддерживал папа. Но Пий верил в свое королевское достоинство. Он не желал признать, что утратил контроль над своими владениями[105].

Денег на повседневные расходы, особенно на зарплаты работникам Ватикана из мирян, всегда остро не хватало. Святейший престол обратился к французским епископам, чтобы те организовали пожертвования по подписке среди мирян, но скоро отказался от этой идеи, которая вступала в конфликт с лептой Петра. Католические финансисты предложили устроить всемирную папскую лотерею, Ватикан отверг эту идею. Оказавшийся в трудном положении Антонелли распорядился о чеканке большого количества серебряных монет, «содержащих меньше металла, чем было положено»[106]. Французские и швейцарские банки отказались принимать эти дешевые монеты. Эта мера не помогла, шел рост инфляции, и к 1870 году долг пап составил 20 миллионов лир.

Посреди всех этих невзгод Пий сохранил свое странное чувство юмора. «Скажите, почему, – спрашивал папа британского посланника в начале 1866 года, – Британия может повесить две тысячи негров, чтобы подавить восстание на Ямайке, и все ее за это только хвалят, тогда как если я повешу одного человека в Папской области, весь мир меня будет проклинать?» Задав этот вопрос, он начал хохотать, а потом повторял его, потрясая одним пальцем[107]. Посланник заподозрил, что у папы не все в порядке с психикой. В 1871 году папа велел итальянцам не голосовать на парламентских выборах – это распоряжение показало, насколько он был далек от политики, и подорвало влияние Ватикана на развитие партий в тот момент, когда по всей Европе происходили демократические изменения.

Французские войска выделили гарнизон для защиты папы. В 1869 году Пий созвал всех епископов на Ватиканский собор. Он хотел, чтобы они поддержали идею папской непогрешимости: что папа не может допустить ошибки, возвещая догмат, и он вправе высказывать вероучительные положения без совещания с кардиналами и епископами. Американские епископы приняли эту идею не без сомнений. Диоцезии многих из них располагались в таких районах, где местное население пламенно ненавидело «папизм» – ту религию, которая ставит под угрозу американскую демократию. Епископ Рочестера (штат Нью-Йорк) писал из Рима своему другу по секрету: «По моему смиренному мнению, как и по мнению почти всех

американских епископов, которые согласны в этом со мной, идея непогрешимости обернется великим бедствием для церкви». Епископ Питсбурга выражался еще решительнее: «Это нас убьет»[108].

На Ватиканском соборе создалась комическая ситуация. Противник республиканства Пий изъявил желание, чтобы епископы *голосовали*, как в парламенте, ради того, чтобы папы обрели сверхчеловеческую власть. Когда итальянский кардинал начал возражать, *Pio Nono* свирепо ответил, что тот совершает «ошибку». А затем он провозгласил: «Я, *я* есть традиция!»[109]

Возможно, это высокомерие породило бунт во время предварительного голосования за предложенный папой текст, поскольку при первом раунде 88 голосов было подано против предложения Пия, 62 за него, а 85 епископов отсутствовало – то есть их не было в Риме. Французские защитники Ватикана отбыли, потому что начиналась война с Пруссией. Ватикан остался без защиты. Шестьдесят семь епископов, которые возражали против непогрешимости, уехали до начала голосования. Многочисленные епископы, которых Пий поставил в Италии и Испании, поддержали папу, так что он одержал – хотя и не совсем честную – победу: 533 голоса за, 2 против[110]. Но покинувшие собор чувствовали себя разочарованными. «Эта победа в чем-то осталась неубедительной, так что даже самые крайние сторонники крепкой руки не выражали восторга по ее поводу», – пишет Уиллис[111].

Антонелли, занимавшийся финансами, предупреждал папу, что непогрешимость оттолкнет от него многих. «За меня стоит Пресвятая Дева», – отпарировал *Pio Nono*[112]. Действительно, доктрина непогрешимости была задним числом использована в качестве поддержки декларации папы от 1854 года о том, что Мария родилась вне первородного греха (доктрина непорочного зачатия). Ни в каких своих других заявлениях после Ватиканского собора Пий не ссылался на непогрешимость. (В дальнейшей истории был только один подобный случай: когда в 1950 году папа Пий XII провозгласил, что Мария была вознесена на небеса телесно.) Такие доктрины о духовном мире оставались в стороне от развивающейся науки. С точки зрения географии область, над которой властвовал Верховный понтифик, сжалась до размера маленького города, в то же время идея о совершенстве папы усилила его власть, с которой не мог соперничать никакой президент, премьер-министр или диктатор.

Когда финансовое положение папы ухудшилось, *Pio Nono* шутил: «Возможно, я непогрешим, но я точно банкрот»[113]. По иронии судьбы, непогрешимость начала приносить доходы. В популярном сознании появилось убеждение, что папа не способен совершить ошибки, и папство стало символом чистой истины. Католики Европы и Америки начали жертвовать деньги, демонстрируя тем самым свою

поддержку папы.

Ватиканский собор закончился. Либеральная Италия поглотила Рим и остатки Папской области. Лишенный былых имений, оказавшийся монархом без армии, *Pio Nono* пересек Тибр и поселился в крохотном государстве Ватикан – на 108 акрах земли, где находились базилика Св. Петра, Апостольский дворец, сады и исторические здания. Называвший себя «узником Ватикана» папа с горечью дал обет не ступать по земле самого Рима, пока Италия не вернет ему отнятые владения. Это было красноречивым завершением умирающей эпохи европейской монархии.

Много лет спустя знаменитый богослов Ганс Кюнг, размышляя о Первом Ватиканском соборе (как его стали называть), написал такие слова: «Ахиллесовой пятой римской теории непогрешимости был, в итоге, недостаток веры. Действительно, Бог действует в церкви Святым Духом… Но люди, которые составляют церковь, могут ошибаться, давать неверные оценки и допускать промахи, стать глухими, утратить понимание или сбиться с пути»[114].

Pio Nono, совершавший ошибки в сфере геополитики, одержал победу как непогрешимый богослов. Ирландские и немецкие священники распространяли маленькие изображения Его Святейшества, лежащего в темнице на соломе, – узника нечестивых итальянцев[115]. Популярные представления о бедствиях папы его обогащали: в 1847 году на католическом конгрессе в Венеции в качестве лепты Петра была собрана поразительная сумма в 1,7 миллиона лир[116]. Парламент Королевства Италия, возмущенный враждебным отношением папы, обсуждал введение запрета на лепту Петра, но этот план не осуществился. Между тем мысль о духовно совершенном папе, стоящем на скале догмы в стремительно меняющемся мире, изменила имидж папы: он перестал быть господином земельных владений и превратился в святого короля, стоящего на пороге бедности. Папа притягивал к себе пожертвования, как магнит, в эпоху распространения городского капитализма и несмотря на все возражения богословов и интеллектуалов, которые не соглашались и не соглашаются сегодня принять теорию непогрешимости.

Из своего элегантного бункера с выходом в сад и видом на великие здания Ватикана *Pio Nono* наблюдал за всем миром, открыв более двухсот новых диоцезий и поставив туда епископов. Эта масштабная религиозная экспансия создавала яркий контраст с его крохотным королевством. Он дал ход канонизации большему количеству святых, чем все вместе взятые папы за 150 предшествовавших лет; подобное наблюдалось только во время двадцатисемилетнего папства Иоанна Павла II. Когда советник из иезуитов предложил папе помириться с Италией и попросить возмещения за утраченную Папскую

область, возмущенный *Pio Nono* ответил: «В Риме глава церкви может быть или правителем, или узником»[117].

Кембриджский историк Джон Поллард подсчитал, что в течение семи лет после сдачи Рима в 1870 году Ватикан ежегодно мог откладывать по 4,3 миллиона лир из лепты Петра. Разрабатывая стратегию инвестирования, Антонелли игнорировал Италию с ее наполовину феодальной аграрной экономикой, он предпочитал индустриализованные страны. Папские посланники, нунции, играли важную роль в осуществлении этих замыслов. Поллард пишет:

> Значительная часть денег Ватикана хранилась в иностранных банках, таких как банк Ротшильда в Париже, банк Socie€te€ Ge€ne€rale в Брюсселе и Банк Англии; в то время в США деньги почти или совсем не посылались, хотя есть свидетельства о том, что Антонелли размышлял о такой возможности. Антонелли использовал папских нунциев для осуществления его финансовых операций в других странах, в частности, те должны были находить подходящие банки, облигации и ценные бумаги, а не просто акции компаний. Двое финансовых посредников Рима… совершали необходимые операции, незаконно перевозя деньги из лепты Петра, когда правительство Италии это запрещало, обменивая валюту, получая наличные по чекам и ценным бумагам, полученным в рамках лепты Петра, и продавая ценные вещи, подаренные благочестивыми верующими[118].

Папа отказывался вести переговоры о репарации, решительно требуя возвратить ему Рим и древние плантации, не беспокоясь о том, что его бывшее царство держалось на ненадежном труде батраков. Антонелли управлял потоком финансов и руководил инвестированием в кредиты и коммерцию. *Pio Nono* не искал поводов к восстановлению дипломатических отношений и дал категорический отказ королевской семье, попросившей его в 1878 году возглавить похороны Виктора Эммануила. Двести тысяч людей вышли на улицы и присоединились к процессии, когда короля везли хоронить в Пантеоне – папа же упустил этот шанс примирения. В Америке это тоже вызвало разделения. Когда епископ Питсбурга отказался отслужить мессу для итальянцев об их короле, они собрались в пресвитерианской церкви. В Чикаго четыре тысячи итальянцев устроили траурную процессию, в которой было задействовано двести украшенных карет и десяток марширующих оркестров, а губернатор Иллинойса и мэр смотрели на процессию с трибуны[119].

Это парадоксально: итальянцы, живущие в Америке, вышли на парад в честь короля их объединенной

родины, при этом многие, если не большинство, из них готовы ходить и на мессу, чтобы молиться за папу, непокорного монархиста. Эти люди, под влиянием которых складывалась жизнь американских городов, хотели бы иметь и гарантии либеральной демократии, и *одновременно* быть твердо уверенными в правоте своей веры. Верные прихожане жили вне противоречий Ватикана, враждебно относившегося к мукам рождения республиканской Италии. Миряне Нового мира ожидали от иерархов Старого, что последние покажут им истинную веру в плюралистическом обществе, посылая лепту Петра в Рим.

Спустя несколько месяцев после смерти короля, 7 февраля 1878 года папа Пий IX скончался в возрасте восьмидесяти шести лет. Протестующие антиклерикалы теснили участников похоронной процессии; на мосту через Тибр произошло столкновение, так что гроб с телом папы чуть не упал в реку. В течение последующего десятилетия члены семьи папы судились за его личное имущество. В итоге кардиналам удалось со всеми мирно договориться[120].

Кардинал Джоакино Печчи, которого конклав выбрал стать преемником умершего *Pio Nono*, отличался большим умом и более широким взглядом. Лев XIII, как его стали называть, правил церковью 25 лет, не покидая Ватикана. Он жадно читал газеты и романы. Писатель Эмиль Золя, посетивший папу, отметил, что у него были «великолепные глаза, сияющие как черные алмазы». Стремясь найти гармонию между миром и Святейшим престолом, Лев послал своих нунциев в разные страны и маленькую делегацию в Вашингтон[121]. Одновременно он поддерживал Христианскую общественную партию в Австрии, программа которой отражала антисемитизм ее вождей, что вызывало возражения со стороны австрийских епископов[122]. Создалась парадоксальная ситуация, когда США официально признали свободную Италию, в то время как священники, монахини и издатели католических газет возмущались тем, что Святейший Отец пребывает в изоляции. Лев XIII, обращаясь к французам и немцам, говорил, что ему надлежит восстановить власть над Римом и вернуть себе утраченные владения. Но европейцы эпохи современности полагали, что Италия принадлежит Италии. В то время как многочисленные итальянцы поселились в США, Лев отказывался вести переговоры о Законе о гарантиях. Власти Италии откладывали деньги, ожидая в будущем согласия по этому вопросу.

В 1891 году папа Лев XIII издал энциклику *Rerum Novarum*, один из самых влиятельных документов папства. В этой энциклике папа связывал социальное учение церкви с правами рабочих в эпоху бурного развития профсоюзов. Лев подчеркивал, что частная собственность священна, тем самым решительно отделяя церковь от марксизма и выражая готовность поддерживать итальянские банки и кредитные

ассоциации, которыми управляют католики. Благодаря *Rerum Novarum* в Америке многие священники и даже епископы стали участниками профсоюзных движений.

В отличие от своих предшественников, Лев XIII не демонстрировал отрешенного отношения к деньгам и не думал, что о них должен позаботиться Бог – или Антонелли, который умер раньше Пия IX. Под своей кроватью папа хранил сундук, наполненный золотом, драгоценностями и наличностью. Он назначил монсеньора Энрико Фольки *commissario* финансов. «Лев постоянно участвовал в обсуждении вопроса о том, куда вкладывать деньги, и особенно о предоставлении займов, которые, в том числе, предоставлялись его племяннику графу Печчи», – пишет Джон Поллард. Это облегчало работу Фольки[123]. После смерти популярного Пия IX об этом папе стали постепенно забывать. Чтобы создать свой собственный имидж, Лев XIII организовал несколько религиозных юбилеев, во время которых десятки тысяч людей устремлялись в Вечный город. Монсеньор Фольки помогал опустошать белые вельветовые сумки, которые паломники наполняли деньгами во время аудиенций, клал в банк наличные, обменивал иностранные банкноты и слушался папу Льва, который давал распоряжения, сколько следует тратить на двор, на Курию и на службы Ватикана.

В 1880-х годах благодаря деятельности Фольки Ватикан стал значимым владельцем акций Банка Рима (Banco di Roma), который вкладывал большие деньги в недвижимость. Элегантные здания в районе Прати, в десяти минутах ходьбы от собора Св. Петра, строились как правительственные офисы и резиденции чиновников или политиков. Когда цены на недвижимость стали резко расти, Фольки вложил накопленные деньги из лепты Петра в Sociйtй Gйnйrale Immobiliare, фирму-исполнитель, которая стала важнейшей строительной фирмой Рима. Пока папа символически оставался узником, Ватикан вкладывал деньги в компанию города-тюремщика. В 1885 г. Банк Рима приобрел контрольный пакет акций в автобусной и трамвайной службах города. Непогрешимость способна приносить доход.

Епископы-строители

Купаясь в реке пожертвований из дальних диоцезий, Ватикан наслаждался жизнью в 1880-х, а в это время бостонский семинарист Уильям О'Коннелл учился в Папском североамериканском колледже, семинарии, основанной *Pio Nono*. Джеймс О'Тул в книге «Воинственная и торжествующая», биографии О'Коннелла, пишет:

> Семинаристам… настойчиво прививали чувство *Romanita`* – «римскости», – так что у них создавалось интуитивное убеждение в том, что только папа и его административный аппарат олицетворяют собой католичество в его чистом виде. Некоторые выпускники «римского» заведения позже начинали смотреть на вещи шире, но большинство сохраняло консервативный взгляд и веру в централизацию. «Римский ум есть ум церкви и ум Христов», – писал позже Уильям О'Коннелл, глубоко усвоивший эту установку[124].

Родившийся в 1859 году в семье выходцев из Ирландии, где он был вторым ребенком из шестерых, Уильям вырос в Лоуэлле. Его отец трудился на текстильной фабрике. Дети из ирландских семей обычно вступают в брак поздно, находя себе пару среди ирландцев, и среди них существует сильная солидарность[125]. Четверо братьев Уильяма начали зарабатывать себе на жизнь простым ручным трудом, в то время как мальчик, служивший алтарником, отправился в Бостонский колледж, где получал медали за успеваемость и был приглашен произнести речь на торжестве в честь выпуска. При поддержке архиепископа Уильям О'Коннелл отправился в Рим, чтобы поступить в семинарию, и там оказался в Североамериканском колледже. Затем, став священником, он сделался ректором этого заведения.

В 1901 году в Риме О'Коннелла рукоположили в епископа, а в 1903 году, когда ему было сорок четыре, послали епископом в Портленд, штат Мейн. Это была маленькая диоцезия в лесистом регионе: 57 церквей, разделенных лесами, 100 священников на 97 тысяч католиков в штате с населением в 700 тысяч человек. Первый раз обращаясь к новой пастве, О'Коннелл объявил: «В том, что касается патриотизма, я американец, но также я римлянин в вере и любви к церкви – и таким всегда останусь»[126]. Исполнительный и немного строгий епископ О'Коннелл посещал церкви и следил за тем, как живут священники и приходы; если финансовые дела прихода были запутаны, епископ разбирался, в чем дело. Он ужасно боялся долгов и хотел стабильно вносить свой вклад в лепту Петра, которая свидетельствовала

о верности рассеянных по всему миру епископов Святейшему Отцу. На протяжении пяти лет его правления скромная диоцезия Мейна ежегодно собирала по $3000. В 1906 году его перевели в Бостон, где он стал помощником больного архиепископа; предполагалось, что со временем Рим сделает О'Коннелла его преемником.

Бостон, где католиков насчитывалось 850 тысяч, был огромным карьерным шагом вперед для О'Коннелла. Однако в Мейне новый епископ провел ревизию и нашел вопиющую недостачу. Значительная часть денег куда-то исчезла. В ярости Льюис Уолш написал архиепископу О'Коннеллу письмо с требованием возместить недостающее. В кратком ответном письме О'Коннелл не признавал себя в чем-либо виновным, но послал с ним чек на $25,576,09 тысячи, чтобы возместить пропажу. Уолш успокоился и засел заполнять бухгалтерские отчеты. Если слова греческого философа Гераклита о том, что характер есть судьба, справедливы, то что мы можем сказать об О'Коннелле? «Он привык не отделять самого себя лично от своей роли доверенного лица большой деятельной организации, которая существует помимо него», – пишет О'Тул. Этот дух, который можно выразить девизом «Церковь – это я», был свойственен и *Pio Nono*. За имиджем прозрачно чистого и боевого епископа скрывалась тенденция быть самому себе законом»[127]. В 1911 году он стал кардиналом.

Кардинал О'Коннелл был важнейшим деятелем из ряда новых прелатов, в основном американцев с ирландскими корнями, которые превращали Католическую церковь в мощный институт между Гражданской войной и всплеском рождаемости в 1950-х. Это были «епископы-строители»: Джон Хьюджс, Патрик Хейс и Френсис Спеллмен в Нью-Йорке, Деннис Догерти в Филадельфии, Джон Айрленд в Сент-Поле, Джеймс Макинтайр (бывший биржевой маклер) и Тимоти Меннинг в Лос-Анджелесе, Патрик Фихан и Джордж Манделейн в Чикаго, Ричард Кашинг, который стал преемником О'Коннелла в Бостоне. Этот список неполон. Епископы той эпохи строили инфраструктуру приходов и школ. Дома для сирот и госпитали создавали в основном ордена монахинь, которые также работали в приходских школах; мужские ордена, особенно иезуитов, доминиканцев, салезианцев, отцов Святого Креста и Христианских братьев, работали в средних школах и колледжах. Но именно решения епископов относительно финансов и недвижимости были основой богатства церкви, которое позволяло финансировать различные служения и школы и создавать инфраструктуру, которая определила характер американских католиков. В Чикаго архиепископ Фихаг побил все рекорды, открыв за срок своего двадцатидвухлетнего правления, завершившегося в 1902 году, 140 приходов[128].

Итак, О’Коннелл, при росте метр семьдесят с небольшим и весе более ста килограммов, погрузился в бостонскую жизнь, неся в себе римскую атмосферу возрождающейся церкви. Он был своим человеком среди аристократов, создающих общественное мнение, общался с политиками, посещал сановников и президентов. Он высказывал свои мнения о новых законах, критикуя как сухой закон, так и законы о детском труде (которые, как ему казалось, подрывали авторитет семьи). Умелый фандрайзер, он использовал в своих интересах щедрость ирландцев, достигших уровня среднего класса. О’Коннелл разъезжал по городу на лимузине, часто в сопровождении своих любимых пуделей. Он выстроил себе дворец в стиле Возрождения с двадцатью пятью комнатами в Брайтоне. Как первый кардинал в Бостоне, он исполнял свою роль князя церкви, чем снискал расположение людей, еще хранящих воспоминания о тяжелой нищете. Его престиж был их престижем. Раз в каждые семь лет он отправлялся в длительные европейские путешествия, во время которых он старался поддерживать связи с Ватиканом. Позже он стал проводить долгие зимние каникулы на Багамах.

Каждый священник из почти двух сотен церквей должен был спрашивать его разрешения на оплату расходов в сумме, превышающей $100, другими словами, любой ремонт приходского дома или школы нельзя было совершить без его одобрения. Священники представляли в его канцелярию ежегодные бухгалтерские отчеты для проверки. Со свойственной ему мудростью О’Коннелл тратил поступления своих важнейших приходов на местное благоустройство или благотворительность, чтобы показать мирянам, на что идут их пожертвования. Он купил католический еженедельник *The Pilot* и сделал его газетой своей архидиоцезии, которая публиковала его изображения (в начале ее редактором работал будущий кардинал Нью-Йорка Френсис Спеллмен). В течение своего первого десятилетия, когда он стал распоряжаться в Бостоне, О’Коннелл ежегодно высылал в Рим лепту Петра в размере $20 тысяч[129]. Он стал первым кардиналом в Бостоне (и вторым в Америке) и чем-то в своей теневой роли напоминал Антонелли, только ирландского происхождения и в США. Когда папы занимались и религией, и финансами, это вызывало недовольство, но «епископы-строители» поколения О’Коннелла, преодолевая сопротивление местных жителей, собирали деньги в больших количествах, чтобы создавать масштабную систему социальных и медицинских служб для бедных задолго до появления соответствующих федеральных программ, в рамках которых бедные получали социальное пособие или бесплатную медицинскую помощь.

О’Коннелл воплощал в себе такую форму управления, которая в равной степени отражала верность

как Риму, так и США. Подобно другим епископам-строителям, он понимал себя в ключе церкви Средневековья, где епископ был доброжелательным господином, а миряне относились к его подданным. Хотя католики мирно жили в плюралистическом обществе с его юридической системой, выборами и свободной прессой, О’Коннелл и епископы, как будто вышедшие из XII века, воплощали в себе средневековые представления о власти, и эти архаичные представления давали им жизнестойкость на протяжении долгих лет, а одновременно сыграли важнейшую роль в недавних сексуальных скандалах и финансовом кризисе.

Генеральная репетиция спектакля на данную тему состоялась в 1907 году, когда кардинал сделал своим секретарем отца Джеймса О’Коннелла, собственного племянника. Это отражало как солидарность ирландцев, так и приверженность Риму. В 1912-м отец Джеймс, уже ставший монсеньером, занял пост канцлера, то есть возглавил управление финансами. По словам Джона Куни, он «исполнял грязную работу для своего дяди»[130]. Племянник кардинала занимался банковскими счетами архидиоцезии, вел переписку со священниками и наблюдал за страхованием и за тем, куда архидиоцезия инвестирует деньги, – так молодой человек получил огромную власть.

Неизвестно, когда именно у Джеймса О’Коннелла возник роман с женой доктора Нью-Джерси, но 18 апреля 1913 года она быстро развелась с мужем в Южной Дакоте и на следующий день отправилась в Индиану, чтобы заключить брак с монсеньером в присутствии мирового судьи. Им обоим было по двадцать восемь лет. На протяжении семи с половиной лет О’Коннелл «вел странное раздвоенное существование в двух совершенно разных сферах жизни». Дома в Манхэттене на Восточной Тридцать шестой улице (он жил вместе с тещей) его называли Роем, оттуда он приезжал в Бостон, чтобы заниматься церковными делами. Детей у них не было, а жили они хорошо. Джеймс О’Тул пишет:

> Летом 1913 года они отправились в Европу, чтобы наконец провести там отложенный медовый месяц. По возвращении они указали в декларации, что сделали покупок на сумму $1600… Мистер Рой занимался спекуляцией с недвижимостью, и можно сказать почти наверняка, что для этого монсеньер О’Коннелл использовал присвоенные деньги церкви. Необходимость содержать семью в Нью-Йорке толкнула его на это преступление, в то время как доступность огромных денежных средств в Бостоне предоставила ему удобную возможность его совершить. Отец [Джон] Маллен позднее утверждал, что неизвестный бостонский банкир совершил хищение в размере трех четвертей миллиона долларов[131].

Но колесо судьбы пришло в движение под действием тайной жизни другого священника, отца Дэвида

Туни. Этот священник, редактор газеты *Pilot*, был близким другом Джеймса О'Коннелла – настолько близким, что он нанес визит чете Рой во время их европейского путешествия. Миссис Рой прекрасно знала, кем является ее муж. Когда Дэвид Туни влюбился во Флоренс Фоссу, подругу Роев, и вступил с ней в брак, он обманул свою невесту, сказав, что работает тайным агентом и потому часто пребывает в разъездах. Туни был исповедником кардинала О'Коннелла, то есть в буквальном смысле давал кардиналу отпущение грехов. Далее последовала сцена, достойная кинокомедии. Подозрительная Флоренс следила за Дэвидом и тайно последовала за ним в Бостон, где обнаружила не только то, что ее муж – священник, но и то, что он изменяет ей со своей секретаршей в редакции *The Pilot*! Разгневанная Флоренс повела себя безумно: она обратилась в полицию и затем предстала перед кардиналом, которому рассказала горькую правду об обоих священниках, называя монсеньера Джеймса «вонючим мерзавцем». Кардинал успокоил женщину, а потом пригласил в комнату юриста, работавшего на церковь.

Флоренс получила деньги в сумме $7500; сегодня мы бы назвали эту подачку «взяткой за молчание».

Что же случилось с Туни? На его голову опустился меч канонического права, он был запрещен в служении и отлучен от причастия. Флоренс от него навсегда избавилась[132].

Что же касается Джеймса, здесь добрый кардинал ничего не предпринимал, хотя слухи о злосчастной участи Туни циркулировали среди священников. Папский нунций в Вашингтоне встретился с Флоренс. Рим требовал увольнения канцлера. Так, по прошествии семи удивительных лет двойной жизни в ноябре 1920 года Джеймс О'Коннелл написал заявление, в котором просил «предоставить ему возможность отдохнуть от утомительных обязанностей»[133]. Он переехал в Нью-Йорк и жил там счастливо со своей женой. Никакие сведения об этом не просочились в прессу; суд никогда не обвинял племянника кардинала в присвоении денег. Однако епископы Новой Англии попросили изгнать монсеньора. Почему кардинал так снисходительно относится к безнравственному поведению своего племянника? Епископы Новой Англии вызвали О'Коннелла на частную встречу; поскольку он ни в чем не считал себя виноватым, это их еще больше разгорячило.

Епископ Уолш из Мейна приехал в Рим с письмом, подписанным другими епископами из соседних регионов, с требованием снять О'Коннелла с его поста. Уолш вручил это письмо папе Бенедикту XV вместе с пожертвованием от своей скромной диоцезии в размере $17 тысяч. Папа отнесся к привезенной новости очень серьезно, что вселило надежду в Уолша, и потому, возвращаясь на корабле в Америку, он полагал, что бостонский испорченный кардинал вскоре покинет свою кафедру.

Бенедикт XV прошел через ужасы Первой мировой войны и считал папство нравственной силой миротворчества, что радикальным образом отличалось от куда более узкого круга забот прежних пап. Его предшественник, Пий X, был решительным реакционером и преследовал передовых богословов, обвиняя их в туманной ереси под названием «модернизм» (как бы снова вызывая к жизни *Syllabus* папы Пия IX), в то же время при Пие X отношения с Италией стали менее напряженными, чему способствовала постоянная поддержка Банка Рима. Он смягчил прежние запреты Ватикана относительно участия католиков в парламентских выборах. Пий X оздоровил литургическую жизнь приходов, введя туда грегорианское пение и улучшив качество музыки. Он был единственным итальянским папой с начала XIX века, который вырос в крестьянской семье, и единственным (на момент, пока я пишу эти строки) понтификом за два последних столетия, признанным святым. Считалось, что он совершает чудесные исцеления. Он умер в 1914 году, через месяц после начала мировой войны. Его преемником стал кардинал Джакомо делла Кьеза, аристократ из Генуи, несший дипломатическую службу в Испании. Нового папу назвали Бенедиктом XV.

Этот папа приостановил охоту на модернистов и вместо этого, используя позицию нейтралитета Святейшего престола, призвал прекратить войну, подобную «омерзительной бойне»[134]. Франция, в которой служили двадцать пять тысяч священников, осуждала нейтралитет Ватикана; ей казалось, что это идет на пользу германской коалиции, использовавшей атаки подводных лодок. В 1916 году Бенедикт заявил, что торговля оружием «противоречит законам стран»[135]. Когда Бенедикт пытался внушить епископам Австро-Венгрии и Германии, что они должны стоять за мирные переговоры, он увидел, что денежные потоки через лепту Петра оскудевают. Все меньше епископов приезжало в Рим; папские аудиенции стали скромнее по количеству народа. Банк Рима нес потери, а это подрывало финансовые основы Святейшего престола.

Католики Америки во время войны собирали в качестве лепты Петра по $300 тысяч в год, что позволяло Бенедикту содержать госпитали и оказывать помощь жертвам бедствий; он давал дары порядка $20 тысяч. Кроме того, папа одалживал малые суммы Италии и мобилизовал две тысячи священников, которые стали санитарами. В августе 1917 г. Бенедикт опубликовал «Мирную ноту», в которой призвал воюющих приостановить «бесполезную резню» и вступить в переговоры, где содержался план разоружения в семи пунктах, включающий создание международного судебного органа. Разгневанные итальянские генералы требовали казнить папу. Немецкие сановники требовали вернуть свои доли

капиталовложений, когда Германия побеждала в битвах. 24 октября 1917 года войска Австро-Венгрии, поддерживаемые немцами, прорвали линию фронта Италии в Капоретто и начали яростное наступление. 300 тысяч человек погибло, мертвые израненные тела валялись в навозе и лежали кучами вдоль дорог, иногда под мертвыми лошадьми, трупы плыли по рекам. Около 600 тысяч мирных жителей спасались бегством от этого кошмара[136].

Один раненый солдат, вернувшийся на место издателя в газете, по имени Бенито Муссолини осмеивал «Его Святейшество папу Пилата XV». Муссолини писал, что стране нужен лидер с «нежным прикосновением художника и тяжелым кулаком воина… человек, который знает народ, любит народ и может направлять и гнуть его – применяя, если это нужно, насилие»[137]. Италия мобилизовала около миллиона промышленных рабочих, которые начали производить армейское снаряжение и подвижной состав. Когда германский альянс распался, Италию охватило чувство победы. Папа же стал зависеть от поддержки Америки. Содержание большой армии и флота отражалось на всей экономической жизни Италии.

Когда в 1919 году представители воюющих народов собрались для подписания Версальского договора, папа досадовал на то, что для него там не нашлось места. Президент Вудро Вильсон включил некоторые предложения папы, опубликованные в 1917 году, в свои Четырнадцать пунктов о мире, а позже посетил папу. Версальский договор оказался неудачным, потому что некоторые его пункты вели к глубокому разорению Германии; это больше походило на наказание побежденного, чем на условия для восстановления мира. Папа это понимал, но ничего не мог сделать. В своей энциклике Бенедикт размышлял о «полностью опустошенных огромных районах, необработанной и заброшенной земле… многочисленных вдовах и сиротах, лишившихся всего»[138].

В Италии бушевала инфляция, а фашисты Муссолини, применявшие террористические тактики для борьбы с католиками и левыми, набирали силу – именно в этот момент епископ Уолш из Мейна привез Бенедикту новости о кардинале О’Коннелле и его порочном племяннике.

Папы крайне редко снимают с постов князей церкви или даже обычных епископов. Искушение высокомерия – когда гордость оправдывается тем, что какие-то темные дела надо скрывать «для блага церкви», крайне сильно. Кроме того, Бенедикт в какой-то мере чувствовал, что у него связаны руки, поскольку, благодаря упрямству Пия IX, он все еще оставался ватиканским узником. В 1920 году, когда война уже унесла жизни 10 миллионов людей, Бенедикт в торжественной обстановке провозгласил Жанну

д’Арк святой. Он надеялся, это снизит уровень напряженности в отношениях между французскими монархистами и современными католиками, которых привлекала идея «свободной церкви в свободном государстве». На торжество по поводу канонизации прибыло около восьмидесяти официальных лиц из Франции. На этом фоне инцидент с бостонским кардиналом был для Святейшего Отца малозначительным событием.

Вскоре Бенедикт дал свой ответ: епископы США должны прийти к единому мнению о вине кардинала до того, как в дело вмешается Ватикан. Папа, недавно видевший ужасы войны, тем самым предложил князьям церкви и епископам, которые снабжали его финансами, самим решать, хотят ли *они* устраивать нечто вроде судебного процесса. Злоупотребления, о которых ему рассказали по секрету, не стали достоянием публики. О грехах племянника кардинала молчали газеты. Наказать кардинала О’Коннелла не значило обнародовать эти факты, напротив: важнее всего прочего для церкви было избежать скандала. Но *какие-то* причины решения нужно представить публике. Кроме того, снять с поста князя церкви означало найти ему какую-то должность в Ватикане, чтобы он мог сохранить свое лицо. Вот что имел в виду папа: если уж придется пойти на эту редко применяемую меру и наказать князя церкви, надо делать это как можно деликатнее и незаметнее.

Рассчитывал ли Бенедикт, перепоручая это дело епископам, на то, что они на этом утихомирятся? По логике апостольского преемства епископы считали себя наследниками апостолов Иисуса. Кого из них можно сравнить с Иудой? В 1921 году О’Коннелл внес лепту Петра в виде колоссальной суммы в $60 тысяч. Его похороны в 1944 году стали событием государственной важности, когда 25 тысяч собравшихся заполнили собор Св. Креста, а еще 10 тысяч стояло на улице[139].

Опасения тех епископов, которые думали, что непогрешимость погубит церковь, не оправдались. Папу бурно осуждали, но это продолжалось недолго, а тем временем епископы создавали диоцезии от периода восстановления до эпохи экономического бума 1920-х. Американская конституция, провозгласившая свободу для всех церквей вместо превосходства одной из них, сделала свободными иммигрантов из других народов в выборе способа поклонения Богу, вместо того чтобы вести войну за выживание под присмотром духовенства или далекого папы. Столь ненавистная для Пия IX демократия дала новую жизнь церкви в Америке. В Италии, Франции и Испании в начале XX века количество посещавших мессы сокращалось, поскольку здесь стали популярны решительные антиклерикалы, в то время как в США в церкви, основу которой составляли рабочие, еженедельная посещаемость месс составляла 75 процентов.

Когда папа выпустил энциклику *Rerum Novarum*, американские священники и многие епископы начали поддерживать профсоюзы.

В 1916 году только что поставленный архиепископ Чикаго Джордж Манделейн послал Бенедикту в качестве лепты Петра $62 тысячи[140]. Манделейн создал собственную банковскую систему, с помощью которой священники могли строить или расширять церкви, школы и приходские помещения. Ни один приход не имел права влезать в долги, превышающие $200 тысяч, любые строительные проекты должен был утвердить канцлер. Манделейн выпускал ценные бумаги с гарантиями церкви. Наметанным глазом банкира он находил избыточные средства в приходах и облегчил процедуру предоставления займов от богатых приходов бедным. Биограф архиепископа Эдвард Кантович отмечает, что «Манделейн относился к большинству священников как к невежам в мире финансов»[141]. Став кардиналом, он сделал архидиоцезию финансовым центром. Под его управлением церковь в Чикаго росла, и размер его дани, посылаемой в качестве лепты Петра, в 1920-е годы уже измерялся шестизначными цифрами. Но в ту эпоху в Америке рекордное пожертвование было сделано в 1921 году – в год назревавшего в Бостоне скандала, когда О’Коннелл послал папе $60 тысяч, – тогда филадельфийский архиепископ Деннис Догерти, став третьим американским кардиналом, послал в качестве лепты Петра невероятную сумму – $1 миллион. После потрясений Первой мировой войны Бенедикт крайне нуждался в деньгах[142].

Филадельфия, подобно Бостону, была городом ирландцев, которые здесь составляли четверть населения, однако лучше вписывались в общую жизнь и жили благополучнее, что отмечает в журнале *American Catholic* Чарльз Моррис, автор статей о финансах. До Гражданской войны процент католиков в обоих городах был примерно одинаков (около 20 %), однако в Филадельфии ирландцы владели 18 процентами лавочек и магазинов, тогда как в Бостоне этот показатель составлял всего лишь один процент[143]. В Филадельфии с ее бурным строительством ирландцы процветали; так, предприниматель по фамилии Рафферти создал 35 приходских касс взаимопомощи с фондом не менее $15 миллионов. Католики Филадельфии: рабочие и средний класс, живущие в достаточно хороших районах и имеющие стабильный заработок, вместе с отдельными более богатыми людьми – с горячим энтузиазмом встретили своего нового архиепископа Денниса Догерти. Уроженец Скрантона, Догерти учился в Риме, где его поставили епископом, чтобы отправить на Филиппины, затем служил в Буффало, и наконец, зимним днем 1918 года сошел с поезда в Филадельфии, оказавшись среди свиты из 150 священников. Когда он направлялся к собору, его приветствовала толпа из 150 тысяч католиков. «Румяный и улыбающийся, он

ехал в открытом лимузине, рев моторов мотоциклов и семидесяти пяти автомобилей смешивался с музыкой пятидесяти духовых оркестров, – пишет Моррис. – Пожилые женщины постоянно прорывали полицейское оцепление и подбегали к нему, чтобы поцеловать его перстень». Не только католики, но и другие влиятельные люди в количестве четырехсот человек, «включая нового губернатора, генерального прокурора штата, мэра, а также важнейших пасторов и раввинов… пожаловали на великий торжественный прием, состоявшийся в тот вечер»[144].

Сегодня подобные торжества никто уже не устраивает. Кризис, вызванный сексуальными скандалами, и требования финансовой прозрачности лишили американских иерархов нравственного престижа, благодаря которому архиепископ может вступать в благодарный город подобно великому герою. Но в те времена Манделейн, О'Коннелл, Спеллмен и другие епископы-строители часто появлялись на городских площадях, символизируя собой торжествующую церковь. При Догерти его архидиоцезия стала одним из крупнейших землевладельцев в Пенсильвании. Кардинал скупал земли соседних районов, пока еще не начался процесс переселения состоятельных людей в пригороды, в надежде в будущем открыть здесь приходы, и сдавал в аренду приобретенные участки «бывшим владельцам, пока не был готов сам их использовать – это была долговременная стратегия серьезного дельца, обладавшего большим запасом наличных денег». Догерти предвидел, что в этих местах начнется строительство, а затем владельцам домов понадобится церковь: и тогда стоит ее построить, и появятся прихожане. Догерти сам занимался строительством, продавая земли будущим приходам, которые поддерживала архидиоцезия, и избавляясь от излишней собственности за самые лучшие цены, какие могут предложить на рынке. Наполовину в шутку, наполовину всерьез Догерти называл себя Божьим каменщиком. Его по праву можно было бы назвать и Божьим банкиром. Чарльз Моррис говорит, что он был «в некоторым смысле магнатом» в сфере недвижимости. Когда он умер в 1951 году, архидиоцезия, свободная от долгов, обладала активами, справедливая рыночная стоимость которых составляла сумму «порядка нескольких сот миллионов»[145].

Поддержка приходов со стороны американцев из этнических меньшинств демонстрировала, что люди ценят царственный дух Рима и красоту богослужения, которое из года в год остается одним и тем же. Церковь с ее эстетикой была духовным маяком для людей, она возвышала их, позволяя забыть о трудностях и напряженности повседневной жизни. Все большее число прихожан переходило в средний класс, и в те времена присвоение клириками, вроде племянника бостонского кардинала, церковных денег и сексуальные преступления священников казались причудливыми извращениями, которые следует

держать в секрете «для блага церкви». Филадельфия при Догерти, Чикаго при Манделейне, Бостон при О’Коннелле вместе с большими диоцезиями в Калифорнии, на Северо-Востоке и Среднем Западе свидетельствовали о торжестве католичества.

Дьявольская сделка с фашизмом

Либеральная Италия избавила евреев от гнета *Pio Nono*. При Бенедикте XV, отмечает Дэвид Кертцер, «из прессы, связанной с папой, быстро исчезла антисемитская пропаганда»[146]. Оказавшийся первым папой в период мировой войны, Бенедикт владел весьма скромными территориями; он тихо, через посредников, вел переговоры о решении финансовых вопросов с Италией относительно утраченных территорий, в то время как Италия скептически относилась к его призывам начать переговоры о мире, обращенным к Великобритании и Франции. После войны Бенедикт еще яснее продемонстрировал всемирную задачу церкви, разослав миссионеров в бедные страны. Он видел, что в Италии набирают силы социалисты и коммунисты, так что верующие опасались гонений на церковь, подобных тем, что осуществлял в России коммунистический режим Ленина. В Италии папа оказывал негласную поддержку профсоюзам и объединениям крестьян, которые были опорой для политического движения католиков. Папу по-прежнему занимали деньги или их отсутствие. В 1919 году он послал в США своих людей, чтобы те договорились о займе в $1 миллион. Для епископов это было слишком трудной задачей, но Рыцари Колумба смогли собрать $250 тысяч и вручили эту сумму во время роскошной церемонии, когда, украшенные рыцарскими регалиями, они получили причастие из рук Верховного понтифика во Дворце апостолов.

В 1920 году, когда папа по-прежнему еле сводил концы с концами, харизматик и священник Луиджи Стурцо, ставший на выборах мэром Сицилии, пробудил к жизни движение, носившее название Народная партия Италии, которое также называли Католической партией. На волне всплеска ее популярности партия Стурцо набрала 1,1 миллиона голосов и стала пятой в палате депутатов, а также второй по численности партией Италии, родившейся почти мгновенно. Блестящий организатор Стурцо стоял за земельную реформу и права рабочих. Легендарный корреспондент газеты *Chicago Tribune* Джордж Селдс был изумлен пацифизмом Стурцо и его преданностью папе[147]. Среди церквей и католических групп все популярнее становилась идея насилия, и Бенедикт стремился сделать Италию безопасной страной. Война значительно подняла его престиж, в двадцати семи странах были созданы посольства Святейшего Престола.

В 1921 году Бенедикт послал 5 миллионов лир голодающим в России, а Муссолини и тридцать пять фашистов заняли места в палате депутатов. Муссолини (который называл священников «черными

микробами») видел в церкви своего главного противника и использовал терроризм, чтобы обеспечить себе политическую основу. «Его *squadristi* совершали налеты на города и деревни, где они жгли, грабили и убивали, – писал Селдс. – Их жертвами всегда становились католики и социалисты»[148]. Премьер-министр, который тайно помогал фашистам покупать оружие, послал к Бенедикту своих людей, чтобы заручиться поддержкой Стурцо при формировании нового правительства. Папа не хотел непосредственно влиять на выборы. Он знал, что фашисты нападают на католиков, которые хранят сбережения и займы в Банке Рима и многих маленьких банках, обслуживающих преимущественно католиков, и нападают на невинных людей, желая нанести удар по церкви. Папа выискивал средства, чтобы поддержать католические газеты, оставшиеся без денег. Но он воздерживался от открытой поддержки партии Стурцо. Многие епископы отошли от Католической партии, на которую нападали фашисты. Несмотря на желание придерживаться миротворческой риторики, Бенедикт не участвовал в делах Католической партии, что объясняется длительной политической изоляцией папства. Но когда тебе предлагают выбор между плюрализмом и фашизмом, почему бы *не* попробовать заявить о своей позиции? В 1920-х годах независимые католические партии предложили демократическую альтернативу фашизму и нацизму.

Пока его головорезы безнаказанно убивали людей, Муссолини осудил большевизм и выступил за земельную реформу. В январе 1922 года, когда Стурцо вел свою партию средним путем, Бенедикт, «папа миссий», скончался в возрасте 67 лет от пневмонии после гриппа. Он был одним из величайших пап в истории. Собравшийся в феврале конклав избрал папой Акилле Ратти, бывшего архивиста Ватикана, карьеру которого определил Бенедикт, пославший его нунцием в Польшу, а затем сделавший кардиналом Милана. В Кракове Ратти узнал о том, как большевики начали бороться с церковью. В 1921 году в Болонье во время торжества в честь победы Италии в Первой мировой войне он позволил фашистам повесить свое знамя в соборе. Несмотря на то, что он начал свою карьеру в окружении книг, одиннадцатый папа из всех, носивших имя Пий, был склонен к авторитаризму и скептически относился к идее «свободной церкви в свободном государстве». Пий XI хотел видеть себя господином, окруженным поддержкой сплоченных католиков, и на этом фоне демократия была делом второстепенным. Кроме того он решил положить конец тупиковым отношениям пап с Италией.

«Миф – это вера, это страсть, – говорил Муссолини. – Наш миф есть величие нашей нации»[149]. В 1922 году вместе со своей дурно обмундированной армией Муссолини с маршем вступил в Рим. Это была демонстрация той силы, которую итальянские генералы давно могли бы остановить до того, как она

почувствовала свою победу, однако в политически фрагментированной Италии Муссолини с его воинственным духом был способен многого достичь. Италия была значительно беднее, чем Франция или Великобритания, и в стране происходили беспорядки: в сентябре 1920 года 400 тысяч рабочих-машиностроителей заняли фабрики[150]. Общество жаждало порядка, централизации, стабильности, чтобы можно было жить благополучно. В 1922 году Муссолини заявил членам парламента: «Насилие – это отвратительная необходимость, нас вынуждают его применять. Мы готовы сложить оружие, если и вы также к этому готовы»[151].

Подобно змее, сбрасывающей кожу, став премьер-министром, выскочка Муссолини забыл о своем диком антиклерикализме. Он назначал стипендии приходским священникам, призывал восстановить уроки религии в государственных школах и повесить в каждой классной комнате по распятию. Муссолини крестил троих своих детей, рожденных вне законного брака, и повенчался с их матерью. Либеральная Италия ставила такие условия, на которые до войны не согласился бы ни один иерарх, тогда как фашистская власть понимала, что имеет дело с католической страной, и думала использовать это для своих целей. В 1923 году Муссолини, чтобы договориться с папой, тайно встретился с кардиналом Пьетро Гаспарри, секретарем Ватикана, и через него передал: если Его Святейшество порвет с Католической партией, дуче вложит государственные средства в бедствующий и ставший ненадежным Банк Рима, где хранились вложения Ватикана. Пий XI велел отцу Стурцо выйти из Католической партии. Стурцо отошел от политики, а позднее перебрался в США.

Когда фашисты убили лидера Социалистической партии реформ, Католическая партия в знак протеста вышла из парламента, так что правительство Муссолини оказалось в критической ситуации. В тот самый момент, когда вокруг Католической партии мог бы образоваться антифашистский альянс, Пий XI осудил любое сотрудничество католиков с левыми. Папа поставил знак равенства между гонениями Ленина на церковь в России и хотя бы демократической формой социализма в Италии. Хотя католические партии Италии и Германии стремились объединить усилия с умеренными левыми против фашистских правых, Пий желал, чтобы церковь стала абсолютным центром жизни для католиков. Политики, коалиции, солидарность людей, желающих дать отпор политическим гангстерам, – все это не касалось папы. Можно вообразить себе радость Муссолини: *сам папа сражался против католических врагов дуче*. Пий понимал, что фашизм плох, но думал, что он представляет собой меньшее из зол, поскольку сторонники Муссолини постоянно говорили, что хотят восстановить высокое положение церкви в обществе. Пий, отчужденный от

политических интересов простых людей, не мог понять, что плюрализм представляет для католиков преимущества по сравнению с диктатом дуче. Когда партия Стурцо распалась, католические профсоюзы и группы крестьян стали более уязвимыми. Семьдесят четыре маленьких банка, которые обслуживали католиков, свернули свою деятельность. Убийства продолжались.

Муссолини включил в руководство Банка Рима фашистских офицеров и стал оказывать ему поддержку, что способствовало стабилизации финансового положения Ватикана. Дуче добился поддержки Уолл-стрит и администрации Хувера, которые помогли ему справиться с послевоенными долгами Италии. В госдепартаменте считали, что Муссолини «хотя бы наш парень», единодушно закрывая глаза на убийства, совершаемые фашистами. Король Георг V вручил дуче в Риме медаль. Подобное циничное отношение к правам человека было характерно для американской и английской политики на протяжении многих поколений. Высланный Муссолини Джордж Селдс опубликовал в 1935 году книгу «Опилочный цезарь» – пророческую биографию дуче.

Пий XI в своем стремлении добиться единства в церкви не стеснялся использовать власть. Раздраженный ретроградными монархистами Франции, создавшими группу под названием Французское действие, Пий отлучил от церкви их предводителя (в числе прочего высказывавшего антисемитские взгляды) и его последователей. Он вызвал к себе главу французской семинарии в Риме и велел ему уволить ректора, симпатизировавшего монархистам. «Да, Святейший Отец, – ответил старый священник. – Я посмотрю, что здесь можно сделать». Взяв себя за бороду, папа пробурчал: «Я ведь сказал: «*Уволить его!*»[152].

Папа с таким изменчивым характером должен был чувствовать нечто унизительное в том, что он зависел от американских денег. В 1928 году кардинал Манделейн договорился с архидиоцезией Чикаго о займе для Святейшего Престола в размере $300 тысяч. Молодой бостонский монсеньор Френсис Спеллмен занимал весьма скромный пост в Риме (он надзирал за строительством спортивных площадок Рыцарями Колумба), что позволяло ему водить дружбу с богатыми американцами, проводящими лето в Вечном городе. Спеллмен принимал участие в передаче денежных даров сановникам Ватикана вплоть до самого папы. «Святейший Отец просил меня о трех автомобилях», – записал Спеллмен в своем дневнике 8 февраля 1929 года[153]. Но те дни, когда папы могли выпрашивать для себя лимузины, подходили к концу.

Кардинал Гаспарри встречался с Муссолини в резиденции последнего на протяжении нескольких лет, где они договаривались о тех или иных вещах. 11 февраля 1929 года Гаспарри в качестве заместителя

папы во время непродолжительной церемонии подписал вместе с премьер-министром Муссолини Латеранский пакт. Ватикан превращался в суверенное нейтральное государство, владевшее четырнадцатью церквами и другой собственностью в Риме. Италия признавала католичество своей официальной религией. Святейший Престол распоряжается назначением епископов. В качестве компенсации за утраченные части Рима и Папской области Италия выплачивает Ватикану денежную сумму, эквивалентную $92 миллионам. Ватикан согласился реинвестировать около 60 процентов этих средств в государственные ценные бумаги.

«Италию возвратили Богу, а Бога – Италии», – восторженно писала ватиканская газета *L'Osservatore Romano*. Пий был рад тому, что в Италии Муссолини одержал победу над коммунизмом. Но Латеранский пакт был сделкой с дьяволом во всех смыслах. Муссолини все крепче держал Италию в своих руках, пользуясь уважением на международной арене, а одновременно финансируя своего противника, которого превозносили во всем мире. Муссолини приобрел крайнюю популярность среди католиков, особенно там, где он в том особо нуждался, – в северной Италии. Пий говорил, что Муссолини был «посланником провидения»[154]. Как будто прислушиваясь к советам покойного *Pio Nono*, папа подписал смертный приговор Католической партии, но со временем он со всевозраставшим ужасом наблюдал, как фашизм строит свой собственный символ веры. «Подобно христианскому, идеал фашизма находится в непрерывном становлении», – заявил секретарь партии[155]. Этот фашист сравнивал яркие знамена, марши и торжественные факельные шествия с «религией, своей самостоятельной верой в государство с его верховным поклонением… которому все следует приносить в жертву». В 1931 году Муссолини забрал руководство бойскаутами у приходов, чтобы передать его фашистам, сказав: «Вы должны принадлежать нам». В энциклике Пий назвал фашизм «языческим поклонением государству»[156].

Он был абсолютно прав, но в тот момент находился в ловушке, которую сам себе создал.

Гаспарри вышел на пенсию в 1930 году. На протяжении нескольких последующих лет Пий через государственного секретаря Эудженио Пачелли старался договориться с другими странами Европы, чтобы те защищали право папы ставить епископов, оказывали государственную поддержку духовенству, выплачивая ему зарплату, и поддерживали принцип автономии Католического действия. Пий XI видел в этом движении мирян, поддерживаемых епископами и духовенством, крестовый поход армии христиан против безнравственности популярной культуры. «Одной из наших задач, – писал Питер Годмен о Католическом действии, – было вновь завоевать приверженность и симпатии рабочего класса, который мы

потеряли из-за коммунизма»[157]. Но хотя Пий XI хотел, чтобы церковь поддерживала социальную сплоченность, он отвернулся от политических программ партии в тот момент, когда плюрализм оставался последним убежищем от сапога фашизма. Когда кардинал Пачелли, опытный дипломат, ставший впоследствии папой, подписал в 1933 году конкордат с Германией, это обескуражило центристскую Католическую партию. Беседуя с британским послом, Пачелли грустно шутил, говоря, что нацисты, «вероятно, не будут нарушать все пункты этого конкордата одновременно»[158].

После продолжительного периода отчуждения от либеральной Италии Ватикан сделался финансовым партнером Италии фашистской. Пий приступил к осуществлению крупного строительного проекта после десятилетий, в которые инфраструктуры Ватикана плохо содержались и мало развивались, что истощало силы слабой экономики Рима. Он сделал важный шаг – нанял Бернардино Ногара, чтобы тот распоряжался огромными средствами. Папа Ратти, как итальянцы называли Пия, родился в Милане, центре индустрии и моды. Миланцы презрительно относились к жителям Рима, в которых они видели ленивых и неумелых бюрократов – “*Roma ladrona*”, Рим большой вор. Пий пригласил группу миланцев распоряжаться деньгами, среди них был его собственный брат, граф, который стал ключевой фигурой управления гражданскими делами Ватикана. Там же был и Ногара, обладавший прекрасной родословной. До войны он работал инженером в Великобритании и Болгарии в сфере добычи полезных ископаемых, затем отправился в Стамбул в качестве вице-президента Итальянского коммерческого банка, а затем служил в экономическом совете конференции 1919 года, составлявшей Версальский договор. Ногара прекрасно разбирался в международном денежном обращении, а кроме того, был верным католиком и хранил у изголовья кровати томик «Божественной комедии». Он был в хороших отношениях с семьей Ратти, двое из его братьев были ректорами семинарий, а сестра – настоятельницей монастыря, еще один из братьев заведовал Ватиканским музеем. Когда Пий XI предложил 59-летнему Ногаре заняться только что созданной Специальной администрацией, которая должна была распоряжаться неожиданно свалившимися после Латеранского договора $92 миллионами, из которых $39,7 отходило к Ватикану (остальные $52,4 миллиона были вложены в пятипроцентные государственные облигации), Ногара, как рассказывали, поставил свое условие: на его действия не должны влиять доктринальные или религиозные соображения, но он будет вкладывать эти деньги туда, куда сочтет нужным. Пий на это согласился[159].

Ногара покупал акции и ценные бумаги, занимался обменом валюты, приобретал золото, и это обеспечивало заметный доход Святейшему Престолу в то время, когда всемирный финансовый кризис

терзал Италию. Муссолини создал Институт индустриальной реконструкции (ИИР), который выпускал облигации (обеспеченные банками, страхованием и ипотечными компаниями), с помощью которых государство могло контролировать ключевые производства. Ногара стал консультантом ИИР и вкладывал деньги Ватикана в надежные бумаги.

Беседуя с группой посетителей из Бельгии 6 сентября 1938 года, Пий XI почти со слезами сказал: «Когда бы мне ни приходилось читать слова «жертва отца нашего Авраама», это всегда меня глубоко трогает. Обратите внимание: мы называем Авраама нашим патриархом, нашим предком. Антисемитизм невозможно примирить с этой возвышенной мыслью, с той достойной вещью, которую эта молитва выражает… Антисемитизм недопустим. В духовном смысле все мы – семиты». Отец Стурцо, изгнанный вождь запрещенной Католической партии, позаботился о том, чтобы эти слова папы были опубликованы в бельгийской газете[160].

Однако такая позиция Пия XI не повлияла на коллективное сознание католиков. Ватикан не публиковал эти его слова. В Курии сторонники фашистов работали бок о бок со священниками более широких взглядов. Антисемитизм был проклятием клерикальной культуры, которая отражалась на содержании католических журналов США и Европы, включая *Commonweal* и *America*, в 1930-х[161]. Многие епископы, поддерживавшие «Новый курс», хранили молчание относительно Муссолини или нападок на евреев Чарльза Каухлина, популярного «радиосвященника» из Детройта, пока его карьера не завершилась.

Когда Муссолини стал соратником Гитлера, Ногара начал вкладывать деньги в промышленные предприятия США, ценные бумаги и, после перемещения ватиканского золота на $7,6 миллиона из Лондона, в Федеральную резервную систему[162]. Италия вместе с Германией готовилась воевать. Пий XI презрительно относился к «варварскому гитлеризму» и «мифу о расе и крови». Когда в 1939 году он скончался, Муссолини сказал: «Наконец-то этот упрямый старик мертв»[163]. Когда в 1945 году закончилась война, партизаны-антифашисты поймали Муссолини вместе с его любовницей, казнили их и повесили их тела вверх ногами в Милане.

Кардинал Пачелли стал Пием XII. Эудженио Пачелли был сыном ватиканского юриста и финансового консультанта пап Пия IX и Льва XIII. Он был связан долголетней дружбой с одним выдающимся врачом Рима, евреем, в доме которого, будучи юношей, он не раз участвовал в трапезе шаббата. В 1916, будучи молодым монсеньором, он писал черновик заявления Бенедикта XV в поддержку польских евреев[164].

Оказавшийся понтификом на осадном положении во время Второй мировой войны, Пий XII отдавал указания священникам, монахиням и нунциям (в частности, Анджело Ронкалли, который тогда находился в Стамбуле, а позднее стал папой Иоанном XXIII) помочь евреям избежать депортации в нацистские лагеря смерти. Если он не произнес публичного осуждения Гитлера и нацизма, это объясняется «недостатками самого папства и доминирующей культурой католичества» – такой вывод делает Джон Корнвелл в своей книге с провокационным названием «Понтифик Гитлера»[165]. Позже, в издании в мягкой обложке, Корнвелл отказался от некоторых своих критических суждений; тем не менее, его книга показывает, насколько спорными для историков и еврейских деятелей являются вопросы об антисемитизме Ватикана и самой крупной европейской церкви и о том, можно ли было остановить холокост. Дискуссии на эту тему повлияли на отношения католиков и иудеев, так что даже было отложено решение поднятого вопроса о канонизации Пия[166]. Тем не менее в 1940 году Альберт Эйнштейн прославлял его как защитника евреев, а после его смерти о нем хорошо отзывалась Голда Меир, тогдашний премьер-министр Израиля. На протяжении тринадцати послевоенных лет на международной арене Пий оставался символом мира. Что бы мы ни думали о молчании Пия XII относительно Гитлера и нацизма в военные годы, две мировые войны превратили пап в миротворцев, а во времена Иоанна Павла II они также стали защитниками прав человека. Кульминационным моментом этой перемены стало выступление Павла VI перед Генеральной Ассамблеей ООН в 1965 году, когда папа, воздев руки, воскликнул: «Да не будет новой войны! Да не будет войны никогда!»[167] Как сильно изменились папы с тех пор, как *Pio Nono* жаловался британскому послу на то, что ему не позволяют казнить ни одного бунтовщика в Папской области.

За то столетие, когда совершилась такая трансформация, изменилась и финансовая система Ватикана: из религиозной монархии, пытавшейся вернуть себе утраченные владения – Рим и Папскую область, – она превратилась в надежную экономику Святейшего Престола, опиравшуюся на лепту св. Петра и приносившую доходы от вложения капитала в инфраструктуру города Рима даже в те десятилетия, когда папы формально оставались ватиканскими узниками. Разумеется, ни итальянцы, ни какие-либо другие верующие Америки не стали бы возражать против такого использования этих средств, если бы они даже о том знали, поскольку они вовсе не хотели видеть своего папу в лохмотьях. Благодаря компенсации, выплаченной Муссолини, Бернардино Ногара создал странную форму религиозного капитализма, вкладывая деньги в экономику Рима, в золото и иностранные рынки. В 1942 году Пий XII создал Банк

Ватикана.

3

Начало бунта

Нельзя сказать, что Питера Борре терзала проблема бедности, однако он верил, что должен исполнять свой христианский долг. В результате строительства жилья для малообеспеченных вдоль Мистик-Ривер вырос самый крупный в Новой Англии район бедноты. Борре видел, что священник прихода Св. Екатерины Сиенской отец Боб Боуэрс не просто «завлекает» беднейшее население в церковь, но делает для него гораздо больше. Он включил в богослужение гимны на испанском. Роуз Пайпер восхищалась Бобом Боуэрсом, священником с молодым лицом и седыми волосами, который говорил о достоинстве человека и искренне стремился принять в приход выходцев из Доминиканской республики и Пуэрто-Рико. Борре нравилась энергичность, с которой действовал отец Боб, сделавший из запустевшего прихода место, в котором кипела жизнь.

Приход Св. Екатерины Сиенской располагался в начале улицы Банкир-Хилл. Поднявшись по холму, на котором располагался Чарльзтаун, можно было увидеть церковь Св. Марии – здание в стиле Тюдоров, расположенное за площадью с остроконечным обелиском, устремленным в небо. Стоило пройти еще несколько кварталов, и ты попадал к церкви Св. Франциска Сальского, где помещался наиболее изолированный из трех приходов, глубоко пропитанный ирландским духом.

Боуэрс организовал раздачу еды голодным и курсы изучения английского, который на добровольной основе преподавал доктор еврейского происхождения. Многие неквалифицированные рабочие, ходившие на эти курсы, не имели бумаг о гражданстве. «Он строит хорошую церковь», – говорила себе Роуз. Она понимала, что ее еженедельное пожертвование в $10 помогает Боуэрсу управлять этим живым приходом. Думая о судьбе отца Боуэрса через тридцать лет, весной 2003 года Роуз выписала чек на $100 для пенсионного фонда священнослужителей.

Борре полагал, что после выплат на урегулирование 552 жертвам сексуальных злоупотреблений со стороны священников, чем занимались отважные юристы, денежные запасы церкви оскудеют, так что новому архиепископу придется долго восстанавливать положение. Он считал Боуэрса несколько сентиментальным либералом, но в то же время ценил его работу в приходе и понимал, что этот священник вкладывает все свои силы в общую жизнь.

Боуэрс, теплый и общительный пастырь с открытым умом, черпал вдохновение в радикальном свидетельстве Католического рабочего движения Дороти Дей, члены которого жили в лачугах бездомных и при благотворительных столовых. Он с симпатией относился к латиноамериканской теологии освобождения и принимал участие в помощи жертвам чернобыльской катастрофы в Советском Союзе. Боуэрс видел в Иисусе миротворца и считал, что мир есть живая движущая сила надежды.

Боб Боуэрс родился в 1960 году в семье юриста и вырос в Бостоне, у него было трое старших братьев, благодаря которым он уже имел восьмерых племянников и племянниц. Окончив в 1982 году Бостонский колледж и получив степень бакалавра гуманитарных наук, Боуэрс поступил в семинарию Св. Иоанна в Брайтоне, которой заведовала архидиоцезия. Став священником, он получал назначения в достаточно спокойные приходы, где, за исключением одного случая, его хорошо принимали. До св. Екатерины Сиенской он служил в Милтоне в десяти километрах от Бостона.

Кардинал Лоу дал Боуэрсу новое назначение два дня спустя после теракта 11 сентября 2001. Утомленный сухими богослужениями в Милтоне, священник входил в канцелярию при блеске множества телеэкранов. На них самолеты врезались в башни, из которых вырывались клубы дыма и огня.

Седоволосый и толстый Лоу, которому тогда было шестьдесят девять, с улыбкой поднялся из-за стола. Боуэрс чувствовал, что он слишком молод, чтобы звать кардинала «Берни», как то делали его коллеги постарше, и решил воспользоваться обращением «Ваше высокопреосвященство». Лоу был важным человеком в Бостоне, который близко знал многих политиков, банкиров и генеральных директоров компаний. Но многие священники замечали, что он хранил эмоциональную дистанцию, был погружен в себя; многие объясняли это тем, что он рос единственным ребенком, который во многих ситуациях чувствовал себя центром мироздания. В 1985 году, когда Лоу решили сделать кардиналом, несколько сот жителей Бостона отправились в Рим. На торжественном приеме во дворе Североамериканского колледжа Лоу заявил: «Мы живем в самый яркий момент существования церкви после Реформации»[168].

Отчасти яркость момента заключалась в том, что Лоу стал членом Конгрегации епископов в Риме: так он стал участвовать в назначении новых американских иерархов. Префект Конгрегации епископов кардинал Джованни Баттиста Ре встречался с папой Иоанном Павлом II еженедельно по субботам, он видел, что папа уважает Лоу, и вел себя подобающим образом[169]. Лоу, ставивший епископов, ежемесячно посещал Рим. По вечерам в Бостоне он обходил больницы, навещая пациентов, и не жалел времени на беседы с капелланами. В целом Лоу неплохо относился к своим священникам, хотя он казался холодным и надменным. На конференции духовенства, посвященной каноническому праву, Лоу прервал одного из докладчиков и заявил: «Отец, пока я в этой архидиоцезии, я есть канон»[170].

В прошлый раз Боуэрс встречался с Лоу в 1996 году, когда молодой священник просил перевести его в другое место: он делил приходской дом с пастырем-алкоголиком, что делало всю его жизнь невозможной. Лоу послал его в Милтон, где ему отлично жилось. Но Боуэрс не мог забыть о священнике-пьянице. Он

написал статью для *National Catholic Reporter* о своих злоключениях.

> Я хочу поделиться с вами пережитым. Какие-то люди не знают, как и зачем заниматься пастырской работой. Они предпочитают титулы и внешнее обличье, относительно которых никому не нужно давать отчета. Я знал таких людей. Мы даже были коллегами. Я надеялся на сотрудничество. Я полагал, что мы будем поддерживать друг друга. Я не думал, что мы лучше прочих. Но я не ожидал, что ко мне будут относиться хуже, чем к прочим.
>
> Если вы не священник и никогда им не были, вам трудно будет понять, о чем я говорю. Я и сам это с трудом понимаю. Я глубоко разочарован. Я считал, что священники следуют за Иисусом и совершают ошибки. Я не знал, что ошибкой была сама мысль о том, что все священники следуют за Иисусом. Иные священники следуют за властью. И они рождают разочарование.
>
> Не слишком ли сурово я сужу? Моему сердцу от этого и смешно, и грустно. Священники, которые не делятся, не умеют делиться любовью. Это деспотичные пастыри, которые знают, что их слово – закон. Это гнилые установления, которые отталкивают людей – отталкивают от Евхаристии, от власти, от возможности участвовать в управлении и вносить свой вклад. Они не слушают ничего, кроме слов отрицания. Им не нужно слушать.
>
> Возможно, эти люди чего-то боятся или сильно ранены. Но я их перестал оправдывать.
>
> Это не сетования на «кризис призвания». Дело не в тяжелой работе и ее трудных задачах. Мы не жалуемся на целибат и особый путь с точки зрения пола, ни на те роли, которые играют в церкви мужчины и женщины. Все эти вещи лишь усугубляют уже существующий невыносимый опыт разочарования. Мы просто хотим выжить[171].

Кардинал Лоу послал Боуэрсу письмо с требованием объяснить, почему тот написал эту статью. Боуэрс был готов дать объяснения, и Лоу вызвал его к себе. Три кузины Боуэрса были монахинями, а двое двоюродных дедушек – священниками. Он рассказал Лоу, как разительно его жизнь со священником-пьяницей отличалась от того, чему его учили в семинарии, – напившийся пастырь однажды почти на него нападал. Он говорил о своих разногласиях с некоторыми старыми священнослужителями, преисполненными самодовольства. Лоу слушал. Когда Боуэрс закончил, Лоу сказал: «Я тебя рукоположил и готов сделать это снова». Вопрос был исчерпан. Лоу сказал то, что хотел сказать: отец, больше не нужно писать о проблемах.

Боуэрс уходил из канцелярии с двойственными чувствами.

Лоу, свободно говоривший по-испански, был защитником цветных иммигрантов, поселившихся в Бостоне. Он родился в Мексике в семье офицера ВВС США и много раз переезжал со своими родителями. Берни Лоу был выбран президентом в средней школе на Виргинских островах, где большинство среди учеников составляли черные, затем учился в Гарварде, по окончании которого поступил в семинарию. Будучи молодым священником в штате Миссисипи в 1960-х, он стоял в первых рядах среди борцов за гражданские права, а затем в диоцезии Джексона его сделали монсеньором, поскольку он занял правильную позицию в истории. Какое-то время он поработал на Конференции епископов в Вашингтоне, а затем был поставлен епископом и несколько лет возглавлял небольшую диоцезию в Миссури. В 1984 году папа Иоанн Павел II сделал его архиепископом Бостона – региона, где было около 144 городов и селений и примерно 2 миллиона католиков. Лоу заявил, что его архидиоцезия покроет расходы на материнство или поможет усыновить любого нежеланного ребенка. В 1985 году он стал кардиналом, после чего уже немногие люди называли его «Берни». Он предпочитал обращение «Ваше Высокопреосвященство».

Его бескомпромиссное осуждение абортов и гомосексуализма не способствовало его популярности среди либералов. Однако он укрепил связи с иудейскими лидерами и публично защищал бедняков, независимо от их гражданства. Консервативные католики возмутились тем, что он дал причастие сенаторам Теду Кеннеди и Джону Керри, которые были сторонниками абортов. Кардинал поддержал конгрессмена Джо Кеннеди, желавшего аннулировать брак, чтобы оставаться добрым католиком после второй свадьбы. Этот процесс десять лет рассматривался в судах Ватикана, а затем конгрессмену было отказано, после того как первая его жена, Шейла Роч Кеннеди, подала свою грамотно составленную апелляцию. Она вспоминала об этом процессе в своих мемуарах 1997 года, носящих название «Пошатнувшаяся вера». После того как Ватикан признал ее позицию справедливой, она назвала этот процесс «крайне нечестным». «Подобные суды, – писала она, – в Америке используют всё, что угодно, будь то неудачный день, смерть твоей золотой рыбки или то, что двадцать лет назад, вступая в брак, ты был не в себе. И тех, кто пытается защищать брак, обычно женщин, на таких судах не слишком слушают»[172].

В своих проповедях Лоу растягивал гласные, что придавало ему серьезности. Его манеры общения были обворожительными. Однако в 1992 году он показал свою другую сторону – свою авторитарность, – когда он набросился на СМИ в связи с освещением в них истории Джеймса Портера, бывшего

священника, чьи преступления дорого обошлись диоцезии Фолл-Ривер, когда Портер попал в тюрьму. Потеряв самообладание, что случалось с ним крайне редко, Лоу заявил: «Мы передаем средства массовой информации, особенно *Globe*, силе Божией»[173]. Но можно было заметить, что внутренне он не вполне уверен в себе. В 1998 году Лоу согласился позировать художнице Ченнинг Тиме, которая готовила выставку «Лица Бостона». Тиме, не принадлежащая к Католической церкви, с естественным любопытством отнеслась к кардиналу; они добродушно беседовали на протяжении двух сеансов, пока он сидел в определенной позе. Затем художница показала ему готовый рисунок, и Лоу он понравился. «Что самое трудное в вашей работе?» – спросила она его.

«Суд – решения, которые я должен принимать», – ответил он. И затем, как бы предчувствуя мрачные будущие времена, добавил: «Но это только половина дела. Другая половина – тот суд, пред которым я сам однажды предстану»[174].

Дым из развалин башен-близнецов все еще подымался над Манхэттеном, когда Боб Боуэрс снова беседовал с кардиналом. Он сказал, что ему *нравится* приход в Милтоне, где он прослужил уже почти шесть лет. Лоу сказал, что в Чарльзтауне приход Св. Екатерины борется за свое выживание. Боуэрс все время служил в приходах для средних классов и богатых людей, но он мечтал служить бедным в духе Дороти Дей. Лоу тихо закрывал по несколько церквей в год там, где из-за перемен оставалось слишком мало людей, так что приход не мог свести концы с концами. «Спасите школу», – сказал ему кардинал.

– Приход идет ко дну?

– Этот приход никогда не будет закрыт, – заявил Лоу.

Кардинал вручил священнику ключи и конверт. Так Боуэрс получил свое новое назначение. Ни слова не было сказано о финансовом состоянии прихода и о том, что он должен отчислять диоцезии от своих сборов. Если приход не платил вовремя, у долгов могли нарастать проценты. Лоу простил долги нескольким бедным приходам. Боуэрс не думал о финансах. Он был полон решимости заняться первоочередными делами – стабилизировать приход и спасти школу.

Св. Екатерина Сиенская – это самый бедный из трех приходов, расположенных на территории в три квадратные мили; в других приходах большинство составляли белые. Боуэрс поселился в трехэтажном приходском доме, где было 28 комнат (включая все необходимое для пяти спален); этот дом напоминал о былых временах благополучных священников, а сейчас использовался лишь отчасти. Монахини, которые некогда бесплатно преподавали, исчезли, в школе осталось около 120 учащихся, большинство из них

белые. Изучив ситуацию, Боуэрс узнал, что около семидесяти пяти детей из прихода ходят в приходскую школу за пределами Чарльзтауна. Семьи иммигрантов из Доминиканской республики и Пуэрто-Рико, составлявшие треть его прихода, были слишком бедны, чтобы платить за обучение, однако из-за ее репутации школа отталкивала белое население.

В этой церкви сменилось несколько священников. «Одного арестовали за то, что он избил домработницу в прошлом приходе, – вспоминал Боуэрс. – Другой был таким глубоким интровертом, что не мог даже разжечь огонь. Мне досталось гиблое место, – и с улыбкой добавлял: – Именно о таком я мечтал». На воскресные службы приходили самые разные люди. Около трети из них были старыми ирландцами, предки которых жили здесь много поколений, еще треть говорила по-испански и в основном состояла из бедняков, кроме того, там были зажиточные люди, такие как Питер Борре, жившие на перестроенной верфи.

Мир пошатнулся 6 января 2002 года, в день Богоявления, когда группа расследования *Globe*, возглавляемая Уолтером В. Робинсоном, начала публиковать материалы о том, как Лоу и подчиненные ему епископы на протяжении последних шестнадцати лет перемещали священников, совершивших сексуальные преступления против детей. Эти статьи были как гром среди ясного неба для Боуэрса и пастырей Бостона и его окрестностей, которые, как и миряне, кипели негодованием против Лоу и его подручных.

Многие священники были этим подавлены; после каждой новой публикации они все больше испытывали стыд, становясь перед алтарем. Лоу приносил публичные извинения. Но адвокаты пострадавших вместе с *Globe* копали все глубже, так что в СМИ имя кардинала Лоу стали связывать с жертвами преступлений. Подобно воинам на холме в «Макбете», жертвы выходили вперед и призывали Лоу к ответу.

Один из пострадавших, Артур Остин, ежедневно приходил к собору и стоял около него, как еврей у Стены Плача, так что он стал сенсацией для СМИ, которые задавали вопросы о том, не скрывают ли епископы и каких-то еще священников. 4 марта Лоу попал на обложку журнала *Newsweek* с подзаголовком «80 священников Бостона обвиняются в сексуальных преступлениях против детей – новая охота на души в Америке». В эти холодные дни Артур Остин, стоявший у собора Св. Креста, говорил: «Я чувствовал себя Сизифом – меня наказывали не за плохое поведение, но за то, что я говорил правду»[175].

Католический мир Бостона переживал смертные муки. Во время мессы отец Боуэрс замечал, что язык

тела прихожан передает тревогу, а их каменные лица показывают, что они чувствуют себя преданными. В начале одной воскресной проповеди он сказал, что *ему* нужно послушать *их*. И люди заговорили: они выражали ярость против кардинала и епископов, которые посылают преступников в новые места, где у них будут новые жертвы. «Это *мерзавец* Бернард Лоу!» – воскликнул один мужчина. Окружающие сказали: «*Тс-сс*!» Но Боуэрс его не останавливал.

В СМИ заговорили об отставке Лоу, кардинал был в замешательстве.

В конце апреля Лоу отправился в Рим встретиться с папой Иоанном Павлом и семерыми другими кардиналами США, поскольку скандал уже упоминался в заголовках газет всего мира. Множество журналистов собралось в Ватикане. Боуэрс следил за событиями с помощью *Globe* и теленовостей.

Иоанн Павел страдал от паркинсонизма. Его лицо было отечным, тело скрюченным, он плохо говорил – когда-то он был крепким папой с харизматическим даром, а сейчас как бы воплощал в себе слабость и изолированность структур управления церкви. Дрожащим голосом он зачитал статью в газете и сказал, что эти сексуальные преступления – «вопиющий грех в глазах Божиих». Но он здесь же стал оправдывать епископов, заговорив о «нехватке общих знаний, а также порой неверных советах специалистов по клинической психологии, из-за чего епископы принимали неверные решения», – *во всем виноваты специалисты*. Церковь стремится «найти более надежные критерии», продолжал он, а пока им не следует забывать о «силе христианского обращения… о радикальном решении оставить грех и повернуться к Богу» – выразив этими словами надежду на исправление некоторых священников, совершивших сексуальные преступления.

Папа не понял сути дела, решил Питер Борре, наблюдавший за этим по телевизору.

Он думал о том, есть ли у кого-то план действий.

«Люди должны знать, что среди священников и монашествующих нет места тем, кто причиняет вред юным людям», – заявил Иоанн Павел.

Но как это сочетается со словами о «силе христианского обращения»[176]? Будут ли педерасты лишены сана? Как суды Ватикана намерены в данном случае осуществлять справедливость?

Кардиналы в критическом положении

Живущие в ином мире, чем Боуэрс и бесчисленные священники Бостона, кардиналы и члены Курии, близкие к папе, удалились для проведения тайного совещания. О Лоу говорить перестали. Борре качал головой. *Если Лоу не удастся оправдаться перед Ватиканом, с ним все кончено.* Вся эта история напоминала ему Уотергейтский скандал.

23 апреля 2002 года на дневном закрытом собрании в Дворце Апостолов под роскошными фресками Болонской залы Лоу приносил извинения папе с его внутренним кругом и своим собратьям кардиналам. До этого газета *Los Angeles Times* приводила слова анонимного кардинала о том, что Лоу должен подать прошение об отставке. Репортер Ларри Стеммер смог поговорить с Рожером Махони, кардиналом Лос-Анджелеса, после чего интересующиеся сделали вывод, что этот высокий долговязый иерарх, который служил мессу на похоронах Френка Синатры, убедив его ранее исповедаться, не признает Лоу достойным оставаться в рядах князей церкви[177].

Кардинал Дарио Кастрилльон Ойос выразил иное мнение. Этот уроженец Колумбии, замечательный лингвист, излучающий доверие, спал на постели папы Пия XII[178]. Кастрилльон был префектом Конгрегации по делам духовенства и носил в себе классический латинский дух авторитаризма – был религиозной версией *caudillo*, диктатора. Он проклинал СМИ за их антикатолические выпады. На пресс-конференции за несколько недель до встречи кардиналов Кастрилльон изумил журналистов, заявив, что данный кризис коренится в «пансексуализме и сексуальной распущенности», которыми пропитана американская культура[179].

В 1992 году отец Роберт Трупия, которого обвинили в сексуальных преступлениях относительно подростков, вступил в борьбу с епископом Таксона. Специалист по каноническому праву, Трупия подал прошение в Конгрегацию духовенства, где он утверждал, что расследование под руководством епископа Мануэля Морено основывалось на предвзятом мнении епископа. Трупия написал Морено письмо, в котором он говорил, что уже «не отвечает за себя», и грозил рассказать публике о том, что он вступал в половую связь с покойным епископом и что они двое вместе с третьим священником совершали половой акт с тинейджером-наркоманом. Трупия, которому тогда было сорок два года, просил в обмен на свое молчание отправить его на пенсию с хорошей характеристикой. Морено предложил ему лечь в

психиатрический госпиталь. Предшественник Кастрилльона смягчил приказ епископа, предоставив священнику оплачиваемый отпуск. Трупия обратился в Апостольскую сигнатуру, ватиканский аналог Верховного суда. Морено нанял церковного адвоката в Риме, чтобы тот защищал его позицию. Новый префект Конгрегации духовенства (сам специалист по каноническому праву) показал свою власть, обратившись 13 декабря 1996 года с письмом к Морено, где он потребовал «найти «разумное решение» для этой проблемы»[180].

> Мы *настоятельно призываем* Ваше Преосвященство начать осмысленные переговоры с монсеньором Трупией о предложенных им условиях решения проблемы. При этом мы также рекомендуем Вашему Преосвященству… чтобы требование о возмещении убытков не предъявлялось снова в будущем в результате каких-либо новых решений.

Морено написал Кастрилльону: «Как мы полагаем [позиция Трупии], наносит ущерб верующим, а также его «жертвам» прошлого… мы не можем предоставить монсеньору Трупии «свободу», поскольку не знаем, будет ли он относиться к священству с должным уважением и верностью». 31 октября 1997 года Кастрилльон пишет ответ: «Касательно ущерба, нанесенного незаконным указом, Конгрегация считает, что за это несет ответственность Ваше Преосвященство со 2 июня 1996 и далее. Предпочтительнее было бы… разрешить эту проблему беспристрастно», – эти слова подразумевают, что Морено должен сделать так, чтобы Трупия вышел на пенсию с хорошей характеристикой. Кастрилльон также выразил желание, чтобы Морено оплатил расходы Трупии на судебный процесс и посоветовал использовать его как консультанта по вопросам канонического права! Ответное письмо к Кастрилльону епископа Морено отражает понятное чувство разочарования:

> «На прошлой неделе я поставил Конгрегацию в известность о том, что мы подали судебный иск относительно действий монсеньора Трупии в середине 1970-х относительно алтарника, тогда несовершеннолетнего. Речь здесь идет о вполне серьезном, а не воображаемом риске.
>
> Я нахожусь в недоумении относительно указаний Конгрегации о компенсации ущерба. Я выплачивал монсеньору Трупии заработную плату в полном объеме и оплачивал страховку машины, о чем Конгрегации хорошо известно. Мне не сообщили никаких подробностей, так что я даже не смогу оправдываться в случае обвинения в причиненном ущербе.
>
> Монсеньор Трупия покинул свой пост и не имеет права туда возвращаться.

Я с глубоким уважением отношусь к деятельности Конгрегации по делам духовенства, тем не менее, для решения этого вопроса я был вынужден обратиться в Сигнатуру».

«Когда я увидел эти документы, – вспоминает адвокат из Таксона Лайн Кедиган, который вел дела нескольких жертв Трупии, – я подумал: *это же просто золотая жила*! Знаю, это звучит ужасно, но здесь в тесных рамках клерикального мира Морено изо всех сил пытался предотвратить скандал, а Кастрилльон продемонстрировал всю глубину испорченности»[181]. Трупия покинул Таксон с условием, что он будет ежемесячно получать чек на $1475, и нашел себе жилье в окрестностях Вашингтона. Он стал консультантом по каноническому праву диоцезии Монтерея в Калифорнии – пока жизнь ему не отравил судебный иск в Аризоне. Потрясая письмом Кастрилльона как пресловутым дымящимся ружьем, Кедиган потребовал от Трупии выплатить $14 миллионов компенсации его жертвам. Когда наконец Ватикан в 2004 году лишил Трупию сана, диоцезия Таксона, сославшись на 11-ю главу Кодекса, попросила о защите от банкротства на фоне исков тридцати трех других жертв сексуальных преступлений, по большей части совершенных другим священником. В итоге диоцезия выплатила нужную сумму в $22 миллиона[182].

В день встречи по неотложному делу в Ватикане в 2002 году кардиналы, вероятнее всего, не знали о том, как Кастрилльон потерпел фиаско в деле Трупии (статья Майкла Резендея о Трупии в *Boston Globe* вышла несколько месяцев спустя). Но итальянцы, собранные на совещании, понимали, что американцы несут большие финансовые потери. Пока кардиналы обсуждали вопрос о том, что они поведают внешнему миру после совещания, Кастрилльон коснулся реальной темы: надо выразить свое *несогласие*. Он вместе с генуэзским архиепископом Тарчизио Бертоне – бывшим специалистом по каноническому праву Конгрегации Доктрины Веры при кардинале Йозефе Ратцингере – настаивал на том, что надлежит сделать заявление о «сомнительных поступках пастырей». Священники, не придерживающиеся учения церкви, способствовали созданию атмосферы вседозволенности среди священства. Эти люди даже не задумались о мотивации епископов, покрывающих педофилов.

Еще один член Курии поддержал Кастрилльона и Бертоне: это был кардинал Джеймс Френсис Стеффорд, бывший архиепископ Детройта. Он хотел включить в пресс-коммюнике по поводу кризиса упоминание об энциклике 1968 года о контроле рождаемости[183] – послушание учению пап стоит превыше всего. Но по международным новостным каналам показывали больного папу с дрожащим голосом, который ничего не говорил о внутренней культуре сексуальных отклонений или о том, что он возглавит соответствующее расследование. Кардиналы и архиепископы Ватикана умыли руки, переложив

всю вину на низшее духовенство. Иоанн Павел, который был столь великой нравственной силой в борьбе с диктаторами и Советским Союзом, не хотел разбираться со случаями сексуальных преступлений священников в 1990-х, когда он был еще здоров. Он не поставил вопрос о том, почему культура целибата так спокойно смотрит на злодеяния, наносящие серьезный вред детям, и не спросил кардиналов, что они предлагают с этим делать, если не считать их публичных извинений.

В римской Курии преобладали итальянцы. Они смотрели на окружающий мир через прессу, описывающую положение дел Ватикана – читая *Corriere della Sera, Il Giornal*, еженедельник *L'Espresso, La Repubblica* и другие газеты и журналы. Но система законов Италии не способствовала хирургическим расследованиям, которые могли делать юристы в Америке, Ирландии, Канаде и Австралии, где соблюдались принципы британского общего права. Когда судьи отдали епископам распоряжение открыть папки с делами обвиняемых священников для адвокатов их жертв, в англоязычных СМИ появилось море сообщений о тайной сексуальной жизни духовенства. В то же время в распоряжении итальянских журналистов было крайне мало документов, так что они могли знать лишь о редких подобных случаях. Курия и кардиналы полагали, что настоящий «скандал» был порождением странных законов Америки и СМИ, враждебно относящихся к католикам.

Кардинал Йозеф Ратцингер не делился с журналистами своими мыслями о встрече кардиналов в 2002 году, как это делали другие ее участники. Он, единственный из всех кардиналов Курии, думал о необходимых мерах по решению кризиса. Когда американские епископы ранее пытались исправить положение, они сталкивались с препятствиями. В 1989 году американские епископы через канонистов попросили у Ватикана разрешения лишать сана священников, вина которых в серьезных преступлениях против детей и подростков доказана. Правом дать это разрешение обладал только папа. Иоанн Павел ответил отказом. Ранее он был кардиналом в Польше и знал, что коммунистическая полиция прослушивала телефоны священников, чтобы потом их шантажировать. Польская церковь противостояла режиму. Он видел в священстве героическую силу сопротивления, осаждаемую противниками, и это помешало ему, когда он стал папой, обратить внимание на криминальную сексуальную субкультуру среди духовенства. В то же время канонисты Ватикана видели в просьбе американских епископов вмешательство в сферу их компетенции.

«В Америке Конференция епископов пользуется *машиной* для расторжения браков, – сказал мне выдающийся знаток канонического права, пожелавший остаться анонимным, в Риме солнечным днем осени 2002 года. – Это постоянно критикуют в Риме ответчики на процессах аннуляции брака…

Подобный опыт ведения дел с американскими епископами вызвал сопротивление, когда встал вопрос об особых действиях относительно педофилов. *Мы видим, как вы обращаетесь с аннуляцией браков. Как вы будете поступать в случае педофилии?*» Этому священнику вопрос казался кристально ясным. «В 1989 году, – продолжал он, – Святейший Престол хотел сказать: у вас есть для этого предписания закона. *Используйте их!*»[184] Он имел в виду следующее: епископы должны устраивать закрытые канонические суды над преступниками, чтобы затем послать их результаты в Ватикан для принятия окончательного решения. Церковных юристов отпугивала мысль ведения официального церковного суда, который затем должен ждать годы, чтобы получить разрешение лишить преступника сана.

Епископы также хотели, чтобы установленный канонами пятилетний срок давности в случае сексуальных преступлений против детей был продлен, чтобы они могли изгонять преступников. «Лишь после шести лет обсуждений этого вопроса – в 1994 году – Рим согласился продлить срок давности для американских епископов до десяти лет с того дня, как жертве преступления исполнится восемнадцать», – пишет Николас П. Кефарди, специалист по каноническому праву[185]. Если бы в 1989 году Иоанн Павел дал положительный ответ на просьбу епископов и *если бы они пользовались полученным правом*, лишая преступников сана, а не отправляя их на лечение, скандал не имел бы такого масштаба и церковь не понесла бы таких великих потерь. Вместо этого на протяжении двенадцати лет епископы рассылали папки с материалами на самых злостных преступников по различным службам и конгрегациям в Риме, таким как конгрегации по делам Духовенства и Доктрины веры, в канцелярию, занимающуюся религиозными орденами, в Секретариат Ватикана и Апостольскую Сигнатуру, то есть Верховный суд. Большинство подобных материалов в 1980-х и 1990-х годах поступало из англоязычных стран. При этом «епископы, которые желали наказать и выгнать виновных священников, не могли ничего сделать из-за бесконечных бюрократических и канонических процедур, в которых применялись вступавшие в противоречие один с другим законы и существовала неясность относительно того, в чьей компетенции находится решение вопроса», – писали позже Лори Гудстейн и Дэвид Холбфингер в *New York Times*[186]. Эта система порождала комические ситуации вроде той, когда Кастрилльон искал работу для педофила Трупии в сфере канонического права. В апреле 2000 года епископы англоязычных стран встретились с бюрократами Ватикана, умоляя их о помощи. В 2001 году Иоанн Павел подписал документ, в составлении которого участвовал Йозеф Ратцингер, в котором говорилось, что ответственность за решения в этой взрывоопасной сфере лежит исключительно на Ватикане[187].

Следует добавить, что ни один из кардиналов не завидовал Ратцингеру, когда ему досталось решение этого вопроса.

Ратцингер был префектом Конгрегации Доктрины Веры – которая ранее называлась Священной Палатой инквизиции. Хотя она была переименована в 1965 году, на величественном рыжеватом палаццо, стоящем за колоннадой слева от Св. Петра, все еще красовалась надпись Sant'Uffizio (Священная палата). В этом здании в 1633 году Галилея обвинили в ереси, поскольку он учил, что Земля вращается вокруг Солнца. Чаще всего Конгрегация занималась делами богословов, отклонявшихся от ортодоксии. После выхода соответствующего указа в 2001 году на протяжении последующих девяти лет здесь разбирались три тысячи дел о священниках, обвиняемых в сексуальных преступлениях против детей и подростков[188]. Финансовые результаты этих дел фиксировала Конгрегация по делам Духовенства, расположенная в величественном бледно-желтом четырехэтажном здании примерно в пятистах метрах от Священной палаты, если пересечь площадь Св. Петра.

В декабре 2001 года, когда папский документ подтвердил полномочия Ратцингера в этих делах[189], была установлена предельная сумма в $5 миллионов для продажи собственности епископами. Епископ мог самостоятельно заниматься продажей собственности на меньшую сумму. В июне 2002 года, когда наихудший скандал в истории современного католицизма был в самом разгаре, епископы собрались в Далласе для проведения своей ежегодной конференции, а их преследовало семьсот репортеров. В новостях постоянно писали о публичных протестах жертв священников и о том, как епископы устроили голосование о мерах по защите детей и подростков. Куда незаметнее был другой шаг: епископы проголосовали за то, чтобы поднять предельную сумму ликвидации активов в больших архидиоцезиях до $10,3 миллиона без необходимости спрашивать разрешения у Рима. В Америке около двух десятков священников, отбывших тюремное наказание, вернулись к своему служению. Конференция католических епископов США наняла R. F. Binder Partners Inc., манхэттенскую компанию, которая занималась пиаром и предупреждением ущерба, чтобы та помогла им существовать в условиях яростных нападений СМИ после первых четырех месяцев 2002 года.

В том же 2002 году в Ватикане кардиналы обсуждали меры по преодолению кризиса, и Ратцингер предложил устроить день молитвы за жертв священников. Это был жест доброй воли, но американские кардиналы переживали столкновение с суровой реальностью. Въедливые адвокаты по гражданским искам нашли судебные повестки и получили доступ к материалам о духовенстве, в частности к записям

специалистов, занимавшихся терапией со священниками, совершившими преступления, и пытались понять, как много епископы обо всем этом знали. Получить доступ к подобным документам в судах Италии или Испании было куда сложнее. Чем ужаснее были открывшиеся сведения, тем больше денег (и престижа) теряла церковь.

На второй день встречи кардиналов американцы ожидали выражения солидарности от своих коллег из других стран. Однако, когда вечером 23 апреля завершилось последнее заседание во Дворце Апостолов, у собравшихся не было единого мнения о *причинах кризиса*.

Как в 1921 году американские епископы отказались вынести осуждение бостонскому кардиналу О'Коннеллу в связи с тайным браком и финансовыми преступлениями его племянника, так в 2002 году иерархи избегали говорить о бедственном положении кардинала Лоу. Его Высокопреосвященство принес свои официальные извинения в начале встречи. Епископы не видели нужды кого-либо здесь наказывать и перешли к более насущным вопросам. Заключенные в своей маленькой вавилонской башне прелаты и князья церкви опаздывали на встречу с прессой. Кастрилльон и Бертоне набрасывали итальянский черновик коммюнике, по рукам собравшихся ходили три версии английского текста – им надо было ясно выразить слишком много мыслей. Когда вечером наконец начался брифинг, вашингтонский кардинал Теодор Мак-Каррик, который всегда уверенно держал себя с журналистами, запнулся, отвечая на вопрос, почему в документе нет ни слова о мирянах: «Сейчас, дайте поискать… мы об этом сегодня писали». Знаменитый автор Дэвид Гибсон написал о прихожанах, которые в течение пяти месяцев с тревогой могли видеть поражение и позор своей церкви: «Ни слова не было сказано об их горе, их гневе или о том, как в будущем они могли бы участвовать в предотвращении подобных скандалов»[190].

В ответ на самый тяжелый для Католической церкви кризис со времен Реформации иерархи ответили прославлением целибата как «Божьего дара». Кардиналы и архиепископы призвали пастырей «давать отпор тем, кто порождает раздоры». Ватикан проинспектирует семинарии США. Епископы посвятят один день молитве за жертвы преступлений и постараются исключить «печально известных» священников из числа духовенства. Многие из них уже готовятся отбывать тюремные сроки.

«*Где же Лоу?*» – спросил один журналист. «*Или он прячется от нас?*» – добавил другой. «Это не так, – ответил официальный ведущий брифинга архиепископ Уилтон Грегори, президент Конференции епископов США. – Но я не могу вам сказать, почему его нет здесь»[191].

Лоу вылетел в Бостон, чтобы уладить вопрос с жертвами Джона Гехана, в надежде хотя бы отчасти

спасти свою репутацию, ради которой он трудился в течение четырех десятилетий и которую он потерял за четыре месяца.

В пригороде Уэллсли, где живут состоятельные люди, возникла группа «Голос верных», к которой быстро присоединилось несколько тысяч членов. Члены группы желали оказывать поддержку жертвам сексуальных преступлений, напоминать священникам о честности и требовать перемен от иерархов. Финансовые вопросы вызывали сильные эмоции. Джо Финн, дипломированный бухгалтер, долгое время работавший в проектах архидиоцезии, беспокоился о средствах прихожан, которые пойдут на компенсации жертвам. Операционный бюджет архидиоцезии составлял $18 миллионов, из которых $14 миллионов поступали в ответ на традиционную ежегодную просьбу кардинала о пожертвованиях. «Ситуация на грани катастрофы, – заявил Финн членам «Голоса верных». – Они уже сокращают все расходы как безумные… Задумайтесь! Это пятьсот случаев. *Пятьсот!* Бостон будет буквально бороться за выживание»[192].

Финн посоветовался с одним канонистом, чтобы передать его мнение богатым жителям Бостона, которые входили в финансовый совет Лоу. Эти люди, когда их о том просил кардинал, брались за телефоны и могли собрать значительную сумму. Канонист сказал, что они в состоянии наложить вето на урегулирование, и добавил: «Парни, в вашей власти сказать кардиналу «нет». Именно так и поступил финансовый совет на очередной встрече с Лоу, и тогда юридические переговоры зашли в тупик. Разгневанный адвокат жертв Митчелл Гарабедьян обвинил своего коллегу Уилсона Роджерса в том, что он обманул жертвы преступлений. Тем временем кардинал Лоу был в растерянности: он не мог уладить юридические проблемы и *жить дальше*.

Когда в июне того года епископы собрались в Далласе, юридические проблемы в Бостоне все еще не были решены. Команда из компании Binder, занимавшаяся подачей информации, помогла Конференции епископов изобразить спектакль, в котором за кризисом следовало его преодоление. В зале заседали епископы, в это время журналисты сидели в большом холле и смотрели видеофильм, в котором четыре жертвы священников дрожащими голосами рассказывали епископам о том, что с ними произошло. После этого епископы с мрачными лицами приступили к голосованию и приняли постановление о защите детей и подростков. Они заявили, что изгонят любого священника, если тот совершил хотя бы одно нарушение в прошлом, они не готовы терпеть ничего подобного – это попало в новостные заголовки по всему миру и должно было затруднить работу сотрудников Священной Палаты, руководимых Ратцингером, которые

решали вопросы о судьбе провинившихся духовных лиц. Епископы согласились создать консультационный совет, который будет разбирать жалобы на священников. Ватикан уже дал понять, что комиссии мирян не вправе судить епископов и кардиналов. Правосудие для священников не таково, как для епископов, – во втором случае оно мягче.

Была создана Национальная комиссия по защите прав детей и подростков, куда вошли двенадцать известных мирян и которую возглавил уходящий в отставку губернатор Оклахомы Фрэнк Китинг (бывший прокурор). Комиссия должна была устраивать слушания и публиковать отчеты. Епископы наняли Колледж криминальной юстиции имени Джона Джея, чтобы тот собирал данные о правонарушителях, жертвах и юридических расходах церкви. Епископы все еще оставались в центре внимания СМИ, но завоевали доверие, поскольку принесли извинения, устроили голосование и создали план решения проблемы.

В Бостоне любопытные стремились оценить активы церкви. Газета *Boston Herald* сообщила, что «церковь владеет собственностью, которая не используется, в виде земли и зданий на сумму около $160 миллионов». Джек Салливен и Эрик Конвей утверждали, что эти активы – лишь «часть всей собственности архидиоцезии, которую можно оценить в $14 миллиардов». Архидиоцезия, «богатая землей и бедная наличными», имеет все преимущества на оживленном рынке недвижимости жилищного строительства.

> В соседнем Бруклине архидиоцезия закрыла две церкви, включая храм Св. Айдана, в котором крестили убитого президента Джона Кеннеди и где он служил алтарником. Храм и приходской дом стоимостью в $2,8802 миллиона будут превращены в жилье, включая девять жилищ высшего класса и несколько более скромных.
>
> В Бруклине на Западной Роксбери Парквей бывшая церковь Младенца Иисуса, некогда объединенная с церковью Св. Лаврентия, вместе с приходскими домом с четырьмя спальнями не используется и будет превращена в элитное жилье. Стоимость комплекса оценивается в $1,5124 миллиона… В Ньюбэри застройщики горячо желают приобрести здание церкви стоимостью в $3,34 миллиона[193].

Разгневанный отец Боуэрс, не забывший о том, как Лоу советовал ему не писать статей, рассказал репортеру *Globe* о «чувстве омерзения и что нас предали». «Я не думаю, – продолжал он, – что кто-либо из нас понимает, какую роль здесь играла церковь, что это было: нежелание принять реальность или

некомпетентность. Я думаю, жюри еще это не выяснило»[194]. Группа расследования из *Globe* неделями изучала материалы на священников, прежде чем опубликовала свой первый отчет. По мере появления дальнейших публикаций, постепенно открывавших ужасную картину, в публике росло возмущение против церкви. Боуэрс понимал, что иерархия образует круг своих людей, старых знакомых, которые помогают друг другу. И священники не безгрешны. Но как можно было переводить на новые места преступников вроде Пола Шенли (который одобрял «любовь к мальчикам» – и об этом знало его начальство)? Это уже было недоступно пониманию Боуэрса.

Сидя на церковной скамье рядом со своей тещей, Питер Борре наблюдал за отцом Боуэрсом, как тот пытается найти подход к разгневанным прихожанам. Кроме того, Борре мучило любопытство. Как, думал он, «богатая землей» церковь распоряжается своим имуществом?

Боуэрс видел, что многие священники обескуражены скандалом и его влиянием на ту церковь, которую они помогали строить. Он обращался к пастырю соседнего прихода св. Франциска Сальского отцу Дэну Махони с просьбой, чтобы тот направлял детей школьного возраста в Св. Екатерину, но из этого ничего не вышло. Махони был на поколение старше Боуэрса и думал только о своем приходе. Боуэрс собрал у себя серьезных добровольцев, преимущественно женщин. Один местный житель, который некогда отсидел срок из-за наркотиков и уже семнадцать лет к ним не прикасался, вел ежедневные встречи Анонимных алкоголиков. Несмотря на возмущение своих прихожан, Боуэрс стабилизировал финансовое положение прихода, хотя он ничего не перечислял архидиоцезии.

В это время Лоу тоже пытался свести концы с концами. Обычно, когда архидиоцезии не хватало денег, она брала кредит у Банка Флит: летом и осенью они получали деньги, а зимой или весной возвращали. Между Рождеством и Пасхой приток наличности в приходах возрастал. «Пожертвования в ответ на ежегодное Обращение кардинала обычно поступают в два этапа, – писала *Globe*. – Во-первых, в конце мая и начале июля, когда выходит Обращение, а затем – в ноябре или декабре, когда многие жертвователи хотят добиться уменьшения налоговой суммы». Поскольку поступление наличности резко сократилось, в конце сентября архидиоцезия решила заложить имение кардинала католической группе страхования – Рыцарям Колумба – за $38 миллионов.

> Значительная часть аванса пойдет на погашение краткосрочного долга в $9 миллионов Банку Флит, это часть необеспеченного кредита на $17,5 миллиона, ранее в этом году банк отказался предоставлять кредиты. Другая часть займа у Рыцарей Колумба будет использована для завершения нового Семейного

центра Шонесси, который будет оказывать социальную помощь малообеспеченным семьям Южного Бостона.

По словам официальных представителей церкви из-за экономического застоя приток пожертвований в этом году сократился, положение усугубили спад активности на фондовой бирже и сексуальный скандал, разыгравшийся в январе этого года[195].

Форум священников Бостона в это время переживал свой собственный кризис. Этот Форум был создан в 2001 году тремя клириками, которых беспокоила изолированность и слишком трудная работа священнослужителей, так что он стал местной группой поддержки; сначала в него записалось 200 человек, а на тот момент, когда скандал был в полном разгаре, количество его членов возросло уже до 1250 священников, занимающихся пастырской деятельностью. Теперь участникам приходилось утешать друг друга: священники чувствовали *себя* преданными и испытывали негодование. Боуэрс видел комизм этой серьезной ситуации. Подобно доброму князю, Лоу не предъявлял к ним претензий из-за того, что приход не перечислял деньги архидиоцезии. Но в то же время кардинал, даровавший ему лучшую работу всей его жизни, предал местных священников.

Скандал свалился на плечи Боуэрса в тот момент, когда он открыл для себя важность миротворчества. Мир измеряется справедливостью – которую доктор Мартин Лютер Кинг называл «подсчитанной любовью». Если ты следуешь за Христом, служа бедным, следует дать место любви. 42-летний священник учился любви в заброшенном приходе, где люди, у которых водились деньги, вступали в духовное общение с Другим. «Можно было это переживать, – размышлял он, – вместе с голодными, отверженными людьми, с теми, кто употребляет наркотики и живет в мире насилия и страха. Это было совсем не похоже на привычный образ церкви, но это пробуждало лучшую сторону в людях, включая меня самого». Его собственный кардинал со своими подручными епископами растоптал невинность, семена мира. «Нагромождение человеческой лжи, власть и контроль. Грязное желание скрыть и защитить от света то, о чем невозможно говорить. Боже, они сделали все испорченным и больным!»[196]

9 декабря 2002 года Боуэрс вместе с другими 57 священниками подписал открытое письмо к Лоу, где говорилось: «Вы настолько подорвали доверие людей, что уже не можете осуществлять духовное руководство церковью Бостона»[197]. Об этом письме писали во всех СМИ, и оно многих поразило. Четыре дня спустя на частной аудиенции с Иоанном Павлом Лоу добровольно согласился уйти с поста бостонского архиепископа.

Уход самого влиятельного американского архиепископа (который, тем не менее, оставался кардиналом) означал, что Ватикану надлежит сделать преемником Лоу *действительно* безупречного пастыря и хорошего менеджера. Подыскивая замену, Рим в качестве временной меры поставил 55-летнего викарного епископа Ричарда Леннона апостольским администратором. Не замешанный в скандале Леннон хранил верность Лоу, который, по сути, и сделал его епископом. Леннон отличался раздражительностью, и священники его недолюбливали. Но он был готов трудиться не покладая рук и умел распоряжаться, что позволяло ему осуществлять поставленные задачи. Изучив условия, которые ставили адвокаты пострадавших, Леннон приступил к разработке плана масштабного закрытия приходов.

За три дня до Рождества, изучив требования 552 жертв и их адвокатов, Леннон объявил, что он изучает вопрос о собственности церкви, которую нужно выставить на продажу «как можно скорее, чтобы показать наше стремление» удовлетворить пострадавших; по мнению *Globe*, страховые компании Kemper и Travelers должны были при этом покрыть значительную часть расходов[198].

«Но зачем распродавать собственность, – удивлялся Питер Борре, – если действует страхование?»

Боуэрс предполагал, что план Леннона вызовет возмущение в его приходе, который он так сильно любил. Он попытался договориться о встрече с Ленноном, но из этого ничего не вышло.

День реконфигурации

Сын заместителя начальника пожарной охраны Дик Леннон с его ростом в 1 метр 88 сантиметров в юности любил спорт, однако мальчик так сильно заикался, что почти не открывал рта в школе, чтобы над ним не смеялись. Он поступил в Бостонский колледж, где изучал математику. В 1967-м, окончив обучение, он поступил в семинарию Св. Иоанна при диоцезии, расположенную неподалеку от Бостонского колледжа в Брайтоне. В 1968 году по студенческим кампусам прошла волна протестов, которая не миновала и семинарии. Одни семинаристы призывали друзей к участию в судьбе обитателей гетто в Роксбэри, другие, приверженцы более традиционного пути, считали, что главное дело – учиться, не отвлекаясь на события внешнего мира. Либералы вступили в борьбу с кардиналом Кашингом, вскоре половина учащихся покинула семинарию. В эти годы Дик Леннон влюбился в каноническое право. Он неутомимо изучал этот предмет даже в часы досуга, забывая ради него о богословских предметах и своей диссертации по истории церкви. Он прочел массу книг по церковному праву и собрал себе соответствующую библиотеку из трехсот томов. Леннону не хватало того лоска, который отличал духовенство, обучавшееся в Риме, но он преодолел свое заикание и мог многого добиться в жизни. В 1989-м, после десятилетия работы на приходе, кардинал Лоу предложил канонисту-самоучке стать его консультантом по каноническому праву. В 1999-м Лоу сделал его ректором семинарии. В 2001 году он стал викарным епископом. Священники знали, что это холодный и беспристрастный епископ[199].

Боуэрс был полон решимости спасти свой приход и потому искал съемщиков для неиспользованной территории огромного приходского дома. Одна юридическая фирма была готова принять его предложение. Компания мобильной связи обратилась к нему с вопросом об установке вышки за шпилем церкви. Боуэрс горел энтузиазмом. Хорошо бы частный сектор финансировал его школу. Если обеспечить финансовую сторону, можно платить стипендии достойным ученикам. Но здесь он наткнулся на препятствие. Канцелярия архидиоцезии запретила приходам заключать новые контракты до того момента, пока епископ Леннон не совершит реконфигурацию приходов. Невозможно было ни сдать помещение фирме, ни получать доходы за счет вышки мобильной связи.

На фоне тяжелой демографической ситуации в Чарльзтауне – где было три обезлюдевших прихода и где дети стремились избегать местных школ, – Боуэрс вместе с директором школы с грустью объявили, что весна 2003 года станет последним семестром учебы в Католической начальной школе Чарльзтауна,

которую ему поручил спасти кардинал Лоу.

Кардинал Лоу за семнадцать своих бостонских лет сократил в архидиоцезии число приходов с 402 до 357, и это не вызывало заметного возмущения. Но епископ Леннон оказался на минном поле. Благодаря обращению кардинала было собрано лишь $8 миллионов из требующихся архидиоцезии для покрытия текущих расходов $17 миллионов. Зимой 2003 года, пока адвокаты вели переговоры о возмещении ущерба жертвам преступлений, Леннон изучал топографию католического Бостона – инфраструктуру церквей города и его ближайших окрестностей в сочетании с тем, сколько чего стоит. Что можно закрыть – то можно продать. Вырученные от продаж деньги помогут церкви встать на ноги в финансовом смысле.

В городе, где соседи стояли друг за друга, закрыть церковь означало нанести глубокую рану социальному телу. В южной части Бостона находилась Начальная школа Св. Августина, где учились дети полицейских, пожарных, рабочих и служащих. Кладбище Св. Августина с его часовней в греческом стиле было старейшим католическим кладбищем Бостона. Один политик из «южан» как-то пошутил: я хочу быть похороненным здесь, потому что «хочу оставаться политически активным»[200].

Но «южане» старших поколений, создавшие большие семьи, уже умерли, многие из их детей разъехались, так что юг Бостона, подобно Чарльзтауну, теперь состоял из немногочисленных потомков ирландцев, окруженных бедняками, живущими в дешевых домах, и зажиточными супружескими парами, иногда без детей, которые вселялись в перестроенные здания, в которых ранее обитали рабочие. Брайен Уоллейс, представитель «южан» в правительстве, говорил: «Шестьдесят один процент обитателей юга Бостона живет на этом месте менее пяти лет. У большинства из них нет детей… и количество учеников католических школ здесь резко сокращается»[201]. Из 158 учеников Начальной школы св. Августина 8 пользовались субсидией архидиоцезии, составлявшей в сумме $100 тысяч. Местный пастырь, монсеньор Том Мак-Доннелл, был родом из «южан» и поддерживал хорошие отношения с кардиналом; в 2000 году Лоу простил приходу долг накопившихся невыплат в размере $328 тысяч.

Три года спустя, в мае, когда епископ Леннон начал перекраивать карту католического Бостона, ученики пришли домой с записочками к родителям: школа Св. Августина закрывается. Официальный представитель архидиоцезии, священник, заявил, что «данное решение исходило от прихода». Сокращение численности населения и повышение стоимости ремонта «не позволяют приходу и далее содержать школу».

По словам одной из родительниц, Анны Спенс, это вовсе не так. Архидиоцезия «упорно отрицала, что

собирается закрыть школу. А затем, совершенно внезапно, нам пишут: школа закрывается, всего доброго, в следующем году вам уже не потребуется сюда приходить»[202].

Возмущенные этими событиями прихожане кричали на своего пожилого пастыря монсеньора Мак-Доннелла, говоря, что он их предал. Активисты прихода начали быстро собирать деньги, двое членов муниципального совета и один сенатор штата встретились с Ленноном, который хранил каменное лицо, чтобы предложить ему альтернативные планы. Брайен Уоллейс с коллегой также приходил в канцелярию, чтобы поговорить с епископом. Уоллейс понимал, что церковь отчаянно нуждается в деньгах, но закрытие школы Ленноном поставило ничего не подозревавшего отца Мак-Доннелла в неловкое положение. В канцелярии Уоллейс сел напротив апостольского администратора. Взглянув на часы, Леннон произнес: «У вас есть пять минут».

«Пять минут? – воскликнул Уоллейс. – А пяти секунд не хотите?» С этими словами представитель удалился.

Если Леннон и переживал нечто подобное медовому месяцу в отношениях с католическим Бостоном, настроение ему портили СМИ, постоянно говорившие о закрытии школы Св. Августина. Ярость против предателя Лоу люди перенесли на Леннона.

Когда летом 2003 года архиепископом Бостона был назначен Шон О’Мелли, епископ Леннон перестал привлекать всеобщее внимание. О’Мелли с его белоснежной бородой, спокойным поведением и мягкостью казался всем миротворцем. Он встретился с жертвами священников, чем сделал еще один шаг к разрешению кризиса. Архидиоцезия согласилась выплатить $85 миллионов 542 жертвам преступлений священников; угроза банкротства уменьшилась, когда архидиоцезия вместе с Бостонским колледжем занялась продажей недвижимости кардинала. Но сам О’Мелли не спешил раскрывать своих затаенных мыслей насчет финансового кризиса. 13 февраля 2004 года Леннон в письме объяснил бостонским священникам, что архиепископ О’Мелли «сознательно избрал каноническую процедуру изъятия, а не слияния». При первой процедуре церковь закрывается, а ее собственность переходит к архидиоцезии. В случае же слияния с другим приходом активы закрытой церкви переходят к новой. Слова Леннона о том, что архиепископ «сознательно избрал… процедуру изъятия», говорили о том, что О’Мелли участвовал в составлении проекта реконфигурации. Архиепископ потребовал от лидеров восьмидесяти районов, чтобы к 8 марта они подали ему сведения о том, какие церкви на их территории можно будет закрыть.

Питер Борре, которому приходилось участвовать в деятельности корпораций, вынужденных закрывать

предприятия, удивлялся холодной логике плана реконфигурации. На соответствующем приказе стояла подпись архиепископа, но все знали, что Леннона окружает группа советчиков, которые голосуют за то, какая церковь станет жертвой процесса. При сокращении в корпорации никто не решает голосованием вопрос о том, кого уволить, а кого оставить. «Изъятие» – термин канонического права, отдающий инквизицией. Он означает, что тебя выселяют из твоего духовного дома, а все деньги, которые ты вместе с твоими ближними принес в это священное место за долгое время, получает канцелярия, которая иначе не может отдать свои долги. «*Это им отзовется*», – думал Борре про себя.

Боуэрс договорился о встрече с архиепископом О'Мелли.

Новый прелат в своем монашеском облачении сидел за длинным столом. Шон О'Мелли выглядел подавленным. Он говорил медленно и так тихо, что Боуэрсу пришлось к нему подвинуться, чтобы расслышать его слова. Церковь, говорил он, оказалась в сложном положении и ей приходится проводить консолидацию приходов. Боуэрс яркими красками описал свой приход с его многообразием, сказав о дружбе бедных с богатыми и о его надежном финансовом положении. О'Мелли, будучи молодым диаконом, совершал миссионерское служение среди индейцев на острове Пасхи, неподалеку от Чили. Сердце прелата, изучавшего на последних курсах университета испанскую литературу, должна была согреть эта картинка: коричневые пуэрториканцы находят себе духовный дом в приходе Св. Екатерины Сиенской. По крайней мере, отец Боуэрс надеялся на это. Но пока он говорил о жизнеспособности своего прихода, О'Мелли слушал его сухо. «Мы вынуждены принимать трудные решения», – произнес он. Боуэрс хотел пригласить О'Мелли в свой приход. Может быть, он посетит Св. Екатерину и отслужит здесь мессу? «*Да*», – сухо сказал О'Мелли.

После ухода Боуэрса О'Мелли выглядел грустным и апатичным.

Как и предполагал Борре, многие люди с горечью думали о том, не закроют ли их приходы. 12 марта 2004 года группа по изучению положения, в деятельности которой участвовал Боуэрс, послала епископу Леннону «мнение меньшинства», главным автором которого был Вэл Малкехи. Документ содержал бесстрастный экономический анализ ситуации и набросок программы преодоления финансового упадка и создания условий для процветания района. С политической точки зрения этот документ обеспечивал Леннону прикрытие.

Одно поколение назад показатель посещения мессы составлял 45 тысяч в неделю, теперь по трем церквам Чарльзтауна вместе он равен 1500. Здесь было бы достаточно одной церкви. На обслуживание долга двух церквей в год расходуется $250 тысяч. «Роскошь содержания двух приходов означает, что

местное сообщество отказывается от ежегодного дохода в $115 тысяч», – говорилось в отчете.

> Три прихода, которые борются за свое существование, неспособны содержать школу, которая бы пользовалась доверием родителей, поскольку на нее не хватает средств. Так создается порочный круг: плохое финансирование ведет к сокращению числа учеников, что ухудшает финансовую ситуацию и еще сильнее ограничивает возможности школы. Процветающий приход, возможно, был бы в состоянии мобилизовать силы для поддержки успешной школы. Людям нужны хорошие школы, а не такие, которые еле-еле сводят концы с концами[203].

Поскольку прихожане из старинных местных семейств умерли или разъехались, демографические изменения вынуждают принимать меры. «Новые обитатели больше оценят финансово стабильный приход с энергичной культурой, чем тот, который просто пытается сохранить за собой историческое здание», – говорилось в документе. А затем отчет прямо касался той ситуации, с которой столкнулась бостонская архидиоцезия – и церковь Америки в целом:

> Сегодня большие католические семейства исчезли и вместо них появилось пестрое население, количество которого сократилось. Здесь [в Чарльзтауне] будет все больше относительно бедных семей, заселяющих государственные дома, и временные обитатели – одинокие молодые люди и юные пары, которые через сколько-то лет переселятся в пригородные дома для среднего класса. Если здесь появятся практикующие католики, они будут принадлежать к этим новым группам людей. Традиционно эти группы не принадлежат к числу самых щедрых жертвователей, и это понятно: их денежные ресурсы ограниченны. Так что не следует ожидать в будущем новой волны финансового изобилия, которая бы оправдывала сохранение трех приходов.
>
> Это не повод для печали. Люди этой группы несут в себе новые силы, молодые (неизбежно) состарятся, бедные (даст Бог) станут богаче и переедут в другое место. Но они будут поддерживать в Чарльзтауне живую и созидательную веру.
>
> Закрытие одного прихода в Чарльзтауне не гарантирует наступления финансовой стабильности. Но закрытие двух приходов – вполне надежная мера. Единая католическая община станет более дееспособным пастырским присутствием в городе[204].

Данный отчет оставлял открытым вопрос о том, как именно следует закрывать приходы, хотя между строк можно прочесть, что здесь должен действовать какой-то посредник.

Леннон не высказывался по поводу этого плана.

Два месяца спустя, 25 мая, канцелярия архидиоцезии разослала письма восьмидесяти трем пастырям с помощью почтовой компании Federal Express, что было немалым расходом на фоне финансового кризиса и при доступности электронной почты. Журналисты и люди с телекамерами собрались в приходском доме, чтобы стать свидетелями того момента, когда Боуэрс и его немногочисленные сотрудники и добровольцы, преимущественно женщины, воспримут эту новость. Получение письма было большой трагедией. Дрожащим голосом Боуэрс зачитал послание О’Мелли: приход должен быть закрыт. Каждый приход может обжаловать это решение, обратившись к архиепископу О’Мелли и, если тот откажет, в Ватикан. Но Боуэрс понимал, что Конгрегация по делам Духовенства вряд ли отменит решение архиепископа. Священник плакал перед телекамерами. На следующее утро на первой странице *Globe* появились две фотографии: О’Мелли зачитывает свое решение, Боуэрс со скорбным лицом.

Архидиоцезия пощадила два других прихода Чарльзтауна. Леннон и О’Мелли не придали значения выводам группы по изучению положения, которая указала, что на отсроченное обслуживание должно уйти ровно $1,73 миллиона. Закрытие одного прихода не решало проблем с долгами двух других. Самым мудрым решением здесь было бы создание одного объединенного прихода. Агенты реконфигурации, оставившие два прихода и закрывшие один, проигнорировали данные отчета чарльзтаунской группы.

«Многие приходы из обреченных на закрытие этим вечером совершают молитвенное бдение», – отметил Майкл Полсон, проницательный журналист, освещающий религиозную жизнь в *Globe*. Он попытался разобраться в причинах и масштабах закрытия:

> По словам О’Мелли, приходы приходится закрывать по той причине, что католическое население перемещается в пригороды и потому что все меньше людей посещает мессы. Здесь есть и другие причины, добавил он: финансовые проблемы, плохое состояние многих приходских помещений и сокращение числа священников. Он сказал, что более одной трети всех приходов испытывают текущий дефицит и что 130 пастырей архидиоцезии – люди старше 70 лет.
>
> Архидиоцезия пригласила специалистов по недвижимости, чтобы те помогли продать собственность закрывающихся приходов, многим из которых принадлежат здания церкви, приходские дома, монастыри, школы и другие строения, а иногда и пустые земельные участки. Архидиоцезия не сообщила, в каком объеме будет совершена эта распродажа, но можно не сомневаться в том, что этот объем будет значительным[205].

На следующий день после этой публикации, 27 мая, стало известно, что папа Иоанн Павел II назначил кардинала Лоу пастырем – или «старшим священником», как говорят в Ватикане, – Санта-Мария-Маджоре, одной из крупнейших базилик Рима. Питер Борре знал, как корпорации стараются позолотить пилюлю, отправляя начальников в отставку, но подобное *восстановление* Лоу, который из обитателя монастыря в Мэриленде превратился в важное духовное лицо в Риме, казалось вопиющей несправедливостью перед лицом всех тех, кому он причинил страдания. Жертвы преступлений священников и активисты группы «Голос верных» подняли шум по этому поводу. Джон Л. Оллен, корреспондент в Ватикане для *National Catholic Reporter*, объяснял позицию Курии в газете *Globe*: «За этим стояло желание найти такое положение, в котором прошлое не было бы для него великим препятствием, но дать ему место, где он мог бы развернуть свои дары и где к нему продолжают относиться с уважением и почтением – отчасти потому, что он кардинал, а отчасти потому, что по мнению некоторых людей с ним поступили несправедливо»[206].

Для Леннона – а еще более для О’Мелли – это было ужасное время.

Разгневанные прихожане видели, что их церкви выставлены на продажу, в то время как предавший их Лоу был восстановлен и получил приятную работу в Риме. На следующий день архиепископ О’Мелли встретился со священниками архидиоцезии. Машины журналистов стояли около церкви Уэстона. Новая должность Лоу «подливает масла в огонь», сказал Боуэрс журналисту. «Это глубокий позор»[207]. Его слова должны были разгневать архиепископа, францисканца, который всерьез относился к обету послушания; разумеется, это был не слишком удачный ход для ведения переговоров. Но некоторые священники пылали гневом против Леннона, которого сам Лоу готовил себе в преемники, и задавались вопросом: знал ли Леннон, как Лоу распоряжался деньгами?

Отец Стивен Джосома пришел на встречу в глубокой печали. Его приход св. Сусанны в Дедхеме на острове Чарльз попал в список закрываемых лишь по той причине, что владел восемью акрами земли с тенистыми деревьями. В письме не было дано объяснений, почему этот приход решили подвергнуть изъятию. Он требовал ответа от имени своих прихожан. Закрывая встречу, О’Мелли говорил, что план закрытия приходов епископа Леннона был тщательно продуман; реконфигурация – болезненный процесс, приходы вправе требовать пересмотра решения, но священники должны оказать поддержку осуществлению этого плана.

Во время пятичасовой встречи архиепископ О’Мелли успокоил священников, сообщив, что никто из

пятидесяти восьми священников, подписавших открытое письмо с требованием отставки Лоу, не понесет наказания. Закрытие приходов не дисциплинарная мера, подчеркнул он.

Служащие архидиоцезии раздали экземпляры руководства на 168 страницах, где говорилось о том, как рассчитаться с увольняемыми, куда девать священные предметы и что говорить журналистам. Священные предметы следует собрать в особом месте. «Вскоре после того, как двери будут закрыты, архиепископ Шон секуляризует здание церкви, так что его можно будет продать, – продолжало руководство. – Священные предметы будут удалены… После этого церковь можно будет продать для любого рода использования, за исключением использования в явно дурных целях»[208].

Во время перерыва отец Джосома сказал архиепископу, что он один из пятидесяти восьми священников, требовавших ухода Лоу. «Вы требуете от меня поступить наперекор моей совести, – сказал он. – С чем связано это решение: со мной лично или с недвижимостью?» «Ни с тем, ни с другим», – ответил О’Мелли. Газета *Globe* опубликовала список закрываемых приходов с оценочной стоимостью их имущества, при этом их справедливая рыночная стоимость составляла сумму порядка $100 миллионов. «Мы будем рады тому, если продадим их хотя бы по оценочной стоимости», – добавил О’Мелли. «Что же, давайте заключим сделку, – сказал отец Джосома. – Наш приход оценили в $320 тысяч. Я готов выписать вам чек на $600 тысяч. Вы получите вдвое больше». Священник протянул руку архиепископу. Тот засмеялся, но не стал жать протянутую руку. «И вы знаете, и я знаю, что этот приход стоит гораздо больше», – сказал Джосома. В ответ О’Мелли лишь загадочно улыбнулся.

В последнее воскресенье мая Питер Борре со своей тещей отправились на мессу в приход Св. Екатерины Сиенской. Церковь была полна народу: все хотели услышать, что им скажет отец Боуэрс. Журналисты также не забывали о приходе и освещали ход событий. Отец Боуэрс был настолько расстроен, что с трудом совершал богослужение. Он также боялся. Выступление против архиепископа дурно скажется на его карьере. После службы он предложил устроить обсуждение. «Давайте прочитаем розарий», – предложила какая-то женщина. Но люди плакали и злились, им нужно было выговориться.

Роуз Мэри Пайпер толкнула локтем в бок своего зятя. «Ты любишь рассуждать обо всем на свете. Скажи что-нибудь». Питер Борре поднялся и предложил составить прошение к архиепископу и предложить ему встретиться с прихожанами. Люди захлопали в ладоши. Измученный отец Боуэрс спросил: «Вы будете помогать в этом деле?»

«Я только что заявил, что буду», – ответил Борре, сам не вполне понимая, почему он так сказал.

С помощью Мэри Бет Борре, расставшейся с Католической церковью, Питер и другие добровольцы собрали около 3500 подписей прихожан. Теплым июньским днем Питер с двумя прихожанками вошел в канцелярию в Брайтоне, напротив Бостонского колледжа. Секретарь смотрел на них через стекло. В воздухе канцелярии висело напряжение. Борре понимал, что сотрудникам здесь в течение последних изнурительных восемнадцати месяцев приходилось нелегко. Он сообщил секретарше, что они пришли с прошением к архиепископу. Она глядела на него с тревогой. В этот момент в приемную вышел священник. Борре, не изменяя своим хорошим манерам, объяснил ему цель их визита. «Нас не интересуют прошения», – пробурчал священник.

«Что же нам делать с прошением?» – спросил Борре. Клирик, служащий канцелярии, ответил: «Засуньте его себе в жопу».

Священник удалился, оставив двух изумленных женщин и Борре в гневном недоумении. Они вышли на солнце. Питер сел за руль, чувствуя, как в нем подымается неукротимая ярость. Он считал римлян самыми антиклерикальными людьми на свете, что было связано с воспоминаниями о *Pio Nono* и историей господства Ватикана. Теперь же потерпела крах его вера в нынешнюю иерархию. Когда он позвонил из машины жене и сообщил, что его только что грязно оскорбил ублюдок в священническом воротничке, Мэри Бет могла почувствовать гнев в его голосе. В течение последующих нескольких дней гнев превратился в план борьбы, из-за которого ему придется вернуться в Рим, чтобы там снова столкнуться с той структурой власти, что некогда казалась ему священной.

4

Ватикан, молитвенные бдения и недвижимость

Когда Шон О’Мелли прибыл в Бостон, он был кем-то вроде кризисного менеджера церкви, специалиста по диоцезиям в беде. Он не мог себе представить, что будет выполнять такую роль, когда начинал свое священническое служение: тогда церковная культура казалась незыблемой. О’Мелли родился в 1944 году в Лейквуде, штат Огайо, и рос в Западной Пенсильвании. Он вступил в орден Меньших Братьев Капуцинов – ветвь францисканцев, которые служат бедным. Став доктором наук по испанской и португальской литературе в Католическом университете Америки, он остался в Вашингтоне и основал здесь Католический латиноамериканский центр, который давал образование и оказывал юридическую помощь иммигрантам. В 1984 году Иоанн Павел II сделал его епископом и поставил над диоцезией Сент-Томас на Виргинских островах.

В 1993 Ватикан послал О’Мелли в диоцезию Фолл-Ривер, штат Массачусетс, где была большая португальская община и где верующие приходили в себя после шока из-за печально известного отца Джеймса Портера. В качестве компенсации ущерба 131 жертве преступлений бывшего священника, оказавшегося в тюрьме, пришлось заплатить $13,2 миллиона, около половины этой суммы выплатили страховые компании. О’Мелли распорядился продать собственность, не принадлежавшую приходам[209], но чтобы обезопасить необходимый резерв средств, он обратился к Мальтийским Рыцарям, элитарному братству, которое (по словам бывшего священника Тома Дойля, служившего канонистом при посольстве Ватикана в 1980-х и предупреждавшего епископов о грядущем кризисе)[210] пожертвовало на урегулирование несколько миллионов долларов. Суверенный военный орден Мальты появился во время крестовых походов и постепенно превратился в общество мирян с рыцарской атрибутикой. До Второй мировой войны Мальтийские Рыцари с симпатией относились к фашизму, потом стали яростными антикоммунистами. Трое директоров ЦРУ – Джон Мак-Кон, Уильям Колби и Уильям Кейси – и бывший государственный секретарь Эл Хейг принадлежали к Мальтийским Рыцарям[211]. «Кандидаты в члены Рыцарей должны обладать богатством, и их подвергают строгой процедуре отбора», – писал журналист Мартин Ли в 1983 году. Члены ордена выпускают собственные паспорта; известно, что они оказывают помощь жертвам бедствий на международном уровне[212]. Отец Питера Борре был принят в орден во время торжественной церемонии, которую вел папа Иоанн XXIII в соборе Св. Петра.

Когда в 2002 году только начал разгораться бостонский скандал, Ватикан перевел Шона О’Мелли в диоцезию Палм-Бич во Флориде, после того как епископ Энтони О’Коннелл спокойно признал во время пресс-конференции, что, да, давным-давно он вступал в недозволенную связь с семинаристом, который

только что его принародно обличил, и подобное обвинение может предъявить еще один человек. В результате иски против О’Коннелла подали трое[213]. О’Мелли выпала неприятная задача в Палм-Бич, одной из богатейших диоцезий, заменить виновного епископа, заменившего другого виновного епископа. До ирландца О’Коннелла оттуда в 1998 году ушел епископ Дж. Кит Саймонс, когда стало известно, что он растлил мальчика-алтарника много лет тому назад[214]. Саймонс переехал в Мичиган в приют, О’Коннелл отправился в монастырь в Южной Каролине. Но в силу представлений Ватикана об апостольском преемстве оба они остались в звании епископов. Трибунал кардинала Ратцингера в Конгрегации Доктрины Веры лишал сана священников, но не иерархов.

В Палм-Бич О’Мелли создал комиссию мирян, которая собирала данные об обвинениях в адрес священников. Он сказал жертвам: «Я желаю сделать все возможное, чтобы вы и все, пострадавшие от этих преступлений, получили исцеление»[215]. Не прошло и года, как Ватикан послал его на место другого крупного скандала. Кроме того, исторический престиж Бостона позволял думать, что О’Мелли скоро сделают кардиналом. Его скромность производила утешительное впечатление. В отличие от Лоу с его царственными манерами, он предлагал людям звать его «архиепископ Шон».

Летом 2003 года недавно назначенный архиепископ О’Мелли отправился в Рим. Там он должен был встретиться с высокопоставленными людьми. Эта ватиканская встреча О’Мелли дает нам ключ к пониманию всей финансовой жизни церкви Америки и того, почему он и другие епископы обращались с собственностью так, что многие простые прихожане возненавидели Ватикан.

Кардинал Дарио Кастрилльон Ойос из Конгрегации по делам Духовенства был тем лицом, с кем в первую очередь О’Мелли должен был обсудить последствия удовлетворения претензий 552 жертв. В СМИ просочились сведения о том, что церковь Бостона ждет банкротство[216]. Согласно Главе 11 Кодекса о банкротстве, в случае одобрения со стороны суда долги церкви будут заморожены, пока церковь проводит реорганизацию финансов, а ее юристы ведут переговоры с адвокатами жертв. Но такой ход мог привести к рискованным последствиям. Согласно закону, при этом необходимо указать *все* активы, за которыми и без того внимательно следят СМИ: если все выложить на стол, может показаться, что архидиоцезия, хотя и лишена наличности, достаточно богата. Это также значило бы, что О’Мелли пришлось бы объяснять многочисленным жертвам, ожидающим выплаты компенсаций, что его предшественник уже разорил банк. Как Питер Борре мог понять несколько месяцев спустя, внимательно изучая прошлые финансовые отчеты архидиоцезии, переданные ему анонимным источником, – поскольку

архидиоцезия потеряла $10 миллионов в 2000 финансовом году, $8,3 миллиона – в 2001 (еще до того, как газета *Globe* начала публиковать свои разоблачения) и $12 миллионов в 2002-м, что заставило ее продавать активы в виде ценных бумаг. На тот момент, когда в 2003 году О’Мелли отправлялся в Рим, архидиоцезия уже потеряла $30,3 миллиона за прошедшие три года. Вне зависимости от ужасающего сексуального скандала Берни Лоу оставил Шону О’Мелли финансовую воронку. Но куда же подевались все эти деньги[217]?

В тот момент, когда прелат-францисканец, приносивший обет бедности, начал переговоры с Кастрилльоном, ему нужны были могучие потоки денег. Ему также предстояло пойти на «отчуждение церковной собственности» – такой канонический термин использовали епископы, когда им приходилось обращаться в третью канцелярию Конгрегации по делам Духовенства за разрешением на ликвидацию активов.

Американские епископы на конференции в Далласе, состоявшейся в июне 2002 года, проголосовали за то, чтобы попросить у Конгрегации Духовенства разрешения самостоятельно распоряжаться сделками по продаже на сумму в $10,3 миллиона, а не $5 миллионов, как было заведено. Решения о продаже собственности или активов на меньшие суммы епископ принимал сам. (Для диоцезии численностью в 500 тысяч человек и меньше этот уровень было предложено поднять до $5 миллионов.) Ватикан дал на это свое разрешение и также согласился с тем, что здесь нужно учитывать инфляцию, так что в 2009 году для большой диоцезии предельная сумма составляла $11,4 миллиона[218].

По словам одного из бывших служащих Конгрегации по делам Духовенства, просившим не называть его имени, когда епископ желает продать собственность на сумму, превышающую установленный предел, процедура происходит следующим образом: епископ со своим финансовым советом оценивает стоимость собственности, затем обращается в Конгрегацию за разрешением, объясняя, на что пойдут вырученные средства. О’Мелли понимал, что ему нужно завоевать доверие финансового совета, который отказал Лоу, просившему найти средства на выплату компенсации жертвам преступлений священников.

Кардинал Кастрилльон и его сотрудники должны были разобрать три вопроса. Во-первых, не скажется ли распродажа собственности негативно на деятельности архидиоцезии Бостона? Это вызывает встречный вопрос: как Ватикан может оценить тот вред, который распродажа собственности наносит архидиоцезии? Сотрудники Конгрегации не собирают информацию с мест, не изучают соответствующие отчеты и документы, но полагаются на слова епископа. В случае О’Мелли бостонский кризис привлек внимание

даже итальянской прессы. Леннон тщательно изучил доступную собственность архидиоцезии.

Вторая забота Конгрегации по делам Духовенства касалась вопроса о том, есть ли у епископа разумный план использования вырученных средств. В случае Бостона все было предельно ясно: эти средства пойдут на выплату компенсаций жертвам. И наконец, оставался еще один вопрос: если бостонской архидиоцезии требуется значительно *больше* денег, чем $10,3 миллиона, будет ли разрешение Ватикана на осуществление сделок справедливым и разумным?

Священники, занимающие важные посты в Римской Курии, понимали, что они действуют от имени Святейшего Отца. Они серьезно относились к идее апостольского преемства, то есть верили в то, что епископы, с которыми они имели дело, были духовными наследниками апостолов, окружавших Иисуса. В условиях религиозной монархии священники, служащие в Ватикане, используют особый этикет: они называют епископа «Преосвященным», кардинала «Высокопреосвященным» и даже, как я узнал, используют соответствующие формы в третьем лице. В июле 2009 я искал возможности взять интервью у бывшего архиепископа Сент-Луиса Раймонда Барка, префекта Апостольской Сигнатуры. «Это невозможно, – ответил мне в трубку холодный голос с мягкой модуляцией. – Его Преосвященство отсутствует». Вот так. Сомневаюсь, что в Миссури его величали «Ваше Преосвященство».

Священники, работающие в третьей канцелярии Конгрегации по делам Духовенства, прекрасно понимали значение слов «отчуждение церковной собственности». В их задачу входило защищать права умерших.

Целые поколения католиков, которые дарили деньги, земли, произведения искусства, здания либо использовали свое имущество во благо прихода или диоцезии, теперь покоятся в освященной земле. Многие из них похоронены на кладбищах около церкви, в которую ходила их семья. Каноническое право высоко ценило их намерения. Третья канцелярия Конгрегации Духовенства следила за тем, чтобы с их собственностью и пожертвованиями обращались надлежащим образом.

О’Мелли отказался давать интервью для данной книги. Как и епископ Леннон. Как и кардинал Кастрилльон, оставивший Конгрегацию Духовенства ради другого высокого поста в Ватикане (и сейчас уже удалившийся на покой). Монсеньор Джеймс Мак-Дейд, работавший в Конгрегации вместе с Кастрилльоном и его преемником кардиналом Клавдио Юммесом, отказался давать мне интервью или устроить встречу с кардиналом (в октябре 2019 года преемником Юммеса стал Мауро Пьяченца, вскоре поставленный кардиналом.) Тем не менее двое людей, хорошо знакомых с деятельностью Конгрегации, могли сообщить мне нечто о визите О’Мелли в 2003 году. Их информация соответствует ватиканским

процедурам, основанным на каноническом праве. Конгрегация по делам Духовенства располагается на последнем этаже здания на Площади Пия XII, находящейся за собором Св. Петра. Кардинал Дарио дель Нирио Иезус Кастрилльон Ойос, исполняющий почетную обязанность преемника апостолов, должен был показаться О'Мелли радушным союзником.

Кардиналы и политики

Кастрилльон родился в 1929 году в Меделлине еще до того, как этот провинциальный город стал прочно ассоциироваться с наркокартелями. Юноша, легко осваивавший чужие языки, стал священником. Он стал доктором канонического права в Папском Грегорианском университете в Риме, защитил другую диссертацию по социологии религии в Лувенском университете в Бельгии, а в возрасте тридцати шести лет вернулся в Колумбию уже епископом. Его обожали бездомные, в диоцезии Перейры он сам ходил по улицам и кормил брошенных детей. Бум торговли кокаином пробудил в Кастрилльоне стремление к власти в духе Макиавелли. СМИ показывали, как он освящает ресторан, принадлежащий гангстеру из наркомафии. «На самом деле, его отношения с наркоторговцами были сложными», – пишет Елена Курти в журнале *The Tablet*. Однажды Кастрилльон, переодетый молочником, появился в доме Пабло Эскобара, самого разыскиваемого человека в Колумбии, «и убеждал его исповедоваться в своих грехах». На встрече епископов Латинской Америки в 1984 году, продолжает она, Кастрилльон

> …сказал, что принимал наличные деньги от наркокартели Эскобара на благотворительные цели. Он оправдывал свое действие тем, что эти деньги не пошли на противозаконные дела, такие как проституция, он также предупредил жертвователей о том, что эти дары «не спасут их души». Позже, став архиепископом Букараманги (1992–1996), он не раз публично говорил о коррупции в Колумбии, не боясь вызвать недовольство местных и национальных сановников и политиков[219].

Кастрилльон, готовый принять грязные деньги, чтобы использовать их на благие цели, считал, что католическая иерархия сама для себя закон. В 2001 году, когда французский прелат был приговорен к трем месяцам заключения за то, что укрывал педофила, Кастрилльон опубликовал на веб-сайте Конгрегации Духовенства письмо, в котором он восхвалял епископа Пьера Пикана из диоцезии Байе-Лизье: «Я рад, что среди моих коллег есть такой человек, который на глазах публики и других епископов всего мира предпочел отправиться в тюрьму, не выдав одного из своих сынов, священника»[220].

И вот в 2003 году кардинал Кастрилльон встретился с более молодым епископом, который оказался в критической ситуации из-за большого количества жертв преступлений, чреватой большими финансовыми потерями. Кардинал чувствовал, что должен помочь своему собрату. Святейший Престол не оказывает финансовой помощи архидиоцезиям – такого никогда не случалось. В 2003 году у Ватикана образовался

дефицит в $11,8 миллиона при бюджете текущих затрат в $250 миллионов. Лепта Петра, составившая $55,8 миллиона, помогла справиться с этой проблемой[221]. Эти финансовые дела не зависели от сумм, которые Банк Ватикана негласно передавал папе. Для О'Мелли ситуация была куда сложнее той, с которой он столкнулся в Фолл-Ривер около десяти лет назад, поскольку там ему были готовы помочь Мальтийские Рыцари, располагающие огромными суммами денег. Теперь же из-за высокомерия Лоу просить помощи стало крайне трудно. Поскольку речь шла о выплате жертвам огромной суммы около $50 миллионов, вскоре к О'Мелли и Кастрилльону присоединились двое итальянских кардиналов: государственный секретарь Анджело Содано и префект Конгрегации по делам Епископов Джованни Баттиста Ре.

Кардинал Ре, известный трудоголик, с его широкой улыбкой и глухим голосом, на протяжении одиннадцати лет исполнял роль *sostituto* в государственном секретариате, то есть осуществлял надзор за ежедневными операциями. Он мог совещаться с папой Иоанном Павлом в любой нужный момент, не договариваясь специально об аудиенции. Теперь же он получил другую должность – надзирать за деятельностью епископов всего мира, хотя папа стал для него недоступнее. Он преимущественно использовал каналы Курии[222].

Семидесятипятилетний кардинал Содано выглядел внушительнее. Этот государственный секретарь с прямоугольными плечами и отвисшей нижней челюстью в толстых очках исполнял должность премьер-министра Святейшего Престола и был начальником всех служащих Ватикана. Во главе каждой из девяти конгрегаций, или дискастерий, которые примерно соответствуют министерствам, стоял префект, пользующийся автономией; Содано заведовал Министерством иностранных дел. На протяжении той дюжины лет, что Содано управлял Курией, он был как бы оптимистичным двойником Иоанна Павла во внешней политике, которой занимался сам папа до тех пор, пока не заболел в свои последние годы.

Он родился в 1927 году в городе Асти в Пьемонте в семье с шестью детьми. Его отец, член партии Христианских демократов, в 1948 году был выбран в парламент, где он служил до 1963 года. После окончания местной семинарии Содано защитил диссертации по каноническому праву и богословию в папских университетах Рима. В возрасте тридцати двух лет он уже вступил в дипломатический корпус Ватикана. В 1978 году, побывав на нескольких постах в Латинской Америке, он стал папским нунцием в Чили, где тогда существовала одна из самых жестоких диктатур во всей Южной Америке.

Страна достигла экономической стабильности при демократическом правлении, но в 1970-м, когда на

выборах в Чили победил марксист Сальвадор Альенде, американский президент Ричард Никсон сказал директору ЦРУ: «*Надо задушить их экономику*», – чтобы лишить опоры Альенде[223]. ЦРУ через вождей христианско-демократических партий Западной Европы стало оказывать поддержку противникам Альенде в Чили. В отчете ЦРУ говорится, что один итальянский деятель партии Христианских демократов (его имя скрыто) «не видел смысла рисковать своей репутацией ради обреченного на провал дела»[224]. За Альенде проголосовало большинство избирателей. Никсон выделил ЦРУ сумму в $10 миллионов на разрушение экономики Чили[225]. Тремя годами позже при поддержке ЦРУ в стране произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришел генерал Аугусто Пиночет, а Альенде застрелился во время штурма президентского дворца. Чтобы укрепить свою власть, Пиночет применял пытки и похищение людей, а также убивал сторонников Альенде. Люди в военной форме распоряжались работой университетов и контролировали прессу. Было убито несколько известных чилийских критиков режима, живущих в других странах. Пиночет распродал государственные службы, осуществляя стратегию свободного рынка в соответствии с указаниями экономиста Чикагского университета Милтона Фридмана. 28 тысяч бедняков из разных районов оказались в трущобах, население которых постепенно разрослось до 1,3 миллиона[226].

В 1978 году, когда сюда в качестве нунция прибыл архиепископ Содано, в стране продолжали существовать профсоюзы, которые защищал кардинал Рауль Сильва Энрикес[227]. Епископы правых и центристских взглядов были рады свержению Альенде, в то время как Сильва вместе с некоторыми другими боролся за права человека[228]. Мучения Чили обострили в Латинской Америке конфликт между традиционными епископами, для которых в центре всего стояло личное благочестие, и более социально активными епископами, на которых оказало влияние представление теологии освобождения о «структурном грехе». В 1968 году на конференции латиноамериканских епископов в Меделлине было принято постановление о «выборе в пользу бедных». Кастрилльон плохо относился к теологии освобождения, в чем его вполне поддерживал Содано. Иоанн Павел II и Ратцингер видели в коммунизме монолитное зло, и потому с одинаковым подозрением относились и к диктатурам советского блока, и к марксистскому анализу эксплуатации бедных на плантациях, который вдохновлял сторонников теологии освобождения. Однако, по обоснованным словам журналиста Джона Оллена, на латиноамериканскую теологию повлияли и многие прежние направления европейской мысли[229]. Христианские базовые

общины, малые группы священников, монахинь и мирян, служащих обитателям трущоб, питались обсуждением Священного Писания. Ратцингер на своем трибунале расследовал дело отца Леонардо Боффа из Бразилии и в 1985 году вынес свой приговор: «молчание» в течение года. Шесть лет спустя он подверг запрету богословие Боффа. «Церковная власть жестока и безжалостна», – с гневом говорил Бофф, когда уже он оставил священство[230].

Пол Коллинз в своей книге «Современная инквизиция», посвященной Конгрегации Доктрины Веры под началом Ратцингера, пишет:

> Именно темы бедности и эксплуатации Третьего мира позволяют, по мнению Боффа, церкви быть самой собой в самом подлинном смысле. Как он считает… только через размышление над повседневным опытом и с помощью «вещества» истории церковь может понять, чего от нее хочет Бог.
>
> Для Ратцингера церковь стоит за пределами истории. Богословский фокус Конгрегации Веры в первую очередь определяет не Иисус истории, но воскресший и вознесшийся Христос во славе, стоящий вне событий этого мира, одновременно Спаситель и Судия. Вот главный предмет внимания Ратцингера[231].

К 1980 году латиноамериканскими эскадронами смерти было убито более восьмисот священников и монахинь. Пока Ратцингер наказывал богословов, подобных Боффу, Содано устанавливал дружеские связи с семьей Пиночета. Так, он присутствовал на встрече, во время которой Пиночет перед телекамерами угрожал церкви. Содано, контролировавший назначение епископов, создавал благоприятные условия для тех из них, кто поддерживал диктатора[232]. В 1986 году группа «Викариат солидарности» обратилась к епископам Чили с просьбой о том, чтобы они добивались удаления Содано. «Этого уже давно требуют многие общины. О том же просят сотни священников и монахинь. Народ знает о его «отчетах» для Рима и о том, как горячо он предан военному режиму… Мы считаем, что это не дипломатическая работа, но соучастие в преступлении»[233]. Но Содано оставался на своем посту. Деятельность Содано в Чили в интересах Иоанна Павла останется темным пятном в истории до тех пор, пока Ватикан не откроет доступа к документам, которые он посылал.

Когда в 1987 году Иоанн Павел готовился к своему историческому визиту в Чили, Пиночет испытывал усиленное давление международной общественности. Организацией визита занимался ватиканский священник Роберто Туччи. На пути в Чили папа сказал журналистам: «Евангельская весть прямо касается

всех проблем прав человека, и если демократия означает соблюдение прав человека, она также входит в благовестие церкви»[234]. И добавил: «Мы встретимся с диктатурой, но она по определению обладает преходящим характером»[235].

Когда кортеж автомобилей прибыл в Сантьяго, его встретила большая толпа, восклицавшая: «Брат наш, папа, забери тирана с собой!» Люди держали плакатики с именами без вести пропавших близких. Иоанн Павел встретился с лидерами оппозиции и членами всех партий, эту встречу организовал Содано [236]. Он также помог Пиночету заманить папу на балкон президентского дворца, чтобы сделать снимок, который охладил пыл людей, страдающих под властью диктатора. Но во время визита папы произошли и такие события, которые поддерживали волю к сопротивлению. Толпы людей пришли на мессу, совершавшуюся на том самом печально известном стадионе, где пятнадцать лет назад отряды диктатора собирали и убивали сторонников Альенде. Папа мог слышать, как «сменявшие друг друга ораторы жаловались на цензуру, пытки и политические убийства», писал Джонатан Квитни. «Толпы сжигали заграждения, бросались камнями и смеялись над полицейскими». Иоанн Павел прославлял чилийских священников за их стремление к справедливости, осуждал жестокость и призывал терпеть «страдания ради любви, истины и справедливости… в знак верности Богу». Его голос звучал на фоне рева водяных пушек, которыми полиция разгоняла толпу. «Любовь сильнее, – повторял он, – любовь сильнее»[237].

Чили приближалось к восстановлению демократии, когда нунций Содано, награжденный медалью от Пиночета, вернулся в Рим. Его умение налаживать отношения с латиноамериканскими властями пригодилось во время вторжения США в Панаму. Президент Мануэль Норьега, который испортил отношения с ЦРУ из-за того, что участвовал в наркоторговле, нашел себе убежище в посольстве Ватикана. Содано убеждал его сдаться. Американцы переправили Норьегу во Флориду, где его судили, признали виновным и посадили в федеральную тюрьму[238].

В 1991 году Содано стал государственным секретарем. Почему Иоанн Павел, постоянно призывавший к миру и ненасилию, выбрал из всех кардиналов Курии именно этого человека, близкого к кровавому диктатору? Папа мог бы выбрать Акилле Сильвестрини, умелого дипломата в делах о контроле над вооружением, правах человека, который к тому же был протеже кардинала Агостино Казароли, тогдашнего государственного секретаря. Казароли десятилетиями вел переговоры с представителями Восточного блока, пытаясь смягчить преследования католиков, которые совершались за железным занавесом[239]. Содано же называл дипломатию «инструментом диалога с целью защищать и расширять

права католиков и устанавливать международные отношения»[240].

По словам Джованни Авены, священника, ставшего редактором новостной службы либеральных католиков Adista, за этими хорошими словами стоит странная реальность. «Казароли обладал великим дипломатическим даром, он представлял церковь трезво, в стиле бизнесменов, – сказал мне Авена в Риме. – Казароли считал Содано не слишком далеким. Его послали в Латинскую Америку, и там он показал себя, установив дружеские связи с правыми деятелями наихудшего рода. Иоанн Павел спорил с Казароли о том, как следует вести себя относительно коммунизма. Папа стоял за более решительное сопротивление. Сильвестрини был наследником Казароли. Содано же представлял собой скорее не теоретика, а рядового пехотинца. Он получил этот пост [государственного секретаря] как менеджер Курии. Это абсолютно серый человек»[241].

Назвав Содано «серым», Авена имел в виду его сознательную позицию нейтральности, которая позволяла ему принимать нужную окраску, когда того требовал момент. Иоанн Павел, которому, как известно, политики Курии казались скучными, использовал Содано как защиту от внутренних споров и как воинствующего противника левых, что способствовало установлению отношений с консервативными правительствами и жертвователями. Известно также, что на Иоанна Павла наводили скуку финансовые вопросы. В 1982 году разразился скандал вокруг Банка Ватикана, когда Banco Ambrosiano, крупнейший банк Италии, пал под тяжестью долга в $1,2 миллиарда в связи со схемой отмывания денег «Коза ностры» при участии ИРД под руководством архиепископа Пола Марцинкуса. Иоанн Павел позволил Марцинкусу воспользоваться дипломатическим иммунитетом, так что тот стал новым узником Ватикана. Государственному секретарю Казароли пришлось признаться в «злоупотреблении доверием» перед комиссией, производящей государственное расследование; в 1984 году он согласился выплатить $242 миллиона в качестве компенсации от ИРД[242].

В 1990 году Иоанн Павел попросил Эдмунда Шоку, кардинала из Детройта, взять на себя заботу о городе-государстве. «Когда в ноябре бюджетные средства подошли к концу, мы обсуждали эту проблему в течение часа, – рассказал Шока биографу Квитни. – Он не мог вникнуть во все эти мелочи. Я ставил его в известность о положении дел и о наших действиях»[243].

Прагматичный Шока собрал более ста президентов национальных конференций епископов на первую встречу такого рода 8 апреля 1991 года. Усадив их в кресла, обитые красным вельветом, кардинал Шока рассказал, что дефицит Ватикана достиг рекордной за последние два десятилетия величины в $87

миллионов. Он попросил собравшихся о помощи, не указывая каких-то обязательных ее размеров. В этом случае была применена демократическая процедура – они изредка встречаются в церкви и придают комизм ситуации, – епископы голосовали и, конечно, согласились присылать больше денег. В 1992 году они собрали дополнительные $8 миллионов. В 1993 году у Святейшего Престола доходы уже превышали расходы; лепта Петра в этом году также увеличилась до $67 миллионов.

«Фонды Ватиканского банка Иоанн Павел использовал в первую очередь для помощи церкви в бедных странах, – писал биограф папы Джордж Вейджел. – В ИРД могли позвонить утром из квартиры папы с просьбой прислать к полудню какое-то количество пакетов с деньгами – по $20 тысяч или $50 тысяч – для раздачи епископам Африки, Латинской Америки и Азии»[244]. Банк, который не упоминался в ежегодных финансовых отчетах Святейшего Престола, снабжал папу наличностью, когда он в ней нуждался.

Став государственным секретарем, Содано поручил надзор за ИРД комиссии из пяти кардиналов, он также начал управлять бюрократическим аппаратом (итальянского типа) Курии. «Вокруг Римской Курии создают какую-то тайну, – заметил Содано в 1992 году, – но те, кто внутри нее, воспринимают ее как некое братство»[245].

Когда это братство в 2003 году посетил архиепископ О'Мелли, состояние здоровья папы было достаточно плохим, потому что болезнь Паркинсона неуклонно прогрессировала. В первую очередь Кастрилльон желал, чтобы масштабные операции с собственностью были одобрены Содано. Кардиналы Ватикана выдали О'Мелли разрешение превысить установленный предел в $10,3 миллиона при «отчуждении церковной собственности». Это решение подтверждал документ Ватикана, который появился много месяцев спустя, после того как Питер Борре занялся составлением соответствующих каноническому праву прошений от девяти приходов, пытаясь предотвратить их закрытие. Конгрегация по делам Духовенства ответила на них отказом. Приходы подали апелляции в Сигнатуру. Марта Веген, обладавшая богатым опытом участия в судебных процессах Ватикана, в качестве адвоката архидиоцезии составила краткую записку по данному делу. Она писала:

> Это крайне тяжелый случай, когда Преосвященный архиепископ Бостона [*sic*] получил максимальную свободу действий, чтобы спасти архидиоцезию от финансовой катастрофы, связанной… со скандалом вокруг сексуальных преступлений. Именно в этом контексте следует рассматривать все действия в рамках процесса реконфигурации и «закрытие приходов», не исключая изъятия собственности богатых приходов и не исключая изъятие собственности приходов, в которых кипит

активная жизнь.

Тут следует думать о финансовой целесообразности не на уровне прихода, но на уровне всей архидиоцезии, в частности, речь здесь может идти о передаче собственности нежизнеспособных приходов архидиоцезии[246].

Под «максимальной свободой» здесь следует понимать неограниченную возможность закрывать и продавать. Когда О’Мелли, новый архиепископ, вернулся в Бостон в 2003 году, епископ Леннон получил власть осуществлять «отчуждение собственности».

Никогда раньше в диоцезиях Америки не происходило чего-либо подобного в таких масштабах.

Этот факт произвел большое впечатление на кардинала Содано.

Изъятие

По каноническому праву в случае слияния одного прихода с другим фонды закрываемой церкви переходят вслед за ее прихожанами к новому приходу. Но в случае «изъятия» приход теряет свои здание, землю, вклады в банках, все свои активы, которые переходят к епископу, действующему здесь в качестве банкира. Леннону нужны были приходы с дорогими земельными владениями и излишними фондами ради одной стратегической цели – избавиться от дефицита. Он использовал изъятие с переходом права собственности, в духе лепты Петра. Умершие, на чьи пожертвования строился приход, не должны будут здесь возражать, живые могут что-то сделать лишь в том случае, если они научатся пользоваться уловками канонического права.

Среди закрывающихся приходов была церковь Младенца Иисуса в богатом Бруклине, которая хранила в банке на своих счетах $4 миллиона. В часе езды на восток от Бостона в Скитьюейт стоял обреченный на изъятие приход святой Франчески Кабрини, владевший тридцатью акрами земли на берегу Атлантического океана – просто находка для застройщиков. Приход Девы Марии – Помощницы христианам в Конкорде имел $800 тысяч в банке, а за год до описываемых событий открыл приходской центр стоимостью в $1,3 миллиона[247]. Леннон в своем послании к католикам сообщил, что распоряжение об изъятии отдал О’Мелли, но на самом деле в этом оба епископа действовали в полном согласии друг с другом.

Питер Борре провел разведку и выяснил, что из восьмидесяти трех приходов, упомянутых в списке

Леннона, двадцать четыре были надежными в финансовом отношении и обладали активными прихожанами. Не только Борре, с суровым реализмом глядящий на распродажу активов, был оскорблен нечестностью Леннона: поглощай богатых, выжимай соки из бедных, топчи работяг, расположенных посередине, чтобы освободить от долгов канцелярию архидиоцезии. Мэр Томас Менино был также глубоко этим расстроен. «Тут я впервые понял, куда уходят эти деньги, – сказал он журналисту *Globe*. – Семьи посещали эти церкви многие годы». Разгневанный секретарь штата Массачусетс Уильям Ф. Голвин заметил: «Если эти деньги центр расходует на неведомые цели, это значит, что рядовых прихожан обманули»[248]. Именно это и происходило. Борре пришел к выводу, что около двух десятков приходов действительно следовало бы закрыть. Многие приходы, расположенные посередине между богатыми и бедными, могли бы справиться со своими проблемами при мудром руководстве.

Специалисты по каноническому праву сказали Борре, что прошения в Ватикан следует подавать вскоре после того, как епископ откажет приходу в помиловании. Создав свою неформальную рабочую группу, Борре начал трудиться над прошением.

Отец Боб Боуэрс пережил неприятный момент, когда в церковь прибыла комиссия из архидиоцезии, которая должна была составить опись имущества прихода Св. Екатерины Сиенской. Члены комиссии заглядывали в шкафы, делали снимки, записывали, сколько в приходе столов, стульев и церковных скамеек, сколько священных изображений и других сакральных предметов. В то же время канцелярия сообщила, что архиепископ О’Мелли желает видеть отца Боуэрса.

По пути в канцелярию, расположенную в Брайтоне, Боуэрсу надо было проезжать мимо своего родного Бостонского колледжа, который оставался от него по другую сторону проспекта Коммонвелф. Священнику давал утешение водитель, Питер Борре, оказывавший ему нравственную поддержку в тот момент, когда у Боуэрса отчаянно ныло под ложечкой. Борре не пожелал сидеть в приемной, где священник из канцелярии его оскорбил, и он дожидался Боуэрса на улице.

Отец Боуэрс сел за длинный стол. Архиепископ был неразговорчив.

– У нас проблема, – наконец сказал О’Мелли.

– У нас проблема, архиепископ. Вам надо поехать и встретиться с людьми в приходе.

О’Мелли отказался от этой встречи. У него есть советники, сказал он, которые помогают ему в этот трудный период, и ему нужно следовать их советам.

В кабинете воцарилось молчание, во время которого росла эмоциональная дистанция между прелатом

и священником: молчание порождало молчание. «*Он ждет от меня послушания,* – думал Боуэрс. – *Он францисканец. Он привык слушаться старших, это норма жизни в общине. Мы, приходские священники, не столь покладисты. Я противостою несправедливости и хочу убедить его взглянуть на вещи моими глазами*».

Двое мужчин молча глядели друг на друга. Боб Боуэрс, обычно полный энтузиазма и огня, сидел молча и неподвижно, как и его архиепископ. Так и закончилась их встреча, а через несколько дней состоялась новая, такая же напряженная и немногословная. О'Мелли хотел, чтобы Боуэрс сдался и попросил о новом назначении, чтобы можно было осуществлять реконфигурацию. Но О'Мелли не мог лишить пастыря прихода, если тот не совершил серьезных нарушений закона церкви. Боуэрс хотел, чтобы жизнь в приходе продолжалась и чтобы о ней говорили в СМИ, тем самым сопротивляясь *плану*, разработанному Ричардом Ленноном. Из-за этого О'Мелли приходилось с ним встречаться.

Боуэрс понял, что Шон О'Мелли переживает депрессию.

Это заметили и другие священники. Из-за вялой мимики и медленной речи архиепископа люди высказывали предположение, что он принимает антидепрессанты. О'Мелли жил в спартанской обстановке в комнате приходского дома собора Святого Креста. Он был добрым и вежливым, а в то же время сдерживал свои эмоции. Он должен был дать Бостону исцеление, а здесь ему пришлось участвовать в реконфигурации. «*Он не может понять, почему один из его священников с ним не соглашается*», – думал Боуэрс. Когда он передал О'Мелли отчет о консолидации в Чарльзтауне, который его прихожанин Вэл Малкехи отослал Леннону, архиепископ отказался его изучать.

Он сказал: «Я бы хотел, чтобы вы поступили так, как я вам скажу», – то есть чтобы Боуэрс подал прошение об отставке и получил новое назначение. Но это стало бы смертным приговором для прихода, которому священник отдал все свое сердце. В своем плане Леннон не учел совет исследовательской группы о постепенном слиянии трех приходов в один. Встреча закончилась ничем.

Боуэрс попросил помощи у отца Уильяма Лейхи, иезуита и президента Бостонского колледжа, который заверил его, что отослал отчет архиепископу О'Мелли.

Приход как недвижимость

Священники восьмидесяти с лишним закрывающихся приходов сталкивались с самыми разными проблемами. Некоторые пастыри безлюдных приходов, обремененных невообразимыми долгами, готовы были принять реальность. Однако другие священнослужители, там, где прихожане хотели сохранить приход, переживали трудные дни.

К последним принадлежал отец Стивен Джосома из Дедхема. Он испытывал те же мучения, что и Боуэрс, но решил применить иную тактику. Он родился в 1955 году в семье специалиста из Массачусетского технологического института и в юности летом косил луга вместе со своим дедушкой ирландского происхождения. Старик отсидел срок в тюрьме в Голуэе во время восстания Шин Фейна, а затем в 1920-х отправился в Америку. Джосома знал, что его дед понимал толк в ландшафтах. Каждый вечер старик опускался на колени и молился, и это было «не показное благочестие, но молитва мирного человека, доверяющего Богу», вспоминал о нем Джосома и добавлял: «Это навсегда осталось со мной». Из двадцати юношей, вместе с которыми он поступил в семинарию, только один Джосома стал священником.

В 1997 году в Дорчестере Джосома стал преемником популярного священника, который «половину времени жил в своей частной квартире, в то время как у прихода накапливались миллионные долги». Джосома вместе со своим помощником, вторым священником, «все перевернули в финансовой жизни прихода». Он рассказывает: «Бухгалтер предупредил, что мы должны покрыть дефицит школы за счет средств прихода – сумма составляла $70 тысяч. Мы с этим справились. Затем мы открыли кафетерий, научную лабораторию, библиотеку. Армия детей ходила для нас по домам и продавала оберточную бумагу. Увидев это, люди начали давать деньги по воскресеньям. Мы смогли больше платить учителям. Можно сделать очень многое, если люди тебя поддерживают».

Джосоме понадобилась поддержка прихожан, когда он вступил в борьбу с агентами по недвижимости, которые старались выселить черных из Дорчестера, отказывая им в ипотеке. Эта война была таким сильным переживанием, что он на год оставил свое служение и жил вместе с родными. В 2001 году кардинал Лоу попросил его стать настоятелем прихода Св. Сусанны в Дедхеме, где большинство составляли белые, куда ходило несколько филиппинских семей и где царила солидарность. Дедхем расположен на острове на реке Чарльз, в этом городке насчитывается двадцать четыре тысячи обитателей.

«Этот приход кардинал Кашинг создал в 1961 году для своего друга отца Майкла Дюранта, – говорил

Джосома с улыбкой при свете заката зимнего дня. – В те дни церкви были подобны поместьям феодалов. Другой приход в честь Вознесения Девы Марии существует уже 125 лет, он в три раза больше нашего. Его называют «собором в пустыне». Двадцать пять тысяч семей остались в приходе Вознесения Марии, когда открылась новая церковь. Св. Сусанна объединила 300 семей, при этом там был приходской дом для трех священников, домашняя работница и повар. Сегодня – это мы с Феликсом [собакой] в приходе на 850 семей. Не меньше половины этих семей живут вне города, а преимущественно в соседнем Нидхэме. У нас, быть может, слишком спокойная жизнь, зато она хороша для семей».

В 2008 году многие в Дедхеме потеряли заложенное жилье. Приходская кухня начала кормить все большее число голодных – мысль о голоде в этом месте не увязывалась с представлением о зеленых лугах Новой Англии. Джосома, к которому приходили люди из соседнего города, поступал так же, как многие американские католики, стремившиеся жить в солидарности со своими соседями.

По плану Леннона прихожане Св. Сусанны должны будут перейти в приход Вознесения Марии, а архиепископ сможет использовать деньги Св. Сусанны. Справедливо ли было так поступать с приходом, который уже опередил «собор в пустыне»? Приход Джосома располагался неподалеку от магистрали 128 и стоял на восьми акрах лесистой земли, рядом с маленьким заповедником для диких зверей, ограниченным болотистыми берегами реки Чарльз. Дорога около церкви загибалась и вела в лесистую местность, где стояли домики. Подобно приходу в Скитьюейте с его тридцатью акрами земли на берегу океана, земельные владения Св. Сусанны были золотой жилой. Этот приход ежемесячно отсылал диоцезии по $10 тысяч.

«Я был потрясен, узнав о том, как епископы покрывают педофилов, – говорил Джосома. – Когда Лоу покинул Бостон, апостольский администратор епископ Леннон встретился со священниками и сказал, что мы задолжали сотрудникам из мирян, вышедшим на пенсию, $10 миллионов из-за того, что пастыри не посылают деньги в канцелярию. Я подумал: *десять миллионов долларов?* Как канцелярия могла это допустить? Через год, как только начал говорить архиепископ О’Мелли, речь зашла уже о $25 миллионах [долга]. Что же у них происходит?»

Приход Св. Сусанны, не обремененный ни долгами, ни школой, процветал. Соседний куда более крупный приход Вознесения Марии был должен $1,6 миллиона из-за расходов на реконструкцию, он постепенно выплачивал этот долг, сдавая здание школы частной академии за $25 тысяч в месяц. Когда в 2004 году вышло постановление об объединении приходов, два прихода составили совместный отчет о своих службах и финансах. В более крупной церкви пять воскресных месс посещало 1930 людей, в Св.

Сусанне три мессы посещало 640 прихожан. Но меньшая церковь была свободна от долгов и росла, так что по сравнению с прошлым годом число ее прихожан увеличилось на 20 процентов[249].

Джосома вместе с коллегой отцом Джоном Духэром приготовили совместный отчет к 8 марта 2004 года. Они писали о том, что следует оставить оба прихода, хотя, по словам Джосомы, «такую возможность им никто не предлагал». Он до последнего дня спорил с Духэром из-за того, что «в отчете не был упомянут долг Вознесения Марии в миллион с лишним. Духэр сказал мне: «В диоцезии об этом знают». Я ответил, что комитет реконфигурации не знает этого».

Но Духэр метил в иерархи. Джосома, подумав, решил не делиться с комиссией тем, что он знал о достижениях коллеги в финансовых делах: это бы было воспринято как попытка помешать Духэру стать епископом и вызвало бы ответный огонь, в результате чего Джосоме было бы труднее защищать свой приход. Ежегодный дефицит в церкви Духера составлял $101,129 тысячи. Школу перестали арендовать. Нижнюю часть церкви перестали отапливать из экономии – и там появилась плесень. В 2007 году новый пастырь подсчитал, что долг архидиоцезии в $1,2 миллиона можно будет сократить на $675 тысяч с помощью продажи земли городу Дедхему[250]. К тому моменту пастырь, покинувший приход с огромными долгами, уже стал викарным епископом Духэром.

«Вот она, политика клуба, – сухо заметил Джосома. – Стоит ли удивляться тому, что у нас царит беспорядок?»

Во время обсуждения вопросов о слиянии один из диаконов Св. Сусанны, юрист, который изучал право в Гарварде, сказал Джосоме, что изъятие – это возможность «быстро поживиться наличными».

Джосома договорился о встрече с архиепископом О’Мелли и епископом Ленноном, на которую должны были прийти кроме него еще десять активных прихожан.

Они совершили предварительное исследование ситуации в архидиоцезии Санта-Фе (штат Нью-Мексико), где в начале 1990-х удалось собрать $8 миллионов, чтобы выплатить надлежащую часть компенсации в $25 миллионов жертвам сексуальных преступлений. Архиепископ Майкл Шихэн обратился к настоятелям приходов с просьбой о помощи. Увеличив поток пожертвований и продав часть приходской собственности, священники собрали около $2 миллионов, при этом им удалось избежать масштабного закрытия приходов[251]. Предшественники Шихэна разрешали преступникам, находящимся на лечении в центре Служители Утешителя в Хемес-Спрингс в Нью-Мексико, выполнять приходскую работу на уик-эндах, где те могли находить новых жертв. Правила лечебного центра были такими

неразумными, что при судебных процессах священники не могли продолжать терапию. Архиепископ Роберт Санчес в 1993 покинул свой пост, когда публика узнала о его сексуальных связях с молодыми женщинами и девушками-подростками. Его заменил Шихэн, который прибыл сюда из диоцезии Далласа со своим грузом проблем: будучи ректором семинарии, он игнорировал предупреждения относительно одного семинариста, Руди Коса, бывшая жена которого предупреждала служителей церкви о его психосексуальных отклонениях. Во время учебы Кос опекал одного подростка, который иногда ночевал в семинарии, где Кос вступил с ним в сексуальную связь. Шихэн заявил на суде, что никогда не видел того юношу. «Я думал, это личное дело Руди, взрослого человека, который сам может решать свои проблемы»[252]. Кос стал священником. Позже восемь юношей из благополучных приходов и его опекаемый, ставшие жертвами Коса, подали иски против него и диоцезии. В 1997 году жюри присяжных вынесло решение о выплате пострадавшим суммы в $119 миллионов. Это был шок для епископа Чарльза Грехменна, имя которого присяжные упоминали, обвиняя его в недосмотре. Как это часто случается при подобных вердиктах о крупных суммах, адвокаты жертв согласились снизить сумму выплат до $31 миллиона, чтобы избежать долгих судебных процессов и апелляций[253]. Быть может, после скандала в Далласе Шихэн стал мудрее. В Санта-Фе он вместе со священниками и мирянами выискивал собственность, которую можно было продать, и занимался фандрайзингом, чтобы расплатиться с жертвами преступлений.

На встрече с иерархами в Бостоне Джосома и десять прихожан рассказали о том, как подобная финансовая проблема была успешно решена в Санта-Фе. О’Мелли и Леннон их слушали. Группа из св. Сусанны говорила о том, как здесь важна прозрачность. Джосома сказал, что скачок долга архидиоцезии с $10 миллионов до $40 миллионов трудно понять. Куда же подевались эти деньги? О’Мелли молчал. Леннон заговорил о повышении расходов на содержание церковной собственности, о резком сокращении потока пожертвований и повышении стоимости пенсионного плана. Группа передала епископам пакет документов с таблицами и диаграммами, которые делали весомее ее мнение о том, что живой приход не следует закрывать.

Джосома попросил О’Мелли посетить их приход и отслужить здесь мессу.

– Я не хочу устраивать забаву для СМИ. Мне кажется, этой встречи вполне достаточно, – отклонил приглашение архиепископ.

– Это две разные вещи, – ответил Джосома.

А затем, в соответствии с решением совета прихода, отец Джосома предложил архиепископу О’Мелли принять в дар четыре акра церковной земли – первосортной недвижимости, – цена которой, как он подсчитали, составляет около $2 миллионов.

– *Дело здесь не в деньгах, Стив!* – воскликнул епископ Леннон, хлопнув рукой по столу. Прихожане смотрели на него в изумлении.

– Рад, что это не нечто личное, – ответил Джосома.

Ибо дело заключалось *именно* в деньгах, и это понимали все сидящие в комнате. Но дипломатия не позволяла присутствующим возражать Леннону, чтобы его не ставить в неловкое положение. О’Мелли, почти ничего не сказав, завершил встречу, пообещав, что он подумает о том, что они сообщили.

Джосома верил в учение церкви о том, что диоцезия существует, чтобы служить приходам. Теперь ему начало казаться, что архидиоцезия высасывает деньги из церквей. Когда из архидиоцезии прибыла комиссия, чтобы составить опись имущества церкви и приходского дома, Джосома увидел, что его добровольцы оцепенели. И тогда он сказал людям с папками и фотоаппаратами: «Если вы хотите нас разграбить, придите попозже. А сейчас, пожалуйста, нас покиньте».

Глубинные бомбы из удаленных районов

6 июля 2004 года архидиоцезия Портленда в штате Орегон столкнулась с исками со стороны сотен жертв преступлений, в результате чего ей надлежало выплатить $53 миллиона компенсации. Архидиоцезия обратилась к защите Главы 11 Кодекса о банкротстве США. «Активы приходов принадлежат приходам, – заявил архиепископ Джон Влазны. – Я не вправе отбирать собственность у приходов»[254]. Спустя несколько недель диоцезия Таксона в штате Аризона также прибегла к защите Главы 11, хотя и не выражала позиции архиепископа Влазны. Их примеру последовала диоцезия Спокана в штате Вашингтон, предварительно потратив на пиар $400 тысяч[255]. В этом случае Николас П. Кефарди, канонист и декан юридического факультета Университета Дюкена, сделал официальное заявление, которое взволновало людей в закрывающихся приходах Бостона. «По каноническому праву, – сказал Кефарди, – ни епископ, ни диоцезия не являются владельцами собственности приходов. Епископ может распоряжаться приходской собственностью только с согласия настоятеля прихода»[256].

Адвокаты церкви, предоставляя данные об имуществе диоцезий, хотели, чтобы собственность

приходов не числилась в перечне активов. Однако в Портленде и Бостоне, как и в Чикаго и в других диоцезиях поменьше, таких как Новый Орлеан, епископ был единоличной корпорацией, юридическим лицом, владевшим всей собственностью приходов и церкви (за исключением собственности школ и университетов). В Портленде адвокаты ответчика утверждали, что архиепископ носит «чисто номинальный титул», поскольку канонический закон ограничивает его право продавать собственность, а принцип религиозной свободы в Конституции США не позволяет епископу заниматься сделками, опираясь на свой авторитет. В Спокане адвокаты жертв утверждали, что как единоличная корпорация епископ владеет всеми активами, и потому жертвы вправе требовать компенсации за счет них.

Автор редакционной статьи независимого еженедельника *National Catholic Reporter* смеялся над юридическими уловками епископов:

> Аргументы диоцезий Спокана и Портленда напоминают нам о знаменитом вопросе Маркса (не Карла, а Граучо): ты кому веришь – мне или собственным глазам? Если забыть об изящных канонических законах, можно увидеть, что власть в церкви США – или, если хотите, право собственности – несомненно, принадлежит епископу в рамках его диоцезии. Одни епископы пользуются этой властью ради добра, другие нет, но было бы нечестно отрицать ее существование. Епископы несут ответ перед Римом и, надо полагать, перед Богом, но не перед своими священниками и уж тем более не перед прихожанами.
>
> Церковь оказалась банкротом – в каком смысле слова, это можно понимать по-разному[257].

Бдения начинаются

15 августа 2004 года среди зелени общественного бостонского парка Коммонс была отслужена месса, организованная «Голосом верных», где собралось около тысячи людей, несмотря на холодную погоду и темное дождливое небо. Среди пяти священников, совершавших богослужение, были Джосома и Боуэрс. «Архидиоцезия Бостона путает миссию церкви с деньгами церкви, – сказал Боуэрс на проповеди, что вызвало аплодисменты. – Но нам не хватает смелых епископов, которые бы смогли нам ответить, почему это происходит»[258]. Боуэрс выражал боль людей, которые стояли с плакатами «Св. Альберт должен остаться» – речь здесь шла об Уэймутском приходе, куда входило 1600 семей, свободном от долгов и где доходы примерно на $200 тысяч превышали расходы[259].

Пастырь Св. Альберта Великого, подобно своим коллегам из церквей Чарльзтауна и Дедхема, отец Рон Койн был одним из 58 священников, подписавших письмо об отставке Лоу. Подобно Боуэрсу и Джосоме Рон Койн принес новую жизнь приходу, где оставалось все меньше людей. По иронии судьбы эти три священника выполнили задачу, которую Ватикан поручил архиепископу О'Мелли, совершив полный переворот, хотя не в диоцезии, но в приходах. В Уэймуте было пять приходов, и отец Койн служил в самом маленьком здании из пяти, у его прихода не было школы. Прихожане возмущались планами реконфигурации, и десять человек из них в Уэймуте заявили, что в день закрытия прихода 29 августа они не покинут церкви. Они принесли подушки и одеяла и спали на церковных скамьях. «Мне очень грустно, – сказал отец Койн для репортеров Associated Press. – Это великая несправедливость. [Архидиоцезия] видела, что приход зажил новой жизнью, но даже не попыталась принять это во внимание»[260].

В течение двух дней двести человек присоединились к мирному протесту и решили сменять друг друга, чтобы бдение продолжалось. В соответствии с каноническим правом, приход направил апелляцию в архидиоцезию.

«Мы не станем насильно вытаскивать людей из церкви, – сказал официальный представитель архидиоцезии журналистам. – Архиепископ сказал, что нам надо быть терпеливыми и действовать в христианском стиле». Тем временем прихожане Св. Альберта Великого собрали $100 тысяч для оплаты услуг юристов и подали иск против архидиоцезии, утверждая, что *они – владельцы прихода*. «Теперь мы понимаем, что являемся церковью и должны хранить верность Христу, а не архидиоцезии Бостона», – говорилось в заявлении совета прихода, причем речь здесь вовсе не шла об уходе из церкви или расколе[261].

Архиепископ О'Мелли позволил бунтовщикам сидеть в церкви без священника.

Прихожане Св. Екатерины Сиенской также думали, как им лучше поступить. Они хотели встретиться с архиепископом. Борре размышлял над таким вопросом: что если разоблачить финансовую нечестность архидиоцезии и использовать это для того, чтобы заставить ее переменить свой план действий? Боуэрс просил о встрече с О'Мелли, но безуспешно. Хотя Борре любил отца Боуэрса, он благодаря опыту работы в корпорациях смотрел с суровым реализмом на динамику больших организаций и скептически относился к стратегии наивного пастыря, которого так обожала его теща. Боуэрс прекрасно общался с журналистами, он говорил правду властям через СМИ. Борре понимал, что кричащие заголовки в прессе

могут стать рычагом в их борьбе с О’Мелли (или с невидимой властью Леннона), но лишь в том случае, если у них будет надежная стратегия.

В Бостоне уже пахло осенью, когда Борре отправился в приход Св. Апостола Фомы в Пибоди, где, как ему донесли, произойдет редкая встреча прихожан с Ленноном. Скептичные люди, у которых отнимали процветающий приход, молча сидели на скамьях, когда епископ начал свое выступление. Леннон – человек с редкими темными волосами, узким лицом и золотой цепью епископа на животе – сначала сухо изложил историю кризиса. Священников становится все меньше, так что их не хватит на все приходы. Двадцать пять процентов приходов не отчисляют деньги архидиоцезии. «*Но ведь он закрывает некоторые самые богатые приходы, которые, соответственно, и платят больше*», – размышлял про себя Борре. Архидиоцезии приходится тратить больше денег на медицинское страхование священников, продолжал Леннон.

Один прихожанин спросил, могут ли они обжаловать это решение в рамках канонического права. Леннон помолчал, рассчитывая на то, что эта пауза произведет свое действие, и наконец произнес: «Не тратьте понапрасну ваше время».

«*Значит, он хочет избежать схватки в рамках канонического процесса*», – отметил для себя Борре.

Св. Фому пощадили после того, как богатый защитник прихода совершил пожертвование на крупную сумму. В это же время прихожане семи других церквей отказывались покидать помещение. 47-летняя Синтия Дейшер, президент компании, занимающейся консультациями по инвестированию, сидела на скамье в церкви Св. Ансельма в Садбэри, размышляя, к чему приведут эти бдения, и здесь к ней подсел человек, представившийся как Питер Борре. Он предложил ей стать сопредседателем совета приходов. Борре хотел превратить пассивное сопротивление бдений в силу, с которой архидиоцезия не сможет не считаться. Дейшер работала главным финансовым инспектором в трех компаниях, предлагавших публике ценные бумаги, и она была столь же странным, как и Борре, кандидатом для оппозиционной группы в архидиоцезии. На протяжении многих лет она вносила данные о пожертвованиях в компьютер и еженедельно отправляла деньги на хранение в банк[262]. Дейшер присоединилась к круглосуточному бдению, потому что видела в плане реконфигурации обман. «Католики могут быть щедрыми, когда их к этому побуждают должные чувства», – сказала она мне позднее. Приход Св. Ансельма, расположенный на земле стоимостью около двух миллионов, не имел долгов и хранил в банке $600 тысяч. Приход Св. Бернарда в Ньютоне, по ее оценкам, стоил $12 миллионов.

Дейшер – замужняя женщина с двумя дочерьми, одна из которых оканчивала среднюю школу, а другая училась в колледже, – в отличие от мыслящего более масштабно Борре, думала лишь о том, как сохранить свой приход. «Голос верных» был связан с жертвами преступлений священников, многих из которых не волновало закрытие приходов, его вожди пытались втянуть епископов в диалог. Борре думал о более радикальной стратегии, куда входили такие вещи, как давление на архидиоцезию с помощью протестов в виде бдений, дела в гражданских судах о собственности приходов и рассмотрение дела на трибуналах Ватикана.

Пока люди Св. Сусанны боролись за свой приход, умерла одна прихожанка, у которой не было средств на погребение. Семья решила ее кремировать. Около приходского дома, где жил Стивен Джосома, находился сад, и семья была рада тому, что он позволил похоронить ее пепел в земле около церкви. Во время этого захоронения отец Джосома освятил землю. Теперь у Св. Сусанны появилось кладбище. Вскоре там совершилось еще два погребения. Переселять прихожан из церкви с кладбищем было для О’Мелли более сложным делом, здесь возникали новые канонические проблемы. Джосома держал эту козырную карту при себе, ожидая момента, когда выйдет указ о закрытии прихода.

Он хотел, чтобы живые обладали теми же каноническими правами, что и умершие.

Прихожане Св. Сусанны, представившие свои доводы О’Мелли, получили отсрочку закрытия прихода на три года. Архиепископ был волен аннулировать это решение в любой момент. Однако это событие несколько успокоило Джосому.

Большой поворот в деле наметился 3 октября 2004 года, когда О’Мелли объявил о созыве комитета, куда пригласили восьмерых известных католиков, который должен был исследовать план закрытия приходов и доложить архиепископу о результатах. Сопредседателями комитета стали сестра Дженет Эйснер, президент Колледжа Эммануэль, и Питер Мид, председатель совета Католической благотворительности и вице-президент Голубого креста и Голубого меча в Массачусетсе. Этим «исследованием» О’Мелли как бы отодвигал в сторону Леннона. «Я буду удивлен, если в результате архиепископ не пересмотрит своего отношения к некоторым случаям [закрытия приходов]», – сказал Мид журналисту *Globe*[263].

14 октября 2004 года Питер Борре и Синтия Дейшер создали Совет приходов; в это время в семи церквах продолжались бдения, участники которых предлагали «приостановить процесс закрытия приходов, отменить уже готовые постановлении о закрытии и вместе с архиепископом О’Мелли заняться

решением проблем архидиоцезии». Дорис Джардьелло, которая провела шестьдесят лет из прожитых ею семидесяти пяти в церкви Св. Терезы, спала на алтаре в своей бежевой зимней куртке[264]. Это напоминало сидячие протесты борцов за гражданские права в Южных штатах. Тем самым участвующие в бдениях бостонцы со своими подушками, спальными мешками и мобильниками превратили свои священные места в очаги сопротивления архиепископу.

Муки архиепископа

«У меня есть план», – сказал архиепископ О'Мелли Боуэрсу по телефону.

В очередной раз Борре отвез священника в канцелярию и ждал его снаружи, не желая сидеть в приемной. В эти светлые осенние дни бостонские «Красные носки», за которые болела Мэри Бет Борре, сражались на чемпионате страны, а ее кандидат сенатор Кэрри стал опасным соперником для президента Буша. Если невезучие «Красные носки» способны побеждать, значит, все возможно. Борре порадовало то, что О'Мелли поручил Дэвиду Кастальди, бывшему канцлеру архидиоцезии (и сокурснику Питера по Гарвардской школе бизнеса), возглавить комитет по наблюдению за реконфигурацией. Теперь власть Леннона уравновешивали две группы, получившие полномочия от О'Мелли.

Отец Боуэрс сидел напротив архиепископа О'Мелли, который сообщил священнику, что теперь он решил закрыть все три прихода в Чарльзтауне и создать один новый. «Это будет новое начало», – сказал прелат, однако его план означал, что все три настоятеля подают в отставку. Боуэрс не хотел уходить, но он чувствовал эмоциональное и физическое опустошение; кроме того, он был тронут тем, что архиепископ учел советы его группы о постепенном закрытии приходов. «Вам удалось убедить двух других священников подать в отставку?» – хотел знать Боуэрс.

Они согласны, заверил его О'Мелли.

После долгой борьбы за приход Боуэрс чувствовал себя куском дерева, в который вкрутили шуруп настолько глубоко, что он готов треснуть. Его группа рекомендовала процедуру долгого перехода при участии трех пастырей, что резко отличалось от плана архиепископа. «*Если я не уйду*, – думал он, – *мой приход закроют. Если уйду, все три священника покинут свои места, а одна церковь останется. По крайней мере, все окажутся на равных правах*».

О'Мелли обещал не закрывать приход хотя бы в течение года и сказал, что новый настоятель учтет пожелания прихожан, которые будут выбирать себе церковь. Переутомленный и подавленный Боуэрс

решил, что это лучший вариант из предложенных. Архиепископ сказал, что ему надлежит уйти в течение недели. Боуэрс ответил, что ему нужно больше времени и чтобы упаковать свои вещи, и чтобы подготовить свою паству к неприятным переменам. О'Мелли на это согласился.

Боуэрс подошел к машине, глубоко погруженный в свои мысли. «Ну что?» – спросил его Борре.

– Думаю, все отлично. Шон даже обнял меня в конце встречи.

«*Что за черт?*» – чуть не воскликнул Борре, но сдержал себя, завел машину и спокойно попросил рассказать обо всем подробнее. Услышанное ему совсем не понравилось. Борре хотел, чтобы приход Св. Екатерины Сиенской присоединился к бдениям. Боуэрс ответил, что это должны решить сами прихожане. Борре осознал одну неприятную вещь: влияние пятидесяти восьми священников, подписавших письмо с осуждением Лоу за то, что тот скрывал преступников, не действует в другой сфере – там, где прихожане теряют свои приходы. Лоу в конце концов уже ушел. Боуэрс узнал кое-что еще, когда пришел подписывать бумаги о своем уходе. Он спросил О'Мелли, где теперь он будет служить. «Вы не сможете быть пастырем долгое время, – сурово ответил прелат. – Многие священники возмущены вами». «*Это он сам возмущен мной*», – подумал Боуэрс. Он попросил предоставить ему годичный отпуск, на что архиепископ тотчас же согласился.

Леннон отказался отвечать на вопросы группы Дэвида Кастальди и полностью игнорировал исследования группы Мида и Эйснер. Но люди, располагавшиеся на ночлег в восьми храмах, ставили осуществление плана О'Мелли под угрозу.

И здесь как будто в стене плана появилась трещина. 13 ноября 2004 года О'Мелли опубликовал послание, в котором звучало глубокое отчаяние. Он писал:

> Закрытие приходов – самая тяжелая обязанность из всех, что мне приходилось выполнять за сорок лет моей христианской жизни.
>
> Принеся монашеские обеты, я понимал, что отныне мне придется делать самые трудные вещи, но не мог себе представить, что мне когда-либо выпадет исполнять столь мучительную и столь противную для меня лично обязанность. Порой я прошу Бога забрать меня домой, чтобы кто-то другой завершил это дело, но каждое утро, как я встану, мне надлежит делать очередные шаги для осуществления реконфигурации[265].

Борре был поражен: прелат говорит, что реконфигурация для него «противна» настолько, что он хотел бы умереть. Это же полное осуждение плана Леннона! Один священник сообщил Борре, что Леннон узнал

об этом послании из газеты *Globe*. Если это правда, в отношениях между архиепископом и епископом зияет глубокая трещина.

В послании О’Мелли Леннон не упоминался, но много говорилось о финансовом кризисе архидиоцезии: за три года текущий бюджет сократился на $14 миллионов, возник дефицит в $10 миллионов, изменение положения дел на фондовой бирже привело «к задолженности по выплате пенсий на $80 миллионов» – здесь имелось в виду пенсионное обеспечение как работников из мирян, так и духовенства.

> Многие общины для покрытия расходов продают землю и здания и сокращают объем своих сбережений. (В течение последних девяти лет приходы совершили около 150 сделок по продаже собственности, преимущественно – ради того, чтобы оплатить свои счета.) Некоторые люди думают, что реконфигурация даст архидиоцезии огромные избыточные средства. К сожалению, это не так. Я попросил финансовый совет архидиоцезии разработать стратегический план, который я вам представлю. Я – сторонник финансовой прозрачности и хочу использовать наши человеческие и финансовые ресурсы для осуществления миссии церкви.

Борре сказал журналисту газеты *Washington Post*, что его здесь «поразила глубина эмоций». Он готов согласиться с тем, что из-за демографических изменений некоторые приходы следует закрыть. «Вопрос состоит в том, что происходит с финансами архидиоцезии, и на него можно дать такой ответ: мы этого не знаем»[266].

Борре занимался поиском опытного специалиста по каноническому праву в Риме, и ему в руки попала толстая книга *Annuario Pontificio*, где в алфавитном порядке перечислялись диоцезии и службы Ватикана с именами, почтовыми адресами и телефонами. Здесь ему пригодилось владение итальянским. Борре сел за поиск нужных людей, занимавшихся ватиканскими судебными процессами. В тот момент он не мог знать, что кардинал Содано вместе с его племянником уже решили, что делать с закрытыми церквами Америки.

5

Итальянская интервенция

К осени 2003 года, когда папа обрюзг и выглядел переутомленным из-за лечения паркинсонизма, власть кардинала Содано над Римской Курией стала как никогда сильной. «Скандал в Соединенных Штатах привлек к себе неоправданно большое внимание СМИ, – заявил Содано. – В каждой стране существуют воры, но из этого не следует, что всякий человек ворует»[267].

Ранее в этом же году, когда Америка готовилась к войне с Ираком, представители папы выражали по поводу этого свои опасения. Кондолиза Райс, советник по вопросам национальной безопасности администрации Буша, заявила, что не может понять позицию Ватикана. Когда отношения между президентом Джорджем Бушем и Саддамом Хусейном зашли в тупик, Содано сказал итальянским журналистам: «Святейший Престол против войны, такова его нравственная позиция. Это определенно не защитная война». Вдобавок он упомянул о некоторых прагматичных вещах: «Мы призываем задуматься не о том, справедлива эта война или нет, нравственна она или безнравственна, но о том, стоит ли ее затевать. Мы можем показаться внешнему миру идеалистами, и отчасти мы действительно таковы, но в то же время мы и реалисты. Разумно ли это – вызывать гнев у миллионов мусульман? Даже в Афганистане дела идут не слишком хорошо. И потому мы настойчиво призываем задуматься о том, разумна ли идея такой войны»[268].

Через несколько часов после того, как на Багдад обрушились первые ракетные удары, Иоанн Павел осудил эту войну, назвав ее «победой над разумом и Евангелием»[269].

Райс посетила Ватикан 8 февраля 2005 года уже в качестве государственного секретаря и встретилась там с кардиналом Содано, занимавшим аналогичный пост. Закрытие церквей в Бостоне и дела о банкротстве пяти других диоцезий стали важной заботой Курии после встречи с архиепископом О’Мелли в 2003 году в Ватикане. Они обсудили положение дел в Ираке и на Ближнем Востоке, после чего Содано обратился к Райс с прямой просьбой, которая ее удивила. Кардинал попросил администрацию Буша что-то предпринять по поводу группового иска, поданного юристом из Луисвилла, против Святейшего Престола с требованием возместить ущерб всем жертвам сексуальных преступлений духовенства, который был подан в федеральный суд Кентукки. Райс ответила, что Конституция не допускает подобных вмешательств со стороны администрации президента.

Несколько предыдущих попыток подать иски против Ватикана не увенчались успехом из-за действия Закона об иностранном суверенном иммунитете 1976 года. «Тот факт, что Содано решил поднять этот вопрос при встрече с Райс, говорит о беспокойстве Рима о том, что его иммунитет рано или поздно будет

утрачен, и тогда Ватикан станет уязвимым для потенциально неблагоприятных вердиктов», – писал Джон Л. Аллен в *National Catholic Reporter*[270].

Неуклюжий дипломатический ход Содано вполне соответствовал его реакции на скандал с педофилией. Понимая, что диоцезии ликвидируют активы, во многих случаях ради того, чтобы расплатиться с жертвами преступлений священников, Содано убедил седовласого кардинала Кастрилльона назначить монсеньера Джованни Карру помощником секретаря Конгрегации по делам духовенства. Карру, приступивший к своим новым обязанностям 1 ноября 2003 года, до этого отвечал за катехизацию в диоцезии Турина в родном для Содано Пьемонте на севере Италии. Теплый и доброжелательный Карру не боялся потрогать щеку собеседнику или дружески его обнять, демонстрируя бурные проявления итальянского дружелюбия. Это сделало его подходящим кандидатом для работы внутри Конгрегации.

По словам одного клирика, кардинал Кастрилльон не был доволен, ему казалось, что Карру ему просто навязали. Карру, как сообщил этот источник, был бы рад посту епископа в своей маленькой диоцезии, но этот простой и дружелюбный человек привык делать то, на что ему указывали. Ему нравилось быть важным. По словам клирика, Карру нетерпеливо дожидался на встречах, когда их участники скажут: «*Ну что, мы наконец можем завершить собрание*?» – при этом иногда оказывалось, что обсуждены не все вопросы, и дискуссия продолжалась: в конце концов, это же Ватикан! В качестве помощника секретаря монсеньор Карру вел заключительную молитву после встречи, после чего все отправлялись на обед.

Как третий человек в команде Карру занимался перепиской, факсами и документами, поступающими ото всех диоцезий, епископов и священников земного шара, которые обращались в Конгрегацию. Внутренние службы Конгрегации Духовенства имели дело с дисциплиной священников, катехизацией и «патримонией», то есть собственностью. Карру особенно интересовала работа третьей канцелярии, занимавшейся отчуждением церковной собственности. Его патрон кардинал Содано внимательно следил за деятельностью своего племянника Андреа Содано, компании которого Карру давал советы в тот момент, когда собственность церкви поступала на рынок.

На протяжении долгих лет американские католики помогали Ватикану выпутываться из затруднений, и потому некоторым сообразительным итальянцам пришла в голову естественная мысль сделать закрытие церквей в Новом Свете источником прибыли. И для этой цели у Андреа Содано, инженера-строителя из Асти, родного города его дяди, был на примете человек, который мог сыграть здесь главную роль в

необходимом спектакле.

На сцену вышел Рафаэлло Фоллиери с щеками херувима, взъерошенными коричневыми волосами и глубоко сидящими черными глазами. В ноябре 2005 года двадцатисемилетний Фоллиери снял за $37 тысяч в месяц квартиру в два этажа в Олимпийской башне на Манхэттене. Он был представителем фонда, который занимается вакцинацией бедных детей в Латинской Америке. Он сделался знаменитостью из-за своего яркого романа со звездой кино Энн Хэтэуэй. Получившая признание после выхода фильма «Дневники принцессы» темноволосая Энни (как ее называл Рафаэлло) сделала Фоллиери знаменитым. Папарацци и бульварная пресса следили за каждым их шагом. Их пригласили на новогоднюю вечеринку в Доминиканскую республику вместе с такими гостями, как Билл и Хиллари Клинтон.

Каждый раз, когда в газетах и журналах появлялась фотография Энн с ее чарующей улыбкой, это, как понимал Фоллиери, шло на пользу его бизнесу. Куда менее обаятельный Андреа Содано служил вице-президентом компании Follieri Group. Несправедливо было бы назвать Содано мозгом всей операции, поскольку Фоллиери обладал прекрасным талантом торговца. Тем не менее Рафаэлло был просто любителем по сравнению с опытным Андреа, который через своего дядю поддерживал связь с Ватиканом.

Нью-йоркская Follieri Group посылала факсы Конгрегации по делам Духовенства, которые попадали на стол Джованни Карру, но не остались тайной для других священников, работающих тут. Сплетня есть хлеб насущный для бюрократии. Андреа и Рафаэлло получали от Карру информацию о выставленной на продажу собственности американской церкви, которая достойна капиталовложений.

На веб-сайте Follieri Group было указано, что генеральным директором компании является Рафаэлло, а президентом – его отец Паскуале. Уроженец провинции Фоджа в южном районе Апулии Паскуале Фоллиери занимался недвижимостью в Италии. Как говорилось в его биографии, он работал юристом в двух итальянских банках, был экспертом по арбитражу, членом Кассационного суда (итальянский аналог Верховного суда США), опытным журналистом, редактором газеты – но там не упоминалось, что он был осужден «итальянским судом за присвоение более $300 тысяч, принадлежавших обанкротившейся туристической компании, за активами которой он должен был наблюдать», как о том говорилось в *Wall Street Journal*. Он подал апелляцию на судебное решение[271].

Рафаэлло родился в Фодже в 1978 году, а затем учился в Риме. Какое-то время он жил с актрисой Изабеллой Орсини. В тот самый момент, когда Паскуале вступил в конфликт с законом, Рафаэлло вылетел из колледжа. Рафаэлло основал компанию Beauty Planet, занимавшуюся поставкой «престижных средств

ухода за телом и волосами от Shatoosh». Как было написано на сайте Follieri Group, в 2002 году он продал эту компанию и начал работать «в холдинговой компании со штаб-квартирой в Лондоне», занимавшейся нефтью и алмазными рудниками. Там ничего не говорилось о том, что Beauty Planet потеряла свои деньги, а лондонская компания разорилась[272].

Рафаэлло впервые посетил Нью-Йорк в девятнадцать лет. В Италии он тосковал по Манхэттену – ему хотелось сделать себе имя в этом городе городов. На одной вечеринке в Риме он повстречался с Андреа Содано. Он вернулся в Нью-Йорк в 2003 году почти с пустыми карманами, но с великими амбициями. Паскуале помог своему сыну создать компанию. Андреа Содано негласно занимался поиском потенциальных инвесторов и клиентов для Ватикана. Он планировал покупать собственность церкви по низкой цене, чтобы потом перепродавать ее с огромной прибылью.

Осенью 2005 года Рафаэлло и Андреа отправились в Вашингтон на собрание американских епископов. Сияющий кардинал Френсис Джордж из Чикаго приветствовал их в фойе отеля Хайатт Ридженси на Капитолийском холме. Радость кардинала не укрылась от глаз Джо Фойерхерда, вашингтонского корреспондента *National Catholic Reporter*. Журналист пристально следил за племянником кардинала Содано. Андреа – худощавый мужчина в очках с проседью ростом 1 м 78 см – производил впечатление опытного делового человека, в отличие от экспансивного Рафаэлло с его юношеским шармом.

Джо Фойерхерд раньше работал в сфере торговли землей под строительство жилья и хорошо знал, как кредиторы и государственные органы вместе работают над финансовым обеспечением крупных проектов. Многие епископы нанимали менеджеров, которые занимались недвижимостью их диоцезий, некоторые из них помогали строить жилье для престарелых и малообеспеченных, что иногда происходило под руководством со стороны церкви. Существовала даже такая самостоятельная профессиональная ассоциация, как Конференция католического управления инфраструктурой. Фоллиери отправился в конференц-зал отеля Хайатт, чтобы поприветствовать епископов, священников и служащих из мирян, а тем временем Фойерхерд размышлял о том, откуда тот берет деньги. Андреа Содано снимал окружающих мобильником, чтобы потом послать фото своему дяде в Ватикан[273]. «Когда Рафаэлло хочет встретиться с каким-либо епископом, он обращается в Ватикан – и епископ его принимает, – сказал анонимный инсайдер Фойерхерду. – У него такие связи».

На сайте Follieri Group появилось сообщение о «контрактах на приобретение собственности церкви в трех городах США на сумму $100 миллионов». Коммерческий директор Фоллиери писал руководителю

одного из религиозных орденов:

> Мы стремимся приобретать собственность диоцезий и религиозных организаций, обновлять и восстанавливать ее и, в случае необходимости, делать ее пригодной для иных целей, в частности использовать ее под жилье (для людей низкого, среднего или высокого достатка, в зависимости от района) или для коммерческих целей…
>
> Поскольку семья Фоллиери глубоко предана Католической церкви и давно связана с важнейшими иерархами Ватикана, Follieri Group с пониманием относится к задачам церкви и внимательна к ее нуждам[274].

И вот любопытный Фойерхерд задал вопрос Фоллиери: какую тот намерен использовать налоговую схему для строительства жилья для малообеспеченных – в 4 или 9 процентов? Рафаэлло не имел об этом понятия, но охотно сознался в своем невежестве – этими вопросами занимаются его подчиненные. «Это просто посредник», – решил Джо Фойерхерд[275]. Однако в своей статье журналист выражался осторожнее.

> По словам Рафаэлло Фоллиери для NCR, интерес компании к недвижимости церкви США в первую очередь обусловлен двумя причинами. Во-первых, сказал он, «[сексуальный] скандал в Америке, где диоцезиям приходится платить огромные деньги в ответ на иски», влечет за собой продажу церковной собственности. Во-вторых, демографические изменения – перемещение населения с севера и востока страны на запад и юг, а также из города в пригородную зону – приводят к тому, что «множество школ и церквей, в которых раньше кипела жизнь», остаются почти без употребления…
>
> Индустрия недвижимости, где существует огромная конкуренция, склонна хранить все, что можно, в тайне. Лишь когда сделка завершена – а этот процесс может тянуться месяцами, поскольку предполагаемые покупатели собирают средства и изучают условия среды и другие данные, касающиеся земельного участка, – покупка становится достоянием гласности.
>
> Но даже и в этом случае некоторые религиозные институты не обязаны предоставлять отчеты. Диоцезии и религиозные ордена на данный момент печально знамениты тем, что стремятся оставить свои сделки в тени, особенно если в них принимали участие важные лица из Ватикана[276].

«Подобные сделки подозрительны, – сказал Фойерхерду официальный представитель религиозного ордена, пожелавший остаться анонимом. – Я бы держался от этих людей подальше». Эти слова можно

перевести примерно так: в маленьком мире церковной политики вы не захотите, чтобы ваш шеф узнал, что вы насмехаетесь над торговцем, который является племянником кардинала Содано.

«Я работаю на семейство Фоллиери на протяжении последних пятнадцати лет как консультант по техническим вопросам, – сообщил Андреа Содано в электронном письме Фойерхерду. – Я занимался этим задолго до того, как компания Follieri Group развернула свою деятельность в США. Эта компания давно и успешно занималась недвижимостью, ее история говорит сама за себя»[277].

На начальной фазе Рафаэлло помогала Мелани Бонвичино, бывшая модель *Vogue* и специалист по рекламе, имевшая многих клиентов из числа знаменитостей. По ее словам, Андреа Содано был «весьма расчетливым, сдержанным и абсолютно геем. Он выглядел как аристократ. Когда перед вами сидит племянник кардинала – как, по-вашему, должны на это реагировать американцы? Это имидж. Рафаэлло был как актер, нанятый для исполнения главной роли. Он был не слишком интеллектуальным. Провинциальный парень с юга Италии, скромный дебют, но акцент, привлекательный вид и одежда – все это работало на него. У него были прекрасные манеры, что немало значит для большинства людей. Весь его бизнес строился на ассоциациях, на прекрасном фасаде. Он был обаятелен, харизматичен. Люди рядом с ним чувствовали себя *хорошо*… [Энн Хэтэуэй] все это время читала блоги. Он сделал *ее* ослепительной, сделал *ее* интересной»[278].

Ричард Ортоли, манхэттенский юрист, занимавшийся составлением документов об учреждении компаний, был настолько очарован Рафаэлло Фоллиери, что вложил в его компанию около $100 тысяч; он на время поселил Рафаэлло в своей свободной комнате и устроил вечеринку в элитном обшитом деревом Университетском клубе, чтобы представить публике Follieri Group. Как писал Майкл Шнейерсон в журнале *Vanity Fair*, там кардинал Содано ходил среди гостей, обменивался рукопожатиями, улыбался, демонстрируя самим фактом своего появления поддержку Ватикана. Фоллиери при посредстве Андреа Содано встречался с князьями церкви Америки, что создавало ему блестящий имидж. Винсент Понт, владелец ресторана и участник реконструкции здания TriBeCa, обратил внимание на то, как радушно кардинал Эдвард Иген приветствовал Рафаэлло в ресторане Filli Ponte. Побеседовав с Рафаэлло, Понте инвестировал $300 тысяч в Follieri Group и одолжил Рафаэлло белый «Мерседес» с водителем[279].

В 2004 году Рафаэлло влюбился в 22-летнюю Хэтэуэй. Тогда ей еще предстояло прославиться больше после того, как она сыграла роль наивной секретарши редакции журнала в фильме «Дьявол носит Prada». Ее статус знаменитости с первого момента их встречи повышал его статус. В план создания имиджа

входила благотворительность. Хотя Фонд Фоллиери оплачивал вакцинацию детей в Гондурасе, в начале 2005 года Рафаэлло выслал более важный дар в виде 20 тысяч евро (по обменному курсу – около $34 тысяч) Конгрегации по делам духовенства через Карру. 8 марта 2005 года кардинал Кастрилльон отправил Рафаэлло письмо с благодарностью «за самых нуждающихся священников». «Монсеньор Джованни Карру, – писал кардинал, – рассказал мне о Вашей весьма успешной деятельности в строительном бизнесе, которой Вы занимаетесь серьезно и преданно. От всего сердца желаю Вам успеха»[280].

Священники, приносящие пожертвования, тем самым повышают свой статус в глазах начальства. Монсеньор Карру угодил кардиналу Кастрилльону, а Рафаэлло Фоллиери, в свою очередь, снискал расположение Карру, третьего лица в Конгрегации, имевшего дело с документами о церковной собственности, которую намерены продать. Карру, бесценный источник информации о недвижимости, выставляемой на продажу епископами и кардиналами, имел здесь свои интересы.

«Мой возлюбленный – необычайный человек во многих смыслах, – говорила Хэтэуэй одному автору, пишущему о моде. – Одним из самых ни с чем другим не сравнимых афродизиаков является благотворительность. Я серьезно: если вы хотите произвести впечатление на девушку, делайте прививки детям, стройте дом»[281]. Рафаэлло и Энн действительно ездили в Гондурас, где бедных детей прививали от гепатита, хотя при этом компания, занимающаяся пиаром Фоллиери, следила за тем, чтобы в новостях появились правильные фотографии. Фоллиери установил связи с Дугласом Бендом, охранявшим доступ к Биллу Клинтону, намекнув тому, что он готов сделать внушительное пожертвование в пользу Глобальной инициативы Клинтона. Вскоре он встретился с Биллом Клинтоном и его приятелем Роном Барклом, миллиардером, занимающимся недвижимостью и застройкой. Кардинал Содано рекомендовал Фоллиери кабинету Клинтона. Когда газета *Wall Street Journal* пожелала узнать об этом побольше, «личный секретарь [Содано] ответил, что кардинал отказывается что-либо комментировать»[282].

Баркл был настолько впечатлен, что его частный фонд акций Yucaipa Companies (в совет которого входили Клинтон и Джесси Джексон), который среди прочего финансировал супермаркеты в бедных районах, согласился принять участие в компании Follieri Group LLC и вложить в нее $100 миллионов, внося эту сумму по частям по мере заключения конкретных сделок.

К первым приобретениям Фоллиери относится, среди прочего, заброшенный приход со школой в диоцезии Камдена (штат Нью-Джерси). Монсеньор Уильям Ходж из Атлантик-Сити был «глубоко заворожен» Фоллиери и вскоре начал с ним работать. Компания купила пустой участок земли у

архидиоцезии Чикаго и здания двух приходов в Северной Филадельфии стоимостью более $1 миллиона[283].

В Бостоне Фоллиери не удалось заключить никаких сделок. «Он все время повторял: «Я хочу купить», – вспоминал Билл Мак-Колл, возглавлявший дела с недвижимостью в архидиоцезии. – На мой взгляд, это было наивно – я не уверен, что он когда-либо мог приобрести именно то, что ему было нужно для застройки»[284].

Летом 2005 года, когда в компанию хлынули деньги Yucaipa, Рафаэлло Фоллиери получал заработную плату в размере $480 тысяч, но он тратил безумно много. Кроме ежемесячной платы в $37 тысяч за квартиру в Олимпийской башне, он держал повара, снимал квартиру в Трамп-тауэр для родителей, оплачивал услуги стоматолога для своего отца Паскуале и человека, выгуливающего собаку, и щедро расходовал деньги в путешествиях с Энн Хэтэуэй. Среди знаменитостей, гостивших на арендованной им яхте на Средиземном море, был сенатор Джон Мак-Кейн, политик-индивидуалист. Фоллиери вытягивал деньги из Yucaipa на содержание несуществующего римского офиса. Follieri Group обладала офисом на Парк-авеню, где секретаршами работали филиппинские монахини. В одной из комнат Рафаэлло соорудил алтарь, там был также шкаф с черными облачениями для Ходжа и еще одного работавшего здесь монсеньора, Джорджа Томашека, чтобы можно было производить нужное впечатление при переговорах о продаже собственности.

На еженедельных совещаниях с компанией Баркла Фоллиери все настойчивее говорил о необходимости оплачивать труд Андреа Содано, ссылаясь на то, что Ватикану нужен отчет инженера, чтобы одобрить продажу церковной собственности. Партнерство Follieri-Yucaipa в итоге израсходовало на это $800 тысяч. Офис Фоллиери пересылал деньги итальянскому офису Андреа Содано (а в некоторых случаях непосредственно в Ватикан) безналичным переводом. Изучая счета, можно увидеть, что в 2005 году деньги переводились в огромных размерах (это были деньги инвесторов Yucaipa). Вот как Фоллиери оплачивал труд Содано: 22 августа было переведено $75 тысяч за «инжиниринг»; 12 сентября – $15 тысяч за работу в Атлантик-Сити (штат Нью-Джерси) и $80 тысяч за Орленд-Парк в архидиоцезии Чикаго; 21 октября – $70 тысяч за Кенион-Сити (штат в счете не указан), еще $50 тысяч за Орленд-Парк и $75 тысяч за неопределенный «инжиниринг», что в сумме составляет $195 тысяч за один день. Ни один счет не уточняет, какая конкретно работа была проделана[285].

Позже ФБР установило, что Фоллиери перевел $387,3 тысячи одному мирянину по имени Антонио

Майниеро, выполнявшему административную работу в Ватикане. Майниеро занимал должность в Конгрегации по Канонизации Святых. Его роль, как выяснило ФБР, заключалась в том, что он обрабатывал церковных чиновников, «демонстрировал сады Ватикана Фоллиери и его гостям и организовывал для них туры по ватиканскому музею, тем самым создавая ложное впечатление, что тесные связи Фоллиери с Ватиканом давали ему право преимущественной покупки» церковной собственности[286]. Однако это впечатление создавалось не без ведома Ватикана. Перевод денег от Фоллиери Майниеро осуществлялся под надзором Ватикана, который стремился получить прибыль от продажи имущества церквей США. 2 ноября 2005 года Фоллиери перевел Майниеро $25 тысяч; 1 марта 2006 – $140 тысяч; 6 мая 2006 – $70 тысяч; 30 июня 2006 – $52 тысячи; 17 ноября 2006 – $100 тысяч.

8 марта 2006 года, спустя неделю после перевода в Ватикан Майниеро самой крупной суммы в $140 тысяч, кардинал Содано послал Фоллиери письмо с жалобами. Содано писал:

> Я чувствую, что должен сообщить Вам, как сильно я был расстроен, узнав, что Ваша компания упоминает о своих связях с Ватиканом на том основании, что мой племянник Андреа время от времени дает вам профессиональные консультации.
>
> Я не знаю, что породило это неприятное недоразумение, но в будущем необходимо избегать подобных вещей.
>
> И потому я призываю Вас с особым вниманием относиться к этому предмету. Соответственно, я должен буду поставить об этом в известность моего племянника Андреа и любого другого человека, который будет задавать мне вопросы о Вашей фирме.
>
> Пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить Вам мое уважение[287].

Это письмо, несомненно, было реакцией на пространную статью Фойерхерда, появившуюся в *National Catholic Reporter* 3 марта. В своем донесении посол Ватикана в Вашингтоне, разумеется, обратил внимание государственного секретаря Святейшего Престола на нелестные отзывы о нем самом, о его племяннике и о том, что, по словам представителя религиозного ордена, «подобные сделки подозрительны». Кардиналу Содано захотелось здесь же замести свои следы. Хотя Андреа кормился от этого бизнеса, кардинал Содано – который предоставлял свои священные служебные кабинеты, чтобы в них можно было поприветствовать потенциальных покровителей и клиентов Follieri Group при ее дебюте в Манхэттене, – сделал вид, что ни о чем подобном не слышал. Какие связи с Ватиканом? Это просто «неприятное недоразумение». Вдруг Фоллиери станет еще яснее говорить о своих связях с Ватиканом в

рекламных проспектах? Или о том, что он советуется с Андреа о покупках? Но как Яго подтолкнул Отелло навстречу его судьбе, а затем покинул, так и Андреа, живущий в Италии, мог с легкостью отречься от Рафаэлло.

Когда кардинал подчеркнул в своем письме, что «необходимо избегать подобных вещей», сама власть с ее холодной миной тихонько предупреждала слишком пылкого Фоллиери: «Будь поосторожнее». Возможно, здесь был и такой смысл: «Мы не будем тебя защищать, если случится беда». Ибо Рафаэлло Фоллиери хвастался перед потенциальными инвесторами и продавцами церковной собственности и уже дошел до того, что уверял людей, как будто он *руководит финансовыми делами* Ватикана! И когда слухи о самомнении Фоллиери дошли до Дворца Апостолов, кардинал Содано почувствовал опасность. Тем не менее, его увещевания в письме неоднозначны. Почему, хочется нам спросить, кардинал ясно не сказал Фоллиери: довольно, все это пора прекратить? Если бы он так сделал, он бы уничтожил золотого тельца, поставлявшего свежее мясо Андреа, Антонио Майниеро, монсеньеру Карру и, быть может, самому кардиналу.

Четыре месяца спустя после письма кардинала, когда Баркл и другие вкладывали деньги в компанию с ограниченной ответственностью Yucaipa Follieri Investments, Рафаэлло и Андреа отправились в Бразилию, чтобы разведать, как там обстоят дела с собственностью. Как раньше Фоллиери подарил 20 тысяч евро Конгрегации по делам Духовенства, так теперь он заготовил чек на $25 тысяч для архиепископа Сальвадора-да-Байя и чек на $85 тысяч для архиепископа Рио-де-Жанейро. По осторожным словам ФБР, «получатели этих пожертвований не знали, что Фоллиери дарит им краденые деньги»[288]. Фоллиери и Андреа Содано выработали план, который невозможно было осуществить без помощи Ватикана: взять американские деньги, дать часть из них нужным епископам, получить у них сведения о доступной недвижимости, купить ее дешево, продать по дорогой цене.

Весной 2007 года Рон Баркл начал подозревать, что его надувают. Он попросил показать ему инженерные отчеты. Фоллиери тянул время. Миллиардер, путешествовавший в своем частном самолете и имевший такого приятеля, как Билл Клинтон, *потребовал* показать ему документы. Фоллиери засадил своего секретаря за работу, и тот не спал ночью и создавал отчеты, датированные задним числом. Их представили сотрудникам Баркла. Теодор Качиоппи из ФБР сказал мне позднее: «Отчеты были написаны по-итальянски. Каждый из них занимал от двух до пяти страниц. Ни в одном из них не было ни схем, ни чертежей, ни диаграмм – ничего похожего на инжиниринг». Отчеты от имени Содано «были практически

бесполезными, не отражали деятельность инженера и определенно не стоили $800 тысяч»[289].

У Yucaipa Companies Баркла были свои инвесторы, в частности Общий пенсионный фонд штата Нью-Йорк, Пенсионный фонд калифорнийских учителей и Пенсионный фонд государственных служащих Калифорнии. В июне 2007 года Yucaipa подала иск против Фоллиери с требованием выплатить $1,3 миллиона. Здесь карточный домик начал разваливаться. В тот момент Рафаэлло завершал сделку с лондонской компанией Helios по приобретению собственности в Европе. Прежде всего ему нужно было как-то ответить на юридическую атаку Баркла. Ему удалось вернуть деньги компании Yucaipa, но, по словам агента ФБР Качиоппи, статья Джона Р. Эмсхвиллера в *Wall Street Journal* от 15 июня 2007 года «привлекала наше внимание к Фоллиери».

Когда ФБР приступило к расследованию, все перестали оплачивать чеки Рафаэлло. По словам Мелани Бонвичино, за последние четыре месяца аренды квартиры ($148 тысяч, без зарплаты повара) в Олимпийской башне заплатила Хэтэуэй. Рафаэлло переехал к своей матери в Трамп-Тауэр. Отправляясь в Рим в июне 2008 года, он рассорился с Энн. Он обратился к Бонвичино, которая занималась его пиаром вначале и теперь пыталась ему помочь пережить трудный момент. «Мне пришлось осуществлять антикризисное управление, – сообщила она. – Сделка с Helios давала ему шанс расплатиться с долгами и восстановить свою профессиональную репутацию… Когда возник конфликт с Yucaipa, Рафаэлло отдал лучшую часть того, чем владел. Барклу достались все самые выгодные акции. Они принесли ему неплохую прибыль».

Католическая церковь владела дорогой собственностью в Ирландии и Соединенном Королевстве. План застройки, о котором Фоллиери вел переговоры с Helios, должен был принести ему новые богатства. Он получал информацию из Ватикана от Антонио Майниеро, обещав тому хороший пост в римском филиале его компании. За обменом факсами следил монсеньор Карру из Конгрегации духовенства. Мелани Бонвичино вспоминает: «Я сказала сотрудникам Helios: «*Держите его на пособии, покрывайте его законные расходы, чтобы он не остался с пустыми карманами*». Так себя ведут с актерами, у которых проблемы с наркотиками. В деятельности Рафаэлло не было никакого волшебства. Он все время работал изо всех сил. В путешествиях он постоянно встречал людей. Люди – это деньги. Сядь рядом с нужным человеком и подожди, пока тебя не сфотографируют, а затем ищи следующего. Это напоминало [фильм] «Американский жиголо»: свидания с начинающими актрисами, встречи с людьми, только Рафаэлло предпочитал сам за всех платить… Он на все смотрел с точки зрения бизнеса».

Когда Бонвичино приехала в Рим, Рафаэлло Фоллиери не хватало наличности. Монсеньор Карру требовал от него денег. «*Нам очень нужна их поддержка*», – сказал ей Рафаэлло. Бонвичино, воспитанная в католической вере и обладавшая своими представлениями о церкви, удивлялась, почему вожди церкви терпели Рафаэлло, который откровенно хвастался своими связями с Ватиканом. И здесь она поняла, что Ватикан принимает участие в продаже церковной собственности в Америке. Бизнес есть бизнес. Люди – это деньги. В Риме она обратила внимание на монсеньора Карру, маленького человека за пятьдесят, чьи женственные манеры контрастировали с его глубоким низким голосом *furbo* – то есть умного, расчетливого хитреца, знаменитого этими своими качествами. Карру для нее был воплощением такого *furbo*.

Рафаэлло сказал ей, что ему нужна информация от Карру, чтобы успешно взаимодействовать с Helios.

Монсеньор Карру сказал, что он скоро уедет отдохнуть. Втроем они отправились в ресторан «Ла Розетта». «Карру знал многое, – продолжает Бонвичино. – Думаю, за ним уже следили. Он был последним их тех, кто доил корову. Священник заказал вина. Я расплатилась за всех. После еды он преподал мне благословение». На следующий день они встретились в Ватикане. Она сняла через банкомат деньги со своей карточки в евро на сумму в $1000 и дала монсеньору Карру свой личный чек на $9 тысяч (на котором написала – «*пожертвование*»), который он час спустя обналичил в Банке Ватикана.

Затем Бонвичино и Фоллиери вылетели в Нью-Йорк, а оттуда отправились в Лондон, где компания намеревалась найти 100 миллионов евро за работу с собственностью церкви в Ирландии и Соединенном Королевстве. Мелани сказала Рафаэлло, чтобы тот оставался в Лондоне и не «светился», а она тем временем уплатит его долги, наймет юриста и вступит в переговоры с федеральными властями в Манхэттене, иначе ему угрожает арест.

Но сердцу не прикажешь. Не выдержав, Рафаэлло начал обмениваться телефонными звонками и сообщениями через континенты и часовые пояса с Хэтэуэй, а потому остался без адвоката в критическую минуту. Он думал о своей Энни. Она совершала тур в связи с кинофильмом «Напряги извилины», и в это время они вели свой страстный диалог. Рафаэлло, заботившийся о ее собаке в Трамп-Тауэр, не подозревал, что его возлюбленная сотрудничает с ФБР, как и два американских монсеньора, Ходж и Томашек, числившиеся среди его сотрудников. 24 июня 2008 года, когда Рафаэлло в боксерских шортах спал в квартире матери, в шесть утра в дверь позвонили. Вошедшие сотрудники ФБР арестовали Рафаэлло из-за мошенничества и отмывания денег. В то время его отец Паскуале находился в Италии. В сейфе Рафаэлло сотрудники ФБР нашли письмо от кардинала Кастрилльона и «дымящееся ружье» (выражение агента

Качиоппи) – письмо от Содано.

Как считает Мелани Бонвичино, «расследование началось из-за того, что Рафаэлло постоянно упоминался в прессе и привлекал к себе всеобщее внимание». СМИ с удовольствием передавали «вкусные» подробности о театральном падении Фоллиери, не забывая и о его романе со звездой кино, но при этом роль Ватикана не освещалась. Рафаэлло сидел за решеткой и не мог выйти под залог в $21 миллион, поскольку федеральный прокурор опасался, что он убежит; у него не было ни американского паспорта, ни сильной руки в Риме, чтобы вести переговоры о его экстрадиции и чтобы он отбывал срок наказания в Италии. 23 октября 2008 года он был признан виновным по четырнадцати пунктам в мошенничестве с использованием электронных средств коммуникации, отмывании денег и преступном сговоре.

«Мы считаем, что Студио Содано [корпоративное имя Андреа] участвовал в мошенничестве ради денег», – сказал мне Качиоппи. А что он думает об Антонио Майниеро и Карру? «Как мы считаем, эти люди причастны к сговору, хотя против них не было выдвинуто обвинения. По нашему мнению, эти люди в Италии, второстепенный чиновник [Майниеро] и секретарь Карру, получали взятки. Мы не стали привлекать этих людей в качестве свидетелей. Госдепартамент дал нам понять, что они не желают с нами говорить. С точки зрения ресурсов попытка привлечь их была бы нецелесообразной». После этого Качиоппи занялся делом Бернарда Мейдоффа.

Фоллиери приговорили к тюремному заключению сроком четыре с половиной года, но многие вопросы остались без ответа. Что сделал Майниеро с $387,3 тысячи? Поделился ли он частью суммы с кардиналом Содано? Быть может, эти деньги предназначались Конгрегации по делам Духовенства или другим отделам Ватикана? Участвовал ли во всем этом Банк Ватикана? Как Конгрегация Духовенства соблюдала информационную безопасность, когда третий человек в аппарате – монсеньор Карру – получил назначение на свой пост с помощью Содано и обслуживал таких людей, как Фоллиери? Получали ли служащие Ватикана прибыль от продажи собственности в диоцезиях? Получал ли Ватикан прибыль от продажи собственности в других странах? Занимался ли Банк Ватикана отмыванием денег?

Несмотря на то, что имя Карро начали упоминать СМИ, 20 июля 2009 года папа Бенедикт поручил ему руководство археологическим исследованием катакомб – по словам архиепископа, ответственного за Папский совет по культуре, эта «важная задача была доверена ученому с большим опытом»[290]. Быть может, этот новый пост был повышением, тем не менее, образ Джованни Карру, путешествующего по

подземельям, где некогда христиане Рима скрывались от властей, отражает желание кардинала Содано вежливо расстаться со своим *furbo*. Карру не был самым лучшим кандидатом в Ватикане для того, чтобы заниматься столь деликатными вопросами, как информация о недвижимости. Тем не менее прошел год после ареста Фоллиери, прежде чем Карру перевели из Конгрегации по делам духовенства.

Американские СМИ справедливо изображали Фоллиери как крупную добычу для правосудия, однако не говорили об уровне коррупции в Ватикане. Сотрудники Баркла поняли, что Рафаэлло бездумно тратит деньги, когда тот нанял частный самолет за $62 тысячи, чтобы быстро попасть из Лос-Анджелеса в Лас-Вегас, когда он мог воспользоваться коммерческим рейсом стоимостью в несколько сот долларов. Почему двое Содано вообще сочли нужным иметь с ним дело? Любой агент по недвижимости мог бы получать прибыль, если бы имел доступ к документам Конгрегации духовенства, хотя жадность Андреа в любом случае представляла собой потенциальную проблему. План Содано зашел в тупик из-за того, что Фоллиери утратил связь с реальностью. Но после его краха как минимум $800 тысяч попали в Италию.

Заключительный аккорд

«Рафаэлло за четыре с половиной года сделал то, на что у других людей уходит целая жизнь, – утверждает Мелани Бонвичино. – Он начал дело, которое вскоре стало приносить доход Барклу, и мог бы обогатить Helios. А в конце все от него отвернулись. Но Ватикан терпел безумства этого человека. Почему?»

Рафаэлло сидел в федеральной тюрьме, Энн его покинула, его родители вернулись в Италию, и навещала его там только Мелани Бонвичино. По ее словам, он остался должен ей $131 тысячу за проделанную работу невероятных объемов на последнем этапе его карьеры. У них никогда не было романа. «Но, – добавляла она тепло, – его судьба меня действительно заботит».

6

Дело о пропавших миллионах

Во время бостонских бдений в закрывающихся приходах Питер Борре, пользуясь советами сочувствующих знатоков канонического права, составлял апелляцию, которую он отослал в Конгрегацию по делам Духовенства в начале 2005 года. Он добивался приостановки действия распоряжения о закрытии прихода, чтобы сорвать столь тщательно продуманный план Леннона. Архиепископ О'Мелли хотел, чтобы протестующие освободили храмы, но прелат, публично признавшийся в своих муках из-за закрытия прихода – от чего он просил Бога его избавить, – не мог прибегнуть к помощи полиции. Основателем его монашеского ордена был Франциск Ассизский. Помощь полицейских, которые начнут хватать людей, расположившихся на церковных скамьях, вызвала бы еще больше возмущения у местных католиков, которые и без того узнали много плохого о церкви из СМИ.

Между людьми, занимавшими пустые церкви, росла солидарность; так в католическую веру вошла ценность сопротивления. Священное пространство стало местом, где менялись представления семей и общин. В пятницу вечером в церкви Св. Франчески Кабрини в Скитьюейт, расположенной у берега океана, тройня семилетних Арнольдов – Кристиан, Скотт и Шон – подошли в домашних тапочках к алтарю, преклонили колени, а затем стали укладываться в своих спальных мешках[291]. Джон и Мэриэллен Роджерсы, организаторы бдений в Скитьюейте, обсуждали вопрос о борьбе за собственность прихода Св. Франчески Кабрини с архидиоцезией с помощью гражданского суда.

В местной газете официальный представитель архидиоцезии объяснял ее позицию: «Как мы считаем, мы вправе распоряжаться активами и финансами приходов. Архиепископ с пониманием относится к чувствам людей, которые испытывают возмущение и боль»[292].

Гражданский суд оказался не в силах чем-либо помочь. Бдения продолжались.

В приходе Св. Иакова в Уэллсли, владевшем восемью акрами земли стоимостью в $14 миллионов, бдения возглавляла прагматичная Сьюзен Харли. «Когда церкви закроют, – говорила она, – города могут слать налоговые декларации архидиоцезии». Когда в 2004 году начались бдения, у Харли было двое детей – одиннадцати и семи лет. Она была помощником директора компании и хорошо зарабатывала. Четыре года спустя, сидя в безмолвной церкви, где ранее кипела жизнь, вместе с несколькими женщинами, готовящимися к проведению встречи Совета приходов, Харли ссылалась на мнение независимого застройщика, который провел исследование и пришел к выводу, что по своему местоположению приход Св. Иакова – самый перспективный во всем районе с точки зрения роста. «Мы хотим бороться за то, чтобы ни одна церковь нашего района не была закрыта, – говорила она. – Это похоже на голосование за

твое удаление с острова в телешоу «Последний герой». Наш приход стоит на земле, пожертвованной семьей Маффеи. Они заплатили $25 тысяч за мраморный алтарь. Девяностодвухлетняя Кей Маффеи отправилась в суд. Она намерена бороться за нашу церковь».

Высшая судебная палата штата отклонила поданный иск.

Для О'Мелли тяжбы по искам против архидиоцезии были еще одним источником расходов на фоне затянувшихся судебных процессов. Канцелярии нужно было, чтобы все работало, когда поступления наличности в приходе сокращались и при этом приход не отчислял деньги архидиоцезии, это оборачивалось большими финансовыми потерями.

Вместо воскресной мессы в закрывающихся приходах проходила служба с раздачей причастия, ради чего симпатизирующие священники из действующих приходов снабжали протестующих освященными облатками. «Моя католическая вера, похоже, осталась в прошлом, – размышляла вслух Харли одним холодным вечером через три недели после Рождества. – Я привязана к этому *месту*», – она указала рукой на витражи. «Я читала Писание на мессах, но именно в этом приходе я начала понимать эти слова иначе, так что вера стала чем-то действительно моим. Я устала. Мои дети радовались первому причастию. Сын спросил меня: «Что такое педофил?» Это не страх за то, что с моими детьми что-то случится, но я уже не могу быть им примером, если отпала от церкви. Мой свекор посещает мессу в другой церкви, а потом приходит сюда на бдения. Я считаю, что наши бдения не менее ценны, чем месса. Несправедливость реконфигурации причинила мне боль. Вспоминаю, как я первый раз устроилась на хорах, чтобы заснуть. Муж сказал: «С меня хватит. Наша дочь не должна больше сюда ходить»… Это действительно нелегко». Нравственная сторона этих бдений, когда человек жертвует своим комфортом в священном месте, имеет свою логику. «Думаю, я могу воспитать моих детей хорошими католиками или добрыми христианами»[293].

Движение прихожан, ночующих в церквах, в 2005 году набирало силу, а Питер Борре с Синтией Дейшер в Совете приходов пытались выиграть время и готовили апелляцию в Апостольскую Сигнатуру, Верховный суд Ватикана, предполагая, что Конгрегация духовенства ответит им отказом. В то же время бдения продолжали привлекать внимание СМИ к их борьбе за приходы. Сочувствующие адвокаты искали другие стратегии, но Борре понимал, что даже в либеральном Массачусетсе юридический поединок внутри церкви – рискованное дело, поскольку Конституция гарантирует свободу религии.

Борре был готов за свой счет отправиться в Рим и жить тут, чтобы попытаться внушить кому-то из

важнейших церковных чиновников несложную мысль: каждая неделя бдений в церкви означает, что здесь не собирают деньги, приход ничего не отсылает архиепископу, так что это увеличивает расходы архидиоцезии, кроме того, церковь потенциально теряет добрых католиков, которые хотели бы, чтобы *в их родных храмах* преподавались таинства. Каждый приход, где шли бдения, лишал денег О'Мелли. Но Борре и активные прихожане не ожидали чудес от судов Ватикана. Юридическая система церкви не была демократической. Епископы распоряжались всем, подобно князьям. Папа как высший арбитр в вопросах канонического права мог вмешаться в дела на любом уровне, хотя это случалось редко. Не стоило предполагать, что подобная система будет защищать интересы протестующих мирян.

Мэри Бет Борре с огромным удивлением смотрела, как ее муж «берется за роль Дон Кихота», когда тот готовился к странному путешествию, чтобы защищать безнадежное дело. «Это было естественным следствием той войны, в которую он вступил, – сказала она позже. – Питер прирожденный предприниматель. Его сила состоит в том, что он видит возможности там, где другие их не замечают, и может находить преимущества, казалось бы, на пустом месте». Эти особенности не слишком соответствовали характеру безумного рыцаря Сервантеса, сидящего на лошади. Питер Борре, закаленный опытом работы в нефтяной индустрии, ранее никогда не брался за какое-либо дело, столь ярко окрашенное идеализмом. Поиск той точки, где встретятся вера и справедливость, чем-то привлекал этого человека.

Его несколько воодушевили события 2004 года, когда диоцезии Портленда, Спокана и Таксона заявили о своем банкротстве. Мнения канонистов насчет права собственности епископов разделились, но все понимали, что епископы стремились к тому, чтобы имущество приходов не числилось среди тех активов, за счет которых диоцезии должны были выплачивать компенсацию большому числу жертв сексуальных преступлений. Если диоцезии заявляли о банкротстве, а при этом приходы никто не трогал, можно ли назвать правомерным указ об отчуждении в Бостоне, где епископ забирает себе активы приходов?

Пока третья канцелярия Конгрегации по делам духовенства рассматривала апелляции приходов, где продолжались бдения, священники были потрясены новостью о том, что архидиоцезия из экономии сокращает фонд пенсий. Один священник передал Мэри Уильямс Уолш, репортеру *New York Times*, внутренний отчет финансового консультанта архидиоцезии Тауэрса Перрина. Между 1986 и 2002 годами «архидиоцезия не вносила денег» в пенсионный фонд духовенства, писала Уолш. «Два раза в году, на Рождество и на Пасху, архидиоцезия собирала деньги в приходах для священников, ушедших на пенсию,

так что за год собранная сумма достигала $4,5 миллиона. Однако на протяжении многих лет архидиоцезия расходовала эти средства на другие цели». Архидиоцезия замораживала пенсии на $1889 в месяц и «продала недвижимость, принадлежавшую церкви, чтобы найти наличные средства для выплаты пенсий священникам»[294].

Ранее, до того момента, как ежегодные пожертвования стали использоваться для других целей, пенсионный фонд располагал средствами в достаточном объеме, так что он заработал $1,5 миллиона на процентах, предоставив архидиоцезии заем в $15 миллионов, когда ей нужно было выплатить $85 миллионов жертвам преступлений в 2003 году. Но, при наличии на конец 2003 финансового года $134,4 миллиона, фонду для осуществления своих целей нужно было располагать $204,7 миллиона, то есть ему не хватало $60,3 миллиона. «Все мы недоумеваем, каким образом архидиоцензия накопила столь великую задолженность по пенсионным обязательствам, тогда как прихожане многие годы давали ей деньги, – сказала Синтия Дейшер корреспонденту *Globe*. – И теперь мы узнаем, что на протяжении шестнадцати лет туда не вносились деньги. Это просто мошенничество»[295].

Согласно подсчетам Питера Борре, если бы с 1986 года ежегодно поступающая в пенсионный фонд сумма в $4,5 миллиона была бы разумным образом вложена в акции и ценные бумаги, предполагая, что в год она бы приносила 5 процентов, к завершению 2002 финансового года пенсионный фонд имел бы $140 миллионов. Как бы ни использовал кардинал Лоу ежегодно поступающие пожертвования в сумме $4,5 миллиона, это глубоко подрывало доверие к архидиоцезии.

После этого в газете архидиоцезии *Pilot* появилось разъяснение: деньги, которые собирали на Рождество и Пасху, поступали в Трастовый фонд духовенства, «который обеспечивает нужды священников, в том числе… при выходе на пенсию, в случае наступления инвалидности, при необходимости оплатить расходы на лечение, включая госпитализацию». Канцлером, то есть старшим бухгалтером, архидиоцезии работал мирянин по имени Дэвид Смит. Он объяснил, что большая часть средств шла на оплату медицинских расходов. Он перекладывал ответственность на приходы, которые пересылают слишком мало денег. Этим он тонко намекал, что во всем виноваты сами священники, не умеющие собирать более щедрые пожертвования со своих прихожан. «Счета, высылаемые приходам, никогда не соответствовали истинным затратам, поскольку цены постоянно растут. Поскольку нам не хотелось обременять приходы, надбавки росли медленнее, чем цены». Газета *Pilot* давала и такое объяснение:

По словам Смита, сборы никогда не тратились исключительно на пенсии. «Я проверил наши прошлые заявления и не нашел, чтобы мы где-либо утверждали, что эти деньги пойдут исключительно на пенсии священникам», – сказал он. Смит утверждает, что собранные деньги использовались должным образом. «Каждый собранный доллар расходовался только на нужды священников, преимущественно – на нужды священников, вышедших на пенсию», – сообщил он…

Пенсионный фонд не нуждался в собранных деньгах, потому что доход от инвестиций при кипучей жизни на фондовой бирже создавал приток необходимых для него средств[296].

Смит был откровеннее, когда давал показания под присягой в июне 2002 года, после того как архидиоцезия отказалась выплатить компенсацию первой волне из 86 жертв Джона Гехана. (Этот вопрос был улажен осенью того же года, когда число жертв значительно увеличилось.) Адвокаты жертв Митчелл Гарабедьян и Уильям Гордон тогда интересовались кардиналом Лоу и его финансовым советом. Гордон задавал вопросы, его преимущественно интересовали потоки денежных средств. «Я не являюсь доверительным собственником, – заявил Смит, – но Трастовый фонд духовенства преимущественно занимается медицинскими расходами и пенсионным обеспечением духовенства».

Существует ли отдельный Медицинский трастовый фонд духовенства?

Медицинский и госпитализационный трастовый фонд духовенства – это, по сути, иной Трастовый фонд, отдельная организация с юридической точки зрения. Это, по сути, чековая книжка для оплаты медицинских счетов.

И, в отличие от него, Трастовый фонд духовенства служит для…

Ну, деньги, собираемые на Рождество и на Пасху, поступают в Трастовый фонд духовенства. Оттуда они поступают либо в Медицинский и больничный фонд, либо в фонд пенсий и содержания инвалидов. Иногда у священников есть такие потребности, которые нельзя покрыть за счет других схем, и их удовлетворяют за счет Трастового фонда духовенства.

Медицинский и госпитализационный трастовый фонд духовенства – это, по сути, чековая книжка. Устройство, которое в буквальном смысле позволяет оплачивать счета.

Есть отдельная организационная структура под названием Консультативный совет фонда духовенства, возглавляемый секретарем в духовном сане. Гордон продолжал настойчиво расспрашивать Смита.

Есть ли какой-то предел предполагаемых расходов, по поводу которого следует спрашивать

разрешение у совета?

Я не знаю о таком пределе…

Не использовались ли деньги Трастового фонда духовенства для выплаты ссуд священникам, чтобы те могли нанять адвоката, если у них возникли проблемы с законом?

Мне такие случаи неизвестны.

За счет каких же фондов священник может оплатить работу адвоката в случае возникновения проблем с законом?

Насколько я знаю, существует лишь один фонд, который может выдавать ссуды священникам в любых случаях, а не только при возникновении проблем с законом. Это Трастовый фонд помощи духовенству: он дает ссуды священникам, когда те в этом нуждаются, причем речь идет исключительно о священниках Бостона… Скажем, у кого-то из них умерла мать и ему нужны деньги на похороны. Это может быть связано с личными или семейными проблемами. Насколько я знаю, не существует каких-либо конкретных инструкций относительно того, в каких случаях эта помощь оказывается[297].

Смит описал нечто вроде игры в «наперстки»: вначале, когда на Рождество и на Пасху приходы собирают огромные суммы, все деньги лежат под наперстком, называемым Трастовый фонд духовенства. Оттуда часть денег переходит под наперсток Медицинского и госпитализационного фонда, который «по сути» есть «чековая книжка». Он позволяет оплачивать, среди прочего, психиатрическое лечение священников, совершивших сексуальные преступления против детей, или хотя бы часть этих расходов, которые не покрывает обычное страхование. Существование отдельного Медицинского и госпитализационного фонда указывает на то, что есть потребности, которые не покрываются обычными методами. Когда резко увеличились юридические расходы, Трастовый фонд духовенства перемещает деньги под наперсток Трастового фонда помощи духовенству для решения «личных проблем» любого рода, которые, по словам Смита, не определяются «какими-либо конкретными инструкциями».

Питер Борре ничего не знал о показаниях Смита, но обратил внимание на одну фразу в статье в газете *Pilot*: «Каждый собранный доллар расходовался только на нужды священников».

«*Любопытно*, – подумал он, – *что это за нужды и во что они обошлись*?»

В то время все обсуждали случай Пола Шенли. Отец Шенли в 1988 году переехал в Калифорнию по любезности его друга по семинарии отца Джона Мак-Кормака, который за свою работу в канцелярии должен был получить епископский сан. Шенли обвиняли в сексуальных преступлениях, причем показания

потерпевших в оперативной картотеке занимали *тысячу семьсот* страниц. После непродолжительного лечения в психиатрическом госпитале Шенли вышел на пенсию, составлявшую $1000 ежемесячно, а на уик-эндах исполнял обязанности священника в диоцезии Сан-Бернардино. Кроме того, Шенли наполовину приобрел в свою собственность отель в Палм-Спрингс, знаменитый тем, что здесь постоянно устраивались вечеринки геев. Часть времени он жил в этом отеле, совладельцем которого был другой уволенный бостонский клирик, который лечился от пристрастия к кокаину. Арестованный в 2002 году и переведенный в Массачусетс Шенли был осужден и приговорен к тюремному заключению за свои старые преступления.

Морин Орт писала в журнале *Vanity Fair* накануне начала суда:

> «Нам трудно себе представить, какой непоправимый вред психике людей нанес Пол Шенли. Я поговорила с девятью его жертвами, которым на время совершения преступлений исполнилось от 6 лет до 21 года. Кто-то из них оказался в плену у алкоголизма, у других появились суицидальные наклонности и признаки посттравматического стресса, один лечился электрошоком… И самое тревожное, что истории людей, ставших жертвами в одинаковом возрасте, напоминают одна другую. Как стало известно, Шенли для растления детей применял игры вроде покера с раздеванием, подросткам 13–14 лет предлагал исследовать пенис в связи с наступлением половой зрелости, юношей постарше призывал использовать свое тело так, чтобы преодолеть страх перед гомосексуальностью. Он явно был мастером манипуляции и коварства»[298].

Кардинал Лоу, епископ Мак-Кормак и другие руководители церкви скрывали злодеяния Шенли одно за другим, пока не отослали его в качестве «помощника» в Сан-Бернардино, где он работал в режиме неполной занятости. В 1989 году друг Шенли Мак-Кормак прилетел, чтобы с ним поговорить. Они не хотели, чтобы он возвращался в Бостон. «Благодарю Вас за доброту во время Вашего короткого визита на дикий запад», – писал ему Шенли в письме, что кажется почти насмешкой. Мак-Кормак согласился на его требование повысить его пособие до $1890 в месяц. Архидиоцезия уже оплатила юридические расходы Шенли на сумму $2500, и здесь состоявшийся суд изменил его судьбу.

В 1990 году отец Ричард Леннон достиг очередной ступени своей карьеры, став административным викарием. Одновременно он давал рекомендацию Шенли для Сан-Бернардино, назвав его «священником с солидной репутацией». Такие внутренние рекомендации давали клирики-администраторы, носящие название «делегаты» и надзирающие за священниками, попадавшими в неприятные положения, в данном

случае кардинал Лоу поручил эту деятельность Леннону и Мак-Кормаку.

МЕМОРАНДУМ

Отцу Леннону ОТ отца Мак-Кормака

ДАТА: 14 февраля 1994

ТЕМА: Отец Пол Шенли

Недавно Пол Шенли изменил свой адрес: это уже не Сан-Диего, но Палм-Спрингс. Будьте любезны известить соответствующие службы о новом адресе:

Reverend Paul Shanley

970 Parocela Place

Palm Springs, California 92264

Адрес предназначен исключительно для внутреннего использования. Не следует его делать достоянием публики[299].

Тысячи страниц документов бостонской церкви, ставшие доступными из-за расследования дела, были отсканированы и выложены в Интернете для изучения Анной Барретт Дойль и Терренсом Мак-Кирнаном, собравшим документы разных диоцезий на сайте BishopAccountability.org, над которым они работают в городе Уолтеме. Барретт Дойль и Мак-Кирнан снабжали сырыми материалами журналистов, историков и всех, кто пытался разобраться в закрытой для внешнего мира деятельности иерархов. Когда Леннон в качестве апостольского администратора заменил в Бостоне Лоу, он заявил репортерам на пресс-конференции накануне Рождества 2002 года, что «не причастен» к деятельности только что осужденного священника, хотя, как вскоре доложила газета *Boston Herald*, он участвовал в длинных совещаниях, посвященных этому клирику[300]. *Globe* также выяснила, что Леннон также занимался проблемами нездорового священника по имени Джон Пикарди, и здесь он показал свою заботу о церковной жизни, которая превыше всяких законов:

[Отец Джон] Мак-Кормак рекомендовал дать возможность Пикарди временно совершать служение в диоцезии Патерсона (штат Нью-Джерси) после лечения в центре психологической помощи. При этом Мак-Кормак сообщил диоцезии лишь то, что Пикарди «сознался, что имел сексуальную связь со взрослым мужчиной во Флориде».

В Нью-Джерси против Пикарди в 1995 году было выдвинуто еще одно обвинение: он недолжным

образом прикасался к девочке-пятикласснице. И в этот момент в дело вмешался Леннон, настояв на том, чтобы обвинение против него было выдвинуто Бостоном, а не Патерсоном.

В своей служебной записке в сентябре 1995 года Леннон выражал опасение в том, что если дело будет расследоваться в диоцезии Патерсона, оно может породить скандал. «Подобное расследование чревато серьезными негативными последствиями как для отца Пикарди, так и для церкви», – писал Леннон.

6 октября 1995 года Лоу получил служебную записку от другого помощника, отца Брайена Флетли, где говорилось, что Пикарди признал факт совершенного им в 1992 году изнасилования. «Тем не менее после этого инцидента мы позволили ему продолжать служение в Патерсоне… В силу этого, как полагает отец Леннон, каноническое право не позволяет нам отставить отца Пикарди от священнического служения на основании этого события»[301].

Комиссия, созданная Лоу для решения проблем таких людей, как Пикарди, не рекомендовала допускать его к служению и предложила священнику обратиться в Ватикан с просьбой о лишении его сана. Пикарди с этим не согласился. А что его заставило бы согласиться? Ни полиция, не прокуроры ему не угрожали. Лоу с Ленноном нашли компромиссное решение – перевели Пикарди в диоцезию Финикса. Однако слух о его прошлом следовал за Пикарди по пятам, так что в 2003 году он был запрещен в служении.

Служа под руководством Лоу, Леннон исполнял две функции, которые позволяли ему многое узнать как про деньги церкви, так и про то, что она делает в случаях сексуальных преступлений священников. Вот что об этом писали Анна Барретт Дойль и Терренс Мак-Кирнан на сайте BishopAccountability.org:

• В середине 1990-х он курировал так называемый Фонд духовенства. При этом он тесно сотрудничал с делегатами Лоу, которые оплачивали счета за психиатрическое лечение подозреваемых священников, расходы на дорогу священников, посещавших терапевтические центры с целью диагностики или для стационарного лечения, а также путевые расходы делегатов, когда те отправлялись в Институт св. Луки или Саутдаун, чтобы участвовать в проведении экспертной оценки.

• В 1990-х Леннон получал информацию об изменении статуса и адресов всех священников диоцезии, чтобы заполнять «дела священников» с информацией обо всех местах их служения. Он также следил за документами священников орденов на территории архидиоцезии. Это означает, что Леннон владел информацией обо всех повышениях и понижениях, о священниках, не имевших назначения или

находящихся в отпуске с ведома администрации, и о том, каких священников «перенаправили» в другие диоцезии. Эта информация в сочетании со сведениями о расходах в связи с сексуальными преступлениями разворачивала перед Ленноном уникальную картину кризиса с сексуальными преступлениями в Бостоне[302].

Весной 2005 года, когда имя Питера Борре начало упоминаться в новостях, прошлое Леннона еще оставалось тайной. Здесь Борре позвонил по телефону отец Дэвид Берк. Ему было уже за восемьдесят, 63 года он прослужил священником и настоятелем роскошного прихода Пия X в Милтоне. Берк был поражен, когда узнал, что *его* приход собираются закрыть. Он жил в приходском доме с 14 комнатами. В обшитом деревом рабочем кабинете Борре сел за стол для конференций, за который могло бы сесть 24 человека. Сидящий напротив него отец Дэвид Берк сказал: «Мне хочется отправиться в город и набить морду О’Мелли».

– Отец, вряд ли вы на такое способны.

– Вам этого не понять. В вас нет ирландской крови.

Но на самом-то деле, заметил Борре, план реконфигурации принадлежит Леннону. «Шон – архиепископ, – возразил Берк. – Он не может прятаться за Диком».

Берк отправился в канцелярию архидиоцезии и пригрозил там тем, что его приход начнет бдения. Его прихожане вооружились прошениями, письмами и наклейками на бамперах – в сумме это увенчалось успехом. Приход Пия X удалили из списка, прежде чем там успели начаться бдения. Два года спустя у Берка случился инсульт. Когда Борре пришел навестить его в госпитале, священник был без сознания и так и не пришел в себя.

Когда же они встретились в первый раз, Берк передал Борре копию письма Леннона к священникам с отчетом о финансовом положении духовенства. Это письмо на пяти страницах, написанное в декабре 2003 года, начинается обращением «Уважаемый член Фонда духовенства»[303]. К нему прилагаются три листа с таблицами и копия документа, который Леннон называет отчетом Фонда духовенства. (Каждый священник пользовался несколькими трастовыми фондами, и потому Леннон использовал общий термин «член Фонда духовенства».) Борре заинтересовала дата письма, так что он перенес цифры на компьютер; здесь он понял, что Леннон, отчитывавшийся перед О’Мелли, знал, на что употребляются деньги, судьба которых была окружена тайной.

В письме Леннон разъяснял, как действуют различные фонды, которыми пользуется духовенство

Бостона. Он говорил, что Трастовый фонд духовенства «поддерживает духовных лиц, оказавшихся в особых обстоятельствах… или *в период между назначениями, когда они лишены стабильных источников дохода*» (курсив добавлен). Последняя фраза намекает на отстраненных от служения преступников, из числа которых некоторые, такие как Гехан и Шенли, в итоге оказались за решеткой. Борре с жадностью изучал это письмо, помня, что в те последние дни 2003 года Леннон занимался изучением стоимости имущества приходов, о закрытии которых было объявлено следующей весной.

Леннон подробно описывает новую процедуру взаимного платежа и порядок медицинского страхования. Он мимоходом упоминает среди прочих неприятностей о снижении количества пожертвований на $600 тысяч, что «просто объясняется двумя неудачными годами».

Письмо ни слова не говорит о том, как на самом деле используются ежегодные пожертвования приходов на пенсии священникам. Вместо этого Леннон цитирует старое письмо отца Марка О'Коннелла, куратора «Фонда духовенства» – используя такой общий термин, за которым скрывается несколько вещей. О'Коннелл трезво отчитывается о причинах сложностей:

> …Это те же самые проблемы, которые дурно отразились на всех сторонах финансовой жизни архидиоцезии, а именно: ухудшение экономического положения, значительное повышение стоимости медицинского страхования (особенно стоимости прописанных лекарств) и финансовые последствия скандала по поводу сексуальных преступлений духовенства. Могу вас уверить, что епископ Леннон понимает первоочередную важность существования этих фондов, но всем нам придется в ближайшее время столкнуться с трудностями.

«Дела обстоят не так уж плохо, – сделал вывод епископ Леннон, думая о ликвидации собственности приходов. – На самом деле, как я считаю, вскоре я смогу сообщить вам хорошие новости, связанные с нашими прошлыми капиталовложениями в недвижимость».

> В июне 1999 года Фонды духовенства приобрели здание [не указано, какое] в Покассете, штат Массачусетс, за $1,75 миллиона. Кроме того, в мае 2001 года Фонды духовенства приобрели Дом Девы Марии в Милтоне, штат Массачусетс, за $1,9 миллиона. Наконец, в 2001 году Фонды духовенства предоставили заем в $4,15 миллиона на реконструкцию госпиталя Св. Иоанна Божия. Ранее предполагалось, что этот проект позволит создать место обитания престарелых священников, однако после размышления консультативный совет приходит [*sic*] к выводу о необходимости прибегнуть к

иному плану.

Дэвид Смит, давая показания, заявил, что как канцлер, то есть главный бухгалтер, он вправе подписывать чеки, связанные с собственностью, на сумму не более $1 миллиона. Всякое приобретение на большую сумму входило в компетенцию кардинала Лоу, который также давал окончательное разрешение на осуществление больших сделок. В 2003 году, когда Леннон составлял это письмо, Лоу уже год как не было в Бостоне и Рим еще не предложил ему занять почетный пост. За шесть месяцев до письма Леннон был назначен временным преемником Лоу. Эти сроки важны, поскольку вышеприведенный абзац указывает на то, что Леннон играл важную роль при осуществлении сделок с недвижимостью. Далее в своем письме Леннон говорит о семи месяцах, когда он временно заменял Лоу, после ухода последнего в декабре 2002-го:

> В качестве апостольского администратора я одобрил продажу двух приобретенных зданий, кроме того, я при согласии консультативного совета веду переговоры о завершении нашего участия в проекте госпиталя Св. Иоанна Божия. В результате этих действий Фонды духовенства получат назад вложенные ими капиталы с прибылью. Дом в Покассете был продан за $2,25 миллиона, так что, за вычетом расходов, в Фонды духовенства вернулась сумма в $2,433073 миллиона, при этом они получили прибыль в $683,073 тысячи. Дом Девы Марии был продан за $3,3 миллиона, так что, за вычетом расходов, в Фонды духовенства вернулась сумма в $3,135 миллиона, при этом они получили прибыль в $1,235 миллиона. Наконец, госпиталь Св. Иоанна Божия вернул нам всю вложенную сумму в $4,15 миллиона вместе с процентами в сумме $521,0543 тысячи. *Все эти деньги, в общей сумме в $10,2391273 миллиона, вернулись в те Трастовые фонды, которые их вложили* (курсив добавлен).

Используя свою власть до появления в Бостоне О'Мелли, Леннон на операциях с недвижимостью добился получения прибыли в $2,44 миллиона для так называемых «Фондов духовенства» – что, вероятно, было другим именем для многосоставного «Трастового фонда духовенства». Весьма успешные операции. Однако «хорошие новости, связанные с нашими прошлыми капиталовложениями в недвижимость», скрывали за собой плохую новость, касающуюся пропавших миллионов, которые прихожане собирали к назначенным воскресеньям с 1986 по 2002 год. При его внушительной величине доход Леннона от сделок с недвижимостью за его семимесячное правление по размеру составлял примерно то, что прихожане собирали на пенсии священникам в течение шести месяцев, поскольку за год эти сборы давали в среднем

по $5,4 миллиона. Куда же подевались деньги прихожан?

Анна Баррет Дойль пишет на сайте BishopAccountability.org: «К 2001 году архидиоцезия Бостона знала об обвинениях, выдвинутых против 190 священников. Лишь около 25 случаев получили огласку в СМИ до серии статей *Globe* в 2002 году». К марту 2002 года личные дела священников, которые были преданы гласности усилиями журналистов и адвокатов жертв, касались примерно 80 священников, совершивших сексуальные преступления, которые избегли наказания, поскольку были отправлены на лечение или получили отставку с сохранением пенсии. В этой картине все еще не хватает 110 священников, которые должны были дорого обходиться архидиоцезии.

Прежде чем мы сделаем поспешный вывод о том, что Лоу был могущественным князем церкви, который навязчиво стремился к скрытности, нам стоит понять, какое бремя наложил на него и множество других епископов Иоанн Павел II относительно сексуальных преступлений духовенства. В 1989 году Ватикан отказался передать американским иерархам каноническую власть изгонять подобных преступников, так что Иоанн Павел повесил на епископов всех этих людей. Случаи о лишении сана – которые священники могли оспаривать, нередко добиваясь успеха, – постоянно переходили из одной конгрегации Рима в другую до 2001 года, когда Ратцингер сосредоточил в своих руках власть над всеми ими. Епископы не только не могли изгнать преступников, но должны были также их содержать и, в частности, заботиться об их медицинских и судебных расходах.

Пропавшие в 2005 году из Трастового фонда духовенства миллионы стали горькой пилюлей для почти восьми сотен священников архидиоцезии, которые служили церкви и теперь задумались о том, что они будут делать при наступлении старости. Лоу стал настоятелем собора в Риме и получал $12 тысяч в месяц, а в это время духовенство архидиоцезии, еще переживавшее последствия сексуального скандала, неожиданно узнало о закрытии надежных приходов. Быть может, Берни Лоу растратил и их пенсии?

Епископ предостерегает

Капеллан медицинского центра Диаконисс Бет Израиль в Бостоне, когда всех поразили неприятные новости, вспомнил ряд эпизодов из своего прошлого, которые проливали свет на тайну финансов церкви.

Летом 1994 года, когда отец Тиг служил на приходе в Спрингфилде, штат Массачусетс, он позвонил своему епископу и договорился о встрече, желая с ним попрощаться. 66-летний епископ Джон Маршалл умирал от рака костей. Тиг хотел поблагодарить старого человека, который всегда держался на высоте. Цельная католическая вера юности Тига дала трещины из-за позиции Ватикана относительно противозачаточных средств и гомосексуальности, а также из-за священников, растлевающих малолетних. Тиг не без иронии думал, что истории Фланнери О'Коннор о южанах, живущих в глуши, о духовных чудаках, сбитых с толку собственной верой, прекрасно отражают то, что происходит в его собственной церкви.

Когда девятилетний Тиг жил в Дорчестере и ходил в приход, где в основном были семьи рабочих, священник вовлек его в свои сексуальные забавы. Дело было в 1956 году, его отец был на флоте, дедушка только что умер, мать ждала нового ребенка, так что сначала внимание священника придавало мальчику ценность в собственных глазах. В течение многих лет его терзали чувство вины и злоба, и тут, в начале 1990-х, по стране прокатилась первая волна судебных тяжб против священников. Тиг подружился со многими жертвами. Однажды он отправился на могилу растлившего его священника и произнес там молитву со словами прощения[304]. Произнеся мучительные слова перед Богом, он почувствовал очищение. Брюс Тиг был рад тому, что служит священником.

Маршалл, который был епископом Бардингтона, штат Вермонт, в 1970-х дал разрешение растлителю детей продолжать служение. Когда тот снова совершил нечто подобное, Маршалл его снял, он убедил прокурора не предпринимать действий, он нанял хитроумных церковных юристов, которые смогли договориться с жертвами, чтобы те не подавали исков против диоцезии[305]. В итоге все удалось уладить вне суда, выплатив пострадавшим компенсацию. В конце 1980-х Маршалл изменил свою тактику. Он утратил веру в то, что терапия помогает решить проблему с сексуальными преступлениями священников. Он обратился в Ватикан с просьбой позволить ему лишить сана одного из священников[306]. В 1992 году Маршалл стал епископом Спрингфилда. И здесь он столкнулся с еще одним скандалом вокруг другого

священника. В этот раз он отказался от сурового суда, подобно многим епископам, которые видят здесь необходимое зло, позволяющее защитить интересы церкви. Маршалл пытался договориться с жертвами, ему приходилось с ними встречаться. «Мы вынуждены так поступать, попирая справедливость и милосердие», – говорил он тогда отцу Тигу.

Монахиня открыла дверь особняка епископа и провела Тига в прихожую.

Бледный и похудевший Маршалл сидел в просторном кресле, обложенный подушками, с пластиковой трубкой для внутривенных вливаний на руке. Тиг сел напротив него. Глаза епископа оживились. После недолгого разговора священник начал благодарить Маршалла за чуткое отношение к жертвам сексуальных преступлений. Тот кивнул в ответ и прошептал: «За этим стоит еще одна великая проблема». Тиг внимательно слушал. Переместив подушки, епископ наклонился к нему и пробормотал: «*Что будет, когда до нас доберется Налоговая служба!*»

Тиг никогда ранее не слышал подобных откровений епископов о дурном положении финансов церкви.

Священники сплетничали о деньгах и рассказывали о них легенды, в основном – дурного рода. В религиозных орденах, скажем, у иезуитов и доминиканцев, священники принимают обет бедности. Приходские священники не дают подобных обетов, но они, получая скромные зарплаты, машины, жилье, медицинское страхование и затем пенсию, живут достаточно комфортабельно. Тиг знал клириков, которые совершали дорогие путешествия, вероятно, деньги на это им давали родственники или друзья. Священникам надлежало пользоваться приходскими деньгами осмотрительно. В больших приходах настоятелям помогали миряне, которые содержали бухгалтерские записи, оплачивали счета и выполняли подобные дела. Но деньги, в изобилии сыпавшиеся на тарелки по воскресеньям, требовали бдительности. Тиг знал священника двух приходов, который мог взять деньги из одного, чтобы оплатить счета второго, что порождало путаницу в обоих. В Спрингфилде епископ Маршалл столкнулся с другими мучительными проблемами. Бухгалтер, занимавшийся приходским фондом социальной защиты сотрудников, воровал оттуда деньги. Один священник перестроил приходской дом, где он жил, за счет средств, которые предназначались на содержание кладбища. Маршалл вмешался в обеих ситуациях и проследил за тем, чтобы все финансовые нарушения были исправлены.

И здесь слух умирающего епископа возмутили известия о крупных финансовых обманах. Группы сторонников реформ в церкви, такие как Голос верных, призывали к финансовой прозрачности; многие епископы относились к таким группам как к силам врагов, тем самым отталкивая от себя добросовестных католиков, в которых так нуждалась диоцезия.

Предостережения епископа относительно денег стали еще понятнее отцу Тигу, когда новый епископ перевел его в приход Св. Бригитты в Амхерсте. «Приход был сказочно богат, – сказал мне отец Тиг. – Он обновил интерьер церкви. Наша прибыль составляла около трех тысяч в неделю. Ранее я служил капелланом в колледже и потому не имел понятия о бухгалтерии. Дело было в 1996 году. И внезапно у нас возникла проблема с термитами – вы удивитесь, но в Амхерсте много термитов. Затем система парового отопления начала выходить из строя, и как раз накануне Рождества сломался *новый* бойлер. Мой предшественник собрал много денег и оставил около $100 тысяч излишков. Но мы пользовались древней бухгалтерской системой: в наших книгах ничего не говорилась о долгах. На Рождество ко мне зашел человек, занимавшийся мытьем окон: оказывается, ему не заплатили. Мы были должны специалисту, ремонтировавшему орган, $1000. Неожиданно передо мной оказалось множество неоплаченных счетов… Я надеялся, наш казначей всем этим занимался. Когда я учился в семинарии Св. Иоанна в Бостоне, нас никто не учил основам бухгалтерского дела».

На католических кладбищах существует служба постоянного ухода, которая гарантирует, что за семейными могилами будут присматривать даже после смерти всех членов рода. В приходе Тига существовало кладбище. «Мы не могли сказать, – посетовал он, – где кто похоронен. Тот, кто ухаживал за могилами, неожиданно умер в пятьдесят лет, не оставив никаких записей. Поэтому нам пришлось поручить это бывшему учителю, который занялся соответствующими исследованиями вместе с распорядителями похорон».

Он помолчал и продолжил: «Знаете, некогда настоятели жили припеваючи. Священники постарше рассказывают, как один пастырь брал деньги, собранные на Рождество и на Пасху, и делился ими со священниками, которые ему помогали. Мой приход был построен и содержался в годы Великой депрессии. Кардинал Кашинг хотел изъять лишние деньги прихода, чтобы открыть новый в пригороде. Мой дед с другими прихожанами пошел к Кашингу и сказал: «*Только через мой труп*». Сегодня все по-другому, и даже священников не хватает на все приходы. Сегодня трудно добывать деньги».

Когда неоплаченные счета накопились благодаря неумелой бухгалтерии его предшественника, Тиг решил ввести компьютерный учет. «И лишь тогда мы поняли, в каком критическом положении находятся наши дела». Приход не перечислял денег в канцелярию архидиоцезии и задолжал $100 тысяч, это уже было похуже неуплаченных налогов. Тиг понимал, что за этим долгом стоит более важная проблема. Приход Св. Бригитты не был бедным. «Но он дошел до того, что не мог расплатиться со служащими. Мне пришлось избавиться от некоторых людей. Я нажил себе немало врагов».

«И оказались в трудном положении», – догадался я. Отец Тиг кивнул. «Мой предшественник грешил грехом политиков: он заботился о своих друзьях. Он был добр с бедными, больными и стариками. Он также тратил $2000 в месяц на еду. Он устраивал роскошные вечеринки в приходском доме для друзей». Постепенно отец Тиг наладил финансовое положение и наладил связь между еженедельными поступлениями пожертвований и текущими расходами, употребляя излишки на оплату долгов и сохраняя остатки как резерв. Но за то время, что он был настоятелем прихода, отец Тиг так и не смог расплатиться с диоцезией.

Он был рад снова получить должность капеллана в Бостоне, но не из-за финансовых проблем прихода. Новый епископ Спрингфилда Томас Дюпре разрешил служить нескольким священникам, которых отстранил Маршалл. Разразились новые скандалы[307]. Затем, в 2004 году, епископ Дюпре неожиданно покинул свой пост и отправился в Сьюитленд, штат Мэриленд, в Институт Св. Луки, психиатрический госпиталь для духовенства, который специализировался на лечении педофилии. Двое людей выдвинули обвинения против епископа в сексуальных преступлениях, совершенных много лет назад; в итоге с ними удалось договориться, так что они не подавали исков против диоцезии. После долгого расследования обвинитель в Спрингфилде отказался признать Дюпре виновным, поскольку срок давности преступлений истек. Дюпре жил в госпитале в Мэриленде на протяжении пяти с половиной лет, до 2010 года, оставаясь духовным лицом, епископом без места служения.

Предостережение умирающего епископа Маршалла оказалось пророческим, думал отец Тиг, размышляя над происходящим в церкви за завтраком в кафе около медицинского центра Диаконисс Бет Израиль, где он на протяжении нескольких лет служил капелланом после Спрингфилда. Налоговая служба не накинулась на церковь, но финансовые проблемы породили кризис в Бостонской архидиоцезии, у которой накапливался дефицит и которая не могла справиться с выплатой пенсий священникам.

«Дело не просто в том, что нужно было выплатить огромные деньги жертвам преступлений, – сказал со вздохом отец Тиг. – Дело в вопиюще дурном управлении. Они не могут обеспечить нам достойную жизнь, когда мы состаримся». Отец Тиг, которому в 2008 году исполнилось 62, со стоическим выражением на лице смотрел на утренний свет морозного и ветреного дня. «Дюпре отменил старый порядок, когда социальные работники стояли во главе комиссий мирян. Он поставил двух педофилов на важные посты. Один занимается случаями аннулирования брака, второй отвечает за архивы диоцезии. Ко мне в приходской дом прислали восьмидесятилетнего священника. Здесь он мог получать питание хотя бы

пять раз в неделю и ему стирали белье. Он оставил прежний приходской дом, потому что в его комнате всегда было холодно, а пища состояла из полуфабрикатов. Дело заключается вот в чем: если ты предаешь людей в чем-то одном, ты предаешь и в другом. В Бостоне программа пенсионного обеспечения оказалась невыполнимой».

Куда же девались деньги?

Тиг пожал плечами и сказал: «До скандала 2002 года Лоу использовал пенсионный фонд духовенства, чтобы расплачиваться с жертвами священников».

Многие думали примерно так же, как отец Тиг, хотя на свет всплыли новые финансовые документы, которые, не давая простого ответа, порождали новые загадки.

Новости из Рима

В начале мая 2005 года Майкл Полсон писал:

> *Globe* упорно пытается добиться разъяснений в Риме относительно рассмотрения апелляций в ватиканской Конгрегации по делам Духовенства… Сначала заместитель секретаря отрицал тот факт, что его служба занимается вопросом о закрытии приходов; когда же корреспондент *Globe* указал на то, что секретарь службы подписал многие письма к закрывающимся приходам, заместитель секретаря предложил позвонить секретарю, а тот посоветовал обратиться к префекту, которым является кардинал Дарио Кастрилльон Ойос. Кардинал не ответил на несколько просьб о встрече, переданных по телефону и письменно[308].

Однако в августе Конгрегация по делам Духовенства постановила, что архидиоцезия Бостона совершила ошибки против канонического права в восьми случаях, когда она претендовала на собственность приходов. Борре ликовал. В своем интервью для *Globe* он язвил по поводу канониста-самоучки Леннона: «В нашей архидиоцезии каноническое право стало предметом импровизации, и получается дурной результат – и в сфере права, и в сфере реконфигурации». Однако система юстиции Ватикана носит монархический характер и потому, несмотря на решение Конгрегации духовенства о незаконности изъятия собственности приходов, сотрудники кардинала Кастрилльона помогали О’Мелли добиться того, чтобы настоятели добровольно передали приходские фонды диоцезии, в результате чего канцелярия получила бы то, что ей нужно, не нарушая канонического права. О’Мелли сказал тому же Полсону из *Globe*: «Мы рады тому, что Святейший Престол стоит на нашей стороне в этой ситуации, понимает наши проблемы и старается помочь нам найти пути к их решению»[309].

Осторожные слова «стоит на нашей стороне» означали, что система правосудия Ватикана старается поддержать епископа и обойти стороной свои собственные решения о незаконности изъятия собственности приходов. Пока велись переговоры о том, как осуществить замысел архидиоцезии, его автор епископ Леннон наткнулся на сопротивление со стороны Дэвида Кастальди, главы комитета по наблюдению за реконфигурацией. Этот человек, назначенный на данный пост О’Мелли, был реформатором, хотя и в какой-то мере преданным иерархии. Кастальди входил в группу мирян Голос верных, которую многие епископы откровенно ненавидели, но в то же время долгое время верно служил

церкви.

Кастальди вырос в маленьком городке Индианы, а затем учился в Нотр-Дам и Гарвардской школе бизнеса. Он основал две компании, занимающиеся биотехнологиями, был их руководителем, а затем их продал. Он был «совершенно надежным» человеком, когда один священник в конце 2000 года пригласил его на собеседование как кандидата на пост канцлера архидиоцезии. Этот худощавый носивший очки человек за пятьдесят до того ни разу не разговаривал с епископами. Лоу произвел на него впечатление, он занял этот пост, хотя в другом месте мог бы зарабатывать намного больше денег – тем самым он как бы отдавал дань уважения церкви. Его хватило на одиннадцать месяцев. Расставаясь с ним, Лоу сказал: «Дэвид, тебе эта работа не слишком подходит».

Спустя десятилетие мы сидели с Кастальди на открытой площадке отеля «Бикон-Стрит». Он рассказывал со своими размеренными интонациями: «Думаю, эта работа действительно была не по мне. Я старался быть вежливым, но обижал людей. Я настаивал на учете сравнительно малых средств, расходовавшихся на резиденцию кардинала; монахини привыкли жить *без* учета. Я хотел учитывать документы и квитанции, на основании которых можно было бы выделять наличность на содержание резиденции. Никому это не понравилось». Улыбнувшись кривой улыбкой, Кастальди отпил глоток из стакана с диетической кока-колой и продолжил: «Нам не хватало пространства в канцелярии. Для хорошей работы нужно было разумнее относиться к нашим скудным ресурсам. Здесь надо было принимать решения, но нелегко было действовать в клерикальном окружении. Я хотел, чтобы один священник переместился в кабинет поменьше. Он настаивал на том, что ему нужна большая комната. Ему пришлось удовольствоваться кабинетом поменьше, и это его глубоко оскорбило».

Кастальди не оправдывал поведения Лоу в момент скандала с сексуальными преступлениями священников, но в то же время с восхищением говорил о его реакции в тот момент, когда один ревнитель совершил убийство сотрудника абортария – тогда он сумел разрядить напряжение как противников, так и защитников абортов. «Лоу показал, что он лидер, – говорил Кастальди со своими ровными интонациями. – А я хотел улучшить процедуры финансового учета. Если их сравнить с порядками на производстве, то в церкви они были явно не на высоте. Быть может, я не нашел здесь верного подхода». «Какие именно процедуры вас беспокоили?» – спросил я. Кастальди поднял брови и сказал: «Никому бы не понравились их отчеты о расходах. Так не поступают на частных предприятиях. Мне казалось, что это необходимо изменить. Всем в церкви управляли священники, а не миряне с бухгалтерскими дипломами и знанием бизнеса. Я не вписался в клерикальную среду. Чем больше процедур я хотел ввести, тем больше вызывал

в этой среде сопротивления».

Он помолчал и продолжил: «Все это сильно изменилось с появлением кардинала О'Мелли. Этот человек внушает к себе любовь, но, в отличие от Лоу, отнюдь не обаятелен. Лоу бы решился продать имение кардинала лишь в том случае, если бы не оставалось никакого иного выхода. Кардинала О'Мелли критикуют и Голос верных, и Сообщество жертв священников, и сайт BishopAccountability, но он делал такие вещи, на которые другие епископы неспособны. Сайт архидиоцезии публикует финансовые отчеты. Думаю, это связано со способностью О'Мелли расстаться с некоторыми вещами».

Приход Дэвида Кастальди перестал заниматься своим техническим обслуживанием, в том числе перестал заказывать асбест, а это означает, что прихожане согласны с решением о его закрытии. Однако переговоры об этом были неудачными. Хотя Кастальди с уважением относился к Леннону, вспоминая их общие дела в прошлом, когда он обратился к епископу с просьбой предоставить сведения, связанные с реконфигурацией, тот был недоволен. «Он однобоко понимал характер подобных переговоров, – пояснил Кастальди. – Леннон перестал нам доверять… Бдения в приходах стали для него адскими муками. Он как-то сказал мне: «Закрывать любую церковь всегда сложно, как ты ни старайся. Нужно сделать это быстро, поставить точку – и все возвратится в обычное русло»».

Комитет Кастальди выяснил, что в результате реконфигурации Центральный фонд получит $12 миллионов, его члены возражали против использования денег, вырученных за счет продажи церквей, на текущие расходы[310]. Комментарий тогдашнего канцлера Дэвида Смита к финансовому отчету звучал достаточно мрачно:

> Центральная администрация архидиоцезии на данном этапе неспособна содержать себя. Хотя у нас есть ликвидные активы, мы мало что можем продать, а нам необходимо выполнять принятые серьезные обязательства. Хотя с начала кризиса, вызванного скандалом с сексуальными преступлениями, мы сократили штат на девятнадцать процентов, наша центральная администрация, пытаясь сохранить докризисный уровень работы, каждый год действовала с дефицитом. Как вы увидите, для решения проблемы дефицита нам приходилось занимать деньги, продавать собственность и на протяжении последних двух лет использовать активы приходов в соответствии с планом реконфигурации.

О'Мелли был зажат в угол. По неписаному закону апостольского преемства один епископ не должен открыто критиковать другого, а архиепископ обязан заботиться о репутации своего предшественника, особенно кардинала. О'Мелли не мог публично заявить, что Лоу дурно обращался с финансами, используя

деньги списанных ссуд на судебные расходы духовенства и оплачивая дорогостоящее психиатрическое лечение священников. *Сто девяносто священников*, оставшихся вне служения, с их расходами на юристов и медицину и пособиями, обходились архидиоцезии очень дорого, в то время как это уменьшало число священников, занимавшихся банальным но крайне важным трудом – сбором денег в приходах. Хотя реконфигурация была для Шона О'Мелли кошмаром, он не желал нарушить неписаный закон апостольского преемства и открыть для публики соответствующие финансовые документы, поскольку это привлекло бы внимание к деятельности его предшественника Лоу. Даже если он, как многие считали, недолюбливал Леннона, О'Мелли нужно было знать, что знал Леннон. И в состав служения О'Мелли входило соблюдение одной неписаной инструкции: *защищать Берни Лоу*.

После того как он стал кардиналом, зимой 2006 года О'Мелли ввел финансовую прозрачность – начал публиковать важнейшие данные и ежегодные отчеты, которые показали, что архидиоцезия обладала активами на сумму в $330 миллионов при долге в $345 миллионов. «Мы не держим эти вещи в секрете, – сказал он на пресс-конференции. – Мы хотим использовать те ограниченные ресурсы, что у нас есть, для осуществления миссии церкви». Синтия Дейшер отозвалась о нем с похвалой: «Мы никогда ранее не видели подобного рода финансовой открытости в нашей архидиоцезии»[311]. О'Мелли удалось вернуть к себе доверие некоторых бостонских влиятельных деятелей, таких как Джек Коннорс, исполнительный директор компании, занимающейся пиаром, который добывал средства для приходских школ.

Кастальди смотрел на кризис с пенсиями не так мрачно, как Борре. По его мнению, трастовый фонд, обеспечивающий духовенство в случае выхода на пенсию и инвалидности, был полностью профинансированным в конце 1990-х. «Деньги можно было использовать для других целей, – пояснял он. – Падение на фондовой бирже началось в 1999-м и продолжалось до 2005 г. В это же время выросла стоимость расходов на здоровье и жилье духовенства… Когда я в этом участвовал, священники принимали решения, не посоветовавшись с мирянами. Нас не спрашивали. Это положение вещей нужно было изменить. Мне приходилось участвовать в решении вопросов о фондах для мирян или средствах на обеспечение здоровья, но никогда не приходилось надзирать за Трастовыми фондами духовенства».

Архидиоцезия допустила серьезную ошибку, не вкладывая ежегодные пожертвования туда, куда они предназначались. Тем не менее Кастальди делал такой вывод: «Я не вижу здесь незаконного присвоения или растраты средств».

Однако документы, отражающие то, как расходовались средства Фондов духовенства между 1986 и

2000 годами, архидиоцезия скрывала от глаз публики. «Как же мы можем понять, что с ними произошло?» – спросил я Кастальди. Кивком дав понять, что он понял вопрос, Кастальди ответил: «Это документы с детальным описанием сделок. От них не стоит ждать великих открытий. Подобные документы не принято хранить вечно». Но Кастальди не мог дать мне ответа о тайнах, скрытых в этих документах: сколько было потрачено на юристов, на терапию, на жилье, в связи с преждевременной отправкой на пенсию множества растлителей детей, которых Лоу тихо отстранил от служения? По его мнению, это более сложная проблема, чем стоимость содержания дурных священнослужителей. «Культура закрытого клуба предписывает помогать его членам – и здесь есть много хорошего. Священники ее инстинктивно чувствуют. Они верят, что нужные деньги найдутся. Подобные установки основаны на дурной работе структур, так что эту работу трудно взять под контроль. Сексуальный скандал стал переломным моментом для этого клуба».

Новый виток событий

История реконфигурации достигла нового этапа 16 ноября 2006 года, когда архидиоцезия продала приход Св. Марии Звезды моря в восточном Бостоне за $850 тысяч коммерческому фотографу Майклу Индресано. Двадцать дней спустя он перепродал купленную собственность за $2,65 миллиона евангелической группе, руководство которой находилось в Бразилии, называвшейся Универсальная церковь Царства Божия. Индресано представил архидиоцезии план, согласно которому он воспользуется недвижимостью архидиоцезии, чтобы оборудовать фотостудию, пять квартир и стоянку для машин, но контракт не обязывал его придерживаться этого плана, который он быстро оставил, поняв, что может моментально получить прибыль в $1,8 миллиона от новой сделки[312].

Новые владельцы церкви вызвали шумные споры в Бразилии в 1995, когда их пастор «неоднократно пинал ногой статую святого патрона страны, выступая по национальному телевидению, и произносил проклятия в адрес Римско-католической церкви от имени Универсальной церкви Царства Божия», писала Лора Кримальди в *Boston Herald*. Епископ, основавший эту группу, «владеет крупнейшей телестанцией в Бразилии, а также радиостанциями, газетами и футбольной командой»[313].

Питер Борре послал протест папскому нунцию в Вашингтоне, Дэвид Кастальди обещал расследовать подробности этой сделки с помощью своего комитета по наблюдению за реконфигурацией. Кардинал О’Мелли тотчас же нанял вышедшего на пенсию судью, чтобы тот провел расследование и дал

заключение о том, где здесь были допущены ошибки.

Ранее другая церковь предлагала купить собственность за $2 миллиона, но архидиоцезия отвергла это предложение. «Беседа с бывшим канцлером [архидиоцезии] Дэвидом Смитом позволяет сделать следующий обоснованный вывод: она [Бостонская архидиоцезия] не желала гласно заявлять о том, что не намерена передавать эту собственность другой религиозной организации, вне зависимости от характера деноминации, – писал Кевин Хэрлихай, судья на пенсии. – Мистер Смит также дал однозначно понять, что генеральный викарий епископ Ричард Леннон, доктор богословия, видел, прочел и показывал другим служебную записку от 19 января 2006 года, обращенную к консультативному совету [архидиоцезии], содержащую рекомендацию не препятствовать сделке с Индерсано. Хотя эта записка формально обращена от имени Смита к генеральному викарию, Смит не исключает, что на самом деле автором рекомендации был епископ Леннон»[314].

Отчет судьи Хэрлихая был опубликован в октябре 2007 года, к этому моменту злосчастный план реконфигурации Леннона породил проведение бдений в девяти приходах, а в Рим поступила новая порция апелляций. Кардинал О’Мелли не желал привлекать полицию. Однако он был рад тому, что может более не заботиться о репутации Леннона. Среди князей церкви ошибочные действия часто вознаграждаются, так что Ричарду Леннону надлежало вскоре получить повышение и стать епископом в собственной диоцезии.

7

Отец Масьель, владыка собственности

Отец Кристофер Кунце начал работать в Конгрегации по делам Духовенства в декабре 1997 года, когда ему было 36 лет. Его все больше восхищал кардинал Дарио Кастрилльон Ойос. Этот колумбиец с серебряными волосами и манерами патриция, вспоминал отец Кунце, «говорил на всех современных языках и знал арабский, венгерский и русский». Журналисты, пишущие о Ватикане, считали кардинала Кастрилльона *papabile*, то есть таким прелатом, который может стать очередным папой.

Улыбчивый, с редеющими светлыми волосами и ростом метр восемьдесят восемь американец Крис Кунце стал доктором богословия в университете, который был открыт в Риме его религиозным орденом, носящим название Легион Христа. Ватикан выплачивал ему заработную плату около $28 тысяч в год, и Кунце пересылал эти деньги Легиону. Священника ценили за то, что он говорил по-немецки. Кардиналу Кастрилльону нужен был подручный для ведения дел из Германии и Австрии. Кунце провел несколько лет в архидиоцезии Кельна в качестве университетского капеллана, он должен был помогать сети учебных заведений Легиона. Существуют такие старинные ордена, связанные с учебными заведениями, как иезуиты и доминиканцы, Легион же Христа начал свою деятельность лишь полстолетия назад, во время Второй мировой войны. Его основатель с экзотическим именем Марсиаль Масьель Дегодалло был родом из Мексики. Он воспитывал боевую духовность и славился непреклонной верностью папе.

Отец Масьель подружился с Кастрилльоном в конце 1980-х, когда последний возглавлял совет епископов Латинской Америки. Кастрилльон, удостоившийся похвалы Габриеля Гарсии Маркеса, который назвал его «деревенским человеком с орлиным профилем», был яростным противником латиноамериканской теологии освобождения. По словам ее представителя бразильского богослова Леонардо Боффа, «церковь рождается из веры бедных»[315]. Кастрилльон считал, что нужно помогать бедным, но ориентировался по ветру, дующему из Рима. В 1985 году кардинал Ратцингер нанес удар по бразильским епископам, повелев Боффу в течение года соблюдать «молчание», что сделало этого писателя-францисканца национальным героем. Бофф, который некогда был учеником Ратцингера в Германии, сравнивал трибуналы Ватикана «с кафкианскими судебными процессами, где обвинитель, обвиняемый, адвокат и судья – одно и то же лицо»[316]. Бофф хотел, чтобы суд над его богословием был

открытым. Ратцингер обвинял Боффа в «некритичном использовании марксистского анализа»[317]. Профессор Гарвардского богословского института, бесстрастно описывающий этот конфликт, пишет:

> На судьбоносной встрече в колумбийском городе Меделлине в 1968 году епископы Латинской Америки заявили, что церковь должна делать выбор в пользу бедных. Это положение отражает теология освобождения. Она представляет собой стремление интерпретировать Библию и христианство с точки зрения бедных. В ней нет никаких либеральных или модернистских отклонений. Скорее это особый *метод*, попытка взглянуть на жизнь и учение Иисуса глазами людей, которых обычно исключают или не слышат… [Сторонники теологии освобождения] тесно связаны с распространенными в Латинской Америке «базовыми христианскими общинами». Это группы живущих рядом католиков, многие из которых принадлежат к социальным низам, которые изучают Библию, черпая в ней вдохновение для политической борьбы на местном уровне. Таким образом, теология освобождения – это, с одной стороны, альтернатива академическому и церковному богословию с его иерархическим подходом, а с другой стороны – руководство к действию для отверженных людей, которыми все пренебрегают[318].

«Бофф должен просить прощения у Бога, – сурово говорил Кастрилльон, – и когда Бог ему ответит, мы с папой еще подумаем, прощать его или нет»[319].

Когда в 1996 Иоанн Павел II призвал Кастрилльона на службу в Курию, отец Масьель послал молодых членов Легиона, чтобы те помогли перенести вещи прелата в его новую квартиру в Ватикане. Кастрилльон был за это благодарен, хотя носильщики сломали ножку его рояля, так что ее пришлось ремонтировать. Посылая семинаристов исполнить тяжелую физическую работу, отец Масьель тем самым добивался расположения важных лиц Ватикана.

Крис Кунце увидел в этом просто лишь проявление любезности со стороны Масьеля.

В Риме еще царил оставленный войной беспорядок, когда в 1946 году туда прибыл никому не известный молодой священник Масьель, надеющийся получить аудиенцию у папы Пия XII. Его рукоположили лишь два года назад, но эта церемония в Мехико была заснята на кинопленку: 24-летний юноша стоял перед алтарем со сложенными руками и глубоко вздыхал – получилась красивая сцена начала великого пути. Позднее Легион, занимавшийся прибыльными сделками, использовал эти кадры для повышения своего престижа[320]. Масьель основал свой орден, когда частным образом готовился стать священником с помощью епископа Франсиско Гонзалеса Ариаса, своего дяди (четыре его дяди были

епископами), который и рукоположил своего племянника. 26-летний Масьель приехал в Рим из Мадрида, где он думал наладить учебу своих соотечественников, поскольку правительство Франко объявило о готовности обучать семинаристов из Латинской Америки испанскому языку. Министр иностранных дел Испании Альберто Мартин-Артахо сказал Масьелю, что ему нужно получить одобрение Ватикана – считают ли там, что его мексиканским «апостольским школярам» пойдет на пользу изучение испанского [321].

С помощью нескольких самых богатых мексиканских семей, включая семью президента Мигуэля Алемана Вальдеса, Масьелю удалось добиться встречи с Клементом Микарой, недавно ставшим кардиналом. Высокий худощавый священник с темно-русыми волосами не знал итальянского, но, к счастью, тучный 67-летний дипломат Микара говорил по-испански. Как рассказывает один священник, хорошо осведомленный о финансовых делах Легиона, при встрече Масьель вручил Микаре $10 тысяч, «огромную сумму для города, разрушенного войной»[322]. В книге «Легион Христа: история» (почти целиком надиктованной Масьелем и изданной орденом) ничего не говорится о передаче денег Микаре, хотя там сказано, что Масьель путешествовал с «конфиденциальным документом и определенной суммой денег», полученными от апостольского делегата (нунция) в Мексике для передачи кардиналу Николе Канали, председателю комиссии по делам государства Ватикан[323]. Канали, который во время войны горячо симпатизировал фашистам, было несложным найти общий язык с Масьеле – поклонником генерала Франко[324]. Двое кардиналов помогли Масьелю получить аудиенцию у папы Пия XII. Масьель вернулся в Мадрид с письмом, которое открывало возможность изучать испанский перед мексиканскими семинаристами. Но почему Святейший Престол с его налаженными каналами передачи документов доверил секретные материалы священнику, у которого не было дипломатического паспорта? Все объясняет другая часть истории, «определенная сумма денег».

Масьель обладал даром Мидаса – все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Его история – это легендарная история о том, как один-единственный человек соблазнил деньгами влиятельных членов Римской Курии, которым пришлось пойти против своей совести. Масьель налаживал отношения с различными властными консерваторами: от мексиканского миллиардера Карлоса Слима (которого некоторые считали богатейшим человеком всего мира) до Томаса Моногана, создателя сети ресторанов Domino’s Pizza и Университета Аве Мария во Флориде. Гарвардский профессор права Мэри Энн Глендон, говорившая, что Масьель «лучится святостью», стала послом Джорджа Буша-младшего при Святейшем

Престоле. Масьель налаживал отношения с самыми знаменитыми католическими консерваторами ради процветания Легиона или ради собственного процветания. К таковым, среди прочих, принадлежали: бывший директор ЦРУ Уильям Кейси; отец Ричард Джон Нейхауз, издатель журнала *First Things* и неутомимый пропагандист Масьеля; консервативный активист и биограф папы Иоанна Павла II Джордж Вейджел; Уильям Беннет, главный борец против наркотиков при Рейгане, ставший затем комментатором CNN; Уильям Донохью из Католической лиги; Стив Мак-Эвити, продюсер фильма Мела Гибсона «Страсти Христовы»; бывший губернатор Флориды Джеб Буш; бывший сенатор Пенсильвании Рик Сенторум, выступавший на собраниях Легиона, как и бывшая журналистка CNN Делия Галлахер. Список можно было бы продолжить.

Но именно Иоанн Павел II и сановники Ватикана дали добро на деятельность Масьеля, намеренно не замечая следы испорченности в человеке, которого члены Легиона называли *Nuestro Padre*, «отец наш». Масьель умело торговал новой ортодоксией, этикой богатства как добродетели, которая в умах прелатов Ватикана одержала победу над идеализмом теологии освобождения. Эта вера в рыночную религию ясно проявилась во время посещения Иоанном Павлом Мексики в 1999 году, когда с одобрения Ватикана повсюду на улицах продавались сувениры, связанные с папой, и сумочки с папским гербом. Ученый Элио Масферрер Кан подверг критике такое богословие процветания[325], позолоченную двоюродную сестру евангелия процветания, которое проповедуют некоторые пятидесятники, очарованные бизнесом. Масьель в буквальном смысле *воплощал* в себе богословие богатства. Величайший фандрайзер церкви современности, Масьель превращал религию в деньги и покупал у Ватикана защиту, позволявшую не делать тайны его жизни достоянием публики. На протяжении большей части его жизни это работало.

Из Милуоки в Рим

Крис Кунце мог видеть, как вера связана с деньгами, во время своего путешествия в Нидерланды в 1990 году. Он сопровождал отца Масьеля в Эйндховен и посещал вместе с ним дом католического филантропа Пиета Дерксена. Масьель, который, несмотря на свое французское имя, был чистокровным мексиканцем, мог говорить только по-испански. Он носил очки, из-за которых внимательно глядели его все замечающие глаза. Этот 70-летний мексиканец с вычурными манерами уже почти лишился своих волос, но ежедневно совершал пешие прогулки, чтобы содержать свое тело, ослабленное болезнями, в хорошей форме. Он произносил фразы с выверенными модуляциями и делал паузы, чтобы Кунце переводил его на английский для голландца, хозяина дома. Легион, говорил Масьель, строит университет в Риме, чего не случалось уже на протяжении жизни многих поколений. Кунце хорошо понимал свою роль во время этой презентации: он должен стать участником движения Масьеля с его новой ортодоксией. Священников этого движения сопровождали семинаристы, в обязанности которых входило звонить жертвователям. «Дерксен пожертвовал $1,5 миллиона, – сказал Кунце, – благодаря чему мы могли расплатиться с долгами в Германии и строить Регина Апостолорум» – университет в Риме.

Кунце родился в 1961 году и вырос в Милуоки, у него был младший брат и сестры-двойняшки. Его мать работала администратором в госпитале, а отец, в четырнадцать лет уехавший из коммунистической Германии, занимался продажей недвижимости. Кунце один год проучился в католическом колледже, готовящем священников, но он закрылся из-за недостатка учащихся. В футбольной команде Кунце был хорошим защитником. Он поступил в Университет Маркетта, где изучал философию, а будучи второкурсником, начал параллельно учиться в семинарии в Милуоки. Большинство семинаристов были геями. После того как двое священников, преподававших в семинарии, начали с ним заигрывать, Кунце в ужасе покинул это заведение. В 1984 году он закончил Университет Маркетта, где был блестящим студентом. Кунце хотел стать священником. Настоятель его прихода порекомендовал юноше Легион Христа. «Мистика духовной войны священства» привлекала Кунце, так что он стал послушником ордена в прекрасном месте в Чешире, штат Коннектикут.

Кроме латыни, греческого и испанского, он проходил здесь историю Масьеля из растерзанной войной Мексики, который получил поддержку Рима и создал сеть учебных заведений в разных странах. В Америке существовало свыше двух десятков подготовительных школ и две семинарии Легиона[326]. В

учебных заведениях Легиона стены украшали фотографии Масьеля, а учащиеся здесь усвоили одну мантру: «*Nuestro Padre – ныне живущий святой*».

Кунце до сих пор не сталкивался со столь суровой дисциплиной. Каждый член Легиона давал свои частные обеты, характерные только для этого ордена: положив руку на Библию, он клялся никогда не говорить плохо о *Nuestro Padre* или каких-либо еще руководителях Легиона и доносить на любого члена ордена, который критикует вышестоящих. Хорошо говорить о других считалось добродетелью, а шпионаж за товарищами был актом веры. Хороший член Легиона отказывается от своих амбиций ради любви ко Христу и не критикует других. Три часа ежедневно отводились для молитвы с продолжительными периодами молчания, как это бывает в некоторых монастырях. Начальники читали письма, которые новички писали раз в месяц домой, и вправе были ознакомиться с ответными письмами. С родными можно было видеться раз в год. Отказ от семейных связей здесь считался знаком близости ко Христу.

В свой первый год в Чешире Кунце совершил «большую исповедь», занявшую сорок пять минут, перед ирландским священником Оуэном Кэрнсом. Позднее Кунце вспоминал о подготовке к этому событию: «Я писал одну страницу за другой, вспоминая все грехи моей жизни, включая те, в которых я уже каялся на исповеди. Это меня смущало, а также немного пугало».

Страх обернулся очищением, это была суровая чистота отказа от себя, соединившая его волю со стремлением элитного отряда бойцов, которых Бог призвал снова обратить Католическую церковь. Эти люди верили Масьелю, который призвал их спасать церковь от упадка, наступившего после Второго Ватиканского собора, для чего им надо было сражаться против теологии освобождения. Кунце, как и другие юноши, писал письма к Масьелю, в которых отчитывался перед ним в своих грехах и недостатках, в своих надеждах и стремлениях. Выковывая свою новую жизнь, Кунце чувствовал, что его переполняет чувство праведности.

Много часов отводилось обсуждениям конституции Легиона Христа[327]. Из ее многочисленных параграфов семинаристы запоминали важнейшие, описывающие жизнь в Конгрегации (как там назывался этот орден):

> 268.1 Злая клевета – худшее из всех зол и величайший враг единства и милосердия между нами.
>
> 2. Если кто-либо, с помощью сплетен или любыми другими средствами, пытается создать внутренние разделения среди нас, его надо немедленно удалить из места нахождения и лишить всех

обязанностей…

3. Старшим следует научиться твердой и прочной рукой отсекать любой член, пораженный смертоносным раком злословия и интриги, иначе они сами будут нести ответственность за разрушение Конгрегации.

Они изучали послания *Nuestro Padre*, написанные им на протяжении многих лет, особенно те, в которых он обращался к дочернему движению, состоящему преимущественно из мирян, под названием Regnum Christi, Царство Христа. Оно было основано в 1970-х. Под приведенным ниже отрывком стоит дата «1944, Мадрид», хотя на самом деле он был написан на одно поколение позже[328]:

Самое худшее – это ужасающая угроза коммунизма и протестантских сект, которые стремятся исторгнуть из лона [церкви] всех детей, порожденных ее кровью и питаемых ее обильными и постоянными жертвами…

…Когда я вижу силу молодости, изнуренную и попранную из-за отсутствия Христа в весеннюю пору жизни, я не могу сдержать рыданий моего сердца. И тогда мне хочется, чтобы меня стало больше, дабы я мог писать, учить, проповедовать Христа. И из самых глубин моей души, из духа моего духа рождается один громкий вопль: «Моя жизнь – для Христа!» Надо снова сделать человечество христианским. Такова наша миссия, такова наша цель, вот для чего существует наше движение.

Кунце жил в общине вместе с шестьюдесятью священниками в Центре высшего образования Легиона в кампусе, обсаженном деревьями, который располагался на плато в западной части Рима. Кунце принадлежал к десятку самых молодых священников, которым запрещалось разговаривать со старшими. Там училось 320 семинаристов, одна половина которых специализировалась на философии, а другая на богословии. Им также нельзя было общаться вне академических рамок. Начальники просматривали их электронную переписку и давали им разрешение на просмотр веб-сайтов. Кунце видел, как рядом – не без помощи $1,5 миллиона Пиета Дерксена – возводилось здание Папского Атенеума Регина Апостолорум[329]. По рабочим дням утром Кунце вместе с двумя другими священниками легиона, работавшими в Курии, садился в «Пежо», и они проезжали по Виа Аврелия и сворачивали на Виа делла Кончильяционе, большой проспект, расширенный Муссолини, который вел от Тибра к площади Св. Петра. Конгрегация по делам духовенства помещалась в четырехэтажном бледно-желтом здании в неоклассическом стиле. Над лавочками с религиозными сувенирами, смотрящими на колонны работы

Бернини, находилось облицованное мрамором фойе с лифтом.

Когда Кунце впервые приступил к этой работе 8 декабря 1997 года, служащие Конгрегации все еще находились под впечатлением решения суда присяжных в Далласе о выплате компенсации в размере $119 миллионов восьми жертвам преступлений бывшего священника Руди Коса. Этот вердикт прозвучал в июле того года, и о нем говорили СМИ всего мира. Кастрилльон негодовал по поводу жадности юристов к деньгам. Сотрудники Конгрегации не могли понять, почему американские суды столь враждебно относятся к церкви. Та тяжба в Далласе, тянувшаяся шесть лет, закончилась в 1998-м решением о выплате истцам $31 миллиона[330].

Монсеньор Джеймс Энтони Мак-Дейд, коротенький и плотный канонист ирландского происхождения, занимался делами англоязычных стран. Ранее он служил священником в архидиоцезии Денвера. Он решительно не понимал, как могут епископы давать «вторую попытку» педерастам. По его мнению, здесь можно было сделать только одно: лишить преступника сана. Тони Мак-Дейд считал, что само существование Института Св. Луки в Сьюитленде, штат Мэриленд, – госпиталя, принадлежащего преимущественно церкви, где лечили педофилов, – скандально. Тамошняя терапия включала в себя сексуальное просвещение: пациентам демонстрировали учебные фильмы. Мак-Дейд думал, что там священников также учат мастурбировать[331].

Хотя Кунце и не работал в третьей канцелярии, он мог видеть озабоченность своих коллег тем, что некоторые епископы распродают активы церкви. «Уикленд опять это делает», – проворчал Тони Мак-Дейд однажды, указывая на канонический протест против закрытия приходов в Милуоки. Тем не менее Конгрегация духовенства встала на сторону архиепископа Уикленда.

Работа в Конгрегации позволяла Крису Кунце встречаться с самыми разными людьми – такого разнообразия он не видел в своем ордене. Секретарем и вторым лицом в команде был архиепископ Чаба Терняк из Венгрии. Он считал, что священникам нужно разрешить вступать в брак. Это пришлось не по душе Кунце, а архиепископ здесь же добавил, что он не поклонник Легиона.

Кунце читал отчеты епископов, написанные на немецком, иногда занимавшие по сотне и более страниц и описывавшие все возможные измерения жизни диоцезии от финансов до крещения, и давал их краткое резюме кардиналу Кастрилльону. Он также писал отчеты о содержании телефонных переговоров или встреч и помещал документы в нужные дела. Ему запрещалось брать какие-либо из документов домой. Он мог наблюдать за ужасными событиями в Австрии, последовавшими за отставкой венского

кардинала-архиепископа Ганса Германа Гроэра, которому пришлось уйти на покой в 1995 году из-за обвинения в том, что много лет назад он вынуждал юношей из монастыря вступать с ним в половую связь. Тем временем между Содано и Ратцингером шла борьба по вопросу о судьбе Гроэра, где победил Содано, так что Гроэр мирно ушел, не выслушав осуждения от Иоанна Павла, что должно было демонстрировать миру единодушие Ватикана[332]. Во время своего визита в Австрию в 1998 году Иоанн Павел не упоминал имени Гроэра. После скандала с Гроэром появилась Группа мирян «Мы – церковь», собравшая полмиллиона подписей, которая выразила протест против контроля Ватикана[333]. Когда немецкие епископы собрались на свою встречу в Ватикане, происходившую раз в пять лет, Кунце готовил досье для Кастрилльона и помогал с переводом на встрече кардиналов.

В вопросе о целибате Кунце разделял мнения Кастрилльона, Тони Мак-Дейда и других, тогда как либеральный лагерь стоял за возможность брака для священников. В отсутствие кардинала Кастрилльона архиепископ Терняк принимал посетившего Ватикан нунция из Венгрии. Кунце вспоминал: «Он во всеуслышание говорил о том, как хорошо шли дела в Венгрии, когда духовенство могло вступать в брак. Некоторые из нас при этом смотрели в пол и краснели, другие посмеивались. Так Терняк немного продемонстрировал свою власть». (Возможно также, эта смелость была связана с привычкой сопротивляться коммунистическому режиму.)

Никто не обсуждал экономические последствия ухода из священства многих людей, из которых некоторые собирали деньги и заботились о бюджете прихода. Это было похоже на то, как если бы из колледжа ушли опытные преподаватели или из газеты ее старые редакторы, так что остальным приходится больше работать из-за уменьшения ресурсов, что дурно сказывается на качестве процесса.

Монсеньор Мауро Пьяченца, уроженец Генуи, стройный человек в очках, любитель оперы, занимался большей частью переписки на итальянском для Кастрилльона. Из Пьяченцы постоянно вырывались слова, написанные и устные. Его воодушевляли следующие несколько возвышенные темы: богословие, святые, намерение передать контроль над Курией от Секретариата государства Ватикан (Содано) Конгрегации Доктрины Веры (Ратцингеру). Кунце восхищался Ратцингером и разделял желание Пьяченцы относительно того, чтобы Конгрегация Веры, где труды богословов оценивались с точки зрения чистоты вероучения, стала верховной властью в Курии.

Отец Масьель был на короткой ноге с кардиналом Содано, но Легион еще сильнее интересовался другим человеком – самим папой Иоанном Павлом II.

В январе 1979 в ходе своего первого папского тура Иоанн Павел посетил Мексику. Масьель сидел в одном самолете с папой – это было наградой за чрезвычайно успешную деятельность. Благодаря одному священнику из Легиона, который тайно служил мессы о первой леди, президент Хосе Лопес Портилло решил встретить папу в аэропорту – это был весомый символ для глубоко католической страны, где в недавней истории священники преследовались[334]. Шесть месяцев спустя папа высказал свою признательность ордену, навестив его членов в Риме[335]. Видеокамера запечатлела бесценные моменты, когда Масьель находился рядом с папой.

Обеспокоенный проникновением либерального духа в религиозные ордена после Второго Ватиканского собора, Иоанн Павел хотел вернуться к надежным опорам ортодоксии. Когда ситуация с нехваткой священников ухудшилась, Масьель стал достойным соперником Опус Деи в деле воспитания молодых людей, преданных учению папы. Финансовым двигателем Легиона было ответвление ордена Регнум Христи, в котором состояло шестьдесят тысяч членов, преимущественно мирян, многие из которых принадлежали к верхушке среднего класса, а некоторые были весьма богатыми. Одно крыло Регнум Христи составляли «посвященные женщины», жившие в обителях, подобно монахиням, которые работали в приготовительных школах Легиона. «Ярчайшей демонстрацией силы Легиона, – писал испанский журналист Альфонсо Торрес Роблес, – стало празднование пятидесятилетия ордена 3 января 1991 года. В этот день в Риме в базилике Св. Петра Иоанн Павел II рукоположил 60 священников из Легиона в присутствии семи тысяч членов Регнум Христи из разных стран, 15 кардиналов, 52 епископов и многих миллионеров из Мексики и Испании, оказывающих ордену поддержку»[336].

Снятые на камеру торжественные рукоположения были очень важны для рекламы Легиона, который по почте и через Интернет торговал ими, а также дарил их жертвователям. «Люди, готовые дать денег, охотно это делали, увидев, что орден связан с папой», – объясняет Гленн Фавро, который в 1997 году покинул Легион, проведя там тринадцать лет, в течение которых ему нередко приходилось иметь дело с Масьелем. На кадрах 1991 года можно увидеть энергичного Иоанна Павла в белом облачении, который приветствует огромную толпу членов Легиона и Регнум Христи на аудиенции в Ватикане; окружающие машут флагами и радостно восклицают в тот момент, когда Святейший Отец глубоким голосом и с улыбкой удовлетворения говорит об отце Масьеле.

По данным *Wall Street Journal* на 2006 год ежегодный текущий бюджет Легиона составлял $650 миллионов[337]. Один бывший член ордена, занимавший в нем высокий пост, сказал: «Бюджет Легиона,

вероятно, составлял более $1 миллиарда. Как все части этой машины работали – это тайна». В любом случае такие суммы были огромными для маленького религиозного ордена, в котором состояло лишь только около 450 священников и 2500 семинаристов – для сравнения: иезуитов насчитывается около 18 тысяч. Члены Легиона в их традиционных сутанах или двубортных пиджаках с коротко остриженными волосами, ходящие парами, обращали на себя внимание в Риме.

В 1994 году родственники Кристофера Кунце прилетели в Мехико, чтобы присутствовать на его рукоположении. Он шел в процессии вместе с другими пятьюдесятью тремя членами ордена в белых облачениях, каждый останавливался около отца Масьеле для ритуального объятия, а затем шел к алтарю, где, преклонив голову, получал благословение папского нунция архиепископа Джироламо Приджионе. Затем будущие священники в знак послушания распростерлись на полу, образовав нечто вроде огромного белого веера, на глазах у 40 000 зрителей, собравшихся на стадионе в форме полукруга. 5 декабря 1994 года Легион красовался среди рекламы на половине страницы *El Universal* и шести других ежедневных газет Мехико: под фотографией, на которой Масьель целует перстень Иоанна Павла, было размещено открытое письмо папы, который называет Масьеля «умелым руководителем молодых» – письмо было написано в день 50-летия священнического служения последнего.

В 1995 году Элизабет, одна из сестер-двойняшек Кунце, вступила в Движение, как себя называют члены Регнум Христи. Она работала в розничной продаже в магазине Neiman Marcus, ей исполнилось двадцать девять, она недавно поссорилась с любимым человеком и испытывала жажду по жизни, наполненной смыслом. «Мои родители развелись после моего рукоположения, – размышляет Крис. – Думаю, это как-то связано с решением Лиззи сюда вступить». Она начала служить Движению в Уэйкфилде в штате Род-Айленд.

Соблазнение миссис Габриэл Ми

Дом Легиона на Род-Айленд был выстроен трудами уроженца Ирландии отца Энтони Беннона. Он надзирал за деятельностью Регнум Христи в Северной Америке из своей штаб-квартиры в Коннектикуте, он посылал семинаристов и священников к потенциальным жертвователям. Женвьев Кинеке, вступившая в Движение в середине 90-х, так вспоминает о визите Беннона: «Мы разделились на группы, в которых использовалась техника «мозгового штурма», а затем собрались, чтобы поделиться друг с другом нашими планами роста. В то время нас было около двадцати, хотя здесь к нам присоединились некоторые

женщины из Массачусетса. Род-Айленд – особое странное место со своими обычаями. Можно осмотреть весь этот штат за полтора часа, но местные жители не отправятся в Провиденс, не взяв с собой пижаму и другие ночные принадлежности. Они с подозрением относились к Регнум Христи и не слишком охотно жертвовали деньги. Я кратко и не без юмора описала нашу ситуацию, указав на эту проблему. Беннон посмотрел на меня как на врага. Он был разъярен. Я села сконфуженная».

Беннон и другой ирландский священник Оуэн Кэрнс были «чем-то вроде странствующей команды, которая искала деньги и адептов», сказала Кинеке. «Так повелось с 1980-х. Они пристроили новое крыло для послушников в Чешире, штат Коннектикут, благодаря пожертвованной сумме, выражающейся семизначным числом. Эти деньги им дали [директор ЦРУ при Рейгане] Уильям Кейси и его жена. Легион установил табличку в честь их щедрости».

Беннон договорился с епископом Провиденса Луи Желино и миссис Габриэл Ми об организации в марте 1990 года приема для Легиона в доме бывшего губернатора Джона Джозефа Гаррахи и его жены Маргэрит в Наррагансете. Габриэл Ми и Маргэрит Гаррахи ходили на мессы вместе. «Это публичное событие и одобрение диоцезии были крайне важны для того, чтобы Легион мог запастись средствами для приобретения собственности», – писала газета *Rhode Island Catholic*. В 1991 Легион приобрел бывший монастырь в Уэйкфилде, превратив его в школу Регнум Христи для девочек, и еще два религиозных здания. Академия Овербрук в Уорик-Нек, средняя школа для девочек из Латинской Америки и Испании, в 2009 году брала за обучение по $35 тысяч ежегодно[338].

По мнению некоторых бывших членов ордена, благодаря высокой стоимости обучения при скромной зарплате учителей школы Легиона приносили доход, используемый для его деятельности в Риме. Вдова Ми сыграла важнейшую роль в расширении Легиона. Габриэл Дорей с детских лет привыкла причащаться каждый день. Ей было тридцать, когда в 1948 году эта бездетная женщина вступила в брак с богатым вдовцом Тимоти Ми. Каждый из супругов познал горе. За десять лет до того ураган, разрушив пляжный дом, погубил жену и детей Тимоти. Габриэл, шестая по счету из девяти детей, росла без отца и никогда не знала благополучия. Преданный церкви Тимоти Ми был крупнейшим инвестором Национального банка Флит. В 1982 году он создал трасты для себя и своей жены. Поскольку у них не было прямых наследников, после их смерти средства этих фондов должны были пойти на благотворительность. В 1985 году, когда Тимоти умер, Габриэл было семьдесят четыре. Два года спустя она создала собственный благотворительный траст, совокупным опекуном которого был Банк Флит.

Габриэл Ми была идеальным объектом внимания для Легиона – набожная богатая вдова со второстепенными молодыми наследниками. В 1991 году во время торжественной церемонии в Риме она присоединилась к Регнум Христи. Став посвященной, они принесла в Род-Айленде обет послушания старшим. Ей все сильнее хотелось помогать Легиону. В 1994 году она совершила перемены в своем трасте, а Банк Флит превратил Фонд Тимоти Ми (с активом в $15 миллионов) в благотворительный траст, и теперь доходы обоих трастов получал Легион Христа в Северной Америке[339]. Трасты Ми принесли ордену $7,5 миллиона, кроме того Легион занял $25 миллионов у Банка Флит для приобретения комплекса зданий в округе Уэстчестер штата Нью-Йорк, где предполагалось открыть университет. В декабре 2000 года, когда Ми исполнилось 89 лет, она переменила свое завещание, оставив все свое имущество Легиону Христа, и назначила судебным исполнителем по завещанию отца Беннона. Роль соисполнителя играл Банк Флит.

Следующий этап событий описывает газета *Hartford Courant*:

> Но вскоре орден и Ми подали иск против Банка Флит, поставив под сомнение то, как банк распоряжается фондами трастов. В 2003 году Ми снова переменила завещание, так что Флит оказался не у дел, а вместо него соисполнителем по завещанию стал Кристофер Брекетт, еще один священник Легиона, обитающий в Чешире.
>
> Один из двух трастов Габриэл Ми был ликвидирован в 2003 году решением суда, а его оставшиеся фонды – более $2,1 миллиона – отошли к Легиону. В июне 2003 года Легион стал единственным владельцем роскошной квартиры, принадлежавшей Ми, в Наррагансете, стоимость которой оценивают в $850 тысяч[340].

Спор с Банком Флит был улажен вне суда. Ми перестала поддерживать отношения с родными, что встревожило ее племянницу Жанну Дорей. В 2001 году Дорей посетила центр Регнум Христи. Хотя она провела там пять дней, ей не удалось побыть вдвоем с тетушкой хотя бы немного: рядом всегда присутствовала еще одна женщина, которая направляла разговор так, чтобы он не затрагивал неугодных для Движения или не соответствующих его идеологии тем. Когда Ми захотела посетить заболевшую сестру, священники Легиона этого ей не позволили, что огорчило старую женщину. Дорей это не понравилось. После этого члены Регнум Христи стали звонить ей по телефону, упрашивая *ее саму* присоединиться к Движению – чего она отнюдь не желала делать. После этого ей удалось лишь несколько раз поговорить по телефону с тетей. «Мне показалось, что они нашли в ней дойную корову и что они

никогда и ни за что ее от себя не отпустят», – сказала Дорей журналисту[341]. После смерти Ми кузина Дорей обратилась в суд, желая оспорить завещание[342].

Женвьев Кинеке ушла из Регнум Христи, когда забеременела своим пятым ребенком. Вскоре после этого СМИ заговорили о злодеяниях Масьеля. Эти разоблачения и разговоры с другими женщинами, покинувшими Движение, вдохновили Женвьев Кинеке на создание замечательного блога life-after-r.c.com.

Мексиканская модель

Стратегия обработки богатых женщин и олигархов была испробована Масьелем еще в индустриальной столице Мексики Монтеррее. Чтобы заручиться поддержкой элитных семей, Масьель создал приватные средние школы: одну для мальчиков, другую для девочек. Он экспортировал эту модель в Америку – открывал частные школы для богатых семей, члены которых могут примкнуть к Регнум Христи и давать деньги, стараясь воспитывать детей так, чтобы они вошли в Легион или в Движение. Члены Движения изучали письма *Nuestro Padre*. Более продвинутые из них приносили обет безбрачия и жили в общинах. Орден Масьеля копировал Опус Деи, основанный в Испании в 1930-х, в который входили миряне, принесшие обет безбрачия и жертвовавшие часть своей зарплаты. Но если основатель Опус Деи призывал к освящению труда мирян[343], целью Масьеля было *приобретение богатства* для Легиона. Посвященные женщины из Движения, дешевая рабочая сила, боготворили *Nuestro Padre* и, подобно священникам ордена, неутомимо собирали пожертвования.

В Монтеррее Масьелю приходилось соперничать с иезуитами, которые были тесно связаны с высшими классами общества. В 1960-х в Мексике обретала популярность теология освобождения. Как отмечает историк Энрике Краузе, в эти годы «иезуиты, привлеченные идеей «церкви бедных», начали терять интерес к обучению богатых»[344]. В крупных городах Мексики школы Масьеля оказались конкурентоспособными, а одновременно они позволяли искать состоятельных сторонников. В 1968 году Эвгенио Гарса, важнейший спонсор Технологического института в Монтеррее, начал оказывать давление на епископа, чтобы тот удалил капелланов-иезуитов из студенческого кампуса и закрыл их орден в диоцезии Нуэво-Леона. Пять лет спустя, когда Гарса был убит партизанами при неудавшейся попытке похищения, на его похороны собралось 200 тысяч людей. Позднее газета *New York Times* писала:

> Это убийство посеяло панику в деловых кругах Мексики, повсюду воцарился хаос… Семья

покойного вскоре разделила его холдинговую компанию Monterrey Group и создала четыре отдельных компании, которыми легче было руководить – и которые были надежнее защищены. Alfa, одна из них, пережила столь бурный рост в середине и конце 1970-х, что вскоре стала крупнейшей частной компанией Латинской Америки. В 1994 году ее доходы составили $2,49 миллиарда. Она занимается сталью, нефтью и пищевыми продуктами[345].

Дионисио Гарса, родной брат Эвгенио, стал сторонником Масьеля, как и другие члены семьи Гарса, которую *Times* сравнивала с Рокфеллерами. «Одна из моих тетушек подарила Масьелю дом», – вспоминает Роберта Гарса, младший ребенок из восьмерых детей Дионисио. Роберта родилась в 1966 году и стала главным редактором газеты *Milenio*, выходящей в Мехико. Ее отец, «консервативный джентльмен викторианского типа», давал миллионы Легиону. «В нашей семье редко смотрели телевизор. После еды мы все собирались и разговаривали друг с другом»[346].

В детстве и юности Роберта часами сидела в библиотеке своего деда и читала. «Ни мой дедушка, ни его брат не были близки к Легиону, – рассказывала она, – считая членов этого ордена слишком амбициозными. Когда мой дядя добился изгнания иезуитов, образовалась некая пустота. Члены Легиона обходили один дом за другим, так что каждую состоятельную семью опекал один из их священников. Отец Масьель говорил: «Вы должны много помогать церкви, потому что Бог дал вам так много». Его сопровождали один-два молодых священника. Они как бы случайно потихоньку сообщали членам семей: «*Nuestro Padre* настолько близок к Богу, что он видит всю вашу душу». Я искренне верила, что он святой священник. Но кое-что вызывало у меня скептицизм. Мне не нравилось, что люди им восхищаются, не задавая никаких вопросов. Женщины *любили* его».

В 11 лет Роберта отправилась во Францию, чтобы учиться в Академии Святого сердца. Она жадно поглощала книги и начала писать сама. Отец Масьель писал ей во Францию благожелательные письма. Ее старший брат Луис Гарса Медина (родившийся в 1957 году) окончил Ирландский институт, подготовительную школу Легиона в Монтеррее. Преподаватели, воодушевленные идеей Масьеля об особых избранниках, стремились к тому, чтобы их ученики думали о себе как о будущих священниках Легиона или активных деятелях Регнум Христи. Как вспоминает Роберта, когда Луис выразил желание стать священником, отец сказал, что сначала ему следует закончить колледж. Шестнадцатилетний Луис поступил в Стэнфордский университет и начал изучать управление производством. «Чтобы он не забыл о своем призвании, – говорит Роберта, – в калифорнийском кампусе, Легион отправил одного из своих

членов, чтобы тот жил вместе с Луисом».

«Это типичная тактика Масьеля, – объясняет один из старых друзей Луиса. – Начинающие члены Регнум Христи не имеют права на самостоятельную жизнь, им следует всегда ходить парами. Когда Луис закончил второй курс, Масьель послал кого-то жить вместе с ним». Кончив учебу в Стэнфорде в 1978 году, Луис Гарса вступил в Легион. Он стал священником через семь лет, хотя обычно в Легионе рукополагают после десяти лет. Паулина, сестра Луиса и Роберты, вступила в Регнум Христи и переехала в Рим.

В 1980 году Роберта вернулась из Европы и поступила в среднюю школу в Монтеррее. Она вспоминает: «Это было весьма традиционное заведение с жесткими правилами, где не приветствовалось критическое мышление. Дочери одной моей родственницы не преподавали английский. Родственница была недовольна такой программой и пожаловалась на это одному из священников Легиона. Вот что тот ей ответил: «Конечный суд не будет зависеть от знания английского». Они воспитывали нас для своего движения. Если твои родители состоятельны, если они имеют власть, вес в обществе, ты становишься для них желанной добычей… Я страдала после Франции, где можно было мыслить свободно. Они постоянно говорили о том, что все блага, которыми ты располагаешь, дарованы тебе по милости Бога – и потому *ты должен их ему возвращать и сражаться с силами зла*. Они торговали раем нравственной праведности. Каждую ночь я плакала, думая: «Тут мои родные, здесь мой дом, но мне не хочется здесь жить». Я просто сходила от этого с ума».

После гибели отца семейства Масьель начал обхаживать его вдову. «Моя мать, – вспоминает Роберта, – дарила ему драгоценности и жертвовала немалые деньги. Он уделял особое внимание мексиканкам высших классов, которым было неприлично работать. Мне самой с трудом удалось добиться того, чтобы меня отправили в колледж. Масьель давал образованным и скучающим женщинам чувство цели». Поскольку Луис был священником Легиона, а Паулина членом Движения в Риме, члены семьи Гарса были постоянным источником денег для Масьеля. Он умел воодушевлять людей своими речами, и те послушно несли ему свои пожертвования. По словам одного из его бывших коллег, Луис Гарса – сдержанный, держащийся с достоинством и отрешенный человек – передал Легиону $3 миллиона из своего наследства. Роберта не знает об этом факте, но считает, что это вполне возможно.

Луис Гарса отказался давать мне интервью по электронной почте.

«Один из моих братьев ненавидит Легион еще сильнее, чем я», – говорит Роберта, отошедшая от Католической церкви после окончания колледжа. Когда члены семьи Гарса собираются вместе на

семейных торжествах, они избегают разговоров о Легионе.

Самый старший ребенок в семье Дионисио Гарса Медина, названный в честь отца и долгое время руководивший компанией Alfa, основанной его дедом, стал важным спонсором Легиона. Говоря с Хосе де Кордоба из *Wall Street Journal*, он сказал: «Легион – единственная многонациональная мексиканская религиозная организация»[347]. Масьелю было выгодно сделать 35-летнего Луиса Гарсу генеральным викарием, что произошло в 1992 году. Луис стал главным финансистом: как говорится в его досье на сайте www.regnumchristi.org, он «руководил ключевыми экономическими делами и часто сидел за рабочим столом, занимаясь анализом чисел, кадров, организаций, думая о риске и новых возможностях»[348].

Кристофер Кунце говорит, что Луис Ганса был целеустремленным, послушным и холодным человеком.

«Однажды, – рассказывает Кунце, – мне довелось слышать его речь, где Луис описывал работу хорошего хирурга, делающего операции на сердце. Для удачной операции нужно, чтобы пациента к ней готовили прекрасно обученные люди, а затем приходит хирург и быстро совершает массу действий, перекрывает поток крови в артериях и получает все деньги. Это образец деятельности Легиона, подобной бизнесу. Мы должны были вести работу с влиятельными и богатыми людьми, чтобы обратить их ко Христу».

В начале 1997 отец Гарса посетил различные центры Легиона. «Он здесь выступал, – поясняет Кунце, – рассказывая, что одна газета распространяет информацию о *Nuestro Padre*, но это полная ложь, *curiosidad malsana*, – нездоровое любопытство. И если кто-то пришлет нам вырезки из газеты, их не следует читать – вместо этого их нужно тотчас запечатать в конверт и отослать ему в Рим». В это время Кунце жил в Мехико в общине Университета Анауака, которым управлял Легион, и работал в центре Регнум Христи в этом огромном задымленном городе. В течение нескольких месяцев его терзали бессонница и тоска, о которой ему было трудно с кем-либо поговорить. Дух мистической борьбы испарился, его сменило ощущение одиночества, которого он никогда не испытывал раньше. Кунце был послушен обету и воздерживался от злословия, этого нравственного рака, а потому мало думал о запретной статье.

«Мы не знали, в чем именно ложно обвиняют Масьеля, – вспоминает Кунце, – мы только знали, что с первых дней существования Легиона у него были враги и что все мы должны держаться друг за друга. Дважды в году мы возобновляли наши обеты. Нас попросили подписать договор о том, что мы никогда не

будем судиться с Легионом… Пока я размышлял об этих вещах, отец Масьель позвонил мне и сообщил, что мне нужно отправиться в Ватикан, где я буду работать вместе с кардиналом Кастрилльоном».

Мощь Nuestro Padre

Марсиаль Масьель Дегодалло родился 10 марта 1920 года в семье с девятью детьми, где он был младшим из пятерых мальчиков. Его родной город Котиха-де-ла-Пас находится в юго-западной части штата Мичоакан, который сегодня печально славен своими войнами между наркоторговцами. Его отец Франсиско Масьель Фариас, креол французско-испанского происхождения, владел сахарным заводиком и несколькими ранчо. Он насмехался над женственностью своего сына, которого часто колотили братья, и тот держался поближе к своей матери Маурите, отличавшейся набожностью. «В моем доме не место неженкам», – сказал однажды Франсиско и послал своего сына на полгода работать с погонщиками мулов. Как считает мексиканский исследователь Фернандо М. Гонзалес, погонщики растлили Масьеля и еще одного мальчика[349]. Это соответствует тому, что сам Масьель по секрету говорил Хуану Ваке, одной из первых среди семинаристов Легиона жертв его сексуальных преступлений[350]. Желая преодолеть преследующее его чувство позора, Масьель в шестнадцать лет поступил в семинарию. В то время Мексика еще несла на себе тяжесть последствий войны.

Революция 1910 года в стране началась с того, что аристократ и сторонник реформ Франсиско Мадеро создал маленькую армию для борьбы с диктатором Порфирио Диасом. Бывший военачальник Диас, в жилах которого текла кровь индейцев-сапотеков, правил страной на протяжении тридцати четырех лет и превратился в амбициозного и безжалостного диктатора. Говоря о людях, которых он казнил за кражу телеграфного кабеля, Диас сказал одному журналисту: «Иногда мы были непреклонны вплоть до жестокости. Кровь, которая была пролита, – это дурная кровь»[351]. Диктатор раздавал огромные земельные владения местным аристократам и иностранцам, тем самым увеличивая нищету крестьянских масс, а одновременно воевал против индейцев яки и майо. «Он собрал вождей племени майо, сковал их цепями и утопил в Тихом океане, – пишет Карлос Фуэнтес. – Предводители повстанцев из числа яки были казнены, а половина всего мужского населения племени (30 тысяч людей) отправлена в ссылку… Чем объясняется такая жестокость? Связана она с городом или сельской жизнью? Одно можно сказать определенно: идеология прогресса позволяла ни с чем не считаться»[352].

В 1907 году разразился экономический кризис в США. Засуха и нищета ухудшили положение сельского населения в Мексике. Спустя семь месяцев после начала восстания, когда из-за взрывов

сходили с рельс вагоны, Диас убежал в Париж. В 1911 г. президентом был выбран Мадеро, но его убили после переворота 1913 года. Революция не носила всеобщего характера, скорее восстания вспыхивали то тут, то там, тем не менее во многих штатах происходили нападения на шахты и большие поместья[353]. В конституции 1917 года говорилось о правах рабочих и контроле государства над распределением природных ресурсов, кроме того, она отражала желание отнять власть у католической иерархии: она запрещала монастыри и католические школы и лишала клириков права голосовать. Было убито двое очередных президентов. К 1919 году в результате экономической катастрофы умер 1 миллион из 15, составлявших население Мексики[354]. К власти пришел Плутарко Элиас Кальес, революционный защитник трудящихся, который верил больше не в перераспределение земли, но в развитие промышленности. Кальес улучшил систему государственного образования, а церковь сделал козлом отпущения.

Будучи мальчиком, Масьель видел повешенных людей. В его детстве Мичоакан был очагом католического сопротивления. Котиху называли «городом сутан», потому что здесь было множество священников. В жилах Масьеля текла «хорошая кровь». Один из его четверых дядей-епископов, Рафаэль Гуизар Валенсия, в 1930-х руководил подпольной семинарией в Мехико; на одной из площадей Котихи стоит его статуя. Отец Масьель считал, что следует канонизировать его дядю Гуизара и его мать Маурите, и мог думать, что со временем и его признают святым. («Не стоит начинать процесс моей канонизации ранее тридцати лет со дня моей смерти», – говорил он своим помощникам на торжествах в Риме в 1992 году.)[355] Другой его дядя, Хесус Деголладо Гуизар, был аптекарем, которому во время восстания Кристеро пришлось стать полководцем. В 1922 году мексиканские епископы создали Католическую конфедерацию труда, чтобы противостоять Кальесу, который манипулировал профсоюзами. Это вызвало ярость тогдашнего министра труда Луиса Наполеона Моронеса. Католическая конфедерация быстро разрасталась, вскоре в ней оказалось 80 тысяч членов, а Кальес с Моронесом посылали вооруженные отряды для расправы со священниками и церквями[356]. 31 июля 1926 года епископы закрыли церкви. Четыреста человек заперлись в церкви в Гвадалахаре и начали оттуда стрелять по федеральным отрядам. Восстание распространилось по юго-западной части Мексики. Многие епископы и священники бежали. Восстание Кристеро проходило под лозунгом «*Viva Cristo Rey!*» – «Да живет Христос Царь!». Землевладельцы, рабочие, крестьяне и индейцы объединились для борьбы, несмотря на их различные интересы. Историк Жан Мейер пишет: «Это было подобно огню, горящему глубоко под землей… Эта

армия была вооруженной федерацией республик и общин. Иногда действительно в деревне создавалась отдельная республика или возникала конфедерация на уровне региона… а иногда женщины и дети уходили за мужчинами в пустыню, покидая свои деревни»[357].

Кальес был гораздо лучше вооружен, но широкое народное восстание ставило перед ним трудные экономические проблемы. Повстанцы боролись «против общественного беззакония, ставшего нормой… это не было проявлением ни консерватизма, ни революционного духа, но стремлением к реформам»[358]. Схватки становились все горячее, а тем временем бежавшие из страны епископы (многие из них оказались в Сан-Антонио, штат Техас) с ужасом узнавали о солдатах, носящих кресты, которые отрезали уши коммунистам. Фернандо М. Гонзалес с презрением пишет о священниках, которые погибли в сражениях и десятилетиями спустя были признаны мучениками[359]. Несмотря на то, что на самом деле немного клириков приняло участие в битвах и что некоторые интеллектуалы насмешливо говорят о восстании как об «ортодоксальной утопии»[360], у Кристеро появились удивительные сторонники, его поддерживали и крестьяне, и крупные землевладельцы, которых объединила борьба за религиозную свободу.

В 1929 году, шесть месяцев спустя после подписания Латеранского пакта с Муссолини, посол США в Мексике Дуайт Морроу способствовал достижению перемирия после переговоров со Святейшим Престолом. Мексика согласилась уважать права католиков, не отменяя своих антиклерикальных законов. Вожди Кристеро, которых не приглашали участвовать в переговорах, распустили свои отряды, поскольку перемирие одобрил папа. Дегодалло выразил свой протест телеграммой, адресованной Пию XI; несколько лет ему приходилось прятаться, поскольку лидеров Кристеро систематически убивали. Роман Грэма Грина «Сила и слава» тесно связан с историей восстания. Путешествуя в 1937 году по Мексике для сбора информации, Грин записал: «Крестьяне заняли церкви Веракруса, заперли двери и зазвонили в колокола; полиция ничего не могла с этим сделать и губернатору пришлось уступить – церкви были открыты»[361].

В 1941 году, когда жизнь в Мексике стала поспокойнее, Марсиаль Масьель Дегодалло, которому тогда был двадцать один год, создал общину в полуподвале одного дома столицы, куда вошло тринадцать юношей. Их родственники не знали, что основателя общины дважды исключали из семинарии, хотя никому не удалось установить, по каким причинам. Ни одна мексиканская семинария не готова была его принять, несмотря на то, что четверо его дядей были иерархами церкви. Этот дом принадлежал Талите Ретес, щедрой жертвовательнице, которая и познакомила Масьеля с богатыми семьями, еще хранившими свежую память о подпольных мессах и расстрелах священников. В 1944 году епископ Ариас рукоположил

своего племянника. «Масьель обладал невероятным харизматическим даром», – вспоминал один из его первых учеников[362]. Он рассказывал состоятельным мексиканцам, венесуэльцам и испанцам, живущим в Мексике, о своем замысле создать элитный орден священников-воспитателей, солдат Христа, и эта идея многих воодушевляла. В 1947 году братья Гуиллермо и Луис Баррозо, занимавшиеся производством текстиля, помогли Масьелю приобрести недвижимость в Мехико в районе Тлальпан. Эта земля ранее принадлежала Моронесу, министру труда и врагу Кристеро. Там были спортивные площадки и водоемы, по которым можно было плавать на лодках. Масьель назвал это место Квинта Пачелли в честь Пия XII (Эудженио Пачелли).

В 1950-х годах Масьель пользовался милостями Флоры Барраган де Гарса – игравшей ту же роль, что затем выпала на долю вдовы Ми и матери Роберты Гарсы (она не была родственницей Флоры). Последний муж Флоры Роберто Барраган оставил ей значительное наследство. Она подарила Масьелю «Мерседес» и снабжала его средствами для расширения деятельности. Семинаристы Легиона, обучавшиеся в Испании, писали ей письма о своих успехах. После смерти щедрой вдовы ее дочь Флорита сетовала преподавателю колледжа в Мехико по имени Хосе де Хесус Барба Мартин на то, что Флора за несколько лет подарила Легиону $50 миллионов. Хосе Барба затрудняется дать точную оценку этой цифре, но говорит, что «Флора жертвовала им огромные деньги»[363].

Подобно многим другим апостольским школярам, Хосе Барба родился в семье с испанскими корнями. В 1948 в возрасте одиннадцати лет он вступил в Легион в Мехико. В 1962 году он оставил орден и затем защитил в Гарварде докторскую диссертацию по латиноамериканской литературе. Он посвятил немало времени исследованию деятельности Легиона. «Масьель обычно покупал все за наличные, – говорит Барба. – В возрасте двадцати семи лет он купил имение Моронеса. В 1950 году он начал строительство Института Кумбрес (первой подготовительной школы в Мехико) на земле, приобретенной на деньги Флоры. Тем же летом он торжественно объявил об открытии Колледжа Массимо в Риме. Тогда ему было тридцать. В 1953 он начал строительство колледжа в Саламанке. Я там был. Епископ болел и не мог заложить первый камень. Масьель начал работу в 1954 году и завершил ее за четыре года. В том же 1954 году он приобрел бывший курорт в Онтенаде в Испании с собственным озером, чтобы открыть здесь еще одну семинарию. И снова расплачивался наличностью. Отец Грегорио Лопез рассказывал, что он передал пачку денег, обернутых тонкой бумагой, Леопольду Коринезу, представлявшему братьев, которые продавали часть собственности своей семьи. Не могу точно сказать, сколько там было денег».

В 1948 году в Тлальпане Барба увидел 11-летнего Хуана Ваку, сына предпринимателя из деревни, поддерживавшей Кристеро. Когда юноши, гордые своей причастностью к ордену, стали приезжать в Испанию, Масьель использовал для занятий классы Папского университета Комиллас, которым руководили иезуиты. Однажды вечером Масьель вызвал 12-летнего Хуана Ваку к себе. *Nuestro Padre* лежал в кровати и корчился от боли. Он подозвал к себе мальчика и попросил помассировать ему живот, а затем постепенно стал перемещать его руки ниже. После этого на протяжении двенадцати лет Вака вынужден был участвовать в сексуальных забавах священника, что оставило в нем травму на всю жизнь. Иногда Масьель приглашал двух мальчиков одновременно.

В 1950 году иезуиты попросили Масьеля покинуть Комиллас. Масьель пытался переманивать семинаристов из местной диоцезии к себе, кроме того, иезуиты знали о его сексуальных преступлениях[364]. Масьель нашел место для занятий в близлежащем Кобресесе, а позже в Онтенаде. Когда они перебрались в Рим, Вака и другие апостольские школяры (не все они были жертвами сексуальных преступлений) заметили, что Масьель страдает глубокой зависимостью от болеутоляющего средства с морфием под названием Долантин. Он сам делал себе инъекции и посылал молодых курьеров к докторам Рима со взятками, а затем отключался. В 1956 году не справлявшийся с этим пристрастием Масьель оказался в римском Международном госпитале Сальватор Мунди. Сухощавый кардинал Валерио Валери, бывший дипломат и префект Конгрегации по делам Институтов Посвященной жизни, был недоволен письмами ректора Тлальпана и старших семинаристов, которые видели, что Масьеле делает себе инъекции, и выражали беспокойство относительно его поведения с мальчиками. Нахмурившись, кардинал вошел в больничную палату и сказал Ваке: «Иди на свое место!»[365]

Кардинал Валери отстранил Масьеля от руководства Легионом и распорядился о том, чтобы священники из кармелитов проконтролировали ситуацию. Те начали расспрашивать мальчиков, восемь из которых годы спустя признались Джеральду Реннеру и мне, что они лгали, чтобы защитить Масьеля и свое собственное призвание, опасаясь, что кармелиты сочтут *их* грешниками[366]. «Мы не знали, что делать, – сказал Вака. – Казалось, это *конец нашей жизни*». В соответствии с клерикальными обычаями Валери держал в тайне отстранение Масьеля. Выйдя из госпиталя, утративший свою репутацию в Риме Масьель занялся поиском денег между Испанией и Латинской Америкой, собирая средства на большой проект в Риме – строительство Базилики Пресвятой Девы Гваделупской. Он видел здесь свое спасение.

В 1958 году все еще находящийся на подозрении у церковных властей отец Масьель завершил

строительство семинарии в Саламанке при финансовой помощи Жозефиты Перес Химене, дочери бывшего венесуэльского диктатора[367]. Несмотря на немилость кардинала, Масьель продолжал пользоваться почетом во время своих путешествий. Его наркотическая зависимость была то сильнее, то слабее на протяжении десятилетий. В 1958 году умер папа Пий XII, и затем кардинал Микара, нынешний викарий Рима, подписал указ о восстановлении Масьеля – если бы не этот краткий период междуцарствия до избрания нового папы, Микара не имел бы власти этого сделать. По каноническому праву большинство решений сановников Ватикана не имеет силы до избрания нового папы. Что мог поделать в этой ситуации кардинал Валери? Расходовать свой политический капитал на то, чтобы опротестовать перед новым папой Иоанном XXIII восстановление на посту зависимого от наркотиков священника – когда при том у этого священника достаточно наличных средств на возведение базилики? Масьель снова обрел свою власть с помощью незаконного распоряжения кардинала, которому он двенадцать лет назад пожертвовал $10 тысяч. Как писал Фуэнтес о диктаторе Диасе, «идеология прогресса позволяла ни с чем не считаться»: Микара благословил первый камень базилики, у Масьеля были деньги на завершение его строительства.

Подобно пленным американским солдатам из фильма времен «холодной войны» «Кандидат от Маньчжурии», которым промыли мозги коммунисты, члены Легиона страдали от психологических ран из-за тирании Масьеля на протяжении многих последующих десятилетий. Но, в отличие от героев того фильма, десятки бывших членов ордена не забыли о том, что делал с ними Масьель, – который даже говорил им по секрету, что получает сексуальное утешение по особому позволению папы Пия XII. В те времена жертвы сексуальных преступлений священников еще не говорили вслух о пережитом ими.

В 1972 году Масьель послал отца Хуана Ваку в Коннектикут руководить деятельностью Легиона в Америке. В 1976 году 39-летний Вака оставил Легион и стал священником диоцезии Центральный Роквилл в штате Лонг-Айленд. Отец Вака написал Масьелю резкое письмо на двенадцати страницах, где были упомянуты имена двадцати других жертв. Он также отправил копию этого письма своему епископу Джону Мак-Гэнну[368]. Епископ Мак-Гэнн поговорил с другим священником своей диоцезии, ранее принадлежавшим к Легиону, отцом Феликсом Аларсоном, который сообщил, что тоже стал жертвой Масьеля. После этого Мак-Гэнн отправил их показания в Ватикан. Никакой реакции не последовало. Отец Вака обратился в Ватикан в 1978 году с призывом принять меры, и снова ответа не последовало. В 1989 году, оставив священство, Вака послал свои показания с бесстрастным письмом Иоанну Павлу II по официальным каналам Ватикана. Он просил, чтобы ему официально разрешили снять с себя обеты, считая

свое рукоположение недействительным; он хотел, чтобы церковь благословила его гражданский брак. В 1993 году он получил соответствующее разрешение, но Ватикан снова не принял никаких мер в ответ на его обвинения.

Однокашникам Ваки понадобились годы на то, чтобы восстановить связи и открыто признаться друг перед другом, что они стали жертвами Масьеля. Преподаватель языков Артуро Хурадо прочел мою книгу «Не введи нас во искушение», после чего в 1993 году он связался со мной и дал мне адрес Хосе Барбы. Когда журналист газеты *Hartford Courant* Джеральд Реннер позвонил мне и спросил, что я знаю о делах таинственного религиозного ордена в Коннектикуте, я уже располагал надежными показаниями восьми людей. И тогда мы решили заняться этим делом вместе.

Наш подробный отчет о сексуальных преступлениях Масьеля против юношей в Легионе вышел в *Courant* 23 февраля 1997 года. Масьель не пожелал побеседовать с журналистами и заявил о своей невиновности через вашингтонскую юридическую компанию, которая собрала показания членов Регнум Христи с обвинением Ваки и других в заговоре против Масьеля. Однако обвинение в заговоре звучало неубедительно, потому что ему не хватало весомого объяснения мотивов заговорщиков. *Courant* опубликовала письмо Масьеля, где тот говорил о своей невиновности и о том, что он молится за тех, кто на него клевещет. Масьеля защищали сайт LegionaryFacts.org и газета Легиона *National Catholic Register*, которые нападали на обвинителей (и журналистов). В Ватикане не отвечали на наши звонки, нам даже не сказали «мы отказываемся это комментировать». Но это молчание не доказывало невиновности Масьеля. Большинство ведущих СМИ игнорировало этот сюжет до скандалов 2002 года, тем не менее в Мехико ежедневник *La Jornada* написал об этом ряд статей, а на кабельном телевидении по каналу Channel 40 показали документальный фильм, содержащий интервью с Барбой, Вакой и другими. После этого бойкот рекламодателей чуть ли не погубил телеканал.

По иронии судьбы отец Кунце впервые почувствовал вкус свободы, работая за компьютером Конгрегации духовенства: в 1999 году он через Google нашел запретную статью и с удивлением прочел, что там приведены обвинения людей, подписавшихся своими именами, в том числе «священника, консультанта, преподавателя, инженера и юриста».

> Некоторые люди, которым сейчас за 50 или 60 лет, плакали во время интервью. Все они сказали, что пережитое до сих пор мучает их.
>
> Они сказали, что сейчас особенно важно говорить об этом вслух, потому что папа Иоанн Павел II не

ответил на письма двух священников, посланные по церковным каналам в 1978 и 1989 годах, с просьбой провести расследование, а затем в 1994 году похвалил Масьеля, назвав его «умелым руководителем молодых».

«Папа сетовал на то, что немцам во времена нацизма не хватало смелости. Мы находимся в подобной ситуации. Мы молчали много лет. Затем мы попытались достучаться до церковных иерархов. Это дело совести», – сказал Хосе де Барба Мартин, один из них…

Каждый из них также сообщил, что Масьель страдал зависимостью от болеутоляющих средств, хотя Ватикан провел соответствующее расследование и счел это обвинение ложным[369].

И здесь Кунце содрогнулся, неожиданно вспомнив кое-что из прошлого: в 1992 году в комнате гостиницы неподалеку от швейцарского центра Легиона в Лейзаване Кунце увидел, что раскрытый чемодан *Nuestro Padre* наполнен маленькими оранжевыми пластиковыми бутылочками с белыми крышечками без наклеек с названием лекарства, в которых содержался какой-то порошок. Тогда Кунце подумал: «Я знаю, что отец Масьель болен, но зачем ему так много лекарств?» Наставник Кунце отец Фэргас О'Кэррол сообщил, что доктор разрешил Масьелю самому составлять свои лекарства.

«Масьель, – продолжал читать Кунце, – вызывал в свою комнату мальчика; при этом он лежал в постели и корчился как бы от боли. Затем он просил мальчика погладить его живот». И снова Кунце вспомнил одну вещь, о которой ему хотелось забыть. В том же 1992 году, когда сам он сидел за рулем любимого «Мерседеса» отца Масьеля и они подъезжали к границе с Бельгией, сидящий сзади священник попросил его остановить машину. *Nuestro Padre* наклонился вперед и коснулся пальцами правой руки Кунце. «Ох, какой ты силач, – прошептал Масьель. – Медсестры помогают мне: они делают мне массаж, когда меня терзают боли». Молодой Кунце, давший обет безбрачия и с героическим стоицизмом относившийся ко всему, связанному с сексуальностью, подумал: «Он не только трогает меня, но и заговорил о массаже – неужели он заигрывает со мною?» Почувствовав напряжение Кунце, Масьель тихо отклонился на свое сиденье. Когда Кунце вернулся в Германию, его собратья по ордену говорили о том, как ему повезло – он путешествовал вдвоем с *Nuestro Padre*. Послушный внутренним обетам Кунце рассказывал им, каким прекрасным было это путешествие, а затем из-за своего лицемерия иногда тихо плакал ночами в своей комнате. «Все мы грешны, – говорил он себе, – даже отец Масьель». Несмотря на все эти переживания он остался в Легионе. «Почему я не ушел?» Два года спустя после того случая в машине его семья приехала в Мехико на церемонию рукоположения. Его сестра Лиззи принесла обеты

безбрачия в Регнум Христи и теперь преподавала в школе для девочек в Швейцарии, а он, полный сомнений из-за странностей Масьеля, о которых невозможно было забыть, сидел и читал письмо Хуана Ваки, «врученное лично» Масьелю, где перечислялись имена двадцати жертв *Nuestro Padre*. Отец Оуэн Кэрнс, которому Кунце принес очистительную 45-минутную исповедь в Чешире, сообщил журналистам: «Вака просто пытается отомстить: он оказался некомпетентным на своем посту, так что его пришлось понизить в должности». Вака опровергал это заявление, признавая, однако, что отчаяние после нескольких лет надругательств повлияло на его служение. (На самом деле Вака сам отказался от должности в письме от 4 апреля 1976, которое он передал лично Масьелю в Мехико.)

«Это те самые заговорщики, против которых нас предостерегал Луис Гарса, – понял Кунце, – но их обвинения слишком правдоподобны!» Из послушания внутренним обетам он ничего не сказал своим собратьям по ордену. Он чувствовал одиночество и бессмыслицу, и из-за того испытывал мучительные сомнения в своем священническом призвании. Приближалось Рождество, он видел, как семинаристы готовят подарки для друзей Легиона в Курии. Вид изысканных вин, ликеров и окороков усугублял печаль Кунце. «Что я здесь делаю?» Ему казалось, что члены ордена не беспокоятся по поводу того, что Легион глубоко пропитан материализмом.

Как сообщил мне в Риме в 2009 году один священник Легиона, рождественские дары были разделены на разные категории, в зависимости от важности получателя. «Братья садятся в машины, – сообщил он, – и развозят эти подарки кардиналам и другим своим сторонникам. За этим стоит одно-единственное желание – усилить влияние Легиона и Масьеля. Это, разумеется, скромный дар, но большой воспринимается как взятка… Хорошая испанская ветчина стоит немало – 30 евро за килограмм. На большой окорок можно потратить тысячу долларов»[370].

Искусство подкупа

Издатель журнала *First Things* отец Ричард Джон Нейхауз 8 марта 1997 года написал письмо в *Courant*, где он возмущался «оскорбительными обвинениями в адрес отца Масьеля» и хвалил деятелей Легиона. Осенью того же года Ватикан заявил о своем огромном доверии к Масьелю: Иоанн Павел включил его в список из двадцати одного делегата папы на Синод Америки в Риме. Еженедельник *National Catholic Reporter* назвал это «печальным свидетельством того, что церковь не воспринимает обвинения в сексуальных преступлениях серьезно»[371]. Масьель дружил с иерархами и знаменитыми мирянами, такими как профессор правоведения в Гарварде Мэри Энн Глендон, которая также читала лекции в Регина Апостолорум. Нейхауз, который в 1960-х был лютеранским пастором и подвергался аресту за антивоенные выступления, затем сделался правым, перешел в католичество, стал священником и полемистом, защищавшим республиканцев, оказался союзником таких евангелических лидеров, как Чак Колсон, и получал поддержку от консервативных фондов[372]. На заседании синода он сидел рядом с Масьелем. «Большую часть секретарской работы и обеспечения взяли здесь на себя члены Легиона», – писал Нейхауз[373]. «Встречи с их семинаристами и священниками окрашены чувством праздника. Здесь нет недостатка в вине и играет прекрасный уличный оркестр. Все это отражает чистую радость тех, кто почувствовал призвание отдать свою жизнь Христу»[374].

Некоторые священники Легиона стали думать, что отдают свою жизнь напрасно. Они ничего не знали о мучениях Кунце, но заметили, как Масьель обращается с деньгами. Никто из них также не знал о том, что в октябре 1998 года Хосе Барба и Артуро Хурадо в соответствии с каноническим правом обратились в департамент кардинала Ратцингера с жалобами на Масьеля, который на исповеди отпускает «грехи» своим жертвам. Данный случай входил в компетенцию Конгрегации духовенства. Принимавший их чиновник попросил никому об этом не рассказывать. Выходя, мексиканцы увидели Ратцингера, они преклонили колени в знак уважения и поцеловали его перстень[375].

Канонистам Ватикана нечасто приходилось иметь дело с обвинениями, выдвинутыми против главы международного религиозного ордена. У каждой конгрегации здесь была своя *competenza* или сфера ответственности. Большинство конгрегаций, в которые поступали просьбы от епископов или других лидеров церкви о наказании клириков, совершивших сексуальные преступления, не располагали своими

трибуналами, юридическими органами, которые могли бы вынести соответствующие решения. В 1997 году такое обвинение означало для Масьеля, что его судьба окажется в руках Конгрегации духовенства, у которой был свой трибунал, отличающийся от других важнейших канонических судов в Сигнатуре, Роте и Апостольской Пенитенциарии. Каноническое право носит административный характер и не предполагает открытых судов или совещаний присяжных. Дела в трибуналах Ватикана рассматриваются годами. В реальности все здесь зависело от того, готов ли *кто-либо в Ватикане* действовать вопреки пожеланиям первосвященника. Некоторые случаи, проходившие через стол Кунца, отправляли к Кастрилльону.

Обвинения против Масьеля также касались *competenza* кардинала Эдуардо Мартинеса Сомало, испанца, префекта конгрегации, занимавшейся религиозными орденами. В его офис, находившийся этажом выше Конгрегации духовенства, должен был поступить соответствующий запрос: Масьель был главой ордена. В 1985 году Мартинес Сомало возглавлял торжество рукоположения членов Легиона в Риме в базилике Пресвятой Девы Гваделупской.

Поскольку Святейший Отец высоко ценил Масьеля, эти обвинения касались и кардинала Содано как главы папского государства. Они ставили под вопрос слова Иоанна Павла, который в 1994 году назвал Масьеля «умелым руководителем молодых».

Масьель защищался от правосудия с помощью огромных денежных сумм.

По словам одного из бывших членов Легиона, в 1995 году Масьель послал Иоанну Павлу $1 миллион, передав его через монсеньора Станислава Дживиша во время визита папы в Польшу. Секретарь папы Дживиш польского происхождения на протяжении многих десятилетий был особенно близок к папе. Среди прочего ему приходилось заниматься и финансовыми вопросами. В 1980-х, когда папа стремился поддержать «Солидарность», Дзивиш смог договориться с польскими властями о том, чтобы таможня не была слишком строга при досмотре грузовиков, ввозящих товары. При этом многие водители ввозили наличность до $2000 мелкими купюрами для поддержки сопротивления[376]. Дживиш занимал комнату в папских апартаментах.

Ранее Масьель предоставил Флоре Барраган возможность посетить частную мессу, которую служил Иоанн Павел II. В часовне в Апостольском дворце помещалось около сорока человек, они сидели под фресками Микеланджело «Обращение Савла» и «Распятие св. Петра»[377]. Побывать на такой мессе было чудесной привилегией для почетных персон, таких как премьер-министр Великобритании Тони Блэр с его семьей. Дживиш писал:

Такие мессы совершались в 7 утра, и всегда люди заранее ждали ее начала: миряне, священники или группы епископов. Можно было увидеть людей, стоящих на коленях с закрытыми глазами в состоянии полной отрешенности, почти экстаза, которых совершенно не интересовало то, кто еще входит в часовню… Для мирян это было великим духовным переживанием. Святейший Отец считал очень важным, чтобы здесь присутствовали верующие миряне»[378].

«Я проводил на частную мессу богатую семью из Мексики. По окончании службы они передали Дживишу $50 тысяч», – рассказывает не пожелавший предавать гласности его имя отец А., который оставил Легион. Это происходило в том самом 1997 году, когда против Масьеля были публично выдвинуты обвинения. «Так мы организовывали подобные вещи», – сказал священник, исполнявший роль посредника. Учитывая аскетический образ жизни папы и его щедрость, можно предположить, что эти деньги тратились на важные дела. Оставлял ли Дживиш что-либо себе? В его книге ничего не говорится о пожертвованиях и не упоминается Легион. Отец А. предполагает, что Легион снабжал деньгами папу: «Подобное происходило постоянно. Дживиш часто встречался со спонсорами Легиона, которые жертвовали [ордену] огромные суммы[379]. И всегда они передавали деньги наличными. И в долларах. Лиры заняли бы слишком много места. Даже в Мексике доллары любят больше, чем песо».

Масьель не жалел денег на устройство роскошного приема в честь Дживиша, когда в 1998 он стал епископом. Здесь звучала мексиканская музыка, исполнявшаяся членами Легиона в стиле уличного оркестра.

Отец Б., который также занимался передачей денег от покровителей Легиона Дживишу, сказал: «Разумеется, речь не шла о том, что за участие в мессе человек заплатит большие деньги. Обычно мы говорили: «Это люди пылкой веры, хорошо бы им встретиться с папой». И обычно говорилось об *opere de carita*: «Мы хотим внести пожертвования *на дела благотворительности*». На самом же деле ты не знаешь, на что пойдут эти деньги. Это просто элегантная взятка».

Исполняя задание *National Catholic Reporter*, я попытался связаться с Дживишем, уже ставшим кардиналом Кракова, чтобы услышать его комментарии. Иованна Хоффмен, польская журналистка из Нью-Йорка, перевела письмо с вопросами и факсом отправила пресс-секретарю Дживиша; тот ответил, что у кардинала «нет времени для интервью» – это значит, что у него нет времени выступить в защиту Иоанна Павла, рассказав, как он тратил эти средства[380].

Отец Б., назвавший эти пожертвования элегантной взяткой, так объясняет, почему он оставил Легион:

«Однажды я проснулся и спросил себя: кому я отдаю свою жизнь – Богу или одному человеку с его проблемами? Стоит ли посвящать себя Масьелю?» Кардиналы и епископы, служившие мессы для членов Легиона, получали за это от $2500 и более, в зависимости от важности события, сообщил священник.

Можно ли считать большие суммы наличными, переданные сановникам Ватикана, взяткой? На протяжении 1990-х Масьель постоянно снабжал деньгами служащих конгрегаций высшего и среднего звена. По мнению канониста Николаса Кефарди, почетного декана юридического факультета Университета Дюкена в Питтсбурге, это нельзя назвать взяткой. Кефарди, исполнявший роль юридического консультанта для многих епископов, отвечал на общий вопрос о передаче крупных пожертвований священникам или служащим Ватикана. По словам Кефарди, согласно канону 1302 значительные финансовые дары официальному лицу «можно счесть пожертвованием на добрые дела». В Ватикане нет службы для соответствующего контроля. О переданных деньгах следует доложить кардиналу-викарию Рима. Если же это дорогой подарок, такой как автомобиль, отчитываться в его получении не требуется. «Так я понимаю закон, – объясняет Кефарди. – И я не знаю никаких исключений. Кардиналы должны давать отчет в получении пожертвований на добрые дела. Если же средства даются для личной благотворительности, это другой случай и докладывать о нем необязательно».

«Масьель желал купить власть», – говорит отец А., объясняя, почему он оставил Легион. Здесь роль сыграли нравственные соображения. «Мне нужно было освободиться от культуры лжи. Старшие знают, что они лгут, и знают, что ты тоже это знаешь. Это ложь о деньгах, об их источнике, их использовании и о том, как они были переданы».

Масьель расчетливо снабжал деньгами Конгрегацию по делам Институтов Посвященной жизни и Обществ Апостольской жизни, оплачивая, по данным отца А., ремонт резиденции ее префекта с 1976 по 1983 год кардинала Эдуардо Франциско Пиронио. Родившийся в Аргентине в семье итальянского происхождения младший из двадцати двух детей кардинал Пиронио любил сидеть за трапезами и общаться с членами Легиона. Ремонт его дома был «важным ресурсом, требующим больших расходов, о чем знали старшие члены Легиона», говорит этот священник. Масьель хотел, чтобы Пиронио одобрил конституцию Легиона, включая частные обеты – никогда не говорить плохо о Масьеле и о старших и избегать внутренней критики. Эти частные обеты были для Масьеля главным средством, позволявшим скрывать его сексуальные грехи и добиться строжайшего послушания. Пиронио рукоположил пятьдесят членов Легиона в священники. Однако кардиналы из консультативного совета его Конгрегации не соглашались дать одобрение этой конституции.

«Тогда Масьель, – рассказывает отец А., – обратился к папе через монсеньера Дживиша. Две недели спустя Пиронио подписал нужную бумагу».

Неизвестно, ознакомился ли сам Иоанн Павел с этим документом. Участие Дживиша указывает на то, что он получал деньги от Легиона задолго до дара в $50 тысяч. Масьель торжествовал победу: *сам папа* одобрил документ, отрицающий права людей. Спустя несколько лет после смерти Пиронио папа Иоанн Павел назначил дипломата Мартинеса Сомало главой Конгрегации Посвященной жизни. Масьель отправил отца А. к кардиналу Сомало на дом с конвертом. «Я стремился не выказывать свои чувства, – вспоминает священник. – Я вошел в его квартиру, передал конверт и попрощался». По его словам, в конверте лежало $90 тысяч. «Так мы устанавливали дружеские отношения, надеясь в случае нужды получить помощь, смазывали колеса, так сказать». Мартинес Сомало оставил без внимания обвинения, выдвинутые против Масьеля в 1997 году. Позднее Иоанн Павел сделал его камерленго, или управляющим, чиновником, ответственным за папский конклав. Мартинес Сомало категорически отверг просьбу дать мне интервью, переданную ему через главу пресс-центра Ватикана отца Фредерико Ломбарди и секретаря его дома.

«Мартинес Сомало – *un amigo de Legion* – о нем много говорили в Легионе», – вспоминает Гленн Фавро, вашингтонский юрист, оставивший орден в 1997 году после семи лет жизни в Риме. Он не был жертвой сексуальных преступлений Масьеля. Фавро объясняет: «Некоторые кардиналы не относились к категории *amigos*. Их не называли врагами, но все знали, кто они такие. Пио Лаги не любил Легион». Кардинал Лаги, бывший нунций в Соединенных Штатах, был префектом Конгрегации Католического образования.

Из всех кардиналов Курии ближе всего к Масьелю был Содано. Уже во времена диктатуры Пиночета в Чили они оказались единомышленниками. В 1980 году Легиону требовалось разрешение кардинала Рауля Сильвы Энрикеса, чтобы создать школу в Сантьяго. Критик режима Пиночета, нарушавшего права человека, Сильва опасался *los millionarios de Cristo*, как их иронически называли некоторые мексиканцы. Он, тем не менее, встретился с представителями Легиона, в группу которых входил и ректор Университета Анауака, основанного Масьелем в 1964 году. Некоторые епископы умоляли Сильву отказать им. Как писали журналисты Анреа Инсунса и Хавиер Ортега, «в столь поляризованном в тогдашней обстановке обществе члены Легиона нашли важнейшего союзника: папского нунция Анджело Содано»[381].

Содано поддерживал Легион и Опус Деи в Чили не только потому, что это был оплот борьбы с левыми

сторонниками теологии освобождения. Некоторых консервативных католиков привлекали неопятидесятнические секты, потому что в них изучали Писание и их энергичные и эмоциональные богослужения наполняло чувство взаимной заботы. Богословие процветания в его католической версии ценило ортодоксальность, верность папе и свободный капиталистический рынок. Вера в добродетель богатства увеличивает приток пожертвований в церкви. Она воспитывает людей, готовых терпеть политические репрессии в Латинской Америке, в отличие от коммунизма Советов. Сильва, помогавший профсоюзам жить в полицейском государстве, придавал огромное значение правам человека. Содано, поддерживавший Пиночета, стал могущественным ходатаем за Легион. Сильва сдался. Позже один иезуит спросил кардинала, почему тот пошел на уступки. «Пожалуйста, давайте не будем говорить об этом», – ответил Сильва с грустью[382].

Масьель приставил отца Раймонда Косгрейва, члена Легиона ирландского происхождения, к Содано, чтобы священник был в буквальном смысле адъютантом нунция в Сантьяго. В 1989 году, готовясь стать государственным секретарем Ватикана, Содано изучал английский в Дублине в учебном заведении Легиона. Он проводил отпуска в доме Легиона в Сорренто. Фавро рассказывает об отношениях Содано после его переезда в Рим с Легионом следующее: «Содано пришел со всеми своими родственниками, а их было две сотни, на большой праздник, когда стал кардиналом. И мы всех их кормили. Когда Содано стал государственным секретарем, был организован еще один большой банкет. Он приходил отмечать и другие события, такие как открытие Центра высшего образования, где использовалась золотая лопата. А за этим следовала трапеза».

«Кардинал Содано, – продолжает Фавро, – помог изменить правила зонирования, чтобы можно было строить университет в Риме». Брат Содано по имени Алессандро был инженером-строителем, которого в начале 1990-х обвиняли в коррупции[383]. Племянник кардинала Андреа, также инженер-строитель, ставший позже вице-президентом Follieri Group, исполнял работу для Регина Апостолорум. Двое членов Легиона, участвовавших в проекте, считали, что Андреа не справился со своим заданием. Когда они предложили Масьелю отказаться от оплаты его работы, тот воскликнул: «Вы ему заплатите, причем заплатите прямо сейчас!» Что они и сделали.

По словам бывших членов Легиона, с одобрения Масьеля кардиналу Содано дарили один раз $10, другой раз $5 тысяч. Эти священники полагают, что это была только вершина айсберга – Содано получил гораздо больше. Фотография Содано висела в центре Регнум Христи в Риме, где кардинала представляли

как выдающегося сторонника растущего движения мирян. Успех Движения был также и его успехом.

Содано отклонил мою просьбу об интервью, переданную ему через главу пресс-центра Ватикана отца Фредерико Ломбарди. Звонки в резиденцию Содано перенаправлялись в его офис в Ватикане.

Масьель хотел, чтобы Ватикан придал Регине Апостолорум наиболее почетный статус из возможных – статус папской академии. Тогда бы его только что созданный университет оказался бы в равном положении с куда более старыми Латеранским и Грегорианским университетами. И вот в 1999 году Легион подарил Мерседес-Бенц кардиналу Пио Лаги, который в тот момент был префектом Конгрегации Католического образования (а ранее был послом папы в США). Лаги (ныне уже покойный) был этим шокирован и с негодованием отверг подарок – об этом рассказывает отец Б., который своими глазами видел разгневанного кардинала. Преемник Лаги кардинал Зенон Грохолевски отказался придать заведению Масьеля статус академии. По словам одного осведомленного официального лица, университет Регина Апостолорум не соответствовал этому статусу, не имея исследовательских работ, профессорско-преподавательского состава и международного престижа нужного уровня. Латеранский университет, основанный в 1773 году, получил статус папской академии в 1910 г. Отказ кардинала Грохолевски вызвал недовольство со стороны могущественного Содано. Однако поляк Грохолевски, приехавший в Рим учиться в семинарии во времена «холодной войны» и оставшийся тут, ранее был префектом Сигнатуры, был крепко связан с Иоанном Павлом и чувствовал прочность своего положения.

Содано оказал Масьелю великую услугу, оказав давление на Ратцингера, чтобы Конгрегация духовенства не рассматривала дело главы Легиона; об этом Хосе Барба узнал от канониста Марты Веген. Ратцингер, бывший архиепископ Мюнхена и затем префект Конгрегации духовенства, и ранее поступал нерешительно в делах о сексуальных преступлениях; в Ватикане при Иоанне Павле не существовало единого подхода к таким случаям[384]. Папа видел в священниках доблестных рыцарей, сражавшихся против безбожного коммунизма, и потому оказался близоруким, если не слепым, столкнувшись в 1990-х с неприглядной правдой, когда жертвы, юристы и журналисты англоязычных стран стали приводить факты об ужасающих сексуальных преступлениях клириков.

Если Содано был склонен к макиавеллизму, то Ратцингер был скорее моральным абсолютистом. Если бы Масьель был наказан, это бы нанесло ущерб репутации Содано. С точки зрения Содано количество людей, которые благодаря Масьелю нашли свое призвание, было весомее выдвигаемых с 1950-х годов обвинений, с которыми Рим уже разобрался. Вопрос о том, насколько они справедливы, просто неважен.

Следуя именно такой логике Содано, Ватикан молча снял с поста венского кардинала и любителя мальчиков Гроэра. Но в случае Масьеля Ратцингер не мог положить под сукно столь серьезное дело без одобрения Иоанна Павла. Папа *есть* папа, они обедали вместе каждую пятницу. Ратцингер сообщил одному мексиканскому епископу, что расследование дела Масьеля было бы «неблагоразумным», поскольку благодаря ему столько людей стали священниками, – можно предположить, что он просто спасал свою репутацию[385]. Чем объяснить подобное равнодушие со стороны префекта, поддерживавшего закон и порядок: почему он сражался с Леонардо Боффом, Гансом Кюнгом и Чарльзом Карреном, но совсем иначе отнесся к священнику-педофилу?

При своем посещении Регины Апостолорум Ратцингер, прочитав лекцию по богословию, отказался взять конверт с деньгами. «Твердый, как кремень, в самом хорошем смысле», – сказал о нем отец А.

Масьель мог сохранять свою власть благодаря порокам судебной системы Ватикана. Он продолжал путешествовать из Рима в Мадрид, в Латинскую Америку и Северную Америку, посещая центры Легиона и встречаясь с жертвователями. Отец Стивен Фихтер, ныне настоятель прихода Святого Сердца в Хаворте, штат Нью-Джерси, с февраля 1998 по октябрь 2000 года занимался административными делами Легиона в Риме. Оставив Легион, Фихтер стал приходским священником, получил докторскую степень по социологии в Университете Ратджерса и сегодня служит в Нью-Джерси, являясь также членом-корреспондентом исследовательского центра Университета Джорджтауна. «Когда отец Масьель покидал Рим, – рассказывает Фихтер, – я должен был приготовить для него десять тысяч долларов наличными: пять тысяч американских долларов, а другую часть в валюте той страны, куда он отправлялся. Это было рутинной работой. Он был недосягаемой персоной, и я гордился возложенной на меня задачей. Он никогда не давал кассовых чеков, а я бы не осмеливался спрашивать их у него… В Легионе наши правила относительно денег были очень жесткими. Если я ехал на прогулку, мне вручали двадцать долларов, и если я ел пиццу, затем я должен был вручить старшему чек и вернуть пятнадцать долларов обратно»[386].

Кроме Регины Апостолорум и Центра высшего образования, где жил Крис Кунце, Масьель построил Матер Экклесие, семинарию в Риме для различных диоцезий, недавно назначенные епископы оставались здесь для подготовки к служению. Масьель связал Легион с инфраструктурами церкви Рима. В 2000 году на праздничном обеде в кампусе Масьель увидел Содано, сидевшего за другим столом, и прошептал одному из членов Легиона: “*Este hombre no toma paso sin guarache”*(этот человек и шагу не сделает, не обув ноги, то есть если не получит что-либо взамен).

Когда летом 2000 года Крис Кунце отправился отдыхать в дом Легиона в Санта-Марию де Термини около Сорренто на Средиземном море, он остро чувствовал свое одиночество. Здесь он познакомился с молодой разведенной женщиной с двумя детьми. Она рассказывала ему о своей жизни, и здесь отделявший его от людей барьер священства стал мягче: он поделился с нею своими сомнениями. Он остался верен обету безбрачия, но обрел новую эмоциональную свободу и понял, что жизнь в Легионе разъедает его душу как кислота.

Теплым вечером в августе он беседовал с глазу на глаз с Масьелем, оба они были в мексиканских рубашках гуайавера. Он сообщил, что должен покинуть орден: он просто не создан для священнической жизни. Он желал бы вернуться в Америку. «Это ошибка, – ответил Масьель. – Ты занимаешь важный пост. Ты должен исполнять волю Бога». Но это чувство одиночества, ответил Кунце, преследует его уже давно, он страдал от него уже несколько лет назад в Германии. Нахмурившись, Масьель сказал: «Если бы я знал это раньше, отец Кристофер, я бы не стал рекомендовать тебя для работы в Ватикане». «Как это так? – задумался Кунце. – Он не помнит того, что я откровенно рассказывал в письмах из Германии? Или его ответы сочиняли другие братья из Легиона? Но он ведь *способен* помнить многие глубоко личные вещи из жизни многих людей, помнить их письма. И я знаю, что он хранит все письма…».

Масьель ткнул указательным пальцем в стол. «Если ты не исполнишь волю Божию, ты отправишься в ад!» Кунце сказал ему, что более не может нести бремя целомудрия.

Масьель откинулся на стуле, сложив руки и вытянув ноги, и долго смотрел на собеседника сердитым взглядом.

Тем не менее вскоре начальники Легиона предложили отцу Кристоферу взять длительный отпуск для размышлений и провести его в Чешире в штате Коннектикут. Он согласился.

В сентябре он сопровождал Масьеля, который прогуливался по кампусу, что он делал почти каждый день, когда был в Риме. Кунце вспоминал о хороших моментах своей религиозной жизни, в частности о работе в Ватикане, и благодарил за это Масьеля. Тот сказал сердито: «Если ты покинешь Легион, то никогда не вступай в лигу заговорщиков, которые борются против меня!» Никогда ранее Масьель не казался Кунце ранимым человеком. Он понял, что письма, которые он и другие члены Легиона отправляли Масьелю, открывая свои тайные помыслы и грехи, были для Масьеля средством защиты в том случае, если кто-то из них начнет его критиковать.

Ватикан выплатил Кунце выходное пособие в размере $8 тысяч, эти деньги он оставил при себе. Коллегам по Конгрегации духовенства Кунце сказал, что возвращается в Америку, где его ждет больная

мать.

С добродушием начальника кардинал Кастрилльон пожелал ему всего наилучшего.

Масьель не брезговал и таким средством, как шпионаж за ответственными лицами. Достойный уважения испанский журналист Хосе Мартинес де Веласко выпустил книгу, основанную на документах для внутреннего пользования. Эти документы были переданы ему одним разочарованным членом Легиона, который, навсегда покидая орден, прихватил с собой некоторые бумаги. Кардиналы и епископы, посещавшие конференции и приемы в Регине Апостолорум, не подозревали о том, что семинаристы писали о них отчеты. Мартинес де Веласко цитирует служебную записку одного семинариста от 10 октября 2000 года, речь в ней идет о приятеле Масьеля кардинале Кастрилльоне. «Мы [братья из Легиона] отправились, чтобы доставить кардинала на конференцию. Он был дружелюбен и достаточно открыт. По пути он рассказывал о тех частях Колумбии, где он родился и где работал». Поприветствовав других епископов, Кастрилльон восхитился красотой кампуса.

> Кардинал посетовал на своего предшественника в Колумбии, который продал дом рядом с семинарией, хотя семинаристам он бы очень пригодился… Кардинал рассказал о том, кто подарил этот дом, и о том, как один богатый господин давал деньги старому епископу… Кардинал продолжал говорить о том, что в юности он был «очень суров» и что теперь он иногда чувствует сожаление и стыд о том, что делал, будучи епископом[387].

Другой семинарист написал отчет о встрече с епископом города Экатепек в Мексике Онесимо Чепеда. Тот сказал, что в Чапасе (где партизаны-запатисты захватили в 1994 году три города) воцарилось спокойствие и епископ Самуэль Руис «прекратил свою пропаганду». Семинарист насмешливо пишет о Руисе, который «выступает за права индейцев, поддерживает теологию освобождения и борется против Легиона». Руис, который призывал запатистов к ненасильственным действиям, был окружен любовью бедняков[388].

Поверхностные отчеты семинаристов отражают низкопоклонство – писавшие их стремились снискать благорасположение старших. В них епископ, стоящий за бедных, выставлен врагом Легиона; это соответствует убеждениям Масьеля: Легион стоит за правое дело, а заговорщики нет.

Гленн Фавро с сожалением вспоминает о том, как он в начале 1990-х помогал вести досье семинаристов Северной Америки. По словам Фавро, Масьель просил «избранных братьев» дружить с теми, «кто, вероятно, в будущем займет почетный пост в диоцезии или даже может сделаться епископом».

Члены Легиона посылали отчеты «старшим о занятиях каждого такого семинариста и о его потенциальных возможностях; это была хорошо организованная система шпионажа». Так, они собирали сведения о сыне члена Верховного суда Антонина Скалии[389].

Когда в 2002 году разгорелся скандал с педофилией, случай Масьеля стал для всех наглядным примером порочности ватиканской системы. Нейхауз как редактор *First Things* отреагировал на обвинения против Масьеля, рассматриваемые в Конгрегации духовенства, которые стали известны СМИ (Хосе Барба, четыре года напрасно ждавший ответа Ватикана, нарушил обещание молчать и рассказал публике об этом)[390]. Нейхауз писал о «грязных сплетнях» и прославлял Масьеля за его «зрелую святость и непреклонную решительность, которые были очищены в столкновениях с непониманием и противодействием». «Один кардинал, – продолжал он, – которому я безусловно доверяю, занимавшийся этим делом, сообщил мне, что все это «чистая выдумка, лишенная малейших оснований»». Ныне покойный редактор никогда не называл соответствующих имен, однако кардинал, «занимавшийся этим делом», – это, вероятнее всего, Ратцингер, хотя в его биографиях ничего об этом не говорится. Нейхауз также нападал на жертв Масьеля: «После тщательного исследования заявлений обеих сторон я обрел *внутреннюю уверенность* в том, что эти обвинения – ложь со злым умыслом»[391].

Легион распространял эти слова Нейхауза по своим веб-сайтам в переводе для его испанских и латиноамериканских сторонников, а в это время Масьель сделался тяжким бременем для Ратцингера – по иронии судьбы, для одного из немногих кардиналов, отказывавшихся брать у Легиона деньги. Когда репортер ABC Брайан Росс со своей съемочной группой поймал Ратцингера на улицах Ватикана и задал ему неожиданный вопрос о Масьеле, кардинал, прикоснувшись к руке Росса, недовольно ответил: «Спросите меня об этом в более подходящий момент. Не сейчас»[392]. Эта сцена была запечатлена с помощью камеры.

Все больше людей покидало Легион, и потому эффективность пропаганды Легиона становилась все ниже, в то время как в Интернете можно было ознакомиться с разоблачениями Женвьев Кинеке, считавшей Регнум Христи мошенничеством, или Пола Леннона, семейного психотерапевта из Александрии, штат Вирджиния, который в 1984 году покинул Легион, недовольный деспотизмом Масьеля, хотя Пол и не был жертвой его сексуальных преступлений. Леннон создал ReGAIN Network для сбора соответствующих фактов и их анализа. В последний раз 84-летнего Масьеля чествовали на торжественном банкете в отеле «Вальдорф Астория», одним из устроителей которого был глава Citigroup

Сэнфорд Уэйл, пожертвовавший на учебные заведения Легиона $725 тысяч. Компания Televisa запечатлела кадры, на которых Масьель, беседуя с Карлосом Слимом, мнет пальцами отворот смокинга этого миллиардера.

Летом 2004 года Крис Кунце, который уже три года не был священником, посетил конференцию ReGAIN в Атланте. Здесь он встретился с Хуаном Вакой, который также желал рассказать правду о жизни в Легионе. Три года спустя в столице Джорджии перед конференцией Легиона и Регнум Христи выступал Джеб Буш. Там также присутствовал кардинал Франк Родэ, префект ватиканской конгрегации, ответственной за религиозные ордена, которого особенно любили в Регнум Христи. По словам некоторых членов Легиона, Родэ проводил отпуск в доме ордена в Канкуне.

Другой важной вехой в жизни Масьеля стал выход книги «Христос – моя жизнь», состоящей из интервью с *Nuestro Padre*, которые брал Хосе Колина. Архиепископ Генуи Тарчизио Бертоне написал к ней яркое предисловие. Это ответ Масьеля на обвинения, представленные Конгрегации духовенства. Колина, член Регнум Христи, создал новостное агентство Zenit, существовавшее на средства Легиона. Мягкие вопросы Колины показывают наивность этого человека. Наивным предстает и Бертоне, который до назначения в Геную работал канонистом у Ратцингера в Конгрегации духовенства. В итальянской версии предисловия Бертоне пишет:

> Ответы, которые отец Масьель дает собеседнику, глубоки и просты, в них звучит прямота человека, исполняющего миссию для мира и церкви, глаза и сердце которого взирают на Христа Иисуса. Его успех, несомненно, объясняется лишь тем, что любовь Христова властно привлекает к себе людей. Это позволяло отцу Масьелю и его окружению не отступать на фоне споров и противодействия, с которыми им нередко приходилось сталкиваться[393].

Бертоне было суждено сменить Содано на посту государственного секретаря при папе Бенедикте.

Ратцингер совершает прорыв

На закате своей жизни Иоанн Павел реагировал на кризис вокруг педофилии священников с поразительным равнодушием. В Ирландии прошла волна скандалов, в это же время епископы Калифорнии вынуждены были справляться с более чем 900 судебными процессами, поскольку закон от 2002 года продлил срок давности таких дел после разоблачения Лоу в Бостоне. У Ватикана не было определенного плана действий. В Конгрегации духовенства к тому времени накопилось семьсот дел на священников, которых епископы просили удалить. Постепенно Ратцингер лишал сана самых отъявленных преступников. Однако слова восторженной похвалы в адрес Масьеля, сказанные Иоанном Павлом, позволяли Содано защищать его перед Конгрегацией духовенства. Если его так ценит Святейший Отец, как можно признать Масьеля порочным священником? 30 ноября 2004 года папа передал под административный контроль Легиона Папский институт Нотр-Дам Иерусалимского центра – международного центра для конференций и учебного заведения со своей гостиницей. Иоанн Павел похвалил Регнум Христи за то, что это движение строит «цивилизацию христианской справедливости и любви», и одобрил их устав – к удовольствию Содано. Читал ли сломленный болезнями понтифик тот документ, который он одобрил?

> 103. Вовлечение новых членов совершается поэтапно: это переход от доброты к дружбе, от дружбы к доверию, от доверия к убежденности, от убежденности к подчинению.
>
> 494. Никто не должен навещать посторонних у них дома, часто общаться с ними или говорить с ними по телефону, если на то нет весомых причин или это не входит в интересы апостольской миссии…
>
> 504.2 Никто не должен посещать спектакли или спортивные мероприятия, даже для того, чтобы сопровождать внешних или группы, особенно если это группы смешанного характера.
>
> 509. Начальник или руководитель центра должен просматривать всю корреспонденцию, приходящую на имена членов центра, и передавать им лишь ту ее часть, которую сочтет полезной.
>
> 514.1 Посвященная жизнь требует от тебя отрешенности от взаимодействия с членами семьи, отношения с ними надо строить так, чтобы завоевать их для Христа.

«Полагаю, все объясняется только тем, что папа и его важнейшие советники не верят в обоснованность выдвинутых обвинений», – писал 3 декабря 2004 года Джон Аллен, ватиканский корреспондент газеты

National Catholic Reporter[394]. По удивительному совпадению архиепископ Гарри Флинн из Сент-Пола, штат Миннесота, разослал своим священникам послание, в котором запрещал деятельность Легиона и Регнум Христи на территории его диоцезии. Флинн критиковал отца Энтони Беннона за его «неясность и двусмысленность» в делах Легиона, а в Регнум Христи видел «параллельную церковь». На этой же неделе Ратцингер сломил сопротивление Содано и отдал распоряжение о проведении расследования по делу Масьеля. Иоанн Павел умирал, а Ратцингер хорошо понимал, что, кого бы ни выбрал очередной конклав, место папы не сможет занять тот, кто защищал Масьеля. «С 2002 года иерархи США ввели у себя такой порядок: как только против американского священника выдвигается обвинение того же рода, что и против Масьеля, священника мгновенно отстраняют от дел, пока совершается расследование», – писал Джеральд Реннер в газете *Hartford Courant*[395].

Таким образом на первой неделе декабря 2004 года Масьель перестал быть главой Легиона. На его место был избран Альваро Коркуэра, 47-летний священник из Мехико, часто благодаря любезности епископа Дживиша посещавший Апостольский дворец. Воспитанный в учебных заведениях Легиона Коркуэра пользовался популярностью среди членов ордена, преклонялся перед Масьелем и был не готов столкнуться с выпавшими на его долю испытаниями.

В Страстную пятницу папа чувствовал себя так плохо, что Ратцингеру пришлось проводить традиционную службу Стояний в Колизее. Многие СМИ приводили такие его слова: «Как много мерзости в церкви и даже среди священников, которые должны были бы всецело принадлежать Ему». Как писал журналист Роберт Блэр Кайзер, в этот момент Ратцингер «заявил о ключевой теме своей кампании» как претендент на папский престол[396].

Родившийся на Мальте монсеньор Чарльз Шиклуна казался не самым подходящим человеком для исполнения порученной ему Ратцингером задачи заниматься расследованиями. Сорока с чем-то лет низенький и крепкий канонист с редкими черными волосами, с щеками херувима и крохотными ладонями всем своим обликом не соответствовал своему титулу защитника справедливости. Но он оказался твердым человеком. Он объяснил канонистам Америки, как они должны пересылать свои кошмарные дела Конгрегации духовенства. Его суровость возмутила некоторых клириков Рима, пропитанных духом корпоративной солидарности, которые увидели в этом посягательство на права священников. Хуан Вака, дававший показания 2 апреля 2005 года в церкви Верхнего Ист-Сайда, заметил, что Шиклуна говорит по-английски с британским акцентом, а в его испанском слышится итальянский. Шиклуна задавал вопросы, а

его секретарь-священник записывал все на ноутбук, пока Вака вспоминал кошмары своего прошлого. Устав, они сделали перерыв – и в этот момент узнали, что Иоанн Павел скончался.

Крис Кунце узнал о смерти Иоанна Павла, когда был в своем доме в Уэйко в Техасе, он искренне оплакивал этого папу, которого почитал. К тому моменту Кунце был женат и у него был маленький ребенок. Он писал папе о своих отношениях с Масьелем. По пути в Мехико, где он должен был встретиться с Барбой и другими свидетелями, Кунце подумал: «Я не хочу, чтобы отец Масьель попал в ад. У него есть шанс принести покаяние и попросить прощения у своих жертв, которые десятилетиями молчали. Трудно представить себе их страдания. Пережитое мною ничто по сравнению с их муками».

Монсеньор Шиклуна выслушал показания более двадцати свидетелей в Мехико. В Рим он вернулся с сумкой книг о Масьеле на испанском и английском и с видеозаписями журналистских расследований в новостях, которые собрал Барба. Когда обвинитель-канонист вернулся в Ватикан, его бывший босс стал новым папой. Прошло около месяца с начала понтификата Бенедикта, как 20 мая Легион сделал следующее заявление для печати: «Святейший Престол» известил их о том, что «в данное время не ведется канонический процесс по делу нашего основателя… и такой процесс не будет начат». Пресс-служба Ватикана это подтвердила. Легион сообщил, что Масьель «освобожден от обязанностей», а в это время в Рим приезжали новые свидетели, чтобы дать показания Шиклуне. Однако, по словам Джона Аллена, документ о закрытии дела вышел не из департамента Шиклуны, который должен был заниматься этим случаем, но из службы кардинала Содано в виде факса, на котором стоит печать Государственного секретариата[397].

И здесь судьбу Масьеля решил один курьезный случай. В 1995 году Масьель подал прошение о канонизации епископа Рафаэля Гуизара Валенсии, своего дяди. В 2006 году Конгрегация Прославления Святых дала на это свое одобрение. Документы процесса о канонизации Гуизара лежали на рабочем столе Бенедикта для подписи рядом с отчетом Шиклуны. Если педофил, покрываемый Ватиканом, явится на торжество беатификации своего дяди, СМИ устроят вокруг этого большой шум. В результате 18 мая 2006 года Ватикан выпустил хитроумное коммюнике. В нем говорилось следующее:

> [Конгрегация Доктрины Веры] решила – принимая во внимание преклонный возраст и хрупкое состояние здоровья отца Масьеля – воздержаться от слушания по его делу и предложить этому священнику жить уединенной жизнью в покаянии и молитве, воздерживаясь от любого рода общественного служения. Святейший Отец одобрил данное решение. Независимо от личной жизни их

основателя, следует с благодарностью признавать ценность апостолата Легиона Христа и ассоциации Регнум Христи[398].

Будучи кардиналом, Ратцингер должен был бы лишить сана любого рядового священника, который бы причинил вред столь многим людям. По словам одного информированного сотрудника Ватикана, здесь отразилось вмешательство Содано, который смягчил меры наказания и настоял на том, чтобы в документ были включены слова о ценности организаций Масьеля, несмотря на то, что они в течение девяти лет нападали на жертв его преступлений. В заявлении Легиона не содержится хотя бы и намека на его вину: «Отец Масьель, в духе послушания церкви, которое всегда было ему свойственно, принял это коммюнике с верой, в полном спокойствии и с чистой совестью… Следуя примеру Христа, он решил не защищать себя». Сравнение педофила с Иисусом было чем-то беспрецедентным в мире СМИ, где разоблаченные в сексуальных преступлениях знаменитости или политики обычно приносят извинения, переживают кризисы и долго остаются предметом внимания для журналистов. 86-летний Масьель вынужден был подчиниться решению Рима, а Легион убрал со своих сайтов выпады против его жертв, хотя на протяжении месяцев продолжал торжественно описывать житие своего основателя, поскольку больше ордену было нечем хвалиться.

Деньги – великая сила в любой религиозной организации. Легион с помощью Содано добился того, что дело Масьеля так и не было рассмотрено на суде и Ватикан так и не заявил открыто о том, что считает его виновным хотя бы в одном сексуальном преступлении. Пользуясь этим молчанием, члены Легиона неофициально продолжали говорить людям, что против Масьеля были выдвинуты ложные обвинения и что со временем он будет оправдан. В рамках этой кампании в 2007 году Легион подал иск против ReGAIN Network и Пола Леннона, утверждая, что публикация текста частных обетов и конституции является кражей интеллектуальной собственности и что – яркий пример психологической проекции – бывшие члены легиона «злонамеренно распространяют ложную информацию»[399]. Этот досадный процесс стал сложным финансовым испытанием для ReGAIN. Хотя конституция продолжала циркулировать в Интернете, Леннон передал ее копию юристам Легиона и, чтобы мирно уладить отношения с истцом, закрыл сетевой форум – истинную причину, по которой процесс был затеян, поскольку форум как магнит притягивал к себе бывших приверженцев Масьеля, приводивших все новые и новые факты. В Риме Бенедикт XVI распорядился об отмене внутренних обетов в Легионе.

Элизабет Кунце была уже тринадцатой участницей ассоциации Регнум Христи, принесшей обет

безбрачия, и преподавала в Ирландии в тот момент, когда в конце января 2008 года здоровье отца Масьеля, жившего во Флориде, резко ухудшилось. Члены Легиона поместили его в госпиталь в Майами. Журналисты газеты *El Mundo* Идойя Сота и Хосе М. Видаль описывают его последние дни. Преемник Масьеля и глава ордена отец Коркуэра с несколькими другими членами Легиона дежурил в госпитале. Они предложили *Nuestro Padre* исповедаться, чтобы тем самым он засвидетельствовал свою верность Католической церкви. Умирающий настолько эмоционально отказался от этого, что, как говорят, один из священников предложил пригласить к нему экзорциста, хотя обряд изгнания бесов не проводился.

К больному, терзаемому дурными чувствами, прибыли женщины: Норма Хильда Баньос с ее дочерью от Масьеля, двадцатитрехлетней Нормитой. «Я хочу остаться с ними», – заявил Масьель. Вот что рассказывают журналисты *El Mundo*:

> Священники ордена, напуганные таким поведением Масьеля, позвонили в Рим. Отец Луис Гарса понимал, что это ставит перед ними огромную проблему. Он посоветовался со своим высшим начальником Альваро Коркуэрой и здесь же купил билеты на самолет в Майами и сразу прибыл в госпиталь.
>
> Лицо Гарсы выражало негодование. Он подошел к могучему основателю ордена и поставил перед ним ультиматум: «Даю вам два часа на размышления: либо вы отправляетесь с нами, либо я приглашаю сюда журналистов – и тогда весь мир узнает, кто вы есть на самом деле». Масьель сдался[400].

Священники перевезли Масьеля в дом Легиона в Джексонвилле во Флориде; рассказывают, что он приходил в ярость, когда Коркуэра пытался совершить над ним помазание, и кричал: «Я сказал – нет!». По словам журналистов, он «не верил в Божие прощение» – это мнение подтверждает его биография, но доказать его справедливость невозможно. Важно, что после его смерти Легион попытался скрыть известные его старшим членам факты о его финансовых обязательствах относительно Нормы Хильды, с которой он жил в гражданском браке в Акапулько примерно с 1980 года, и их дочери Нормиты. Позднее он перевез свою тайную семью в Мадрид и заботился о ее благополучии.

По словам членов Легиона, после смерти он отправился на небеса.

В мексиканском городе Куэрнавака трое сыновей Масьеля вместе с их матерью Бланкой Ларой Гуттиэрос узнали о его смерти благодаря телевидению. 57-летний Масьель познакомился с 9-летней Бланкой в 1977 году, когда он выдавал себя за агента ЦРУ. Несколько последних лет он не контактировал с этой семьей.

8

Борре в Риме

Питер Борре, который пытался добиться вмешательства Ватикана в закрытие приходов, получил ответ в марте 2006 года. Кардинал Кастрилльон ответил на прошения прихожан письмом к епископу Уильяму Скайлстеду, президенту Конференции епископов США (чья диоцезия в Спокане заявила о своем банкротстве в связи с судебными делами о сексуальных преступлениях). Хотя Кастрилльон не упоминал Бостона, суть его слов была прозрачна.

> Ваше Преосвященство,
>
> Конгрегация считает нужным написать Вам кое-что о закрытии приходов в диоцезиях Соединенных Штатов, поскольку в последнее время некоторые диоцезии неверно толкуют канон 123 CIC и утверждают, что приход был «изъят», тогда как на самом деле произошло слияние или поглощение.
>
> Приход есть нечто большее общественного юридического лица. Канон 369 определяет диоцезию как «часть народа Божия, вверенную епископу, чтобы тот о ней заботился»… Учитывая это, можно лишь с большой натяжкой говорить об исчезновении прихода[401].

Доходы закрываемых церквей следует передавать «расширенной приходской общине», в которую перемещаются прихожане. Однако Бостонская архидиоцезия стремилась продать церковные активы, чтобы сократить свой дефицит. Для Борре здесь не оставалось сомнений: Кастрилльон хотел себя обезопасить. Служащие Конгрегации по делам Духовенства давали свои советы архидиоцезии Бостона: надо, чтобы настоятели закрывающихся приходов «добровольно» передали ей средства. В первую очередь Кастрилльона волновало не то, что изъятие несправедливо, но то, как помочь Шону О’Мелли справиться с финансовыми трудностями.

Другие прелаты спешили закрывать церкви, учитывая то, что интерес СМИ к проблеме снизился. В феврале 2007 года Борре провел ночь на скамье церкви Девы Царицы Ангелов в Гарлеме в знак солидарности с четырьмя десятками прихожан, устроивших здесь бдения. На следующий день вечером он отправился в Бостон, а бдения продолжались. Прошло несколько часов, и в церковь пришли полицейские, приставленные к кардиналу Эдварду Игену, и выволокли оттуда протестующих, в основном женщин,

которых отпустили лишь тогда, когда архидиоцезия заперла церковные двери[402]. Чикагский канонист Иген, обучавшийся в Риме, переехал в Нью-Йорк из диоцезии Бриджпорта, штат Коннектикут. В 1997 году он был снят в связи со скандалом и с тем, что он покрывал преступников. Тогда, пытаясь уменьшить финансовый ущерб, Иген заявил буквально следующее: «Каждый священник – человек свободной профессии»[403]. Три года спустя он был переведен в Нью-Йорк с его 2,5 миллиона католиков, чтобы сменить покойного кардинала Джона О’Коннора. «В католическом Нью-Йорке обычно ирландцы управляли пестрой смесью из стабильных этнических групп», – писал Дэвид Гибсон, автор статей о религии.

> Но теперь эти старые католические общины переместились в пригороды, тогда как в Нью-Йорке остались новые более бедные иммигранты; они наполнили городские приходы, которым не хватало ни священников, ни средств. Пришлось закрывать церкви и школы. Создается впечатление, что после 200 лет колебаний в отношении численности верующих и влияния нью-йоркский католицизм стал зрелой промышленностью, с религиозной точки зрения, и он сейчас переживает неприятный этап свертывания…
>
> О’Коннор был популярен потому, что не отказывал просителям, желавшим начать новый проект или умолявшим его не закрывать старый приход, и после своей смерти он оставил архидиоцезию с текущим дефицитом в размере $20 миллионов в год и инфраструктурой, нуждающейся в серьезной реконструкции. Находясь на своем посту, О’Коннор бездумно растратил десятки миллионов из резервных фондов. По словам одного священника, «О’Коннор тратил деньги, как пьяный моряк»[404].

Иген был совершенно иным. Этот кардинал, обожавший оперу, собирал незначительные пожертвования спонсоров, привлекая их своей игрой на фортепиано. В отличие от О’Мелли, Игена не привлекала идея сделать финансовые отчеты архидиоцезии открытыми для публики. «Хотим ли мы показать себя всем? – задавал он вопрос корреспонденту *Times*, вращая глазами. – Да, это была бы потеха для публики». Церковные иерархи, сообщил Иген, сократили дефицит, выплачивая по $3 миллиона в год для покрытия внутреннего долга в $40 миллионов, но эти сведения невозможно проверить[405]. Когда Иген закрыл литовский приход Пресвятой Девы Вильнюсской в Манхэттене, он просто позвонил настоятелю, здесь же сообщил ему, что церковь закрывается, и так закончилась жизнь прихода, просуществовавшего 107 лет[406]. Люди это как-нибудь переживут.

Три бостонских прихода, подавших канонические прошения в Рим, с 2004 года были заняты прихожанами двадцать четыре часа в сутки, несмотря на отказ Конгрегации духовенства удовлетворить их просьбы. Два других прихода получили отказ на свои прошения от Бостонской архидиоцезии, поскольку не подали их в течение положенных тридцати дней; их апелляции так и не достигли Рима, но люди все равно спали на церковных скамьях. Таким образом в 2006 году бдения проходили в пяти приходах.

Для подачи прошений в Апостольскую Сигнатуру группам нужен был надежный консультант. Как видел Борре, только двенадцать человек были квалифицированы исполнять роль адвокатов в Сигнатуре, чьи имена были перечислены в издании Святейшего Престола *Annuario Pontificio*. Только двое канонистов из мирян имели право подать прошение, последнюю апелляцию, Святейшему отцу. Это были австрийка Марта Веген, которая в 1998 году представила обвинения против Масьеля трибуналу Ратцингера, и Карло Гулло, итальянец, изучавший каноническое право в Папском университете Святого Креста, тесно связанном с Опус Деи (Гулло заверил Борре, что он не состоит в Опус Деи).

Карло Гулло родился в 1942 году в Тоскане, был женат и имел четверых уже больших детей. Он изучал право в Сицилии в Университете Мессины, а затем получил степень по каноническому праву в Грегорианском университете. В юридической системе Италии канонисты стали играть важную роль после подписания в 1929 году Латеранского пакта, которым Муссолини дал право церкви заниматься брачными гражданскими делами. До 1970-х годов развод был незаконен, для расторжения брака требовалось признать его недействительным. В 2002 году в Папском Латеранском университете обучалось семьсот студентов, желавших получить степень по каноническому праву, преимущественно мирянок и мирян. Канонист может заработать $20 тысяч и более, решая имущественные вопросы в сложных случаях аннуляции брака[407]. Гулло работал вместе со своей дочерью Алессией, которая была одним из самых юных адвокатов, имеющих доступ в Сигнатуру. Она также отвечала за компьютеры в офисе своего отца.

Приветствуя Борре в электронных письмах, Гулло приписывал к его имени титул *Dottor* — доктор, тогда как Питер начинал обращаться к нему *Egregio Avvocato* — уважаемый адвокат. При знакомстве Борре пришлось говорить по-итальянски, поскольку Гулло не говорил по-английски. Алессия, хорошо знавшая английский, иногда помогала им разобраться в таинственной юридической терминологии. При общении с адвокатом Борре пришлось вспомнить свои школьные годы в Риме, поскольку Гулло писал меморандумы на латыни. Гулло так тихо говорил по телефону, что порой Борре приходилось напрягать слух. Деликатным голосом юрист объяснял, как сложно добиться отмены указа архиепископа. Однако

такое случилось несколько лет назад, когда чикагский священник убедил Сигнатуру отменить решение об изъятии кардинала Джозефа Бернардина. Борре спросил, может ли он ознакомиться с этим решением.

– Доступ к нему закрыт, – ответил Гулло серьезным тоном.

Борре хотел узнать, как шло на том процессе общение между кардиналами и судьями.

– Не имею понятия, – ответил Гулло.

Он пояснил: адвокат не вправе находиться в зале, где заседают судьи. В Сигнатуре служат консультантами двадцать пять канонистов, в основном кардиналы (к ним принадлежит и Иген из Нью-Йорка). Судьи, живущие в Риме, под руководством префекта, которому помогают секретарь суда и «поборник справедливости», образуют трибунал под названием Конгрессио, который сортирует апелляции, чтобы решить, какая из них заслуживает коллегиального рассмотрения. Сигнатура занимается решениями других трибуналов и конгрегаций. Прихожан, если они приедут в Рим, никогда не допустят на заседание; им даже никогда не разрешат ознакомиться со служебными записками, представленными какой-либо из сторон, за исключением их адвокатов.

Борре все это напомнило прибытие Данте к реке ада и надпись «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Гулло объяснил, что в Ватикане процессы тянутся долго. Если речь идет об апелляции, на первом этапе Конгрессио знакомится с ней и с противоположным мнением «адвоката государственного управления», который отстаивает обоснованность решений Конгрегации духовенства. Как выяснилось, роль такого адвоката в подобных делах исполняла Марта Веген. Борре предположил, что канонисты Конгрессио не смогут состязаться с департаментом кардинала Кастрилльона. Это бы означало, что надо рассматривать апелляцию на коллегиальном заседании суда. Тогда суду придется решать вопрос о нравственной логике использования собственности приходов в присутствии кардиналов-юристов. Борре не сомневался в том, что участники бдений полны решимости держаться и не покидать церкви.

Они поговорили об оплате юридических услуг, и Гулло согласился взять по 4 тысячи евро (что по обменному курсу примерно соответствовало $6 тысячам) за один приход. В итоге около десяти групп из приходов Бостонской архидиоцезии пойдут таким путем, так что адвокат получил около $60 тысяч за работу, которая, вероятно, должна будет растянуться на три года или даже более. Эта фиксированная цена покрывала также обжалование решения о продаже церкви в случае, если изъятие уже произошло.

Борре подсчитал, что стоимость часа работы составит менее $100 и что это доступная цена для прихожан, которые получат рычаг воздействия на Бостонскую архидиоцезию: каждый месяц, в течение

которого церковь невозможно продать, будет делать закрытие приходов все менее выгодным. Когда зимой 2007 года Борре наконец встретился с адвокатом, апелляции, написанные Гулло в прошлом году, все еще ожидали рассмотрения в Сигнатуре, а его клиентами стало одиннадцать приходов Бостона.

Карло Гулло жил на четвертом этаже многоквартирного дома в восточном пригороде Рима в нескольких километрах от Порта Пиа, ворот шестнадцатого века, украшенных зубцами с орнаментом, которые считают последней монументальной работой Микеланджело. В 1870 через эти ворота в город вступили итальянские войска, захватившие Рим, которым ранее владел папа Пий IX. Из окна автобуса Борре мог видеть памятник из бронзы и мрамора в честь Рисорджименто, воздвигнутый Муссолини в 1932 году и напоминающий о былой славе Рима.

Накануне вечером Борре ужинал с иезуитом, который несколько десятилетий назад был его учителем в школе в Риме. Борре рассказал ему о продаже приходов ради расплаты за преступления священников. «Эх вы, американцы, – проворчал старый итальянец. – Всегда у вас в голове секс!» Но закрытие приходов, заметил Борре, оттолкнет верующих от церкви. «Если в течение ближайших десяти лет, – ответил иезуит, – американская церковь уменьшится вдвое, вся церковь станет лучше». Борре решил, что эти слова отражают верность Ратцингеру: Бенедикт XVI желал видеть церковь очищенной, малой, не столь богатой и более послушной ортодоксии, и многим консерваторам это нравилось.

Открывший ему дверь Гулло оказался высоким и стройным человеком с густыми седыми волосами. Он пригласил его в офис, наполненный книгами. Своим мягким голосом с вежливыми интонациями Гулло объяснял, как важен язык, которым написано прошение, – он должен отражать духовную чистоту людей, занявших церкви. Он признал, что это сложный случай, но ему самому было интересно посмотреть, как Ватикан будет решать вопрос об этике финансов. «Вам надо избегать любого намека на юриспруденцию англо-саксонской системы», – предостерег Гулло. Несмотря на то, что подавать апелляции следует в жесткие сроки, конгрегации и суды Ватикана могут рассматривать их так долго, как пожелают.

Борре полагал, что теперь, когда другие диоцезии испытывают великие финансовые трудности, советы приходов могут появиться и в других местах. Это был здравый вывод, основанный на наблюдении: Борре видел, как бостонский кризис заставил действовать Леннона, затем О’Мелли, которые вынуждены были скрывать информацию о том, как Лоу использовал финансы и как он покрывал преступников, – вся эта система, защищавшая саму себя, была испорчена. Католики вправе знать правду о деньгах церкви. Прихожане из Скрентона, Аллентауна, Нового Орлеана и Кливленда и других диоцезий, которых уже насчитывалось более двух десятков, обращались к Борре в надежде, что он поможет им предотвратить

закрытие приходов. В целом подавляющее большинство приходов в США закрывалось без заметных протестов, поскольку во многих из них осталось слишком мало прихожан. Но когда протесты возникали, они демонстрировали, что епископы тратят деньги, почти или совсем ни перед кем не отчитываясь. Борре стал собирать информацию по разным диоцезиям, используя материалы СМИ, и разрабатывать инструкции о том, как подать каноническое прошение в Конгрегацию духовенства в том случае, если епископ не дал ответа в течение тридцати дней, и как дела рассматриваются в Сигнатуре.

Общаясь с Гулло, Борре старательно избегал рассуждений о несправедливости американских прелатов. Для Гулло юридическая система Ватикана была бизнесом, той структурой, в которой он работал как профессионал.

Мэри Бет удивилась тому, что, вернувшись домой, ее муж достал латинский словарь и стал вспоминать итальянский. По крайней мере, он не ворчит, просматривая выпуски новостей, и не терзается скукой, как некоторые вышедшие на пенсию мужчины, плохо понимающие самих себя. Хотя она покинула церковь, Мэри Бет однажды посетила группу изучения Библии вместе с Роуз. «Я это делаю, потому что люблю маму», – сказала она тогда себе. Столкновение Питера с бюрократическим аппаратом церкви заставило ее размышлять, ей было интересно понять, что здесь происходит с собственностью. Она сочувствовала людям, спящим на церковных скамьях.

– Зачем я за все это взялся? – спросил однажды Борре у жены.

– Тебе надо освоить некоторые новые вещи, которыми ты никогда в жизни не занимался, – ответила она.

Борре задумался об этих словах, но продолжал искать ответ на свой вопрос.

9

Секреты и боль

Путь, приведший Питера Борре в Кливленд, лежал между Бостоном и Римом. В большой диоцезии штата Огайо разразился финансовый скандал, когда Борре встретился с сестрой Кристиной Шенк. Эта сестра годами работала над расширением сферы деятельности приходов, которым не хватало священников; она верила, что рано или поздно епископы задумаются о том, как вдохнуть новую жизнь в церковь, и решат, что надо разрешить женатым католикам и женщинам служить священниками. В 1991 году диоцезия Кливленда сделала верный прогноз о сокращении числа священников с 480 до 340 в течение десятилетия, что соответствует общему уменьшению их числа с 1970 года на 40 процентов[408]. Сестра Кристина видела из истории, что Рим готов меняться, когда очевидная всем реальность того требует.

В 1990 году Крис Шенк вместе с отцом Лу Трайвизоном, после восьмимесячного изучения влияния нехватки священников на церковь Воскресения в Солоне, богатом пригороде Кливленда, где служил Трайвизон, основали группу FutureChurch. Их девиз звучал так: «Мы любим церковь… Мы трудимся ради того, чтобы сделать ее лучше!» Прошли годы, и когда все услышали о бдениях в Бостоне, их программа была вполне созвучна происходящему:

> Порожденная Вторым Ватиканским собором FutureChurch признает, что Евхаристия (месса) составляет самый центр богослужения и сакраментальной жизни Римско-католической церкви. Мы стоим за то, чтобы каждый крещеный католик, где бы он ни жил, мог участвовать в евхаристии еженедельно.
>
> FutureChurch с уважением относится к традиции Римско-католической церкви и к ее теперешней практике рукоположения [исключительно мужчин, давших обет безбрачия] и призывает к широкой дискуссии о возможности принимать рукоположение для всех крещеных католиков, призванных к священническому служению Богом и народом Божиим[409].

Лу Трайвизон был любим прихожанами и пользовался расположением епископа Энтони Пиллы. Этот епископ позволил группе FutureChurch искать заинтересованных священников и устраивать с ними семинары и выступления. Пилла мог в любой момент прикрыть их группу, хотя это означало бы разорвать дружеские связи со священником, которого он любил. Независимые группы, такие как религиозные ордена, не могут собираться в приходах без разрешения епископа.

Энтони Пилла родился в 1932 году в итальянском квартале на востоке Кливленда. Он окончил иезуитский Университет имени Джона Кэролла в Кливленде, а затем отправился в семинарию диоцезии

Св. Карло Борромео. Этот низенький черноволосый епископ с очаровательным взглядом был популярен среди горожан, им нравилось, что он вырос среди них. Дружелюбный Пилла был мудрым политиком; в середине 90-х он был президентом Конференции американских епископов. Хотя он не стоял за отмену обязательного целибата и женское священство, эти вещи его не пугали. Он был решительным противником абортов и ядерного вооружения. Более же всего его заботил упадок и запустение Кливленда. Это был яркий случай экономического кризиса в промышленных районах после спада производства.

Кливленд появился в 1796 году на берегу озера Эри, где в него впадает река Кайахога. С появлением железных дорог, по которым можно было перевозить уголь, зерно и древесину, маленький портовый городок значительно вырос. С 1830-х годов здесь поселились ирландцы, затем в церкви стало все больше выходцев из Германии. В 1846 году священник Питер Мак-Лафлин увлекся девушкой из хора и, по словам хроники диоцезии, «повел себя недостойно… заявив, что женщина сама его соблазнила»[410]. Новый священник Морис Ховард, как думали, находится в незаконной связи с юной домашней хозяйкой, его кузиной. Отец Ховард, желая доказать свою невиновность, писал: «Благодарю Бога, я стал преемником моего народа в этом месте… здесь не играют в карты, нет танцев, вечеринок и всяких шалостей»[411]. Диоцезия Кливленда возникла в 1847 году, отделившись от архидиоцезии Цинциннати.

После Гражданской войны в городе появились верфи и металлургические фабрики. Нефтеперегонные заводы Джона Д. Рокфеллера составляли в 1890-х годах 90 процентов от всех заводов по переработке нефти в США. Его особняк красовался на знаменитом проспекте Эвклида[412]. В конце XIX и начале XX века рабочие были в основном выходцами из южной части Центральной Европы, здесь же было и немало черных. Поселения в районе Хеймаркет воспроизводили «цепь деревень» Южной Италии, здесь жили большие семьи, хранящие свои обычаи в большом городе. В церкви Св. Антония Падуанского, построенной в 1887 году, проходили праздники в честь чтимых святых с оркестрами, фейерверками и обильным угощением. В 1900 году в приходе насчитывалось десять тысяч итальянцев, именно в этом году возник Первый католический словацкий союз[413]. В пестрой мозаике города можно было видеть сербов, хорватов и поляков; приход формировался под влиянием разных племенных интересов. Один кузнец, прибывший в город в 1889 г., описывает увиденное так: «Даже уличный торговец с изнуренной кобылой, тащившей повозку по грязным улицам, выкрикивал названия своих товаров по-чешски. Это действительно походило на чешскую деревню… Вокруг бегали дети, куры, утки, собаки и кошки, и нигде нельзя было найти хотя бы стебелька травы»[414].

Тут селились евреи, уехавшие из России и Центральной Европы. К 1930 году в городе насчитывалось 71890 афроамериканцев, то есть они составляли 8 процентов от населения города численностью 900 429 человек.

Этнические церкви Кливленда были святилищами культуры для людей из Старого мира. «Церковь Святого Станислава, построенная в 1889, обошлась польской конгрегации в $150 тысяч – а в те времена на прокатном стане Ньюбурга, где работали многие поляки, средняя оплата труда составляла $7,25 в неделю», – пишет историк Майкл Мак-Тай. Три года спустя настоятель церкви подал в отставку, оставив после себя долги на сумму $90 тысяч, которые пришлось выплачивать прихожанам и новому священнику[415].

С начала девятнадцатого века в Америке происходили конфликты вокруг вопроса о том, кто должен контролировать приход: доверенные лица из мирян или епископы. Во многих крупных диоцезиях епископ представлял собой «единоличную корпорацию», этот юридический термин означает, что епископ в буквальном смысле слова владеет всей собственностью церкви. Предполагалось, что епископ контролирует приход с благими намерениями. В 1988 году Верховный суд Огайо разбирал вопрос о продаже церковной собственности для погашения долгов епископа (дело «Мэнникс против Перселла»).

> В 1880-х, когда среди вкладчиков возникла паника, епископ Цинциннати Джон Перселл создал «банк» для католических вкладчиков. Он управлял банком вместе с братом, и каким-то образом у банка образовался долг в три миллиона долларов, так что он сделал передаточную надпись кредиторам от епископа Перселла на «всю собственность диоцезии».
>
> Кредиторы епископа ждали распоряжения Верховного суда Огайо о возможности продажи собственности приходов диоцезии Цинциннати, чтобы вернуть свои деньги, поскольку приходы относились к «собственности диоцезии». Суд решил, что епископ лишь управляет этой собственностью по доверенности для блага прихожан… и постоянно именовал конгрегацию тех, кто молится в отдельных церквях и их содержит, бенефициариями тех отдельных трастов, которыми управляет церковь[416].

Этот процесс спас церкви Цинциннати от ликвидации для покрытия безнадежных долгов епископа, тогда как в Кливленде этнические церкви придерживались европейской модели, где собственность принадлежит иерархам, и эта модель сохранилась даже тогда, когда епископы стремились к *расширению*, одновременно стремясь внедрять в эти разные приходы общую культуру католицизма. Когда Кливленд

стал важным промышленным центром Среднего Запада, диоцезии пришлось все больше заниматься образованием молодежи и помогать людям приспособиться к жизни города. В 1911 году епископ Джон Фаррели объявил неделю сбора средств для сирот, наложив определенные квоты на каждый приход, чтобы церкви поддерживали детские дома диоцезии. Эту практику переняли и другие диоцезии[417]. Город рос и обрастал кольцом пригородов, так что возникли десятки новых районов, которые должны были отсылать налоги в офис, расположенный в центре города.

«Кливленд в отличие от Колумбуса не включил в себя ближайшие пригороды, – объясняет отец Боб Бегин, настоятель прихода Св. Кольмана в центре города. – У нас есть все эти пригородные селения с пожарными, мэром и системой школ. Интеграция школ не имела большого смысла, потому что к тому времени здесь осталось мало белых. Когда в пятидесятых была построена автострада 90, это отрезало от нашего прихода и церкви Св. Игнатия четыре сотни домов. В те времена приход был центром жизни. Св. Игнатий находится на 100-й Западной улице, мы на 65-й Западной. Св. Игнатий вмещает в себя около тысячи человек, мы примерно столько же. На каждой воскресной службе у нас присутствует четыреста прихожан. Шестьдесят процентов из них приезжают сюда из пригородов, эти люди участвуют в программах помощи бедным в рамках нашей миссии».

Бегство из города ускорилось в конце 1960-х после двух случаев массовых беспорядков в черных кварталах. Количество населения города начало устойчиво снижаться, так что из 900 тысяч осталось 450. Между 1970 и 1985 гг. из-за экономической ситуации количество рабочих мест в промышленности сократилось на 86 100. В округе Кайахога в 1980-х уровень бедности вырос на 45 процентов, примерно каждый пятый обитатель округа принадлежал к бедным. К 2000 году в самом Кливленде к бедным относилось 32 процента жителей, или 215 700 человек, в то время как ближайшие пригороды ухитрялись платить налоги на местном уровне, что позволяло им создавать у себя лучшие условия для жизни. Церкви, которые некогда, в пору расцвета промышленности, наполняли итальянцы, ирландцы, поляки, выходцы из Словении и чехи, оказались в более бедных, темных кварталах с меньшим процентом католиков, несмотря на то, что люди приезжали сюда из пригородов по воскресеньям на мессы. В 1990-х город несколько ожил, когда в силу вступила программа поддержки парков при озерах в штате и были созданы льготные условия налогообложения для застройщиков, что помогло обеспечить квалифицированных профессионалов работой в пригородах. Но дурная система государственного образования и чума наркоторговли свидетельствовали о том, что между городом и пригородами существует пропасть.

В 2000 году в диоцезии Кливленда насчитывалось 802 тысячи католиков, это около 28 процентов от населения восьми округов. Филантропия, правительственные гранты и появление этнических групп сделали Католическое милосердие Кливленда, как принято думать, величайшей в мире системой социальных служб на уровне диоцезии, которые использовали пожертвования и правительственные контракты, так что в 2004 году их бюджет составлял $84 миллиона и они раздавали по четыре миллиона обедов голодным и осуществляли ряд других социальных программ[418].

В 1996 году, выступая перед влиятельными членами Городского клуба Кливленда, епископ Пилла говорил о том, что разрастание региона лишает город доходов и жизненно важных служб. «Бедность, – сказал он, – все больше концентрируется в центре, где финансовых ресурсов не хватает – и даже катастрофически. Уровень прироста населения региона довольно низок, но мы распространяемся во все стороны… Это разрастание без роста».

> Это устойчивая тенденция. Может ли она сослужить хорошую службу нашим ценным сельскохозяйственным землям? Улучшает ли экологическую ситуацию? Укрепляет ли социальные связи в нашем обществе? Создает ли хорошие условия для прочной и радостной семейной жизни? Увеличивает ли участие в общественной жизни? Отражает ли она мудрое использование финансовых ресурсов? Усиливает ли нашу экономическую конкурентоспособность?.. Помогает ли уменьшить ширящуюся пропасть между богатыми, бедными и средним классом? Поддерживает ли социальную справедливость? Думаю, что нет.

Пилла неутомимо работал над открытием в Кливленде католических школ – это был крупнейший школьный округ Огайо, где образование получало немало учеников не из католических семей. «По тому, как мы живем, видно, во что мы верим», – сказал он собравшимся представителям сильных мира сего. Епископ вспомнил о борьбе черных против рабства и сегрегации и о латиноамериканцах-иммигрантах, а затем заговорил более лично: «Мой отец приехал сюда с монетой в пять центов в кармане. В самом буквальном смысле слова. Я рос в этом городе и понимал, как трудно приходилось ему и многим другим, таким же, как он и моя мать. Это были добрые люди всех рас и религий, которые много работали. Они строили наш город кирпичик за кирпичиком. Сегодня мы, их сыновья и дочери, призваны строить и перестраивать – уже не столько здания и улицы, сколько жизнь и взаимоотношения, шаг за шагом»[419].

Мысли Пиллы о роли церкви в улучшении жизни города укоренены в социальном учении

Католической церкви, согласно которому люди вместе несут ответственность друг за друга перед Иным. Сестра Шенк и епископ Пилла естественным образом оказались союзниками в деле помощи приходам, оказавшимся в бедственном положении из-за значительного сокращения числа священников. Шесть месяцев спустя после своего выступления в Городском клубе Пилла, выступая в Вашингтоне перед американскими епископами с официальным обращением, сетовал на «упадок братства священников». По его словам, священников «беспокоит увядание священства, по крайней мере такого, какое мы знаем»[420]. Однако лояльность Риму требовала от Пиллы произнести хвалы в адрес «обетов целомудрия», хотя целибат все больше отталкивал мужчин от принятия сана. Сестра Шенк даже и не подозревала о том, что величайшую проблему для FutureChurch представляет то положение вещей, в которое с головой погружен сам епископ Пилла.

В поиске Иисуса

Крис Шенк родилась в 1946 в городе Лайма, окруженном фермерскими хозяйствами штата Огайо, она была старшей из четырех дочерей. Ее отец, увешанный орденами и медалями ветеран войны, занимался страхованием жизни; ее мать училась на медсестру, но ей пришлось прекратить учебу из-за войны. Как вспоминает Шенк, мать повлияла на нее, ее сестру и двух кузин в выборе профессии: они отказались от карьеры учителя и стали медсестрами.

Люди религиозного призвания часто ощущают мощное воздействие духовной силы, видят красоту мира, за которой стоит Божия любовь, и это питает в них желание искать Бога и его благодать, в том числе – через служение ближним. Однажды, в свои юные годы, Крис Шенк сидела одна на ступеньках перед входом в дом и глядела на блеск деревьев, на листья в свете утра, шевелящиеся под действием ветерка, ее охватило чувство великой тайны. На мессе латинские антифоны *Introibo ad altare Dei*, звон колоколов, аромат каждений и светящиеся витражи наполняли ее трепетом перед чудом любящего Бога. «Я только не могла понять, как Гарри Миллер умудряется кадить, когда я гораздо умнее его и веду себя достойнее». Во время мессы ей пришла в голову такая мысль: «Если б я была мальчиком, я могла бы стать священником. Но это невозможно. Я – девочка».

Оканчивая школу, она уже обучала катехизису детей работавших на фермах латиноамериканцев, поражаясь тому, насколько убога вера в этих семьях. Она отправилась в Вашингтон, чтобы обучаться в школе медсестер при Джорджтаунском университете. Во время бурных 1960-х стремление Крис Шенк

любить Бога «столкнулось с той ролью, которую Америка играла во вьетнамской войне, с яростным расизмом и массовыми беспорядками в городах»[421]. Она находила утешение в торжественных строках поэмы Т.С. Элиота «Бесплодная земля». Отец Уильям Кейфер, капеллан изучающих медицину и сестринское дело, много беседовал с ней, когда она чувствовала, что ее обманули. «Если Бог полон любви, почему мир раздирают насилие и порочность?» Они разговаривали о свободе воли, Крис пыталась спастись от отчаяния с помощью своего «твердокаменного католицизма, произведенного в Огайо». Однажды отец Кейфер ее спросил: «Если бы ты убедилась в том, что Бог *действительно* существует, что бы это для тебя значило?» Ей не пришлось размышлять об ответе: тогда бы она посвятила всю свою жизнь Ему и попыталась принести любовь в грешный мир.

В колледже она открыла для себя работы иезуита Пьера Тейяра де Шардена, размышлявшего об эволюции. Во время Первой мировой войны Тейяр работал санитаром во французской армии и здесь мог понять тайну распятого Христа посреди ужасной бойни. Затем он отправился в Китай, где занимался палеонтологией и делал важные для науки открытия. Церковные власти запретили труды Тейяра, где он рассматривает научные данные о развитии планеты как отражение Божьего замысла[422]. Он умер в Пасхальное воскресенье 1955 года в Нью-Йорке, исключенный из французской общины. Книги Тейяра де Шардена, вышедшие после его смерти, здесь же стали классикой. Его слова давали вдохновение Крис Шенк.

> Я знаю, что силы зла с их намерением приносить вред никак не могут разрушить окружающую меня божественную среду. Когда они пытаются проникнуть в мою вселенную… искушения и зло превращаются в добро и сильнее разжигают огонь любви[423].

В 1968-м Крис оставалось три дня до выпуска, когда она пережила потрясение от убийства сенатора Роберта Ф. Кеннеди. Но идеализм веры способен возрождаться. Она вернулась в Огайо и стала работать медсестрой в госпитале, где она лишь с одной помощницей заведовала большой ночной палатой на тридцать шесть пациентов. Это сильно отличалось от госпиталя в Джорджтауне, где были интерны и врачи-ординаторы и где царила атмосфера коллегиальности. Она читала исследования, демонстрировавшие, что недостаток кадров в госпиталях увеличивает уровень смертности. Пытаясь жить по своим идеалам, она отправилась в Бостонский колледж, чтобы получить там магистерскую степень по сестринскому делу.

Вскоре после этого она встретилась с некоторыми членами ордена Сестры медицинской миссии. Этот орден был создан в 1925 году в Северной Индии, где тысячи мусульманских женщин и детей погибали из-за отсутствия медицинской помощи. Эти сестры, занимавшиеся охраной здоровья, видели в себе «целительное присутствие посреди раненого мира». Крис Шенк изучала богословие и потому могла глубже понять стремление сестер к Иному, их поиск благодати в бедных. Она увидела умных монахинь с высокими идеалами, которые критиковали политику США, увеличивающую нищету в странах, где Америка поддерживала диктаторов и нередко присваивала себе их природные ресурсы.

Ее новая монашеская жизнь началась в Филадельфии, где она преподавала в Университете Темпл, отдавая общине свою зарплату в $28 тысяч в год, однако ей вскоре наскучил академический мир. С помощью Сестер миссии она стала отвечать за межрелигиозный диалог в профсоюзе Объединенные работники ферм. Здесь она повстречалась с перуанским священником Густаво Гутьерресом, автором книги «Теология освобождения». «Обращение, – писал он, – означает, что ты посвящаешь себя освобождению бедных и угнетенных. Мы можем устоять, в соответствии с Евангелием, лишь в том случае, если центр тяжести находится вне нас»[424]. Она основала свой центр в Кентукки, где изучала акушерство. Там царила бедность, и это заставило сестру Шенк принять участие в борьбе за новые законы, которые дали бы возможность медсестрам выписывать рецепты – это было необходимо в тех местах, где остро не хватало врачей. Она приняла нелегкое решение и оставила общину Сестер миссии, поняв, что ей нужно пустить корни в каком-то определенном месте, что не соответствует образу жизни монахинь, которые занимаются бедными в других странах.

В Кентукки она нашла себе учителя в лице акушерки из баптистов Элси Мейер Уилсон. Сестра Шенк говорила о ней: «Это самый светлый революционер в моей жизни. Она научила меня доверять силе Иисуса».

> Некоторые медсестры и медбратья думали, что расширение наших полномочий уведет нас от сестринского дела. Совершая длительные переезды в большой город Луисвилл из тихого горного района, я молилась Богу о том, чтобы он помог нам достойно защищать правое дело. Нам удалось добиться перемены закона благодаря помощи простых жителей Кентукки. Но именно сила Иисуса, укрепляющего слабых, и опыт организационной работы в профсоюзе работников ферм придали мне смелости, чтобы взяться за это дело[425].

В 1978 году она переехала в Кливленд. Там у нее появился возлюбленный, однако стремление к

справедливости было в ней сильнее всего прочего. Став сестрой-акушеркой среди бедного населения, она боролась за расширение объема пренатальной помощи на уровне законодательства. В это время она была тронута мудростью активисток из конгрегации Сестер св. Иосифа, основанной сестрой Элен Прежан. И она во второй раз приняла монашеские обеты.

Сантьяго Фелисиано-младший действует

В 1980-х годах в Кливленд попадало множество беженцев из Центральной Америки. Епископ Джеймс Хикей, служивший с мексиканскими работниками ферм до учебы в Риме, был глубоко потрясен убийством архиепископа Сальвадора Оскара Ромеро во время совершения мессы в марте 1980 года. На его похоронах по людям стреляли: около двадцати участников похоронной процессии получили ранения, сам же Хикей поспешил спрятаться в соборе. Хикей, которому вскоре предстояло занять пост архиепископа Вашингтона, призывал двух уроженцев Кливленда, миссионерку из мирян Джин Донован и сестру-урсулинку Дороти Кейзел, продолжать работу в Сальвадоре. Накануне Рождества их также убили.

ЦРУ вместе со Службой иммиграции и натурализации постоянно беспокоили церкви в Нью-Мексико и Аризоне, где существовало движение «Убежище», помогавшее людям, которые убежали от гражданских войн и эскадронов смерти. Директор ЦРУ при Рейгане (а также важный спонсор Легиона Христа) Уильям Кейси снабжал деньгами правых военачальников в Сальвадоре, Гватемале и Никарагуа[426]. Преемник Хикея епископ Пилла поддерживал миссии диоцезии в Сальвадоре, как и в самом Кливленде. Пилла нередко цитировал слова папы Павла VI: «Если хочешь мира, борись за справедливость».

«Пилла не был амбициозным человеком в клерикальном смысле, – говорит активист и священник Боб Бегин. – Он был рад посту епископа Кливленда. Священникам это нравились и они были ему преданы. Он также действительно понимал, что значит служение бедным». В свое время Бегин отправился в Боливию изучать испанский, а вернувшись, открыл дом для беженцев из Центральной Америки. «Через этот дом прошло шестьсот человек, – сказал Бегин. – Большинство из них нашли политическое убежище в Канаде».

Среди нанятых Хикеем людей одним из последних был молодой юрист по имени Сантьяго Фелисиано-младший, который стал главным юрисконсультантом диоцезии и Католического милосердия. Фелисиано, которого стали называть «Чарли», был советником и у епископа Пиллы. В 1984 году Община Малахии, группа, связанная с приходом, где были убиты женщины-миссионерки, решила оказывать помощь беженцам. Чарли Фелисиано кратко объяснил им юридическую сторону этой деятельности, что произвело сильное впечатление на сестру Крис Шенк, участвовавшую в деятельности Общины Малахии.

В 1952-м, когда Фелисиано был один год, его семья покинула Пуэрто-Рико. Его отец кормил жену и четверых детей, работая на сталеплавильном заводе. Они были одними из первых чужаков в квартале, и к ним относились недружелюбно. Сидя у окна арендованного им дома летним днем 2009 года, нервно

постукивая ногой, Фелисиано говорил о том, что «церковь была важнейшей вещью в нашей жизни». Окончив приходскую школу, он поступил в Университет имени Джона Кэррола, а затем поступил на юридический факультет Кливленда-Маршалла. Чарли Фелисиано читал молитвы из алтаря в день, когда Пилла стал епископом Кливленда. Пилла читал молитву перед едой в доме Чарли и его жены Розы. Фелисиано с благодарностью вспоминает этого епископа. «Мои дети сидели у него на коленях. Это не были формальные отношения, – сказал он и сделал паузу. – Пилла был старше меня на семнадцать лет. Я никогда не называл его по имени».

После встречи с Фелисиано я лучше понял значение моих мучительных впечатлений от диоцезии Кливленда и загадку Энтони Пиллы.

В 1987 году в этой диоцезии узнали о статье в газете *Plain Dealer*, написанной мною как внештатным сотрудником, речь в которой шла об отце Гари Бертьеме. Там я использовал данные судебного процесса против архидиоцезии Детройта. В 1978 году Бертьем провел полгода в тюрьме Мичигана за растление тринадцатилетнего мальчика. Восемь лет спустя адвокат жертвы потребовал выплатить компенсацию в размере $325 тысяч. Бертьем стал кем-то вроде отца для своей жертвы и его старшего брата после развода их родителей. Полиция не знала о том, что этот священник совершил сексуальные преступления также и против старшего брата и четырех братьев из другой семьи. Матери из второй семьи выплатили $60 тысяч за одного из детей, и она переехала на юг, не выдвинув никаких обвинений. После суда, когда Бертьему задавали вопросы о его сексуальных отношениях с малолетними, он упорно ссылался на Пятую поправку к Конституции[427].

Члены всепрощающего клерикального клуба Хикей и Пилла дали Бертьему возможность «начать новую жизнь» в Кливленде. Поставить человека, только что вышедшего из тюрьмы, на приход, ничего не сообщив прихожанам, – это было обычной практикой в среде иерархов. Когда в ноябре 1986 года я постучался в дверь приходского дома, где жил Берьем, он отказался беседовать со мной при включенном диктофоне. Не захотел говорить со мной и епископ Пилла, когда я позвонил в диоцезию. Однако церковные юристы сообщили издателям *Plain Dealer* следующее: разоблачение Бертьема разрушит его карьеру и лишит его почвы под ногами и это будет нарушением права на частную жизнь, поскольку он уже расплатился со своими долгами перед обществом много лет назад. Сегодня такой аргумент покажется нам слишком странным, но тогда ни одна крупная газета, занимавшаяся расследованием случаев, когда епископы помогали подобным священникам, не могла ничего на него ответить. Юрист газеты *Plain Dealer*

сказал издателям, что ни один судья в Огайо не отвергнет обвинение в покушении на частную жизнь сразу, так что начнется процесс, на который, возможно, придется потратить $500 тысяч, и при этом невозможно предсказать, что решат присяжные[428]. По распоряжению издателей я послал письмо с вопросами епископу Пилле. Ответ на него написал викарный епископ Джеймс Куинн, канонист, изучавший право в Государственном университете Кливленда.

«Это Куинн принял решение о Бертьеме, – поморщившись, сказал мне Чарли Сантьяго двадцать три года спустя. – Он имел большую власть над Пиллой».

Вот выдержки из письма Куинна ко мне:

> Я с уважением отношусь к покаянию в нравственных нарушениях, которое принес этот отец…
>
> Я считаю, что отец расплатился перед уголовным и гражданским законом через наказания, наложенные на него судом и церковью. Его жертва получила компенсацию, которую суд признал достойной… [Священник] прошел длительный курс психологической коррекции и его нам рекомендовали как человека, который готов снова взять на себя обязанности приходского священника. Отец добровольно сотрудничает с диоцезией, периодически давая отчеты. На сегодняшний день мы можем сказать, что отец успешно служит в приходе, куда его назначили[429].

Не желая вовлекать Пиллу в конфиденциальное обсуждение деликатных вопросов, 15 марта 1987 года в своем воскресном выпуске газета *Plain Dealer* опубликовала длинный репортаж, подписанный именами издателя, главного редактора и ответственного редактора, хотя там и говорилось о моей причастности к написанному[430]. Материал был озаглавлен так: «Приход должен узнать правду, епископ Пилла». Они призывали самого Пиллу назвать имя священника. Я был расстроен тем, что мне не удалось опубликовать свою статью, тем не менее это решение показалось мне правильным. Газета оценила мой труд по заслугам. Когда я находился у себя в Новом Орлеане, в диоцезии разыгралась драма. При этом кризисом занимался не епископ Пилла, но викарный епископ Куинн.

«Вероятно, в Америке нет другого священнослужителя, – писал позднее проводивший расследование журналист Джеймс Мак-Карти в *Plain Dealer*, – который столь же ярко воплощал бы в себе расщепленность сознания [иерархии], как викарный епископ Александр Джеймс Куинн»[431]. Джимми Куинн, как его называли друзья, родился в Кливленде и вернулся сюда же после обучения в Риме, пропитанный клерикальной римской культурой. Он вызвал полицейских в собор в 1969 году, чтобы те

вывели оттуда Боба Бегина и другого священника, раздававших причастие участникам антивоенной демонстрации. В 1985 году Куинн написал рецензию на закрытый отчет в девяносто три страницы, авторы которого заранее предупреждали епископов США о возможном кризисе вокруг педофилии. Одним из авторов этого труда был отец Томас Дойль, канонист ватиканского посольства. Куинн оскорбительно отозвался о Дойле в послании к нунцию архиепископу Пио Лаги, написав, что «шум вокруг педофилии скоро затихнет»[432]. Доминиканец американского происхождения Дойль потерял свой пост из-за того, что призывал обратить внимание на данную проблему. В 2002 году его предсказания сбылись.

Прикрывая Бертьема, Джимми Куинн и Тони Пилла делали именно то, *против* чего в 1985 году предостерегал Дойль с его соавторами: они начали защищаться. Авторы отчета говорили, что епископам придется дорого заплатить обществу, если откроется, что они прикрывают преступников[433]. Пилла и Куинн обратились в Jones Day, крупнейшую в Кливленде юридическую фирму, занимающуюся корпоративным правом, и отцу Джону Райту, который заведовал в диоцезии финансовыми и правовыми вопросами. Райт изучал право в Джорджтаунском университете, который он окончил до рукоположения в 1969 году. Джозеф Смит, дипломированный бухгалтер, который в тот момент был казначеем диоцезии и по вечерам изучал право за ее счет, говорил: «Куинн как епископ имел все нужные данные для того, чтобы играть роль первого лица. Но в нашей диоцезии ничего нельзя было сделать без ведома епископа Пиллы». Райту было непросто из-за напряженных отношений с епископом, и в 2000 году он предложил Смиту занять его место главного финансиста, так что главным консультантом Пиллы стал Смит.

Вернемся в 1987 год: пока люди гадали, в каком же приходе служит отсидевший в тюрьме священник, Куинн поведал газете *Plain Dealer*: «Тот факт, что упомянутый священник держится безупречно в течение десяти лет, – это хороший знак, он говорит об удачной реабилитации». Но подобное спокойствие епископа вынудило некоторых жертв других священников обратиться в газету. В 1987 году Карнин Хендерсон поведала публике о том, что эта диоцезия заключила сделку с тремя семьями, которые должны были хранить молчание о трех *других* священниках, которые также получили новые назначения и имена которых известны газете *Plain Dealer*[434].

«Куинн обладал огромной властью, – вспоминал Чарли Фелисиано, глядя на лиловатый цвет сумерек и нервно дергая ногами, – и не всегда использовал ее во благо. Однажды я съездил и посетил лечебное заведение «Параклит» [где лечили педофилов]. Вернувшись, я сказал Пилле: «Не посылайте их ни туда, ни в Институт св. Луки». Я предложил ему направлять их в [клинику сексуальных расстройств при

госпитале] Джона Хопкинса к доктору Фреду Берлину. Я ему доверял. И мы начали направлять священников туда. Приходившие оттуда отчеты были не слишком утешительны. На закрытом совещании решался вопрос о том, *надо ли исключать их из числа священников*. Я сказал: «Надо». Я, в конце концов, отец четверых детей. Куинн ничего прямо не сказал. Он думал по-своему, я думал по-другому. «Епископ Куинн» – так я к нему обращался».

После публикаций в газете *Plain Dealer* несколько журналистов из газеты диоцезии *Catholic Universe-Bulletin* решили, что им следует также написать что-либо о случаях сексуальных преступлений в церкви. Пилла как епископ считался издателем, сотрудники издательства принадлежали к дочерней организации Кливлендской гильдии журналистов (как и сотрудники *Plain Dealer*). Лу Памфри, ветеран вьетнамской войны, с 1977 года работавший в *Universe-Bulletin*, был одним из четырех сотрудников газеты, вызванных на встречу с Пиллой, Куинном и отцом Майклом Дименго, который отвечал за газету. Вот что рассказывает Памфри: «Это был просто допрос. Пилла был очень спокоен, как Пачино в «Крестном отце», – никаких угроз, только желание положить конец недоразумениям. Я сказал, что мы, журналисты, должны быть независимыми и в первую очередь стоять за интересы рядовых прихожан. «Значит, нам придется здесь кое-что изменить», – сказал Пилла. Куинн был багровым от гнева. Он сказал, что на месте Пиллы не вел бы себя столь дипломатично». Пилла запретил писать на данную тему. В знак протеста журналисты в одном из выпусков отказались подписывать свои имена. Несмотря на защиту профсоюза, диоцезия умудрилась уволить их моментально[435]. *Universe-Bulletin* стал заимствовать статьи из газет диоцезий Янгстауна и Толедо. Внутренняя налоговая служба узнала о спорах между диоцезиями и устроила проверку.

У Куинна был свой круг друзей, супружеские пары, с которыми он познакомился много лет назад, и секретарша, глубоко преданная ему. Но дружелюбие не мешало Джимми Куинну быть порой непокладистым. В 1990 году он произнес речь перед членами Общества канонического права на Среднем Западе (аудиозапись была прислана на мой почтовый адрес), где сказал следующее:

> [Личные дела людей, вызываемых в суд,] нельзя переписывать, уничтожать, изымать. Это означало бы препятствовать правосудию и показывать неуважительное отношение к суду. Но до того вам можно все продумать и взвесить, если, как вы считаете, это необходимо. Если существует что-то такое, что вы не хотите показывать публике, вы можете отослать эти материалы апостольскому делегату (послу Ватикана), который пользуется неприкосновенностью[436].

В 1985 году Дойль в своем отчете прямо предостерегал *против* подобных вещей, опасаясь, что Ватикан потеряет дипломатический иммунитет, если офис нунция станет надежным хранилищем для сомнительных личных дел. Речь Куинна демонстрировала крайнюю степень цинизма.

Жертвы священников начали обращаться в диоцезию, и Чарли Фелисиано нередко приходил вечером домой в ужасе: он никогда не думал, что священники могут совершать такие злодеяния. Он сказал мне в 2009 году: «Я хотел помочь жертвам получить компенсацию. Я говорил им: «Пойдите и найдите себе хорошего адвоката. Вот что я могу вам предложить». Фелисиано докладывал об этих случаях отцу Райту, занимавшемуся финансовыми и правовыми вопросами. Член местной богатой семьи Райт провел часть своего детства на Род-Айленд. Он был племянником и тезкой покойного кардинала Джона Райта, который служил префектом Конгрегации по делам духовенства и который в 1950-х, будучи тогда викарным епископом Бостона, не раз сидел за столом в доме семьи Борре в Риме. «Райт сообщил мне, – сказал Фелисиано, – что, по мнению Куинна, я чересчур великодушен с жертвами. Куинн начал заниматься вопросами урегулирования с жертвами».

В 1988 году Гари Бертьема тихо перевели в диоцезию Джолиета, штат Иллинойс, где его принял дружелюбный епископ Джозеф Аймеш[437].

В 1990 году подавленный Пилла сообщил сотрудником, что Ватикан связался с диоцезией Кливленда и предложил провести здесь летом 1993 года Всемирный день молодежи с папой Иоанном Павлом II. Конференция епископов послала своих представителей из Вашингтона на совещание. Одно высокопоставленное лицо, участвовавшее в принятии решений, рассказывает: «Мы убедились, что власти округа, правоохранительные органы и губернатор готовы нам помогать. Это обошлось бы диоцезии в несколько сотен тысяч долларов. Это бы значило принять в городе 100 тысяч молодых людей. Многие из них должны будут ночевать в общежитиях колледжей, другие в частных домах. Но втайне мы очень боялись, думая о сексуальных преступлениях против молодых людей… Пилла отнюдь был не рад этому предложению».

Большинство епископов ухватились бы за возможность принимать у себя Святейшего отца. Предоставив принимать решение своим сотрудникам, Пилла дал понять, чего он хочет; сотрудники проголосовали против. Всемирный день молодежи в 1993 году проходил в Денвере; ему сопутствовало оживление торговли и СМИ, которые освещали визит Иоанна Павла в Америку. Архиепископ Денвера Джеймс Стэффорд впоследствии получил работу в Ватикане и красную шапочку кардинала.

Фелисиано подтвердил эту историю, сказав, что он тоже был «этим озадачен, думая, как мы справимся с этой проблемой», хотя он и не участвовал в голосовании.

Когда один священник во время путешествия на запад совершил сексуальное преступление против сына диакона, Фелисиано считал, что об этом следует сообщить в Департамент защиты детей и семей. «Отец Райт сказал, что Куинн и Пилла не хотят, чтобы я это делал, поскольку преступление было совершено в другом штате, – сказал Фелисиано, который все-таки доложил о случившемся в департамент. – Они решили, что я сложный человек и что меня нужно лечить».

Райт привлек для защиты юристов извне, а Фелисиано занялся системой католических школ Кливленда, крупнейшей в штате, в которой образование получало шестьдесят пять тысяч учащихся. Он создал проект документов для обеспечения безопасности несовершеннолетних и, выслушав жалобы на нарушения со стороны учителей из мирян, священников, монахинь и сотрудников заведений, подал отчеты о пятидесяти случаях в Департамент защиты детей. «Против семи или восьми человек были возбуждены дела, – сказал он. – Церковная бюрократия была как бы самостоятельным государством». Стеси Уайт, в детстве изнасилованная отцом Мартином Луисом (он оказался в тюрьме в 1993 году), став взрослой, подала иск против диоцезии. Приглашенные защитники ответчика оскорбляли родителей Уайт, обвиняя их в том, что они подпустили священника так близко к своей дочери. Фелисиано предварительно решил, что компенсация Уайт должна составить $385 тысяч. Позднее Уайт навестила Луиса в тюрьме и его простила[438].

Рим требует добровольного послушания

Сестра Крис Шенк всерьез задумалась о проблеме нехватки священников на приходах в процессе бесед с отцом Лу Трайвизоном, который размышлял об этом и пришел к такому выводу, который не осмелился бы сделать ни один епископ: «У нас не будет недостатка в призвании к священству, если мы будем принимать священников, вступивших в брак, которые готовы руководить богослужением, женатых мужчин, желающих служить священниками, одиноких и замужних женщин, чувствующих призвание к священству». Иоанн Павел вместе с кардиналом Ратцингером постарались закрыть дверь, приоткрытую Вторым Ватиканским собором, – отказались от коллегиальных отношений между папой и епископами. Папе нужно лишь «добровольное согласие» – *послушание* – иерархов относительно всех решений, принятых вышестоящими. Усиливающаяся нехватка священников в Западной Европе привела к тому, что мессы стало посещать меньше людей. Но любого священника, который предлагал рукополагать не только принесших обет безбрачия мужчин, епископы здесь же начинали рассматривать как ненадежного служителя церкви (чего Трайвизон вовсе для себя не желал).

Группа FutureChurch создала крепкие связи с некоторыми приходами в надежде открыть ряд дискуссий об отмене обязательного целибата и рукоположении женщин, а в это самое время англоязычные страны накрыла первая волна скандалов вокруг сексуальных преступлений священников, которая с особой яркостью показала наличие двойных стандартов в церкви. Иоанн Павел держался в стороне, он не говорил, что делать, и не предлагал никакого плана действий, а в это время епископам приходилось заниматься судебными процессами и отбиваться от атак СМИ. Епископ не мог лишить сана педофила, сидящего в тюрьме. Многим священникам удалось избежать наказания благодаря тому, что их помещали в дорогие терапевтические центры. Рим нередко тратил годы на то, чтобы лишить сана подобных людей. Многие епископы пытались договориться с жертвами без огласки. Финансы церкви также оставались тайной.

Вспоминая о скандалах 1990-х годов, сестра Крис Шенк сказала: «Думаю, мы тогда не сочли диоцезию виновной за недостатком улик – не знаю, к худу или к добру. Мы надеялись, что епископы наведут порядок и исправят недостатки системы».

Группа FutureChurch готовила людей для пастырской работы, она находила мужчин и женщин, которые готовы взять на себя в приходах те обязанности, которые традиционно исполняли священники.

В 1993 году в их рядах состояло 263 человека – диаконов, сестер, братьев, мирян. (К 2004 году их количество возрастет до 566.)[439] Руководители FutureChurch встретились с епископом. «Пилла дал нам понять, – вспоминает сестра Крис, – что он не только наш представитель перед Римом, но и представитель Рима перед нами. Пока мы не ставим под сомнение вопросы веры и нравственности, он может не вмешиваться в нашу деятельность».

Продолжая работать акушеркой среди бедняков восточной части Кливленда, Крис Шенк проходила последипломный курс богословия в Св. Марии, учебном заведении диоцезии. По ночам она принимала роды у девочек-подростков, а днем могла прилечь на кушетке и вздремнуть во время перерывов в учебе. Она думала как о родных о женщинах первых веков христианства, которые были руководителями церкви. Их история, стертая из памяти Католической церкви, стала главной темой ее исследования. Девочки, которым она помогала в родах, бессознательно усвоили идею о том, что их ценность зависит от юношей, ставших отцами их детей. Католические женщины традиционно воспринимали себя как существ второго сорта относительно мужчин на богослужении. Тем не менее сегодня вместе с мужчинами, готовящимися стать священниками, училось немало женщин. Многие из этих молодых мужчин были геями – одни спокойно к этому относились, других это мучило. В 1986 году Ратцингер заявил, что гомосексуализм есть «внутреннее нравственное зло», однако он не мог объяснить (а епископы не готовы были это открыто обсуждать), почему священство стало убежищем для геев, или разобраться в сложностях гомосексуальной культуры священников, о которой все знали[440].

«Представляю вам Фиву, сестру нашу», – пишет апостол Павел в Послании к Римлянам (16:1), называя ее «диаконисой церкви Кенхрейской». Размышляя над этим текстом, Крис Шенк поняла, что Фива была *diakonos*, служительницей, которая принимала Павла у себя в Кенхреях, в морском порте Коринфа[441]. В своей книге «Когда женщины были священниками» исследовательница Карин Ю Торьесен пишет о Фиве следующее: «[Она] доставила послание Павла в Рим. Это была достаточно богатая женщина достаточно высокого социального статуса». Павел, обращаясь к христианам Рима, называет Фиву своей покровительницей (*prostatis*). Среди двадцати восьми выдающихся людей, которых Павел упоминает в Послании к Римлянам, десять женщин.

К этим женщинам, руководящим христианами Рима, принадлежит апостол Юния, которую Павел относит к «прославившимся между Апостолами» (Рим 16:7). Она вместе со своим мужем Андроником путешествовала из города в город, где супруги учили и проповедовали. Иногда проповедь христиан

вызывала возмущение и беспорядки, вероятно, по этой причине однажды она с мужем оказалась в тюрьме, где и встретилась с Павлом. Ее горячо почитали в церкви в четвертом веке, и в одной из своих ярких проповедей Иоанн Златоуст говорит о Юнии, призывая женщин Константинополя ей подражать[442].

Когда в Англиканской церкви начали рукополагать женщин, Иоанн Павел опубликовал в 1994 году свое послание *Ordinatio Sacerdotalis*, где прямо запрещал женское священство. Хотя он признавал, что по этому вопросу ведутся «дискуссии среди богословов и в некоторых католических кругах», папа не стал что-либо объяснять, но просто сослался на то, что Пресвятая Дева Мария не была служителем церкви, хотя «это не должно умалять достоинство женщин и это нельзя использовать для их дискриминации».

> Христос, называя только мужчин Своими апостолами, действовал совершенно свободно и с верховным авторитетом. Здесь Он показал ту же самую свободу, которая видна и во всех Его поступках, указывающих на достоинство и призвание женщин. При этом Христос не подчинялся тогдашним обычаям или традициям, считавшимся нормой того времени…
>
> Более того, вся иерархическая структура Церкви целиком и полностью строится на святости верных[443].

По сути дела Иоанн Павел заявил, что по *намерению* самого Иисуса священниками – во все времена – должны быть только мужчины. Но как замечают библеисты, в Новом Завете нигде не сказано, что Иисус «рукоположил» своих апостолов. В Писании также не говорится о том, что Иисус запретил женщинам, которые играли важные роли во время его общественного служения, стать рукоположенными служителями церкви. Иоанн Павел, игнорируя эти выводы библеистов, тем самым отвергает историю. Он говорит примерно то же самое, что и Павел VI в своей энциклике от 1967 года о целибате, где целомудрие клириков названо «драгоценным бриллиантом» церкви и тем, что обеспечивает «оптимальную дееспособность с психологической точки зрения». При этом папа Павел не ссылается на какие-либо исследования психологов относительно этой «дееспособности», поскольку таких работ просто не существует[444]. И целибат, и мужское священство не представляют собой доктрину, это просто «временные правила». Но Иоанн Павел хотел бы их сделать вечными: «Я заявляю, что Церковь не имеет власти ввести рукоположение женщин и что все верные в Церкви должны стоять на такой позиции».

Прошел год и четыре месяца после публикации этого послания Иоанна Павла, и кардинал Гроэр тихо

«ушел на покой» с поста архиепископа Вены на фоне обвинений в сексуальном домогательстве относительно юных обитателей монастыря в далеком прошлом. Гроэр все отрицал, и это вызвало огромный скандал. Иоанн Павел молчал. Понадобилось некоторое время, чтобы понять, какие это повлечет расходы. В течение нескольких недель 500 тысяч австрийцев и 1,8 миллиона немцев послали в Ватикан прошения о том, чтобы были разрешены женатые священники и рукоположение женщин. Католики Австрии покидали церковь и отказались отдавать часть своих налогов церкви. В этом году таких католиков насчитывалось около сорока тысяч. К 2009 году церковь в Австрии заметно сократилась: вместо 78 процентов населения в ней осталось 66. В 1994 году за счет налогов в церковь поступало 394,2 миллиона евро, теперь эта сумма уменьшилась до 295 миллионов[445].

Важнейшим фактором, определившим такую динамику, стало постановление Ратцингера от 18 ноября 1995 года, поддерживающее *Ordinatio Sacerdotalis*, где он прямо дал понять возмущенным католикам Австрии и своей родины: «*Ваше мнение ничего не значит!*»

> Это учение требует добровольного согласия, поскольку оно, опирающееся на записанное Слово Бога, изначально неизменно хранившееся и ставшее традицией Церкви, было высказано непогрешимо как обычным, так и вселенским магистериумом[446].

Слова Ратцингера о непогрешимости магистериума, то есть учительства церкви, вызвали нападки многочисленных критиков. Кембриджский преподаватель богословия Николас Лэш заявил, что ссылка на непогрешимость – «это вопиющее злоупотребление властью»[447]. Сестра ордена Св. Бенедикта Джоан Читистер из города Эри в штате Пенсильвания, часто выступающая с лекциями, проанализировала ситуацию с четкостью хирурга:

> Может ли какой-то орган Ватикана провозгласить какое-то мнение папы непогрешимым?
>
> И если может, то можно ли это делать постфактум? В любой нужный момент? Скажем, через сто лет после того, как папа выразил это мнение?
>
> Почему, когда епископы всего мира предлагают обсудить важный для них вопрос, их попросту игнорируют?
>
> Теперь я еще сильнее, чем раньше, убедилась в том, что этот вопрос не закрыт, – на деле его даже никогда и не ставили. Его просто запретили обсуждать[448].

Крис Шенк просто остолбенела, когда однажды ей позвонил викарный епископ Балтимора П. Френсис

Мэрфи, который сообщил, что нашел епископов, заинтересованных в диалоге со сторонниками женского священства. В 1991 году, после десятилетия закрытого обсуждения темы, Конференция епископов заканчивала работу над пастырским посланием относительно женщин, но здесь Ратцингер потребовал более жестко осудить женское священство. «Впервые за всю историю существования Конференции, – пишет Дэвид Гибсон, – епископам пришлось отказаться от своего замысла вообще»[449]. 27 октября 1995 года, за три недели до выхода постановления Ратцингера, епископ Мэрфи произнес на ужине слова в защиту FutureChurch. «Жизненно важно, – заявил он, – чтобы мы, обладающие властью в церкви, больше слушали людей «снизу» – это важнее, чем спускать им наши директивы. Меня серьезно беспокоит то, что официальная учащая церковь об этом забыла»[450].

И вот Френсис Мэрфи позвонил и тихо спросил сестру Кристину Шенк: «Как у вас дела?»

– Я злюсь и грущу, – ответила она.

– Я тоже, – сказал епископ со вздохом.

Позже, когда в возрасте 66 лет Мэрфи скончался от рака, она плакала – среди прочего из-за того, что потеряла столь верного союзника среди иерархов.

Финансисты церкви

Чарли Фелисиано, когда с него сняли ответственность за дела совершивших преступления священников, отдалился от Пиллы, который работал в офисе рядом с общежитием Колледжа св. Иоанна за площадью, где стоял собор, в том месте, что ранее монахини использовали для учебных занятий. Колледж сносили, диоцезия сдала землю в аренду инвесторам, которые строили себе многоэтажное здание под офисы. Епископ, некогда сидевший за столом в доме Фелисиано, оказался далеко. Чарли Фелисиано вместе со своими секретарем и ассистентом работал в канцелярии диоцезии. У Пиллы был свой неофициальный круг советников, куда входили застройщик еврейского происхождения Сэм Миллер, пользующийся большим влиянием среди членов демократической партии, и Патрик Мак-Картен, деловой партнер фирмы Jones Day.

Казначей диоцезии Джо Смит попутно работал в компании Tee Sports, организовывавшей соревнования по гольфу и корпоративные вечеринки. Он также организовывал состязания по классическому гольфу, которые позволяли епископу Пилле собирать средства на стипендии в городских школах. Однажды секретарь отца Райта сообщил, что Джо Смит берет деньги за устройство соревнований. Брат Фелисиано был партнером в Baker Hostetler, одной из крупнейших юридических фирм в Кливленде. «Джо хотел, чтобы они купили у него место для рекламы за десять тысяч долларов, – сказал Фелисиано. – Я понимал, что он здесь получает свою долю, а потому проигнорировал его предложение».

В середине лета 1999 года юрист из фирмы Jones Day посетила маленький офис Фелисиано. «Вам нелегко живется, – сказала она. – У нас есть для вас предложение». Как понял Фелисиано, говоря о «нас», она имела в виду своего работодателя, которой заплатил женщине из фирмы немалые деньги за то, чтобы она предложила ему работу в церкви по помощи нелегальным иммигрантам в другой стране. Фелисиано отказался, иммиграционное законодательство не было его специальностью, кроме того, он почувствовал себя униженным. Ему не нравились тайные переговоры о том, куда пристроить педофилов, да и финансовые дела казались ему слишком подозрительными. «Смит продолжал говорить, что мы не можем повышать зарплаты, что нам надо экономить. Это казалось мне полной ерундой», сказал Фелисиано. Он посещал собрания в канцелярии, на которых все присутствующие, кроме него, отчитывались перед Смитом (начальником Фелисиано по-прежнему оставался Пилла). Отец Райт замирал при виде Смита. «Что я здесь делаю? – спрашивал себя Фелисиано. – Это какое-то заколдованное место».

«Чарли прекрасно справлялся со своей работой в восьмидесятых, – вспоминает Джо Смит. – Но в этой системе тебе следует усвоить, что ты всегда занимаешь второе место по сравнению с духовными лицами. Чарли любил привлекать к себе внимание. В этой среде нужно знать, когда можно говорить, а когда следует закрыть рот. Здесь не место гордости, только так можно здесь работать. Мне жаль Чарли. Он мне нравился. Пилла пожелал, чтобы его уволили. Райт на это не соглашался».

Фелисиано уже почти подыскал себе новую работу, и здесь 17 февраля 2000 года с ним случилась беда: у него неожиданно начались судороги, затем левая сторона его тела потеряла способность двигаться. Это был инсульт. Две женщины быстро доставили его в госпиталь. Никто из священников канцелярии, ни епископ Пилла не навещали его в течение тех нескольких недель, которые ушли у него на восстановление речи и движения. Ему должны были бы оплатить все дни, когда он не мог работать из-за болезни, но когда он оправился, он уже не числился на службе. Он устроил спор с Райтом о выходном пособии и ушел, так ни о чем и не договорившись.

Осенью Фелисиано устроился в юридическую фирму Gallagher Sharp, где он должен был оказывать помощь католическим школам. «Диоцезия разослала письмо, в котором косвенно говорилось следующее: если школа наймет кого-либо, не принадлежащего к совету юристов, у нее могут возникнуть проблемы со страховым покрытием», – писала газета *Cleveland Free Times*[451]. Так что эта возможность закрылась для Фелисиано. Он начал искать другую работу, а в это время серьезно заболел их сын, из-за чего запасы семьи истощились. В результате накопившихся долгов им пришлось расстаться со своим домом.

В середине лета 2000 года Джо Смит взял на себя ответственность и за финансы, и за правовые вопросы. Отец Райт с удовольствием переключился на менее напряженную работу в ассоциации католических кладбищ и был рад, что ему не надо ходить в канцелярию. Смит, который в колледже исполнял роль куортербека на футбольных состязаниях и теперь имел гандикап 5 по гольфу, был женат на племяннице священника, близкого к Пилле. Чарли Фелисиано мог понять, что Пилла очень высоко ценит самодовольного Джо Смита. «Джон Райт устал из-за того, что Пилла нередко звонил ему в два часа ночи, – объясняет Смит. – Таков был управленческий стиль Пиллы: он быстро реагировал на проблему. Он обаятелен. Когда он готовится к выступлению, у него все получается блестяще. Но он интроверт и все время обеспокоен своим имиджем. Он рассердился, когда в газете *Plain Dealer* появилась статья о десяти самых влиятельных людях Кливленда и он там не был самым первым. Меня не так беспокоили ночные звонки. Я трудоголик. Правда, у меня семья, и потому он звонил не слишком часто».

Разочарованный Фелисиано почувствовал, что правда была на его стороне, когда после публикаций *Boston Globe* в 2002 году скандал в СМИ коснулся и Кливленда. Газета *Plain Dealer* разоблачала циничные деяния диоцезии. Джеймс Мак-Карти и Дэвид Бриггс наконец в марте этого года назвали имя Гари Бертьема:

> С Бертьема не спускали глаз, пока он служил в церкви Вознесения, и не нашли в его поведении ничего противозаконного – по словам викарного епископа Куинна, это было убедительным свидетельством того, что тот освободился от своего недуга.
>
> Однако, как выяснилось, наблюдать за поведением Бертьема в приходе Вознесения было поручено отцу Аллену Брюнингу – против которого затем также были выдвинуты серьезные обвинения в том, что он на протяжении своей двадцатилетней службы в диоцезии растлевал детей начальных классов католической школы.
>
> В прошлом году один бывший ученик школы подал иск, в котором обвинял Брюнинга и Бертьема в том, что в течение трех лет в 1980-х они вдвоем заигрывали с ним в душевой школы.
>
> Теперь Бертьем работает в доме для престарелых Сентейкл в Уоренвилле, штат Иллинойс. Он не отвечал на наши звонки.
>
> Брюнинг был вынужден тихо покинуть пост настоятеля Вознесения в конце 1984 года, после того как еще одна семья из прихода обвинила его в растлении детей в течение последних двадцати лет… Вскоре после этого Брюнинг получил назначение в другой приход около Кливленда.
>
> В 1990 году Кливлендская диоцезия послала его на приход в Амарилло, штат Техас, но официальные представители диоцезии сказали, что тамошний епископ имел полную информацию обо всех обвинениях, выдвинутых против Брюнинга в прошлом[452].

Репортер канала вещания WJW TV, Fox 8 Билл Шейл начал брать интервью у жертв и информированных источников в диоцезии. Шейл, изучавший право, подготовил длинный репортаж о Куинне, где использовалась и аудиозапись его выступления в 1990 году, когда епископ советовал канонистам отсылать дела на священников к нунцию в посольство Ватикана. Куинн не пожелал встречаться с Шейлом. Пилла, который случайно оказался в студии, чтобы произвести звукозапись, согласился дать репортеру интервью. В разговоре с напористым Шейлом епископ неуверенно говорил, что никогда не отсылал секретных дел в офис нунция и никогда не покрывал преступников. После передачи родители юноши, ставшего жертвой священника, которого затем перевели на новый приход в 1980-х,

позвонили Шейлу. В очередном репортаже они обвиняли Пиллу во лжи[453].

В канцелярию диоцезии стали звонить жертвы священников. Джо Смиту приходилось рыться в личных делах клириков, связываться с психотерапевтами, отвечать на вопросы журналистов, ежемесячно выписывать чеки на шестизначные суммы для оплаты юридической помощи фирмы Jones Day, специалисты которой получали примерно по $300 в час[454]. «Пилла звонил мне домой в эти трудные времена скандалов, – рассказывает Смит, – и говорил, что хочет уйти на покой. Я его успокаивал». В итоге диоцезии пришлось вести переговоры о выплате компенсации жертвам с Джеффом Эндерсоном, юристом из Сент-Пола, который первым взялся за гражданские дела, связанные с сексуальными правонарушениями духовенства. Скандал изменил общественное мнение, и обвинитель округа Кайахога Уильям Д. Мэсон созвал большое жюри, чтобы оно провело расследование деятельности диоцезии. Днем Джо Смит готовил ящики с документами в ответ на требования Мэсона, а после полуночи отвечал на звонки растерянного Пиллы. Епископ собрал комиссию из мирян, чтобы решить вопрос о тактике обращения с жертвами священников. В Страстной четверг он совершал омовение ног Стеси Уайт, которую в детстве изнасиловал отбывавший в тот момент тюремное заключение Мартин Луис. Чарли Фелисиано плакал на встрече с другими жертвами Луиса. Теперь, когда Пилла отстранял от служения других священников, Фелисиано, к тому времени нашедший работу юриста, думал про себя: «Если бы Пилла в свое время прислушался к моему совету – совету штатного юриста с зарплатой $90 тысяч в год, – он мог бы избежать многих бед, обрушившихся на него сегодня».

К весне Пилла отстранил от служения двенадцать священников, против которых в прошлом выдвигались обвинения, и идентифицировал тринадцать бывших или вышедших на пенсию священников, которых также обвиняли в преступлениях. Как писал Мак-Карти в *Plain Dealer*, Департамент округа по защите детей и семьи получил «лишь восемь рапортов» относительно этих двадцати пяти священников «на протяжении последних четырнадцати лет, причем пять из этих рапортов поступили лишь после середины марта»[455]. Фелисиано перестал молчать о преступлениях священников, он поговорил об этом с журналистами из *Plain Dealer* и с Эдом Бредли из программы *60 Minutes*[456]. Интервью с ним передавали на радио CBS в июне 2002 года, когда происходило собрание епископов в Далласе, на котором была принята конвенция о мерах по защите детей и подростков и прошло голосование за подачу прошения Ватикану о продаже собственности.

Денежные секреты стали выходить на поверхность в августе. В репортаже *Plain Dealer* о

Католическом милосердии, самой крупной системе социальных служб в самом крупном округе Огайо, говорилось о том, что крупнейшие спонсоры заинтересовались тем, на что тратятся их деньги: на помощь бедным или на компенсации жертвам священников. Несколько важнейших жертвователей сообщили, что в 1999 году Пилла попросил у Католического милосердия $4 миллиона, «опустошив тем самым дискреционный фонд, из которого брали деньги для оплаты всяких социальных проектов».

> Источники сообщают, что часть этих денег пошла на сокращение многомиллионного дефицита, образовавшегося в конце 1990-х, когда диоцезия безуспешно пыталась централизовать и модернизировать свою компьютерную сеть.
>
> Официальный представитель диоцезии Боб Тэйек сообщил, что $4 миллиона нужны были епископу для пополнения собственных двух благотворительных дискреционных фондов.
>
> Никакая часть этих денег, сказал Тейек, не использовалась в конце 1990-х ни на улучшение системы компьютеров, ни на урегулирование отношений с жертвами сексуальных преступлений священников[457].

Джеймс Мэсон, председатель правления кливлендского Католического милосердия, письменно обращался к Пилле, прося того подтвердить, что средства благотворительных фондов будут расходоваться только на благотворительность. «Сейчас для всех трудные времена, – туманно и сдержанно отвечал ему епископ. – Управлять стало трудно, доверие подорвано. Лишь согласованные действия могут со временем восстановить доверие». Пилла обещал «сделать все, что в моих силах», – но так и не дал гарантии относительно использования этих денег по назначению[458]. Культура пассивности слишком глубоко пропитала состоятельных кливлендцев, и потому они не протестовали согласованно и не потребовали отставки Пиллы, хотя некоторые крупные спонсоры так поступили.

«Эти деньги никогда не использовались на урегулирование, – сказал Джо Смит, отвечавший в то время за финансы и правовые вопросы. – Мы смогли накопить значительные резервы в нашем фонде собственности и несчастных случаев. В 1990-х рынок был оживлен, и наши резервы выросли втрое. Мы рисковали. Здесь все зависело от удачного момента. К счастью, у нас оказались доступные деньги. Я никогда не использовал фонды Католического милосердия для урегулирования».

– Так на что же пошли те четыре миллиона долларов? – спросил я.

– Преимущественно на субсидии приходам и школам, оказавшимся в трудных ситуациях. Это случается постоянно.

Около 60 процентов приходов перечисляют часть своих средств епископу. У оставшихся 40 процентов приходов траты часто превышают поступления от пожертвований прихожан[459]. Такая ситуация постепенно сложилась за многие годы. Церковь, получающая муниципальные средства из отдельных фондов, не попадает в ловушку дефицита. Но в финансовых делах диоцезий нередко царит беспорядок.

Майкл Райен, исследовавший хищения средств в церкви, критиковал практику священников, которые «прикасаются к деньгам», прежде чем собранные пожертвования отправляют на хранение в банк. Джо Смит говорит, что подобное происходит и в Кливленде: «В приходах старинной закалки священники создают свои неофициальные фонды. Я бы сказал, что в 90 процентов случаев за этим стоят благие намерения. Священники боятся, что епископ отберет у них деньги. Они ставят новые окна в школе или обновляют крышу и заводят подобные фонды. Это привычная практика для многих священников. Иногда люди из приходов отвечают в городе за какие-то объекты, используя такую же практику. И большая часть этих средств не учитывается [скрыта от аудиторов и стандартных процедур бухгалтерского учета]. Вот с какой культурой мы имеем дело – личной культурой, деловой культурой, культурой диоцезии… Так всегда делались дела, и их участники привыкли никому об этом не рассказывать. Священники привыкли так жить. *Священники не терпят споров.* Они поступают так, как считают нужным».

«На Рождество Пилла обычно дарил сотрудникам по стодолларовой бумажке, – продолжает Смит. – Сотрудников было человек двадцать или тридцать, и каждый получал по купюре. Идея была такова: пригласи свою жену или своего мужа на ужин за мой счет. Пилла как епископ бывал в разных местах, на конфирмациях, на свадьбах. И там ему вручали конверт, в котором, скажем, лежало четыреста долларов. Я занимался его налогами, но эти деньги никогда не упоминались в декларациях. Что я должен был делать? Подойти к нему, махая кулаками, и сказать: «Епископ, всем известно, что вы получаете деньги за эти мессы»? Я не хотел на него давить. Этот принцип я соблюдал не только в своем офисе. Священники тоже дарили на Рождество деньги своим помощникам и другим людям. Так устроена жизнь приходов».

Боль

Когда СМИ заговорили о сексуальных преступлениях духовенства, многие священники и монахини Кливленда ежедневно как бы получали порцию ударов. Церковь, которой они доверяли, епископы, которых они слушались, – какие еще мерзости о них поведают завтра? Сестра Кристина Шенк была поражена действиями Пиллы, но здесь встретилась со «Стивеном» (подлинное имя скрыто), бывшим

семинаристом, ставшим жертвой священника, и эта встреча давала ей надежду. Стивен прошел курс психотерапии, имел хорошую работу и продолжал жить духовной жизнью – последнее было особенно трудным для большинства жертв. (Марк Серрано, выпускник Нотр-Дам, выросший в традиционной семье в клерикальном городке Мендхэме штата Нью-Джерси, говорил, что когда он видит священника в алтаре, он неизбежно думает о гениталиях отца Джима Хэнли[460]).

Стивен передал сестре Крис написанные им молитвы об исцелении. Он хотел, чтобы группа FutureChurch организовала богослужение с молитвой о жертвах. Ей показалось, что это именно то, что нужно: и чтения из Писания, и спиричуэлс, и гимны. Джо Фортуна, преподававший сестре Крис литургику, недавно стал настоятелем церкви Вознесения – того самого прихода, где ранее в приходском доме жили преступники Брюннинг и Бертьем. Отец Фортуна и его помощник Лорел Джурецки помогли Стивену и сестре Крис написать текст богослужения, которое они назвали Служба плача о сокрушенном теле Христовом. 14 октября 2002 года две сотни людей, включая жертв священников и психотерапевтов, собрались на это богослужение[461].

Отец Фортуна начал службу такими словами:

Мы пришли сюда из разных мест…
Мы собрались ради одного: вознести наши сердца и голоса и даже наши тела к Богу
В надежде, что, когда мы возносим их в скорби, но и в вере,
Бог прикоснется к ним, хотя они сломлены,
А мы знаем преображающую и несравнимую силу Божией любви…
Затем хор запел негритянский спиричуэлс «Был ли ты…»:
Был ли ты там, когда они распяли моего Господа?
О, порой это приводит меня в трепет, в трепет, в трепет.
Был ли ты там, когда они распяли моего Господа?

Отец Фортуна, сестра Шенк и некоторые другие мужчины и женщины в одеяниях лежали распростертые перед алтарем – это выражало трепет перед Богом, а также было знаком покаяния перед жертвами священников. Сестра Кристиан взошла на кафедру. «Почему, – начала она, – Бог, которого мы считаем добрым, позволяет невинным детям претерпевать столь ужасные вещи? Как он допустил, что ваше детство прервалось так рано? Как могли вас предать те люди, от кого вы справедливо ожидали

помощи, уважения и мудрого совета о путях Божиих? А вместо этого вы познали страх, ненависть к себе и мучительные сомнения о себе и о Боге, о которых нельзя было говорить».

Все участники богослужения наблюдали за стремительно разворачивающимся скандалом. «Многие из вас, – сказала она, – не были жертвами сексуальных преступлений в детстве или жертвами священников, но мы все ранены и преданы вождями церкви, которые, принимая решения, заботились больше о защите организаций, чем о защите людей. Мы хотим сказать, что это нас повергает в скорбь. Быть может, мы подобны иерусалимским женщинам в Евангелиях, которые смотрели, как Иисуса распинают и как он умирает. Глядя на это со стороны, мы хотим предложить то утешение, которое может дать наше присутствие, наша скорбь, наш плач, наша тоска из-за того, что наши организации сделали с людьми».

Обращаясь к Стивену и другим присутствовавшим там жертвам, она сказала:

> …Да, Бог действительно благ и может исцелить самые ужасные раны, оставленные пережитым в детстве надругательством. Вы более, чем кто-либо еще, знаете, что мы глиняные сосуды, носящие в себе смерть Иисуса. И вы также знаете, что означает этот удивительный дар – носить в себе жизнь Иисуса… И вы свидетели того, что, да, есть бальзам в Галааде, как о том говорится в старом гимне.
>
> Верные знают, что страдания Иисуса кончились не смертью, но воскресением – их концом стала новая жизнь. Один дорогой для меня друг как-то сказала мне: никогда не смотри на крест, если ты не видишь за ним воскресения. Поклоняясь кресту, мы тем самым признаем реальность зла и смерти, но еще в большей мере чтим спасительную силу Бога. Таков путь жизни для каждого верующего, не только для того, кого зло коснулось в виде надругательства со стороны священника или в виде того тяжелого зла организаций, из-за которого подобные преступления могли продолжаться. Все мы движемся к более глубокой и богатой жизни, постепенно выходя из-под власти злых сил через веру во Христа.
>
> Евангелист Матфей говорит о том, как висящий на кресте Иисус, воскликнув, «испустил дух… и вот, завеса в храме разодралась надвое, сверху донизу». Не это ли происходит сегодня и с нами, с теми, кто в церкви? Завеса наших священных структур разодрана, и мы видим, что за ней стоит просто негодная человеческая организация. Но мы хотим, чтобы структуры церкви отражали доброту Бога, которому мы служим, и потому нам надо призывать людей к покаянию, к обновлению и возрождению. Мы верим, что Дух Божий делает все вещи новыми. И мы снова хотим посвятить нашу церковь и наши израненные жизни Христу.

Священники и женщины в одеяниях, исполняющие пастырское служение, возложили руки на собравшихся и помолились об их исцелении.

Диоцезия в столбняке

За три недели до Рождества 2003 года большое жюри присяжных округа выдвинуло обвинение против одного священника в сексуальных преступлениях против детей, а также, независимо от первого случая, против шести мужчин, работавших в Пармедейле, доме для подростков, которым занималось Католическое милосердие. Обвинитель округа Кайахога Уильям Д. Мэсон казался растерянным, когда в беседе с журналистами сообщил, что, как выяснили его сотрудники, изучавшие личные дела, подобные обвинения выдвигались против 145 священников. «Если бы не законы о сроке давности, многие из них предстали бы перед судом», – сказал он. Помощник обвинителя также выдвинул обвинение в препятствовании отправлению правосудия и шантаже против Пиллы и Куинна, однако большому жюри из девяти человек не хватило семи голосов, чтобы выдвинуть это обвинение[462].

Хотя сотрудники Мэсона выявили 145 таких священников в диоцезии, заседания большого жюри носили закрытый характер. Билл Мэсон, крепкий мужчина со светло-рыжими волосами, за которым стояла мощная политическая машина, мог достаточно спокойно отвечать на вопросы перед камерами журналистов, тогда как скромные члены большого жюри несли ответственность за то, что епископ вышел сухим из воды. Законы штата, рассматривавшие сексуальные преступления против детей в первую очередь как социальную проблему, позволяли большинству преступников избавиться от наказания. В Кливленде все происходило намного мягче, чем в Бостоне, где судья открыл личные дела для публики, преступники были названы по именам, готовилось несколько судебных процессов, полтысячи жертв обратилось в суд и кардинал Лоу с большим позором ушел со своего поста.

По иронии судьбы, в Огайо были куда более надежные законы о доступе к материалам архивов. Билл Шейл хотел увидеть список священников, об этом же просил Джим Мак-Карти из *Plain Dealer* и другие журналисты. Шейл подал запрос в офис Мэсона на ознакомление с делами священников. В ответ диоцезия объявила, что подаст на Мэсона в суд, если тот предаст гласности информацию о деятельности большого жюри. «Мы стремимся защитить тех людей, относительно которых ведется расследование, но против которых еще не выдвинуты обвинения», – сказал официальный представитель диоцезии[463]. Занимавшийся вопросом о 145 священниках Мэсон, которому не удалось выдвинуть обвинения против

епископов, сам стал мишенью для церковных юристов, хотя симпатии публики были на стороне Мэсона. Его сотрудники подали прошение в суд с просьбой, чтобы судья Брайен Корриган, надзиравший за работой большого жюри, разрешил назвать имена и дать публике доступ к личным делам. При этом они говорили о «более одной тысячи (1000) возможных жертв и четырехстах девяноста шести (496) возможных преступниках», в основном не из священников[464].

В марте 2003 года финансовое положение диоцезии резко ухудшилось. По сообщению газеты *Plain Dealer* объем поступающих в Католическое милосердие пожертвований снизился на $1,4 миллиона. Если в 1996 году Католическое милосердие имело 104 тысячи индивидуальных жертвователей, в 2002 году их количество сократилось до 79 тысяч. Пилла встречался с сотней работников диоцезии, чтобы вместе с ними договориться о сокращении расходов и зарплат и продаже «неиспользуемой собственности церкви». Епископ винил во всем упадок экономики после терактов 11 сентября и уверял сотрудников, что страхование покрывает оплату труда фирмы Jones Day, которая помогает им справиться с последствиями скандалов[465]. Однако скандалы дорого обошлись еще и потому, что сократился поток пожертвований.

Билл Шейл убедил начальство своего телеканала в необходимости нанять юристов, которые бы подали ходатайство судье Корригану о возможности получить доступ к документам церкви, рассматривавшимся большим жюри. По словам Майкла Мак-Менамина и Кеннета Цирма, юридических консультантов канала WJW – Fox 8, обвинитель Мэсон «перестал бороться за то, что ему кажется справедливым». Если бы «суд высказал простое консультативное заключение о доступе к документам», офис Мэсона получил бы право решать, какие документы необходимо передать в правоохранительные органы. Федеральный закон допускает раскрытие документов большого жюри при наличии весомого основания для этого. Юристы телеканала предложили Корригану руководствоваться тем, что они сообщили.

> Масштабы, распространенность и продолжительность совершения сексуальных преступлений относительно детей в католической церкви как тут, так и по всей стране, наделяют эту проблему общественным и историческим значением. В таких особых обстоятельствах у нас есть весомые основания требовать раскрытия этих документов… Случаи, когда материалы большого жюри становились открытыми, хорошо известны, а Первая поправка к Конституции защищает право на сбор и распространение информации[466].

Обвинитель и диоцезия «могут знать, кто из этих священников и других служащих сохраняет

безнадзорный контакт с детьми, но этого не знает публика, в частности родители этих детей», учащихся в католических школах или участвующих в других программах, сказали юристы. Шейл отправился на восток и взял интервью у прокурора округа Пола Уолша-младшего из Бристоля, штат Массачусетс. Этот прокурор, ссылаясь на соображения общественного блага, назвал имена двадцати священников, на которых поступили заявления, но которые по истечении срока давности не подлежали судебному преследованию. Юристы телеканала ссылались на поступок этого прокурора и на некоторые другие прецеденты:

> В сентябре 2002 года кардинал Уильям Килер назвал имена 83 священников, обвиненных в сексуальных преступлениях в архидиоцезии Балтимора за последние 70 лет. Обращаясь в своем послании к 180 тысячам католических семей, кардинал писал: «Порой страх перед скандалами заглушал в нас стремление к открытости, которое позволило бы предотвратить новые преступления». Диоцезия Кливленда решительно сопротивляется открытости, и даже робкая просьба обвинителя о консультативном заключении резко отличается от той смелости и ответственности, которые продемонстрировал кардинал Килер.

Юристы предложили поручить определенному судебному распорядителю просмотреть все материалы, чтобы убедиться в том, что случайно не будут раскрыты имена жертв или важнейших свидетелей. Суд размышлял над этими вопросами, когда год приближался к концу.

Рождественская сенсация

Важнейшим действующим лицом в финансовой жизни диоцезии Кливленда был легендарный Антон Згозник, молодой человек более метра девяносто ростом, весивший около 120 килограммов. Он был американцем первого поколения в семье, приехавшей сюда из Словении. В школьные годы он был защитником футбольной команды и отличался любовью к цифрам. Он окончил Университет имени Джона Кэррола, где изучал бизнес и бухгалтерское дело, затем в начале 1990-х работал аудитором в диоцезии, после чего основал собственный бизнес, связанный с бухгалтерией и налогами. Джо Смит передавал многие дела посторонним исполнителям: «У нас был слишком маленький штат, чтобы проводить аудит и писать отчеты по сотням объектов. Фирма Антона выросла: он начинал с трех человек, а теперь там работает тридцать. Он работал с нашими счетами на сумму $2 миллиона в год и безукоризненно выполнял свою задачу. Все это документировалось для нашего контролера в соответствии с письмом-соглашением. Наша бухгалтерия постоянно подвергалась аудиту и не вызывала нареканий».

Но аудиторы не видели скрываемых счетов, сделок, не числящихся в платежных ведомостях или фактурах, как того требуют стандартные методики. В каком-то смысле эти неучтенные средства соответствовали маленьким неофициальным фондам приходов, только объем первых был больше – и порой неизмеримо больше.

Совместная работа Смита и Згозника, несмотря на разницу в возрасте в десяток с лишним лет, привела к тому, что они вместе обедали, играли в гольф и иногда ужинали вместе с супругами. Джо Смит научился наступать на горло своим амбициям рядом с Пиллой. Иногда он освобождал от работы дневные часы, чтобы позаниматься спортом со своими двумя детьми, и приходил в офис вечером. Пилла мог положиться на Смита в те моменты, когда надо было решать трудные проблемы. Однажды двое племянников Пиллы пожелали открыть выгодный бизнес, став посредниками в страховании диоцезии. Смит вспоминает об этом: «Тогда я сказал епископу: «Это вас просто погубит». Комиссионные в такой большой диоцезии достигали полумиллиона долларов, и все это документировалось. Даже если здесь все законно, из этого для епископа ничего хорошего не выйдет. Поразмышляв об этом, он сказал: «Сам я не хочу впутываться в это дело – займись этим вопросом». Мне пришлось дать племянникам отказ. Они были недовольны».

Антон Згозник, у которого появился ребенок, не жалея времени, создавал свою компанию. Он безжалостно относился к своим подчиненным, так что многие из них уходили или были уволены. Среди

последних оказался и самый почетный гость на его свадьбе – Зрино Жукич. Он был пониже Антона, но весил почти столько же. Он боготворил Антона. Зрино также получил диплом по бухгалтерскому делу, но придерживался более «свободной» этики труда. Он никогда не относился всерьез к словам об этике, которую ему преподавали, и не заполнял свои налоговые декларации на протяжении нескольких лет[467]. Католические средние школы наняли компанию Антона Згозника, чтобы та занималась их бухгалтерией. Зрино Жукич помогал образовательному отделу диоцезии в качестве нанятого постороннего бухгалтера. Работа его утомляла. Когда Згозник отказался считать Жукича акционером своей компании, последний пришел в ярость, хотя продолжал испытывать к Антону смешанные чувства страха и уважения. Однажды в конце декабря 2003 года в баре в компании нескольких церковных работников, которые также не любили Антона, он мог дать волю своим чувствам. Попивая алкогольные напитки, они вспоминали, как Антон устраивал им рождественские вечеринки: он помыкал ими как тиран целый год, а затем превращался в дружелюбного выпивоху, который искренне желал всем самого наилучшего на Рождество, – становился сентиментальным боссом. Они решили послать Антону такой рождественский подарок, о котором он никогда не сможет забыть.

Джей Милано, адвокат, занимавшийся исками против диоцезии, поданными жертвами священников, получил анонимное письмо, датированное 24 декабря 2003 года. В письме речь шла о «вознаграждениях за консультации» со стороны «крупнейшего поставщика услуг диоцезии Кливленда… господина Антона Згозника». В письме приводилось несколько названий корпораций, которыми пользовался Згозник, а также говорилось кое-что и о Джо Смите.

> Ответственное лицо, нанявшее для выполнения этой работы господина Згозника, не кто иной, как господин Джозеф Смит, получивший таковые вознаграждения через JHS Enterprises ($451 596) и Tee Sports ($226 635), как показывают приложенные материалы…
>
> Фирмы [Згозника] получали по нескольку миллионов долларов ежегодно на протяжении нескольких последних лет за оказание услуг диоцезии, которые, по мнению некоторых, не требуются в той форме, в какой их оказывают консультирующие фирмы, либо не требуются вообще, а иногда составляют нечто среднее между первым и вторым… На протяжении нескольких лет диоцезия платила миллионы в год за ведение бухгалтерии, составление отчетов, работу с компьютерами или консультации, в то время как диоцезия могла бы найти работников, которые выполнили бы эти задачи за малую часть выплаченных сумм. Кроме того, этим, вероятно, можно объяснить тот факт, что в этом году не были повышены

> зарплаты заслуженным работникам диоцезии, и это позволяет понять, почему данный консультант не пользуется уважением среди сотрудников диоцезии. Как я полагаю, диоцезии посоветовали делать выплаты компаниям господина Згозника достаточно малыми порциями, чтобы это не привлекало внимания аудиторов[468].

Джей Милано понял, что держит в руках сенсацию для стражей закона. То же самое подумали Джим Мак-Карти из *Plain Dealer* и Билл Шейл из *Fox 8*: оба они нашли аналогичные письма на своих столах после Рождества. Поскольку Милано был обязан уведомлять о потенциальных преступлениях, он послал копии всех полученных материалов федеральному прокурору и в диоцезию, документы которой неизвестный переслал ему. 6 января 2004 года, в день Богоявления, Пилла вызвал Джо Смита к себе в офис. Оказалось, что туда же епископ пригласил двоих юристов. Стив Созио из Jones Day ранее был федеральным обвинителем и теперь тесно сотрудничал со Смитом, пытаясь справиться с последствиями скандалов вокруг сексуальных преступлений. Питер Кафанья, изучавший право в Гарварде, возглавлял финансовый совет диоцезии, в настоящее время вместе с фирмой Jones Day, и работал корпоративным консультантом в профессиональном спорте. Его лицо выражало страх. «Джо, – начал епископ Пилла, – я должен тебе сообщить об одной ужасной вещи». Здесь Пилла так разволновался, что вышел из комнаты. Стив Созио показал Смиту документы, полученные Милано, и сказал: «Думаю, тебе потребуется хороший адвокат, Джо». Созио надеялся, что внутреннее расследование приведет к разумному решению проблемы. Смит был отстранен от работы, с сохранением за ним зарплаты в течение месяца. Он больше не возвращался на свое место.

Вскоре газета *Plain Dealer* сообщила, что Джо Смит получил $750 тысяч из фирм Згозника от церкви как сторонний исполнитель. Фирма Смита Tee Sports Inc. получила более $225 тысяч как «маркетинговая фирма, занимающаяся организацией соревнований по гольфу», писали Мак-Карти и Джоэл Рутчик. На своем телеканале Шейл рассказывал о диоцезии, которая, не придя в себя после сексуального скандала, столкнулась со скандалом финансовым.

«Смит представлял ложные сведения члену совета финансовых консультантов и юристу диоцезии», – писал адвокат из Jones Day аналитику нью-йоркской страховой компании AIG Technical Services, поскольку диоцезия потребовала выплаты в рамках полиса страхования от преступлений за «бесчестное поведение работника Джозефа Смита». Письмо, которое гораздо позже стало достоянием публики, кратко отражает стратегию, которая была принята в первые месяцы 2004 года:

> В отчетах [для Кливлендской диоцезии] господин Згозник эвфемистически называет сотни тысяч долларов, выплаченных господину Смиту, частью так называемого «пакета жалованья руководящих работников»… Смит, вероятно, заявит, что по крайней мере за часть так называемого «пакета жалованья руководящих работников» несет ответственность отец Райт, который до конца 1999 года занимал пост финансового и правового секретаря диоцезии до Смита. Однако отец Райт решительно отрицает свою причастность к этим делам[469].

В этот момент диоцезия прошла ревизию компании Ernst & Young, результаты которой прилагались к письму[470]. Страховые компании обычно не выплачивают компенсации клиентам, понесшим финансовые потери, без соответствующего вердикта. Тем не менее страховщики в некоторых случаях оплачивают юридические расходы в составе компенсации, поскольку, чтобы доказать факт хищения, нужна работа юристов. Позже церковь заявила, что ее претензии были удовлетворены, но не сообщила, в каком объеме[471]. Как сообщил Смит, по взаимному согласию AIG отказалась от своего права подать иск против виновной стороны, чтобы возместить убытки при страховании. Если бы AIG потребовала предоставить ей документы с материалами против Смита и Згозника, двое ответчиков могли бы потребовать предоставить суду церковные документы. Благоразумный Стив Созио не желал, чтобы события развивались таким образом.

Когда ФБР занимается расследованием сложных финансовых махинаций, на это нередко уходит много времени. Для этого следует собрать множество документов, причем расследования разных дел могут накладываться одно на другое. Федеральные обвинители стремятся собрать всевозможные доказательства, прежде чем приступят к переговорам о признании своей вины (если таковые уместны) или сделают выжимку из материалов, понятную для жюри. Члены жюри смогут лучше оценить неимоверную алчность преступников, если им правильно подать документы дела.

27 февраля 2004 года судья Корриган официально отверг предложение юристов телеканала WJW TV относительно дел 145 священников, сказав, что без процессуального нахождения убедительных улик он не вправе своей властью исполнить пожелание СМИ[472].

На следующий день печальный епископ Пилла проводил пресс-конференцию, посвященную вопросу о том, как диоцезия намерена поступить с провинившимися священниками. Пилла называл цифры, соответствующие конвенции о защите несовершеннолетних, принятой Конференцией епископов США в 2002 году. В это же самое утро в Вашингтоне комиссия Национального совета по защите детей и

подростков, состоящая из двенадцати знаменитых католиков-мирян (включая Леона Панетту и вашингтонского юриста Роберта Беннетта), которым Конференция епископов поручила проанализировать кризис, докладывала о результатах своей работы. Епископ Уилтон Грегори, президент Конференции епископов, сказал слова, попавшие в заголовки газет: «Этот скандал – история»[473]. Епископы начали предавать гласности сведения о преступниках, жертвах и финансовых потерях, которые в виде таблицы приводит Колледж уголовного права имени Джона Джея. На местной пресс-конференции Пилла называл цифры, которые уже были известны исследователям из Колледжа. Пилла заявил, что с 1951 года 117 священников и один диакон обвинялись в сексуальных преступлениях против детей и подростков.

Билл Шейл с телеканала Fox 8 спросил Пиллу, скольким из этих священников епископ дал новые назначения. После 1989 года, ответил Пилла, «примерно троим». (Бертьем покинул диоцезию в 1988 г.) Сделав паузу, епископ добавил: «Я боюсь ошибиться».

«Он лжет, – прокомментировал это Чарли Фелисиано журналисту *Cleveland Free Times*. – Он переводил их за пределы штата и оставлял в диоцезии». По его словам, таких случаев было не менее пятнадцати[474].

Были названы любопытные цифры. Бостонская архидиоцезия согласилась выплатить компенсацию 542 жертвам в размере $85 миллионов. Кливлендская же диоцезия, где насчитывалось 285 жертв священников, заявила, что потратила $14,4 миллиона, выплатив «компенсацию расходов на лечение и юридическую помощь». Три миллиона было потрачено на юристов, диоцезия не сообщила, какую часть из оставшихся $11,4 миллиона пошла на оплату терапии священников. По сравнению с Бостоном жертвы в Кливленде получили жалкие гроши[475].

Колумнист газеты *Plain Dealer* Регина Бретт представила такую картину положения дел 117 неназванных священников и одного диакона, на которых поступили заявления:

> Где эти люди теперь? Согласно тому, что сообщил мне официальный представитель диоцезии Боб Тейек:
>
> • 20 отстранены от работы с сохранением зарплаты на время выяснения вопроса о возможности вернуться к служению.
>
> • 20 занимаются служением.
>
> • 28 умерших.
>
> • 18 уволены.

• 19 служат священниками в религиозных орденах, так что их положение не входит в компетенцию диоцезии.

• Один диакон диоцезии уволен.

• Восемь священников, которых пострадавшие не могут идентифицировать.

Оставшиеся четверо священников либо находятся за пределами диоцезии, либо вернулись к служению, поскольку жалобы на них оказались лишенными оснований. Такова судьба 118 обвиняемых. Однако обвинитель округа Кайахога Билл Мэсон называл другое число – 145 человек. Тейек не знает, кто такие 27 оставшихся. Это знает Мэсон, но закон заставляет его хранить молчание[476].

Таким образом, Куинн, Райт и Пилла давали преступникам новые назначения, защитили большинство из них от судебного преследования, экономили деньги диоцезии при выплате компенсаций жертвам и при поддержке судьи Корригана утаили имена большинства из них и сохранили контроль над теми, которые продолжали служить.

Расплата

В то время как публика теряла уважение к Пилле, епископ вместе с традиционалистами из канцелярии начал бороться против группы FutureChurch. Этим он мог показать, что стоит на защите церкви, он не чувствовал, что обязан чем-либо этой группе. FutureChurch разрослась, в ней уже состояло пять тысяч членов, платящих взносы, у нее был бюджет в $260 тысяч и несколько сотрудников, получавших зарплату, которые готовили образовательные программы и богослужения, посвященные Марии Магдалине, и устраивали дискуссии о будущем священнического служения и о роли женщин в церкви. На протяжении четырнадцати лет епископ Пилла жил сам и давал жить группе, но теперь изменил свое поведение; 1 апреля 2004 года он объявил, что деятельность FutureChurch «не должна осуществляться» в рамках церкви[477]. «Мы и опечалены, и озадачены, – писали Шенк и Трайвизон от имени группы. – За время понтификата Иоанна Павла II количество священников в мире сократилось на 4 %, в то время как число католиков выросло на 40 %». Когда священниками могут стать только мужчины, принесшие обет безбрачия, «целибат занимает более важное место, чем Евхаристия». Они призывали к «вдумчивому обсуждению» вопроса о «неравенстве женщин в Католической церкви».

Когда в Кливленде разгорелся скандал, Шенк воздерживалась от нападений на Пиллу. Покровитель

церкви в городе предал народ, разделявший его убеждения. Когда шум в СМИ усилился, монахиня даже написала Пилле письмо, желая его поддержать. А теперь Пилла сделал FutureChurch козлом отпущения. Освещая этот сюжет, газета *Plain Dealer* опубликовала случайно попавшее к журналистам электронное письмо Шенк к сотрудникам группы. Там она выражалась достаточно резко. Если священники откажутся запретить FutureChurch и если Университет Джона Кэррола и ее религиозный орден дадут им пристанище, «что может сделать диоцезия? Изгнать священников за то, что они разрешили эти дискуссии, когда она не изгоняла священников, растлевавших детей?»[478].

«Меня утешает то, – сказала она Тому Робертсу из *National Catholic Reporter*, – что Иисуса отвергли люди его собственной традиции. И Павла. Его изгоняли из всех лучших синагог Средиземноморья, так что, когда я огорчаюсь тем, что та или иная диоцезия не позволяет мне выступать в ее церквах, я просто напоминаю себе, что подобные вещи неизбежны»[479].

В августе этого года Джо Смит продавал свой дом с пятью спальнями за $579 тысяч, а Чарли Фелисиано, открыв газету, был поражен: оказывается, Смит получил новую работу – стал финансовым директором диоцезии Колумбуса! Фелисиано узнал знакомый стиль действий: как епископы перемещали педофилов на другие места, так они поступают и с расхитителями. В голову Фелисиано пришла еще одна мысль: «Джо Смит имеет немало материалов на Пиллу». По словам газеты *Columbus Dispatch*, епископ Колумбуса Джеймс Гриффин «сообщил, что поговорил с Пиллой о Смите и что викарный епископ Кливленда настойчиво рекомендовал Смита»[480]. Фелисиано знал, что Джимми Куинн и Джим Гриффин вместе учились в семинарии и на юридическом факультете.

По словам газеты *Plain Dealer*, после проведения аудита в диоцезии Кливленда фирмой Ernst & Young страховая компания согласилась удовлетворить страховое требование и компенсировать «ущерб не оговоренного типа». Затем страховщик «подал иск против Смита, чтобы уменьшить сумму своих убытков»[481]. Если 6 января 2004 года Смит солгал – о чем говорится в письме от фирмы Jones Day, считавшей, что речь здесь идет о краже, к страховой компании AIG, – как мог Пилла рекомендовать доверить человеку, уличенному во лжи и хищении, финансы диоцезии Колумбуса?

По словам Смита, AIG никогда не подавала на него в суд.

Как он мог получить работу в Колумбусе после увольнения в Кливленде?

Смит сказал мне, что Мэтт Браун, покидавший свой пост финансовый директор диоцезии Колумбуса и его давнишний друг, устроил ему встречу с епископом Гриффином. Гриффин был первым прелатом,

запретившим в 2002 году Легион Христа и Регнум Христи в своей диоцезии. «Так что я побеседовал с Гриффином, – продолжал Смит. – Он сказал: «Джо, твоя квалификация слишком высока для этого места. Расскажи мне, что произошло». В течение полутора часов я рассказывал ему обо всем. Я хотел найти работу, где платят больше. Мне предложили [в 1996 году] стать членом совета Голубого креста с зарплатой $30 тысяч в год. Пилла меня не отпустил. Джон Райт тоже не хотел со мной расставаться. Он попросил Антона узнать, сколько зарабатывает исполнительный директор на аналогичном посту. И затем он предложил покрыть [разницу] за счет средств, не учитываемых в бухгалтерских книгах. Так пожелал Райт. Когда я закончил свой рассказ, Гриффин сказал: «Я знаю Тони Пиллу. Он создает вокруг себя беспорядок, и ты в этом хаосе запутался»».

Гриффин, уже вышедший на покой, отказался отвечать на мои вопросы, когда я ему позвонил. Но тот факт, что он нанял Смита после всех разоблачений в СМИ, особенно удивителен потому, что *Гриффин изучал право*. И если он продемонстрировал свое доверие Смиту, несмотря на все разговоры о хищении, это означало одно: Гриффин знал, что против Смита не будет выдвинуто официальное обвинение.

Чарли Фелициано подумал еще об одной вещи. Внутренние дела диоцезии напоминали отношения внутри мафии. 5 июня 2005 года он подал иск от имени тридцати семи прихожан Кливленда в суд штата против Пиллы, Смита и Згозника. Они обвинялись в мошенничестве, истцы требовали реституции в размере $1 миллиона и просили обвинителя Огайо провести полное расследование деятельности диоцезии как «благотворительного траста»[482].

Суд отклонил иск на том основании, что «состояние траста не затрагивает личные интересы» клиентов Фелисиано. Тем не менее, судья Стюарт Фридмен сделал важное заключение: «Суд считает, что он вправе рассматривать заявления о неверном распоряжении финансами, даже в тех случаях, если речь идет о действиях иерархической церкви, коль скоро это не затрагивает вопросы веры, догматов и религиозных обрядов»[483]. Расстроенный Фелисиано был, тем не менее, доволен тем, что указал на связи между Пиллой, Згозником и Смитом, который в тот момент работал в Колумбусе.

В январе 2006 года семидесятитрехлетний епископ Пилла, которому оставалось два года до обязательного срока выхода на пенсию, решил уйти на покой. «Настало время перемен», – сказал он в своем заявлении[484].

В конце марта сестра Крис Шенк отправилась в Рим во главе группы тридцати одной паломницы, чтобы посетить места, связанные с первыми веками христианства. В катакомбах св. Прискиллы

сохранилась фреска второго века, на которой женщина преломляет евхаристический хлеб в окружении других шестерых женщин. «Мы хотели бы поговорить с нашими иерархами, – сказала она в интервью для радиостанции NPR, – и рассказать нам о нашем опыте: о том, как мы начали восстанавливать те более гармоничные формы управления, которые существовали на протяжении трех первых веков, когда общинами управляли как мужчины, так и женщины»[485].

Все еще находясь в Риме, 4 апреля 2006 года сестра Шенк узнала о том, что папа Бенедикт поставил епископа Ричарда Леннона из Бостона на место ушедшего Пиллы. Крис Шенк уже кое-что услышала о Ленноне в конце февраля на конференции в Бостоне, где она познакомилась с Питером Борре и некоторыми участниками бдений. Когда один журналист позвонил Борре с просьбой дать комментарий на новое назначение епископа Леннона, тот выпалил: «Да поможет Бог жителям Кливленда». Он не знает случая, чтобы эти слова кто-либо публично цитировал.

10

Суд и изъятие

Во второй раз Ричард Леннон принял руководство диоцезией, оказавшейся в грустном положении из-за нечестных епископов, покрывавших преступных священников и дурно обращавшихся с финансами. Наставник Леннона кардинал Лоу оставил после себя воронку, засасывающую деньги, и хотя архиепископ Шон О'Мелли теперь сам стал кардиналом, Бостонская диоцезия все глубже погружалась в пучину долгов. В Кливленде Леннона ждала иная ситуация. Несмотря на скандал вокруг сексуальных преступлений духовенства и трудное финансовое положение, многие люди продолжали с уважением относиться к Пилле за его пастырскую доброту и заботу о церкви в городе. Удалившись на покой в свой родной город, епископ Пилла продолжал служить мессы, а в это время ФБР расследовало дела Джо Смита, Антона Згозника, пытаясь разобраться в путанице финансовой жизни диоцезии.

Несмотря на царившую в городе нищету и несвоевременное техобслуживание в новой диоцезии Леннона, бюджет Католического милосердия в Кливленде составлял $92 миллиона, в три раза больше, чем в Бостоне. Социальные программы позволяли епископам часто выступать в газетах и посещать различные мероприятия, где можно было встретиться с жертвователями и политиками. Епископ Леннон был интровертом. Хотя он появлялся на публике, он обычно садился за работу еще до рассвета и порой засиживался за столом до 11 вечера. Он был резок в общении с людьми, а типичный бостонский акцент не сулил окружающим ничего доброго. Однажды на встрече со священниками он говорил почти три часа без остановки, не давая собравшимся вставить слово. Большинство священников считало Пиллу теплым и доступным епископом, Леннон же был холодным, хотя готов был трудиться не покладая рук.

Леннон появился в тот самый момент, когда публика постепенно начала узнавать горькую правду о церковных финансах. 16 августа 2006 года федеральное большое жюри выдвинуло официальные обвинения против Антона Згозника и Джозефа Смита (которому затем пришлось покинуть пост финансового директора диоцезии Колумбуса) в отмывании денег, мошенничестве с использованием почты и уклонении от уплаты подоходного налога. В первую очередь это обвинение было связано с тем моментом 1996 года, когда отец Джон Райт (в материалах обвинения он упоминался только как «служащий диоцезии, отвечавший в то время за финансовые и правовые вопросы») согласился выплатить

Смиту $270 тысяч сверх его зарплаты, чтобы тот оставался на своей работе. В обвинительном заключении говорилось следующее:

> Участники сделки договорились о том, что, получив эти деньги, СМИТ отказывается от претензий на повышение заработной платы в течение ближайших пяти лет за исключением повышения, связанного с увеличением прожиточного минимума. ЗГОЗНИК стал участником сделки, он убедил служащего, отвечавшего за финансовые и правовые вопросы, осуществить эту выплату и участвовал в переводе средств диоцезии в соответствии с договоренностью[486].

По словам газеты *Plain Dealer*, адвокат Райта заявил, что его клиент был «введен в заблуждение» и «пострадал из-за своего доверия людям, которые этим доверием злоупотребляли». Нельзя сказать, что Райт «повысил зарплату Смиту, посоветовав тому хранить деньги в секретном фонде и никому о том не говорить».

> По словам обвинителей, между 1996 и 2003 годом компании Згозника получили от диоцезии $17,5 миллиона. Затем Згозник перевел $784 тысячи на счет компаний Смита. По мнению обвинителей, это была незаконная выплата доли соучастнику[487].

Ознакомившись с этим заключением, Чарли Фелисиано усомнился в его справедливости. Неужели Антону нужно было «убедить» отца Райта, который обожал Смита и играл с ним в гольф, пойти на эту сделку? Райт руководил церемонией бракосочетания Антона и крестил его сына. Хотя Фелисиано был рад тому, что колесо юстиции наконец пришло в движение, обвинение, в котором отец Райт выглядел жертвой, казалось Чарли неадекватным. У диоцезии для выплаты налогов в связи с некоммерческой деятельностью существовал особый инвестиционный счет. Соответствующие чеки подписывали только двое людей: Джо Смит и отец Райт.

Каждое обвинение создает свою картину происходящего. На основании материалов расследования обвинители создают определенную историю, которую слышат судья и присяжные. Обвинители намечают ключевых свидетелей и важнейшие документы, на которых будет основываться дело. При необходимости каким-то свидетелям дают статус неприкосновенности. В типичных случаях лучшими свидетелями оказываются жертвы, ставшие очевидцами самого преступления или этапов его подготовки, либо соучастники преступления, желающие избежать тюрьмы. Если отца Райта «ввели в заблуждение», почему же Пилла спокойно смотрел на то, как Смит, изгнанный из Кливленда, переходит на пост финансового

директора диоцезии Колумбуса?

Католическое милосердие и Католический фонд диоцезии Кливленда сделали совместное заявление о том, что их «средства расходовались на помощь детям, престарелым, бедным и на другие важные служения». Они привели соответствующие финансовые отчеты. Диоцезия заявила, что готова во всем сотрудничать с федеральным прокурором и что она «занимается восстановлением растраченных средств… Предположение о том, что диоцезия Кливленда или ее руководители одобряли упомянутую в обвинении сделку или знали о ней, совершенно неверно»[488].

Программа Леннона

30 января 2007 года епископ Леннон, его пресс-секретарь и монахиня, служащая в диоцезии, встретились с основателями FutureChurch Лу Трайвизоном и сестрой Крис Шенк, а также двумя другими членами группы. Через эту встречу FutureChurch желала вступить в дискуссию о сохранении приходов и установить связи с епископом, чтобы избежать потенциальных конфликтов или запретов. В последний год Пиллы диоцезия вынудила группу оставить арендованные ею помещения в приходе Св. Марка, так что ей пришлось переместить свой офис, который теперь помещался в пригородном городе Лейквуде, где он располагался на первом этаже большого здания.

Епископ Леннон слушал, кивая головой, сестру Крис, ссылавшуюся на данные национального исследования, согласно которым 40 процентов приходов после слияния теряют своих членов, тогда как церкви, оставшиеся открытыми под управлением «приходских директоров», демонстрируют лучшие результаты[489]. Когда она закончила, Леннон заметил: «Я нахожусь в Кливленде уже восемь месяцев. Почему я не встречал вас раньше?» Сестра Крис не могла понять, что это было – угроза или комплимент, – и решила, что это просто риторический вопрос. Проблема, сказал епископ, заключается *не* в дефиците священников. «Это проблема демографии и финансов». (В Бостоне, где диоцезия погрузилась в пучину долгов, он сказал отцу Джосоме и его прихожанам, что проблема не в деньгах. В Кливленде он заговорил иначе.)

Шенк и ее коллега Эмили Хог напомнили епископу вывод комиссии в диоцезии, изучавшей приходскую жизнь, о важности проблемы нехватки священников. Проблема *не* заключается в дефиците священников, повторил Леннон, – 42 процента приходов Кливленда убыточны, *вот в чем* проблема. Когда двое священников обслуживают десять тысяч верующих в пригороде, а в то же время четырнадцать служат в центре города, где прихожан значительно меньше, ему надо задуматься о перестановках. Шенк заметила, что городские приходы важны для жизни окружающих кварталов, и что они могут существовать с помощью координаторов пастырской деятельности из подготовленных мирян и монахинь. Леннон привел пример трех приходов, которые согласились произвести слияние. «Люди благодарны мне за это», – сказал епископ. В то же время, продолжал он, другой приход растратил свои сбережения в размере $218 тысяч. Разве это разумно?

За три года до прибытия Леннона в Кливленд диоцезия приступила к осуществлению программы

«Живой приход», в рамках которой члены расположенных рядом приходов встречались в малых группах, чтобы оценить свои удачи и нужды. Закрытие приходов в Бостоне проходило в три этапа: кластеризация приходов, их слияние, изъятие закрытых. Леннон, готовый отстаивать свою позицию, приводил аргументы, опровергавшие мнения гостей, хотя при этом обращался с ними уважительно и не был слишком резким. Шенк утешало уже то, что он не обвинял группу в отходе от учения церкви, как это делал Пилла, когда разгорелся скандал. Одновременно ей казалось, что сейчас Леннон отрабатывает свои аргументы, которые пригодятся ему в будущем. Иногда, сказал Леннон, нужен человек, приехавший из другого места, который может вернее оценить ситуацию свежим взглядом. В Бостоне под его руководством произошло закрытие или слияние шестидесяти двух приходов, при этом посещаемость месс упала только на 2 процента! Некоторые католики в Бостоне были ему *благодарны*.

«Ни один из тех, с кем я говорила», – подумала про себя сестра Крис.

Леннон завершил встречу, сказав, что отведенное на нее время истекло.

Несколько дней спустя католическая диоцезия Кливленда опубликовала свой финансовый отчет. В 2006 году в диоцезию поступило $269,2 миллиона, на $6,4 миллиона больше, чем в прошлом году. Диоцезия существовала без убытков. Сборы пожертвований принесли ей $106,1 миллиона, на 2 процента больше, чем в прошлом году; по словам Дэвида Бриггса из *Plain Dealer*, это был «самый высокий показатель после 2002 года, когда церковь переживала последствия скандала вокруг сексуальных преступлений духовенства». Однако при этом у приходских школ образовался дефицит в размере $26 миллионов. Расходы как богатых, так и бедных церквей выросли на 3,8 процента, в то время как доходы снизились на 2,4 процента. Тем не менее по сравнению с катастрофическим финансовым положением Бостона или диоцезии Нового Орлеана после урагана Катрина и затопления 80 процентов территории города ситуация в Кливленде выглядела достаточно надежной. Бриггс проанализировал проблемы диоцезии.

> Увеличение числа убыточных приходов на более чем 20 процентов указывает на неравномерное распределение средств. Многие приходы в городах или ближайших пригородах, которые пытаются сохранить свои начальные школы, сталкиваются с большими трудностями. Поскольку сейчас активно проводится кластеризация – интеграция пяти-шести расположенных рядом приходов, – мы видим смешанную картину относительно финансов.
>
> Кластеры приходов будут разрабатывать планы совместного служения. Их ждут разнообразные

изменения: от «мигающего» расписания богослужений до закрытия или слияния некоторых приходов и школ[490].

16 января 2007 года по государственному каналу PBS в рамках цикла «Передняя линия» показывали документальный фильм Джо Культреры «Рука Божия», отражавший долговременное влияние бостонского кризиса на семью Культреры, начиная с его брата, ставшего жертвой священника-педофила, и заканчивая отчаянием его родителей после того, как архидиоцезия приняла решение о закрытии прихода в Салеме. Когда репортер Билл Шейл смотрел этот фильм, его внимание привлекли кадры, которые начинаются с того, что Леннон в священническом воротничке протирает свои очки. Просмотрев фильм, Шейл добился разрешения показать этот эпизод по каналу *Fox 8*, и на этом закончился период идиллических отношений между Ленноном и СМИ Кливленда.

Далее Леннон выходит из кадра, и камера показывает низенького бородатого парня в бейсболке – это Джо Культрера, стоящий на фоне канцелярии Бостонской диоцезии. «Я хочу здесь поснимать, – говорит Культрера Леннону. – Я делаю фильм о моей семье и о церкви… и мне нужны эти кадры. Десять лет назад в это здание вошел мой брат, чтобы подать заявление на священника. Вы не будете возражать, если я здесь поснимаю?»

– А вы знаете, сэр, что это частная собственность? – спрашивает Леннон, который на голову выше оператора. На этом этапе в фильме еще не упоминается его имя.

– Я двенадцать лет проучился в католической школе, – ответил Культрера.

– Это не дает вам права…

– Моя семья вложила в церковь массу денег.

– Нет, нет, это не имеет никакого отношения к тому, о чем мы говорим, – отвечает Леннон, отворачиваясь и махая руками, как будто он понял, что продолжать разговор бесполезно.

Рассерженный Культрера повторяет слова епископа его же тоном: «Это не имеет никакого отношения ни к чему. Важно только одно: брать, брать и еще раз брать».

– Сэр, – говорит, повернувшись к собеседнику, Леннон ледяным тоном, – если вы пытаетесь испортить мне настроение, у вас этого не получится».

– Я знаю, что таким, как вы, трудно испортить настроение – вы вообще ничего не чувствуете.

– Это неправда. Говорите, что пожелаете. Важно одно: тот человек [оператор] должен удалиться.

– Он спросил об этом у меня, и я сказал: «Не беспокойся. Иди и смело снимай».

– Как будто бы *вы* имеете право этим распоряжаться, – заметил Леннон.

– Да, я имею такое право.

– Нет, вы…

– Не менее, чем *вы*. Сколько денег вы вложили в церковь?

– Это, уж извините, это…

– Моя семья содержала церковь. А вы – только брали от нее.

Леннон снова повернулся, намереваясь удалиться.

– Вы уходите, – говорит Культрера, – и это понятно: вам нечего на это ответить.

Леннон снова поворачивается к собеседнику: «Сэр, это вам нечего сказать. Вы ни за что не платили. Ваша семья ни за что не платила».

– Мы платили за нее нашими душами и деньгами из наших карманов! – восклицает почти как в театре Культрера.

– *Да ну*, – насмешливо произносит Леннон.

– И теперь расплатились нашей церковью…

– Очень мило, – отвечает презрительно епископ.

– Вы забрали нашу церковь.

– Как мило. Удивительно. Сэр, все это ваши фантазии. Бедняга. На вас жалко смотреть.

Леннон направился к себе в офис. Культрера бросает ему в спину свою реплику: «Это вы бедняга на вашем посту. Вы заслуживаете жалости куда больше»[491].

Затем зритель видит дом родителей Культреры в Салеме. Его родные понимают, что Джо разговаривал с епископом Ленноном, архитектором реконфигурации, который закрыл их приход.

Перед показом этих кадров в Кливленде Билл Шейл попытался встретиться с Ленноном, но тот отказался давать интервью. Диоцезия опубликовала официальный комментарий епископа:

> Я вышел на улицу, чтобы попросить людей удалиться с частной территории. В процессе разговора никто из нас не представлялся, так что мы говорили с ними об одном: о том, что им необходимо уйти. Надо мной насмехались, все это выглядело крайне непрофессионально, вот и получился тот диалог, который вставили в документальный фильм.

Камера может застать неподготовленного человека врасплох. Быть может, Леннон действительно не понимал, что здесь делает съемочная команда. Культрера поспособствовал драматическому развитию

событий своими словами: «Десять лет назад в это здание вошел мой брат, чтобы подать заявление на священника. Вы не будете возражать, если я здесь поснимаю?» К тому моменту Леннон уже встречался с некоторыми жертвами бостонских священников, но тут, рядом со зданием канцелярии архидиоцезии, он не нашел ни слова сочувствия по поводу брата Культреры. И он даже не слишком заботился о том, что будет запечатлено камерой. В конце концов, почему бы *не* разрешить парню в бейсболке поснимать снаружи здание, которое мелькало на экранах телевизоров тысячи раз? Вместо этого Леннон вступил с ним в ненужный спор, как если бы он обращался к прихожанам, занимавшим бостонские церкви, которые он хотел продать: «*Это частная собственность!*» – и потому превратился в агрессивного грубияна.

Через несколько дней после демонстрации этого эпизода по *Fox 8* Леннону, вероятно, было не просто прийти в Городской клуб Кливленда, где он должен был выступить с речью. Прошло одиннадцать лет с тех пор, как Пилла негодовал здесь по поводу разрастания региона и отстаивал важность присутствия церкви в городе. Мог ли Леннон произвести хорошее впечатление на элиту Кливленда? «Епископ занимается великим множеством внутренних вещей, – начал он. – Он проповедует и учит, совершает таинства и оказывает пастырскую помощь… Мое сегодняшнее выступление будет называться так: «Церковь движется вперед»». Стенограмма речи Леннона показывает, что он говорил экспромтом или, возможно, пользуясь заметками. Он говорил неуклюжими предложениями:

> Конечно, есть одна вещь, которая беспокоит меня и беспокоит многих людей, думающих сегодня о церкви, которой нужны образование, формирование людей в рамках католической общины…
>
> Нам требуется надежное религиозное образование, которое могут осуществлять приходы в рамках своих молодежных программ в католических школах, и особенно – о чем все больше напоминает Конференция католических епископов США – образование и формирование взрослых. Всем нам, членам католических общин, крайне важно знать нашу веру, чтобы мы могли жить в ней во всей возможной полноте[492].

Сказав, что в религиозном образовании взрослых «не существует легких путей», Леннон заговорил о проблеме священнических призваний. Он сказал, что участники программы «Живой приход» выделили здесь две фазы:

> Во-первых, члены приходов должны вместе поразмышлять об активности, жизнеспособности, энергичности своих приходов, чтобы действительно понять, кто они такие и чем занимаются. Это

подготовит их ко второму этапу, когда приходы начнут сотрудничать, чтобы сделать свою внутреннюю жизнь богаче и лучше.

Многих беспокоят последствия кластеризации. За последние полторы недели, после выхода посланий, мы получили только четыре ответа: два с поздравлениями, один с вопросами и один с предложением пересмотреть наши планы.

Как я полагаю, столь низкая активность отражает то, как идут соответствующие процессы, и уважение к просьбам различных приходов относительно того, с кем они окажутся в одном кластере.

В большинстве случаев при кластеризации учитываются пожелания приходов. Я надеюсь, что это даст возможность всем приходам и всем их членам обогатить свою католическую жизнь… И кластеризация при доброй воле и активном участии людей действительно создаст условия для осуществления мечты епископа Пиллы о церкви, обретшей новые силы и получившей возможность идти вперед.

Вернувшись к вопросу о «взаимодействии церкви с обществом», Леннон дал оценку состоянию системы католического образования:

По нашему пониманию, школы – особенно в городе, хотя не только тут, – должны не просто давать образование, но и открывать перед людьми новые возможности… Я уже посетил двенадцать католических средних школ, во многих из которых учится немало некатоликов, и могу с удовлетворением отметить, что они вносят важный и значимый вклад в общественную жизнь. Но это ставит перед нами, перед церковью, проблему – сможем ли мы продолжать это дело на фоне нехватки ресурсов и кадров? Я бы лично хотел, чтобы это дело продолжалось и чтобы мы всегда могли вносить тот вклад, что вносим сегодня.

Затем епископ поговорил о Католическом милосердии с его огромным бюджетом; чувствуя себя здесь увереннее, он рассказал о некоторых программах и поблагодарил некоторых присутствовавших участников комитетов «за все, что они сделали… благодаря чему мы как диоцезия можем вносить свой вклад в общественную жизнь».

Епископ Леннон процитировал Писание, чтобы передать свои представления о вере.

Двигаясь вперед, мы как диоцезия находимся в двояких взаимоотношениях, как я это понимаю. Во-первых, я как епископ призываю католическую общину углубить свои отношения с Богом. Мы прежде

всего – религия. Мы – община веры. Поэтому для меня как епископа важны отношения с Богом, которые, в свою очередь, животворно действуют на людей, так что они могут, в свою очередь, жить в верных отношениях со своими братьями и сестрами наших восьми округов. Когда Господа нашего спросили о том, какая заповедь самая главная, он лаконично ответил: люби Бога и люби своего ближнего. Эта задача стоит перед нами и сегодня. Она стоит передо мной как главой католической общины – мне надлежит трудиться над углублением этих отношений в церкви, чтобы мы могли еще вернее исполнять доверенную церкви миссию, чтобы Царство Божие наступило и на земле, как на небе.

Затем епископ отвечал на вопросы. Кто-то спросил, не означает ли кластеризация, что центр тяжести сместится от города в сторону «пригородов и сельских приходов». «Не думаю, – ответил епископ, – что в результате одно пострадает за счет другого: я имею в виду, как вы понимаете, идею церкви в городе. Когда я приехал к вам, первым делом я изучил все эти документы… Не думаю, что кластеризация приходов в каком-то районе города будет мешать отношениям с загородными приходами… Думаю, две эти вещи могут мирно сочетаться одна с другой». Отвечая на другой подобный вопрос, он сказал: «Финансовый отчет диоцезии в этом году, разосланный всем, показывает, что сорок два процента [приходов] убыточны. Так что следует провести кластеризацию хотя бы к середине лета, если не раньше. Я всегда говорю, что для этого у нас есть три причины. Во-первых, это демографические изменения; во-вторых, это вопрос финансовой жизнеспособности; в-третьих, это снижение количества священников».

Таким образом, Леннон здесь признал важность того фактора, о котором он не желал говорить с руководителями группы FutureChurch: нехватка священников *действительно* представляла проблему.

Суд над жертвами

Судья Энн Олдрич, которая должна была председательствовать на процессе по делу Смита и Згозника, начала работать в федеральном суде в 1980 году по назначению президента Картера. Она изучала право в Нью-Йоркском университете, работала в Федеральной комиссии по связи и уже двадцать семь лет прослужила в федеральном суде. Скоро ей уже должно было исполниться восемьдесят лет. Считалось, что она симпатизирует либералам и ее особенно заботят гражданские свободы, тем не менее, она отвергла просьбу адвоката Згозника и не пожелала узнать, дало ли обвинение кому-либо из свидетелей статус иммунитета.

Другим своим шагом Филип Кушнер, адвокат Смита, желавший навести ясность, затронул болевую точку диоцезии. «Обвинение не ставило вопрос о том, имел ли отец Райт право выплатить дополнительную компенсацию Смиту, либо не заносить ее в бухгалтерские документы [диоцезии], либо скрывать факт выплаты от других служащих диоцезии». Кушнер не оспаривал того факта, что Смит получил компенсацию в $270 тысяч вне бухгалтерского учета. Смита обвиняли в том, что он получил другие деньги в размере $784,624 тысячи. «Никто не вводил в заблуждение отца Райта», – заявил Кушнер.

> [Райт] – юрист, хорошо разбирающийся в финансовых вопросах. С помощью организаций Згозника он выплачивал компенсации и другим сотрудникам диоцезии, которые также не были отражены в бухгалтерских документах [диоцезии][493].

В 1996 году, когда Райт отвечал за финансовые и правовые вопросы в диоцезии, он также стал генеральным директором Ассоциации католических кладбищ, в которой работало 170 служащих в семнадцати разных местах. Оставив канцелярию в 2000 году, Райт целиком посвятил себя работе в Ассоциации. «Кладбища – это просто золотое дно», – сказал мне Чарли Фелисиано, пожав плечами. Люди покупают места, умирают, за ними следуют их близкие. Заявление Кушнера показало, что адвокат нашел ключи к разгадке кое-каких тайн. Более того, агент ФБР написал краткий отчет о своей беседе со Зрино Жукичем, где говорилось следующее:

> Деньги были переведены Смиту потому, что его пригласили занять место в совете директоров компании Blue Cross Blue Shield и других, однако епископ Пилла не позволял ему этим заниматься. По этой причине Смит собирался уйти из диоцезии, пока у него есть возможность заниматься другим более

доходным бизнесом. Далее Жукич сообщил, что Мэрилин Руан, секретарша Ассоциации кладбищ диоцезии, получала деньги от Resultant Corporation, хотя и не работала там. Руан была возлюбленной отца Райта[494].

«Джон любил Мэрилин, – деловито сообщил Смит. – Я занимался налоговыми декларациями Мэрилин. Джон познакомился с Мэрилин в церкви Св. Бернардетты. Я всегда полагал, что после смерти отца он оставит священство и вступит с ней в брак, но он остался священником».

«Для защиты в данном случае очень важны ответы на вопрос о том, полагал ли господин Згозник, что он вправе переводить деньги господину Смиту, и о том, знала ли диоцезия об этих выплатах», – писал Роберт Ротатори, адвокат Згозника, в другом запросе, касающемся доказательств. «Значительная часть» денег при некоторых выплатах «предназначалась отцу Райту», поскольку «его подруга… нуждалась в работе»[495]. Мэрилин Руан начала работать в Ассоциации кладбищ в 1997 году с зарплатой $31,5 тысячи в год, которая к 2004 году выросла до $81 тысячи; об этом насмешливо писал в *Cleveland Scene* журналист Билл Фрогамени: «Эта сумма кажется слишком большой для религиозной организации, существующей на пожертвования старых леди. Руан не пожелала обсуждать со мной этот вопрос: «Мне не хочется говорить об этом, – сказала она сладким голосом в ответ на звонок, – но спасибо, что вы позвонили»[496].

Какой бы характер ни носили отношения между Райтом и Руан, по утверждению Кушнера, он помог ей найти работу и переводил ей деньги через своего субподрядчика. Кушнер заявил, что в диоцезии «выплата добавочных компенсаций служащим», не учитывающихся в документах, была обычной практикой, и таким образом деньги получали «многие из свидетелей по данному делу, включая отца Райта… и епископа Пиллу». Джон Райт и Джо Смит некогда играли вместе в гольф, иногда приглашая и Антона Згозника. Теперь же каждый защищал сам себя. Смит откровенно рассказывал о клерикальной культуре взаимопомощи и ее нездоровой этике, чтобы выгородить себя. Кушнер желал ознакомиться с документами о проверке диоцезии Налоговой службой в конце 1990-х, поскольку, говорил он, «Налоговая служба сделала вывод, что официальный орган диоцезии «Бюллетень католической вселенной» систематически скрывал информацию о дополнительных заработках отдельных служащих» – все эти данные также не отмечались в бухгалтерских книгах. В ходе поиска доказательств Кушнер заявил, что диоцезия уничтожила некоторые бумаги, хотя это обвинение осталось недоказанным. В ответ на свои запросы он не мог получить всех документов, нужных для защиты клиента[497], но у него создалось стойкое впечатление, что Пилла получал деньги от бывшего игрока футбольной команды Джо Смита:

> На имя Энтони М. Пиллы открыт благотворительный счет, на котором в активе находится более $500 тысяч… Эти средства не отражались в бухгалтерских документах и отчетах диоцезии. Епископ Пилла снимал деньги с этого счета и использовал их для своих целей так, что и операции со средствами, и их использование оставались тайной[498].

Стивен Созио, юрист из компании Jones Day, заявил, что Кушнер просто занимается поиском «жареных фактов». И действительно, Кушнер нашел нечто такое, что могло сильно заинтересовать журналистов: «После появления официального обвинения по данному делу епископ Пилла подал в отставку, заполнив исправленную налоговую декларацию, которая отражала некоторые его действия с данным счетом». Пилла выписал чек, подлежащий оплате наличными, на $180 тысяч и вложил эти средства в диоцезию, утверждает Кушнер. Диоцезия отрицала «грязные обвинения» Кушнера. Но несмотря на сопротивление церкви, образ Пиллы как дружелюбного пастыря сменился иным образом епископа, живущего как настоящий повелитель своих подданных. Журналист Майк Тобин, проследивший за судьбой суммы в $78 тысяч, которая, по словам адвоката Кушнера, «была секретно переправлена» епископу, писал:

> [Деньги] пошли на оснащение и ремонт огромного дома в округе Гиога, который выполнял предназначение места для отдыха. Пилла сохранил за собой множество домашних вещей – включая огромный телевизор – после продажи диоцезией особняка с 30 акрами земли в Мансоне в 2003 году. Носильщики доставили мебель и другие вещи в дом Пиллы на Кливленд-Хайтс…
>
> Пресс-секретарь диоцезии Боб Тейек заявил, что ремонт и оснащение дома в Мансоне были совершены за счет частных пожертвований. После продажи дома его мебель и другие вещи перевезли в разные офисы диоцезии, в собор Св. Иоанна и в резиденцию Пиллы на Кливленд-Хайтс, доставшуюся епископу по наследству после смерти матери.
>
> «Диоцезия обязана обеспечить епископу место для проживания после его ухода на покой», – сообщил Тейек.
>
> Дом в Мансоне в 1995 году подарил диоцезии Ларри Долен, нынешний владелец компании Cleveland Indians, который предложил использовать его для отдыха епископа Кливленда. Предполагалось, что домом будет пользоваться любой священнослужитель, ставший епископом Кливленда, а не только Пилла, сообщил Тейек[499].

В 2003 году диоцезия продала этот дом за $696 тысяч компании, которой управлял Питер Карфанья, член совета Фонда католической диоцезии Кливленда и опытный юрист, работавший в сфере профессионального спорта. По словам Тейека, $383 тысячи, потраченные на ремонт и другие работы в особняке, были взяты из частных пожертвований. Джим Мак-Карти из *Plain Dealer* провел расследование относительно дома и опубликовал его предварительные результаты[500]. Журналист поговорил с одним из братьев Долана, который там вырос. Вот что сказал мне Мак-Карти: «Я устроил нечто вроде охоты на Мэтта Долана, юриста и бывшего помощника обвинителя округа, и спросил его, как было принято решение о передаче дома диоцезии. Долан ответил, что изначально предполагалось устроить здесь дом для духовных упражнений или для престарелых священников диоцезии, хотя эти положения не были записаны ни в каком контракте».

Джо Смит сообщил мне следующее: «Пилла считал, что он как епископ имеет право на владение этим домом. Здесь с ним могла бы жить его мать. Семья Доланов была возмущена, и не без оснований: предполагалось, что здесь священники смогут отдохнуть от своих приходов и расслабиться – это дом в лесу с шестью спальнями на втором этаже, с озерком, по которому можно плавать, и теннисным кортом. Пилла хотел сам владеть этим домом. Я специально встречался с Пэтом Мак-Картеном, Джеком Ньюменом [еще одним важным партнером Jones Day] и Питером Карфаньей, чтобы обсудить, как это можно сделать так, чтобы все мы потом не оказались полными свиньями в глазах людей. Это было чертовски трудно. Пилла всегда мог пользоваться особняком, но он боялся, что, когда сюда прибудет новый епископ, старого отсюда попросят. Он хотел переписать дом на свое имя. Затем про это пронюхала пресса, и нам пришлось продать дом. Думаю, Питер Карфанья хотел тем самым помочь Пилле, оказавшемуся в трудной ситуации. Пилла сказал мне: «Позаботься о том, чтобы все здесь было чисто». Я проводил целые дни в этом несчастном особняке, чтобы убедиться, что все чисто, что счета оплачены, и чтобы наблюдать за ремонтом, которым занимался Джимми… Пилле нужен был человек, на которого можно положиться. Он так сильно беспокоился о своем имидже».

Эти события глубже освещены газетой *Plain Dealer*. «Благотворительный счет на имя Энтони М. Пиллы на самом деле был не секретным фондом, но личным счетом бывшего епископа, где тот хранил свои сбережения». – писал Майк Тобин, говоря о фонде с активами более чем на $500 тысяч. Стивен Созио из фирмы Jones Day, работавший на диоцезию, утверждал, что Джо Смит стремился «поставить под удар епископа Пиллу, заявив, что сделки… относительно которых он консультировал епископа, были

сомнительными, хотя это не так».

Почему же тогда счет Пиллы оставался тайной? Как объяснить существование многих секретных счетов? И каким образом епископ накопил сбережения на сумму, превышающую полмиллиона?

«Смит не опасался получать дополнительную компенсацию по таким каналам по той причине, что подобный инвестиционный счет был и у епископа Пиллы», – писал Кушнер, предполагая, что епископ спокойно относился к тайным выплатам денег своим служащим высшего звена.

14 июня 2007 года судья Олдрич постановила о выдаче диоцезией многих финансовых документов, которые требовали представители защиты, хотя туда не входили результаты проверки Налоговой службой. Среди прочего там были документы о выплате $27,2 тысячи семье диакона, который потерял свою работу в школе из-за того, что он приставал к девочкам. Там также были бумаги о выдаче ссуды на сумму $60 тысяч из фондов церкви одной секретарше, причем сделку одобрил отец Райт. Юристы Jones Day называли Пиллу и Райта *жертвами*, Кушнер заставил всех в этом усомниться.

Судья Олдрич кратко сформулировала важнейшие вопросы грядущего процесса следующим образом:

> «Позиция защиты такова: собранные доказательства не только угрожают репутации епископа Пиллы, отца Райта и Диоцезии, но *также* и *прежде всего* позволяют опровергнуть показания епископа Пиллы и отца Райта, утверждающих, что данная сомнительная схема выплаты денег не могла получить их одобрения, действовала без их одобрения и ни в коей мере не соответствует общепринятым спорным практикам Диоцезии»[501].

«Епископ Пилла, отец Райт, Джо Смит – все они причастны к хищению, – заявил Чарли Фелисиано репортеру *New York Times*. – Это корпоративная культура, пропитанная коррупцией почти на всех уровнях»[502]. Фелисиано огорчало то, что против Пиллы и Райта не было выдвинуто официальных обвинений, но утешало то, что отвергнутый гражданским судом иск о мошенничестве в благотворительных фондах, которым он занимался, теперь породил уголовный процесс федерального уровня.

Тут обвинение столкнулось с трудным юридическим вопросом: вправе ли оно использовать в качестве доказательств аудиозаписи?

В январе 2004 года, когда диоцезия боролась за свою жизнь и пыталась сохранить свои материалы в тайне, Антон Згозник находился в Лас-Вегасе на конференции. Здесь он услышал удивительную новость о том, что Джо Смит вынужден покинуть диоцезию, и в первую очередь позвонил священнику, который

благословил его брак и крестил его сына – отцу Райту, который сообщил ему, что нанял адвоката. «Держись, – вспоминает он слова священника. – Помни, что Джо работал на тебя». Антон Згозник как бы остался в одиночестве на необитаемом острове.[503] Когда он связался со Зрино Жукичем, оба они понимали, что оказались в опасном положении. 12 января, два дня спустя после получения новости, Зрино спрятал в своем правом носке цифровой диктофон. Как он признался позже, Антон «был таким человеком, что он мог попытаться перевалить всю вину на меня»[504].

Они встретились на автостоянке, что уже само по себе не предвещало ничего доброго.

«Козлы вонючие, – прорычал Антон, обращаясь к Зрино, – вот что происходит, когда никто ни с кем не разговаривает. Хорошо, Джо заявит, что так мы оплачивали его консультации». Антон сообщил по секрету, что работавший на диоцезию юрист Стив Созио спрашивал его, почему он заплатил Джо Смиту столько денег. Разумеется, мы с тобой никогда не получали отката», – сказал Антон. «Нет», – ответил Зрино.

– Это было жалованье, достойное руководителя, – продолжал Антон. – именно это нам и следует говорить.

– Конечно.

– За этим стоит отец Райт. Ты знаешь об этом не хуже меня.

– *Правда*? – выпалил Зрино Жукич.

– Мы оказались в их играх и попались, – сказал Згозник, понимая под «ними» диоцезию.

– Да.

И здесь Згозник перешел к главному вопросу: «Но ты должен мне помочь, сказав, что все это происходило с одобрения Джо и Райта».

– Но это так и есть, – ответил Зрино Жукич.

Затем Антон попросил Зрино изготовить документ, который бы на это указывал[505].

Зрино Жукич вернулся домой под впечатлением ужасающих последствий рождественской грязной шутки и положил запись разговора в ящик стола, где она и пролежала несколько месяцев, пока ему не пришлось встретиться с федеральным обвинителем Джоном Сайджелом. Бизнес Антона Згозника развалился, а в это время Жукич надеялся, что запись разговора поможет ему не оказаться среди обвиняемых.

Судья Олдрич пришла к заключению, что запись причиняет вред Смиту, который не присутствовал

при разговоре. Таким образом, было принято решение разделить процессы по делу Згозника и делу Смита.

Суд над Антоном Згозником начался на последней неделе августа 2007 года.

Джо Смит присутствовал на нем в качестве зрителя и постоянно вел записи.

Зрино Жукич как важнейший свидетель обвинения дал показания, согласно которым Антон, будучи его начальником, «сказал мне, что Джо хотел получать проценты с тех денег, которые его компания получала от диоцезии… десять процентов». По словам Жукича, он «не контролировал ситуацию и потому не мог спорить с начальником». Под давлением обвинителя Сайджела, который спрашивал, «считали ли вы законным делом» участвовать в осуществлении такой выплаты, он ответил: «Нет».

– Тем не менее, вы согласились в этом участвовать? – продолжал Сайджел.

– Да, согласился.

Многие ответы Зрино Жукича показывали, что он все еще чувствует себя преданным бывшим товарищем.

> Я начал понимать, что не являюсь совладельцем компании… Меня критиковали, со мной обращались как с любым другим рядовым служащим. Антон принимал решение о размере моей зарплаты. Я не мог прийти к нему и сказать: «Это мои клиенты, и поскольку они принесли нам большую прибыль, я как партнер на нее претендую». Это было невозможно.

Не раз Жукич говорил о том, что они платили Джо Смиту «откат», что в какой-то момент вызвало возражение адвоката Роберта Ротатори, который сказал, что этот термин некорректен, поскольку еще не подтвержден доказательствами. Ротатори напомнил о том, что Жукич не заполнял налоговые декларации о доходах «в 1997, 1998, 1999 и 2000 годах» – хотя в итоге подал их с опозданием на несколько лет. Посторонний наблюдатель может понять, почему Згозник не относился к Жукичу как к партнеру, и даже удивиться тому, как человек, не заполнявший свои налоговые декларации, может занимать пост консультанта по финансовым вопросам. Пытаясь подорвать доверие к показаниям Зрино Жукича, Ротатори хотел показать, что им движет чувство обиды и желание отомстить.

> РОТАТОРИ: Не ожидаете ли вы, что против вас будет возбуждено судебное преследование в связи с неподачей налоговых деклараций, о чем вы сами говорили, давая показания?
>
> ЖУКИЧ: Нет, я этого не ожидаю.
>
> РОТАТОРИ: Вы не верите, что против вас возбудят дело?

ЖУКИЧ: Это от меня не зависит. Меня попросили помочь в качестве свидетеля, что я и делаю… Мне ничего не обещали.

В отличие от тучного Жукича, предавшего своего друга, стройный отец Райт в священническом воротничке выглядел достойнее. Он носил очки, его серебристые седые волосы были тщательно причесаны. Он поступил в семинарию, окончив юридический факультет и после неудачного романа. Его воспитание и образование позволили Пилле поручить ему ответственность как за правовые, *так и* за финансовые вопросы. Он проработал в диоцезии девятнадцать лет. Работа в Ассоциации кладбищ была куда менее напряженной: у него оставалось время на пастырскую деятельность или чтобы побыть с друзьями. Юристы решили не задавать Райту вопросов о его «подружке», поскольку священник не был подсудимым.

«Мы дружили, – сказал Райт о Смите. – Я полностью ему доверял, считая его опытным финансистом. Джо много работал и прекрасно справлялся со своими задачами».

Когда Ротатори начал задавать вопросы об оплате труда консультанта по компьютерам через компанию Згозника, Райт сказал: «Я ничего об этом не знал». Знал ли он, как оплачиваются услуги субподрядчика? «Я никогда не пытался в этом разобраться… Я предполагал, что диоцезия платит ему непосредственно»[506].

Райт признался в том, что в конце 1990-х занимался выдачей займа в $60 тысяч одной из своих секретарш, Марии Митци Милош. Он обсуждал это с Пиллой. «Мы не говорили о деталях, но он сказал нам, чтобы мы это сделали». Выдача этого займа не была отмечена в бухгалтерских книгах диоцезии; когда секретарша посетовала, что ей слишком мало платят, Райт заплатил $50 тысяч из денег Ассоциации кладбищ. Затем деньги были возвращены путем вычитания из зарплаты Митци Милош.

Райт, выглядевший благожелательным начальником, ничего не мог сказать о финансовых махинациях. Он не мог вспомнить того, что компании Згозника работали на диоцезию; он не помнил, как в 1996 году подписал первый чек для Смита на $185 тысяч, когда тот получал зарплату в $70 тысяч. Когда Райт освобождал свое место для Смита, чтобы перейти на работу в Ассоциацию кладбищ, Смит, как он полагал, получал $135 тысяч. «Он сказал, что будет вести переговоры о своей зарплате с советниками-канонистами», – сказал Райт. Это все, что он мог вспомнить.

Когда ему стали задавать весьма значимые вопросы о том, почему и как Райт в 1996 году добился выплаты вознаграждения для Смита в общей сумме в $270 тысяч за то, что тот не переходит на работу в

частный сектор, священник давал туманные ответы.

РОТАТОРИ: Не поручали ли вы Антону Згознику разузнать, какую зарплату получают исполнительные директора в университетах и госпиталях?

РАЙТ: Нет, не могу вспомнить, чтобы я это делал. Я только помню, как Антон мне сказал, что на другом месте Джо получал бы вдвое больше.

Райт рассказал еще об одном деле, о котором он сожалеет. Он встретился с другим священником, чтобы обсудить с ним вопрос о том, стоит ли ставить Пиллу в известность об этом вознаграждении в $270 тысяч, не отмеченном в документах. Этот разговор остался непроницаемой тайной (его духовный наставник к этому времени уже умер). Другой священник сказал Райту, изучавшему право в Джорджтауне, что умолчание о том, каким образом Джо Смит получит свои деньги, не противоречит доброй совести. Хотя Райт говорил при этом о чувстве вины, с помощью провалов в памяти он перекладывал все бремя ответственности на плечи Антона Згозника.

Затем показания давал епископ Пилла. Он говорил гладким приятным тоном опытного проповедника, пытаясь одновременно говорить кратко, как это полагается при даче свидетельских показаний. «Это были очень тесные взаимоотношения, – сказал он о Смите. – Он был незаменим для меня, потому что я ничего не понимаю в финансах. Меня этому никто не учил».

Задавать епископу Пилле вопросы о том, как он распоряжался деньгами, о его секретном счете, о том, как он хотел присвоить себе дом Долана, не полагалось. Суд не занимался исследованием его мотивов и поступков. Обвинение представило Тони Пиллу жертвой. Что, спрашивал помощник федерального прокурора Сайджел, епископ думает об анонимном письме, в котором речь шла о финансовых взаимоотношениях между Смитом и Згозником?

«Письмо меня поразило, – ответил Пилла. – Я целиком и полностью доверял Смиту. Он был ценным сотрудником, на которого я мог во всем положиться».

«Его это поразило», – отметил про себя Чарли Фелисиано. Это напомнило ему сцену из фильма «Касабланка», когда начальник полиции приходит в ночной клуб Хамфри Богарта, где тайно ведутся запрещенные азартные игры, и говорит: «Соберите всех обычных подозреваемых!» – в то время, как кто-то потихоньку сует ему в руку деньги. Но Чарли Фелисиано не был членом жюри.

По его словам, Пилла ничего не знал о сделке между Райтом и Смитом о вознаграждении в $270 тысяч, не внесенном в бухгалтерские документы. Он также ничего не знал о том, что Райт позволил давнишнему

исполнительному директору Ассоциации кладбищ Тому Келли официально уйти в отставку и получать пенсию, когда тот продолжал работать, а деньги ему выплачивала диоцезия по своей платежной ведомости как субподрядчику. Отец Райт сочувствовал Тому Келли: его жена страдала болезнью Альцгеймера, уход за ней требовал огромных денег. Но когда Ротатори спросил Пиллу, обсуждал ли он с Райтом сделку с Томом Келли, епископ сказал, что он этого не помнит.

Было похоже, что отец Райт и епископ Пилла были готовы самоотверженно охранять тайну финансовой жизни диоцезии – та казалась гигантской скалой, окруженной густым облаком тумана.

Лишь когда разыгрался скандал, Пилла обсудил выплату вознаграждения Смита с Райтом. «Я был глубоко огорчен, – утверждал епископ, – тем, что меня об этом не известили, что со мной не советовались, так что я выразил свое недовольство этим и разочарование».

«Хорошо было бы расспросить епископа подробнее, – сказал один из присяжных после заседания. – Он прикинулся глухим, немым и слепым»[507].

Был один факт, который не вписывался в образ Пиллы как жертвы, – то, что епископ нашел для Смита работу в Колумбусе. По словам Пиллы, епископ Гриффин звонил ему несколько раз после увольнения Смита, и это удивило Пиллу, поскольку он послал Гриффину письмо с такими словами (Пилла зачитал их на суде): «Вы не просили никаких рекомендаций. И я их не давал». Гриффин не был свидетелем по делу: работа Смита не имела отношения к обвинениям, выдвинутым против Згозника. Так что Пилла мог зачитать защищавшее его письмо, которое доказывало, что на работу Смита пригласил другой епископ.

Пока обвинители и церковные юристы спорили о том, какие показания не могут или не должны давать свидетели, на свет всплывали все новые факты.

«Я начинаю себя чувствовать так, как будто занимаюсь делом О.Д. Симпсона со всеми его побочными ответвлениями, – сказала судья в какой-то момент. – Обычно моя работа проходит иначе»[508].

Когда аудиозапись разговора, тайно сделанная Зрино Жукичем, была представлена суду, можно было понять, что Антон Згозник отчаянно пытается не оказаться главным козлом отпущения в этом деле. «Мы скажем, это они пожелали, чтобы выплата оставалась тайной, – говорил Антон Зрино, – поскольку они хотели дать достойное вознаграждение важнейшему работнику диоцезии. Это будет наше свидетельство против них».

Позже он говорит: «Зрино, мы никому не платили отката».

– Знаю, знаю, – отвечает Зрино. – Мы оказались в ловушке. Мы ничего не делали, – хотя в этот самый

момент он записывал слова Антона с помощью спрятанного в носке диктофона[509].

Когда Антон Згозник получил слово, он в первую очередь попытался доказать, что его зловещий образ, созданный с помощью записи разговора и безжалостных показаний Зрино Жукича, не соответствует действительности.

«Я был единственным членом семьи, родившимся тут. – начал он. – Мой отец умер, когда я учился в колледже. Как вы понимаете, не было у меня никаких дядюшек и тетушек, так что, по сути, мне самому приходилось платить за мое образование… хотя мать меня поддерживала». Он рассказал о начале своей карьеры, о создании фирмы, которая оказывала важнейшие финансовые услуги диоцезии, а затем начал горячиться, нервно приводя длинные объяснения, принося извинения судье и присяжным. Но Антон Згозник твердо стоял на том, что он обсуждал оплату работы Смита с Райтом и говорил с ним о выплате $185 и $85 тысяч. Из этих бесед он узнал, что диоцезия располагает активами на сумму $3 миллиарда. О подобных вещах не рассказывают первому встречному. Откуда же он брал деньги для Смита?

> В основном я находил свободные деньги в финансовом офисе, как вы понимаете, и, как правило, я переводил эти деньги на их счета.
>
> Хотя эти деньги числились в их бухгалтерии, на самом деле ими можно было свободно пользоваться. Как только деньги переводились с их инвестиционного счета на текущий счет, диоцезия могла собрать достаточно средств, чтобы произвести выплаты господину Смиту.

Когда Сайджел начал задавать ему вопросы, обеспокоенный Згозник сказал кое-что и о том, о чем его не спрашивали: «Мне не нравилось манипулировать деньгами помимо бухгалтерских книг, и я сказал Смиту и отцу Райту: вам надо найти другой вариант. Подобное обращение с деньгами кажется нечестным для меня и для Католической церкви, господин Сайджел. Мне не нравилось, что подобные вещи следует делать тайно».

Напряженность в зале суда нарастала. Згозник забыл о вопросе относительно второго чека и сказал: «Я оказался под судом, потому что они не хотят отвечать за собственные решения. И вот что я скажу. Они, конечно, люди, но они *обвиняют не того человека*!»

Огромный мужчина с трясущимися руками начал неуклюже защищаться: «Да. Я прекрасно понимаю диоцезию, но я получаю только абсолютно честно заработанные деньги. Антон Згозник никогда не пойдет на подкуп! Я никогда не буду платить взяток! *Лучше я приставлю ружье к моей голове, чем буду обкрадывать мою веру!* Речь идет о моей церкви, о доме Божием, который я люблю. *Я скорее застрелюсь,*

и если меня осудят, господин Сайджел, пожалуйста, убейте меня. Потому что любой человек, обкрадывающий свою веру, достоин смерти! *Я заслужил смерти!* Антон Згозник недостоин того, чтобы жить…».

– Сэр, – прервала его судья Олдрич.

– …Если он платит откат, – простонал Згозник почти истерически.

– Прошу вас, успокойтесь, – сказала судья.

Антон Згозник замолчал и начал приходить в себя.

В своем заключительном слове его адвокат Ротатори попытался сгладить тяжелое впечатление от записанного разговора, в котором Згозник пытался запастись оправданием для себя и Зрино Жукича. Ротатори упомянул о многочисленных проблемах Жукича и сказал: «Вот почему он придумал столько ложных фактов». Но после того, как его клиент продемонстрировал собравшимся жалость к самому себе, Ротатори сказал кое-что и о тесном финансовом мирке диоцезии. «Никогда, ни в коем случае не ставь под сомнение духовенство» – этим Ротатори объяснял проступки своего клиента. Это Антон усвоил, будучи мальчиком, этот принцип Згозник сохранил и став взрослым бизнесменом. «Священник всегда прав. Если он скажет, что надо делать то-то, тебе надлежит слушаться».

В отличие от него федеральный обвинитель Джон Сайджел в своем резюме сказал присяжным: «Епископ Пилла и диоцезия не могли знать про эти махинации».

После совещания присяжных прозвучал вердикт: Антон Згозник признан виновным по пятнадцати пунктам в мошенничестве, взяточничестве и нарушениях налогового законодательства. Его жена зарыдала.

Судья Олдрич позволила ему оставаться на свободе под залог до назначения наказания. Отвечая на вопросы журналистов, Ротатори заявил, что подаст апелляцию и сказал нечто более резкое, чем в своем заключительном слове: «Диоцезия позволяла осуществлять подобные махинации. Она позволяла недолжным образом использовать благотворительные фонды на иные цели».

Он точно описал финансовую ситуацию в церкви.

Свидетельство о вещах неназванных

Когда десять месяцев спустя перед судом предстал Джо Смит, Згозник все еще оставался на свободе, отпущенный под залог. Судья Олдрич хотела рассмотреть второй случай, прежде чем будет принято

решение о тюремном наказании для обоих обвиняемых.

Джо Смит был достаточно умен, и потому отказался сам заниматься своей защитой; у него было великое преимущество перед Згозником: присяжные на процессе по делу Смита не прослушивали запись разговора Антона со Зрино Жукичем, сделанную последним. Судья Олдрич считала, что использовать разговоры третьих лиц как улики по данному делу недопустимо: Смит не присутствовал на беседе, где двое людей, впутанных в дела Смита, обсуждали, как им оправдать себя. Кроме того, суд над Смитом не зависел от хаотичных показаний взволнованного Антона Згозника: обвинение не могло полагаться на столь непредсказуемого свидетеля.

Без своей аудиозаписи, которой он хотел показать свою невиновность с помощью слов отчаявшегося Антона, Зрино Жукич был не слишком важным свидетелем. Кушнер яростно нападал на Жукича: он не заполнял налоговые декларации, нарушал этические нормы, обязательные для дипломированного бухгалтера, и был участником сомнительных дел, о которых он давал показания, надеясь избежать суда. Когда под давлением Кушнера Жукич вынужден был упомянуть «подружку» отца Райта, судья Олдрич сказала жюри, что им следует игнорировать сплетни. Тогда Кушнер спросил Жукича: «Вы сами видели какие-либо вещи, которые бы подтверждали справедливость этих разговоров?»

– Нет.

– Кто же сообщил вам об этом?

– В одном разговоре Антон…

Как можно пачкать имя священника на основании слухов?!

Во время перекрестного допроса Райта оказалось, что Кушнер имеет свидетеля с безупречной репутацией, который, тем не менее, сообщает о таких фактах, в которых грешник мог бы признаться на исповеди.

КУШНЕР: *Вам не надо было докладывать кому-либо о ваших решениях по поводу оплаты труда Смита, верно?*

РАЙТ: Верно.

И вы опасались того. Что если не увеличить ему зарплату, он уйдет, верно?

Верно.

А вы не хотели, чтобы он уходил?

Я этого не хотел.

И можно сказать, что вы считали его своей правой рукой?

Это справедливо.

Но вы не хотели, чтобы кто-либо об этом узнал, беспокоясь, что, узнав об этом, другие сотрудники тоже попросят повысить им зарплату. Это так?

Это так.

И вы скрыли от других тот факт, что согласились платить господину Смиту больше, чем другим, верно?

Верно.

Так что вы скрыли этот факт от отдела расчета заработной платы?

Верно.

И от отдела денежных пособий?

Верно.

И от вашего секретаря?

Я ничего не говорил секретарю.

И от финансового совета?

Я не говорил об этом финансовому совету.

И от юристов диоцезии и нанятых ею юристов?

Верно…

И тем не менее Райт твердо стоял на том, что такой план оплаты *ему* предложили Смит и Згозник. «Они сказали: об этом никто никогда не узнает».

Кладбища позволяли зарабатывать немалые деньги, но их не хватало для постоянной заботы о некоторых проблемах в тот момент, когда Райт в 1996 году принял на себя бразды правления. «И вы предложили [Смиту] тысячу долларов в месяц, чтобы он помог вам изменить положение вещей? Верно?» – спросил Кушнер. «Это верно», – ответил отец Райт.

На 1997 год Джо Смит как финансовый директор получал основную зарплату в размере $70 тысяч плюс $12 тысяч от Ассоциации кладбищ, к этому был добавлена компенсация в $250 тысяч на пять лет. Кроме того, показания свидетеля, обладающего иммунитетом, говорят о том, что Смит получал по $1200 в месяц в результате выгодной сделки со страховым агентом, соседом Смита по дому во Флориде, который обслуживал церковь. Если считать, что в результате компенсации Смит получал по $50 тысяч в год, значит, в год Смит получал $146 тысяч до того, как к нему стали поступать доходы из компании Tee Sports, организовывавшей состязания по гольфу по просьбе епископа Пиллы и подобные мероприятия.

В 2000 году его основная зарплата была повышена до $135 тысяч. В целом церковь платила Смиту столько, сколько он получал бы на аналогичном посту в частном секторе, куда не желал его отпускать отец Райт.

Показания Пиллы существенно не отличались от тех, что он давал на прошлом процессе. Присяжным предстояло решить, какая версия справедливей: версия обвинения, согласно которой Смит и Згозник занимались укрывательством и выплатой откатов, или версия защиты, согласно которой существовала тайная сделка между отцом Райтом и Джо Смитом, где Згозник исполнял роль привлеченного извне агента для перевода денег и где все действия соответствовали обычным практикам диоцезии, для которых была характерна скрытность. Присяжные признали Смита невиновным в мошенничестве и получении откатов, обвинив его по шести пунктам в налоговых преступлениях, включая неподачу сведений о доходах в размере $150 тысяч.

«В конце процесса я поблагодарил судью, – сказал Джо Смит. – Она ответила мне: «Я понимаю, что вы невиновны в махинациях диоцезии – фактически вы стали ее жертвой»».

Что это значило? Слова самооправдания осужденного преступника? Такая интерпретация возможна. Судья Олдрич, по постановлению которой Смит (как и Згозник) должен был совершить финансовую реституцию, умерла, так что я не мог спросить ее об этих словах Смита. Задолго до этого обвинение представило Олдрич федеральные инструкции о мерах наказания за те преступления, в которых обвинили Антона Згозника: десять лет тюремного заключения. Олдрич назначила для Згозника такую же меру наказания, как и для Смита: один год и один день заключения. При этом, если поведение заключенного не вызывает нареканий, его отпускают на свободу через восемь месяцев. Смит и Згозник провели в тюрьме по восемь месяцев, вернулись к своим семьям и снова начали строить свою жизнь.

О чем говорит такое решение суда? Пилла и Райт так и не понесли наказания за то, что распоряжались средствами благотворительных фондов по своему усмотрению и сами решали, как им распоряжаться собранными пожертвованиями католиков. Под присягой Райт заявил, что выплата компенсации Смиту оставалась тайной для Пиллы, как и планируемая в течение ближайших семи лет выплата в размере $784,624 тысячи. Почему же Райт опасался доверить Пилле то, что он сообщил другому священнику, своему духовному наставнику? Наиболее вероятный ответ звучит так: Райт боялся, что Пилла не даст на это своего одобрения. Отец Райт не хотел посвящать епископа во все подробности того, что происходит в его владениях: что Райт переводит средства своей возлюбленной или Тому Келли из Ассоциации кладбищ; точно так же и Пилла не хотел, чтобы окружающие спрашивали его о том, как он накопил

полмиллиона на своем счету или как он пытался завладеть особняком, пожертвованным семьей Долан. В этом царстве все было окружено завесой тайны.

В итоге судья Олдрич понимала, что Антон Згозник стал козлом отпущения бесчестных руководителей церкви. В выигрыше оказалась юридическая фирма Jones Day: все это заняло много часов работы, а каждый час стоил немало. Стив Созио вел себя точно так же, как ведут себя дорогие адвокаты в грязных делах: он направил все внимание на двух второстепенных нарушителей. Федеральный прокурор действовал так, как действуют все обвинители: занялся тем делом, где имелись наиболее сильные доказательства. Он располагал важной записью разговора, произведенной Зрино Жукичем, в то время как Райт и Пилла, против которых не имелось убедительных улик, попали в категорию жертв. Если бы Ротатори был настойчивее во время перекрестных допросов Жукича и Райта и если бы Згозник не давал своих показаний, суд над Антоном мог бы окончиться по-другому. Жюри присяжных в деле Смита отказалось признать полученные им помимо бухгалтерских книг деньги в размере почти $785 тысяч откатом. Как сообщил мне Смит, гонорар его адвокату превысил $1 миллион. Несомненно, диоцезия Кливленда потратила в несколько раз больше денег, чтобы защитить Пиллу, Райта и их репутацию.

Перемещение активов в пригороды

Когда финансовый скандал утих, епископ Леннон мог приступить к своему делу. В марте 2009 года диоцезия Кливленда объявила о полном закрытии двадцати девяти приходов и слиянии сорока одного из числа других. Это означало, что на территории восьми округов будут закрыты пятьдесят две церкви. Тридцать восемь из них располагались в городе и ближайших пригородах, расположенных в беднейших районах, – они стали главной мишенью плана епископа. Акрон, Илайрия и Лорейн – где в связи с сокращением завода Форда уровень бедности был выше, чем в Кливленде, – теряли двенадцать приходов.

«Некоторые из этих случаев вызвали большое удивление, – например, приходы Св. Игнатия Антиохийского, Св. Иакова в Лейквуде и Св. Колмана в Кливленде», – писал Майкл О’Мелли в *Plain Dealer*:

> Закрытие Колмана и Игнатия означает, что во мрак погрузятся две колокольни в западной части города, оставшиеся без подсветки, а эти башни, подобные межевым столбам, составляют важную часть картины города…
>
> «Пригороды изолированы от бедняков», – сказал один из прихожан Св. Колмана КарольРомански из Бэрии. Он отметил, что при сокращении самый сильный удар получают приходы в городе. «Неужели бы Иисус пожелал оставаться в пригородах?»[510]

«Наши великие размеры не соответствуют количеству людей, что у нас есть», – сказал Леннон Майклу О’Мелли, когда прихожане закрывающихся церквей начали возмущаться.

Если в Бостоне Лоу оставил после себя финансовую воронку дефицита, в Кливленде была совсем иная ситуация. Несмотря на свою жадность и склонность к секретам, Тони Пилла как хитроумный управитель не забывал о недвижимости; он не закрывал старые церкви, несмотря на расходы, связанные с их содержанием, и на то, что они не платили денег диоцезии. Католическое милосердие сталкивалось с самыми ужасающими последствиями запустения города. Хотя с проблемами диоцезии можно было справиться и с помощью закрытия скромного количества церквей, Леннон хотел совершить то же, что он сделал в Бостоне: ликвидировать активы, чтобы покрыть текущий дефицит. В Кливленде Леннон действовал, желая предотвратить подобные проблемы в будущем. Однако в 2006 году – четыре года спустя после того, как вышедший из себя Пилла звонил по ночам Смиту, – Кливленд получил на $1

миллион *больше* пожертвований в приходах, в сумме составивших $106,1 миллиона, тогда как в Бостоне после 2002 года приток пожертвований стабильно сокращался и рос дефицит. После 2002 года уровень пожертвований упал на $2 миллиона в связи со скандалом вокруг педофилии, но с 2004 года объем воскресных сборов неуклонно возрастал, так что в 2005 году он достиг $1046,5 миллиона. В 2006 году – когда в газетах шумно обсуждали закрытые личные дела Згозника и Смита, – сборы снова выросли на $1,6 миллиона[511]. В Бостоне наблюдалась противоположная динамика, что можно объяснить отрицательным отношением к плану реконфигурации Леннона. Когда кто-то хотел сказать, что многие американские католики продолжают поддерживать *свои приходы*, несмотря на позор иерархов после скандала, он нередко приводил в пример именно Кливленд с его статистикой.

Приехав в Кливленд, Леннон вел себя как банкир, который отказывается давать ссуды бедным кварталам. Подобно исполнительному директору компании, он должен был оценить благосостояние на своей территории, переместить священников в пригородные приходы и изменить структуру капитала диоцезии. Он закрывал церкви в городе, в том числе связанные с его историей, из прагматических соображений. В Бостоне он производил изъятие богатых приходов, чтобы, продав церкви, сгладить дефицит, создавшийся еще в 1990-х и усугубившийся из-за скандалов с преступлениями священников. В Кливленде же он намеревался предотвратить образование дефицита с помощью решительных и жестких мер.

«Он плохо понимал природу филантропии Кливленда, – объясняет сестра Кристина Шенк. – В Лос-Анджелесе архидиоцезия ежегодно собирает пожертвования для поддержки городских приходов. На нашей встрече с Ленноном мы об этом упоминали. Но у него уже был готовый план действий, который игнорировал «сеть безопасности», сплетенную городскими приходами. В этой диоцезии привыкли обсуждать решения. Возможно, некоторые приходы действительно следовало закрыть, однако не пятьдесят два, а, скажем, пятнадцать».

Леннон кратко представил свои аргументы в документе на одной странице, напоминавшем презентацию PowerPoint, который был размещен на сайте диоцезии. После 1975 года католическое население сократилось на 19 процентов. Показатель посещаемости месс упал с 56 до 29 процентов[512]. Но несмотря на то, что содержание городских церквей обходилось дорого, в Кливленде существовала такая традиция: по воскресеньям люди, переехавшие в пригороды, отправлялись на мессы в свои старые городские приходы. На это опиралась программа Пиллы «Церковь в городе». Этот замысел Пиллы

преследовал Леннона, подобно призраку Банко в «Макбете»: католики Кливленда помнили идеи своего бывшего епископа о присутствии церкви в городе. Леннон не стал говорить, что сейчас надо быть особенно щедрым, потому что настали трудные времена; вместо этого он старался использовать страхи людей.

Обзор финансового положения диоцезии

Эрозия финансов

• Некоторые приходы тратят свои сбережения на дефицитное расходование.

• Отсроченное техобслуживание имущества многих приходов представляет собой большую проблему, которая усугубляется.

• Наша диоцезия расходует свои активы на содержание большего количества зданий, чем она в состоянии делать, учитывая демографические изменения.

• У 60 приходов чистые сбережения составляют негативную величину (сумма долгов превышает сумму сбережений) – в 27 случаях сюда не входит ипотечная задолженность.

• У 17 других приходов чистые сбережения составляют сумму менее $60 тысяч (им не хватает резервов на непредвиденные случаи).

• Эти активы принадлежат приходам; тем не менее в срочных непредвиденных случаях на них обязана отреагировать диоцезия[513].

Приход владеет своими активами, но, подобно рабу на Юге до Гражданской войны, не вправе распоряжаться собой. С этой реальностью люди сталкивались повсеместно: в Бостоне и Новом Орлеане, в Скрантоне и Нью-Йорке и, наконец, в Кливленде и других местах, – когда прихожане из закрывающихся приходов присоединялись к Совету приходов Питера Борре. Каноническое право рассматривает приход как «юридическое лицо». Однако противоречия между отдельными положениями канонов, которые обнажили случаи банкротства диоцезий, давали епископу власть изъять активы у этого юридического лица и подписать ему смертный приговор, приняв решение о продаже или сносе его зданий.

Группа FutureChurch начала обмениваться с приходами электронными письмами и информационными бюллетенями, чтобы недовольные приходы могли найти сочувствующих им специалистов по каноническому праву.

Двадцать восемь католических храмов Кливленда уже были признаны историческими памятниками. Леннон распорядился о закрытии восьми из них. «Прихожане Св. Казимира, одной из самых больших и

прекрасных церквей диоцезии, также узнали, что скоро здесь перестанут служить польские мессы», – писала газета *Plain Dealer*.

> «Церковь Св. Игнатия имеет огромное значение для всей Кливлендской диоцезии, – сказал член муниципального совета Кливленда Джей Уэстбрук. – Это все равно что ООН для нас. Здесь церковь и школа составляют единое целое. Это место должно стать опорой диоцезии».
>
> «Понятно, что кого-то это расстроит и опечалит, – заявил Леннон на сайте диоцезии. – Кто-то может недоумевать, почему закрывают именно наш приход, а не какой-то другой. У некоторых это даже может вызвать возмущение»[514].

Решение Леннона «расстроило» среди прочих отца Джозефа Месэра, настоятеля церкви Св. Сердца Иисусова в Слевик-Виллидже, который сказал во время проповеди: «Это настоящий удар для всех нас. Мы никак не могли этого ожидать. Мы – единственный приход в Слевик-Виллидже, который оплачивает все счета. Наш приход никак нельзя назвать убыточным. Мы не можем понять, чем это объяснить»[515].

Несмотря на грозные предупреждения о грядущих бедствиях Леннон, составляя свой план, не учитывал специалистов по городскому планированию, должностных лиц, священников или монахинь. Епископ все решил самостоятельно.

> Обзор положения диоцезии
>
> Нам необходима мобилизация сил
>
> • В целом финансы диоцезии и большинства приходов не находятся в критическом положении… *сегодня.*
>
> • Тем не менее, многое указывает на приближение кризиса, который может очень скоро поразить большинство наших объектов.
>
> • Все приходы должны проникнуться ощущением чрезвычайной ситуации, пока она не окажется такой, что мы уже не сможем с ней справиться.
>
> • Часто при закрытии прихода создается впечатление, что за этим стоят лишь финансовые вопросы.
>
> • И действительно, нередко именно финансы дают понять, что настала чрезвычайная ситуация.
>
> • Тем не менее, финансовая ситуация лишь последний индикатор неблагополучия прихода.
>
> • К важнейшим же таким индикаторам и реальным причинам кризисов относятся демографические изменения, которые начали происходить много лет назад и продолжают происходить сегодня[516].

Вынос икон, статуй и картин из храмов выглядит подобно «извлечению медных труб из обреченных на снос домов», сказал член муниципального совета Уэстбрук. «Если диоцезия намерена лишь отдать распоряжения о закрытии, предоставив прихожанам страдать от последствий этого решения, нам следует ввести более жесткие законы»[517].

Майкл Поленсек, другой член муниципального совета, прослуживший здесь более тридцати лет и представлявший Коллинвуд, административный центр на озере с пестрым этническим населением, где были и улицы, заселенные выходцами из Словении, на одной из которых он вырос, сказал мне: «Я отправился поговорить с епископом. Хотя я всю жизнь был католиком, я дал ему понять, что это вызовет значительное сопротивление и все это не пройдет гладко. Леннон ответил мне: «Там не хватает людей, паства переместилась». Он привел мне цифры, многие из которых трудно оспаривать».

Тем не менее Поленсек знал четыре прихода, которые не были убыточными. «Они были совершенно стабильны, – сказал он. – И вот, моя Католическая церковь говорит мне, что нам надлежит покинуть места, где живут старые, бедные, неимущие и, прежде всего, люди из разных народов. Неужели вы хотите дать понять именно это? Леннон не отличается дружелюбием. Не знаю, улучшится ли финансовое положение диоцезии, если в ней появится множество недовольных? Он вызвал большое недовольство».

Когда Леннон пришел отслужить последнюю мессу в венгерской церкви Св. Эмерика, его окружали полицейские. Снаружи стояли протестующие члены группы «Католики в опасности», которые пели «Боже, храни Америку».

«Община св. Эмерика пожелала выкупить церковь, чтобы открыть здесь культурный центр, – продолжал Поленсек. – Епископ не пожелал продавать ее им. Это просто вопиюще оскорбительное поведение. Эти люди убежали из Европы, они искали здесь религиозную свободу; в детстве я слышал истории о том, как эти люди носили кирпичи, чтобы собрать деньги. И вот он приходит сюда и разрушает церкви, не думая о людях. Некоторые красивые здания оказались покинутыми, например, церковь Св. Андрея на Пятьдесят Пятой и Верхней улицах, куда ходила моя прабабушка: я пошел смотреть, когда ее ломали. Они даже не потрудились снять колокола. Это было здание в стиле Испанской миссии – всего таких памятников в городе было два, включая эту церковь. Они не сняли железного креста с колокольни. Мать попросила собрать для нее несколько кирпичей. Мне хотелось взять один такой кирпич, встать на Верхней улице и прокричать: «Сукины вы дети! Вы даже не могли снять колокола и крест с колокольни! Это же кощунство!»

Во время нашей беседы осенью 2010 года Поленсек не стал развивать тему кирпича в его руке. «Некогда Коллинвуд был автономной деревней, – продолжал он. – В основном здесь жили афроамериканцы, но было также немало итальянцев, ирландцев и литовцев. Здесь все еще живет сенатор Джордж Войнович. Здесь было немало нанятых городом рабочих, чем люди гордились. Мы представили епископу материалы по каждому приходу. Мы начали кампанию: писали обращения, электронные письма, так что нам удалось добиться поддержки баптистов и иудеев, которые говорили, что это не просто места богослужения, но центры общественной жизни. Их закрытие нарушит стабильность. Благодаря этому мы оказались единственным районом города, где церкви не закрыли»[518].

Отец Боб Бегин, помогавший в 1980-х беженцам из Центральной Америки, был настоятелем церкви Св. Колмана. В свободное время на протяжении нескольких лет он изучал арабский, готовясь работать с беженцами из Ирака в США. Он надеялся получить годичный отпуск для более глубокого освоения языка, но здесь был опубликован список закрывающихся приходов, куда входил и Св. Колман. Бегин договорился о встрече с ушедшим на покой епископом Пиллой.

Нет ли у Пиллы друзей в Риме?

Рим никогда не станет отменять решения епископа, сказал ему Пилла. Следует решать проблему на местном уровне.

Бегин спросил, знаком ли Пилла с архиепископом Пьетро Самби, папским нунцием в Вашингтоне. «Я знаю Самби, вам стоит ему написать, – ответил Пилла. – Но вам следует видеть в церкви родную мать. Вы можете с ней не соглашаться, но она остается матерью – вы ее любите».

Архиепископ Пьетро Самби производил хорошее впечатление на фоне других послов, живущих в Вашингтоне. Серебристые волосы и глубокие морщины на лбу придавали нунцию, четыре десятка лет прослужившему дипломатом, образ достойного мужа. Этот итальянец, изучавший каноническое право, владел английским, французским и испанским; ранее он занимал посты нунция в Индонезии, на Кипре и в Израиле. Он вместе с кардиналом О’Мелли подготовил встречу папы Бенедикта с несколькими бостонскими жертвами священников, когда понтифик посещал Америку в 2008 году. До этого Самби вел переговоры с палестинскими бойцами об освобождении людей, оказавшихся в осажденной базилике в Вифлееме. «Дарвинистский» план Леннона относительно Кливленда должен был показаться нунцию мелочью, однако Самби отнесся к письму Бегина серьезно. Священник, который пишет папскому посланнику о своем епископе, знает, что его письмо вернется к его епископу, который способен сделать

жизнь священника адом.

«Я глубоко расстроен тем, что происходит» – начал письмо Бегин. – После многочисленных встреч по кластерам «епископ принял решение, которое полностью игнорирует наши пожелания».

> В городе ты постоянно сталкиваешься с беднейшими людьми, с бездомными или почти бездомными… Это очень хрупкое сообщество. И городской приход не просто предоставляет место для богослужений, но играет гораздо более важную роль для живущих рядом людей. И разумеется, маленькие прекрасные соборы, которые строили иммигранты ценой великих жертв, – это настоящие оазисы красоты, которые люди действительно ценят.
>
> Каждый приход в той или иной мере создал группу руководителей общины, которые заботятся о безопасности и содержании людей, реагируют на несчастные случаи, организуют занятия с детьми и т. д. Когда храм закрывается, вместе с историческим зданием общество теряет эти важные вещи, так что его и без того нежная социальная ткань может быстро испортиться.

Епископ, писал отец Бегин, игнорирует эти соображения. (В данный момент некоторые приходы уже подали по этому поводу прошения в Конгрегацию по делам Духовенства.) «Для горожан Кливленда это ужасное событие, – продолжал отец Бегин свое письмо к архиепископу Самби, – здесь оказывается брошенной не просто собственность церкви, которую трудно оценить, но брошенными оказываются самые нуждающиеся люди».

> В западной части Кливленда появилось немало новых беженцев из Сомали, Либерии, Конго, Судана и других частей Африки, которых принимают и приглашают за стол наши церкви, и теперь они в отчаянии и замешательстве, когда узнали об их закрытии. Многие из них стали католиками в лагерях беженцев благодаря Католической службе помощи. Другие становятся католиками из-за того, что их радушно принимают в наших городских приходах (а они могут найти себе жилье только в окружающих приходы кварталах)…
>
> Я уже на протяжении сорока четырех лет служу бедным в городе Кливленде и потому сам потрясен случившимся. Пройдет один-два года, и дело четырех десятков лет окончится ничем из-за произвольного решения епископа Леннона[519].

Четыре тысячи людей подписали обращение о значении прихода, которое Бегин переслал епископу. «Леннон не имел представления о том, что 30 процентов живущих в том районе людей не имеют машин, –

сказал мне Бегин позже. – Каждый день к нам обращаются не меньше пятидесяти человек, которые в чем-либо нуждаются. Телефон звонит все время. Нам нужен человек на полный рабочий день, занимающийся оказанием социальной помощи. Я объяснил это епископу. Если ты судишь Кливленд по меркам Бостона, это все равно что судить Алабаму по меркам Кливленда: ты решишь, что в Алабаме вряд ли найдешь человека со здравыми идеями. На другой встрече он вспомнил о том, что я хотел изучать арабский, и сказал: «Поговорите об этом с вашим другом Самби». Члены муниципального совета Джей Уэстбрук, Дона Брэди и Мэтт Зон показали ему карту Лорейн-Авеню – там на четырех квадратных милях не было ни одной церкви. Сенатор штата Том Петтон разговаривал с Ленноном. Он помогал изменить закон о сроке давности в делах о педофилии – этому изменению отчаянно сопротивлялись епископы Огайо, которые видели, что диоцезии в Калифорнии потратили сотни миллионов на судебные процессы после 2002 года, когда законодательство штата изменилось и стало возможным подавать иски».

Леннон отменил распоряжение о закрытии прихода Св. Колмана, а также прихода Св. Игнатия Антиохийского – еще одной церкви в городе. «Теперь я стал лучше понимать, что приход оказывает социальную помощь и поддерживает общую жизнь прихожан и живущих вокруг него разнородных людей», – сообщил Леннон 1 мая 2009 года в своем послании, где говорилось, что решение о закрытии двух приходов отменяется[520]. «Но помилование было даровано на определенных условиях», – писал Том Робертс в газете *National Catholic Reporter*:

> Отец Роберт Бегин обязался в четырехлетний срок приостановить ситуацию дефицитного расходования и завершить необходимый капитальный ремонт; обеспечить рост «количества семей в приходе и посещаемости месс»; укрепить приходские финансы и создать «аварийные резервы и резервы на содержание прихода»; а также обеспечить «продолжение социального служения местным жителям, одновременно сделав приход более жизнеспособным в финансовом смысле»[521].

Несколько месяцев спустя, когда другие священники также стали обращаться к Самби с жалобами на Леннона, Бегин сказал мне: «Леннона нелегко понять. Он твердо знает, чего именно хочет. Несомненно, он что-то читает об управлении финансами. Он принимает решения, рассматривая приходы как свои фирмы. Если в одном храме хватает места для всех молящихся, зачем нужен второй храм? Особая миссия, этнический состав – все это ничего не значит, если клиентуру удовлетворяет одна церковь».

Барабаны бьют в Риме

27 июня 2009 года лидеры многих приходов, полные гнева на епископа, собрались в библиотеке Уэстлейка, в ближних пригородах Кливленда, на встречу с приехавшим сюда Питером Борре. Если бы Кливленд контролировал водоснабжение своих пригородов, город мог бы присоединить к себе десятки городков, подобных Уэстлейку, и улучшить свое положение за счет поступающих от них налогов. Вместо этого мэра городка с самим Кливлендом связывала диоцезия. Сорок человек из групп «Голос верных», FutureChurch и недавно появившейся «Католики в опасности» пришли на эту встречу. Одиннадцать приходов решили написать канонические прошения, большинство из которых должны были оказаться у Карло Гулло, который, совещаясь иногда с Питером Борре, должен был усовершенствовать их аргументацию и представить их в Сигнатуру. Леннон объявил и о закрытии приходов в Акроне и Лорейне, которые также имели огромное значение для поддержки местных жителей.

Загорелый Борре в джинсах и красной рубашке открыл встречу, дав понять, что не хочет произносить монологи: «Я знаю, что вам не нужно выступление приглашенного лектора». Он сразу перешел к заключению: «Леннон был архитектором того, что произошло в Бостоне. Теперь он пожаловал к вам…»

– Как вы от него избавились? – спросила одна дама.

– На это ушло два года, – сказал Борре, покачав головой. – Бостонский викарный епископ сказал священникам: «Это было ужасное бедствие, которое не должно повторяться». Таково наследие Леннона. Надо быть циником, чтобы спокойно смотреть на то, как у тебя отбирают твой духовный дом.

Некоторые другие епископы тоже были безжалостными. Супруги Энтони и Норин Фоти из Скрантона рассказали об изъятии приходов, которое проводил епископ Джозеф Мартино. Два месяца спустя 63-летний Мартино неожиданно покинул пост, который занимал шесть лет, на протяжении которых «ему приходилось почти безостановочно бороться с католическими учеными, профсоюзом католических учителей, католическими политиками и рядом других групп, включая даже некоторых католических иерархов», – писала газета *National Catholic Reporter*[522].

Новоорлеанский архиепископ Альфред Хьюз обратился к мэру Рею Нэгину, чтобы тот приказал полицейским, которым не слишком нравилось это задание, войти в две церкви, где проходили бдения (причем одна из них официально считалась историческим памятником), выволочь оттуда прихожан и впихнуть их в полицейские машины.

В Бостоне, объяснял Борре, где было заявлено о закрытии 83 трех церквей, в итоге было закрыто 60. «В девяти наших приходах шли бдения. Пресса думает, что бдения – это когда верующие стоят со свечками. На самом деле это акт гражданского неповиновения. В конце концов и в Кливленде Леннон, «поразмышляв», решил пощадить два прихода».

– После всего, что я видел, я очень ясно понимаю, что шансов на успех в таких делах очень мало. Зачем же за это браться? – Борре помолчал. – Даже коммунисты не разрушали церкви в странах восточного блока. Они использовали их как общественные помещения, а затем постепенно вернули церкви.

Он рассказал о другом случае: архиепископ Раймонд Барк, нынешний префект Апостольской Сигнатуры, в 2004 году, когда он еще был в Сент-Луисе, отдал распоряжение об изъятии польского прихода Св. Станислава Костки. В 1891 году тогдашний архиепископ даровал этому приходу право самостоятельно распоряжаться своими финансами с помощью приходского совета. По заявлению прихода суммарная стоимость его собственности и активов составляла $88 миллионов, хотя эта цифра не проходила независимой проверки. Барк хотел включить данный приход в общую структуру корпорации некоммерческих приходов, чтобы получить активы, необходимые для расходов на процессы о сексуальных преступлениях священников. Совет прихода отказался подчиняться указу Барка об изъятии; поскольку приход не смог договориться с архиепископом, он нанял польского священника, который стал настоятелем. Барк отлучил от причастия активистов из мирян и их священника Марека Божека. Ватикан снял сан с Божека, тот продолжал служить настоятелем. К 2010 году вокруг Божека возникли разногласия, так что некоторые прихожане оказались на стороне архидиоцезии, подавшей гражданский иск против прихода[523]. Барк, перебравшийся в Рим, стал в Сигнатуре разбирать случаи, когда американские приходы ходатайствовали об отмене решений своих епископов[524].

– Мы хотим сохранить жизнеспособность наших церквей, – сказал Борре. Он подчеркнул, что важно подавать прошения, потому что это будет постоянно напоминать Ватикану о существовании проблемы.

Члены различных групп говорили о своем разочаровании, они видели, что несколько благополучных приходов должны будут потерять свои средства (благодаря изъятию в Кливленде диоцезия получила в первый год около $9 миллионов). Одна женщина заявила: «Он разрушает этнические приходы». Собравшиеся закивали головами. Борре вспомнил о мучениях О’Мелли и его послании 2004 года: «Там он говорит, что иногда перед сном он просит Господа, чтобы тот забрал его к себе. О’Мелли перестал

встречаться с Ленноном. Вам достался один из самых сложных епископов Америки – Леннон всегда остается в своем коконе. Ему неприятно, когда протестующие выходят на улицу. Он это *ненавидит*».

Нэнси Мак-Грат, основательница группы «Католики в опасности», согласилась с этими словами Борре. Их группа постоянно устраивала акции протеста.

«Если вы будете посылать какие-то краткие отчеты в Конгрегацию духовенства, – сказал Борре, – помните, что вам надо туда обращаться от имени прихожан, но не от имени комитетов». Он описал извилистый путь, который проходит такое дело по лабиринтам Ватикана. «У них не хватает людей для этих дел. Барк выпустил инструкцию, согласно которой подобные дела сначала сортирует не коллегия в Сигнатуре, но секретарь трибунала. Карло Гулло, наш канонист высшей квалификации, этим глубоко возмущен, он считает это грубым нарушением принятого порядка. Он будет оспаривать это решение на совещании о законодательных текстах – это ватиканский аналог нашего Верховного суда в вопросах судопроизводства».

В это время группа FutureChurch уже разместила на своем веб-сайте информацию о подаче канонических апелляций. Сестра Крис Шенк могла заметить, что эти документы стали загружать с их сайта все чаще.

«Храните любую бумажку с почтовым штемпелем», – сказал Борре. Он рассказал о том, какую позицию занял епископ Скайлстед в диоцезии Спокана, пожелавшей заявить о своем банкротстве, и о показаниях канониста Николаса Кефарди. «Даже если епископ по каноническому праву носит этот титул, – сказал Скайлстед в итоге, – я просто доверенное лицо, и было бы совершенно неверно, если бы я считал эту собственность своей». То есть он сказал, что согласно каноническому праву он не владеет приходами. Но есть немало епископов, склонных к деспотии».

«Мы считаем, что Ватикан должен сказать свое слово о практике закрытия церквей. Ни одна человеческая организация – разумеется, за исключением бостонской команды «Красные носки» – не живет вечно».

Эта шутка рассмешила немногих. «Но нельзя мечтать о живом приходе со стабильными финансами, если приходы можно выбрасывать на помойку. Вот на чем я стою. И простые прихожане берут на себя заботу о приходе, причем это преимущественно женщины».

Люди стали рассказывать истории о своих встречах с епископом с его непроницаемым взглядом, и здесь одна дама сказала: «Чтобы быть практикующим католиком, не обязательно брать на себя столько ответственности».

К приходам, которые сопротивлялись закрытию, принадлежала и церковь Св. Петра на Верхней улице, расположенная рядом с отделом новостей газеты *Plain Dealer*. Приход обладал храмом в неоготическом стиле, построенным немецкими иммигрантами в 1853 году, и был образцом для города, переживавшего упадок. На протяжении жизни нескольких поколений здесь существовала школа. Люди уезжали из города, приход становился все малочисленнее, а затем, когда процесс переселения в пригороды стал особенно интенсивным, вынужден был закрыть школу. Центр города все больше становился коммерческой зоной, а местные жители становились все беднее. В 1991 году молодой настоятель отец Роберт Маррон устроил ремонт, обошедшийся церкви в $300 тысяч, собранных энергичными прихожанами, – некоторые из них сами возили тачки с цементом, чтобы обновить пол.

Яркие проповеди отца Маррона привлекали в церковь новых людей. Изучавший литургику священник понимал, какие возможности для богослужений дает это огромное пространство в запущенном здании, и распорядился покрасить внутренние стены со сводами в белый цвет; по словам богослова Джоан М. Нат, «это подчеркивало простое изящество архитектуры и напоминало часовню в монастыре цистерцианцев»[525]. Бледные колонны в коринфском стиле гармонично сочетались с узкими витражами. Маррон избавился от мягких скамеечек для коленопреклонений и излишеств интерьера, чтобы подчеркнуть значение алтаря, который стал как бы духовным якорем на большом пустом пространстве, что особенно важно было во время процессий. Это прекрасное место дышало покоем. К середине 90-х в церкви Св. Петра насчитывалось семьсот прихожан, большинство из которых приезжало сюда по воскресеньям на мессу из пригородов: юристов, специалистов по лечению деревьев, учителей, врачей, ученых и профессионалов, которые щедро тратили свои силы на социальное служение, обучали руководителей, собирали одежду и книги, работали в библиотеке и вместе помогали справляться с жизнью престарелым.

Когда Леннон занялся жизнью городских церквей, Св. Петра присоединили к кластеру приходов. Храм находился неподалеку от собора Св. Иоанна Богослова, где Леннон служил мессы. Когда прихожане узнали ужасную новость о решении закрыть приход, один спонсор связался с отцом Марроном и предложил его приходу $2 миллиона, чтобы тот мог выжить. Это предложение взволновало Боба Маррона. С разрешения диоцезии он занимался очередным ремонтом Св. Петра к юбилейной дате, когда этому старейшему католическому храму и одному из старейших религиозных зданий, построенных до Гражданской войны, исполнялось 150 лет; при этом Маррон не брал ссуд из банка и также не перечислял

денег диоцезии. Теперь же он получал возможность выплатить диоцезии $750 тысяч, оплатить запланированный снос старого здания школы и сохранить $1 миллион на дела социального служения.

Леннон велел Маррону отказаться от этого предложения, потому что приход все равно будет закрыт.

Юристы из числа прихожан хорошо знали о решении по делу 1888 года «Мэнникс против Перселла», когда приходы Цинциннати подали апелляцию в Верховный суд Огайо и им удалось оспорить решение епископа о продаже церквей для выплаты долгов церковного банка, которым руководили епископ и его брат. Однако в диоцезии Толедо, где приход Св. Иакова в сельской местности около Канзаса, штат Огайо, оспаривал в гражданском суде решение епископа Леонарда Блэра от 2005 года о закрытии церкви, ссылаясь на дело «Мэнникс против Перселла», суд штата встал на сторону епископа Толедо[526].

Прихожане не стали подавать апелляцию на решение суда штата. Юрист из Колумбуса Николас Питтнер, чья фирма отстаивала интересы прихода, прокомментировал случившееся такими словами: «Суть дела состояла в том, что епископ закрыл церковь и взял себе ее деньги. Прихожане, вкладывавшие деньги в свою церковь, были бенефициариями траста. Мы стояли на том, что епископ как доверенное лицо не вправе присваивать себе эти средства. Епископ согласился: да, я доверенное лицо, но согласно каноническому праву бенефициарий представляет собой юридическое лицо», – то есть приход вместе с епископом как единое целое. «А что такое юридическое лицо? – продолжал Питтнер. – Апелляционный суд штата побоялся заявить, что юридическое лицо – это фикция. Какие законы здесь следует применять? Законы штата Огайо о собственности? Или могут ли на федеральном уровне решать этот спор на основании каких-либо еще законов, кроме канонического права?»

«Мы потратили более $100 тысяч на юристов, пытаясь добиться возвращения нашей собственности, – сказала мне Вирджиния Халл, активист прихода Св. Иакова. – На счету прихода лежало $77,975 тысячи – все эти деньги отошли к епископу Блэру. Диоцезия передала нашему адвокату заявление о том, что большая часть средств прихода перешла к адвокату, защищавшему их против нас. Они предложили нам использовать церковь для проведения встреч и общественных мероприятий, но не для богослужения. Методистская церковь предоставляла нам место и часы для совершения воскресной мессы. Женатый францисканец-священник приезжает сюда служить мессу и совершать таинства. По воскресеньям обычно собиралось около 160 человек. Сейчас их осталось 45. Некоторые люди ездят на мессы в близлежащие города, другие оставили веру. Мы не хотим быть членами прихода, находящегося в десятке с лишним километров от дома. Здесь мы многое делаем для нуждающихся. Диоцезия разрушила наш приход. Нам

позволили сохранить колокольню с колоколами. Земля будет продана. Мы чувствуем близость Бога сильнее, чем раньше. Похоже, епископы просто не понимают, что такое община».

Слова Вирджинии Халл вполне точно описывают епископа Леннона, канониста-самоучку, который перенес стратегию изъятия, как заразное заболевание, из Бостона на новую подвластную ему территорию. «Диоцезия Кливленда не в состоянии обеспечить прихожан проверенной информацией, которая нужна для оценки финансового положения диоцезии», – сказал Джек Рул, профессор бухгалтерского дела Университета Западного Мичигана, глубоко разбирающийся в церковных финансовых отчетах. Изучив опубликованные документы финансового отдела диоцезии, ее фонда и Католического милосердия, он сделал нелестные выводы: «Каков точный объем активов и долгов диоцезии? Каковы денежные обязательства диоцезии относительно вышедших на пенсию? Существуют ли у нее обязательства выплачивать компенсации жертвам духовенства? Хотя епископ Леннон опубликовал «Отчет для общины» в 2009 году, где приведены цифры о доходах и расходах церквей за последние два года, эти данные не подвергались ревизии. «Финансовый отдел» понимается в этих документах в слишком узком смысле, так что в его финансовом отчете нет сведений о «проблемных» средствах, таких как резервный фонд собственности и несчастных случаев, из которого брали деньги для выплаты компенсации жертвам сексуальных преступлений. Ничего этого нет. Эти документы нельзя назвать прозрачным финансовым отчетом. Слишком многое остается в тени».

Гражданский процесс прихода Св. Петра будет стоить сотни тысяч долларов в судебной системе города и штата, которая всегда показывала раболепное отношение к Католической церкви; даже если суд встанет на сторону прихода в вопросе о собственности, Леннон может отказаться назначить туда священника. И никакой суд уже не властен влиять на его решение.

Активисты прихода Св. Петра решили подать апелляцию в Ватикан на решение о закрытии прихода, хотя они понимали, что в Сигнатуре дело может разбираться годами и что, как сказал мне один из их прихожан, «Ватикан склонен защищать епископов, а не рядовых верующих». Группа прихожан создала Общину св. Петра, зарегистрировавшись как некоммерческая благотворительная организация в соответствии со 501(c)(3) статьей Налогового кодекса. Они занялись продажей отремонтированных автомашин в Кливленде в районе прихода и смогли собрать $200 тысяч, чтобы покрыть расходы на аренду, административные нужды, социальное служение, а также зарплату и медицинскую страховку для отца Маррона, чтобы тот мог оставаться их настоятелем, хотя диоцезия предоставила ему отпуск. На возобновившихся воскресных службах там присутствовало по четыреста человек, почти две трети от

числа прихожан.

По мнению Джо Смита, пенсионный фонд духовенства Кливленда находился в хорошем состоянии, в 2006 году в нем насчитывалось около $90 миллионов. Чем бы ни руководствовался Леннон, он так и не смог привести весомых доводов в пользу своей программы, приносившей вред жителям города, и без того находящимся в бедственном положении.

Приход Св. Петра был закрыт на Пасху 2010 года. Во время последней мессы отец Маррон вспоминал о его славной истории. Он упомянул о «трагических и даже греховных решениях», принятых некоторыми иерархами. Люди плакали, когда он называл приход «пустым гробом» и предостерегал тех, кто «не видит разницы между слепой верой и верностью… и тем самым позволяет превращать другие церкви в гробницы для живых мертвецов».

«Сила страха, которая породила эту несправедливость, не будет здесь последним словом и никогда не должна им стать. Понимаю, что это кажется невыносимым для нас, но мы сможем это вынести. Идите в мир и будьте там живыми камнями. Бог будет обитать среди нас, где бы мы ни оказались»[527].

11

Долги апостольского преемства

В начале 2008 года Марсиаля Масьеля Деголладо похоронили в семейной гробнице в Котихе-де-ла-Пасе в глубине Мексики, хотя он претендовал на склеп в Риме в базилике Пресвятой Девы Гваделупской – на место, подобающее для кандидата в святые. Прославленные основатели монашеских орденов, такие как Франциск Ассизский или Игнатий Лойола, остаются образцами для их духовных последователей в течение веков. Вопрос о канонизации Масьеля был закрыт в 2006 году, когда Ватикан велел ему оставить общественное служение для «уединенной жизни в покаянии и молитве». Это коммюнике, которое фактически запрещало ему действовать в Риме, указывало на то, что папа Бенедикт отказался от позиции Иоанна Павла, защищавшего Масьеля от суда и не принимавшего решительных мер на фоне масштабного скандала вокруг преступлений священников.

Кардинал Содано, государственный секретарь, постарался вставить в коммюнике, выпущенное пресс-службой, хвалебные слова в адрес Легиона Христа и Регнум Христи. Ратцингер проигнорировал показания тридцати человек, ставших жертвами сексуальных преступлений, которые собрал защитник справедливости монсеньор Шиклуна, тем самым Ватикан оправдал длившуюся восемь лет кампанию Легиона, нападавшего на жертв Масьеля, несмотря на то, что разочаровавшиеся бывшие члены Легиона и Регнум Христи продолжали посылать новую информацию Шиклуне. Ратцингер, ставший Бенедиктом, одобрил коммюнике.

Масьель отправился в Мексику для встречи с Нормой Хильдой Баньос и ее и его дочерью Нормитой, которой тогда уже исполнилось двадцать лет. После смерти Масьеля многие могли увидеть его фотографию с Нормой в Котихе, сделанную в марте 2005 года[528]. Наследие Масьеля – и бездействие Иоанна Павла относительно него – стали миной замедленного действия, которой суждено было взорваться при столкновении Бенедикта с Легионом Христа[529].

За несколько месяцев до выхода решения 2006 года Содано появился вместе с Масьелем на религиозной конференции в прекрасном тосканском городе Люкке. Содано старался сделать так, чтобы Масьель обрел тот иммунитет, которым обладают епископы и кардиналы в силу логики апостольского преемства. Ватикан рассматривает иерархов как духовных наследников апостолов Иисуса. Согласно каноническому праву, кардинал или епископ может быть снят со своего поста, но на практике это делается только по решению папы как верховной власти. За четверть века, когда церковь раздирали сексуальные и финансовые скандалы, наблюдатели могли усвоить только один урок: что кардиналы и епископы стоят выше этих грубых ошибок и нравственных преступлений. Австрийский кардинал Ганс

Германн Гроэр славился «откровенными гомосексуальными домогательствами по отношению к большинству своих учеников» задолго до того, как он стал архиепископом Вены, писал Леон Подлс, автор книги «Кощунство»[530]. После того как в 1995 году из-за обвинений ему пришлось уйти на покой, Гроэр сохранил свой высокий сан. Иоанн Павел воздерживался от его публичного осуждения, но призывал молиться за Гроэра несколько лет спустя, когда кардинал скончался. Папа не нашел слов утешения для жертв Гроэра. Что же касается Масьеля, он, несмотря на свою финансовую власть главы международного ордена, не был ни епископом, ни кардиналом.

Бернард Лоу, Дарио Кастрилльон Ойос и другие кардиналы, покрывавшие педофилов, стали причиной финансовой катастрофы. Прелаты не столь высокого ранга, такие как канонист-самоучка епископ Леннон, в силу своей некомпетентности разоряли приходы и отнимали у них деньги. «Вся иерархическая структура Церкви целиком и полностью строится на святости верных», – заявил Иоанн Павел в документе, запрещавшем рукоположение женщин[531]. Церковная традиция видит в иерархах продолжение звеньев непрерывной цепи, которая тянется к апостолам Иисуса; считается, что они должны взращивать святость, которая отражает Царство Божие. Многие епископы действительно к этому стремились. Можно вспомнить о выдающихся примерах из недавнего времени, таких как мученик Оскар Ромеро из Сальвадора или Самуэль Руис из Чапаса: эти люди воплощали в себе солидарность с бедными. Но иерархи не жалеют средств, если нужно защищать провинившегося прелата на светском суде. Такая логика самозащиты делает апостольское преемство кастовой системой. Кардиналы представляют собой дворянство, каждый такой князь потенциально может стать понтификом; архиепископы и епископы – это элита среди духовенства, а в самом низу находятся рядовые католики, на чьи пожертвования церковь существует.

Догматическая конституция Церкви от 1964 года *Lumen Gentium*, вдохновленная Вторым Ватиканским собором, говорила о рядовых католиках как о народе Божием. Богословы начали размышлять о народе Божием, выражая в своих трудах надежду на то, что в управлении церковью появится плюрализм и что в нее внесет вклад мудрость людей, состоящих в браке[532]. Но два последних папы не верили в ценность этой идеи, она стала для них чем-то вроде ненадежной иностранной валюты. Молись, плати, слушайся – вот чего ожидал Рим от верных. Иоанн Павел и Бенедикт, отбирая епископов, дали понять, что народ Божий не должен влиять на решения иерархов. В тот момент как кардинал Лоу стал оказывать влияние на выбор кандидатов в епископы в Америке, Иоанн Павел ввел простой, как лакмусовая реакция, тест – он

отстранял священников, которые поддерживали идею отмены обязательного целибата или рукоположения женщин. Когда зашумели скандалы вокруг сексуальных преступлений священников, выяснилось, что послушные епископы и реакционные богословы укрывают растлителей детей, хранят молчание о гомосексуальной культуре в семинариях и редко теряют свои посты из-за дурного обращения с деньгами церкви. Подчинение совести власти папы – вот что требовалось, чтобы стать епископом и совершать успешную церковную карьеру. Когда Конгрегацию духовенства в Священной канцелярии сделали оплотом нравственности, Иоанн Павел показал глубокое безразличие к жертвам священников и к страданиям рядовых прихожан из-за скандалов – и это красноречиво говорило о том, что апостольское преемство неразрывно связано с высокомерием и спесью.

Кардинал Ратцингер наказывал богословов, которые занимались сложными вопросами совести в реальной жизни народа Божия: Чарльза Каррена, писавшего о предупреждении беременности, Ганса Кюнга, ставившего под сомнение непогрешимость папы, Леонардо Боффа, смотревшего на проблему бедности через призму теологии освобождения, и других интеллектуалов. Ратцингер показал, что вопрос о нравственных истинах вправе решать лишь Ватикан, он требовал *послушания* – «добровольного согласия» с магистериумом, то есть органом его конгрегации, занимавшимся вероучением. Слово «*Курия*» происходит от латинского *covir* – люди среди людей. «Свобода, которую призван давать целибат для бескорыстного служения, практически сводится на нет, когда не признается свобода дискуссий», – писал Гарри Уиллс[533]. Не зашла ли церковь после Второго Ватиканского собора «слишком далеко» при столкновении с миром, который мог наблюдать за полетами на Луну? Вот какой вопрос беспокоил иерархов. Консерваторы с восторгом смотрели за тем, как Иоанн Павел и Ратцингер решительно борются с «отклонениями», но не обсуждали лицемерие Ватикана, защищавшего виновных епископов во время сексуальных скандалов или отца Масьеля.

Юджин Кеннеди писал об этом в своей книге «Незаживающая рана»: «Провозглашенная цель защищать учение церкви выглядит благородно. Церковь, нашу святую мать, как ее называют, не должны «осквернять» ложные учения или ошибочные практики, нельзя спорить против папского авторитета в вопросах веры». Тем не менее:

> …За этим кроется психологическая и духовная реальность, которую нетрудно распознать. Мужчины борются против других мужчин, чтобы лишить их мужской силы… Чувство собственной правоты тоталитарно, оно оправдывает атаки на мужество других людей, стремление их кастрировать для блага

института, который не замечает отбрасываемой им тени и думает только о своей победе. Женщин также следует контролировать и ставить на место, но мужчин с их потенцией нужно лишить силы, разрушить их как мужчин, а также унизить и покрыть их позором[534].

Ратцингер мог выразить свое разочарование на службе Страстной пятницы в 2005 году в Колизее, когда он заменял умирающего папу. Тогда кардинал произнес ядовитые слова: «Как много мерзости в церкви и даже среди священников», – которые затем повторяли СМИ по всему свету. Когда же тело Иоанна Павла было выставлено в базилике Св. Петра, масс-медиа демонстрировали миру величественную трагедию. Отец Том Уилльямс, член Легиона и преданный защитник Масьеля, давал свои комментарии для передачи *Today* канала NBC, при этом уверенная в себе и смелая Кэти Коурик не задала ему ни одного вопроса о его начальнике, подозреваемом в преступлениях. По иронии судьбы кардинал Ратцингер в своей проповеди на мессе перед открытием конклава отчаянно выступал за христианские ценности. Он сказал: «Мы строим диктатуру релятивизма, который не способен признать что-либо абсолютным».

Понтификат Бенедикта XVI был проникнут конфликтом между нравственными абсолютами и неизбежными при управлении компромиссами. Этот нравственный абсолютист, выступая в своем старом колледже в немецком городе Регенсбурге, процитировал нелестный отзыв византийского императора об исламе. Журналисты, которые могли заранее познакомиться с текстом выступления, предупреждали представителей пресс-центра Ватикана о том, что «эта речь вызовет проблемы в отношениях с мусульманами», писал биограф Иоанна Павла и замечательный корреспондент газеты *La Repubblica* Марко Полити. «Кардинал Анджело Содано предупредил Бенедикта о том, что эта лекция подвергает папу риску»[535]. Это не испугало Бенедикта, который выступил со словами, возмутившими мусульманских лидеров; после них произошли нападения на несколько церквей на Западном берегу Иордана и в Газе, а в Сомали была обстреляна и убита итальянская монахиня, работавшая в детской больнице. Полити продолжал:

«Когда я разговаривал с ним в ноябре 2004 года, всего за несколько месяцев до того, как конклав выбрал его папой, кардинал Ратцингер сказал: «Становится все очевиднее, что всемирная церковь, особенно в нынешней ситуации, не может управляться монархом с абсолютной властью… это означает, что иногда нужно будет глубокое сотрудничество епископов с папой, поскольку только это позволит нам ответить на те проблемы, которые перед нами ставит нынешний мир».

Бенедикт XVI не сделал ничего для того, чтобы этот принцип стал реальностью[536].

Быть может, именно идея сотрудничества подвигла Бенедикта на реабилитацию ультраортодоксального Общества св. Пия X – которое Иоанн Павел запретил, считая его сектой. Этот плод трудов кардинала Кастрилльона породил скандал, когда один из епископов Общества, давая интервью для телевидения на шведском, заявил, что холокоста не было. Последовал шум, папа снова принес извинения.

Харизма в бухгалтерии

У Содано были практические причины сделать так, чтобы Легион Христа получил одобрение Святейшего Престола. На карте стояла его собственная репутация. Фотографии кардинала украшали холлы кампуса Регина Апостолорум и центра Регнум Христи в Риме. Легион добивался поддержки важнейших служащих Курии, щедро оплачивая им совершение месс: они получали от $2500 до суммы в несколько раз больше, в зависимости от важности церемонии. В 2006 году Масьель удалился в Котиху, а семинаристы Легиона бегали по Риму, раздавая сторонникам ордена из Курии корзины с рождественскими подарками в виде изысканных вин и испанских окороков стоимостью в тысячу долларов. Масьель ушел, но его беспокойная – и она действительно стала для кого-то источником беспокойства – деятельность вросла в инфраструктуру Ватикана.

При своем бюджете в $650 миллионов Легиону приходилось руководить сложными операциями по сбору денег из Хэмдена, штат Коннектикут, где в лучшие времена в 2005 году на орден работала сотня нанятых профессионалов. «Если работник заболевал, они изо всех сил старались ему помочь, – сказал мне Фредрик Акерблом, работавший на Легион. – Если у кого-то находили рак, он продолжал получать свою зарплату и ему оказывали помощь. Это меня привлекало и вызывало мое уважение. Однако они не заботились о здоровье братьев [Легиона]. Они обсуждали это между собой и говорили, что молодые люди должны претерпеть это ради Христа, в результате чего семьи оплачивали их страховку».

Мэри Кунце – мать Криса Кунце, работавшая в госпитале Ильм-Грув (штат Висконсин) специалистом по биоэтике, – много размышляла о судьбе своей дочери, которая в 2010 году жила в общине Регнум Христи в Дублине, принеся свои обеты пятнадцать лет назад. «Я беседовала с Элизабет хотя бы раз в месяц, – сказала она мне. – В последний раз я спросила, брали ли у нее мазок шейки матки или делали ли ей маммографию. Там никогда не делали подобных вещей. Во время последнего медосмотра у нее не проверяли ни кровь, ни мочу. Их не заботило здоровье таких тихих скромных людей, как моя дочь. Она там не получает никаких денег и не может приехать домой, если мы ей не вышлем денег, и лишена даже элементарного медобслуживания. Ей уже сорок пять, и в таком возрасте женщинам нужно проходить эти простейшие тесты. У них нет страхования здоровья. А это ужасно богатый орден! Она говорит, что счастлива заниматься Божьим делом, но я в этом сомневаюсь – они умеют промывать мозги. Эти женщины не смеют просить о том, что им нужно. Им кажется, что подобные просьбы эгоистичны. Они не

обладают основными правами человека. Я бы хотела, чтобы Бенедикт навел у них порядок».

«По большей части страхованием членов Легиона и Движения занимается орден, – сказал мне официальный представитель Легиона Джим Фэр. – Обычно это не страховой договор, но мы просто платим за оказанную помощь».

Роберта Гарса, младшая сестра отца Луиса Гарсы, ставшего заместителем главы Легиона, рассказала о том, что случилось, когда ее сестра, член Регнум Христи, переехала из Рима в Мексику: «Они полагали, что мы должны оплачивать расходы на ее лечение – а это были немалые деньги. Так, ей удалили селезенку и пролечили все зубы, я не говорю о мелких расходах. Похоже, там она не проходила регулярных осмотров и ей не назначали профилактических мер, когда ею занимался Легион, и вот она приехала домой, и за все накопившиеся за эти годы медицинские проблемы должна расплачиваться ее семья».

Акерблом был членом Регнум Христи в Коннектикуте, а затем вернулся в свою родную Швецию. «Со временем, – объяснил он, – я понял, что наши жертвователи видели в любой критике Легиона нападение на веру. Легион умело расправлялся с проблемой критики: мы никогда не говорим плохо о тех, кто нас ругает. Жертвователям казалось, что их преследует либеральная среда. Члены Легиона приучили всех к мысли, что они окружены врагами и что любое негативное высказывание в их адрес свидетельствует об испорченности падшего мира».

«Мы рассылали миллионы, – продолжал Акерблом, – буквально миллионы писем потенциальным жертвователям. Всех привлекал образ молодых людей в сутанах. Он задевал какие-то глубокие струны в людях, он давал надежду на то, что в церковь вернется прошлое, когда здесь были приличные молодые люди ортодоксальных взглядов на веру и консервативных взглядов на жизнь. Нам удавалось собирать много денег. Когда я этим занимался, меня беспокоило то, что я не знаю, что будет с этими деньгами, когда мы отдадим собранные пожертвования».

Работники, занимавшиеся в Хэндеме сбором денег, вели телефонные переговоры, обращались к жертвователям напрямую по электронной почте, встречались с ними и вели базу данных с помощью Регнум Христи, чтобы выискивать богатых сторонников.

Один анонимный источник ознакомился с отчетом Легиона об анализе этой базы данных в 2005 году.

В отчете использовался термин «критически важный дар – это единое пожертвование наличными в сумме $10 тысяч и более». Между 2002 и 2004 гг. (когда дело Масьеля лежало в трибунале Ратцингера без движения) особое внимание отчет обращал на 295 крупных жертвователей, как их там называли, которые вносили по $10 тысяч и выше за раз. 48 процентов пожертвований были получены благодаря прямым

письменным обращениям.

> Чтобы изучить критический путь этих жертвователей при прямом письменном обращении, было составлено и проанализировано 137 досье с историей отношений с ними.
>
> Почти 70 % (95 из 137) исследованных жертвователей встречались со священниками или братьями Легиона, а в 80 случаях из 137 (58 %) имело место позитивное критическое событие – то есть такое событие, благодаря которому жертвователь изменил свое отношение к Легиону, – о чем можно судить по заметкам в досье жертвователя…
>
> Тем не менее лишь среди крупных жертвователей идентифицируемое критическое событие влияет на размер пожертвования. Это позволяет предположить, что критическое событие – и тесные межличностные взаимоотношения, которые его спровоцировали, – играют более важную роль в случае крупных пожертвований.

Далее идет анализ «критических событий», и отчет разъясняет:

> Когда жертвователи связаны с Легионом на глубоком уровне – либо через духовное руководство священника Легиона, либо через вхождение в Регнум Христи, – они жертвуют щедрее. По словам епископа Альфреда Стэнвея [Епископальная церковь], «деньги следуют за служением».
>
> В нашем случае деньги следуют за харизмой[537].

По определению покойного иезуитского богослова кардинала Эвери Даллеса харизма есть «дар благодати, дающийся не для личного освящения человека, но для блага других»[538]. В религиозном ордене харизма определяет его особенности, его видение, его уникальный характер. Доминиканцы занимаются преподаванием и славятся своими проповедями; францисканцы посвящают себя бедным; иезуиты ценят аналитическое мышление и ученость и стремятся стать «людьми для других» в своем служении.

По свидетельству отчета с анализом пожертвований, жертвователи Легиона «отзываются на то, что отличает Легион от Опус Деи, Красного Креста или Нотр-Дам: на тот путь апостольской миссии и духовной подготовки священников, мирян и мирянок, который проложил отец Масьель».

Легион распространял книгу о духовной жизни отца Масьеля «Псалтырь моих дней». После его смерти орден признал, что многое там переписано из книги «Псалтырь моих часов» испанца Луиса Лусии, христианского демократа, который писал свой труд в тюрьме в 1930-х. Лусия умер в Валенсии в 1943

году. Испанские члены Легиона сообщили Католическому агентству новостей, что текст Масьеля включает «восемьдесят процентов содержания и стиля оригинала»[539] – иными словами, речь идет просто о краже.

Харизмой Масьеля был сбор денег.

В отчете Легиона о пожертвованиях перечисляются семь жертвователей в порядке их значения. Около каждого имени стоят графы «принесенная суммарная прибыль» и «критическое событие». Первым в списке значится жертвователь, «принесенная суммарная прибыль» от которого составила $10,686341 миллиона. Критическое событие произошло во время проведения духовных упражнений в нью-йоркском центре Легиона в Торнвуде: это было «сильное духовное переживание и духовное руководство» двух членов Легиона, обозначенных инициалами. «Желает помогать ЛХ», – стояло в конце.

Второе место занимал жертвователь, принесший $1,043629 миллиона, который пережил «критическое событие, участвуя» в качестве «соведущего супруга» в программе «Фамилиа».

«Фамилиа» – это программа служения семьям, которую Легион отнял от его основателей, Пола и Либби Селлорс. Эта пара наняла юриста и получила компенсацию во внесудебном порядке[540]. Информация об этом была передана в Ватикан монсеньору Шиклуне.

Третий в списке жертвователь принес доход в размере $308,435 тысячи; он «встречался со священником и братом ЛХ; дочь вовлечена в [молодежную] программу отца Масьеля».

О четвертой жертвовательнице (принесшей $204,772 тысячи) говорится: «Включена в РХ, расположена, смерть мужа дала ей свободные деньги».

И так далее, до десятого дарителя ($145,052 тысячи), о котором в графе «критическое событие» говорится: «Включен в РХ» – то есть в Регнум Христи, и это значит, что сделка завершена.

После публикации коммюнике Ватикана, вынудившего Масьеля сойти со сцены, руководители Легиона могли перегруппироваться и продолжать работу с ватиканскими чиновниками. Легион через свое новостное агентство Zenit иногда сообщал, что глава ордена отец Альваро Коркуэра встретился с Бенедиктом. Можно представить себе, что папа оказался в трудном положении. Как и в случае с Обществом св. Пия X, эта группа отклонялась от ортодоксии, а кроме того привыкла жить в послушании у психопата. Легион представлял другой полюс в спектре нравственного релятивизма: духовная подготовка священников и семинаристов, принимавших частные обеты никогда не говорить дурно о Масьеле, была подчинена его тирании. Частью культуры Легиона было расточать похвалу Масьелю и защищать его имя.

Шиклуна, важнейший советник Ратцингера по каноническим вопросам, собрал немало материалов, позволявших закрыть орден, в случае чего СМИ бы заговорили о папе, готовом совершать реформы. Что же его остановило? Папа мог выбрать одно из двух, и любое решение было не слишком простым.

В случае закрытия Легиона требовалось бы проводить переподготовку его священников, семинаристов и членов Регнум Христи, включая терапию и пастырское консультирование – а это нелегкая задача. Это был бы путь нравственного абсолютизма. Как писал Камю: «Сверхчеловеческое – так люди называют задачи, на решение которых уйдет много времени, ничего больше»[541].

Либо он мог показать гибкость и выбрать путь нравственного релятивизма, терпеливо отнестись к членам Легиона с их искаженными жизнями, установить контроль Ватикана над орденом, получить доступ к его финансам и отложить приговор, чтобы оставить этот «бренд», сохранить их репутацию.

Решение 2006 года отражало конфликт между моральным абсолютизмом Бенедикта и его гибким подходом к испорченному ордену. Под влиянием Содано папа принял решение спасти орден, основатель которого был изгнан. Легион здесь же показал раздвоенность своего сознания, заверяя о верности Бенедикту и одновременно говоря о том, что Масьель «с чистой совестью» решил, подобно Иисусу, не защищать себя. Легион на своем внутреннем рынке стал убеждать своих приверженцев в том, что, поскольку дело Масьеля *никогда не разбиралось судом*, их основатель невинен.

Юрист Гленн Фавро, проведший тринадцать лет в ордене, вспоминал: «В Легионе меня больше всего поражала одна вещь: им нужно было постоянно себя защищать. Они находили свою идентичность, когда противопоставляли себя другим – критикам Масьеля, врагам Легиона. А если отнять у них Масьеля – кто бы они такие были?»

Эту «стратегию сдерживания» в версии 2006 года Ватикану пришлось резко поменять, когда в 2008 году Легион сообщил своим приверженцам, что у Масьеля есть незаконная дочь. Глава ордена Коркуэра, которого долго терзали мигрени и бессонница, посещал различные общины и дома и открывал эту страшную тайну. Как долго ее скрывали? Вероятно, и Коркуэра, и аскетический Луис Гарса, главный финансист ордена, уже давно знали, что деньги, пожертвованные Легиону, идут на содержание семьи Масьеля в Мадриде. Когда Коркуэра сообщил об этом Бенедикту? Некоторые сторонники Легиона приносили извинения в том, что ранее защищали отца Масьеля. «Это странно, необъяснимо и никак не соответствует облику католического священника», – заявил с подобающей осторожностью один официальный представитель Легиона[542]. Некоторые известные священники Легиона оставили орден.

И потому в 2009 году Ватикан распорядился о проведении расследования, касающегося всего ордена. Это был беспрецедентный случай за всю историю церкви современного периода.

Легион с его двусмысленной идентичностью стал для Ватикана Смоляным Чучелком из «Сказок дядюшки Римуса» – клейким истуканом в чаще лицемерия, к которому прилипли церковные сановники и папа Бенедикт в момент скандалов 2010 года.

Эти события получили необычайно широкую огласку в Италии, а в то же самое время против Святейшего Престола был подан в Орегоне американский иск со стороны жертвы одного священника, который переехал из Ирландии в Америку[543]. Когда апелляционный суд Орегона отказался отклонить обвинение Ватикана как соучастника преступления, адвокат Джефф Эндерсон получил ту точку опоры, о которой мечтал многие годы. В этом же году Джеффу Эндерсону и папе Бенедикту предстояло оказаться на двух полюсах скандала, причем по иронии судьбы оба они выступали как защитники справедливости для жертв Масьеля.

12

Другая Калифорния

В нем кипела энергия. Он заряжался на рассвете с помощью жидкой смеси из фруктов и восемнадцати витаминов – трое его сыновей называли это «кашкой». Иногда благодаря своей жизненной силе он мог энергично работать в течение четырнадцати часов безостановочно. Он встречался с клиентами, на жизнь которых продолжала оказывать действие детская травма, и узнал, что преступники спрятали следы своих злодеяний в душах своих жертв[544]. Они выросли и пытались как бы вернуться в прошлое, чтобы защитить свое детство. Джефф Эндерсон тратил немало времени на расследования, чтобы выявить преступников; большинство из них избежало суда, поскольку прошло слишком много времени. Тем не менее Джефф извещал о них полицию. Он занимался вопросами урегулирования в гражданских исках, где на процессы в среднем уходило по три года, и привык ругать епископов, когда говорил о новых раскрытых преступлениях на распространяемых по Сети видео, записанных в его офисе (ранее это помещение занимал банк, открытый торговавшим деревом магнатом) в Сент-Поле. Он вырабатывал общую стратегию в разговорах со своими коллегами из других штатов и потому держал в уме общую картину многих подобных случаев. Путь домой в Стиллуотер, где он жил в викторианском особняке над рекой Сент-Крой, занимал у него сорок пять минут; в это время он разговаривал по мобильному телефону. Поужинав, он совершал пробежку, чтобы немного успокоиться, и ложился на пять часов поспать.

Джефф Эндерсон был человеком роста метр шестьдесят три с редкими светлыми серебристыми волосами и морщинистым лбом, всегда покрытым загаром. На его лице появлялась улыбка чеширского кота, отражающая волнение, которое легко превращалось в негодование. «Все дороги ведут в Рим, – сказал он 19 апреля 2010 года журналисту *Washington Post*. – Мы их преследуем. Мы берем их за задницу»[545]. Три дня спустя он обратился с ходатайством в федеральный суд о том, чтобы папа Бенедикт XVI отвечал на вопросы под присягой[546]. Один священник из Висконсина за долгие годы растлил две сотни глухих учеников; кардинал Ратцингер не согласился лишить его сана после продолжительной переписки с Рембертом Уиклендом, архиепископом Милуоки. Эндерсон и его помощник Майк Финнеган завладели их письмами и передали копии Лори Гудстейн из газеты *New York Times*. Репортаж *Times* вызвал много вопросов относительно действий папы, когда тот был кардиналом, так что Ватикан оказался в неловком положении[547].

«Все нити ведут к папе, – сообщил Эндерсон корреспонденту газеты *Minneapolis Star-Tribune*. – Смещение [папы] кажется невероятно дерзкой претензией, но это не так. Его надо признать ответственным за то, что детские души по всему миру подвергались пыткам и калечились»[548].

Эти слова с их резкой риторикой подогревали возмущение, и их охотно повторяли журналисты. Но кроме того Эндерсон накопил массу материалов о случаях, когда начальство позволяло преступникам жить спокойно. Эндерсон с 1984 выступал на судах против церкви и проиграл не менее дел, чем выиграл, после чего снова собирался с силами, готовясь вступить в очередной бой. В Висконсине ему пришлось нанять адвоката самому себе, когда церковные юристы потребовали применить к нему карательные меры в Мэдисоне. Преступник был лишен сана, но для закона его преступления были слишком далеким прошлым. Эндерсону пришлось потратить на свою защиту $40 тысяч. В 1995 году Верховный суд Висконсина вынес решение, которое закрывало возможность подавать иски на церковь при сексуальных преступлениях. Тогда Эндерсон придумал обходной путь: он начал подавать иски против епископа Висконсина, обвиняя того в мошенничестве, поскольку, делая вид, что педофилы – нормальные священники, епископ совершал гражданское правонарушение. Это позволило ему продолжать бороться.

К весне 2003 года у него насчитывалось около 150 клиентов. На протяжении предыдущих двадцати лет он представлял интересы примерно пятисот жертв преступлений, на урегулирование претензий которых было выплачено в сумме $60 миллионов. Ему удалось добиться успеха на нескольких крупных процессах, где в результате решения суда жертвы получали по нескольку миллионов. Здесь Эндерсону был свойственен экуменизм; он участвовал в делах, где преступниками были протестантские пасторы, кришнаиты, члены Свидетелей Иеговы и мормоны, но чаще всего его клиентами оказывались католики. Его доля при каждом успешном процессе составляла 40 процентов плюс оплата издержек, затем он делился полученными средствами со своими юридическими партнерами, но в 2002 году Эндерсон покинул фирму, в которой проработал долгие годы. В 2003 году в крупных делах, которыми он занимался, речь шла о шестизначных суммах и больше.

«Деньги никогда не были для Джеффа главным делом, – сказала в 2003 году его жена Джулия, гибкая блондинка, которой приходилось многое претерпеть из-за мужа. – Он любил изображать из себя задиристого адвоката третьего сорта… Он был актером на сцене. И он прекрасно управлял аудиторией»[549].

Эндерсон оказывал значительную финансовую поддержку Сообществу жертв священников (СЖС), группе активистов, которые постоянно оказывали давление на епископов, требуя, чтобы те раскрыли имена преступников. СЖС раскладывало свои буклеты около церквей, распространяло информацию о преступниках, нападало на епископов, которые не принимали никаких мер. Поскольку об этой группе

говорили СМИ, она постоянно росла. В ней состояли родители, дети которых совершили самоубийство, бывшие полицейские, таксист, преподаватель английского из университета, секретарша офиса, братья-близнецы, окончившие Гарвард, портретист, программисты, агенты по недвижимости, медсестра, машинист метро, бухгалтер, врач, учителя, матери, сидящие дома с детьми, пожарные, несколько священников, монахини и выздоравливающие алкоголики и наркоманы. В 2010 году Сообщество жертв объединяло девять тысяч человек. Некоторые другие адвокаты также вносили пожертвования в СЖС, которое существовало также за счет жертв, выигравших процессы и получивших компенсацию. В 2006 году бюджет СЖС превышал $900 тысяч. В 2009-м он снизился до $420 тысяч при расходах в размере $490 тысяч. Противники говорили, что СЖС должно опубликовать список своих спонсоров, но основательница группы Барбара Блейн заявила, что многие жертвы не желают называть свои имена[550].

Эндерсон подружился с руководителями Сообщества: с Блейн из Чикаго, Дэвидом Клохесси и Барбарой Доррис из Сент-Луиса и Питером Айли из Милуоки, – и эти люди вдохновляли его на труды. Он сочувствовал их победам и пылал их гневом. Он представлял Клохесси, одного из трех братьев, ставших жертвами священника, духовника семьи, в Миссури, где ничего не удалось добиться из-за истечения срока давности. Один из братьев Клохесси стал священником, и затем тоже совершал сексуальные преступления против несовершеннолетних и оставил служение. Братья, разделенные пропастью страданий, не говорили друг с другом годами. В этой семье царили разделения.

«Я не знаю, сколько денег я передал Сообществу жертв, – сказал мне Эндерсон, – сколько я выиграл и сколько потерял. Я не думаю о деньгах… Я разделяю цели и задачи СЖС. Я помогаю Сообществу с юридической защитой, потому что оно помогает жертвам исцелиться и говорит нечто важное суду общественного мнения. В этих параллельных вселенных наши цели пересекаются. Я бы делал то же самое для другой подобной некоммерческой организации. У нас возникло сотрудничество – это добровольные, а не денежные отношения».

Несколько раз Эндерсон был на грани достижения кредитного лимита в банке, поскольку он тратил огромные деньги на расследования, поездки и на борьбу за изменение законов штатов о сроках давности, которое бы позволило жертвам подавать иски. Епископы защищали старые законы, опасаясь того, что иначе диоцезии разорятся, церковные юристы обвиняли Эндерсона в том, что тот стремится к самообогащению. Он смело вступал в битвы. «Епископы всегда стояли за социальную справедливость, – говорил он, – они поддерживали «Новый курс» и стояли за права человека. Теперь же они стали

союзниками партии республиканцев, индустрии страхования и Торговой палаты США, отказываясь проводить реформы в законодательстве». Он имел в виду законы о сроке давности. Во многих случаях при выплате компенсаций жертвам страховые компании теряли огромные деньги, хотя с 1990-х годов диоцезии стали создавать для этого фонды для непредвиденных случаев. По мнению Эндерсона, закрытие приходов для урегулирования отношений с жертвами было бесчестным делом: церковь была в состоянии найти нужные средства иным путем.

«Когда епископ дает показания на заседании комитета, политики думают о голосах 235 тысяч избирателей из католиков. Представители страховых компаний опасаются расходов. Торговая палата заявляет, что эти процессы задушат бизнес. Мартин Лютер Кинг говорил, что в наше время мы движемся в сторону правды и справедливости. Я вижу, что мы все лучше осознаем, какую роль здесь сыграл Ватикан».

Его жена верно заметила, что деньги не были главным для ее мужа. Джефф вел битву с церковью. Он радовался тому, что давали деньги, радовался своему дому для отпусков в Стимбот-Спрингс в штате Колорадо, элегантному особняку на реке с роскошным крыльцом и викторианскими портиками в Стиллуотере, который они с женой недавно обустроили и отремонтировали, коллекции произведений религиозного искусства, отражавшей его интерес к духовному миру. Но скорее деньги были его оружием для борьбы с силами зла. «Тут надо быть психом и идти на огромный риск, – говорил он по телефону между двумя деловыми встречами в Чикаго. – С точки зрения бизнеса никто не считает, что эти вещи можно так делать. Я брался за множество таких случаев, которые казались безнадежными. Из всех поданных мною исков 40 процентов были отклонены из-за законов штатов о сроке давности».

Он родился в 1947 году и рос около Сент-Пола в удобном доме. У него были одна старшая и одна младшая сестра. Его родители, принадлежавшие к среднему классу, ходили в лютеранскую церковь, а затем перешли к конгрегационалистам. «Я чувствовал себя несвободным», – вспоминает он. Его отец, торговавший мебелью, был добрым человеком, но мало проявлял свою доброту; мать, как он вспоминает, была эмоционально холодной. «Я не помню детства. Я помню, что обо мне заботились, но в семье не хватало глубоких связей, и это как-то на меня повлияло. Возможно, мое неконтролируемое поведение объясняется тем, что я не получил в детстве чего-то нужного».

Закончив среднюю школу, он поступил в Симпсон-Колледж в штате Айова. Ему было девятнадцать, он был влюблен в Патти, девушку из большой католической семьи, и та забеременела. Они вступили в брак, у них родился сын. Эндерсон окончил колледж, успел поработать, а затем поступил в Университет

Миннесоты как раз в самые буйные шестидесятые годы. Он отрастил длинные волосы, покуривал травку и выходил на марши протеста против войны во Вьетнаме, желая еще активнее участвовать в перестройке общества. После окончания университета он поменял несколько работ с низкой зарплатой и начал изучать право на вечернем отделении Колледжа Уильяма Митчелла в Сент-Поле. К тому времени у них родился второй ребенок, девочка. Он неуспешно сдал экзамен, снова записался на курс правоведения и здесь ему посчастливилось стать студентом Розали Вэл, которая преподавала уголовное право, а позже стала судьей в Верховном суде Миннесоты. Его вдохновляла идея защищать людей, оказавшихся на задворках общества. Его факультет занимался юридической помощью бедным; здесь он взялся за дело черного мужчины, которого обвиняли в том, что он помочился на здание церкви. Эндерсон утверждал, что его клиент просто искал место, где бы пописать. Судья согласился с его мнением. «И в тот день я понял нечто новое, чего раньше не понимал, – сказал Эндерсон, когда мы сидели в его изысканном офисе, на стенах которого весели портреты Кларенса Дарроу и доктора Кинга. – Это *чувство силы*: что я могу повлиять на то, как общество поступает с людьми».

Он начал свою практику в качестве адвоката в уголовных делах, где он работал вместе со своим бывшим преподавателем. При этом ему приходилось заниматься делами о вреде, нанесенном личности, и оскорблении. В 1983 году к нему обратилась католическая семья рабочих с просьбой им помочь. Их 25-летний сын, отбывавший тюремный срок за растление несовершеннолетнего, сообщил им, что в детстве стал жертвой отца Тома Эдемсона. Они встретились по этому поводу с викарным епископом Робертом Карлсоном, возглавлявшим архидиоцезию Городов-близнецов. Тот посочувствовал им и послал чек на $1500. «Получите по нему деньги, – сказал Эндерсон. – И разрешите мне навестить вашего сына».

Глядя через стеклянную перегородку на юного заключенного, Эндерсон был тронут его печальной наивностью, которую он часто мог наблюдать у своих клиентов, совершивших уголовные преступления. Он поговорил с полицией: ничего нельзя было сделать из-за истечения срока давности преступлений священника. Он не знал ни одного адвоката, который бы подавал иски против Католической церкви.

Законы Миннесоты позволяют адвокату послать жалобу на ответчика до подачи документов в суд. Эта процедура позволяет добиться урегулирования без широкой огласки и не тратя денег на процесс. Он послал заявление в диоцезию. Ему тотчас же позвонил юрист церкви: чего он добивается? Он хотел, чтобы священника удалили из прихода. Вскоре он узнал, что это требование выполнено. Церковь хотела уладить дело. Эндерсон хотел снять свидетельские показания архиепископа Джона Роча. Представитель церкви в этом ему отказал. Эндерсон угрожал ему тем, что передаст дело в суд и привлечет к нему

внимание СМИ. Ему передали показания, а также дело Эдемсона, содержащее письма, которые показывали, что тот менял диоцезии и приходы из-за обвинений в сексуальных преступлениях. Он снял показания другого епископа, Лораса Уоттерса из Вайноны. Он был убежден в том, что оба епископа под присягой дали ему ложные показания о своем знакомстве с историей Эдемсона, и стал в нем разбираться[551]. Юрист архидиоцезии предложил выплатить жертве «обычную в таких случаях» компенсацию, а это означало, что Эдемсон не был уникален. Размер предложенной компенсации составлял $1 миллион, который выплачивается постепенно на протяжении многих лет в виде ежегодных чеков.

«Я был нездоров, испуган, расстроен, я не мог спать, – вспоминает он о том предложении, как будто оно было сделано вчера. – Эта сумма казалась мне огромной». Он отправился на встречу с клиентом, который к тому времени уже вышел из тюрьмы. Он заплакал, услышав об этом предложении, которое включало в себя условие о неразглашении. Эти деньги платили за молчание. Эндерсон просил его не соглашаться на это условие. «Джефф, – сказал молодой человек, – разорви его, но сделай это как можно быстрее, пока я не передумал».

Эндерсон вернулся в офис, набросал текст иска и отправился в суд.

В Сент-Поле все заговорили об этом иске. Осенью 1984 года официальное обвинение в уголовном преступлении отца Жильбера Готе из Лафейетта, штат Луизиана, наделало больше шума. В 1985 году Готе по соглашению признал свою вину; диоцезия занялась урегулированием отношений с десятком семей мальчиков, которых он растлил. Готе и Эдемсон оказались разными сторонами одной и той же монеты. Эдемсон никогда не подвергался судебному преследованию. Ранее в связи с преступлениями Готе (а у него появлялись все новые и новые жертвы) выплачивалось в среднем по $400 тысяч за жертву. Эндерсону в его случае удалось договориться о постепенной выплате $1,2 миллиона. К нему стали обращаться другие жертвы Эдемсона. В конце 1980-х ему удалось договориться о выплате в среднем по $550 тысяч, а в сумме это составило около $10 миллионов, треть из которых заплатили страховые компании. В итоге ему удалось добиться того, что в Миннесоте был увеличен срок давности для дел о растлении детей. Тем временем, поскольку Эндерсон пил и изменял жене, распался его брак. Позже он встретился с Джулией Аронсон, которая была на четырнадцать лет моложе его, и она стала его женой. В 1992 году у Джеффа были годовалый сын, любящая жена, прекрасный дом и доходная практика, и здесь он узнал, что его дочь от первого брака, которой уже исполнилось восемнадцать лет, призналась, что в

восемь лет была совращена своим терапевтом, бывшим священником. В тот момент преступник находился в тюрьме. Терзаемый виной Джефф Эндерсон решил, что будет серьезнее относиться к отцовским обязанностям. Но он стал скатываться вниз и пил так жадно, что на своем 50-летии после застолья с друзьями полностью отключился. Когда он пришел в себя, то увидел, что его второй брак находится на грани распада.

Эндерсон начал амбулаторное лечение и стал посещать группу Анонимных алкоголиков. Исследуя свое пьянство, он с ужасом понял, что здесь есть нечто такое, что неподвластно его контролю. Как он понял, духовность, благодаря которой все эти католики оставались в своей церкви, имела миллион форм; он *сам* стал искать духовную основу для преодоления того дефицита любви, из-за которого он мог пить без остановки. Как может агностик встретиться с высшей силой? В этом ему помогали жена и товарищи по АА, но реальную надежную основу он получил от одного католического священника.

Боевые братья

Отец Том Дойль, канонист ватиканского посольства, потерял свою работу и возможность стать епископом из-за написанного в 1985 году им вместе с другими авторами отчета, в котором он предупреждал иерархию о приближении кризиса вокруг преступлений священников. Дойль принадлежал к ордену доминиканцев, которые славятся своими проповедями; когда ему звонили журналисты, он все откровеннее и смелее говорил им о бездействии епископов. Этот клирик, носивший в посольстве отложные манжеты, которого приглашали на банкеты в Белый дом, стал капелланом в воздушных силах. В 1988 году, когда он распаковывал свои книги в коттедже на базе воздушных сил в Индиане, ему позвонил юрист по имени Джефф Эндерсон. Дойль приготовился внимательно слушать. Несколько дней назад он послал Эндерсону отчет на девяноста трех страницах, написанный им вместе с юристом Реем Маултоном и психиатром отцом Майклом Петерсоном, который уже был разослан всем епископам Америки. Этот документ был дымящимся ружьем для судебных процессов Эндерсона.

Разочарованный боец за ортодоксию, Том Дойль сам в тот момент приходил в себя после катастрофы, связанной с алкоголем. Оказавшись на дне, Дойль никогда не винил Ватикан или епископов; он признал, что не в силах справиться с проблемой, и направил всю свою духовную жизнь на то, чтобы встать на путь выздоровления. Он считал себя раненым целителем. Дойль, имевший лицензию пилота и состоявший в Национальной стрелковой ассоциации, был ярким консерватором. Но он стал другом в той же мере

откровенного либерала Джеффа Эндерсона, в лице священника тот обрел брата, которого ранее у него не было; они оба были полны решимости освободиться от уз алкоголя и продолжать битву. Чтобы стать ближе к Богу, Дойль принял священство. Возмущенный действиями иерархов, которым он служил, Дойль стал консультировать жертв священников по телефону и через электронную почту. Представления Дойля о духовности сильно повлияли на адвоката, у которого никогда не было духовного руководителя. С другой же стороны, Эндерсон дал в руки бунтующего священника новое оружие: опытный свидетель на судебных процессах, тот мог использовать свои знания, чтобы напоминать иерархам о том, что они нарушают каноны церкви – и нравственные нормы. Дойль считал, что структуры власти ядовиты: прелаты, цепляющиеся за власть как наркоман за шприц, покрывали виновных. Дойль был радикалом – если вспомнить о смысле соответствующего греческого слова *redux*, которое означает корни, изначальные вещи. Он обладал трезвостью мысли судьи, а пост капеллана защищал его от санкций епископов диоцезий, и потому, когда позволяло время, он давал показания на процессах, которыми занимались Эндерсон и другие адвокаты. В 2002 году «Голос верных», недавно созданная группа сторонников реформ, присудил ему премию Честного Священника. В 2003 году архиепископ Эдвин О'Брайен, старший над вооруженными силами, устроил его увольнение в связи с туманными каноническими нарушениями, так что воздушные силы не могли этому возразить[552]. Это была месть. Путь в капелланы армии был для Дойля закрыт после девятнадцати лет службы – когда ему оставался только год до пенсии.

Эта мелочная месть иерархов показала их недальновидность: Дойль не собирался сдаваться. Он поселился в пригороде Вашингтона и посвятил все свое время деятельности свидетеля-эксперта в делах о сексуальных преступлениях духовенства. И он был крайне востребованным. В 2010 году Дойль собирался оставить священническое служение.

Когда двое братьев, Джеймс и Джон Ховарды, попросили Эндерсона представлять их интересы на суде против диоцезии Стоктона в Калифорнии, это стало поворотным моментом для адвоката. В начале 1980-х священник ирландского происхождения Оливер О'Грэди втерся в доверие к семье Ховардов и растлил четверых из семерых детей. О'Грэди также дружил с женщиной, чья девятимесячная дочь страдала от вагинальных рубцов из-за его надругательства. Семья обратилась в полицию. Церковный юрист заявил полиции, что О'Грэди более никогда не будет контактировать с детьми. Роджер Махони, епископ Стоктона, послал его к психиатру. О'Грэди говорил с ним о том, как его притягивают мальчики. В своем заключении психиатр нашел «серьезный дефект развития» у О'Грэди и предположил: «Быть может, на

самом деле Оливер не призван к священству».

На Рождество 1985 года епископ Махони послал О'Грэди на сельский приход, не сообщив местным людям, что этот священник замешан в растлении детей. В 1993 году О'Грэди обвинили в развратных действиях относительно младшего сына Ховардов, Джона, которому тогда было пятнадцать лет. Когда братья обратились к Эндерсону, священник сидел в тюрьме. Адвокату из Миннесоты потребовался коллега из Калифорнии, чтобы тот мог заниматься делом в суде штата. Ларри Драйвон из Стоктона, пользующийся уважением адвокат с правом выступления на судах из знаменитой семьи юристов, стал его помощником. Драйвон согласился участвовать в дорогостоящей и длительной, как во всех подобных случаях, подготовке процесса. Зная, что Джефф Эндерсон преодолевает алкоголизм, жена Драйвона и некоторые друзья нашли для него группу АА, собирающуюся днем, на время процесса.

К тому моменту Роджер Махони стал архиепископом Лос-Анджелеса и кардиналом. Он перемещался по своей архидиоцезии, занимавшей 9085 квадратных миль, на вертолете, стоившем $400 тысяч, подарке Ричарда Райордана, богатого бизнесмена и будущего мэра. Лос-Анджелес был самой населенной и самой богатой архидиоцезией США[553]. Иоанн Павел II добродушно посмеивался над Махони, называя его «Голливудом», но тот уловил намек папы и перестал пользоваться вертолетом.

В 1960-х, будучи священником в Стоктоне, Махони дружил с Сезаром Чавесом из профсоюза работников ферм. Тот стал первым главой Калифорнийского управления сельскохозяйственным трудом – агентства по защите труда в штате, созданного при губернаторе Джерри Брауне в 1975 году. Но хотя Махони в отношениях с латиноамериканцами и иммигрантами слыл либералом, это никогда не окрашивало либерализмом его богословские представления, так что, исполняя социальное служение, он оставался верным генеральной линии церкви. Став архиепископом в 1990-х, он отказался поддержать могильщиков католических кладбищ, преимущественно латиноамериканцев, когда те хотели создать свой профсоюз. «Коммерческая фирма Western Sequoia Corp., занимавшаяся продажей мест на кладбище, что раньше осуществляли работники архидиоцезии, нанимает людей «по своему усмотрению», другими словами, она может уволить работника как только пожелает», – писал об этом Рон Рассел[554].

Махони в своих речах осуждал смертную казнь и аборты и защищал права иммигрантов, а в то же время собирал деньги с богатейших республиканцев Калифорнии. В 1996 году Махони приобрел за $10,85 миллиона парковку, расположенную на пяти акрах земли около автомагистрали Голливуд, чтобы построить на этом месте новый собор[555].

Он так умело отражал нападки СМИ, что Стив Лопес, колумнист *Los Angeles Times*, прозвал его «тефлоновым кардиналом»[556]. При своем почти двухметровом росте Махони высоко возвышался над Эндерсоном на процессе в Стоктоне. После шести месяцев борьбы за свободу от алкоголя адвокат чувствовал себя не в лучшей форме, ему приходилось просиживать допоздна, чтобы подготовиться к очередному заседанию суда. Однажды вечером он поговорил с Дойлем, и слова священника принесли ему утешение: «Ты это можешь. Ты не один. У каждого дня свои задачи. Относись к этому просто».

В личном деле О'Грэди содержалось письмо, где священник признавался в растлении девочки. «Я не знал об этом письме», – заявил кардинал присяжным.

– Кардинал, предположим, вы познакомились бы с его признанием [терапевту, работавшему с ним раньше] о том, что он трогал девятилетнего мальчика: доверили бы вы ему тогда заботу о душах в приходе Св. Андрея? – спросил Эндерсон.

– Это слишком теоретическая постановка вопроса, – ответил Махони. – Во всех случаях без исключения – когда есть такая проблема или мы ее подозреваем, – мы обращаемся к компетентным профессионалам, которые помогают нам принимать решения. Если компетентный профессионал не высказывает особых тревог или опасений, мы действуем в соответствии с его заключениями[557].

Когда судья объявил перерыв, кардинал начал разговаривать с журналистами в зале. Затем заседание продолжилось. «Кардинал, – начал Эндерсон, – вы только что говорили с представителями СМИ. И, как я мог слышать, вы сказали им следующие слова: «Я думал, что, отправив О'Грэди на приход, мы сделали все возможное, чтобы убедиться в его надежности».

– Я точно не помню своих слов, но, кажется, говорил что-то подобное… да.

– В тот момент, кардинал, вы обращались в полицию?

– Нет.

– Вы должны были это сделать.

– Не уверен, что был должен это сделать. Но…

– Что помешало вам обратиться в полицию и задать вопросы о вашем священнике?

– Мне сообщили, что на него поступила жалоба, было проведено тщательное расследование, жалоба оказалась безосновательной, и потому у меня не было причин звонить в полицию.

– Не следовало ли вам послать отца О'Грэди к специалисту – к доктору, который занимается такими проблемами и оценкой состояния подозреваемых в подобных правонарушениях?

– В те времена я даже и не слышал о существовании подобных специалистов.

– Вы изучали социальную работу, верно?

– Да, – ответил Махони, имевший соответствующий диплом Католического университета в Вашингтоне.

– Посылая его на приход, вы могли бы ознакомиться с его личным делом и изучить материалы об истории отца О’Грэди, разве не так?

– Да[558].

Присяжные вынесли вердикт о выплате $30 миллионов, из которых $24 миллиона были штрафной компенсацией, наложенной на церковь. Позже судья снизил размер суммы до $7,65 миллиона. Это была самая большая сумма во всех делах о сексуальных преступлениях священников в Калифорнии.

Как росла архидиоцезия Лос-Анджелеса

Роджер М. Махони родился в 1936 году. Он рос в Северном Голливуде, который тогда еще окружали поля. Его отец был электриком и разводил на ферме птиц; мальчика постоянно окружали мексиканские работники, так что ему приходилось понимать испанский; став молодым человеком, он уже знал этот язык. Он поступил в семинарию в 14, затем повысил свое образование в семинарии Св. Иоанна в Камарилло, находящейся в роскошном месте в девяноста километрах на северо-запад от города в округе Вентура. «В семинарии Роджер все время думал о мексиканцах и мечтал работать среди них, – вспоминал его сокурсник Джерри Фоллон, бывший священник. – Но он также был слишком тонкокожим – не переносил критики».

В Камарилло семинария обладала гигантской колониальной испанской библиотекой, расположенной на вершине холма, с лоджиями на уровне крыши. Это был дар Эстелл Дохени, вдовы Эдварда Дохени, который сколотил свое состояние с помощью мексиканских нефтяных месторождений в начале 1900-х[559]. В 1921-м Дохени передал $100 тысяч министру Альберту Фоллу, который был приговорен к тюремному заключению за взятку после скандала с месторождением «Типот-Доум». Дохени избежал тюрьмы, для чего ему пришлось целое десятилетие сражаться на суде. Рожденный в Ирландии архиепископ Джон Кэнтуэлл обхаживал Дохени, который был ирландцем второго поколения, так что нефтяной магнат стал важнейшим жертвователем для церкви. Американская церковь тогда казалась ответвлением ирландского ствола, распространяющимся на запад.

Однако с самого начала великий западный город формировали пестрое в расовом и культурном смысле население и геополитические маневры. Первое официальное поселение, *El Pueblo de Nuestra Secora de los Angeles* (Город Девы Марии Ангелов), было основано в 1781 году испанской короной для противодействия России с ее территориальными претензиями, которая открывала торговые посты и форты на побережье Калифорнии, давая им такие имена, как Севастополь. Испанский губернатор заманивал колонистов в поселения вдоль реки Лос-Анджелес к северу от Миссии св. Гавриила, даже смешанные семьи: два хозяина дома были испанцами, четверо – индейцами, двое – черными, трое – смешанных рас. Во всех этих семьях жены не были белыми, а большинство из их двадцати двух детей представляли собой смесь испанской, индейской и африканской крови. В 1921 году, когда Мексика добилась независимости от Испании, Калифорния и большая часть нынешнего Юго-Запада оказались под номинальным контролем

Мехико. После победы США над Мексикой в 1848 году Америка заявила претензию на все земли к северу от реки Рио-Гранде вплоть до побережья Тихого океана[560].

После открытия в предгорьях Сьерра-Невады месторождений золота и притока сюда людей Калифорния стала тридцать первым штатом Союза, который был признан свободным от рабовладения в 1850 году. Калифорнии подходил такой лозунг, как «эврика» – «нашел». Золотые мечты приманивали сюда людей изо всех уголков Америки и Европы; после Гражданской войны во время строительства дорог сюда приезжали работать, скажем, китайцы из провинции Кантон и ирландцы из графства Корк. Через сто лет после открытия поселения Лос-Анджелес в городе, расположенном на север от него, – в Сан-Франциско – около 27 процентов населения, достигшего возраста, когда можно голосовать, составляли ирландцы. Хотя золотые прииски уже никого к себе не притягивали, в Лос-Анджелес продолжали прибывать люди из разных народов. Население города росло и теснило окружающие фермерские хозяйства. Между 1910 и 1930 годом население Лос-Анджелеса выросло с 319 тысяч до 1,24 миллиона, из которых 100 тысяч составляли мексиканцы, убежавшие от революции 1910 года, ряды которых затем пополнили беженцы времен восстания Кристеро в конце 1920-х[561]. Архиепископ Кэнтуэлл принял к себе около тридцати мексиканских епископов и открыл пятьдесят испаноязычных приходов. Восстание Кристеро, столь важное для идентичности Масьеля, коснулось и Лос-Анджелеса. Как пишет историк Майк Дэвис, в 1934 году «Кэнтуэлл организовал самую масштабную демонстрацию в истории Лос-Анджелеса: необъятная процессия из 40 тысяч человек, среди которых было много беженцев из сторонников Кристеро, распевала гимны «Да здравствует Царь Христос» и несла плакаты, осуждающие «атеистические режимы Мехико и Москвы»[562].

В 1947 году, после смерти Кэнтуэлла, нью-йоркский кардинал Спеллмен порекомендовал Ватикану поставить на место покойного своего канцлера Джеймса Ф. Мак-Интайра. «Худой и молчаливый Мак-Интайр с аккуратно причесанными волосами, в очках без оправы, которые носят главы корпораций, был умелым администратором и непоколебимым консерватором, так что прекрасно вписывался в среду протестантского истеблишмента Лос-Анджелеса», – писал о нем Чарльз Р. Моррис. До своего священства архиепископ Мак-Интайр руководил брокерскими операциями. Он стал свидетелем необычайно быстрого роста церкви, когда в послевоенные годы в Лос-Анджелес начали приезжать белые католики по тысяче человек за неделю. Он приостановил проект открытия собора и создал более сотни новых приходов и почти удвоил количество школ, а также открыл семинарию и полдюжины госпиталей. При этом ему

приходилось принимать мудрые решения относительно недвижимости, покупать участки земли, на которых еще не начали строить жилые дома, и продавать лишнее, чтобы основывать новые приходы и школы[563].

В своем отчете перед Святейшим Престолом в 1954 году кардинал сообщил, что долги его приходов составляют $15 миллионов, но только $5,5 миллиона из них были долгами банкам. Кардинал как единоличная корпорация разъяснял свою стратегию Пию XII такими словами:

> 1. От имени прихода берется ссуда в местном банке, а приход оставляет банку долговое обязательство. Затем единоличная корпорация подписывает бумагу как поручитель. Это единственное обеспечение, которое имеет банк.
>
> Имущество прихода не может служить залогом. Затем приход возвращает банку ссуду в оговоренные сроки, используя те деньги, что поступают в приход.
>
> 2. В нашей архидиоцезии приходы обычно передают свои излишки на хранение канцелярии, откуда они их могут брать. Такое случается, например, если приход собирает деньги на строительство нового здания через несколько лет… Канцелярия архидиоцезии, в свою очередь, дает эти деньги в виде займа другим приходам.
>
> Это позволяет нам не занимать деньги у банка. Это также делает канцелярию своего рода банком, по крайней мере для некоторых приходов[564].

В отличие от диоцезий Востока и Среднего Запада, где городские приходы были центрами этнических кварталов, расположенных по соседству, архидиоцезия Лос-Анджелеса занимала огромную территорию четырех округов на юге Калифорнии. Мак-Интайр предвидел строительство автострад вслед за развитием районов и располагал церкви на достаточном расстоянии одну от другой, так что они не теснились. В 1948 году в городе жило 3 961 800 человек, в течение двенадцати лет его население почти удвоилось и выросло до 7 110 796; кроме белых американцев здесь появились мексиканцы и выходцы из Центральной Америки, которые работали на полях, производивших 40 процентов овощей и фруктов для местного рынка[565]. Сеть приходов, заботливо выстроенная Мак-Интайром, пережила испытание временем. В 2004 году Кевин Старр, выдающийся знаток истории Калифорнии, писал:

> В Пакоиме отец Том Раш, настоятель прихода Непорочной Девы, количество прихожан в котором разрослось настолько, что одну из десяти воскресных месс (семь испанских, три английских) посещает

8500 человек, произвел ремонт и расширение приходской церкви и школы на сумму $3,2 миллиона[566].

В 1960-х годах Мак-Интайр сражался с латиноамериканскими активистами, черными участниками протестных движений и монахинями, деятельность которых вдохновил Второй Ватиканский собор. Его преемник Тимоти Мэннинг оказался более гибким иерархом. Он поручил контроль над финансами своему главному викарию монсеньору Роберту Хоксу. «У многих священников Хокс вызывал страх, – сообщил мне один хорошо осведомленный человек, – из-за его власти и стремления жестко контролировать все, что связано с деньгами».

Джон Мэнли, знаменитый адвокат из округа Ориндж, представляющий интересы жертв священников, сказал: «Хокс, будучи главным викарием при Мэннинге, занимался десятками жалоб на преступления священников и в основном старался их покрывать».

Хокс и сам был педерастом. «Он расплачивался с юношами, ставшими его жертвами, обеспечивая их работой в приходе или стипендиями для обучения в католической школе, чтобы они молчали», – говорит юрист из Беверли-Хиллз Энтони Демарко, которому приходилось защищать интересы одной из жертв Хокса.

Когда в 1985 году Махони стал архиепископом, он уволил Хокса, хотя не объявив о причине увольнения. Хокс умер вскоре после этого. Как показывает его завещание, он оставил после себя $30 тысяч наличными и около $100 тысяч в недвижимости, эти деньги в основном достались его родственникам[567]. Он также оставил после себя не менее трех жертв – юношей, с которыми он вступал в половую связь[568].

Махони с его ирландской кровью стал первым архиепископом Лос-Анджелеса из числа местных уроженцев. «Мне не кажется, что пост во Фресно был для него значимым карьерным шагом, – говорит Джерри Фоллон. – Большинство священников были против Сезара Чавеса. В долине Сан-Хоаким фермеры щедро жертвовали на церковь». Официально Махони поддерживал глубоко набожного Чавеса, а в то же время он тайно покрывал педофила О’Грэди, что было внутренней проблемой церкви.

В 1991 году Иоанн Павел сделал Махони кардиналом. Грандиозный из-за своего роста, черноглазый кардинал с красивым лицом с легкостью очаровывал богатых людей, которые вносили пожертвования и не скупились. Ему давали деньги владелец отелей Барон Хилтон, жена Боба Хопа Долорес, будущий мэр города Ричард Риордан и президент Фонда Дэна Мэрфи (основанного благодаря средствам его тестя) Дэниел Донохью. Последний был возведен в рыцарское достоинство папой Пием XII за пожертвования

Святейшему Престолу; он любил, когда его называли «сэр Дэниел». В 1940-х его жена Барнардин пожертвовала $250 тысяч собору Св. Вивианы[569]. Когда в 1994 году собор пострадал от землетрясения, Махони хотел его разобрать и перестроить, но ему сопротивлялись защитники памятников старины. И тогда он представил городским властям проект собора мирового класса на земле возле магистрали Голливуд. Фонд семьи Руперта Мэрдока дал на это $10 миллионов. Газета *Wall Street Journal* назвала это «одним из пяти самых значительных строительных проектов в стране»[570].

Махони воплощал в себе дух епископов-строителей прошлого, он собрал $190 миллионов на строительство собора Пресвятой Девы Ангелов, причем сам занимался конкретными деталями строительства и эстетики проекта. Когда-то Лос-Анджелес был большим мексиканским городом вне Мексики, теперь же его наполняла пестрая смесь выходцев из Азии, Филиппин и Центральной Америки. Город также оказался полигоном для изучения проблем Америки, казавшихся неразрешимыми, таких как износ инфраструктуры, дурные государственные школы, увеличение пропасти между богатыми и бедными, гангстерские убийства в районах наркоторговли и неизбывные стихийные бедствия – пожары, засухи, грязевые оползни, землетрясения, – причем здесь эти бедствия были столь серьезны, что напоминали библейские истории.

Но как и город, в котором служил кардинал, местная церковь отличалась удивительной гибкостью. Когда Махони давал свои шокирующие показания в Стоктоне, в архидиоцезии действовало 287 приходских программ, в которых участвовало 4 миллиона католиков. В течение восьми предыдущих лет приходы накопили излишков на $299 миллионов, чтобы использовать их для ремонта и строительства новых зданий[571]. Каждый приход мог содержать свою школу. Кардинал занимался последними этапами возведения собора, когда в январе 2002 года разразился бостонский скандал.

Критическое положение Махони

Когда скандал разгорался, Джеффу Эндерсону позвонил полицейский с юга Калифорнии по имени Мэнни Вега. Обвешанный медалями ветеран флота Вега сообщил, что он и несколько других ребят из его родного города Окснарда в детстве стали жертвами отца Фиденцио Сильвы. Окснард находится между Лос-Анджелесом и Санта-Барбарой. В день Пасхи 2002 года Эндерсон и Драйвон проехали более 550 километров из Стоктона, чтобы встретиться с группой жертв – восьмерых «латинос», в числе которых были сотрудник службы пробации, социальный работник, полицейские и юрист. Эндерсон объяснил им, что здесь дело наткнется на препятствие в виде срока давности, он хотел помочь им получить компенсацию. Возвращаясь назад, Эндерсон раздраженно говорил: «Нам надо найти окошко в законе».

– Почему бы нет? – сказал Ларри Драйвон, знакомый с некоторыми политиками. – Давай попытаемся.

Семья Мэнни Веги была родом из Юкатана, его отец был *брасеро*, сезонный рабочий, легально приехавший поработать в послевоенную Калифорнию и со временем получивший гражданство. Отец Сильва начал использовать мальчика для удовлетворения своих сексуальных желаний, когда тот был шестиклассником, и снимал его обнаженным на фотокамеру. Находясь в приходском доме Пресвятой Девы Гваделупской, Мэнни мог слышать голоса игравших снаружи детей; он чувствовал себя испачканным. Чтобы мальчик никому не рассказывал о происходящем, отец Сильва напоминал ему об Иуде, который предал Христа. Годами Мэнни Вега хранил молчание, и внутри него подобно опухоли рос стыд[572]. Он с горечью вспоминал о том, как в детстве молился вместе с родителями. Став взрослым, он не мог водить своих двоих детей в церковь – он не мог переступить порога храма. В здании законодательного собрания в Сакраменто Мэнни Вега, полицейский года в Окснарде, встретился с сенатором штата Мартой Эскутия, пользующейся уважением среди влиятельных «латинос». Она пришла в ужас, услышав о том, что делал священник с Вегой и что обращение в суд здесь ничем не поможет. Эскутия организовала встречу группы жертв священника для дачи показаний перед комиссией. Драйвон понимал, что им нужна более сильная поддержка, чтобы пробить изменение такого порядка в законах; он познакомил Эндерсона с Реем Баучером, одним из ведущих адвокатов штата. У Баучера были хорошие связи с политиками и огромный опыт работы с групповыми исками. Юридическая фирма, где он работал, занимала двухэтажное здание на Беверли-Хиллс, в ней было около сорока сотрудников. Все трое понимали, что, если законодательство будет изменено, их небольшим фирмам придется тратить много

денег и времени. Им удалось добиться изменений: жертвам – независимо от давности преступления – давался один год начиная с 1 января 2003 года для подачи исков.

Когда епископы в июне 2002 года приняли постановление о защите детей и подростков, репутация Махони как реформатора оказалась под сомнением. «Если священники будут признаны виновными и кого-то из них отправят в тюрьму или еще как-то накажут, это будет печальным событием для них, для церкви, – заявил Махони. – Но если нам надо двигаться вперед, значит, нам следует быть к этому готовыми»[573]. Кардинал нанял Майкла Хеннигана, одного из самых дорогих и модных адвокатов Лос-Анджелеса, занимавшегося уголовными делами, чтобы тот чинил препятствия выдаче личных дел священников по постановлениям суда. Ознакомившись со статьями в *Boston Globe* и с отчетом о журналистском расследовании в лос-анджелесской газете *New Times*, главный помощник прокурора округа Уильям Ходгмен пришел к выводу, что Махони потенциально может препятствовать осуществлению правосудия. «Данное расследование совершенно неизбежно, – сказал он журналисту *L.A. Weekly*. – Это как развитие дела Уотергейт. Здесь мы должны проверить все, что можно. Мы получим все нужные документы, и виновные священники окажутся в тюрьме»[574].

В ответ на расследование, которое многое обещало, Махони создал Комитет по надзору за неправомерным поведением духовенства из тридцати человек, преимущественно мирян, и трех бывших агентов ФБР, готовых заняться разбором любой поступившей жалобы. Он ввел в действие программу охраны детей, участниками которой стали восемнадцать тысяч работников церкви и школ. Этими мерами и своими выступлениями он хотел показать, что желает участвовать в исцелении людей, жаждущих справедливости, однако в то же время принимал защитные меры. Махони знал, что благодаря распоряжению одного бостонского судьи газета *Globe* заполучила личные дела священников, и это обернулось катастрофой для репутации кардинала Лоу.

Оценив потенциальную опасность шума в СМИ, Роджер Махони вступил в самую дорогостоящую юридическую битву в истории церкви в Америке за то, чтобы суд не затребовал выдачи личных дел подозреваемых священников. Он не намеревался спокойно смотреть на то, как сотрудники обвинителя Уильяма Ходгмена будут исследовать его роль как соучастника, покрывавшего преступников. Утверждение о том, что личные дела духовенства находятся под защитой принципа свободы вероисповедания, отвергнутое бостонским судом, стало в Лос-Анджелесе знаменитым прецедентом, о котором много лет вспоминали в связи с уголовными и гражданскими делами.

Благодаря журналистскому расследованию газеты *Los Angeles Times* в конце лета 2002 года стали известны данные о священниках, которые, пройдя курс терапии, были возвращены на приходы, о чем церковь не извещала полицию, – такая же практика иерархов была отмечена в Луизиане, Миннесоте, Иллинойсе, Новой Англии, Нью-Йорке, Техасе и других местах. Опубликованные фотографии священников стали наводить на мысли о фото для уголовных дел. «Меня ужасает все это, – сказал Махони. – Каждому на долю выпадает свой крест, и, несомненно, для меня этот крест невыносимо тяжел».

> *Times* выявила 32 приходских священника и одного диакона, которых после приезда Махони в 1985 году обвиняли в сексуальных преступлениях против несовершеннолетних. Семеро духовных лиц были отстранены от служения кардиналом в феврале, шестеро пропали из поля зрения, трое осуждены за преступления и в отношении 17 правоохранительные органы проводят уголовное расследование. Журналистам *Times* удалось также провести более сотни интервью с официальными представителями церкви, высокопоставленными сотрудниками правоохранительных органов, потерпевшими и их адвокатами[575].

Собор Пресвятой Девы Ангелов был торжественно открыт 2 сентября 2002 года: хор исполнял «Оду радости», нигерийские и шотландские музыканты били в барабаны, одна семья несла мощи святых, шествовало множество епископов в облачениях из муарового шелка, за ними следовали священники, диаконы, монахини, всего около семисот человек из посвященных; величественная процессия вошла через трехъярусные бронзовые двери внутрь храма, где царила возвышенная красота. «В этой точке мирское и священное соединяются ради славы Божией и для блага города», – писал Ларри Стеммер в журнале *Los Angeles Times Magazine*. Махони назвал собор «символом самых глубинных стремлений и надежд всего нашего полиса, всего народа Лос-Анджелеса, земного города, жаждущего завершения, той грядущей полноты, что наступит в Новом Иерусалиме»[576].

В это время на правовом фронте всех интересовал «подземный город», облик которого приоткрылся во время процесса в Стоктоне в 1998 году. Джефф Эндерсон и собравшаяся армия юристов знали, что личные дела священников позволят откопать другую Калифорнию, землю, оставшуюся в памяти католиков, где втайне совершались сексуальные преступления над несовершеннолетними, такими как Мэнни Вега. Рей Баучер, прислуживавший мальчиком в алтаре в Новой Англии, стал главным адвокатом истцов Лос-Анджелеса, которому нужно было вести переговоры с советником архидиоцезии Майком

Хенниганом. В Бостоне 542 клиента получили компенсации на общую сумму в $85 миллионов – примерно по $156 тысяч на истца. Калифорнийские диоцезии были богатыми, они владели недвижимостью и были надежно застрахованы. Юристы заключали контракты с клиентами из города, над которым возвышался собор, напоминавший о присутствии Христа в нашей истории, здание потрясающей красоты – символическое наследие Махони.

Бюджет архидиоцезии в $116 миллионов составлял примерно половину от бюджета Ватикана. Не прошло и месяца после торжественного открытия собора, о котором много говорила пресса, как Махони урезал бюджет семи церковных программ, «чтобы покрыть дефицит в $4,3 миллиона… с помощью увольнения около 60 работников», как об этом писала газета *Los Angeles Times*. Пятеро из важнейших помощников Махони были так этим разочарованы, что ушли в отставку.

> Махони и другие представители архидиоцезии заявили, что это сокращение бюджета необходимо для покрытия дефицита, образовавшегося в результате неудачного хода дел на фондовом рынке. Некоторые же считают, что церковь решила отложить деньги ввиду предстоящих расходов на урегулирование отношений с жертвами сексуальных преступлений[577].

Пока Джефф Эндерсон искал духовную жизнь, Джон Мэнли терял веру. Юридическая фирма, где работал Мэнли, располагалась в многоэтажном доме неподалеку от аэропорта Джона Уэйна в округе Ориндж. Основу практики республиканца Мэнли составили законы о недвижимости. Он учился в католических школах и посещал собрания для духовных упражнений, будучи старшекурсником Южнокалифорнийского университета. Какое-то время он прослужил офицером разведки во флоте, а затем стал изучать право. Он был женат и имел четверых детей. В наступающих декабрьских сумерках 2004 года, глядя на панораму огней торговых центров и улиц с гладко выстриженными деревьями, Мэнли говорил: «Во всем этом есть зло. У нас есть клиенты на Аляске, они пережили такие вещи, которые просто выше моего понимания».

В 1996 году Мэнли вместе с Кэтрин Фреберг, адвокатом из Ирвайна, занялись делом Райана Димариа, молодого человека двадцати одного года, который боролся с алкоголизмом. Он не мог прийти в себя после случая, когда стал объектом вожделения для отца Майкла Харриса, знаменитого директора средней школы, когда Димариа, будучи подростком, пришел побеседовать со священником в связи с самоубийством друга. Димариа сообщил об этом другому священнику, отцу Патрику Зимэнну, отпрыску местной благородной семьи и приятелю Махони по семинарии. В тот самый момент Махони готовился

сделать Зимэнна епископом Санта-Розы, расположенной к северу от Сан-Франциско. Зимэнн расточал накопления диоцезии и, оставив после себя $16 миллионов долга, в 1998 году ушел со своего поста, когда один священник заявил, что епископ вынуждал его вступить с ним в сексуальную связь. Чтобы избавить Махони от дачи показаний по делу Димарии, диоцезия Ори157 согласилась выплатить невероятную сумму в $5,2 миллиона и согласилась выполнить одиннадцать требований Димарии и его адвоката, в частности касавшихся применения радикально строгих мер по отношению к подобным преступникам. Позже Райан Димариа стал юристом и представлял интересы жертв священников. Правонарушитель Харрис оставил священство, но никогда не подвергался судебному преследованию.

Фирма Джона Мэнли занималась делами сотни жертв сексуальных преступлений духовенства. Расследованиями в ней руководил Патрик Уолл, глубоко знавший каноническое право; прежде он был священником ордена бенедиктинцев в Колледжвилле, штат Миннесота, и здесь его пять раз назначали на новые приходы, причем в каждом случае он должен был заменить настоятеля, присваивавшего деньги либо растлевавшего детей, после чего он оставил священство. Уолл переехал в Калифорнию и здесь узнал из газет о Мэнли. Он позвонил юристу, желая поделиться с ним тем, что знает. Мэнли мгновенно его нанял. Позднее Уолл женился и родил ребенка, он перешел в Епископальную церковь. Этот человек имел необычайный нюх, когда дело касалось церковных документов. Другой свидетель-эксперт Ричард Сайп, психотерапевт из Ла-Хойи, ранее тоже был бенедиктинским священником и писал книги о целибате. Занимавшиеся расследованиями Сайп, Уолл и Том Дойль, имевшие десять ученых степеней на троих, были для Джеффа Эндерсона и Джона Мэнли группой экспертов. Эти трое вместе написали книгу «Секс, священство и секреты» о том, как каноническое право обращается с систематическими сексуальными преступлениями духовенства, и о том, как в недавнее время иерархия использует для этого психиатрические лечебные центры[578].

«В некоторых диоцезиях, – сказал Мэнли, – если ты не принадлежишь к этой сексуальной культуре, ты не сделаешь карьеру и не получишь хорошего места. И никто не смеет об этом говорить, потому что предателя ждут катастрофические последствия».

Джон Мэнли чувствовал, что погружается во мрак, тогда как Пэт Уолл не терял чувства юмора. Оба они расставались с кумирами своего прошлого. Уолл после знакомства с каждым новым документом пересматривал свою веру. «Роджер Махони крайне важен для Ватикана, – сказал он мне в 2010-м, уже став буддистом. – Он был одним из кардиналов, приглашенных участвовать в Консистории по изучению

особых экономических вопросов Святейшего Престола. (Так называлось совещание 1980 года при Иоанне Павле II, посвященное проблемам дефицита Ватикана.) Там был также Джеймс Стэффорд, архиепископ Денвера; теперь он служит в Курии. Туда пригласили Мэрфи О’Коннора из Лондона, а затем Эда Игена из Нью-Йорка. Эти кардиналы поставляют Риму наибольшее количество денег. Ежегодно Лос-Анджелес вносит в казну Ватикана больше любой другой диоцезии США. Лепта Петра и оплата расходов кардиналов, путешествующих в Рим, – за всем этим стоит Роджер».

«Махони, – продолжал Уолл, – заключил важный контракт с компанией Stewart Enterprises относительно ухода за католическими кладбищами. С каждых похорон, которыми компания занимается, архидиоцезия получает свою долю. Stewart была важнейшим спонсором строительства собора[579]. Похороны – это бизнес для церкви. Если ты священник, каковым был и я, зимой у тебя масса похорон – это сезон смертей. Весна хороша для крещений, лето – для венчаний. Это поток жизни с подъемом и пересыханием рек, с сезонами дождей и засухи. Готов спорить: Махони налаживал добрые отношения с Римом, чтобы выйти сухим из воды со всеми этими преступлениями священников».

Некоторые юристы после неформальных бесед с судьями, наблюдавшими за переговорами, пришли к выводу, что Махони действительно связан с Римом деловыми отношениями. Были выделены три зоны для урегулирования: Духовенство 1 в Северной Калифорнии, Духовенство 2 в Лос-Анджелесе и Духовенство 3 – Ориндж, Сан-Диего и южные диоцезии. Количество дел в зоне 2 – 554 – казалось преуменьшенным. Махони посылал доклады третьему отделению Конгрегации по делам духовенства об отчуждении церковной собственности. В отличие от Шона О’Мелли, приезжавшего из Бостона в Рим с пустыми руками, Махони действовал как могущественный иерарх. Ватикан предоставил ему большую свободу в обращении с активами церкви, поскольку кардинал выстроил собор и показывал свою жизнестойкость во многих других вещах.

Подготовка к битве

К весне 2003 года одиннадцати клирикам Лос-Анджелеса были предъявлены обвинения в уголовных преступлениях. В этом году было подано более девятисот гражданских исков против диоцезий Калифорнии. Судьи призывали истцов вести переговоры, чтобы избежать бесконечных процессов. Это не были групповые иски, тем не менее при большом количестве клиентов, действия которых следовало скоординировать, делопроизводство совершалось медленно. Интересы истцов представляло около сорока адвокатов, кроме того, большая фирма Хеннигана тратила много дорого оплачиваемых часов на разные вопросы, а страховые компании, обслуживавшие диоцезии, задействовали своих юристов. Адвокат по уголовным делам Лос-Анджелеса представлял подозреваемых священников. В его интересах было затягивать сроки делопроизводства. Кроме того, Махони нанял фирму, занимавшуюся пиаром (среди ее клиентов была компания Enron), чтобы та заботилась о снижении ущерба[580].

«Обычно при подобных делах после подготовки начинается расследование и назначается дата суда, – объяснял Стив Рубино, юрист из Нью-Джерси, который уже два десятилетия участвует в подаче исков против диоцезий и религиозных орденов. – Вместо этого нам приходилось спорить о том, что именно должно стать предметом расследования. Церковь заявила, что дела священников должны оставаться закрытыми, иначе будет нарушена свобода вероисповедания. Затем они стали оспаривать закон штата, на основании которого мы подавали иски. Это был водопад бумаг».

Рубино вырос в католической рабочей семье и изучал право в Католическом университете, а затем стал готовиться к работе в качестве обвинителя. Он занимался гражданскими делами. Впервые столкнувшись с иском против церкви, он был поражен тем, что здесь преступления остаются без наказания. Подружившись с Томом Дойлем, он «присоединился к странной армии, действующей вне церкви *для* церкви» – эти слова он сказал мне однажды днем на атлантическом побережье неподалеку от своего дома. В отличие от Джеффа Эндерсона, консерватор Рубино отклонил множество дел из-за проблемы со сроком давности. «Я могу помочь вам получить только одно: деньги, – говорил он клиентам, за дела которых брался. – Вам же необходимо выздороветь и научиться жить хорошо».

«Махони и Хенниган убедили некоторых моих почтенных коллег в том, что за все заплатят страховщики; нам, дескать, удастся все уладить за шесть месяцев, – сердито сказал Рубино. – Это было им выгодно. Судьи не жаждали глубоких расследований по всем этим случаям, они хотели, чтобы дела

совершались в должном порядке. Когда Махони сослался на Первую поправку, это всех поставило в тупик. Нам три года пришлось выяснять, *есть* ли у нас вообще почва для соглашения».

Рубино сотрудничал с Кэти Фреберг, которая работала раньше с Мэнли, в 156 делах относительно 37 преступников. «Вот оно, говорили мы, от этого зависит наше будущее, нам *нужно это сделать*, – вспоминал Рубино. – Если хочешь что-то исполнить, у тебя нет выбора: нужно действовать с позиции силы. У защиты было преимущество: на нее просто работало больше людей. Каждому из нас пришлось занять по $2 миллиона, и мы не просто *занимались* этим делом, мы *погрузились* в него по уши, как люди занимаются своим домом, собаками и кошками или автомобилями. Епископы уважают тебя только тогда, когда ты наносишь им удары непрерывно. Тебе надо постоянно стоять и смотреть им в лицо».

На Страстной неделе 2003 года Мэнни Вега участвовал в голодовке около собора Пресвятой Девы Ангелов: он лежал в спальном мешке под плакатом с надписью «Правду от Бога не утаить». Одна дама, входящая в церковь, прошептала: «Как вам не стыдно, вы всем мешаете». Отец Сильва скрылся в Мексике. (Когда его там нашел телерепортер, священник отрицал свои преступления относительно всех восьми жертв.) Вега продолжал занимать свое место на тротуаре, он не брился, не ходил в душ и не ел. В Страстную пятницу, когда он лежал на бетоне, вдруг появился Махони. Вега встал, но у него закружилась голова от голода, и он упал. Кардинал подал ему руку и дружелюбно сказал: «Вам надо что-нибудь поесть».

– Вы бы то же самое сказали Сезару Чавесу? – ответил Вега.

Махони вздрогнул, вспомнив о легендарных голодовках работников ферм, и удалился.

Позже кардинал несколько раз выходил поговорить с Вегой и другими участниками голодовки из числа жертв. Он приносил извинения (хотя Сильва совершил преступления до того, как он стал местным архиепископом); он открыл для них помещения в соборе. Он предлагал им четки, освященные папой; Вега принял этот дар, о чем потом сожалел: ему стало казаться, что его подкупили. Вега попросил Махони встретиться с ним с глазу на глаз, тот сказал, что, к сожалению, не может этого сделать по юридическим причинам.

В июне 2003 года случилась беда для прокурора округа Стива Кули и главного обвинителя Билла Ходгмена. Верховный суд США на процессе «Стогнер против Калифорнии» 5 голосами против 4 отменил законы Калифорнии, позволявшие в некоторых случаях возбуждать дела против лиц, совершивших сексуальные преступления много лет назад. «Стогнер нас зарезал», – сказал Ходгмен. Среди освобожденных от наказания священников был Майкл Уэмпе, учившийся в семинарии вместе с Махони.

Официальное обвинение против него по сорока трем пунктам в растлении малолетних было отклонено. Его предыстория достаточно красноречива.

В мае 1987 года Уэмпе обвинили в сексуальных преступлениях против малолетних. Махони послал его на полгода в терапевтический центр для духовенства в Хемес-Спрингс, штат Нью-Мексико. В 1988 году он назначил Уэмпе капелланом в медицинский центр «Синайские кедры», ни слова не сказав руководителям центра о его прошлом. Позже в том же году двое молодых людей заявили архидиоцезии, что Уэмпе совершил против них преступления, когда они были мальчиками. Священник остался на своем месте, проходя лечение. С 1990 по 1995 год он занимался растлением мальчика в своем офисе в медицинском центре. В 2002 году Уэмпе наконец был уволен, когда открылись его прошлые преступления. Не прошло и года после дела Стогнера, как на Уэмпе поступило новое заявление. Не желая представить документы о лечении Уэмпе, Махони во всем обвинил заведение «Параклит» в Нью-Мексико, которое вынуждено было закрыть свою практику в результате судебных процессов в середине 90-х.

12 февраля 2005 года Махони дал мне по телефону интервью для краткой биографии в *National Catholic Reporter*. В это время медленно продвигались вперед сотни гражданских дел. Кардинал настаивал на том, что прогнозы экспертов «Параклита» были таковы: если Уэмпе «будет продолжать пользоваться духовным руководством и консультациями, которые сейчас получает, повторных срывов не будет. И они рекомендовали ограничить сферу его служения, сделав его капелланом госпиталя или тюрьмы. Тогда я верил, что это верный прогноз… И лишь когда он уже был отстранен от служения, я узнал, что по чьему-то заявлению против него возбуждалось уголовное дело»[581].

Такое оправдание привел Иоанн Павел на встрече с кардиналами в 2002 году, которое стало надежным алиби: специалисты по лечению таких состояний ошибались, они давали нам дурные советы. А что же случилось с нравственными нормами религиозной жизни? Почему педофилов направляли на новые места, где им были доступны новые жертвы? Махони слишком близко знал некоторых людей вроде Уэмпе. Отец Карл Сатфин дважды жил под одной крышей с Махони около двух соборов на протяжении семи лет до того момента, как в 2002 году Департамент полиции Лос-Анджелеса начал расследование по заявлениям, согласно которым Сатфин растлил в двух семьях по нескольку братьев в каждой. После этого кардинал вынудил его преждевременно уйти на покой. Сатфин учился вместе с Махони в семинарии св. Иоанна на холмах Камарилло. В 1991 году Махони переместил его, когда один мужчина в Фениксе заявил, что

Сатфин растлил его вместе с его братом-близнецом в 1970-х. Махони отправил Сатфина в Институт св. Луки в Сьюитленде, штат Мэриленд, но не докладывал о нем властям; в те времена в Калифорнии не считали, что духовные лица должны докладывать о подобных случаях. Затем Сатфин стал капелланом дома для престарелых. В 1995 году он перебрался в дом при соборе Св. Вивианы, где жил Махони, а затем в дом при новом соборе Пресвятой Девы Ангелов, где и оставался до 2002 года, когда он был отстранен.

«Отец Сатфин – вот еще один пример того, когда прогноз был благоприятным, – спокойно сказал мне Махони. – Среди прочего он служил мужчинам в тюрьме, и потому старый дом священников при соборе в центре города, неподалеку от тюрьмы, был для него удобным жильем, тем более что здесь он был под наблюдением… Все это время абсолютно никто не сообщал нам о его повторных преступлениях». Казалось, кардинал отрешенно относится к тому, что Сатфин совершил.

Монсеньор Ричард Лумис в 1990-х годах был викарием, в чьи обязанности входило расследовать жалобы на сексуальные преступления духовенства. Против него самого был подан гражданский иск, как 23 февраля 2004 года писала Мэри Грент, лидер калифорнийского отделения Сообщества жертв священников, в письме к Отделу защиты детей и юношества Конференции епископов США в Вашингтоне.

> Хотя монсеньор Лумис подозревался в покушении на растление, церковь признала его невиновным – в основном на том основании, что нашелся только один свидетель обвинения. 8 февраля этого года СЖС оставило свои буклеты в церкви [Лумиса], что вызвало лишь насмешки и презрение прихожан. Однако благодаря такой огласке еще одна жертва монсеньора Лумиса заявила о себе, так что этого было уже достаточно, чтобы 15 февраля, неделю спустя, отстранить Лумиса от служения[582].

«Этот случай показывает, что наши процедуры дееспособны, – сказал Махони в своей мягкой и невозмутимой манере. – Если существуют убедительные доказательства и наш совет считает, что подозреваемого следует отстранить от служения, как произошло в данном случае, я действую в соответствии с его рекомендацией». Однако этого бы не произошло, если бы не буклеты СЖС. «Знаете, я не помню точно последовательности событий. Все эти проблемы с гражданскими исками 2002–2003 годов объясняются тем, что нам были неизвестны имена жертв и мы не могли как-то поговорить с ними».

Как сказали мне юристы, у них было принято называть церковь «имярек», «Джон Доу» и тому подобными условными именами.

По сообщению архидиоцезии, $4,871 миллиона пошло «на оплату деятельности юристов и другие

расходы, связанные с исками о сексуальных преступлениях в финансовом 2004 году. На 30 сентября 2004 года Архидиоцезия получила $4,070 в качестве компенсации судебных расходов и урегулирования» от страховых компаний. Это означало, что $801 тысяча была взята из церковных фондов. Страховые компании в соответствии с условиями страхования оплатили дорогостоящую деятельность фирмы Майкла Хеннигана. В январе 2005 года три страховые компании обратились в суд с просьбой освободить их от страховых обязательств на том основании, что архидиоцезия отказывается выдать им необходимые документы. В ноябре судья Верховного суда Калифорнии Хейли Фромхольц, добросовестный служитель закона, стремящийся ускорить ход сложных дел, вынес решение в пользу архидиоцезии.

В своем «Отчете перед народом Божиим» от 2004 года Махони говорил: «Я признаю мои собственные ошибки», – но не уточнял, в чем они заключались. В отчете говорилось об обвинениях против некоторых из числа 113 священников и 130 монахов, диаконов и семинаристов в течение последних семидесяти лет. Там говорилось без указания имен, что 16 священников были обвинены ложно. «Я, ваш архиепископ, обязан сделать все, что в моей власти, ради предотвращения сексуальных преступлений со стороны служителей нашей архидиоцезии ныне и в будущем. Чтобы процессы заживления ран и примирения могли двигаться вперед, необходима максимальная открытость»[583].

3 декабря 2004 года завершился процесс урегулирования с первой группой жертв: в результате восьмидесяти семи жертвам в диоцезии Ориннджа надлежало выплатить $100 миллионов. «Второго декабря, – вспоминает Стив Рубино, – мы не спали до двух ночи. Мы стояли на том, что *не* согласны на $99 миллионов. Кэти Фреберг, Рей Баучер и я, мы понимали, что сумма в $100 миллионов станет исторической вехой и повысит уровень компенсаций в других случаях. У нас ушло четыре дня на то, чтобы вынудить церковь и юристов страховых компаний выплатить каждой жертве по $1,2 миллиона. Дело почти доходило до драки. Мы отказались от $99,96 миллиона, потому что здесь не хватало $40 тысяч. Нам нужна была точка отсчета в $100 миллионов. На тот момент мы занимались этим уже третий год».

«Махони оказывал сильное давление на [епископа Ориннджа] Тода Брауна, чтобы он на это не соглашался, – говорил мне тогда Баучер. – Махони пытался нас победить».

Однако диоцезия Ориннджа, некогда входившая в состав более крупной архидиоцезии Лос-Анджелеса, располагала инвестиционным портфелем на сумму $171 миллион и наличными на сумму $23,4 миллиона, так что была в состоянии расплатиться. Во время процесса епископ Браун приостановил пополнение

фонда на строительство нового собора. Юрист диоцезии заявил, что с помощью продажи собственности, резервов наличных денег и займов под залог церковных активов диоцезия сможет выплатить свою часть компенсации, а остальное выплатят восемь страховых компаний. В архидиоцезии Лос-Анджелеса представители 554 пострадавших все еще продолжали вести переговоры. Джорджин Вейро, профессор юридического факультета Лос-Анджелесского университета Лойолы, заметила: «Тут появилось нечто вроде рынка урегулирования вопросов о компенсации, где цены могут повышаться и опускаться». Юрист Хенниган, работавший на Махони, сообщил *Los Angeles Times*, что некоторые случаи «способны разбить сердце», и предположил, что в пятидесяти самых тяжелых делах присяжные могут вынести решения о выплате $5 миллионов[584].

Эти слова были скрытым сигналом для юристов страховых компаний. Единственный способ заставить страховые компании согласиться на переговоры – это убедить их в том, что *отказ* от переговоров обойдется им дороже. Это был ход игрока в азартные игры. Страхование уже многие годы покрывало подобные преступления. Но теперь немногие компании готовы были согласиться страховать церкви от последствий дурных поступков священников. Католические диоцезии стали накапливать фонды на подобные случаи, и их сотрудники молились о том, чтобы не появилось новых преступлений. Тем не менее достигнутое соглашение в Ориндже оставило нерешенной главную проблему – церковь не открыла личные дела преступников. Руководители СЖС через СМИ непрестанно требовали, чтобы церковь опубликовала все нужные документы.

В процессе долгих переговоров с судом юристы Махони согласились передать представителям истцов краткие резюме из требуемых дел. Вскоре после этого архидиоцезия начала мощную юридическую борьбу против закона, который позволил жертвам подавать иски. «Мы предполагали, что они не пойдут на это, – жаловался Баучер, сидя в своем офисе в Беверли-Хиллс. – Хенниган – отличный солдат. Он готов держать в руке горящий лист бумаги, чтобы доказать свою лояльность. Этим он хотел успокоить страховщиков».

Подарок из Рима

Пока Баучер бился с Хенниганом в Лос-Анджелесе, в районе Залива Джефф Эндерсон, не жалея сил, проводил подготовительную работу: против архидиоцезии Сан-Франциско было подано шестьдесят исков. Он думал довести несколько первых случаев до судебного процесса, чтобы это вынудило другую сторону начать переговоры об урегулировании. На пасхальной неделе, когда Вега выражал свой протест у собора в Лос-Анджелесе, члены СЖС из Сан-Франциско собрались на Площади Вашингтона около знаменитой церкви Св. Петра и Павла, на фоне которой снимались Мэрилин Монро с Джо Ди Маджо после своего бракосочетания в здании муниципалитета в 1954 году.

Этим приходом в квартале Норт-Бич управляли салезианцы Дона Боско, члены ордена, возникшего в Италии в девятнадцатом веке, который особое внимание уделял заботе о молодежи. Юный Ди Маджо занимался спортом в Клубе для мальчиков, который открыли салезианцы. Теперь же собравшиеся у церкви протестующие из числа жертв рассказывали журналистам, что пришли сюда выразить свое возмущение против салезианцев и служащего здесь священника отца Стивена Велэна, которые стали ответчиками в гражданском иске, поданном Эндерсоном и Риком Симмонсом от лица Джоуи Пишителли. Когда четырнадцатилетний подросток Пишителли учился в школе салезианцев в близлежащем Ричмонде, он рисовал Иисуса, которого тошнит на крест, и священника, лукаво поглядывающего на голых мальчиков в душе. Теперь Пишителли уже пятьдесят лет; этот низенький бородатый и крепкий человек все время повторял: «Велэн, священник, что надругался надо мной, он в этом приходском доме»[585].

«Это абсолютно ложное обвинение», – сказал Велэн телерепортеру Дэну Нойесу, которому удалось пробраться в приходской дом. Салезианцы заявили, что Велэн не общается с детьми, хотя и продолжает служить мессы. Во время длительной подготовки к процессу – в результате которого был вынесен вердикт о выплате жертве $600 тысяч – Джоуи Пишителли часто повторял: «Надругавшийся надо мной священник находится в соседнем квартале от епископа Левады, который позволил этому преступнику работать с детьми»[586].

Уильям Левада родился в 1936 в Лонг-Бич и учился в семинарии в Камарилло вместе с Роджером Махони. В начале 80-х он в качестве богослова работал вместе с кардиналом Ратцингером в Конгрегации Доктрины Веры. Вернувшись на родину в 1985, он при поддержке Махони стал викарным епископом. Крепко сложенный с редкими седыми волосами архиепископ Левада жил в доме при соборе Св. Марии по

соседству с центром салезианцев, где находили убежище монах, отсидевший в тюрьме за растление детей, и трое священников, против которых были поданы гражданские иски, поскольку срок давности не позволял завести против них уголовные дела. Религиозные ордена епископ использовал как такие убежища.

Впервые Эндерсон столкнулся с салезианцами в 2002 году в Сент-Питерсбурге, штат Флорида, когда подавал иск против одного монаха, которого немедленно перевели в один из домов салезианцев в Нью-Джерси. Позже в том же году он подал иск против ордена в Чикаго в связи с обвинениями в его адрес со стороны испаноязычной молодежи: этого священника переправили в Нью-Джерси, а затем в Мексику. Когда Джоуи Пишителли связался с Эндерсоном, тот работал с юристом из района Залива Риком Симмонсом. Сняв показания у Велэна и его начальников, Эндерсон стал воспринимать калифорнийских салезианцев как гнездо порока: у них укрывалось шестнадцать преступников. На этом фоне удивительной казалась пассивность Левады, который жил по соседству с центром салезианцев в Сан-Франциско. Эндерсон брал показания у Левады в связи с его деятельностью на посту архиепископа Портленда несколько лет назад. Левада возвращал находящихся на лечении преступников к служению. Юрист архидиоцезии Роберт Мак-Менамин советовал Леваде известить ответственных лиц в церкви о том, что они должны сообщать о сексуальных преступлениях полиции. Левада от этого отказался. Мак-Менамин подал в отставку; позже он стал защищать жертв священников. Верховный суд Орегона отклонил прошение Левады о том, чтобы Мак-Менамина лишили права браться за подобные случаи, поскольку у юриста здесь присутствует личная заинтересованность. Мак-Менамин писал своему преемнику: «Я верен и моей религии, и моим бывшим клиентам, секреты которых я обязан хранить, но не церковным официальным лицам, которые не заботятся о справедливости в отношении жертв».

Поглощая свою кашу из витаминов и фруктов, Джефф Эндерсон размышлял о том, как похожа ментальность Левады, Махони и множества других епископов, с которыми ему пришлось общаться на протяжении двух последних десятилетий. Его поразил отрешенный и любезный Левада, который понятия не имеет о том, что происходит в его диоцезии. Но он вел себя точно так же, как другие иерархи, скрывавшие секреты сообщества принесших обет безбрачия людей, в котором допускалось все что угодно, вплоть до надругательства над невинными детьми. В отличие от Анонимных алкоголиков, у этих людей не было высшей силы, которая могла бы исцелить их от лицемерия. Папа относился к ним с братским уважением. Они в первую очередь отстаивали интересы своего братства, которое хранило самые омерзительные секреты. Эндерсон плохо понимал красоту богослужения, наследие святых, Евхаристию

как источник жизни; он знал, что для католиков важны ритуалы, но никогда не видел их духовного измерения, так что легко без них обходился. Но он видел, как тоскуют по ним его клиенты. Он с симпатией относился к духовному поиску Тома Дойля и Пэта Уолла, которые искали для себя новой опоры. Он черпал силы из их вопросов, их учености, их упорства в противостоянии злу и готов был сражаться так решительно, как сможет.

Левада перебрался в Сан-Франциско в 1995 году. После скандала 2002 года ему пришлось покопаться в грязи и отчасти навести порядок. Среди клириков, которых он отстранил от служения из-за сексуальных преступлений, были капеллан футбольной команды «Сан-Франциско фортинайнерс», бывший глава Католического милосердия, настоятель собора, глава богослужебного отдела, капеллан полицейского управления и бывший декан семинарии, который по Интернету искал сексуальных партнеров из числа тинейджеров.

Левада был уникален среди американских епископов из-за того, что на него подал в суд священник, который поднял тревогу по поводу интереса одного из клириков к мальчикам.

Джон Конли, родившийся в 1944 году, был помощником федерального прокурора в Мичигане. В конце 1980-х он решил стать священником. Убежав от тягостной зимы Среднего Запада, Конли переехал в Сан-Франциско, окончил семинарию и принял рукоположение. Однажды вечером 1997 года он вошел в приходской дом и увидел, что настоятель, при котором он был помощником, пытается незаметно выскользнуть через черный ход. Смущенный четырнадцатилетний подросток, съежившись, возвращался на свой пост, где он должен был отвечать на телефонные звонки. Решив, что мальчик от стыда может не сознаться в произошедшем, Конли поговорил об этом с викарным епископом, который сказал: «В таких случаях мы обычно не выносим сора из избы». Когда Левады не было в городе, Конли решил поставить в известность окружную прокуратуру Сан-Матео. Испуганный подросток сказал следователям, что они с отцом Эйлвордом просто занимались борьбой. Обвинение не было выдвинуто.

Конли сказал священнику, заведовавшему канцелярией, что не может жить с педофилом и переезжает в отель. Тот ответил, что не следует употреблять слово «педофил» и не надо никому рассказывать об инциденте. Юноша оставил свою работу в приходском доме. Конли встретился с его родителями. Его мать со слезами говорила, что не может силой вынудить сына давать показания против Эйлворда и рассказывать, как священник его домогался. Когда Конли встретился с архиепископом Левадой и монсеньором из канцелярии, он понял, что архидиоцезия всеми силами старается защитить Эйлворда.

В 2005 году я брал интервью у Конли по заданию одного журнала, и он сказал, что Левада называет

«клеветой» обвинения против Эйлворда. На тогдашней встрече монсеньор делал заметки; Конли включил диктофон, опасаясь, что из него сделают козла отпущения. «Вы мне не доверяете?» – спросил Левада. Он велел Конли прекратить запись, тот отказался. Левада предложил ему взять оплачиваемый отпуск и заметил: «Поразмышляйте о послушании».

Они встречались еще раз с глазу на глаз, без диктофона. Левада хотел, чтобы Конли прошел обследование у психолога, Конли отказался. Когда газета *San Francisco Examiner* написала о столкновении Конли с начальством, архидиоцезия заявила, что церковь «посоветовала ему доложить о случившемся гражданским властям; она решительно поддерживает такие меры в случаях, когда возникают подозрения о преступлениях или пренебрежении обязанностями относительно детей. Проблема заключалась в неприемлемом поведении [Конли] после обращения в полицию». Конли дал на это ответ, написав письмо в *Examiner*: «Почему же архидиоцезия Сан-Франциско не создала принципы и инструкции для священников, сталкивающихся с сексуальными проступками?» Он подал иск против Левады и архидиоцезии, обвиняя их в клевете и нанесении морального ущерба. Конли требовал, чтобы архидиоцезия принесла ему публичные извинения и приняла меры для защиты священников, которые, подобно ему, заявляют о подобных преступлениях. Левада приказал ему отказаться от этих претензий и «пройти курс психологической помощи». «В противном случае, – сообщил иерарх, – у меня не остается иного выхода, кроме как отстранить вас от служения, лишив всех прав, привилегий и возможностей, предоставляемых священнику».

Иск Конли был отклонен на том основании, что речь здесь идет о внутрицерковных вопросах. Семья мальчика подала иск против архидиоцезии. Давая показания, Эйлворд признался в том, что на протяжении многих лет получал сексуальное удовлетворение от борьбы с малолетними. Архидиоцезия согласилась выплатить семье жертвы компенсацию в размере $750 тысяч. Эйлворд оставил священническое служение. Адвокат Конли подал апелляцию по его делу. Апелляционный суд Калифорнии постановил, что привилегии свободы вероисповедания не освобождают духовенство от обязанности заявить о подозреваемых в сексуальных преступлениях. Конли получил надежные основания для того, чтобы обвинить епископа в клевете. Началось снятие показаний, Левада оказался побежденным. В своем официальном заявлении церковь поблагодарила Конли за проявленную бдительность. Архидиоцезия позаботилась о том, чтобы Конли ушел на покой с хорошей пенсией. Конли не говорит о ее размерах, но у него есть хорошая квартира в роскошном районе Ное-Валли с прекрасным видом города. Когда мы сидели в его гостиной, где по телевизору передавали новости о смерти Иоанна Павла, Конли, крепкий бородач с

хорошим чувством юмора, пробормотал: «Иногда я замещаю священников, уезжающих в отпуск. Знаете, эта церковь немного сумасшедшая».

И затем, как по волшебству, через несколько дней после того, как белый дым оповестил об избрании нового папы, Бенедикт XVI скинул веревочную лесенку, извлек архиепископа Леваду из провинциальной грязи и перенес его в Вечный город. Билл Левада должен был занять место кардинала Ратцингера в качестве префекта Конгрегации Доктрины Веры. Благодаря этому посту он получил красную шапочку кардинала. «Почему Левада?» – задавали себе вопрос многие люди. Он ничем особенным не отличился на богословском поприще. Но Ратцингер понял, что его службе, в которой лежало семьсот дел относительно сексуальных преступлений, нужен американец, глубоко разбирающийся в данном вопросе. То, что репутация самого Левады была запятнана участием в скандальных делах, никого не волновало; он показал свою верность мужам, считавшим себя преемниками апостолов.

В конце лета 2005 года на севере Калифорнии четыре суда присяжных по гражданским делам, касающимся одного священника, приняли решение о выплате жертвам $5,8 миллиона. В результате переговоров об урегулировании группе жертв обязались выплатить $37,2 миллиона. Среди истцов были две женщины, ставшие в детстве жертвами отца Грега Инджелса, канониста, который был советником Левады относительно сексуальных преступлений. Узнав о поступивших на него заявлениях, Левада позволил Инджелсу тихо удалиться в семинарию, где жил ушедший на покой архиепископ Джон Куинн. Это настолько возмутило психотерапевта Джима Дженкинса, председателя созданной Левадой комиссии по наблюдению за духовенством, что он отказался от своего поста. Лучезарный Левада служил в алтаре собора прощальную мессу, когда судебный курьер протянул ему повестку: он должен был давать показания в Сан-Франциско.

Юристы Махони использовали термин «привилегия формирования», чтобы кратко обозначить им аргумент свободы вероисповедания, с помощью которого архидиоцезия объясняла свой отказ дать доступ к личным делам священников, совершивших сексуальные преступления. Журналисты *Los Angeles Times* Джин Гуччионе и Уильям Лобделл, которые подвергли этот юридический аргумент вдумчивому разбору, писали в 2004 году:

> Архидиоцезия утверждает, что эта привилегия прямо связана с церковной обязанностью епископа в течение всей их жизни заботиться о духовном руководстве своих священников, которое их формирует. Для этого, как заявляет архидиоцезия, важно, чтобы деликатные предметы бесед со священниками,

доверяющими епископу свои секреты, – включая документы, связанные с сексуальными преступлениями против малолетних, – оставались тайной.

Как утверждают юристы архидиоцезии, любое покушение штата на эту привилегию нарушает и закон штата, и конституционные гарантии, как на уровне штата, так и федеральные, свободы вероисповедания[587].

Эндерсон дал к этому свои язвительные комментарии: «Тут мы видим нечто вроде ссылки на Первую поправку; подобные вещи не везде работают. Махони затыкает всеми пальцами дыры в большой плотине, но все равно вода пробивается»[588].

Махони позаимствовал такой сценарий у Ватикана. В 2002 году архиепископ Тарчизио Бертоне, важнейший канонист Конгрегации Доктрины Веры, заявил: «Если священник не может доверять своему епископу из опасения, что его слова будут поставлены ему в вину, здесь уже нет места свободе совести. Гражданское общество должно с уважением относиться к «служебной тайне» священников»[589].

Бертоне принадлежал к салезианцам. Его высказывания точно соответствуют привлекшей внимание Джеффа Эндерсона практике ордена, скрывавшего у себя преступников. Бертоне оставил Конгрегацию Доктрины Веры в 2003 году, чтобы стать архиепископом Генуи; его административный опыт помог ему повысить свой статус среди преемников апостолов. 23 июня 2006 года по распоряжению папы Бенедикта кардинал Бертоне стал преемником Содано на посту государственного секретаря.

И лишь позже публике стало известно, что в Генуе Бертоне написал хвалебное предисловие к вышедшему в 2003 году итальянскому изданию книги бесед с отцом Масьелем «Христос – моя жизнь» – это была последняя отчаянная попытка Масьеля защититься перед конгрегацией, в которой ранее служил Бертоне. Книга появилась за несколько месяцев до того, как Ратцингер распорядился провести расследование. «Ответы, которые отец Масьель дает собеседнику, – писал Бертоне, – глубоки и просты, в них звучит прямота человека, исполняющего миссию для мира и церкви, глаза и сердце которого взирают на Христа Иисуса. Его успех, несомненно, объясняется лишь тем, что любовь Христова властно привлекает к себе людей»[590].

Когда в 2010 году одобрительные слова Бертоне стали предметом всеобщего внимания, двое выросших сыновей Масьеля дали часовое радиоинтервью Кармен Аристегуи, ведущей журналистке Мехико; они сообщили, что отец вовлекал их в свои сексуальные игры и что на встрече с официальными представителями Легиона Христа они узнали грустную новость: Масьель не оставил после себя никакого

имущества. В тот момент Бертоне, уже в качестве госсекретаря, и кардинал Левада ожидали от пяти епископов пяти стран отчетов о расследовании деятельности всего ордена, что было беспрецедентным шагом для всей современной истории церкви[591].

Завершение сделки в Калифорнии

Рей Баучер нажимал на своего коллегу и соперника Майка, чтобы тот согласился на выплату компенсации в общей сумме на более чем $600, при этом все юристы, занимавшиеся зоной Духовенство 2, понимали, что ключевой фигурой для достижения победы здесь является кардинал Махони. Его имя склоняли СМИ (*New York Times* и *Los Angeles Times* призывали его подать в отставку из-за того, что он покрывал педофилов), но юристы понимали, что для завершения сделки им нужен Махони на своем посту, поскольку он связывал туго натянутой нитью страховые компании и религиозные ордена, особенно салезианцев, которые должны будут вложить свои деньги для выплаты компенсации. Законники, чьи клиенты возмущались затянутостью процесса, понимали, что нападения на Махони как главного защитника преступников не служит интересам жертв. Вот как это понимал Стив Рубино: «Если суд выясняет, что причиной ущерба стала небрежность, ущерб будет возмещен. Но если доказать, что это осознанное укрывание преступников, можно не получить компенсации. На подготовительном этапе мы понимали, что если мы *отправимся в суд* и настойчиво заговорим об укрывательстве, ущерб не будет возмещен за недостатком средств. И мы понимали, что у Махони недостаточно активов, чтобы за все заплатить». Баучер стремился добиться компенсации в размере $1,4 на каждый случай.

Джефф Эндерсон решил, что хорошо бы организовать встречу Махони с кем-то из жертв. В связи с этим замыслом Баучер нанял режиссера, который заснял интервью с жертвами, размышления их родителей или супругов, вставив туда, где возможно, кадры из новостей, и создал несколько десятиминутных биографий на DVD для Махони и судей в преддверии переговоров. За этим стояло желание превратить «клиентов» и «пострадавших» в живых людей, чьи судьбы должны пробуждать эмоции и напоминать о реальной жизни в сумятице юридических разбирательств.

«Я встретился со многими жертвами, – сказал мне кардинал во время интервью в 2005 году. – Я также просмотрел видеозаписи бесед с ними, подготовленные их адвокатами – это десятки интервью на DVD. Я просмотрел их все до одного. На них трудно смотреть без слез. Тебе просто трудно поверить в то, что это действительно случилось. Это был повод для смирения. Духовно я оказался на самом дне, совершенно

ранимый для благодати Божией. И я начал понимать, что в этот момент Иисус Христос призывает меня и других к особому служению – сделать все возможное, чтобы подобное не повторялось».

Сидя за ужином вместе с Махони и его консультантом Хенниганом в доме при соборе, Баучер настаивал на том, чтобы 554 жертвам, подавшим иски, выплатили в сумме около $600 миллионов, в среднем по $1,4 миллиона на человека. Он знал, что другая сторона постоянно совещается с юристами страховых компаний. Далее Хенниган предложил разделить группу пострадавших из Лос-Анджелеса на две подгруппы: одну поменьше, вторую побольше. Махони планировал завершить переговоры с первой до конца 2006 года, это дало бы кардиналу возможность собрать деньги для второй подгруппы. 1 декабря 2006 года архидиоцезия согласилась выплатить компенсацию в $60 миллионов группе из сорока пяти жертв. Сюда входили жертвы относительно свежих преступлений, совершенных после 1985 года, когда архидиоцезия сама обеспечивала себе страхование, и самые первые случаи, когда страхования еще почти или совсем не было. Махони заявил, что $40 миллионов будут взяты из «фондов, созданных в прошлом году», от религиозных орденов и от незначительных по объему страховых платежей[592].

Большинство адвокатов, выступавших на суде, таких как Джефф Эндерсон и Стив Рубино, работали со случаями на территории диоцезии Ориндджа и севера Калифорнии в течение четырех с половиной лет. Им приходилось тратить деньги на отели, еду и ассистентов и платить за длительные перелеты между Лос-Анджелесом и Миннесотой или Нью-Джерси для свидания с семьями, на что уходило много времени. Когда переговоры завершились и клиенты начали получать деньги, адвокаты, занявшие огромные суммы для обеспечения неустанной работы, могли вернуть часть денег банкам, так что ситуация стала менее напряженной. В итоге каждый из них должен был получить примерно по $25 миллионов в том случае, если архидиоцезия согласится с условиями выплат, поставленными Баучером, относительно оставшихся 500 жертв.

Хотя Верховный суд отказался рассматривать апелляцию Махони относительно так называемой «привилегии формирования», Хенниган задерживал выдачу документов: он сделал так, что вышедшему на пенсию судье нужно было изучить многотомные личные дела и принять решение о том, какие материалы можно сделать открытыми. Некоторые жертвы преступлений, такие как Мэнни Вега, хотели, чтобы Махони дал доступ к этим личным делам. Юристы видели, что кардинал отчаянно ищет деньги.

«Махони был готов согласиться на наши условия с первого дня, – сказал Рубино, – но ему мешал вопрос о документах. Ему нужно было сохранить тонкое равновесие: показать, что он сотрудничает со

страховыми компаниями, но в то же время защищать документы, раскрытие которых помешало бы ему расплатиться. А страховщики продолжали на него давить».

К концу 2006 года Баучер добился от Хеннигана и Махони согласия на выплату $660 миллионов. «У церкви, – сказал мне Баучер, – были средства, чтобы расплатиться за многие случаи, связанные с архидиоцезией и религиозными орденами. Думаю, Хенниган справедливо считал, что страховщики должны выложить больше. У многих религиозных орденов было достаточно ресурсов, чтобы покрыть их обязательства, но тогда архидиоцезия еще не могла с ними договориться… Махони отправился в Рим, чтобы получить необходимое одобрение».

Согласно каноническому праву, кардиналу надо было получить одобрение Конгрегации по делам Духовенства на отчуждение церковной собственности в куда более широких масштабах, чем в случае О'Мелли, которому в 2003 году пришлось выплатить $85 миллионов. Бенедикт назначил главой конгрегации нового префекта, кардинала Клаудиу Хуммеса, францисканца из Бразилии. В беседе с журналистом *National Catholic Reporter* Джоном Олленом несколько месяцев спустя после официального заявления о достижении договоренности Махони сказал: «Что касается всей суммы урегулирования, нам потребовалось получить разрешение на отчуждение только лишь $200 миллионов… Кардинал Хуммес нам очень помог». Махони сообщил Оллену, что в мае 2007 года встречался с кардиналом Францем Родэ, префектом конгрегации, занимающейся религиозными орденами. Уроженец Словении Родэ, который во время Второй мировой войны оказался в трудовых лагерях, был одним из самых реакционных деятелей Курии и противников Второго Ватиканского собора. В 2010 году Родэ распорядился о проведении расследования относительно американских монахинь и разослал им анкеты, где содержались вопросы о финансовом состоянии – большинство сестер проигнорировали это мероприятие. Родэ был большим приятелем Масьеля и с уважением относился к Легиону. Спустя две недели после 15 июля 2007 года, когда в Лос-Анджелесе было официально объявлено о достижении договоренности, кардинал Родэ отправился отдыхать в Мексику в солнечный Канкун по любезному приглашению Легиона, о чем сообщил один из членов ордена. Цветастым языком, каким любят пользоваться кардиналы, Махони сказал Оллену: «[Родэ] дал нам ключевой принцип… Он сказал, что религиозные организации должны в полной мере отвечать за деятельность своих членов, а диоцезии – за деятельность своих. Он сказал, что только такой подход дееспособен, и мы следуем этому принципу»[593].

Разумеется, Махони следовал этому принципу с самого начала. «Он вернулся из Рима, – продолжал

Баучер, – получив разрешение расплатиться с жертвами согласно поставленным нами условиям и оказывать давление на религиозные ордена. На долю орденов приходилось около $200 миллионов. Самые худшие преступники принадлежали к салезианцам – это упорные, склонные себя оправдывать люди, совершавшие самые отвратительные вещи». В начале июля Баучер мог видеть из окна офиса Хеннигана, как Махони непрерывно звонит по телефону. «Он вел переговоры о деньгах с религиозными орденами».

Но религиозные ордена не могли тотчас же выложить $200 миллионов наличными: продажа собственности и сбор нужной суммы требовали времени. А в то же время архидиоцезии нужно было расплачиваться.

Как Махони собирал деньги

Кардинал, который пятью годами ранее открыл собор стоимостью $190 миллионов, должен был собрать сотни миллионов, чтобы удовлетворить претензии жертв. Потратив массу денег на юристов, чтобы не допустить обнародования личных дел священников и самому не оказаться среди обвиняемых, Махони не имел доступа к тем $200 миллионам, которые, как он сказал Оллену, Ватикан позволил ему собрать через отчуждение собственности. Сюда входили резервы наличности и ликвидные активы. Он уже обязался выплатить $60 миллионов жертвам из первой подгруппы. «По нашим оценкам, – сказал Стив Рубино, – он располагал лишь суммой в $40 миллионов в виде ликвидных активов. Мы назначили даты судебных процессов в 2006 году, чтобы вынудить его завершить переговоры. Один судья, с которым я случайно встретился в Старбаксе, сказал мне, что Махони ездил в Рим – собирать деньги. Он должен был получить в Риме не менее $100 миллионов, чтобы справиться с проблемой».

Ситуацию проанализировала газета *Los Angeles Times*:

> Более $114 миллионов было в прошлом случае урегулирования, так что в сумме за преступления духовенства архидиоцезии Лос-Анджелеса надлежало отдать более $774 миллионов. Эта цифра гораздо больше других наибольших компенсаций, выплаченных в США, включая Бостон с суммой в $157 миллионов и Портленд (штат Орегон) с суммой в $129 миллионов.
>
> Как сообщил Хенниган, архидиоцезия предполагает выплатить $250 миллионов наличными, остальные деньги заплатят страховщики и религиозные ордена[594].

Архидиоцезия заняла $175 у банка Allied Irish Bank (AIB), чтобы создать фонды для выплаты

компенсаций[595]. По словам Баучера, он услышал об этом весной 2007 года; хотя он не может этого доказать, по его мнению, именно Ватикан обеспечил или облегчил выдачу займа архидиоцезии в AIB. Allied Irish Bank, зарегистрированный в Ирландии, был создан в 1966 году в результате слияния трех ирландских банков. В 1980-х он открыл свои отделения в США. AIB помогал архидиоцезии строить собор Пресвятой Девы Ангелов. Как написано в истории строительства собора, «средства для возведения [усыпальницы] были взяты взаймы у кладбищ архидиоцезии при помощи Allied Irish Bank»[596]. По данным газеты *Irish Times*, «основным видом деятельности» AIB в США было «финансирование некоммерческих организаций: AIB участвует в финансировании 45 из 194 католических диоцезий и архидиоцезий»[597].

Спустя семь месяцев после завершения переговоров об урегулировании газета архидиоцезии *The Tidings* говорила о «банковском займе на сумму $175 миллионов и ликвидации инвестиций на сумму $117 миллионов. В административном отделе возник дефицит в $12 миллионов».

> Заем у банка в $175 миллионов архидиоцезия предполагает возвращать постепенно с помощью продажи 51 объекта своей собственности (стоимость которой оценивается в $107 миллионов). К концу срока возвращения займа в 2011 году остается баланс в $50 миллионов; возможно, эта сумма будет подвергнута рефинансированию…
>
> Потеря этих средств, а также процентов с банковского займа и процентов с гарантии означает, что административному отделу придется столкнуться с дефицитом бюджета в размере около $12 миллионов в год[598].

Кардинал Махони отказался дать мне интервью, когда я готовил данную книгу. Пресс-секретарь диоцезии Тод Тамберг отказался обсуждать со мной их сделку с Allied Irish Bank. Подход Махони к поиску средств в связи с судебными процессами разительно отличается от того, что происходило в расположенной неподалеку диоцезии Сан-Диего. Поскольку здесь переговоры о выплате компенсаций зашли в тупик, судья назначил дату судебного заседания. Епископ Роберт Бром через своих юристов прибег к защите Статьи 11 Законов о банкротстве, чтобы приостановить судебный процесс и, возможно, добиться уступок от противоположной стороны. Судья Луис Декарл Адлер распорядилась о проведении независимого аудита активов диоцезии с помощью бухгалтера-криминалиста, бывшего агента ФБР Р. Тодда Нейлсона. Сан-Диего занимает пятое место по величине среди всех диоцезий США и имеет

достаточно много собственности. Нейлсон открыл, что диоцезия, имея дело с банками или рынками ценных бумаг, указывает активы своих 98 приходов, но не указала их, обратившись к помощи Статьи 11. Он отметил, что после регистрации банкротства викарный епископ передал из специального фонда сумму в $69,963 тысячи в чеках в распоряжение приходского диакона, который, «предположительно, перевел эти средства лицу… обладающему опытом ввоза товаров в Колумбию и их вывоза из этой страны» – для помощи бедному колумбийскому приходу. «Были отмечены и другие оплаты на сумму $23 тысячи, – продолжает Нейлсон свой сухой отчет, – но Эксперт не получил никакой подтверждающей их документации»[599].

Помимо имущества приходов диоцезия располагала и другой собственностью: типовыми зданиями, многоквартирными домами, участками, предназначенными для коммерческого или промышленного использования, магазинами и парковками – стоимость которой эксперт округа оценивает в $115 миллионов. Один экономист, специализирующийся по недвижимости, сказал газете *San Diego Union-Tribune*, что диоцезия располагает собственностью, «рыночная стоимость которой превышает $1 миллиард»[600].

Судья отказалась признать диоцезию банкротом и вынесла ей предупреждение – последнее означало, что диоцезия не сможет вскоре снова ходатайствовать об этом. Она резко критиковала диоцезию: «Глава одиннадцать не должна использоваться как механизм или средство для ответа на требования жертв преступлений»[601]. В итоге диоцезия согласилась выплатить $198 миллионов 144 клиентам адвокатов. Ватикан не принял никаких мер для наказания епископа Роберта Брома.

«Часть суммы компенсаций, – сообщил адвокат истцов Ирвин Залкин, – дал Allied Irish Bank. Этот же банк финансировал здесь строительство здания средней школы. Я не знаю, связан ли непосредственно AIB с Банком Ватикана, но среди юристов ходят слухи о том, что AIB – финансовый подручный Ватикана, что он позволяет Святейшему Престолу финансировать некоторые вещи, в том числе выплачивать компенсации жертвам».

В отличие Леннона и О’Мелли в Бостоне, Махони в конце действовал как политик. Он обращался к своему народу, произносил страстные речи в приходах, встречался с людьми, рассылал письма с просьбой о деньгах. Он уже приносил свои извинения. Покрывая преступников и живя рядом с ними, он делал более возмутительные вещи, чем вынужденный уйти со скандалом Бернард Лоу. Но Махони понимал, как себя вести со СМИ, тратил много денег на пиар и использовал свою финансовую мощь, чтобы скрывать

компрометирующие документы с помощью разных препятствий, что повышало расходы на все. Эта затянувшаяся битва поглотила уйму денег и времени, к тому же на фоне выплаты в размере $750 миллионов, однако в результате Махони не было предъявлено официального обвинения. Его постоянно атаковали СМИ, однако он устоял. Он мог бы преподавать искусство выживания.

Приход в Вудленд-Хиллсе передал свои резервы наличности в размере $1,5 миллиона архидиоцезии. Другой приход предложил выдать беспроцентный заем на $100 тысяч, который можно было возвратить в течение десяти лет. Маленький бедный приход дал $25 тысяч на пять лет[602]. Пока Махони работал над возвращением огромного долга, а личные дела священников все еще хранились в лабиринтах судебной системы Лос-Анджелеса, СМИ начали атаки на Бенедикта в связи с кризисом 2010 года. Джефф Эндерсон вместе со специалистом по конституции работали над новой задачей: они хотели добиться того, чтобы Верховный суд *отказался* рассматривать апелляцию Святейшего Престола, который просил отклонить иск в Орегоне, чтобы освободить папу Бенедикта от необходимости давать показания. И у него появился новый клиент – тридцатилетний сын Марсиаля Масьеля Деголладо, который был в ярости от того, как с ним обошелся Легион Христа.

13

Америка и Ватикан

Чтобы в Ватикане двигались дела приходов, где проходили бдения, Питер Борре ездил в Рим в среднем раз в месяц между 2009 и 2010 годами, где он каждый раз проводил не менее пяти дней. Он уже отпраздновал свое 70-летие; хотя годы его отдыха на пенсии омрачала необходимость общаться с официальными представителями церкви, он любил Рим и наслаждался приятельскими отношениями со знатоком канонического права юристом Карлом Гулло. Занимаясь вместе с ним составлением апелляций, Борре совершенствовал знание латыни и научился ценить барочное изящество юридической системы Ватикана. Но Борре недостаточно было элегантных сводок Гулло с их латынью, он хотел донести до сознания чиновников Ватикана *историю* о прихожанах, которые борются за то, чтобы их церкви не стали ликвидными активами. Сигнатура была вертикалью для рассмотрения прошений; Борре хотел найти горизонтальную стратегию, путь для распространения информации по другим местам Римской Курии.

Когда Борре говорил со служащими среднего звена из Конгрегации Духовенства, Сигнатуры и других дикастерий, он мог видеть, что многие из этих священников перегружены работой и лишены необходимой кадровой поддержки, чего следовало бы ожидать от центральной организации церкви, опекающей 1,2 миллиарда душ. Разумеется, он бы не хотел, чтобы церковь походила на международную корпорацию – упаси Бог. Но в том, с каким подобострастием монсеньоры встречали епископов и кардиналов, он видел проявление имперской культуры, которая не давала места искренности. Поскольку Борре рос в Риме и хорошо знал итальянские обычаи, он понимал язык намеков и важность жестов – поднятого пальца, повернутой вверх ладони – этот особый словарь, который позволял обмениваться реальной информацией. Курией правили итальянцы, и чтобы они его услышали, Борре нужно было быть итальянцем, обладающим даром убеждения.

Борре уже разочаровался в реформистах у себя на родине, которые возлагали великие надежды на диалоги с епископами. Для него после кризиса вокруг педофилии, породившего финансовый кризис, все уже стало совершенно очевидным. Епископы цинично относились к сладкой идее плюрализма и не желали вовлекать мирян, даже богатых, на собрания, где их право распоряжаться деньгами могло быть поставлено хотя бы под малейшее сомнение. У епископов существовали финансовые советы или

комиссии экспертов, но и здесь их члены должны были играть по знакомым правилам – молись, плати, слушайся – и избегали лишних вопросов, скажем, не могли спросить епископа: «Скажите, а почему мы не публикуем прошедшие аудит финансовые отчеты?»

В некоторых городах и диоцезиях, где было немало зажиточных католиков – например, в Неаполе, Флориде, Роквилл-Центре, Лонг-Айленде, – епископы запретили группе «Голос верных» устраивать собрания в приходах. Тем самым власть показывала, что боится правды. Хотя многие священники с симпатией относились к целям группы, призывавшей к финансовой прозрачности как рычагу реформ, священники, не играющие по правилам епископа, могли потерять приход, получить второсортную работу или лишиться права служить мессу, исповедовать и совершать таинства.

«Епископы воспитывались в римской культуре, пропитанной милитаризмом, – заметил Патрик Уолл, канонист округа Ориндж, ставший свидетелем-экспертом. – Они смотрят на свою многовековую историю. Лояльность и верность вознаграждаются. Эти люди – воспитанники латинской традиции… У них нет ничего другого. Епископы не идут в битву, подобно спецназу. Им не надо волноваться о том, что близкие поздно не приходят домой»[603].

Когда он служил во флоте, Борре усвоил одну истину: военной культуре необходима справедливость, чтобы поддерживать дисциплину и лояльность подчиненных. Весной 2009 года деятельность Борре, на которую он, не получая за это денег, потратил пять лет в надежде добиться отмены указа об изъятии девяти протестующих приходов в архидиоцезии Бостона, должна была завершиться. Его стратегию подачи множества прошений в Ватикан перенимали в других городах, куда Борре ездил, чтобы встретиться с людьми, ведущими такую же борьбу за сохранение своих церквей. Веб-сайт группы FutureChurch размещал информацию, которая интересовала эту новую духовную среду.

Борре и сестра Крис Шенк надеялись, что, несмотря на диктаторский стиль Ватикана, судьи по гражданским делам разных штатов начнут трезво оценивать указы об изъятии, которые лишают людей их духовного дома и вынуждают их отказаться от своей религиозной традиции, которая тоже заслуживает свободы.

Один священник из Рима, с симпатией относившийся к деятельности Борре, предложил ему обратиться к государственному секретарю Ватикана и к монсеньору Пьетро Паролину, заместителю госсекретаря по международным отношениям. Это следовало сделать в письменной форме. В течение нескольких недель Борре вместе с Гулло работали над письмом, которое должно было сочетать

изысканный формализм знатока канонического права с боевой прямотой американского активиста. 7 апреля 2009 года они завершили свой труд. Письмо на восемнадцати страницах содержало в себе просьбу к монсеньору Паролину, чтобы тот походатайствовал «перед надлежащей дикастерией Святейшего Престола, чтобы та убедила Апостольскую Сигнатуру и Конгрегацию по делам Духовенства об удовлетворении прошений американских прихожан, желающих сохранить свои приходы». В письме перечислялись все приходы, диоцезии и имена лидеров приходских групп.

Там также приводились слова покойного папы, которого письмо называло «Иоанном Павлом Великим», сказанные во время его визита в Америку в 2004 году:

> «Фактически, приход есть «наиважнейшая община среди всех других в диоцезии, за которую епископ несет ответственность в первую очередь; именно о приходах прежде всего прочего нам надлежит заботиться» (*Pastores Gregis,* 45)… Диоцезия всегда должна понимать, что она существует *в своих приходах и для своих приходов* (курсив папского издательства)»[604].

Борре писал это послание от имени тридцати одной группы из восьми диоцезий: Бостона, Кливленда, Нового Орлеана, Нью-Йорка, Буффало, Скрантона, Аллентауна (штат Пенсильвания) и Спрингфилда (штат Массачусетс). Там упоминались четыре бостонских группы, которые с октября 2004 года «сменяя друг друга, пребывают в церкви мирно и в духе молитвы», причем (тут чувствуется рука Гулло) они «не делают ничего, что бы противоречило Магистериуму или каноническому праву» – это смиренная дань почтения Конгрегации Доктрины Веры. Более того: «В этих общинах можно было наблюдать одну поразительную тенденцию – там возросло почитание Девы Марии, и часто во время бдений прихожане читают розарий, что было распространено гораздо меньше до выхода указа о закрытии церквей».

Это письмо сочетает в себе римский стиль религиозного благочестия и почтительности, как будто здесь верующие, сдерживая свои чувства, советуются с мудрыми религиозными властителями, с американской верностью фактам, которые дают обоснование главному аргументу. «Более тысячи американских приходов либо были закрыты, либо ожидают закрытия в близком будущем. И их число многократно возрастет в течение нескольких лет» – в период великой социальной напряженности и «материальных трудностей, которых люди не переживали после Великой депрессии».

Много места в письме занимал обзор канонических процедур, вынесенных решений, демографических данных относительно церкви в Америке и финансовых последствий судебных процессов из-за сексуальных преступлений духовенства.

Письмо призывало к организации встреч, использованию посредников, к соблюдению «уважения ко всем участникам дела», а также к своевременному завершению переговоров, что позволило бы справиться с кризисом, – и в то же время его тон отражал нормы изысканной вежливости Курии. Ничто в этом большом письме не выказывало непочтительного отношения к Святейшему Престолу, хотя краткое описание решений, принятых некоторыми прелатами, особенно Шоном О’Мелли и Ричардом Ленноном, позволяло понять, какое потрясение эти решения вызвали.

Борре пригласили на встречу с чиновником среднего звена из Секретариата государства, чье имя он просил меня не упоминать. По словам Борре, для этой встречи он приготовил более подробный обзор состояния приходов, их проблем, реакции СМИ и финансовых последствий, в частности, таких как увеличение дефицита в Бостоне. Чиновник Ватикана слушал его и кивал головой. «Похоже, он смог что-то понять», – думал Борре. Он почувствовал робкую надежду на то, что этот священник, делавший заметки, напишет формальный отчет для своего начальства, который, быть может, попадет даже на стол к государственному секретарю кардиналу Бертоне.

Письмо Борре в Секретариат государства содержало мимолетное упоминание о том, как кардинал Иган в Нью-Йорке и архиепископ Альфред Хьюз в Новом Орлеане послали полицию «арестовывать католиков в их церквах». Говоря о Бостоне, Борре отмечал, что «обращение к полиции для задержания участников бдений… причинило бы большой ущерб архидиоцезии». Действия полицейских в Новом Орлеане чуть ли не вызвали бунт.

Что за люди живут в Новом Орлеане?

Когда 29 августа 2005 года разразился ураган Катрина, из черты города было эвакуировано более миллиона людей. Когда они вернулись, они застали лихорадочную деятельность: многие звонили по мобильникам, добиваясь того, чтобы их сделали подрядчиками, которые будут восстанавливать пострадавшие дома и предприятия. Было затоплено 80 процентов территории города: площадь, которая в семь раз превышает площадь Манхэттена, почти месяц оставалась покрытой соленой водой. «Бог поставил нас на колени перед лицом бедствия, – сказал архиепископ Хьюз. – Мы ошеломлены и действительно не знаем, что делать. Это бессилие заставляет нас молиться»[605].

Никто не сомневался в искренней вере Эла Хьюза, невысокого лысеющего и скромного человека. Он был проникнут смирением, но его репутация была подмочена три года назад, во время скандала вокруг преступлений духовенства города, за что он смиренно приносил извинения, изгнав виновных священников. Хьюз начал свою карьеру в Бостоне, где в 1980-х годах он был викарным епископом под началом кардинала Лоу.

Бостон мало походил на архидиоцезию, куда он был назначен в 2002 году. Новый Орлеан, основанное в 1718-м французами поселение у порта, с самого начала был католическим городом, в отличие от Верхнего Юга, где тон задавали баптисты и евангелические христиане. В 1840-х годах он был одним из важнейших американских портов рабовладельческой Америки, где можно было наблюдать пеструю социальную картину. Один продавец книг девятнадцатого века писал: «Тут можно изучать весь мир. Здесь есть представители всех известных рас мира, и здесь есть народы, о которых никто в других местах не слыхал… здесь можно услышать всевозможные языки: английский, французский, итальянский и немецкий на фоне самых чудных языков всякого рода»[606].

В послевоенных церквах рабы занимали на службе задние скамьи, глядя в затылки плантаторам, купцам, белым рабочим и свободным цветным, многие из которых сами были рабовладельцами. Несмотря на постоянное присутствие черных католиков, в двадцатом веке появилось множество местных церквей афроамериканцев, таких как Церковь Бога во Христе, и крупных баптистских деноминаций, которые расширили демографический спектр веры. Несмотря на это, когда город поразил ураган Катрина, католики оставались крупнейшей деноминацией в районе, где было восемь приходов и они составляли 480 тысяч из населения в 1,4 миллиона. В приходских школах училось 50 тысяч человек (многие из них не

относились к католикам), почти столько же, сколько их было в приходящей в упадок системе государственных школ города. Несмотря на то, что ураган Катрина причинил огромный ущерб городу, церковь героически старалась все восстановить[607].

Стихийное бедствие дало архиепископу Хьюзу шанс оправдаться в глазах людей.

«Я тоже изгнанник», – сказал усталый архиепископ во время посещения лагеря для потерявших жилье в Батон-Руже на другой день после урагана. До этого он выслушал признания местных отрядов, наводящих порядок, и работников служб помощи. «Это нелегко, – сказал он, – когда тебя неожиданно вышвыривают из дома и у тебя нет надежды туда вернуться скоро».

Сначала церковь объявила, что у нее создался дефицит в $40 миллионов. В течение последующих трех лет другие диоцезии, епископы, Рим, отдельные католики, благотворители и фонды восстановления и преодоления последствий катастроф передали сюда $107 миллионов. Добровольцы из разных приходов Америки отправились сюда, чтобы ремонтировать дома, которые оказались под водой. Католическое милосердие выделило $7 миллионов для непосредственной помощи жертвам бедствия.

Однако к зиме 2006 года лишь 40 процентов населения Нового Орлеана вернулось в город. Хотя были созданы федеральные фонды для помощи тем, у кого страхование не покрывало все расходы на ремонт и перестройку, для их использования нужно было одобрение конгресса, а потому все происходило медленно. Церковь снова открыла 107 из своих 142 приходов и 81 школу из 107. Несмотря на то, что архидиоцезия, как и другие организации, получила возмещение убытков от Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям, ей необходимо было думать о новом распределении ресурсов на своей территории. Некоторые приходы были разрушены, другим пришлось объединиться, потому что они располагались рядом, а население уменьшилось. Часть этой невообразимо сложной работы Хьюз доверил отцу Майклу Жаку, белому настоятелю афроамериканского прихода св. Петра Клавера в районе, серьезно пострадавшем от природного бедствия. Жак не слишком хорошо разбирался в городском планировании. Местные жители его любили, хотя еще большей популярностью среди них пользовался отец Жером Леду, 76-летний настоятель церкви Св. Августина в Треме, расположенном неподалеку районе с богатой историей, находящемся около французского квартала. Ранее Леду обучался в Риме, где получил степени по богословию и церковному праву.

На закате своей жизни отец Леду служил мессы в цветастом одеянии в африканском стиле, над которым хорошо смотрелась густая копна седых волос, говорил воодушевляющие проповеди и приглашал

джазовых музыкантов играть на богослужениях. По той или иной причине его воскресные мессы постоянно посещали туристы из Германии, любившие фотографироваться в расположенном рядом саду с могилой Неизвестного солдата, на которой были изображены большой якорь и цепи. В этом месте часто возникали стычки между группами наркоторговцев, и отец Леду отпевал любого из погибших, какой бы веры ни придерживалась его семья. Многие из их родных были слишком бедны, чтобы что-нибудь заплатить за похороны. В его проповедях звучала надежда, приправленная остротами. «Почему мы пригласили индейцев, которые играют марди-гра? – задал он вопрос прихожанам на одной воскресной мессе. – Зачем нам эти трещотки, бубны и боевые кличи? Гм. В это же утро мы слышали о *мирных* кличах. Писание говорит нам: «Воскликните Богу гласом радости!» – он улыбнулся: – Именно это, дорогие мои, мы и должны сейчас делать».

Он жил в обшарпанном приходском доме, наполненном книгами и газетами, питался растительной пищей и всегда был готов дать денег бомжам и наркоманам, которые стучали в его дверь по ночам. Он знал многих из них по именам. У него была своя колонка в газете афроамериканцев *Louisiana Weekly*. Спустя три недели после урагана Катрина он снова начал служить мессы в церкви Св. Августина, задолжавшей архидиоцезии податей на сумму $227 тысяч. В Треме богатые начали вытеснять бедных. После потопа, когда город обезлюдел, цены на недвижимость подскочили. Церковь, приходской дом, ее общественное помещение и ее двор были вожделенной мечтой для застройщиков.

В начале 2006 года Хьюз сообщил отцу Леду, что приход будет закрыт. Официальное сообщение об этом вызвало ярость в кварталах Треме. Активисты заняли приходской дом и церковь. СМИ освещали борьбу хладнокровного архиепископа с черным населением города, который только приходил в себя после бедствия. В 2009 году Хьюз стал объектом сатиры на карнавале Марди-Гра, лицо архиепископа украшали пластиковые стаканчики, которые бросали в толпу – обычно для этого используют фото политиков, которых ждет тюрьма.

Леду уже не служил тут, когда в воскресенье 26 марта отец Жак в облачении пришел в церковь отслужить последнюю мессу перед закрытием прихода, члены которого должны будут перейти в церковь Св. Петра Клавера. На службе царила мрачная атмосфера, одни прихожане плакали, другие кипели негодованием. Десять полицейских в штатском сопровождали отца Уильяма Маэстри, пресс-секретаря архидиоцезии, не терпевшего противоречий. Когда охваченный беспокойством отец Жак взошел на кафедру, чтобы произнести проповедь, прихожане встали и повернулись к нему спинами, а кто-то из них махал руками в знак протеста. Из-за шума отец Жак не мог начать говорить. Маэстри провел рукой по

шее, дав этим жестом понять полицейским, что месса окончена. «Полиция!» – воскликнул один из стражей порядка, спешно усаживая Маэстри и Жака в машину[608].

Хьюз назвал это «кощунством» и запретил там служить мессы вообще.

Отец Леду, который в тот момент собирался перейти в другое место, не мог промолчать. Он назвал присутствие полицейских в церкви «расовым профилированием». «Вы совершаете расовое профилирование, – пояснял он, – когда плохо понимаете какую-либо этническую или расовую группу. В таком случае, если члены этой группы расстроены или даже немного возмущены, вам кажется, что они опасны».

Владелец отеля во французском квартале и член одной из самых знаменитых семей города Майкл Валентино начал кампанию за сбор средств в размере $1 миллиона, чтобы предотвратить закрытие церкви. Другой прихожанин, Жак Мориаль, политический активист, отец и старший брат которого некогда исполняли должность мэра, решил вместе с Валентино побеседовать с отцом Жаком.

«Когда ты ведешь переговоры в напряженной ситуации, – рассказывал мне позже Мориаль, – ты склонен думать, что другая сторона обладает всей нужной информацией и имеет четкий план действий. Хьюз как будто не принимал прямого участия в деле. Он мало интересовался тем, что думает отец Жак, он просто хотел закрыть несколько приходов, не слишком много беспокоясь о последствиях или о том, как это сделать. Предполагаю, Хьюз просто не ожидал такой реакции и не думал, что, вынудив отца Леду оставить приход, он тем самым навлечет на свою голову гнев многих людей. Исторически город угнетал Треме в политическом смысле, и для подобного шага был выбран самый неподходящий момент из всех возможных, когда люди только что вернулись в свои жилища после урагана Катрина. Хорошо, допустим, я прихожанин и во мне говорит личный интерес. Но если бы я был равнодушным консультантом, я бы в первую очередь интересовался голыми фактами. Это церковь, построенная в 1842 году. Это предмет гордости черного населения. Это настоятель, которого все так любят. Да, он пьет морковный сок. Отец Леду – эксцентрик. Как и все жители Нового Орлеана. Но из-за урагана Катрина этот город каждый день упоминают СМИ страны. Приход задолжал двести тысяч штук и еще кое-что должен архидиоцезии. Что здесь можно сделать? Начать кампанию по сбору средств по всей стране! Позвонить Уинфри Опре, Биллу Косби, объединить всех тех, кто любит Новый Орлеан. И разумеется, отец Леду должен сыграть в кампании ключевую роль – он же вроде народного героя. Отец Жак хотел стать пастырем двух общин. А Хьюз, насколько я могу судить, даже и не задумывался над альтернативным планом».

Отец Леду переехал в Техас. Приходу был вынесен смертный приговор, который мог быть отменен при определенных условиях. Отец Жак остался в церкви Св. Петра Клавера. Хьюз назначил нового настоятеля, отца Квентина Муди, который отказался включить Майка Валентино в финансовый совет, хотя тот уже не раз вносил значительные пожертвования. Вспоминая о том, как ему не позволили заняться сбором денег, Валентино говорил мне: «Не один месяц после этого я приходил на мессы и садился в первом ряду, чтобы дать Муди понять, что я тут. Я все время спрашивал себя: «Что это за люди?» За двенадцать месяцев мы могли бы собрать $2 миллиона. Но кампания не была начата вообще. Как я мог дать спонсорам гарантию относительно использования собранных средств?» Валентино предложил провести полную реставрацию церкви, но этот план так и не был доведен до конца. В 2010 году был отремонтирован приходской дом, но в тот момент Валентино уже не ходил в церковь. «Мне не хотелось вести бои в моем собственном приходе или стать источником раздоров из-за желания помочь. Все это говорило о вопиюще дурном управлении, когда люди отказались совершить то, что было вполне реальным делом. Я сохранил свою веру, но настолько разочарован, что теперь не принадлежу ни к какому приходу».

В отчете архидиоцезии за 2010 год о финансовых последствиях урагана Катрина говорилось, что имущественный ущерб составил в сумме $287,9 миллиона, при этом архидиоцезии удалось вернуть $235,9 миллиона. Более половины суммы, $125 миллионов, вернули страховые компании, Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям возместило $60 миллионов, а $47 миллионов были получены за счет даров и пожертвований других диоцезий и Католического милосердия США[609]. Непокрытым остался ущерб на сумму $52 миллиона. Хотя там приводились диаграммы и таблицы с общими цифрами, это был отнюдь не надежный финансовый отчет, прошедший аудит. Как писал Брюс Нолан в газете *Times-Picayune*, церковь «оказалась крайне плохо застрахованной от последствий наводнения… она получила возмещения убытков только на сумму $29 миллионов»[610].

Город страдал от серьезных наводнений в 1994 и 1995 годах, в нем проводились массовые эвакуации и незадолго до урагана Катрина. *Чем же объяснить нежелание церкви застраховаться от наводнений?* Соответствующие страховые полисы обеспечивались федеральными фондами и имели разумную цену. «У них были проблемы с притоком наличности: слишком мало приходов посылали деньги на Уолсмли Авеню [в канцелярию архидиоцезии], – объяснял один выдающийся священник. – Теперь, оставшись без страхования, они понимают, что совершили великую ошибку».

Протоколы закрытого собрания от 26 февраля 2007 года, на которое Хьюз созвал своих священников, проливают свет на закрытие двух финансово стабильных приходов, в которых стали совершаться бдения в знак протеста. Церковь Пресвятой Девы Благого Совета находилась в историческом районе Гарден и была официально признана памятником старины. Глава приходского совета предложил внести пожертвование в размере $300 тысяч при условии, что Хьюз отменит распоряжение о закрытии, но архиепископ отказался от такой сделки. В это время СМИ бурно освещали события, касавшиеся прихода Св. Августина, но протоколы встречи не отражают стремления составить четкие планы финансирования или развития инфраструктуры. «В первую очередь это план относительно пастырского руководства над приходами, социальными службами и школами, который будет снова рассматриваться в конце апреля. Сюда входит и следующая часть: главный финансист должен оценить отдельные объекты, понять, сколько они могут стоить, чтобы весь этот план вступил в действие, и решить, что делать с этими зданиями и другой недвижимостью»[611].

«Весь этот план» стремились скрыть от публики. Руководство церкви игнорировало пожелания простых прихожан, но боялось, что план, не содержащий анализа затрат и результатов или оценки воздействия, станет достоянием гласности. «Архиепископ, – продолжает протокол, – призвал собравшихся строго соблюдать конфиденциальность, чтобы СМИ не чинили препятствий осуществлению плана. Это вынужденные меры безопасности, поскольку иначе соответствующие решения могут приниматься не в той атмосфере, в какой их следует принимать».

Профессор Джек Рул, специалист по бухгалтерскому делу из Университета Западного Мичигана, проанализировал официальные отчеты архидиоцезии. «Финансовый отчет за 2009 год включал в себя отчет об освобождении от аудита местной бухгалтерской фирмы, где говорилось: «Мы не подвергали приложенное Резюме аудиту или ревизии… и… не даем ему никакой официальной оценки». Далее фирма сообщает, что «предпочла отказаться от надежности, поскольку для стандартной бухгалтерской процедуры ей потребовалось бы дать доступ к финансовой информации». Иными словами, бухгалтерская фирма только лишь провела компиляцию данных, проверив математическую точность приведенных цифр».

Для создания полноценного прошедшего аудит финансового отчета требуется, чтобы представленные данные проверили опытные аудиторы. Они связываются с банками, чтобы убедиться в том, что данная организация действительно имеет хранящиеся там фонды. «Поскольку данный финансовый отчет не

прошел аудит, – продолжает Джек Рул, – нет никакой гарантии, что эти данные вообще соответствуют реальности. Данный финансовый отчет не содержит примечаний, которые бы указывали на такие виды деятельности, как операции с ценными бумагами или участие в судебных процессах». Быть может, архидиоцезия справилась с долгом, возникшим после урагана Катрина, с помощью выпуска облигаций в 2007 году. Рул, который узнал об этом выпуске облигаций по своим каналам, сообщил, что при помощи органов власти Луизианы в 2007 году архидиоцезия выпустила муниципальные облигации на сумму $69,15 миллиона, хотя об этом ничего не говорится в отчете 2009 года. По данным на 30 июня 2009 года архидиоцезия имела непокрытые обязательства по этим облигациям на сумму $68,13033 миллиона.

В 2009 году Хьюз, ссылаясь на права собственности, убедил мэра Рея Неджина послать полицейских в два прихода, где шли бдения: в церковь Пресвятой Девы Благого Совета и церковь Св. Генриха (которая обладала запасом наличности в $150 тысяч). Вид новоорлеанской полиции, которая выбивает двери Благого Совета и хватает людей из обоих приходов, многих шокировал. На пресс-конференции в момент его ухода на покой в 2009 году Хьюз просил прощения у местных жителей за все зло, которое он им мог причинить. Его преемник архиепископ Грегори Эймонд вступил в переговоры с представителями обоих приходов и позволил им, хотя и в ограниченном объеме, пользоваться обеими церквами, пытаясь установить мирные отношения между протестующими из двух приходов, ожидающих решения о своей судьбе, и архидиоцезией.

Победа Ватикана над Легионом

В июне 2009 года Борре снова встретился с контактным лицом из Государственного секретариата Ватикана. Он кратко изложил содержание восемнадцатистраничного прошения о ходатайстве, рассказав о том, какой ущерб наносит обществу и верующим закрытие приходов по той причине, что епископ нуждается в деньгах. Поиск удачного решения в архидиоцезии Бостона с учетом интересов протестующих прихожан, вероятно, будет иметь значение для всей страны и сделает кардинала О'Мелли миротворцем – тем иерархом, который вносит свою мудрость в деморализованное общество и указывает ему путь. Это бы значило, что «протестующие мирно прекратят свои бдения и тихо заберут свои апелляции из Сигнатуры».

Ватиканский чиновник внимательно выслушал Борре и донес его позицию до государственного секретаря. Главная тема письма лежала вне *competenza* (сферы ответственности) его кабинета; тем не менее он организовал встречу Борре с другим ватиканским чиновником. В процессе переговоров Борре услышал шокирующие новости из Кливленда, где Леннон снова производил такие же разрушения, как и в Бостоне.

Карло Гулло решил, что у членов протестующих приходов остается одна надежда на благоприятный исход дела – им следует напрямую обратиться к папе Бенедикту.

Поскольку Гулло принадлежал к тем канонистам, которые имели доступ к Апостольской Сигнатуре, наивысшему уровню системы, он имел право послать документ Святейшему Отцу. Ему никогда не приходилось этого делать, но этот римский преподаватель канонического права и юрист проникся заботой Борре: канонист видел нечто метафизическое в том, что людей лишают священных мест в то самое время, когда церкви Европы, при всем их величии и историческом значении, по воскресеньям во время мессы посещает не слишком много людей. СМИ постоянно говорили о секуляризации Европы и «постхристианском» обществе. Возмущаясь нравственным релятивизмом, Бенедикт призывал христианскую Европу заявить о своем существовании. И конечно, полагал Гулло, эти католики, защищающие свои церкви, должны будут что-то значить для папы.

Но на Страстной неделе 2010 года стало заметно, что Бенедикт XVI стремительно теряет расположение в глазах публики. В это время кризис вокруг сексуальных преступлений духовенства перекинулся в Европу, так что «скандалы сотрясли Ирландию, Бельгию, Германию, Нидерланды, Швейцарию, Италию и Австрию», как писал Эндрю Уолш, ученый и бывший журналист, в статье, где он

детально анализирует освещение этих событий в СМИ[612]. Газеты были безжалостны к Бенедикту, в частности *New York Times*, которая цитировала ватиканскую переписку, переданную редакции Джеффом Эндерсеном, откуда было видно, как мягко Ратцингер обращается с одним священником из Висконсина, растлившим десятки глухих учеников. Публика некогда верила Ратцингеру, когда тот возглавил Конгрегацию Веры, занимавшуюся преступлениями священников, но, узнав о его бездействии в прошлом, утратила доверие к папе. Будучи кардиналом, понтифик подвергал суду богословских противников, вынуждая их отвечать на поставленные им вопросы, теперь же он сам не мог дать ответа и хранил молчание.

Неудивительно, что Курия вместо решения проблемы стала нападать на тех, кто ее ставил. Газета *L'Osservatore Romano* изучала СМИ и говорила об их «низкой попытке любой ценой нанести удар по папе Бенедикту и его ближайшему окружению». Но Ватикан не принял постановления о мерах по защите несовершеннолетних, как то сделала Конференция епископов США в 2002 году, и Святейший Престол не имел процедур для наказания епископов всего мира. Немецкий кардинал Вальтер Каспер отважно дистанцировался от Курии и сказал корреспонденту *La Repubblica*: «Нам надо провести серьезную чистку в церкви». Но такая «чистка» заставила бы Бенедикта пересмотреть традиционное отношение к преемникам апостолов, и если бы епископы, покрывавшие преступных священников, вынуждены были отвечать на вопросы на судах, что стало бы с епископами, подозреваемыми в дурном обращении с деньгами[613]?

Одним из самых ярких эпизодов, демонстрирующих нравственный релятивизм папы Бенедикта, произошел 4 апреля 2010 года на площади Св. Петра, где Анджело Содано, уже в качестве декана Коллегии кардиналов, говорил проповедь в защиту папы. Верные «собираются вокруг тебя, преемник Петра, несокрушимая скала святой церкви», говорил он. Кардинал, который при Иоанне Павле давил на Ратцингера, чтобы тот не дал хода делу по обвинениям против Масьеля, теперь говорил успокоительные слова: «Мы глубоко благодарны тебе за силу духа и апостольскую смелость, с которой ты возвещаешь Евангелие». Здесь Содано бросил мимолетный взгляд на представителей прессы и продолжил: «Святейший Отец, на твоей стороне народ Божий, который не поддастся влиянию тех, кто ныне распространяет ничтожные сплетни, и не дрогнет на фоне судебных процессов, которые порой наносят удары по общинам верных»[614].

На эту Пасху Содано повернулся на 180 градусов: он перестал быть платным защитником Масьеля и

стал бороться за папу, переживавшего нелегкое время. «Сегодня мы стали участниками культурной битвы: папа воплощает в себе нравственные истины, которые люди не желают принимать, а потому они используют любые недостатки и ошибки священников как свое оружие в борьбе против церкви, – сказал Содано через *L'Osservatore Romano*. – Нельзя винить Иисуса в том, что его предал Иуда. И епископ, когда кто-то из его священников оскверняет себя тяжкими преступлениями, не может за него отвечать. И разумеется, никто не вправе обвинять в этом понтифика»[615].

Вот она, знаменитая логика преемников апостолов с жемчужинами самооправдания: Масьель оказался Иудой для Содано, игравшего роль Христа!

«У них здесь не существует абсолютно никакой стратегии, и это я вам говорю как друг папы», – заявил автору и корреспонденту PoliticsDaily Дэвиду Гибсону епископ, имя которого не названо[616].

Но у Ватикана зарождалась некая стратегия, как показывает его обращение с Легионом Христа. 1 мая 2010 года Ватикан официально осудил Масьеля за двойную жизнь, «свободную от угрызений совести и лишенную подлинного понимания веры». Именно поэтому он мог удовлетворять свои сексуальные желания с юношами на протяжении столь многих лет. «Он отталкивал от себя и ставил под сомнение всех тех, кто задавал вопрос о его поведении, а ложное представление о том, что он не причиняет ущерба Легиону, снабдило его защитным механизмом, который позволял ему оставаться недоступным человеком, и потому было трудно проникнуть в его тайны»[617].

Тут не было сказано ни слова о щедрых похвалах в адрес Масьеля, которые Иоанн Павел произнес уже на фоне прозвучавших обвинений в адрес основателя Легиона.

Ватикан намеревался выделить своего особого представителя, который поможет членам Легиона «очистить» все то хорошее, что осталось в ордене, для чего понадобится произвести «глубокую переоценку».

Слова в адрес Масьеля были достаточно суровыми, но как именно Ватикан намеревался призвать к осуществлению высокоморальных целей, поставленных Бенедиктом перед церковью, этот орден, подобный секте?

Спустя одиннадцать дней после выхода коммюнике отец Альваро Коркуэра, глава ордена, отправился из Рима в Нью-Йорк для четырехчасовой встречи с Хуаном Вакой. Вака первый заявил о преступлениях Масьеля и назвал имена других жертв в письмах в Ватикан, написанных в 1976, 1978 и 1989 годах. Он поселился в Лонг-Айленде. На протяжении двенадцати лет он состоял в сексуальной связи с Масьелем,

это началось, когда ему было двенадцать лет. Горький опыт заставил его, после выхода из священства, изучать психологию: Вака пытался понять, «где кончается болезнь и начинается зло». Аккуратный и крепкий, с редеющими волосами и звонким голосом Хуан Вака обладал манерами благородного представителя народов, говорящих на романских языках. Он работал учителем и консультантом для учащихся в колледже, поздно вступил в брак и теперь был отцом дочери-подростка, которую он обожал.

Коркуэра отказался давать мне интервью. Официальный представитель Легиона Джим Фэр сказал: «Он встречался с Вакой и другими в Мексике в рамках своей программы встреч»[618].

Эта «программа встреч» связана с очередным резким поворотом папы Бенедикта на его извилистом пути к справедливости: Ватикан решил взять под свой контроль эту странную организацию. Коркуэра, которому на тот момент исполнилось пятьдесят три года, родился в зажиточной семье в Мехико; он часто посещал Апостольский дворец, когда Легион посылал деньги секретарю папы Станиславу Дживису.

Встреча с Вакой, произошла в Мерси-Колледже в центре Манхэттена, где Вака был приглашенным преподавателем. Они встретились в конференц-зале. «Он обнял меня, как это делают мексиканцы, – вспоминал Вака, – и готов был встать передо мной на колени, чтобы попросить прощения. Я этого не допустил и усадил его во главе стола, сев справа от него».

К удивлению Ваки, Коркуэра был спокойным человеком и показался ему добрым. Вака называл его «Альварито» – это слово передает нежность. Вака принял на себя роль старшего и начал расспрашивать относительно молодого священника о его прошлом. Коркуэра вспоминал о своих юных годах в Легионе, куда он пошел под влиянием Масьеля. Он учился в семинарии в Ориндже, штат Коннектикут, где Вака был его наставником. (Теперь кампус был выставлен на продажу, поскольку в Легионе происходило сокращение.) Вака не мог вспомнить юного Коркуэру тех лет, он работал со многими семинаристами, пока в 1976 году не перешел в диоцезию Роквилль-Центр, покинув орден. «Вы были добры ко мне», – сказал Коркуэра. Он сказал, что когда в 2004 году его выбрали главой ордена после Масьеля, он этого совершенно не ожидал.

– Масьель подготовил вас к этой должности, – сказал Вака.

Коркуэра уверял, что он был выбран на открытом капитуле, свободном от влияния Масьеля. «Я прямо спросил, знал ли Коркуэра о тайной жизни Масьеля, – рассказывал мне Вака. – Тот ответил, что не знал. Я спросил: «Вы знали, что он переводил деньги женщинам?» – имея в виду Норму и ее дочь в Мадриде. Он ответил: «Я об этом узнал после 2004 года». Он не назвал точной даты, когда об этом узнал, а я не

настаивал».

Вака слушал Коркуэру около часа, а затем начал рассказывать, как много лет назад Масьель использовал его и других семинаристов для удовлетворения своей похоти; как он вытаскивал Масьеля, потерявшего сознание от морфина, из ванной отеля в Тетуане в Марокко в 1957 году – в тот самый год, когда Коркуэра родился. «Ему было стыдно. Он опустил голову и шептал: «Я тебе доверяю». Он закрыл лицо руками», – рассказывал Вака.

Коркуэра сообщил Ваке, что его письмо 1976 года, где Вака обвинял Масьеля и приводил имена других двадцати жертв из семинаристов, распространяют по членам Легиона. Если это было правдой, это разительно отличалось от лета 2009 года, когда священники Легиона в Риме говорили мне, что семинаристам продолжают рассказывать о подвижнической жизни Масьеля.

Вака принял его извинения, добавив: «Но это не решение проблемы». Он настаивал на том, чтобы Легион выплатил достойную компенсацию за ущерб, причиненный ему и другим жертвам. Коркуэра сказал, что Легион создал в Риме комитет для исследования этого вопроса. Он спросил Ваку, какую компенсацию тот считает достойной. Вака не стал называть точную цифру, но сказал, чтобы Коркуэра узнал, какие компенсации выплачивают жертвам американские диоцезии. Вака не забывал и еще об одном: как орден клеветал на него, защищая Масьеля. «Подумайте об этом, назовите вашу сумму. Я не стану говорить, какой она должна быть».

Веб-сайт LegionaryFacts.org начал защищать Масьеля – и критиковать его обвинителей – после выхода в 1997 году репортажа в *Hartford Courant*, где говорилось о жертвах Масьеля среди юношей Легиона. Отец Оуэн Кэрнс, издатель принадлежавшей ордену газеты *National Catholic Register*, обвинял жертв в «тщательно подготовленном сговоре с целью запятнать имя отца Масьеля». На сайте LegionaryFacts.org Кэрнс писал: Вака – «это гордый человек, искатель почестей, который был расстроен, потому что оказался некомпетентным», он стремился «увеличить свое влияние в Легионе». Однако Вака ушел сам, написав в 1976 году письмо к Масьелю.

Вака работал консультантом для учащихся-инвалидов в Йорк-Колледже при Университете Нью-Йорка. Он должен был проработать пять лет для заключения постоянного контракта, но на четвертом году, в 1999-м, его уволили. Он считает, что на это повлиял Легион, «подорвавший ко мне доверие и меня очернивший».

Сайт LegionaryFacts.org был закрыт в 2006 году, когда Ватикан наказал Масьеля. Четыре года спустя Кэрн принес общие извинения Джеральду Реннеру и мне за критику нашего репортажа в *Hartford Courant*,

однако не упомянул никого из жертв.

Коркуэра и Вака сердечно распрощались. Глава Легиона сообщил, что начнет работу над вопросом о компенсации. Он попросил у Ваки дать ему контактную информацию жертв Масьеля в Мексике.

Сам этот визит Коркуэры отражал позицию папы Бенедикта и монсеньора Шиклуны, канониста Конгрегации Доктрины Веры, который на протяжении двух лет беседовал с уже немолодыми мужчинами, ставшими жертвами Масьеля в юности, выслушивая рассказы об оральном сексе, содомии и совместной мастурбации. «Победа» Ватикана поставила Легион в такое же положение, в котором оказались многие епископы из тех, кому приходилось, кусая губы, выписывать чеки на огромные суммы адвокатам жертв. Пока Ватикан в своем мягком стиле вынуждал Легион выплатить компенсации пострадавшим, 16 июня 2010 года в Коннектикуте Джефф Эндерсон подал иск против ордена от имени Рауля Гонзалеса Лары, старшего незаконного сына Масьеля из Мексики. Он заявил, что Масьель принуждал его к инцесту и наносил ему психические травмы, причем иногда это происходило на территории Америки[619].

Иск против Святейшего Престола

По иронии судьбы в тот самый момент, когда Ватикан давил на Легион, чтобы тот расплатился со старыми жертвами Масьеля, Святейший Престол защищал свою неприкосновенность по делу, которым Джефф Эндерсон занимался в Орегоне. Адвокат считал, что Святейший Престол должен также быть привлечен к суду[620]. Закон об иммунитете суверенного государства ограничивал возможность судиться с иностранными правительствами в американских судах и соответствующие полномочия Белого дома и Госдепартамента. Священник, с которым было связано это дело, растлевал юношей в Ирландии, а затем переехал в Америку. Эндерсон вместе с его орегонским помощником Уильямом Бартоном пытались доказать, что гражданская ответственность распространяется не только на главу религиозного ордена и местного епископа, но и на Ватикан. Святейший Престол для своей защиты нанял калифорнийского юриста Джеффри Лину. Тот попытался добиться отклонения иска, но безуспешно. Лина подал апелляцию в федеральный суд, который занял ту же позицию, что и суд штата. Лина подал прошение о слушании дела в Верховный суд США.

Обвиняющая сторона утверждала, что Святейший Престол – суверенное правительство, в отличие от Ватикана как администратора города-государства, – широко участвовал в коммерческой деятельности и держал под контролем своих религиозных служителей. Обвинители запрашивали определенные

документы, опираясь на исследовательские работы бывших священников Патрика Уолла, Тома Дойля и Ричарда Сайпа.

> Каждый епископ следит за тем, сколько денег он передал Святейшему Престолу в виде лепты Петра… Истец просит передать ему информацию о пятилетних отчетах. Эти отчеты Святейший Престол получает от каждого епископа и главы религиозного ордена раз в каждые пять лет. Святейший Престол требует, чтобы этот документ отражал финансовое положение диоцезии… [Религиозные ордена] должны дать Святейшему Престолу детальный отчет о финансовом состоянии ордена, куда входят такие пункты, как: вся приобретенная собственность, доходы и потери, наличие долгов и соответствует ли каноническому праву использование орденом и каждой его провинцией всего его светского имущества.
>
> В 1947 году Ватикан издал новые требования относительно пятилетних отчетов религиозных орденов. Кроме финансового отчета, религиозные ордена должны были сообщать обо всех случаях, когда какой-либо член ордена совершил сексуальные злоупотребления относительно юных учащихся, доверенных попечению ордена. Там также содержался вопрос о том, принимает ли религиозный орден меры для предотвращения сексуальных преступлений священников относительно детей[621].

Марси Хэмильтон разбирала служебные записки Джеффа Эндерсона, приложенные к апелляции, которые касались конституционных вопросов. Она занимала важный пост в Школе правоведения имени Бенжамина Кардозо в Нью-Йорке. Она много писала на юридические темы и глубоко изучила вопрос о том, как религиозные организации используют Первую поправку к Конституции. Ее муж католик; через несколько лет после крещения сына она узнала, что священник, совершавший обряд, был отстранен от служения из-за сексуальных преступлений против детей. Когда Хэмильтон прочла прошение к Верховному суду по орегонскому делу, она сказала Эндерсону: «Это слабая аргументация, которая, на мой взгляд, не заслуживает ответа. Джефф Лина просто пытается тянуть время».

Верховный суд может рассматривать служебные записки в течение года и дольше, прежде чем принимает решение о том, намерен ли он устроить слушания или нет. «Затем, что случается редко, мы получаем письмо, на которое необходимо дать отзыв, – сказала мне Хэмильтон. – Это был самый простой случай из всех, что я знаю. Нет необходимости устраивать слушание в Верховном суде, речь там идет о законе штата, а не о вопросах федерального уровня. Обычно Верховный суд не требует отзывов в подобных случаях, но здесь юстиция требовала больше обычного. Получив наш ответ, они попросили

высказать свое мнение заместителя генерального прокурора. Затем мне позвонили из руководимого заместителем прокурора отдела по гражданским делам. Они хотели встретиться со мной лицом к лицу. Это стало политическим вопросом».

Заместитель генерального прокурора Елена Каган, ранее занимавшая пост декана Гарвардской школы права, была для президента Обамы одним из лучших кандидатов на это место в Верховном суде и получила это назначение.

Хэмильтон написала служебную записку, в которой ставила под сомнение так называемые «привилегии формирования» кардинала Махони, ее мнение восторжествовало на всех уровнях, кроме судов Калифорнии, которые отказались от принудительных мер для осуществления правопорядка. Достаточно молодая на поприще права Хэмильтон пользовалась помощью судьи Сандры Дей О'Коннор, которая хорошо разбиралась в вашингтонских делах и прекрасно знала сотрудников Елены Каган. «Кто будет на этой встрече?» – спросила она у своего источника информации. «Всего несколько человек», – ответили ей.

Снежным днем в марте 2010 года Хэмильтон села на поезд у своего дома в округе Бакс штата Пенсильвания и отправилась в Вашингтон. На вокзале Юнион ее встретили Джефф Эндерсон, его коллега Майк Финнеган и Билл Бартон из Орегона. Они отправились в Министерство юстиции и оказались в комнате, где уже сидело тринадцать человек. «Они явно совещались еще до нашего появления, – вспоминает она. – Здесь были Каган со своим главным заместителем Эдвином Книдлером, а также Гарольд Кох, юрисконсульт Хилари Клинтон, бывший декан Йейла. Мы договорились о том, что только я буду участвовать в обсуждении этого дела. На протяжении двух часов они мучили меня, как если бы я должна была отстаивать свою правоту, хотя официальной целью встречи был вопрос о том, должен ли Верховный суд рассматривать дело. Джефф Эндерсон сделал гениальный ход, выбрав Орегон для подачи иска против Ватикана. Там наилучшие гражданские законы во всей Америке. Дело касалось исключительно законов штата. Если иностранный чиновник наедет на тебя на машине в твоем штате, ты можешь требовать компенсации. Правда, здесь речь шла об ответственности не чиновников, но иностранного государства. Чиновники могут нести ответственность, но они не выплачивают компенсацию из своих карманов».

«Каган это не так сильно заботило, как Коха, – продолжала Хэмильтон. – Кох все время пытался каким-то образом сделать так, чтобы это дело касалось еще чего-то, кроме законов штата. Он, похоже, хотел, чтобы это дело – как и все другие, касающиеся Святейшего Престола, – рассматривалось на

федеральном уровне. Но он не мог ничего придумать. По моему мнению, это отражает подход Клинтонов к политике. Билл Клинтон был самым ярким защитником религии со времен Гранта, пытавшегося обратить в христианство индейцев… Я продолжала повторять: «Это дело касается законов штата Орегон»».

После назначения Каган действующий заместитель прокурора, Министерство юстиции и Госдепартамент послали независимые мнения экспертов в Верховный суд, призывая рассмотреть апелляцию в Верховном суде, поскольку дело отражает неверное понимание гражданского законодательства Орегона[622]. Верховный суд не пожелал прислушаться к их мнениям; дело медленно продвигается вперед в то время, как я готовлю данную книгу к печати.

Борре и нунций

Пока Карло Гулло посылал по электронной почте свои наброски прошения к папе Бенедикту и идеи по этому поводу, служащий Государственного секретариата, несколько раз встречавшийся с Борре, предложил ему побеседовать с архиепископом, которого интересуют эти дела, тем более что в общем смысле они относятся к его *competenza*, – с Пьетро Самби, папским нунцием в США.

В апреле 2010, совершая перелет из Логана в Вашингтон, Борре понимал, что скоро его деятельность закончится. «Я пытался найти какое-то оправдание Католической церкви, и когда имел дело с конгрегациями в Риме, и когда посещал американские диоцезии или приходы Бостона, которым я помогал. Но сегодня я вижу, что все остается в катастрофическом виде, что отчаяние лучших людей из прелатов и мирян усиливается, что пропасть между рядовыми прихожанами и иерархами продолжает расти».

Конгрегация по делам Духовенства отклонила все до единого прошения прихожан из тех, с которыми он имел дело в течение последнего десятилетия, включая те семьдесят пять, которыми он занимался напрямую. Сигнатура отклонила все одиннадцать апелляций прихожан Бостона, используя привычный высокомерный язык своих постановлений. Адвокаты жертв духовенства опустошали церковь Америки из-за надменных решений ее епископов, которые по большей части были сделаны много лет назад, а в это же время самодовольный Рим с его юридической системой отверг тех самых людей, которые были нужнее всего церкви, оказывавших ей поддержку и любящих свою веру, – и которые теперь тратили свои деньги для *спасения* своих церквей. Это не были активисты по борьбе с абортами с их скрытыми камерами.

Хотя Борре устал от реформаторов, которые призывали к диалогу с епископами, он задумался о своем собственном архиепископе Шоне О’Мелли. «Почему бы тебе не попробовать с ним поговорить?» – спросила его однажды жена Мэри Бет, которая была его политическим советником. Он подумал о сотрудничестве двух лагерей, о достижении какого-то взаимопонимания, и эта мысль его привлекала. Почему бы не сделать то, на что не способен Конгресс: сесть, поговорить и найти решение?

Борре пришел к заключению о том, что О’Мелли не знал, как исправить финансовое положение. Он терял деньги потому, что люди потеряли доверие к иерархам. Лоу начал эту разрушительную работу, Леннон усугубил положение. Если О’Мелли готов проявить гибкость в вопросе о закрытии приходов, Борре с удовольствием помог бы ему восстановить свою репутацию. Но он понимал, что кардинал видит в

нем оппонента, если не откровенного врага. Такси везло его мимо представительства штата по Массачусетской авеню, напротив располагалась резиденция президента в военно-морской обсерватории, в это время Борре думал о том, что если ему и удастся чего-то добиться, то все это, вероятно, в итоге зависит от решения того человека, с которым он сейчас встретится.

Седовласый Пьетро Самби крепко пожал ему руку. Пока они стояли в фойе, украшенном портретами пап и фотографией нунция, показывающего свое удостоверение президенту Обаме, Борре вспомнил, что раньше этот человек был посланником Святейшего Престола в Иерусалиме – на этом минном поле для дипломатов.

Они обменивались любезностями на итальянском, и Борре мог заметить, что Самби рад возможности поговорить на родном языке. Борре отметил, что нунций с интересом смотрит на его новый iPad. Он протянул устройство архиепископу, который открыл там «Божественную комедию». Помня, что нунций родом из Романьи, соседней с Эмилией, где выросла бабушка Борре по матери, Борре мимоходом упомянул, что кардиналу О’Мелли нужно перейти Рубикон[623].

– Река Рубикон проходит мимо моей деревни, – сказал он с улыбкой.

– Да, Ваше Высокопреосвященство, я знаю.

Самби протянул ему iPad. Когда они входили в его кабинет, нунций сказал: «Кардинал считает вас волком в овечьей шкуре». Борре в ответ сказал, что сотни католиков активно поддерживают бдения в приходах и еще гораздо больше людей им симпатизирует.

Самби заметил, что в Иерусалиме, где он раньше служил, большинство людей прекрасно понимали, как решить проблему, но никто не хотел осуществлять это решение. «Каждый здесь повинен в грехе гордыни».

Самби озвучил представления О’Мелли, который считал Борре эгоистом, видящим в протестах прихожан расширение самого себя.

Борре был бы рад, если бы кардинал временно открыл пять приходов в качестве часовен. Это позволило бы людям восстановить отношения со своим архиепископом, с которым они никогда не хотели враждовать. В этом месте Борре мог с легкостью дать волю своим чувствам, но он сдерживал себя и внимательно выбирал слова. «Если, – думал он, – кардинал на это согласится, я готов сдаться и распустить организацию. В первую очередь я стою за эти пять групп, которые продолжают бдения».

Борре объяснил, что стремится к мирному, но справедливому решению. Он готов уйти из активистов.

Но для этого кардиналу нужно сделать первый шаг – в одностороннем порядке открыть один из приходов, где идут бдения.

Он заверил Самби, что члены совета приходов не станут трубить в СМИ о своей победе.

Встреча закончилась на теплой ноте, Самби обещал поговорить с О’Мелли. Они обменялись несколькими письмами, после чего Самби согласился принять Борре еще раз.

Вернувшись в начале июня в Рим, Борре вместе с Карло Гулло оттачивал язык прошения, которое получит папа Бенедикт, в двух версиях: итальянской и английской. Это нужно было сделать для облегчения работы Питера Уэллса, который занимался англоязычными странами в Секретариате государства и был уроженцем Талсы, штат Оклахома. Борре никогда не встречался с Уэллсом, но надеялся, что тот даст благоприятный отзыв и посоветует папе прочесть прошение. В Риме все знали, что папа занят работой над вторым томом своей книги об Иисусе.

Тем временем архидиоцезия Бостона только что опубликовала свой финансовый отчет. Как отметила газета *Globe*, приходы собрали на 2 процента меньше денег, в то время как их текущие расходы выросли на 3 процента. Это можно было объяснить тяжелейшим финансовым кризисом за последние несколько десятилетий, а также последствиями сексуальных скандалов. «В целом архидиоцезия потратила $145 миллионов на удовлетворение 1097 гражданских исков о причинении ущерба, 800 из которых были поданы уже после 2003 года, когда ее возглавил О’Мелли», – писала Лиза Уонгснесс[624].

Специалист по бухгалтерскому делу профессор Джек Рул, исследовавший финансовые отчеты американских диоцезий, отмечает: «Отчет Бостонской архидиоцезии указывает на суммарный операционный убыток в 2009 году в размере $24,299 645 миллиона. Изменение чистых активов здесь аналогично чистому доходу корпорации. Сюда входят операционные доходы и расходы и некоторые другие «необычные» вещи, такие как выручка с продажи земли. Отчет 2009 года показывает, что чистые активы уменьшились на $4,650 797 миллиона. В общей сумме операционные расходы с 2004 по 2009 финансовый год составляют $7,484 274 миллиона».

На фоне этих потерь главной проблемой для О’Мелли, пытавшегося исправить финансовое положение, было снижение посещаемости церквей на 30 процентов по сравнению с 2002 годом. Расходы росли, а количество жертвователей сокращалось. О’Мелли сделал важный шаг в движении к прозрачности и начал публиковать подробные финансовые отчеты на сайте архидиоцезии. «Я сохраняю оптимизм, – отмечал канцлер Джеймс П. Мак-Донах в предисловии к отчету архидиоцезии. – Мы значительно

улучшаем качество наших операций и будем опираться на эти достижения, приспосабливая наши подходы и действия к нынешней реальности»[625].

Питер Борре не мог разделить этого оптимизма. Он видел, что кроме операционного убытка пенсионному фонду священников архидиоцезии не хватало $104 миллионов. Бывший банкир Мак-Донах сократил зарплаты на 10 процентов из-за шаткого финансового положения, тем не менее он зарабатывал $225 тысяч. Давнишний приятель Борре по Гарвардской школе права Дэвид Кастальди не видел ничего плохого в том, что нужные люди получают достаточно большие зарплаты. Борре не имел личной неприязни к Мак-Донаху, который занимал свой пост четыре года, но ему казалось абсурдом платить столько денег человеку, когда финансовые дела диоцезии шли ужасающе плохо.

Бостонская архидиоцезия щедро вознаграждала труд своих ответственных работников. Ответственный за образование, по данным *Globe*, получал $292,5 тысячи. Число учащихся приходских школ в 2010 году упало до 46 тысяч по сравнению с 2007 годом, когда их насчитывалось 50 тысяч[626].

Когда Борре вернулся в Вашингтон для новой встречи с Самби, он испытывал злость из-за финансовых дел архидиоцезии. Он подал записку об этом нунцию, которого заинтересовали цифры и их анализ. Дипломатичный Самби не раскрывал своих мыслей, пока поглощал эту информацию. Борре думал, что реформы надо начать с восстановления этики священников, но он видел, что если они займутся изучением финансов, они возмутятся тем, что начальники получают столь большие зарплаты.

Отец Боб Боуэрс, бывший настоятель ныне бездействующего прихода Борре, временно сложил с себя священнические обязанности в 2005 году. Он чувствовал разочарование, которое в итоге привело его в общину Полист-Центр в Бостоне, где он взял на себя служение разочарованным католикам, стремящимся вернуться к вере. Он потерял веру в чиновников Ватикана – «в этих слишком старых людей, которые не в состоянии понять, что происходит», – тем не менее, хотел, чтобы папа Бенедикт занялся делом исцеления. Сам же он «помогал людям лучше справляться с конфликтами и понять, что прощение их освободит и что, отпустив прошлое, они могут снова обрести целостность»[627]. Сам раненный потерей прихода, Боуэрс говорил: «Я *никогда* не стремлюсь возвратить людей в церковь. Моя цель очень проста: слушать их. Вот где пребывает Бог»[628].

Борре, потерявший связь со своим бывшим священником, сомневался в возможности примирения после тех шести лет, когда он пытался пробиться сквозь равнодушие церковных бюрократов. Сидя с Самби в офисе нунция в Вашингтоне, он говорил о том, что архидиоцезии Бостона следовало бы

сократить измеряющиеся шестизначными цифрами зарплаты ответственных работников и избавиться от лишних сотрудников. На фоне долгов такая щедрость была непростительной.

Самби слушал. Он внимательно изучил записку Борре, где были выделены важнейшие пункты. Кровь закипала в Борре, когда он сравнивал приход св. Франчески Кабрини в Скитьюейте с его роскошной землей на берегу океана, где сейчас добрые люди шестой год проводят бдения, с приходом Св. Петра в Кливленде, где люди позволили Леннону забрать здание, а сами пожелали создать новый приход, взяв с собой священника. Не раскол ли это, спросил Борре, когда люди образуют нечто вроде сект, подобных Обществу св. Пия X, отдельно от церкви? Он хотел, чтобы Самби поразмышлял над этим.

Таково наследие епископа Леннона, сказал он Самби. Катастрофа реконфигурации – важнейшая причина сокращения притока денег в Бостонскую архидиоцезию. Теперь епископ то же самое творит в Кливленде.

– Леннон надежно защищен, – сказал Самби.

– Кардиналом Лоу? – спросил Борре.

Нунций легко пожал плечами, и Борре стало все ясно.

Лоу защищал Леннона, чтобы не вышли наружу факты, показывающие, как дурно Лоу обращался с деньгами.

После третьей встречи с Самби Борре уже мало надеялся на то, что О’Мелли сделает первый шаг или проявит добрую волю о чем-то договориться. Зато было видно, что Самби заинтересовался Ленноном; так, однажды нунций рассказал Борре о сердитых письмах священников Кливленда о епископе. Самби сказал, что назначит «апостольское посещение», проверку деятельности Леннона другим прелатом. Уроки Бостона показывают, что, когда священники возмущаются своим епископом, тому трудно удержаться на посту.

Важнейший урок, который Питер Борре усвоил после последнего посещения нунция, состоял в том, что структура власти сама не знает, как ей измениться. Множество образованных католиков, которые могли бы восстановить покосившуюся церковь, не нужно епископам, боящимся показать недостатки иерархии. Скандально небрежное обращение с деньгами было симптомом общего катастрофического положения всей структуры. «Римский ум» иерархов надежной каменной стеной отгораживал их от реальности. Это подтвердило полученное по электронной почте письмо от архиепископа Пьетро Самби, написанное элегантным языком умолчаний, который он так много раз слышал в Риме:

> Необходимо дать понять кардиналу [О'Мелли], что Ваша деятельность, быть может, совершаемая недолжным образом, не была борьбой против него, но выражала преданность Церкви, которая хранит Вашу веру в Бога… Чтобы это твердо доказать, распустите организацию и предоставьте себя в распоряжение кардинала, которому Бог поручил управлять Церковью, и работайте вместе с ним, стремясь к тому, чтобы как можно больше церквей оставалось открытыми как место Божьего присутствия в обществе и городе. Мы не сомневаемся, что того же искренне желает и Его Высокопреосвященство.

Борре мог себе представить, что в какой-то подходящий момент нужно будет объясниться с О'Мелли, но роспуск совета приходов без надежды на ответный шаг другой стороны не входил в его планы.

Осенью, во время очередного визита Борре в Рим, один священник из Конгрегации духовенства посоветовал прихожанам продолжать жаловаться на то, что их церкви будут использоваться «для светских целей». Удивленный Борре спросил: если приход закрыли, не будут ли споры о «светских целях» чем-то вроде спора над мертвым телом? Нет, ответил клирик. Он объяснил, что епископ имеет власть закрыть приход по любой причине, но власть епископа лишить храм религиозного статуса и распорядиться о его продаже *можно* поставить под вопрос. На это у епископа должны быть *крайне серьезные* причины, подчеркнул священник. В Италии обычно храмы не продавали до тех пор, пока они не разваливались. В некоторых итальянских деревнях приходы закрыты, но церкви остаются церквами. Священник может приезжать сюда раз в месяц, чтобы отслужить мессу и окрестить младенцев. Это ограниченное использование храма, но оставшаяся открытой церквушка в деревне служит напоминанием о большой церкви.

На первой неделе 2011 года в федеральном окружном суде США произошло еще одно значимое событие. После закрытия в диоцезии Спрингфилда, штат Массачусетс, церкви Пресвятой Девы Надежды муниципальный совет через свою комиссию по охране памятников старины взял храм под защиту, так что его уже нельзя было разрушить или перестроить. Диоцезия подала иск против города, утверждая, что тем самым ей мешают действовать в соответствии с каноническим правом. Судья Майкл Понсор принял решение в пользу города. «На этом процессе столкнулись два важных права: право религиозных организаций распоряжаться своими культовыми зданиями в соответствии с церковным законом без контроля со стороны светских властей и право местного сообщества сохранять ценные для него памятники, которые некогда были храмами», – заявил судья. Муниципальный совет пошел на это после

того, как диоцезия снесла другую церковь, Св. Иосифа, «не дав реальной возможности защитить эту церковь, имеющую большое историческое значение для живущих здесь выходцев из Франции и для культуры», как сказал местный юрист Эдвард Пикула газете *Springfield Republican*[629].

Диоцезия назвала это «религиозной дискриминацией», хотя ее официальный представитель заявил, что епископ не предпримет никаких действий относительно церкви, пока Ватикан не примет решение относительно апелляции прихожан. Похоже, судья Понсор мыслил аналогично священнику из Конгрегации духовенства, который говорил о сохранении старых церквей в итальянских деревнях.

Но в начале 2011 года Борре увидел, что его действия во время многочисленных посещений Рима – встречи с чиновниками Конгрегации духовенства и Государственного секретариата, составление прошений в Сигнатуру вместе с Гулло – начали приносить плоды. В январе кардинал Раймонд Барк, префект Апостольской Сигнатуры, на встрече с духовенством Англии и Уэльса заявил, что на закрытие храма можно согласиться только тогда, когда «ничего другого уже не остается»[630]. В начале марта Конгрегация духовенства отменила в диоцезии Аллентауна, штат Пенсильвания, распоряжение о закрытии восьми приходов из четырнадцати, подававших апелляции. «Это не вернет приход к жизни, но показывает, каким может быть здравый компромисс: открыть запертые церкви, чтобы католики могли там совершать поклонение», – сказал Борре для агентства Ассошиэйтед Пресс[631]. Он был рад тому, что Конгрегация духовенства тремя распоряжениями позволила оставить открытыми три церкви в Спрингфилде. В то же время одиннадцать из девятнадцати апелляций, поданных приходами, увенчались тем, что Конгрегация позволила снова открыть двери церквей, хотя уже не для жизни приходов. Отличие сакрального назначения от светского стало важным рычагом борьбы против продажи церкви как недвижимости, хотя епископ не был обязан посылать туда священника для совершения месс. Семь закрытых приходов Бостона обратились в Конгрегацию духовенства с прошениями о том, чтобы их храмы не использовались для светских целей. Кливлендские приходы послали пятнадцать подобных прошений. После последнего визита Борре к нунцию прошло полгода, и Леннон оказался в более трудном положении.

Папа Бенедикт, получив прошение от Карло Гулло, отказался вмешиваться в ход этих событий. Тем не менее Крис Шенк ясно понимала, что Рим мучительно размышляет о том, что делать с этой волной протестов против закрытия приходов. За эти годы она не раз сталкивалась с сердечными епископами, включая иерархов, которые не симпатизировали целям группы FutureChurch. Она знала, что эти люди

должны демонстрировать свое послушание Ватикану, даже когда они с ним не согласны, и защищать целибат, даже если из-за недостатка священников им приходится закрывать церкви. Но когда столько рядовых прихожан просит не закрывать и не выставлять на продажу их священные здания, Рим видит, что епископы не слишком уверенно управляют своей паствой. Различные группы из Кливленда послали тысячи писем нунцию в Вашингтон. Самби сказал одному священнику, что получает из Кливленда больше писем, нежели из любой другой диоцезии. Шенк знала о том, что прихожане Св. Патрика однажды отправили три тысячи писем за один день.

Этот шаг к плюрализму был частью общей картины. Расследование деятельности, или «апостольское посещение», женских религиозных орденов было поручено кардиналу Францу Родэ из Рима. Даже если руководительницы общин не знали о том, что Родэ горячо поддерживал отца Масьеля и Легион Христа, они все равно отказывались отвечать на вопросы о финансах. Расследование почти не испортило жизнь монахиням, Рим не стал демонстрировать свою мощь. Кто-то в Ватикане понимал, что, потеряв монахинь, можно потерять значительную часть американской церкви. Когда Боб Боуэрс говорил для *New York Times* о «слишком старых людях» в Ватикане, которые полностью оторваны от реальности, это было не просто проявление смелости отважного священника, потерявшего свой приход. Боуэрс говорил о том, что могли увидеть католики: несмотря на мистику религиозной элиты и даже заговор молчания Ватикан не мог победить СМИ, которые оповещали мир о священниках, растлевавших детей, и о соучастии в этих преступлениях таких кардиналов, как Содано и Кастрилльон. Американские епископы не могут скрывать документы Ватикана, когда их требует суд благодаря власти таких людей, как Джефф Эндерсон.

Крис Шенк изменила свое мнение относительно кампаний с помощью почты. Несколько лет назад члены группы FutureChurch писали письма в Рим о необходимости допускать к рукоположению не только давших обет безбрачия мужчин, чтобы католикам была доступна Евхаристия; усиливающаяся нехватка священников означала, что все меньше людей будут посещать мессы – и их прогнозы полностью оправдались. В 1990-х годах благодаря священникам, распространявшим их призывы к пересмотру правил относительно целибата, в Ватикан было отправлено две тысячи писем. Эти письма переправили епископу Пилле, который безмолвствовал, видя, что священников становится все меньше.

Процесс закрытия приходов поставил перед людьми более глубокие вопросы о духовной целостности и деньгах, эти вопросы касались самой центральной нервной системы церкви. Архиепископ Самби отвечал на письма многих людей. «Одному прихожанину он подал письмо с инструкциями о подаче апелляции, – сообщила сестра Шенк. – Нунций представляет собой глаза и уши папы в Америке. Когда в

Кливленде закрывают пятьдесят приходов, многие из которых платежеспособны, это серьезная проблема. Кливленд ярко отражает то, что происходит в церкви Америки. Как могут люди доверять вождям, которые угрожают самой жизни церкви?»

Реконфигурация, которую Леннон провел в Бостонской архидиоцезии, ударила по О'Мелли. В Кливленде под удар попал сам Леннон. Тем не менее ни один из этих епископов не знал, как изменить ход дел: им нужно было, чтобы люди послушно согласились на продажу церквей, что продемонстрировало бы признание паствой их авторитета и защитило бы кардинала Лоу от дальнейших разоблачений. В Бостоне люди голосовали ногами; финансовые потери становились все заметнее. В Кливленде Леннон вызывающе служил последние мессы в закрывающихся приходах в сопровождении полицейских. Было ли это знаком присутствия Христа на земле?

«Меня глубоко печалит способность клерикальной системы топтать самые основные права человека, – сказала сестра Крис Шенк. – Мы, католики, нашими деньгами поддерживаем испорченность этой системы, хотим мы того или нет. Мы призваны что-то с этим делать, иначе окажемся соучастниками зла. Недостаточно сказать: «Епископ – или настоятель – с этим разберется». Активные миряне, особенно бизнесмены, должны понять, что эта прогнившая система делает с нами, и взяться за решение проблемы. Я думаю, предложения Майка Райена о контроле над сборами можно ввести сначала в приходах, а потом на других уровнях: в диоцезиях, на Конференции епископов и относительно лепты Петра. Нам нужна прозрачность».

Разумеется, согласился я. Но как может согласиться на «прозрачность» эта структура власти, пропитанная порчей и инертностью? В 2010 году итальянские власти заставили Банк Ватикана выплатить компенсацию, потому что его обвинили в отмывании денег. В то самое время, что власти Италии проводили расследование, папа Бенедикт приносил извинения жертвам сексуальных преступлений священников, но он не сказал ни слова о кардиналах его Курии, которые, как стало известно, покрывали педофилов или составляли мошеннические схемы получения доходов от продажи церковной собственности. Содано, запятнанный скандалом с Фоллиери, в пасхальной проповеди насмешливо говорил о кризисе вокруг сексуальных преступлений духовенства. Когда папы, кардиналы и епископы предают права человека, это нечто большее, чем «отдельные недостатки», сказал я монахине. Чего ждать от них в будущем?

«Я горько оплакиваю Кливленд, – ответила она. – Да, я подавлена всем этим, однако, надеюсь, это позволит вселенской церкви стать лучше. Я здесь всегда вспоминаю слова апостола Павла: «Когда

умножился грех, стала преизобиловать и благодать» – Римлянам 5:20. Бог способен зло претворить в добро. В этом смысл распятия и воскресения Иисуса. Это самая суть моей христианской веры. Иисус противится несправедливой власти. Последнее слово останется не за злом».

Эпилог

Парадоксы Бенедикта XVI

В 2008 году из-за неимоверной алчности Уолл-стрит глобальная экономика пошатнулась. Инвестиционные банкиры, используя таинственные термины – обмен кредитами, производные и ценные бумаги, обеспеченные закладными, – прикрывали ими монополию игрока на право поживиться деньгами. Годами банкиры щедро снабжали тщательно избранные политические кормушки, чтобы потом получать доход, демонтируя федеральную систему регуляции, появившуюся некогда как ответ Франклина Рузвельта на ужас Великой депрессии. Отменяя меры контроля, в частности инструкции Комиссии по ценным бумагам и биржам, администрации Клинтона и Джорджа Буша тем самым поддерживали культуру финансовых игроков, в которой уже не было риска. Уолл-стрит создал фиктивный мир активов, состоящих из покупки и перепродажи закладных в счастливую пору, когда легко было получить кредит. Умельцы без труда наживались на этом. Когда бум на рынке жилищного строительства прошел, фиктивный мир активов развалился. Здесь из пыли материализовались юристы – из самых дорогих, – готовые избавить ответственных за катастрофу от тюрьмы. Государственный казначей США в президентства Буша и Обамы использовал миллиарды налогоплательщиков на спасение банков и реанимацию кредитования. К 2001 году кредитование оставалось слабым, безработица высокой, национальный долг разрастался, но финансовый кризис, похоже, остался позади. Умельцы снова могли выколачивать деньги из воздуха.

Католическая церковь также переживала финансовую катастрофу, связанную с дерегуляцией, но в данном случае следует отметить, что регуляции в ней никогда и не было. В финансовых отчетах Святейшего Престола Банк Ватикана не упоминается. Какая часть лепты Петра действительно поступает к нуждающимся – это остается загадкой. Загадкой остается и характер участия банка Allied Irish Bank в делах американских диоцезий, вынужденных собирать деньги на выплату компенсаций жертвам священников. Не передает ли AIB деньги Ватикана для помощи некоторым диоцезиям тогда, когда другие по каким-то причинам не пользуются этой помощью?

Политика состоит в перемещении денег. Во всякой системе есть свои игроки. Ватикан видел в кардинале Содано преемника апостолов Иисуса. Некоторые конгрегации манипулировали им, как то было в случае Масьеля и Фоллиери. С помощью махинаций Фоллиери перевел по меньшей мере $387,3 тысячи Банку Ватикана; в условиях демократии это стало бы концом карьеры Содано, если бы не привело его на

скамью подсудимых. Фоллиери был признан виновным в отмывании денег в Нью-Йорке. Что происходило с деньгами после того, как они попали в Банк Ватикана? Происходило ли там – в юридическом смысле – отмывание? Оставив пост государственного секретаря, Содано стал деканом Коллегии кардиналов.

Финансовая система церкви напоминает средневековую сеть феодальных владений, где в идеале каждый епископ использует деньги для пользы людей, хотя при этом он оглядывается на Рим. Немногие диоцезии подвергают свои финансы строгой проверке. Раз в пять лет епископ посылает тайный отчет в Ватикан, который отнюдь не склонен к «прозрачности». Все это основывается на культуре пассивности католиков, которые получают таинства и несут свои доллары. Пока люди не задают вопросов о своих деньгах, епископ может успешно бороться со сторонниками реформ в церкви. За этим стоит не вера, но страх того, что люди увидят, на что идут их деньги.

Церемония беатификации Иоанна Павла II, назначенная на май 2011 года, по иронии судьбы есть отказ от призыва этого папы к «очищению памяти». Зачем причислять к блаженным папу, верившего в Масьеля и близорукого перед лицом кризиса вокруг преступлений духовенства? Разве это не говорит о его серьезных недостатках? Торжественная церемония не уничтожит исторических фактов.

Самая тяжелая проблема Католической церкви состоит в том, что все ее структуры пропитаны лицемерием, здесь ложь неотделима от института. Та самая церковь, которая призывает христиан быть миротворцами и стремится помогать самым обездоленным на земном шаре, одновременно воспитывает епископов, которые (подобно членам Легиона по отношению к отцу Масьелю) не могут критиковать кардиналов, и кардиналов, которые не могут защищать права человека в случае детей. Под тяжелым давлением СМИ в 2002 году американские епископы согласились принять постановление о защите малолетних. «В 1985 году я не знала никого другого из тех, кто стал жертвой сексуальных преступлений священников, – сказала Барбара Блейн, основательница Сообщества жертв священников. – На сегодня епископы отстранили от служения сотни преступников. Сегодня их жертвам гораздо охотнее поверят и посочувствуют и прихожане, и официальные лица церкви. Епископы все еще стараются скрывать свои секреты, но в церкви появились программы, безопасные для детей. Учителей и работников из мирян призывают сообщать о случаях ненадлежащего поведения. Климат стал благоприятнее и для детей, и для жертв, которые говорят о случившемся с ними». Тем не менее, как сказала Блейн, иерархи до сих пор продолжают покрывать преступников. Так, кардинал Френсис Джордж из Чикаго три года спустя после принятия постановления о защите малолетних вернул священника, подозреваемого в педофилии, к

служению, несмотря на возражения своих советников. Этот священник снова взялся за старое и отправился в тюрьму, архидиоцезии пришлось немало выплатить его жертвам – а кардинал Джордж был выбран президентом Конференции католических епископов США[632].

Практика награждения виновных широко распространена в клубной культуре церковных князей, как будто епископы думают, что церковь всегда останется богатой. Хотя демографическая статистика не обещает ничего хорошего для жизни по двойным стандартам. Исследование независимого центра Pew Forum показало, что католицизм все еще остается в Америке самой распространенной религией – около 25 процентов населения считают себя католиками, – но эти показатели уменьшаются. Вторая по величине единая группа, около 10 процентов, – это бывшие католики, люди, переставшие посещать церковь[633]. Потери архидиоцезии Бостона в связи с уходом многих верующих могут служить самым ярким примером этой тенденции – или предзнаменованием будущего. Здесь ключевую роль играет такая группа, как женщины детородного возраста: если они будут уходить, церковь потеряет и их детей. На создание среднего класса у выходцев из Ирландии и Италии в Америке ушло несколько поколений, но миграция начала двадцатого века благоприятствовала бурному росту церкви. Хотя приток «латинос» приостановил убывание числа католиков, сегодня церковь сокращается и ей трудно даже обеспечить заботу о престарелых священниках и монахинях. И когда епископы вопреки воле народа закрывают церковь, надо всем этим, подобно грозовой туче, висит вопрос об этике обращения с деньгами.

Постановление американских епископов о защите несовершеннолетних 2002 года предусматривало, что комиссии мирян не будут расследовать деятельность епископов, преемников апостолов. Кардиналы также защищены от тех, кто их подозревает в несправедливых проступках. Но идея неприкосновенности прелатов плохо сочетается с беспокойством папы Бенедикта о секуляризации католической Европы. Он решительно призывал к евангелизации Европы и обновлению церкви в те самые дни 2010 года, когда СМИ говорили о сексуальных преступлениях священников и о европейских епископах, покрывавших преступников, подобно их американским коллегам.

Епископам Европы следовало бы прислушаться к мнениям американских юристов. В 2003 году Патрик Шилтц опубликовал статью в журнале иезуитов *America*. В тот момент он возглавлял Школу правоведения Св. Фомы в Миннеаполисе. Упомянув о том, что ему приходилось защищать диоцезии в случаях о сексуальных преступлениях священников, Шилтц продолжал: «Должен признаться, что церковь не будет пользоваться моим доверием, пока не призовет к ответу небрежных епископов за тот

непоправимый ущерб, который они нанесли церкви». Когда он писал эту статью, подобных процессов становилось все больше, так что на их второй волне в Бостоне жертвы получили $85 миллионов компенсации. Еще один миллиард церквам в разных штатах только предстояло выплатить. Шилтц предложил на случай групповых исков совершенно противоположную стратегию.

> Церковь должна собрать трибунал на уровне страны – выбрать группу уважаемых людей, совершенно независимых от церкви, – чтобы тот стал третейским судьей в случае обвинений в сексуальных преступлениях в адрес церкви. Диоцезия, которая хочет с ним сотрудничать, должна предлагать тем пострадавшим от подобных преступлений, которые, похоже, говорят правду – а таковых около 98 процентов – обращаться в этот трибунал. Важно, чтобы при этом диоцезия говорила жертвам, что, если они откажутся от судебного процесса и вместо этого представят свои заявления трибуналу, диоцезия заплатит пострадавшему столько, сколько сочтет справедливым трибунал. Такая система имеет большие преимущества как для жертв, так и для церкви.
>
> Жертвы будут знать, что наверняка добьются компенсации. Диоцезия согласится не ссылаться на срок давности и не пользоваться другими отговорками. Иными словами, перед трибуналом будет стоять вопрос «Сколько?», а не «Нужно ли здесь платить?». Диоцезии должны признать, что – независимо от буквы закона – у них есть нравственный долг дать справедливую компенсацию. Кроме того, жертвы получат компенсацию быстро. В судах такие дела тянутся по четыре-пять лет…
>
> А самое важное преимущество этого подхода состоит в том, что здесь церковь и жертва будут вместе работать над общей целью – стремиться к справедливости и исцелению, – а не бороться друг с другом в течение нескольких лет, пока тянется процесс. Разумеется, здесь еще многие детали следует доработать, но пока церковь не будет действовать с такой прямотой и гибкостью, ее ждут мрачные годы судебных разбирательств[634].

Последние слова Шилтца о «мрачных годах» сбылись. Прошло уже восемь лет, а судебные процессы не прекращаются. Если епископы Европы согласятся с предложением Шилтца, они сэкономят свои деньги и обретут уважение в глазах верующих и СМИ. Отчасти это можно было бы применить и в Америке. К сожалению, Шилтц, ныне ставший федеральным судьей, отказался давать мне комментарии.

Аскетизм Бенедикта XVI и его прошлое, когда, будучи кардиналом, он наказывал церковных интеллектуалов, не делают его похожим на сторонника реформ, который был бы готов послушаться Шилтца; тем не менее, когда ужасный 2010 год подходил к концу, Бенедикт сознательно пошел на риск:

он назначил для Легиона Христа папского делегата – то есть надсмотрщика – кардинала Веласио Де Паолис. Это бывший секретарь Сигнатуры и президент Префектуры по экономическим делам при Святейшем Престоле, службы, которая проверяет балансовые отчеты и других отделов Курии. Поскольку Де Паолис приступил к работе над новой конституцией Легиона, ему потребовалось исследовать состояние активов ордена. Подобно хитрому игроку, Бенедикт решил, что лучше спасти организацию, чем ее разрушить, несмотря на разочарование множества ее бывших членов и на то, что шесть американских епископов запретили Легион и Регнум Христи в своих диоцезиях. Папа отдал распоряжение о расследовании деятельности Регнум Христи. Он вынуждал Легион расплачиваться с жертвами Масьеля, особенно давними, которые уже не могли обратиться в суды. В Коннектикуте Джефф Эндерсон подал иск против Легиона от имени сына Масьеля с обвинениями в случаях кровосмесительства, происходивших на территории США. У самого Ватикана не было механизмов для выплаты компенсации жертвам напрямую, но папа хотел, чтобы для этого Легион открыл свои кошельки, – он действовал здесь как мудрый судья, который для разрешения спора наказывает обе стороны. Мексиканский епископ Рикардо Ватти Урквиде из Тепика, один из пяти человек, которые в ходе «апостольского посещения» по поручению Святейшего Престола расследовали деятельность Легиона, сказал журналистам 18 мая 2010 года: «Нам необходимо позаботиться о жертвах [Масьеля] как внутри, так и вне Легиона, и возместить им ущерб. В этом мы все согласны, и это принял папа – как обычно, в своем отважном стиле»[635].

Монархическая система Ватикана не предполагает разделения власти, нет там и подлинной судебной системы для уголовных дел или споров о собственности. Теоретически Бенедикт имеет власть наказывать кардиналов или их осуждать, но это бы нарушило неписаные правила апостольского преемства. Бенедикт не показал себя сторонником смелых действий в пользу реформ во время скандалов 2010 года, так, например, он не принял прошения об отставке двух ирландских епископов, которые, как выяснилось, покрывали преступников. Но если осуществится его план и имущество Легиона пойдет на компенсации жертвам, это будет важный прецедент. Члены религиозных орденов, включая Легион, обязаны слушаться папу. Тем не менее, наказав Содано, папа совершил бы еще более великий акт справедливости.

Ватикан невозможно реформировать, если в нем не появится независимая судебная система вместо трибуналов, подчиняющихся епископам. Международная комиссия из католических ученых, понимающих конституционное право, могла бы создать такую систему, которая бы позволяла защищать права детей, сохранять приходы и вести надзор за епископами. Иначе можно будет увидеть закрытие

приходов при возмущении прихожан, в то время как адвокаты жертв будут рассчитывать на активы диоцезий, и это станет еще более сильным позором для Ватикана.

Похоже, финансовая активность епископов заслуживает того, чтобы ею чаще занимались гражданские суды. Единоличная корпорация – епископ, который владеет всем, – это анахронизм, чреватый злоупотреблениями. Когда американские прихожане боролись за свои права как бенефициарии своих церквей, судьи обычно ссылались на каноническое право; так, в Огайо суд решил, что собственником прихода Св. Иакова в Канзасе является епископ Леонард Блэр из Толедо. Суд Огайо позволил епископу Блэру расплачиваться за счет накоплений приходов со своими юристами, закрывать церкви, сносить их и выставлять землю на продажу. Могут ли прихожане это оспаривать? Суверенная монархия не допускает их на суды, на которых, впрочем, и не происходит открытых споров. Апостольская Сигнатура и Конгрегация по делам духовенства – это насмешка над правосудием. Если судьи ознакомятся с тем, как работает система Ватикана, некоторые из них – быть может, даже в Огайо – пойдут путем судьи Понсора из федерального суда в Спрингфилде, штат Массачусетс, и признают, что вопрос о религиозной собственности в демократической юриспруденции не так прост.

Банк Ватикана снова в беде

Институт религиозных дел (ИРД), то есть Банк Ватикана, имеет около 40 тысяч держателей счетов из членов религиозных конгрегаций, а в его совете директоров заседают кардиналы. Церковные чиновники непрестанно повторяют, что это скорее не банк, но огромный трест для управления капиталами религиозных орденов, организаций, оказывающих помощь, и церковных благотворительных организаций, который позволяет получать максимальные доходы со вложенных средств, тем самым способствуя осуществлению дел милосердия и других. Но этот маленький банк, ютящийся в средневековой башне около внутреннего двора, выходящего на Апостольский дворец, благодаря тому, что он находится на территории суверенного государства Ватикан, действует также и как офшорный банк. Италия мало вмешивается в его деятельность после того, как четверть века назад Ватикан заплатил $242 миллиона в связи с тем, что ИРД участвовал в отмывании денег при участии архиепископа Марцинкуса, Роберто Кальви и Микеля Синдоны, а это привело к разорению Banco Ambrosiano[636].

Электронный перевод денег в центральные банки привлекает к себе большое внимание в странах, которые пытаются остановить деятельность террористов и организованных преступных групп. В сентябре

2010 года итальянские власти заморозили банковские активы ИРД на $30 миллионов, подозревая отмывание денег, и распорядились о проведении расследования деятельности главы ИРД Этторе Готти Тедески и его главного заместителя. Это было большой неприятностью для экономиста Тедески, члена Опус Деи, который ежедневно принимал причастие и славился своей честностью. Центральный банк Италии обратил внимание на переводы со счетов ИРД в Credito Artigiano для банка JP Morgan Frankfurt на $26 миллионов и для Banca del Funcino на $4 миллиона, поскольку документация на эти переводы не соответствовала стандартам Евросоюза. Святейший Престол заявил, что он «озадачен и удивлен» тем, что информация об этом была доступна для Центрального банка Италии. Тедески добровольно побеседовал с обвинителями и пообещал с помощью Организации экономического сотрудничества и развития привести деятельность ИРД в соответствие с необходимыми стандартами[637].

По словам газеты *Financial Times*, несмотря на то, что ИРД имел массу религиозных клиентов и финансировал благотворительную деятельность Святейшего Отца, у этого банка «было неизвестное количество частных итальянских держателей счетов, использовавших Ватикан как налоговую гавань». Спустя месяц после замораживания $30 миллионов полиция в Сицилии арестовала шесть человек, связанных с одним священником. Гай Динмор писал об этом:

> Отец Орацио Бонаккорси, как утверждают, использовал счет в Ватиканском банке, чтобы помочь своему отцу в отмывании €250 тысяч ($350 тысяч), которые тот получил от Европейского союза в качестве субсидии на создание рыбоводческой фермы, предположительно, не существующей.
>
> В 2006 году эти деньги были положены на счет как пожертвование на благотворительность, а затем, как утверждают, вернулись в Сицилию и оказались в руках дяди, ранее осужденного за участие в мафии…
>
> «ИРД не может продолжать так работать, – заявил один итальянский чиновник для *Financial Times*. – Его используют как прикрытие, как щит. А что прячется за этим щитом? Мы пытаемся приостановить действие подобных механизмов»[638].

Пока $30 миллионов находились в финансовом чистилище, 30 декабря 2010 года Святейший Престол опубликовал заявление папы Бенедикта, где говорилось о принятии закона для города-государства Ватикана, предназначенного «предотвратить и затруднить отмывание денег преступными группами и финансирование терроризма». Папа создал Управление финансовой информации, которое должно было следить за тем, чтобы ИРД и все службы Ватикана соблюдали европейские правила, направленные на

предотвращение отмывания денег. Он поставил во главе Управления кардинала Атилльо Никору, отвечавшего за недвижимость и ценные бумаги Ватикана. Был также создан совет, заседающий в Риме, куда вошли четверо выдающихся специалистов по соответствующим вопросам.

Парадоксальный папа

Бенедикт XVI, который в прошлом преследовал богословов, остается парадоксальным папой. Этот кардинал, чьи действия заставили Ганса Кюнга вспомнить Великого инквизитора Достоевского («больше всего на свете он боится свободы»), став папой, должен балансировать в попытке найти равновесие между нравственным абсолютизмом и политикой сдерживания[639]. В «Братьях Карамазовых» Достоевский использует образ инквизитора, чтобы осудить церковь, оставившую Христа. Иисус приходит в Севилью во времена испанской инквизиции. Мрачный монах, отправляющий еретиков на костер, заключает Иисуса в камеру и произносит перед ним циничный монолог о власти и о том, почему необходимо держать в повиновении испуганный народ. Иисус слушает молча. Затем, показывая тем совершенное прощение, Иисус целует инквизитора и уходит. Достоевский считал, что Римская церковь снова предает Христа.

Из-за плеча Бенедикта выглядывает прокурор Ратцингер, ужасающийся при виде грехов и преступлений института церкви. Папа как верховный пастырь должен проявлять гибкость ради большего блага. Не боится ли он, что вера, оставленная без контроля, обретет слишком большую свободу?

Папа создал комиссию для обновления Банка Ватикана, а ранее наказал Масьеля и подчинил себе Легион – все это показывает, что он все увереннее использует свою власть. Это верховная власть. Как далеко он сможет пойти? Если он пассивно позволит кардиналу Содано и ему подобным тихо состариться и уйти на покой, это покажет, что справедливость – это пустой ритуал из половинчатых мер. Папа не может по-настоящему стоять за мир, утверждать ценность человеческой жизни и призывать к созданию зеленой планеты, пока правосудие Ватикана остается фарсом. Будет ли и дальше справедливость сгибаться под гнетом пап с их преданностью горделивой идее апостольского преемства? Вопрос остается открытым, люди нетерпеливо ждут на него ответа.

А Евхаристия продолжает совершаться – и это настоящее чудо.

Благодарность

Мой литературный агент Стив Хэнселмен из компании Level Five Media был вдохновителем данной книги. Я кончал работу над документальным фильмом, когда Стив предложил мне разобраться в финансовой жизни церкви. Он же назначил мне встречу с Трейсом Мэрфи, издателем Doubleday Religion, который углубил интерес Стива к этим вопросам. Я всегда буду благодарен этим двум хорошим людям.

Я также благодарен Морин Кларк, моему литературному редактору, которая проделала великую работу.

Собирая материалы об отце Масьеле и Легионе Христа, я должен был не раз побывать в Мехико. Моя кузина Виктория Миранда де ла Пена и ее муж Уилли Фрехофф Ивэрс принимали меня у себя дома так радушно, что я этого никогда не забуду. В марте 2010 года казалось, что у Виктории, страдающей раком, наступила ремиссия; ее смерть осенью того же года все еще продолжает вызывать глубокую скорбь. Я хочу сказать Уилли, Дагмару, Армину, а также Монике Миранде и Игнасио Гомесу: *Un abrazo tierno con mucho amor. Mil gracias otra vez.*

Эта книга содержит в себе и журналистику, и историю. Многие мои статьи стали кирпичиками, из которых я складывал иные главы. И я получал при этом важную помощь.

Прежде всего мне хочется принести благодарность Фонду журналистских расследований в Вашингтоне, в частности члену его правления Маргарет Инджел за поддержку во время работы над этой книгой и над другими проектами ранее. Я также благодарен Фонду Джо Басема, где особенно хочу отметить Барб Келли, Джона Басема и покойную Клер Басем; этот фонд своими грантами поддерживал мои изыскания в Риме, особенно когда я работал над фильмом «Обеты молчания».

Эстер Каплан и Джо Конесон из Исследовательского фонда Института Нейшн периодически поддерживали работу над серией статей о финансовой истории Масьеля для *National Catholic Reporter*. В этой газете мне посчастливилось тесно сотрудничать с колумнистом Томом Робертсом, который удивительно умеет работать с авторами. Джо Фойерхерд, главный редактор и издатель газеты, существенно помог мне в работе над историей Фоллиери. Кроме того, я очень благодарен издателям Тому Фоксу и Дэвиду Корженику.

Я благодарен специальному агенту ФБР Теодору В. Качиоппи из Нью-Йорка, поделившемуся со мной своими наблюдениями относительно дела Фоллиери, федеральной прокуратуре южного округа Нью-

Йорка, переславшей мне документы, и ФБР, помогавшей мне собирать материалы в соответствии с Законом о свободе информации.

Специалист по бухгалтерскому делу Джек Рул, заместитель декана в Хавортском колледже бизнеса при Университете Западного Мичигана, исследовавший финансовые отчеты католических диоцезий Америки, дал ответы на многие мои вопросы и также внимательно изучил некоторые разделы моей книги, за что я ему благодарен.

Мне существенно помог Джозеф Клод Харрис, снабдив меня данными о пожертвованиях в диоцезиях. Майкл Райен, знаменитый своими исследованиями вопросов хищения средств и пропажи денег в церкви, делился со мной своими сведениями и мыслями, его объективность освежала мое восприятие.

Теренс Мак-Кирнан и Анна Баррет Дойль собрали уникальный архив на сайте BishopAccountability.org, который был для меня очень ценен. Этот сайт незаменим для любого человека, интересующегося внутренней политикой церкви. Я благодарен автору и основателю сайта BishopAccountability.org за поддержку в процессе моей работы и за их первые расследования, касающиеся закрытия церквей.

В неменьшей мере я благодарен Юджину Кеннеди за то, что на протяжении многих лет он давал мне ценные советы, и Мэрри О’Доннелл за ее дружбу и великодушие.

Мне хочется поблагодарить Питера Борре, не жалевшего времени на интервью, телефонные звонки и обмен е-мейлами и щедро делившегося со мной тем, что он знал, его жену Мэри Бет и ее мать Роуз Мэри Пайпер. Я также признателен Мари Рот, кузине Питера, за ее генеалогические исследования.

Следующие люди оказывали мне помощь на разных этапах моего труда: Томас Пауэрс; Джерард Уимберли; Каролин Диско; Тим Уотсон из Ariel Montage; Луиз Розен и Эмили Редекер из Louise Rosen Ltd; Ченнинг Пенна; Джеки Реннер; Джули Эндерсон; Терез Галер; Майк Финнеган; Пэт Нокер; Том Бэрн; Анастасия и Уилл Лаймены; Энн и Алан Клопонвски; Пэт и Билл Нордстромы; Джинни и Ларри Хенхе; покойный отец Дэвид Буало; Барбара Фортье; Харольд Бакет и Черон Брыльски; Олден Хэгардон; Дэн Бартли, президент группы «Голос верных»; Донна Дусетт, исполнительный директор; Пег Кларк и другие члены «Голоса верных», которых слишком много, чтобы упоминать здесь поименно; Стив Шихан и Кристин Уорд из Национального объединения адвокатов жертв священников; лидеры Сообщества жертв священников Барбара Блейн, Дэвид Клохесси, Барбара Доррис и Питер Айли.

Я благодарен следующим священникам, которые готовы были давать мне интервью: Бобу Бегину, Джону Конли, Стивену Фихтеру, Брюсу Тигу, Роберту Боуэрсу, Стивену Джосоме, Роберту Маррону,

иезуиту Томасу Ризу, вербисту Жерому Леду. Я признателен некоторым клирикам из Курии и членам Легиона Христа в Риме, а также бывшим членам ордена, которые попросили не называть их имена.

Мне хочется поблагодарить тех, кто потратил немало времени на интервью и последующие ответы на мои вопросы, особенно таких людей, как: сестра Кристин Шенк из конгрегации Сестер св. Иосифа, Кристофер Кунце, Джефф Эндерсон, Мэнни Вега, Хуан Вака, Хосе Барба, Николас Кефарди, Том Дойль, Марси Хэмильтон, Джинни Халл, Рей Баучер, Энтони Димакро, Стив Рубино, Патрик Уолл, Джон Мэнли, Пол Леннон, Гленн Фавро, Женвьев Кинеке, Мелани Бонвичино, Сантьяго Фелисиано младший, Джозеф Смит, Фил Кушнер, член муниципального совета Кливленда Майк Поленсек и Брайен Уоллейс, представитель штата Массачусетс в правительстве.

Я особенно признателен Кленси Дюбу из новоорлеанского еженедельника *Gambit Weekly* за публикацию моих первых статей о закрытии приходов.

Когда я проводил расследования по заданию агентства ABC News, мне посчастливилось работать с такими людьми, как Брайан Росс, Ронда Шварц, Рон Клейборн и Билл Блейкмор.

Бетти Клермонт, пишущая статьи в *Neo-Catholics*, снабжала меня нужными сведениями, иногда с невероятной быстротой; Майкл Люк с новоорлеанского телеканала WWL TV помогал мне искать информацию в Интернете, а Алессандро Спечиале, римский корреспондент GlobalPost и других агентств, помогал мне в работе над второй главой и в моих исследованиях относительно Ватикана. Я также благодарен Деннису Садовски из Catholic News Services.

В Риме мне так или иначе помогали следующие люди: Роберт Микенс, корреспондент *The Tablet*; Массимо Франко из *Corriere della Sera*; Сандро Маджистер из *L’Espresso*; Николь Уинфилд из Associated Press; Марко Полити из *La Repubblica*; Эльдио Фаци и Олимпия Эллеро из издательства Fazi Editore; Джованни Авена из *Adista*; Джойя Аввантаджия; отец Фредерико Ломбарди, иезуит, сотрудник пресс-центра Святейшего Престола; журналист и писатель Филип Уиллен; Джон Филлипс; Патриция Веллетри; Кристин Уорд; писатель Майкл Мьюшоу; Чинция Скальярини; Гленн Фавро; Пол Леннон и Хосе Барба. Греди Харди и Рози Сантелла помогали мне в переводе с итальянского.

В Мехико мне помогали следующие люди, которым мне хочется выразить *muchisimas gracias*: Хосе де Кордоба из *Wall Street Journal* и его жена, оказавшие мне бесценную помощь; писатель Давид Лида; Хосе Барба, поделившийся со мной плодами своих неутомимых исследований и своими контактами; Чиро Гомес Ллейва, редактор радиопередач, а также издатель и колумнист *Milenio*, долго занимавшийся историей Масьеля. Я особенно благодарен Кармен Аристегви, сотруднице CNN Mexico и MVS Radio,

которая постоянно освещала эту тему и написала текст к испанской версии моего фильма. Я в долгу у Роберты Гарсы, издателя *Milenio*, которая поделилась со мной историей своей семьи и затем публиковала переводы моих статей. Я признателен юристу Хосе Бонилле за его помощь во время продолжительных и содержательных бесед. Мне помогли знания таких людей, как Жан Мейер, Фернандо М. Гонзалес и Элио Масферрер Кан, и беседы с каждым из них. Алехандро Эспиноза (автор книги *El Legionario*), Саул Барралес, Хосе Антонио Перес Ольвера, Артуро Хурадо и Хуан Хосе Вака долгое время вели борьбу с Масьелем в Ватикане: я благодарен им всем за доверие. Я также признателен отцу Феликсу Аларкону, который провел со мной один день в Мадриде, раскрывая передо мной прошлое города; писатель Альфонсо Торрес Роблес также много мне помогал во время визита в Мадрид.

На мои вопросы, касающиеся Чили, мне помогали найти ответы журналист Паскале Бонневой и Андреа Инсунса, соавтор ценной книги о Легионе.

Чарльз Сеннотт, заведующий редакцией GlobalPost и бывший корреспондент *Boston Globe*, публиковал мои репортажи из Рима в 2009 году, он же давал мне ценные советы, когда я писал главы о Бостоне. Карл М. Кэннон, автор и исполнительный редактор PoliticsDaily, также обеспечил обсуждение моих статей и внимательно изучил главу данной книги, посвященную Калифорнии. Кроме того, я благодарен главному редактору PoliticsDaily Мелинде Хеннебергер и автору статей о религии Дэвиду Гибсону.

Когда я начинал свою работу в 2008 году, мне оказали большую помощь Майкл Полсон и колумнист Кевин Каллен из *Boston Globe*, а также бывший редактор команды Spotlight Уолтер В. Робинсон и журналисты Стивен Куркжан и Майкл Резендей. Джеймс О’Тул, почетный профессор истории Бостонского колледжа, подверг своевременной критике мою вторую главу. Энтони Пенна, почетный историк Северо-Восточного университета, помогал мне работать над главами, посвященными Бостону.

Профессор исторического факультета Университета Джорджтауна сделал более того, что можно было ожидать, разбирая со мной наброски двух глав книги. Харви Кокс, ученый из Гарвардского богословского института, помог мне лучше понять богословие процветания, когда я подошел к данной теме. Маркус Смит, почетный профессор английского Новоорлеанского университета Лойолы, внимательно изучил данную книгу, как он помогал мне и раньше. Моя жена Мелани Мак-Кей, заместитель проректора в Лойоле, также внимательно прочла рукопись данной книги, возвращаясь к некоторым разделам, и дала ей ценную критику, за что я перед нею в долгу.

Мое понимание политики Ватикана и истории Италии углубили такие люди, как журналист Роберт Блэр Кайзер; историк из Нового Орлеана Ховард Хантер; Дэвид Кертцер, профессор Университета

Брауна; отец Томас Риз из ордена иезуитов, старший научный сотрудник Вудстокского богословского центра Университета Джорджтауна; профессор Университета Тулейна Линда Кэррол. Я также признателен монсеньору Френсису Веберу, который помогал мне работать в архивах архидиоцезии Лос-Анджелеса.

Джеймс Мак-Карти из *Plain Dealer* и Билл Шейл с телеканала WJW TV оказали мне существенную помощь в моей работе над главами о Кливленде. Я хочу поблагодарить таких людей, как: юрист Майкл Мак-Менамин; репортер *Plain Dealer* Майкл О’Малли; Пэтси Мак-Гарри, Питер Мэрто, Саймон Карсвелл и Мэри Раффери из *Irish Times*; Мик Пило, работающий на радио RTE в Дублине; Брюс Нолан из *Times-Picayune*, чьи мысли о архидиоцезии Нового Орлеана были для меня очень ценными. Даг Смит из *Los Angeles Times* много потрудился, изучая архивные документы и подбирая для меня статьи, что существенно ускорило мою работу. Джин Гуччионе, ранее работавшая репортером в *Los Angeles Times*, поделилась со мной своими наблюдениями и прочла черновик главы. Я также хочу с благодарностью вспомнить таких людей, как: Питер Пэч и Бернард Дэвидоу из *Hartford Courant*; Криста Понграц-Липпитт, венский корреспондент *The Tablet*; Елена Курти, заместитель редактора *The Tablet* в Лондоне; Тим Таунсенд из *St. Louis Post-Dispatch*; Мари Роде и Том Хайнен, ранее работавшие в *Milwaukee Journal Sentinel*; Джон Тэвис и Деннис Садовски из Catholic News Service; Брюс Келли из *San Francisco Magazine*.

И наконец, я должен вспомнить мою мать Мэри Френсис, мою дочь Симонетт и мою жену Мелани: спасибо всем вам за то, что вы излучаете свет, необходимый для моей жизни.

Примечания

1

Hans Küng, *The Catholic Church: A Short History* (New York, 2001), p. 181.

2

Message of Pope Paul VI, Celebration of the Day of Peace, January 1, 1972, www.vatican.va.

3

Luigi Accattoli, *When a Pope Asks for Forgiveness: The Mea Culpa's of John Paul II* (Boston, 1998), p. 96.

4

Ibid., p. 118.

5

James Gollin, *Worldly Goods* (New York, 1971), p. 492.

6

Sam Dillon and Leslie Wayne, “Scandals in the Church: The Money,” *New York Times,* June 13, 2002.

7

Ibid.

8

Brian Ross, “Archbishop Settles Sex Assault Claim”, *Good Morning America,* May 23, 2002.

9

Tom Heinan, “Rome Endowments to Honor Weakland”, *Milwaukee Journal Sentinel,* November 22, 1997.

10

Rembert G. Weakland, *A Pilgrim in a Pilgrim Church: Memoirs of a Catholic Archbishop* (Grand Rapids, MI, 2009), p. 341. Рассказ Уи-кленда о его попытке договориться с Полом Марком, у которого я брал интервью для расследования, проводимого ABC News, отражает его жалость к себе в сочетании с удивительными фактическими неточностями.

11

James A. Brundage, *Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe* (Chicago, 1987), p. 214.

12

Douglas MacMillan, "A Business Plan for the Catholic Church", *Business– Week,* September 30, 2008.

13

The Catholic Church in America – Meeting Real Needs in Your Neighborhood (Washington, DC: United States Conference of Catholic Bishops, 2002), pp. 13–14.

14

Из телефонного интервью с Харрисом, которому предшествовала обстоятельная беседа о том, как он интерпретирует имеющиеся данные.

15

Харрис использовал данные Центра прикладных исследований Апостолата при Университете Джорджтауна (ЦПИА). Он так объяснил свою методику: «Подсчеты суммы воскресных сборов с 2002 по 2006 год происходили следующим образом. ЦПИА ежегодно собирал сведения о сборах с членов Международного католического совета управления. Кроме этого, члены ЦПИА проводили подсчет католических семей по диоцезиям. Для этого они выделили семь регионов: Северо-Восток, Южная Атлантика, Юг, Великие озера, Средний Запад, Горы и Тихоокеанский регион. Сначала мы подсчитали среднюю сумму пожертвований по диоцезиям в каждой диоцезии, готовой с нами сотрудничать. Затем мы помножили средние цифры на количество семей в диоцезиях, которые не предоставили отчета о сборах. Затем мы сложили данные поступивших отчетов с просчитанными нами данными, чтобы оценить общую сумму сборов каждой диоцезии региона. Эту работу мы проделали для каждого региона, чтобы подсчитать общую сумму сборов для пятидесяти штатов и округа Колумбия.

16

John Jay College of Criminal Justice, *The Nature and Scope of the Problems of Sexual Abuse of Minors by Catholic Priests and Deacons in the United States* (Washington, DC: United States Conference of Catholic Bishops, 2004), p. 105, table 6.

17

Joseph Claude Harris, “The Sexual Abuse Scandal in the United States: What It Cost” (неопубликованная рукопись, 2010). Подсчеты Харриса основаны на данных ежегодных исследований ЦПИА, связанных с сексуальными скандалами.

18

В личной беседе с автором данной книги Мэри Готье, доктор философии, сотрудница ЦПИА, объяснила это противоречие так: «Диоцезии по-разному пишут свои отчеты для *The Offi cial Catholic Directory*, откуда и поступают эти данные. Скажем, если в диоцезии три прихода сливаются в один, нужно написать, что закрыто три прихода и один открыт. Слишком часто они этого не учитывают». Тем не менее «новый» приход, созданный из нескольких прежних, не то же самое, что церковь, которую строят, чтобы она стала католическим приходом.

19

James Freeman, “Pennies Backed by Heaven”, *Wall Street Journal,* May 16, 2008.

20

Ralph Cipriano, “Lavish Spending in Archdiocese Skips Inner City”, *National Catholic Reporter,* June 19, 1998.

21

"A Continuous, Concerted Campaign of Cover– up", excerpts from the Grand Jury's Report, *Philadelphia Inquirer,* September 22, 2005.

22

Robert West and Charles Zech, “Internal Financial Controls in the U.S. Church” (Villanova, PA: Villanova University, Center for the Study of Church Management, January 2007).

23

Susan Spencer-Wendel, “Bookkeepers Believed Priest Was Skimming from Church”, *Palm Beach Post,* February 18, 2009; and “Jury Finds Priest Stole Collections”, *Palm Beach Post,* February 23, 2009.

24

Anemona Hartocollis, “Monsignor Gets 4-Year Sentence for Large Thefts from His East Side Parish”, *New York Times,* September 23, 2006; Associated Press, “N.Y. Church Sues Insurer Over $1.2 Million Thefts Blamed on Priest”, *Insurance Journal,* January 26, 2005; Veronika Belenkaya, “Priest Who Swindled East Side Parish Released from Prison”, *New York Daily News,* September 22, 2007.

25

Майкл Райен опирается на данные о количестве прихожан аффилированного центра ЦПИА при Университете Джорджтауна, а данные о финансах почерпнул из отчетов в СМИ, которые он собирал на протяжении более двадцати лет, изучая феномен присвоения денег в Католической церкви. Он делает вывод, что в 2010 календарном году потери в результате присвоения составили около $90 миллионов.

Райен пишет: «Иногда в статьях о конкретных финансовых преступлениях говорится о том, что украденные деньги возвращает диоцезия, выполняющая функцию своей собственной страховой компании. Сомневаюсь в том, что какая-либо коммерческая страховая компания согласится защищать приход или определенную диоцезию, не потребовав от них принятия вполне доступных мер, которые бы предотвратили любого рода присвоение сборов. При обнаружении присвоения страховщику нередко приходится выплачивать огромные суммы денег, а многие официальные представители диоцезии в таких случаях спешат заявить, что потери, понесенные пострадавшим приходом, покрыты структурами страхования. Но, платят ли в этом случае коммерческие страховщики или фонды дио-цезии, это все равно потеря, и такие случаи следует предотвращать».

Райен продолжает: «Вывод о том, что в 2010 году было потеряно $90 миллионов сборов, основан на следующих расчетах. В среднем присвоение сборов составляет $25 тысяч, или около $500 в неделю, и в любой данный момент такое присвоение происходит в 20 процентах приходов. 20 процентов от 17 958 (данные ЦПИА на 2010 год) американских приходов – это 3592 прихода. Умножив их число на среднюю потерю от присвоения в приходе, мы получим $89,8 миллиона – потери одного только 2010 года.

Были подсчитаны потери других годов (1965, 1974, 1975, 1984 и т. д.) на основе базового 2010 года с $89,8 миллиона потерь с учетом индекса потребительских цен, чтобы установить эквивалент стоимости доллара для каждого из ключевых годов. Средняя потеря за несколько лет между ключевыми годами была вычислена следующим образом: мы сложили потери начального и конечного года и поделили сумму на два».

Оценка потерь в результате присвоения сборов в Католической церкви США

Год	Ежегодные потери* (с учетом инфляции)	Средние ежегодные потери для указанного периода	Суммарные потери для указанного периода	Количество приходов†	Средние ежегодные потери для прихода*
1965	$12,740,000	1965—74 $16,223,000	1965—74 $162,230,000	17,637	$3,612
1974	$19,707,000			18,427‡	$5,348
1975	$22,248,000	1975—84 $33,604,000	1975—84 $336,040,000	18,515	$6,008
1984	$44,961,000			19,171‡	$11,727
1985	$46,919,000	1985—94 $56,069,000	1985—94 $560,690,000	19,244	$12,190
1994	$65,220,000			19,322‡	$16,879
1995	$66,998,000	1995—2004 $73,898,000	1995—2004 $738,980,000	19,331	$17,330
2004	$80,799,000			18,935‡	$21,336
2005	$83,233,000	2005—10 $86,516,000	2005—10 $519,096,000	18,891	$22,031
2010	$89,800,000			17,958	$25,000

Суммарные потери за 1965–2010 годы составляют: $2,317,036,000

* Ежегодные потери высчитываются на основании предпосылки, что в 20 % существующих приходов в среднем потеряли по $25,000 в 2010 календарном году. Потери других лет, отображенные в левом столбце, были вычислены с учетом индекса потребительских цен на 2010 календарный год.

† Центр прикладных исследований Апостолата, http://cara. georgetown.edu/CARA Services/requestedchurchstats.html.

‡Вычислено на основании тенденций, на которые указывают данные ЦПИА.

Estimated from trend refl ected by CARA fi gures.

26

Alan Gomez, “Bishops Look at Fleecings of Flocks”, *USA Today,* February 18, 2007.

27

Julie Shaw, “Priest Admits Stealing from School: Sex Abuse, Drug Use Alleged”, *Philadelphia Daily News,* March 10, 2009; Joseph A. Slobodzian, “Judge Calls Priest Liar; Sends Him to Prison for $900,000 Theft”, *Philadelphia Inquirer,* May 22, 2009.

28

Andrew Greeley and William McManus, *Catholic Contributions: Sociology and Policy* (Chicago, 1985), pp. 2–3.

29

Данные исследования Joseph Claude Harris, *The Cost of Catholic Parishes and Schools* (Kansas City, MO, 1996) приводятся по Charles E. Zech, *Why Catholics Don’t Give. . and What Can Be Done About It* (Huntington, IN, 2000), p. 13.

30

Zech, *Why Catholics Don’t Give,* p. 71.

31

Джек Рул (Jack Ruhl), личная беседа с автором.

32

См. “Mercer Actuarial Study”, National Religious Retirement Office, www.nccbuscc.org/nrro.

33

Fred Kammer, SJ, “The *Jaynotes* Interview”, *Jaynotes: The Magazine of Jesuit High School in New Orleans, Graduation 2008* 34, no. 2 (2008): 28.

34

Fred Kammer, SJ, *Faith. Works. Wonders. An Insider's Guide to Catholic Charities* (Eugene, OR, 2009), pp. 63–64.

35

Cindy Wooden, “2006 Vatican Budget Closes with Surplus; Peter’s Pence up $42 Million”, Catholic News Service, July 6, 2007.

36

Robert Mickens, “Church with a Midas Touch”, *The Tablet,* September 27, 2008.

37

The Nature and Scope of the Problems of Sexual Abuse of Minors by Catholic Priests and Deacons in the United States. В отчете была приведена заниженная цифра количества жертв; исследователи John Jay не провели интервью с обвинителями, обладавшими большим опытом в подобных процессах, отчеты епископов не снабжены перекрестными ссылками на данные групп помощи жертвам сексуальных преступлений, совершенных священниками. Глубокий анализ этого отчета – см. Mary Gail Frawley O’Dea, *Perversion of Power: Sexual Abuse in the Catholic Church* (Nashville, 2007).

38

Walter V. Robinson and Michael Rezendes, “Geoghan Victims Agree to $10m Settlement”, *Boston Globe,* September 19, 2002; Kevin Cullen and Stephen Kurkjian, “Church in an $85 Million Accord”, *Boston Globe,* September 10, 2003. Всего адвокаты требовали выплатить $85 миллионов в пользу 542 жертв. Позже архидиоцезия договорилась с некоторыми жертвами, которые подавали свои иски без помощи юристов, так что в целом ей пришлось заплатить $90 552 жертвам.

39

Краткая история расследования – см. *Boston Globe* Investigative Staff, *Betrayal: The Crisis of the Catholic Church* (New York, 2002). Авторы – Matt Carroll, Kevin Cullen, Thomas Farragher, Stephen Kurkjian, Michael Paulson, Sacha Pfeiff er, Michael Rezendes, Spotlight Team Editor Walter V. Robinson – и исполняющий обязанности ответственного редактора Ben Bradlee Jr. совместно получили Пулит-церовскую премию за 2003 год и другие награды.

40

Michael Paulson, “Diocese to Mortgage Seminary, Cathedral”, *Boston Globe,* December 9, 2003.

41

Phyllis Berman and Lea Goldman, “Catholics in Crisis”, *Forbes,* September 19, 2005.

42

Michael Paulson, “Diocesan Headquarters Sold to BC”, *Boston Globe,* April 21, 2004.

43

Marie Roth, генеалогическое древо и личная беседа с автором, 16 мая, 2009.

44

Paul L. Williams, *The Vatican Exposed: Money, Murder, and the Mafia* (Amherst, NY, 2003), p. 81.

45

John Pollard, *Catholicism in Modern Italy: Religion, Society and Politics Since 1861* (New York, 2008), p. 122.

46

Thomas Powers, *The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA* (New York, 1979), p. 31.

47

Tim Weiner, *Legacy of Ashes* (New York, 2007), p. 27.

48

Ibid.

49

John Cornwell, *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII* (New York, 1999), p. 329.

50

John Cooney, *The American Pope: The Life and Times of Francis Cardinal Spellman* (New York, 1984), pp. 159–60.

51

John Cooney, *The American Pope: The Life and Times of Francis Cardinal Spellman* (New York, 1984), pp. 159–60.

52

Weiner, *Legacy of Ashes*, p. 27.

53

Christopher Duggan, *The Force of Destiny: A History of Italy Since 1796* (London, 2007), p. 478.

54

Thomas H. O'Connor, *The Hub: Boston Past and Present* (Boston, 2001), p. 8.

55

Thomas H. O’Connor, *Boston Catholics: A History of the Church and Its People* (Boston, 1998), pp. 4–5.

56

O’Connor, *The Hub,* pp. 33–35.

57

J. Anthony Lukas, *Common Ground* (New York, 1985), p. 75.

58

О французских миссионерах и первой католической церкви см. O’Connor, *Boston Catholics,* pp. 19–22, 24; о беспорядках см. O’Connor, *The Hub,* p. 150.

59

О протестантском Чарльзтауне см. Lukas, *Common Ground,* p. 76; о проповеди Бичера см. James Hennessey, SJ, *American Catholics: A History of the Roman Catholic Community in the United States* (New York, 1981), p. 122; о пьяных поджигателях см. Charles R. Morris, *American Catholic: The Saints and Sinners Who Built America's Most Powerful Church* (New York, 1997), pp. 56–57.

60

О великом голоде см. R. F. Foster, *Modern Ireland: 1600–1972* (London, 1989), p. 345. Цитату из *Bunker Hill Aurora* приводит Lukas, *Common Ground,* p. 77.

61

St. Catherine of Siena Parish, *Ninetieth Anniversary Celebration, 1887–1977* (Boston, 1977), no page numbers.

62

Thomas H. O’Connor, *The Boston Irish: A Political History* (Boston, 1995), p. 150.

63

John Henry Cutler, *Cardinal Cushing of Boston* (New York, 1970), p. 214.

64

Lukas, *Common Ground,* p. 25.

65

Cutler, *Cardinal Cushing,* p. 82.

66

См. Jason Berry and Gerald Renner, *Vows of Silence: The Abuse of Power in the Papacy of John Paul II* (New York, 2004), p. 65.

67

Dante Alighieri, *The Divine Comedy: The Purgatorio,* trans. John Ciardi (New York, 2003), p. 431, canto XVII.

68

“Papal Donations Bring Hope to Needy Worldwide”, Catholic News Agency, July 22, 2010.

69

Как об этом говорит USCCB.org, сайт Конференции католических епископов США, «лепта Петра предназначена на благотворительность, она дает Святейшему Отцу средства для оказания неотложной помощи жертвам природных катастроф, войны, угнетения и эпидемий».

70

Информация с сайта www.thepapalfoundation.com

71

Алессандро Спечиале (Alessandro Speciale) также работает для службы религиозных новостей в Риме, среди прочего, он помогал мне собирать материалы для данной книги.

72

О долгах Ватикана см. *Communiqué on the Fifth Meeting of the Council of Cardinals for Studying the Organizational and Economic Questions of the Holy See,* Press Offi ce, March 9, 1985; перевод из *L'Osservatore Romano* с итальянского на английский от 10 марта 1985. Данные о размере дефицита см. *Holy See General Final Balance Sheet and Profi t and Loss Account, 1985,* p. 7. Копии обоих документов мне предоставил помощник.

73

Philip Willan, *The Last Supper: The Mafi a, the Masons, and the Killing of Roberto Calvi* (London, 2007).

74

“Outline of Remarks by Cardinal Krol on Vatican Defi cit”, November 18, 1987, не опубликовано.

75

Praefectura Rerum Oeconomicarum Sanctae Sedis, *Statement of Income and Expenditure of the Holy See, Year 1987.* Конкретные цифры взяты из трехстраничного письма, начинающегося с обращения “Dear Brother Bishops”, от 14 октября, 1988, которое подписали семеро кардиналов: Krol of Philadelphia; John O’Connor of New York; Edward Clancy of Sydney; Albert Decourtray of Lyon; Joseph Cordeiro of Karachi; Eugenio de Araújo Sales of Rio de Janeiro; and Paul Zoungrana of Ouagadougou. Копии документов мне предоставил помощник.

76

Thomas J. Reese, SJ, *A Flock of Shepherds: The National Conference of Catholic Bishops* (Kansas City, MO, 1992), p. 282.

77

Jerry Filteau, “Vatican’s Financial Head Says Catholics Not Giving What They Can”, Catholic News Service, November 12, 1991.

78

Sandro Magister, "For Peter's Cash, a Calm Amid the Storm", trans. Matthew Sherry, January 30, 2009, www.chiesa.espressonline.it.

79

О размерах лепты Петра см. Peter R. D’Agostino, *Rome in America* (Chapel Hill, NC, 2004), p. 31. О недвижимости в Риме см. John F. Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy* (Cambridge, UK, 2005), p. 62.

80

Nicholas P. Cafardi, “The Availability of Parish Assets for Diocesan Debts: A Canonical Analysis”, *Seton Hall Legislative Journal* 29, no. 2 (2004–2005), p. 362.

81

David I. Kertzer, *The Kidnapping of Edgardo Mortara* (New York, 1998), p. 15.

82

Eamon Duff y, *Saints and Sinners: A History of the Popes* (New Haven, CT, 2006), p. 286.

83

David Kertzer, беседа с автором по телефону 8 мая 2009. См. также David I. Kertzer, *The Popes Against the Jews: The Vatican’s Role in the Rise of Modern Anti– Semitism* (New York, 2001), chap. 3.

84

Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy,* p. 24.

85

Charles Dickens, *Pictures from Italy* (New York, 1974), p. 165.

86

Tommaso Astarita, *Between Salt Water and Holy Water: A History of Southern Italy* (New York, 2005), p. 75.

87

Massimo Franco, *Parallel Empires: The Vatican and the United States– Two Centuries of Alliance and Confl ict* (New York, 2008), p. 32.

88

Kertzer, *The Popes Against the Jews*, p. 79.

89

James Carroll, *Constantine's Sword: The Church and the Jews* (New York, 2001), p. 379.

90

Kertzer, *The Popes Against the Jews,* p. 115.

91

Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy,* pp. 32–33.

92

“Peter’s Pence”, www.britannica.com.

93

D'Agostino, *Rome in America,* p. 31.

94

James M. O'Toole, *The Faithful: A History of Catholics in America* (Cambridge, MA, 2008), p. 132.

95

David I. Kertzer, *Prisoner of the Vatican: The Popes' Secret Plot to Capture Rome from the New Italian State* (Boston, 2004), p. 5.

96

Kertzer, *The Kidnapping of Edgardo Mortara,* p. 79, цитируется по Jan Derek Holmes’s *The Triumph of the Holy See* (Shepherdstown, WV, 1978).

97

Anthony Rhodes, *The Power of Rome in the Twentieth Century: The Vatican and the Age of Liberal Democracies, 1870–1922* (London, 1983), pp. 36–37.

98

Duff y, *Saints and Sinners,* p. 289.

99

Ibid., pp. 293–94.

100

“Peter’s Pence”, *New York Times,* December 4, 1860.

101

John F. Pollard, *Catholicism in Modern Italy: Religion, Society and Politics Since 1861* (New York, 2008), p. 22; Kertzer, *Prisoner of the Vatican,* p. 24.

102

Garry Wills, *Papal Sin* (New York, 2000), p. 74.

103

Duff y, *Saints and Sinners,* p. 228.

104

Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy,* pp. 32–33.

105

J. N. D. Kelly, *The Oxford Dictionary of Popes* (Oxford, 1986), pp. 314–16. О сумме 3.5 миллиона лир см. Duff y, *Saints and Sinners,* p. 233.

106

Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy,* p. 39.

107

Kertzer, *Prisoner of the Vatican*, p. 19.

108

Ibid., p. 26.

109

Ibid., p. 31.

110

Gertrude Himmelfarb, *Lord Acton: A Study in Conscience and Politics* (London, 1952), p. 102, объясняет, что в Папской области было шестьдесят два епископа, которые были представителями 700 тысяч человек, тогда как один польский епископ представлял 1,7 миллиона католиков Польши. «Оказалось, что по папской статистике двадцать обученных немцев значили меньше, чем один необразованный итальянец».

111

Wills, *Papal Sin,* pp. 249–56.

112

Ibid., p. 215.

113

Corrado Pallenberg, *Vatican Finances* (London, 1971), p. 59.

114

Hans Küng, *Infallible? An Unresolved Enquiry* (New York, 1994), pp. 145–146.

115

Pallenberg, *Vatican Finances,* p. 32.

116

Ibid., p. 33.

117

Kertzer, *Prisoner of the Vatican,* p. 132.

118

Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy,* p. 51.

119

D’Agostino, *Rome in America,* pp. 61, 78.

120

Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy,* p. 51.

121

Rhodes, *The Power of Rome,* p. 76.

122

Kertzer, *The Popes Against the Jews,* p. 192.

123

Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy,* p. 360.

124

James M. O'Toole, *Militant and Triumphant: William Henry O'Connell and the Catholic Church in Boston, 1859–1944* (Notre Dame, IN, 1992), p. 16.

125

Ibid., p. 11.

126

Ibid., pp. 34, 39.

127

Ibid., pp. 56–57.

128

Charles R. Morris, *American Catholic: The Saints and Sinners Who Built America's Most Powerful Church* (New York, 1997), p. 114.

129

Ibid., pp. 103, 93.

130

John Cooney, *The American Pope: The Life and Times of Francis Cardinal Spellman* (New York, 1984), p. 24.

131

O’Toole, *Militant and Triumphant,* p. 182.

132

Ibid., p. 186.

133

Ibid., p. 193.

134

Kelly, *The Oxford Dictionary of Popes,* pp. 314–16; Duffy, *Saints and Sinners,* p. 333.

135

John F. Pollard, *The Unknown Pope: Benedict XV (1914–1922) and the Pursuit of Peace* (London, 1999), p. 122.

136

Christopher Duggan, *The Force of Destiny: A History of Italy Since 1796 (*London, 2007), p. 399.

137

Ibid., p. 400.

138

Pollard, *The Unknown Pope,* p. 146.

139

John Henry Cutler, *Cardinal Cushing of Boston* (New York, 1970), p. 63.

140

Edward R. Kantowicz, *Corporation Sole: Cardinal Mundelein and Chicago Catholicism* (Notre Dame, IN, 1983), p. 42.

141

Ibid., p. 39.

142

Morris, *American Catholic,* pp. 163, 187.

143

Ibid., p. 168.

144

Ibid., p. 171.

145

Ibid., pp. 186–187.

146

Kertzer, *The Popes Against the Jews,* p. 241.

147

George Seldes, *The Vatican: Yesterday, Today and Tomorrow* (New York, 1934), p. 326.

148

Ibid., p. 330.

149

Ibid., p. 426.

150

Donald Sassoon, *Mussolini and the Rise of Fascism* (New York, 2007), p. 85.

151

Ibid., p. 427.

152

Duff y, *Saints and Sinners,* p. 337. Курсив наш.

153

Cooney, *The American Pope,* p. 39.

154

Duff y, *Saints and Sinners,* p. 339.

155

Emilio Gentile, *The Sacralization of Politics in Fascist Italy* (Cambridge, MA, 1996), p. 59.

156

Duff y, *Saints and Sinners,* p. 339.

157

Peter Godman, *Hitler and the Vatican: Inside the Secret Archives That Reveal the New Story of the Nazis and the Church* (New York, 2004), p. 27.

158

Ronald J. Rychlak, *Hitler, the War, and the Pope* (Huntington, IN, 2010), p. 73.

159

James Gollin, *Worldly Goods* (New York, 1971), pp. 439, 441.

160

John Cornwell, *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII* (New York, 1999), p. 190.

161

См. George Seldes, *The Catholic Crisis* (New York, 1945); D’Agostino, *Rome in America*.

162

Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy,* p. 186; see also Gollin, *Worldly Goods,* pp. 449–454.

163

Duff y, *Saints and Sinners,* pp. 343–345.

164

Rabbi David G. Dalin, *The Myth of Hitler's Pope* (New York, 2005), pp. 55–56; Rychlak, *Hitler, the War, and the Pope,* p. 317.

165

Cornwell, *Hitler's Pope*, p. 295.

166

Ronald Rychlak in *Hitler, the War, and the Pope* и Rabbi David Dalin in *The Myth of Hitler's Pope* решительно критикуют выводы Корнвелла.

167

Eric O. Hansen, *The Catholic Church in World Politics* (Princeton, NJ, 1987), p. 81.

168

Jack Thomas, “Scandal Darkens a Bright Career”, *Boston Globe,* April 14, 2002.

169

John Allen, *Conclave* (New York, 2004), p. 29.

170

Bruce Teague, беседа с автором.

171

Boston Globe Investigative Staff, *Betrayal: The Crisis of the Catholic Church* (New York, 2002), p. 146.

172

Andrea Estes, “Vatican Reverses Kennedy Ruling”, *Boston Globe,* June 21, 2007.

173

Steve Marantz, “Law Raps Ex– priest Coverage”, *Boston Globe,* May 24, 1992.

174

Channing Thieme, интервью по электронной почте. С тех пор художница вступила в брак и носит другую фамилию, так что она известна как Channing Penna.

175

Art Austin, е-мейл, посланный автору 18 марта 2002.

176

Jason Berry and Gerald Renner, *Vows of Silence: The Abuse of Power in the Priesthood of John Paul II* (New York, 2004), p. 89.

177

Robert Blair Kaiser, *A Church in Search of Itself: Benedict XVI and the Battle for the Future* (New York, 2006), pp. 68–69.

178

Allen, *Conclave,* p. 163.

179

John L. Allen Jr., “Vatican Defends Church’s Handling of Sexual Abuse Allegations”, *National Catholic Reporter,* March 29, 2002. На этой пресс-конференции Кастрилльон приводил следующие цифры: у 3 процентов священников существует «наклонность» к сексуальным преступлениям, но их совершает лишь 0,3 процента. Он взял эти данные из книги Philip Jenkins, *Pedophiles and Priests* (New York, 1996), автор которой, в свою очередь, ссылается на одно исследование среди священников Чикаго 1992 года. Это означало, что кардинал приводит данные десятилетней давности. Отчет *A Report on the Crisis in the Catholic Church in the United States,* by Robert S. Bennett et al., prepared by the National Review Board for the Protection of Children and Young People (Washington, DC: United States Conference of Catholic Bishops, 2004) говорит о цифре в 4 процента среди американских священников.

180

О переписке Кастрилльона см. Jason Berry, “Vatican Cardinal Bucked U.S. Bishop on Abuse”, *National Catholic Reporter,* April 22, 2010; Patty Machelor, “Moreno Struggled to Defrock 2 Priests”, *Arizona Daily Star,* April 1, 2010. См. также Berry and Renner, *Vows of Silence,* 234–35; Michael Rezendes, “Ariz. Abuse Case Names Bishops, 2 Priests”, *Boston Globe,* August 20, 2002. Переписка Кастрилльона доступна для ознакомления на сайте www.natcath.org

181

Телефонная беседа с Lynne Cadigan, 13 мая 2010.

182

Berry and Renner, *Vows of Silence,* pp. 65–66.

183

John Allen, “Catholic Vatican Summit Produces Flawed Document”, *National Catholic Reporter,* May 10, 2002.

184

Berry and Renner, *Vows of Silence,* pp. 65–66.

185

Nicholas P. Cafardi, “The Scandal of Secrecy”, *Commonweal,* August 13, 2010.

186

Laurie Goodstein and David M. Halbfi nger, “Church Offi ce Failed to Act on Abuse Scandal”, *New York Times,* July 1, 2010.

187

Папский документ был *motu proprio*, что означает написанный «собственноручно» или «по инициативе» папы, что указывает на прямое участие понтифика. Однако доступные материалы о папе Иоанне Павле II, включая биографии Jonathan Kwitny и George Weigel, та близорукость, с какой папа поддерживал Марсиаля Ма-сьеля несмотря на все выдвинутые против того обвинения, его пассивность в деле кардинала Ганса Германна Гроэра, архиепископа Вены, покинувшего свой пост в 1995 году после обвинений со стороны бывших семинаристов, – все это свидетельствует о том, что он рассматривал преступления священников как некое случайное явление. Нравственный фундаменталист Ратцингер испытывал глубокое отвращение к этой теме – хотя он не мог предвидеть, каким взрывом все это обернется в Бостоне, – и настаивал на том, что каноническим решением этих проблем должен заниматься Ватикан, тем самым поддерживая папу. В статье, напечатанной в *New York Times* (см. примечание 18), журналисты Goodstein и Halbfi nger отмечают, что Ратцингер пользовался огромным авторитетом и мог бы им воспользоваться еще тогда. Они подтверждают это мнение весомыми доводами.

188

John Thavis, “CDF Offi cial Details Response to Sex Abuse”, Catholic News Service, *National Catholic Reporter,* March 16, 2010. Работающий в Конгрегации монсеньор Charles Scicluna сообщил, что только в 10 процентах случаев речь шла о детях препубертатного возраста, а в 60 процентах дела касались священников, жертвами которых стали мальчики-подростки.

189

John Thavis, “Doctrinal Congregation Takes Control of Priestly Pedophilia Cases”, Catholic News Service, December 5, 2001.

190

David Gibson, *The Coming Catholic Church* (San Francisco, 2003), p. 22.

191

David France, *Our Fathers* (New York, 2004), p. 423.

192

Ibid., p. 430.

193

Jack Sullivan and Eric Convey, “Land Rich: Archdiocese Owns Millions in Unused Property”, *Boston Herald,* August 27, 2002. Адвокаты истцов призывали к ответу Лоу, а не архидиоцезию. С юридической точки зрения кардинал был единоличной корпорацией, то есть имел власть распоряжаться всеми активами церкви. По законам Массачусетса благотворительные организации не вправе возмещать убытки на сумму свыше $20 тысяч. Но если члены организации получают зарплату, можно подавать иски против кого-то из них лично. Гарабедьян подавал иски против Лоу и других иерархов, хотя те могли расплачиваться деньгами церкви и ее страховщиков.

194

Michael Paulson, “After Abuse Scandals Many Priests Tread Warily”, *Boston Globe,* January 13, 2002.

195

Michael Rezendes and Thomas Farragher, “Archdiocese Mortgages Law’s Home to Pay Debt”, *Boston Globe,* September 28, 2002.

196

Выражение Кинга взято из Stewart Burns, *To the Mountaintop: Martin Luther King Jr.'s Mission to Save America* (San Francisco, 2004), p. 27. Мысли Боуэрса из его неопубликованной статьи, используются с разрешения автора.

197

Michael Paulson, “58 Priests Send a Letter Urging Cardinal to Resign”, *Boston Globe,* December 10, 2002.

198

Michael Rezendes and Walter V. Robinson, “Lennon Picks Sites for Sale, Eyes Court Test in Abuse Cases”, *Boston Globe,* December 23, 2002.

199

Walter V. Robinson and Matt Carroll, “Lennon Is Viewed as Skilled Manager”, *Boston Globe,* December 14, 2002.

200

Kevin Cullen, “Legends on the Waterfront”, *Boston Globe,* July 25, 2004. Имя политика Billy Bolger.

201

Brian Wallace, интервью по телефону и электронной почте с автором, 24 августа 2009; Megan Tench, “4 Accuse Bishop of Breaking Promise”, *Boston Globe,* June 28, 2003.

202

Megan Tench and Anand Vaishnav, “Catholic School in South Boston to Close”, *Boston Globe,* June 11, 2003.

203

V. Val Mulcahy, “The Case for a Single Parish” (unpublished), March 12, 2004, p. 3.

204

Ibid.

205

Michael Paulson, "65 Parishes to Be Closed", *Boston Globe,* May 26, 2004.

206

Michael Paulson, “Pope Names Law to Ceremonial Position in Rome”, *Boston Globe,* May 28, 2004.

207

"Pastors Meet with O'Malley About Church Closings", WCVB Boston, www.thebostonchannel.com, May 27, 2004.

208

Michael Paulson, “Church Offers Guidance on Closings”, *Boston Globe,* May 28, 2004.

209

О последствиях скандала в Фолл-Ривер см. сайт www. bishopaccountability.org/diocese. См. также also Sean Gonsalves, “Diocese Details Abuse”, *Cape Cod Times,* February 21, 2004.

210

Дойль (Tom Doyle) вместе с юристом F. Ray Mouton и Michael Peterson, священником, психиатром и основателем Института св. Луки в 1985 году написал отчет на девяносто трех страницах о кризисе с педофилией, который Peterson разослал епископам. См. Jason Berry, *Lead Us Not into Temptation* (New York, 1992), pp. 98–103.

211

Betty Clermont, *The Neo Catholics: Implementing Christian Nationalism in America* (Atlanta, 2009), p. 21.

212

Martin Lee, "Their Will Be Done", *Mother Jones,* July/August 1983.

213

Mary McLachlin, “Turbulent Year for Diocese, Church”, *Palm Beach Post,* March 9, 2003.

214

Dan Moff ett, “Bishop Symons Resigns”, *Palm Beach Post,* June 3, 1998. После ухода Саймонса и до появления О’Коннелла роль временного администратора исполнял здесь епископ Сент-Питерсбурга Роберт Линч. В 2002 году диоцезия Сент-Питерсбурга выплатила сумму более $100 тысяч официальному представителю диоцезии Биллу Урбански, который обвинял Линча в сексуальном домогательстве. Линч отрицал свою вину. После выплаты денег Урбански согласился не затевать судебного процесса. Диоцезия утверждала, что это была «выплата выходного пособия». См. Chuck Murphy and Waveney Ann Moore, “Church Paid $100,000 to Bishop Lynch’s Aide”, *St. Petersburg Times,* March 23, 2002.

215

Jeff Brumley, “Bishop Apologizes for Abuses”, *Press Journal* (Palm Beach, FL), June 14, 2003.

216

Walter V. Robinson and Stephen Kurkjian, “Boston Archdiocese Weighs Bankruptcy Filing”, *Boston Globe,* December 1, 2002.

217

Данные цифры взяты из финансовых отчетов архидиоцезии, размещенных на ее веб-сайте, и из публикаций *Boston Globe.*

218

Nicholas Cafardi, беседа по телефону с автором от 24 августа 2009. См. также Nicholas P. Cafardi, “The Availability of Parish Properties for Diocesan Debts”, *Seton Hall Legislative Journal* 29, no. 2(2005), pp. 361–73.

219

Elena Curti, “Study in Scarlet”, *The Tablet,* May 8, 2010.

220

John L. Allen Jr., “Vatican Disses One of Its Own on Clergy Sex Abuse”, *National Catholic Reporter,* April 15, 2010.

221

Victor L. Simpson, "Vatican Reports Defi cit for Third Year", Associated Press, July 7, 2004.

222

John L. Allen Jr., *All the Pope's Men: The Inside Story of How the Vatican Really Works* (New York, 2004), p. 30; John Allen, *Conclave* (New York, 2004), p. 173.

223

Tim Weiner, *Legacy of Ashes* (New York, 2007), p. 309.

224

CIA, *Report of CIA Chilean Task Force Activities, 15 September to 3 November 1970,* Chile and the United States, Declassifi ed Documents relating to the Military Coup, 1970–1976, November 18, 1970, www. gwu.edu.

225

Weiner, *Legacy of Ashes,* p. 315.

226

Cathy Lisa Schneider, *Shantytown Protest in Pinochet's Chile* (Philadelphia, 1995), p. 101.

227

Pamela Constable and Arturo Valenzuela, *A Nation of Enemies: Chile Under Pinochet* (New York, 1991), p. 241. Hugh O'Shaughnessy, "The Cardinal Who Stood Up to Pinochet", *The Tablet,* February 27, 1999.

228

Penny Lernoux, *People of God* (New York, 1989), p. 149.

229

John L. Allen Jr., *Cardinal Ratzinger: The Vatican Enforcer of the Faith* (New York, 2000). См. главу. 4.

230

David Gibson, *The Rule of Benedict: Pope Benedict XVI and His Battle with the Modern World* (San Francisco, 2006), p. 195.

231

Paul Collins, *The Modern Inquisition: Seven Prominent Catholics and Their Struggles with the Vatican* (New York, 2002), p. 27.

232

John L. Allen Jr., “These Paths Lead to Rome”, *National Catholic Reporter,* June 2, 2000.

233

www. remember– chile.org.uk/declarations/romero.htm. Этот веб-сайт был создан в 1998 году, когда Пиночет находился в Англии под домашним арестом, после того как испанский судья обвинил его в преступлениях против прав человека. Кардинал Содано вызвал недовольство публики, когда он обратился к правительству Великобритании с просьбой освободить Пиночета. Однако здесь Содано действовал по поручению демократически избранного правительства Чили, которое хотело в своих судах вести процессы против Пиночета, остававшегося пожизненным сенатором и обладавшего судебным иммунитетом во время перехода Чили к демократии.

234

George Weigel, *Witness to Hope: The Biography of Pope John Paul II* (New York, 1999), p. 531.

235

Jonathan Kwitny, *Man of the Century: The Life and Times of Pope John Paul II* (New York: 1997), p. 563.

236

Carl Bernstein and Marco Politi, *His Holiness: John Paul II and the Hidden History of Our Time* (New York, 1996), p. 465.

237

Kwitny, *Man of the Century,* p. 564.

238

Clermont, *The Neo-Catholics,* p. 77.

239

Achille Silvestrini, “Introduction”, p. xx, in Agostino Casaroli, *The Martyrdom of Patience: The Holy See and the Communist Countries (1963–89),* trans. Fr. Marco Bagnarol IMC (Toronto, 2007); Jason Berry, “Change Challenges the Church”, *Chicago Tribune Perspective,* April 10, 2005.

240

Agostino Bono, “Cardinal-designate Sodano Has 3 Decades of Diplomatic Experience”, Catholic News Service, January 1991.

241

Джованни Авена (Giovanni Avena), беседа с автором, Рим, 15 июля 2009.

242

Father Kenneth J. Doyle, “Vatican to Pay $250 Million in Ambrosiano Case, Says Cardinal Krol”, Catholic News Service, March 5, 1984; Sandro Magister, “The Pope’s Banker Speaks: ‘Here’s How I Saved the IOR,’ ” *L’Espresso,* June 18, 2004, www.chiesa.espressonline.it.

243

Kwitny, *Man of the Century,* p. 654.

244

Weigel, *Witness to Hope,* p. 749.

245

Magister, “The Pope’s Banker Speaks.” Слова Содано приводятся по Alan Cowell, “Challenge to the Faithful”, *New York Times Magazine,* December 27, 1992.

246

Экземпляр документа на латыни и его перевод предоставлены Питером Борре.

247

Michael Paulson, “Church Off ers Guidance on Closings”, *Boston Globe,* May 28, 2004.

248

Stephen Kurkjian, “Parishes’ Proceeds to Benefi t Diocese”, *Boston Globe,* February 2, 2004.

249

Rev. Stephen S. Josoma and Rev. John A. Dooher, pastors, Letter on Reconfi guration Process from Saint Mary Parish and Saint Susanna Parish to Monsignor Cornelius V. McRae, VF, March 8, 2004.

250

Rev. Bill Williams, pastor, Letters to St. Mary's Parish Members, April 17, 2007, and November 18, 2007.

251

Marco R. della Cava, “Santa Fe Archdiocese Learned Lessons That Could Help Others”, *USA Today,* March 26, 2002; Demetria Martinez, “Diocese Sells Retreat in Sex Abuse Bailout”, *National Catholic Reporter,* September 30, 1994.

252

Deposition of Archbishop Michael J. Sheehan, 134th Judicial District Court, Dallas County, Texas, case no. 93-05258– G, *John Doe I et al. v. Reverend Rudolph Kos et al.,* April 14, 1994, p. 63.

253

Brooks Egerton из *Dallas Morning News* следил за историей Коса, а затем за международным кризисом вокруг сексуальных преступлений священников в 2002 году. См. также Jason Berry and Gerald Renner, *Vows of Silence: The Abuse of Power in the Papacy of John Paul II* (New York, 2004), pp. 235–41.

254

Joe Feuerherd, “Diocesan Bankruptcies Raise Church Ownership Issues”, *National Catholic Reporter,* September 9, 2005.

255

Samuel J. Gerdano, “Diocesan Bankruptcies: A Feast for Lawyers”, *The Edge,* December 12, 2004, www.catholicexchange.com.

256

Affi davit of Nicholas P. Cafardi, U.S. Bankruptcy Court, Eastern District of Washington, case no. 04-08822, *The Catholic Bishop of Spokane Debtor, Committee of Tort Litigants v. The Catholic Bishop of Spokane, et al.*, May 27, 2005, p. 16.

257

“Bankruptcy: The Gamble That Backfired”, *National Catholic Reporter,* September 9, 2005.

258

Christine Tolfree, “VOTF Mass in Response to Church Closings”, *The Pilot* (Boston archdiocesan newspaper), August 23, 2004.

259

State Representative James M. Murphy, “An Argument Against Closing a Church in Weymouth”, letters, *Boston Globe,* May 13, 2004.

260

Denise Leavoie, “Parishioners Refuse to Leave Church Scheduled to Close”, Associated Press, August 31, 2004.

261

Bella English, “Weymouth Parishioners Stage Sit– in to Protest Closing”, *Boston Globe,* August 31, 2004.

262

Mary Williams Walsh, "Parishioners in Boston Plan Suit over Priests' Pensions", *New York Times,* May 21, 2005.

263

Michael Paulson, “O’Malley Seeks Review of Closings”, *Boston Globe,* October 8, 2004.

264

Kate Zezima, “Parish Closings Inspire Prayer Vigils and Sit– ins”, *New York Times,* November 6, 2004.

265

Statement of Archbishop Seán O'Malley regarding Reconfi guration, BostonCatholic.org, November 13, 2004.

266

Jonathan Finer, “Boston Torn by Parish Closings”, *Washington Post,* November 17, 2004.

267

“Top Cardinal Says Media Overplay Sex Scandal”, *New York Times,* October 11, 2003.

268

John L. Allen Jr., *All the Pope's Men: The Inside Story of How the Vatican Really Works* (New York, 2004), p. 327.

269

Alex Kingsbury, “A Rift over Iraq Between President and Pope”, *U.S. News & World Report,* April 16, 2008.

270

John L. Allen Jr., “Vatican Asks Condoleezza Rice to Help Stop a Sex Abuse Lawsuit”, *National Catholic Reporter,* March 3, 2005.

271

Источник сведений о его участии в работе Кассационного суда, о чем говорилось в биографии Паскуале Фолиере, на сайте компании, – U.S. Attorney’s Offi ce, Manhattan. О проблемах Па-скуале с законом см. John R. Emshwiller, “Joint Venture to Purchase Catholic Properties Sours”, *Wall Street Journal,* June 15, 2007.

272

Government Sentencing Memorandum, Deposition of FBI Agent Theodore Cacioppi, Southern District of New York, case no. 08 CR00850-001 (JKG), *United States v. Raff aello Follieri,* June 23, 2008. “Фоллиери пожертвовал сотни тысяч долларов из денег основного инвестора Ватикану, не объявляя об этих пожертвованиях… и скрыл факт использования денег на пожертвования, сказав основному инвестору, что эти деньги потрачены на «инженерные отчеты», стр. 8. Выплата денег монсеньору Джованни Карру упоминается в одном письме Кастрилльона к Фоллиери.

273

Michael Shnayerson, “The Follieri Charade”, *Vanity Fair,* October 2008.

274

Joe Feuerherd, “Catholic Real Estate Bonanza”, *National Catholic Reporter,* March 3, 2006.

275

Джо Фойерхерд, интервью по телефону с автором от 7 декабря 2009.

276

Feuerherd, "Catholic Real Estate Bonanza."

277

Ibid.

278

Мелани Бонвичино (Melanie Bonvicino), интервью с автором, январь 2010.

279

Shnayerson, “The Follieri Charade.” Подробности о машине с водителем из интервью с Мелани Бонвичино.

280

Письмо – итальянский оригинал и его английский перевод – стало вещественным доказательством федерального обвинителя и хранится в архивах суда: дело *United States v. Raff aello Follieri*

281

Shnayerson, “The Follieri Charade”, где цитируется интервью Хэтэуэй для *Harper’s Bazaar*.

282

John R. Emshwiller and Gabriel Kahn, “Presidential Connection: How Bill Clinton’s Aide Facilitated a Messy Deal”, *Wall Street Journal,* September 26, 2007.

283

Feuerherd, “Catholic Real Estate Bonanza.”

284

Various authors, "Blinded by Love", *People,* July 14, 2008.

285

Эти счета приведены как вещественные доказательства в правительственном меморандуме, приложенном к приговору по делу *United States v. Raff aello Follieri.*

286

Информационная записка к четырнадцати пунктам обвинения для признания преступником своей вины, приложенная к письму от 8 сентября 2008 года от помощника федерального прокурора Reed M. Brodskyи Raymond J. Lohier к Flora Edwards, эсквайр, адвокату обвиняемого, дело *United States v. Raff aello Follieri*.

287

Письмо Содано приведено как вещественное доказательство в правительственном меморандуме, приложенном к приговору.

288

Правительственный меморандум, приложенный к приговору, *United States v. Raff aello Follieri,* p. 19.

289

Правительственный меморандум, приложенный к приговору, показания агента ФБР Theodore Cacioppi, *United States v. Raff aello Follieri.* См. также Emshwiller and Kahn, “Presidential Connection.”

290

“ ‘Great Discoveries’ Awaiting in the Catacombs”, Zenit News Service, July 20, 2009. Официальный титул Карру звучит так: «секретарь Папской комиссии по Священной археологии». Архиепископ, слова которого приводятся – это Джанфранко Равази, президент Папского совета по культуре.

291

Carolyn Y. Johnson, “A Vigil of Faith, Hope Endures”, *Boston Globe,* October 23, 2005.

292

Jillian Fennimore, “New Hope for Parishioners; Ruling Expected”, *Scituate Mariner,* September 22, 2005.

293

Feuerherd, “Catholic Real Estate Bonanza.”

294

Mary Williams Walsh, “Boston’s Catholic Archdiocese May Cut Priests’ Pensions”, *New York Times,* May 12, 2005.

295

Michael Levenson, “Parishioners Seek Probe of Priests’ Pension Fund”, *Boston Globe,* May 22, 2005.

296

Antonio M. Enrique, “Chancellor Clarifi es Use of Clergy Collections”, *The Pilot* (Boston archdiocesan newspaper), June 10, 2005. В данной статье говорится не о «Трастовом фонде», но просто «Фонде».

297

Показания Дэвида Смита, Superior Court, C.A. no. 99-0371, *Leary v. Geoghan et al., Commonwealth of Massachusetts,* vol. 2, June 26, 2002.

298

Maureen Orth, “Unholy Communion”, *Vanity Fair,* August 2002.

299

Boston Archdiocesan Documents Showing the Involvement of Bishop Richard G. Lennon, www.bishopaccountability.org.

300

Robin Washington and Tom Mashberg, “Lennon Tied to Priest Probe; Foster Case Memo Shows Bishop Was at Meeting”, *Boston Herald,* December 26, 2002.

301

Michael Rezendes and Stephen Kurkjian, with Sacha Pfeiff er, “Lennon Gave Advice on Reassigned Priest”, *Boston Globe,* February 5, 2003.

302

Boston Archdiocesan Documents Showing the Involvement of Bishop Richard G. Lennon, www.bishopaccountability.org.

303

Richard G. Lennon, Letter to Clergy Fund Members, December 8, 2003.

304

Подробнее об отце Тиге см. Bill Zajac, “He Remembers, He Tries to Forgive”, *Springfi eld Sunday Republican* (Springfi eld, MA), September 14, 2003.

305

Sam Hemenway, “Diocese Settles Priest Abuse Case for $965,000”, *Burlington Free Press,* April 20, 2006.

306

Kevin Cullen, “Priest Cites Cost for Speaking Out”, *Boston Globe,* March 23, 2002; editorial, “Church History Missing in Burlington Verdict”, *The Observer* (Springfi eld, MA), May 27, 2008.

307

Stephanie Barr, “Accused Clergy Had Infl uential Posts”, *Springfi eld Republican* (Springfi eld, MA), March 1, 2004. См. также материалы “Diocese of Springfi eld, MA” на сайте www.bishopaccountability.org.

308

Michael Paulson, “Resistance Widens to Parish Closings”, *Boston Globe,* May 8, 2005.

309

Michael Paulson, “Vatican Stops Diocese in Taking Parish Assets”, *Boston Globe,* August 11, 2005.

310

The Parish Reconfiguration Fund Oversight Committee’s Final Report, David Castaldi, chair, Roman Catholic Archdiocese of Boston, November 2007.

311

Michael Paulson, "Church Tackles $46M Gap", *Boston Globe,* April 20, 2006.

312

Laura Crimaldi, “Photographer Snaps $1.8M off Eastie Church Deal”, *Boston Herald,* January 5, 2007; Laura Crimaldi, “Church Panel to Review Dubious Sale”, *Boston Herald,* January 10, 2007.

313

Crimaldi, “Photographer Snaps $1.8M off Eastie Church Deal.”

314

The Honorable Kevin M. Herlihy (Ret.), *Sale of Saint Mary Star of the Sea Parish, East Boston: Findings, Conclusions and Recommendations,* Roman Catholic Archdiocese of Boston, October 2007.

315

Маркес цитируется по John Allen, *Conclave* (New York, 2004), p. 190. Leonardo Boff, *Church Charism and Power: Liberation Theology and the Institutional Church* (New York, 1986), p. 9.

316

Boff, *Church Charism and Power,* p. 38.

317

Joseph Cardinal Ratzinger, Prefect, Congregation for the Doctrine of the Faith, *Instruction on Certain Aspects of the "Theology of Liberation",* www.vatican.va, August 6, 1984.

318

Harvey Cox, *The Silencing of Leonardo Boff: The Vatican and the Future of World Christianity* (Oak Park, IL, 1988), p. 11.

319

John L. Allen Jr., *Cardinal Ratzinger: The Vatican Enforcer of the Faith* (New York, 2000), p. 160.

320

Легион Христа включил кадры рукоположения Масьеля в свои рекламные видеофильмы, которые теперь уже для этих целей не используются. Они вошли в документальный фильм «Обеты молчания» (2008), снятый автором данной книги. Фильм создан на основе книги, написанной автором (Jason Berry) вместе с Gerald Renner. См. www.vowsofsilencefi lm.com.

321

Alfonso Torres Robles, *La prodigiosa aventura de los Legionarios de Cristo* (Madrid, 2001), p. 18.

322

Слова данного анонимного священника и трех других, приведенные в данной главе, впервые цитировались в моих статьях “Vatican Investigates Legion of Christ”, Global Post.com, July 21, 2009, and “How Fr. Maciel Built His Empire”, *National Catholic Reporter,* April 6, 2010.

323

Angeles Conde and David J. P. Murray, *The Legion of Christ: A History* (North Haven, CT, 2004), p. 121.

324

Peter Hebblethwaite, *Paul VI: The First Modern Pope* (New York/ Mahwah, NJ, 1993), p. 147.

325

Трезвый анализ «евангелия процветания» некоторых американских пятидесятников – см. Hanna Rosin, “Did Christianity Cause the Crash?” *The Atlantic,* December 2009. Специалист по религиозной антропологии Элио Масферрер Кан прямо связывает эти идеи с Католической церковью, рассказывая о визите Иоанна Павла II в Мексику в 1999 году и о гневных отзывах в СМИ в адрес кардинала Мехико Норьерто Риверы Сарреры в связи с продажей папских символов и тому подобного на улицах. См. *Es del César o es de Dios? Un modelo antropológico del camp religioso* (Centro de Investigaciones Interdisciplinarias en Ciencias y Humanidades, UNAM de la UNAM Ciudad Universitaria, 04510, México D.F., 2007), p. 242.

326

Подробнее всего о тот, как Масьель собирал деньги, и о ранних годах ордена написано у Torres Robles, *La prodigiosa aventura de los Legionarios de Cristo*.

327

Испанский текст конституции Легиона Христа на протяжении многих лет распространялся внутри ордена и в его дочернем отделении для мирян Regnum Christi. Очевидно, Масьель внес туда существенные изменения. Считается, что орден создал ее английский перевод в 1990, хотя бывшие члены Легиона сталкивались с другой версией перевода, которую я и цитирую. В 2007 году Легион подал в суд на организацию его бывших членов ReGAIN (www.regainnetwork.org) в Александрии, штат Виргиния, утверждая, что она не вправе публиковать конституцию; см. Daniela Deane, “Outspoken Ex-Priest Sued Over Documents”, *Washington Post,* September 6, 2007. Судебный процесс не состоялся, поскольку ReGAIN удалила документ со своего сайта и закрыла на нем форум. Разные переводы конституции продолжают распространяться. См., например, сайты www.unitypublishing.com/NewReligiousMovements/Leagonaires2.html или www.unitypublishing.com/NewReligiousMovements/Constitution%20 – %20LegionariesofChrist.htm.

328

Пояснение. Датировать этот текст крайне сложно, что типично и для многих других материалов Regnum Christi. На обложке этого труда в 230 страниц нет ни названия издательства, ни ISBN; в предисловии на стр. 7 ничего не говорится об авторе, но там есть надпись «ЛХ Рим, 6 июня 1986, празднование Святого Сердца Иисусова». Масьель постоянно диктовал письма, а также воспоминания о своей жизни и истории Легиона для отдельных членов ордена: см. Jason Berry and Gerald Renner, *Vows of Silence: The Abuse of Power in the Papacy of John Paul II* (New York, 2004), главы 8 и 13, как и приведенные ниже цитаты. Об основании Regnum Christi см. Jack Keogh, *Driving Straight on Crooked Lines: How an Irishman Found His Heart and Nearly Lost His Mind* (IveaghodgePress.com, 2010), p. 236.

329

У этого учебного заведения сложная номенклатура и сложная история. Это нечто вроде университета, выдающего «папские», то есть одобренные папой, дипломы. Там существует основная программа с лиценциатом и докторатом по философии и богословию. Есть там и отделение биоэтики. Как сообщил один учащийся другого папского университета в Риме, лишь некоторые самые высшие степени Регина Апостолорум. Название «Атенеум» говорит о том, что это нечто большее, чем рядовое высшее учебное заведение, но меньшее, чем полноценный университет.

330

Ed Housewright and Brooks Egerton, “Kos Jury Awards $119 Million”, *Dallas Morning News,* July 25, 1997. Относительно подробностей урегулирования см. The 1998 Statement of Windle Turley, Attorney, & The Plaintiff s, на сайте www.bishopaccountability.org. Епископ Чарльз Грэхменн принес публичное извинение от имени диоцезии Далласа жертвам Коса и согласился ввести меры контроля над риском сексуальных преступлений. В 1999 году Ватикан поставил викарного епископа Джозефа Геланта на место Грэхменна, но последний отказался уходить. 16 ноября 2002 в *Dallas Morning News* вышла редакторская статья с призывом удалить Грэхменна: «Его неправильные действия стоили диоцезии миллионов долларов, потраченных на выплату жертвам преступлений и на оплату судебных расходов, и могут обойтись еще дороже. Очевидно, многие католики чувствуют отчуждение от церкви и потому жертвуют меньше денег… Самая последняя ошибка епископа Грэхменна касается его действий в инциденте с участием настоятеля собора, о чем *Dallas Morning News* писала в понедельник. Мужчина 58 лет заявил, что настоятель совершил над ним сексуальное надругательство 11 лет назад. Епископ Грэхменн позволил настоятелю продолжать служение, хотя тот признался, что вступал в «недозволенный контакт» с обвинителем и прошел психологическое консультирование для работы с «границами личности», как о том сообщил официальный представитель диоцезии. Он не снял настоятеля с его поста, несмотря на введенные им меры профилактики подобных инцидентов и предотвращения вызванных ими скандалов. Ранее епископ заявлял, что внимательно за всем наблюдает и что недолжное сексуальное поведение «не следует терпеть ни при каких обстоятельствах»; согласно его определению, недолжное сексуальное поведение включает в себя «любого рода сексуальное взаимодействие между клириком, давшим обет безбрачия, и другим взрослым, по чьей бы инициативе оно ни происходило и даже в случае взаимного согласия». Но это еще не все. Епископ Грэхменн позволил своим представителям публично заявить, что обвинителем двигали нечистые мотивы, что косвенно дает понять другим возможным жертвам, что им не следует жаловаться на подобные вещи. Он не обратился к комиссиям мирян, чтобы те дали оценку его поведению в данном случае. Он также не посоветовался со своим помощником епископом Джозефом Гелантом, который подверг критике его действия.

331

Не один Мак-Дейд отрицательно относился к сексуальному просвещению с помощью фильмов. В 1988 году, когда я брал интервью в Институте св. Луки, эти фильмы вызывали споры; директор института не позволил мне с ними познакомиться. Отец Майкл Петерсон, доктор медицинских наук, основавший этот госпиталь, считал, что они помогают его пациентам. Так думали и сотрудники института. См. Jason Berry, *Lead Us Not into Temptation* (New York, 1992), p. 202.

332

Richard Owen, “Archbishop of Vienna Accuses One of Pope’s Closest Aides of Abuse Cover-up”, *Times* (London), May 10, 2010.

333

О скандале вокруг Гроэра и реакции Ватикана см. Berry and Renner, *Vows of Silence,* pp. 227–232.

334

George Weigel, *Witness to Hope: The Biography of Pope John Paul II* (New York, 1999), p. 282.

335

Conde and Murray, *The Legion of Christ,* p. 269.

336

Torres Robles, *La prodigiosa aventura de los Legionarios de Cristo,* p. 60.

337

Jose de Cordoba, “With Elite Backing, Catholic Order Has Pull in Mexico”, *Wall Street Journal,* January 23, 2006.

338

Brian J. Lowney, “The Mystery in Rhode Island”, *Rhode Island Catholic,* July 30, 2009.

339

Objection of Mary Lou Dauray to Motions to Quash, *In Re: Estate of Gabrielle D. Mee,* no. 20090029, Probate Court, the Town of Smithfi eld, State of Rhode Island, Providence, SC, July 31, 2009.

340

Ed Housewright and Brooks Egerton, “Kos Jury Awards $119 Million”, *Dallas Morning News,* July 25, 1997. Относительно подробностей урегулирования см. The 1998 Statement of Windle Turley, Attorney, & The Plaintiff s, на сайте www.bishopaccountability.org. Епископ Чарльз Грэхменн принес публичное извинение от имени диоцезии Далласа жертвам Коса и согласился ввести меры контроля над риском сексуальных преступлений. В 1999 году Ватикан поставил викарного епископа Джозефа Геланта на место Грэхменна, но последний отказался уходить. 16 ноября 2002 в *Dallas Morning News* вышла редакторская статья с призывом удалить Грэхменна: «Его неправильные действия стоили диоцезии миллионов долларов, потраченных на выплату жертвам преступлений и на оплату судебных расходов, и могут обойтись еще дороже. Очевидно, многие католики чувствуют отчуждение от церкви и потому жертвуют меньше денег… Самая последняя ошибка епископа Грэхменна касается его действий в инциденте с участием настоятеля собора, о чем *Dallas Morning News* писала в понедельник. Мужчина 58 лет заявил, что настоятель совершил над ним сексуальное надругательство 11 лет назад. Епископ Грэхменн позволил настоятелю продолжать служение, хотя тот признался, что вступал в «недозволенный контакт» с обвинителем и прошел психологическое консультирование для работы с «границами личности», как о том сообщил официальный представитель диоцезии. Он не снял настоятеля с его поста, несмотря на введенные им меры профилактики подобных инцидентов и предотвращения вызванных ими скандалов. Ранее епископ заявлял, что внимательно за всем наблюдает и что недолжное сексуальное поведение «не следует терпеть ни при каких обстоятельствах»; согласно его определению, недолжное сексуальное поведение включает в себя «любого рода сексуальное взаимодействие между клириком, давшим обет безбрачия, и другим взрослым, по чьей бы инициативе оно ни происходило и даже в случае взаимного согласия». Но это еще не все. Епископ Грэхменн позволил своим представителям публично заявить, что обвинителем двигали нечистые мотивы, что косвенно дает понять другим возможным жертвам, что им не следует жаловаться на подобные вещи. Он не обратился к комиссиям мирян, чтобы те дали оценку его поведению в данном случае. Он также не посоветовался со своим помощником епископом Джозефом Гелантом, который подверг критике его действия.

341

Ibid.

342

Estate of Gabrielle D. Mee (A/K/A Gabrielle Malvina Mee), no. 20090029, Probate Court, the Town of Smithfi eld, State of Rhode Island, Providence, SC, 2008.

343

John L. Allen Jr., *Opus Dei: An Objective Look Behind the Myths and Reality of the Most Controversial Force in the Catholic Church* (New York, 2007), pp. 6–7.

344

Enrique Krauze, *Mexico: Biography of Power: A History of Modern Mexico, 1810–1996* (New York, 1997), p. 663.

345

Anthony DePalma, “As the Rules Change in Mexico, He’s a Quick Study”, *New York Times,* December 4, 1994.

346

Первый раз мне удалось недолго побеседовать с Робертой Гарсой в Хьюстоне в 2002 году, в течение последующих восьми лет, посещая Мехико, я продолжал брать у нее интервью. В 2010 году она согласилась дать интервью, записывающееся на диктофон. См. также Jason Berry, “How Fr. Maciel Built His Empire, Part 2”, *National Catholic Reporter,* April 12, 2010. 33. Jose de Cordoba, “With Elite Backing, a Catholic Order Has Pull in Mexico.”

347

Jose de Cordoba, “With Elite Backing, a Catholic Order Has Pull in Mexico.”

348

“Fr. Luis Garza, LC, on the Choice for a Friendship”, International Resources Testimonies – Legionaries, часть 17 из раздела о священнической жизни, автор не указан, 21 января 2010, www.regnumchristi.org.

349

Fernando M. González, *La iglesia del silencio: De mártires y pederastas* (Mexico City, 2009), p. 279. См. также Alma Guillermoprieto, “The Mission of Father Maciel”, *New York Review of Books,* June 24, 2010.

350

О городе Котиха и детстве Масьеля см. Conde and Murray, *The Legion of Christ: A History,* pp. 14–15. Историческая достоверность фактов, приведенных в этой книге, сомнительна, но она позволяет понять, как Легион представлял себя публике даже в 2004 году. Хуан Вака, который первый из всех жертв выдвинул обвинение против Масьеля, утверждал, что отец Масьеля считал своего сына «неженкой». Краткие справки о жертвах – см. Berry and Renner, *Vows of Silence*. Более подробная биография Масьеля – см. Fernando M. González, *Marcial Maciel: Los Legionarios de Cristo: testimonios y documentos inéditos* (Mexico City, 2006).

351

Julia Preston and Samuel Dillon, *Opening Mexico: The Making of a Democracy* (New York, 2004), p. 45.

352

Carlos Fuentes, *The Buried Mirror: Refl ections on Spain and the New World* (New York, 1992), p. 286.

353

Preston and Dillon, *Opening Mexico,* p. 47.

354

Pete Hamill, “The Casosola Archive”, in *Mexico: The Revolution and Beyond; Photographs by Agustín Victor Casasola 1900–1940,* ed. Pablo Ortiz Monasterio (New York, 2003), p. 18.

355

Berry and Renner, *Vows of Silence,* p. 148.

356

Michael J. Gonzalez, *The Mexican Revolution: 1910–1940* (Albuquerque, NM, 2002), p. 211.

357

Jean Meyer, *The Cristero Rebellion: The Mexican People Between Church and State, 1926–1929* (Cambridge, UK, 1976), p. 114.

358

Ibid.

359

González, *La iglesia del silencio,* pp. 53–55.

360

Carlos Monsiváis, *Mexican Postcards* (New York, 2000), p. 132.

361

Graham Greene, *Another Mexico* (New York, 1967), p. 105.

362

Berry and Renner, *Vows of Silence,* p. 158.

363

Барба преподает в Технологическом независимом институте Мексики в Мехико.

364

Torres Robles, *La prodigiosa aventura de los Legionarios de Cristo,* p. 20; González, *Marcial Maciel,* p. 126.

365

Vows of Silence (2008), produced by Jason Berry. См. www. vowsofsilencefi lm.com.

366

Gerald Renner and Jason Berry, “Head of Worldwide Catholic Order Accused of History of Abuse”, *Hartford Courant,* February 23, 1997.

367

Torres, Robles, *La prodigiosa aventura de los Legionarios de Cristo,* pp. 27–28.

368

Berry and Renner, *Vows of Silence,* p. 1.

369

Renner and Berry, “Head of Worldwide Catholic Order Accused of History of Abuse.”

370

Jason Berry, “Vatican Investigates Legionaries of Christ”, GlobalPost.com, posted July 19, 2009.

371

Editorial, “Can Synod Survive Vatican Manipulation?” *National Catholic Reporter,* November 7, 1997.

372

О биографии Нейхауза см. see Damon Linker, *Theocons* (New York, 2006).

373

Richard John Neuhaus, *Appointment in Rome: The Church in America Awakening* (New York, 1999), pp. 2, 39.

374

Ibid., p. 110.

375

Berry and Renner, *Vows of Silence,* p. 214.

376

Jonathan Kwitny, *Man of the Century: The Life and Times of Pope John Paul II* (New York, 1997), p. 452.

377

Бывший член Легиона Jack Keogh, побывавший в часовне со своей матерью, описывает эти фрески в *Driving Straight on Crooked Lines,* p. 269.

378

Cardinal Stanisław Dziwisz, in Conversation with Gian Franco Svidercoschi, *A Life with Karol: My Forty-Year Friendship with the Man Who Became Pope* (New York, 2008), p. 85.

379

Jason Berry, “Money Paved the Way for Maciel’s Infl uence in the Vatican”, *National Catholic Reporter,* April 6, 2010.

380

Ibid.

381

Andrea Insunza and Javier Ortega, *Legionarios de Cristo en Chile: Dios, dinero y poder* (Santiago, Chile, 2008), p. 39.

382

Ibid., p. 41.

383

Mario Guarino, *I mercanti del Vaticano* (Milan, 2008), p. 253. В настоящее время Алессандро уже нет в живых.

384

Laurie Goodstein, “Vatican Declined to Defrock U.S. Priest Who Abused Boys”, *New York Times,* March 24, 2010; “The Failed Papacy of Benedict XVI”, *Spiegel Online International,* April 6, 2010; Paddy Agnew, “Vatican Hits Back Again at Criticism over Child Sex Abuse”, *Irish Times,* April 8, 2010.

385

Berry and Renner, *Vows of Silence,* p. 218.

386

Berry, "Money Paved the Way for Maciel's Infl uence in the Vatican."

387

José Martínez de Velasco, *Los documentos secretos de los Legionarios de Cristo* (Barcelona, 2004), pp. 65–66.

388

Ibid., о Руисе см. Krauze, *Mexico: Biography of Power,* pp. 784–85.

389

Отчет с выдержками из многих досье приведен на сайте www. regainnetwork.org.

390

Jason Berry and Gerald Renner, “Sex-Related Case Blocked in Vatican”, *National Catholic Reporter,* December 7, 2001.

391

Richard John Neuhaus, “Feathers of a Scandal”, *First Things,* March 2002.

392

Brian Ross, ABC News, *World News Tonight,* April 26, 2002.

393

Jason Berry, “Cracks in the Wall of the Curia”, Examining the Crisis, *National Catholic Reporter,* May 20, 2004.

394

John L. Allen Jr., “The Word from Rome”, *National Catholic Reporter,* December 3, 2004.

395

Gerald Renner, “Vatican Revisits Abuse Charges”, *Hartford Courant,* January 3, 2005.

396

"Cardinal Ratzinger's Meditations for Way of the Cross", Zenit. org, March 24, 2005; Robert Blair Kaiser, *A Church in Search of Itself: Benedict XVI and the Battle for the Future* (New York, 2006), p. 206.

397

John L. Allen Jr., “New Legionaries Intrigue: Statement on Maciel Not Issued by Agency Responsible for Sex Abuse Cases”, *National Catholic Reporter,* May 25, 2005.

398

Andy Wooden, “Vatican Says Legionaries’ Founder Cannot Exercise Ministry Publicly”, *Catholic News Service,* May 19, 2006.

399

Daniela Deane, “Outspoken Ex-Priest Sued Over Documents”; *The Legion of Christ, Inc. v. Regain, Inc. and John Paul Lennon,* Circuit Court, City of Alexandria, VA, CL 07002920.

400

Idoia Sota, José M. Vidal, “El legionario que murió cuatro veces y no quiso confesarse”, *El Mundo,* January 31, 2010. Хотя в статье смешаны различные представления и написана она витиеватым стилем, Легион никогда не мог привести опровержение сути сказанного.

401

Darío Cardinal Castrillón Hoyos, Letter from Congregation of [*sic*] the Clergy: U.S. Bishops Wrongly Invoke Canon 123, Save Our Parish Community project, www.futurechurch.org, March 2006.

402

Eileen Markey, “Attempt to Destroy a Faith Community”, *National Catholic Reporter,* February 28, 2007.

403

Elizabeth Hamilton and Eric Rich, “Egan Protected Abusive Priests”, *Hartford Courant,* March 17, 2002.

404

David Gibson, “The Cardinal’s Sins”, *New York,* January 28, 2007.

405

Michael Powell, "At 75, a Battle-Tested but Unwavering Cardinal", *New York Times,* April 23, 2007.

406

Grant Gallicho, “Cardinal Egan Paints Himself an Unhappy Ending”, *New York Observer,* June 26, 2007.

407

Монсеньор Brian Ferme, декан факультета канонического права в Латеранском университете, Рим, интервью с автором от 27 ноября 2002. См. также Jason Berry and Gerald Renner, *Vows of Silence: The Abuse of Power in the Papacy of John Paul II* (New York, 2004), p. 102.

408

Jerry Pockar, “Clergy Crisis Forecast”, *Catholic Universe Bulletin* (Diocese of Cleveland), November 8, 1991. См. также более подробный отчет о том же – Sister Maureen Haggarty, CSJ, “Priesthood in Peril”, June 22, 1990.

409

www.futurechurch.org.

410

W. A. Jurgens, *A History of the Diocese of Cleveland,* vol. 1, *The Prehistory of the Diocese to Its Establishment in 1847* (Cleveland, 1980), pp. 203, 565.

411

Ibid., p. 581.

412

Carol Poh Miller and Robert A. Wheeler, *Cleveland: A Concise History, 1796–1996* (Bloomington, IN, 1997), pp. 81–82.

413

Edward M. Miggins and Mary Morgenthaler, “The Ethnic Mosaic”, in *The Birth of Modern Cleveland, 1865–1930,* ed. Thomas F. Campbell and Edward M. Miggins (Cleveland, 1988), p. 127.

414

Miller and Wheeler, *Cleveland: A Concise History,* p. 85.

415

Michael J. McTighe, “Babel and Babylon on the Cuyahoga”, in *The Birth of Modern Cleveland,* p. 248.

416

Merit Brief, Court of Appeals, Third Appellate District, Seneca County, Ohio, case no. 13– 08–19, *Kansas St. James Parish of Ohio, Inc., Jim and Virginia Hull v. The Catholic Diocese of Toledo in America, Bishop Leonard P. Blair,* July 14, 2008. См. также *Mannix, Assignee v. Purcell, et al., 46 Ohio St.* 102 (1988).

417

Mary J. Oates, *The Catholic Philanthropic Tradition in America* (Bloomington, IN, 1995), p. 100.

418

Diocese of Cleveland, Department of Communication, *The Catholic Diocese of Cleveland Factsheet.* В этом документе в одну страницу есть ссылка на данные переписи в США 2002 года. См. также Thomas Kelly, “Who Owns Cleveland”, *Cleveland Free Times,* March 10, 2004.

419

Bishop Anthony M. Pilla, “The Moral Implications of Regional Sprawl: The Cleveland Catholic Diocese’s Church in the City Vision Process”, a speech given at the City Club of Cleveland, June 17, 1996, www.citc.org.

420

Diego Ribadeneira, “Bishop Discusses Woes in Church”, *Boston Globe,* November 12, 1996.

421

Christine Schenk, CSJ, “Faith in the Wasteland”, неопубликованные автобиографические заметки.

422

John and Mary Evelyn Grim, “Teilhard de Chardin: A Short Biography”, American Teilhard Association, www.teilharddechardin. org.

423

Pierre Teilhard de Chardin, *The Divine Milieu* (New York, 1968), p. 148.

424

Gustavo Gutiérrez, *A Theology of Liberation* (Maryknoll, NY, 1973), p. 205.

425

Schenk, “Faith in the Wasteland.”

426

Tim Weiner, *Legacy of Ashes* (New York, 2007), p. 180.

427

Thomas Vail, William J. Woestendiek, and Thomas H. Greer, “The Parish Must Be Told the Truth, Bishop Pilla”, *Cleveland Plain Dealer,* March 15, 1987.

428

Jason Berry, *Lead Us Not into Temptation* (New York, 1992), p. 231.

429

Vail, Woestendiek, and Greer, “The Parish Must Be Told the Truth.”

430

Ibid.

431

James F. McCarty, “The Churchman at Scandal’s Heart”, *Cleveland Plain Dealer,* July 21, 2002.

432

Berry, *Lead Us Not into Temptation,* p. 287.

433

Весь текст отчета Reverend Thomas P. Doyle, F. Ray Mouton, and Dr. Michael Peterson, *The Problem of Sexual Molestation by Roman Catholic Clergy: Meeting the Problem in a Comprehensive and Responsible Manner* (May 15, 1985), приведен в главе 4 книги Thomas P. Doyle, A. W. R. Sipe, and Patrick J. Wall, *Sex, Priests, and Secret Codes: The Catholic Church's 2,000-Year Paper Trail of Sexual Abuse* (Los Angeles, 2006). В оригинальном тексте отчета Mouton приводит такие факты: одной диоцезии (Лафайет, штат Луизиана) пришлось выплатить $5 миллионов компенсаций, и против нее поданы иски, по которым она должна будет заплатить $100 миллионов; хотя он не говорит о том, какую часть этих выплат покроет страхование, в документе обсуждают вопросы страхования. В приложенном руководстве, обращенном преимущественно к епископам, содержится серия вопросов, касающихся сложных аспектов гражданских и уголовных процессов (стр. 112–13).

434

Berry, *Lead Us Not into Temptation,* pp. 236–237.

435

John Tidyman, "God– 1, Newspaper Guild– 0", *Cleveland Edition,* May 26, 1988.

436

Jason Berry, “Immunity: A Haven for Sensitive Files, Too?” *Cleveland Plain Dealer,* June 17, 1990. См. также Berry, *Lead Us Not into Temptation,* p. 290.

437

О Куинне см. James F. McCarty, “The Churchman at Scandal’s Heart”, *Cleveland Plain Dealer,* July 21, 2002. О Бертьеме см. James F. McCarty and David Briggs, “Diocese Confronted Clergy Abuse in 1987”, *Cleveland Plain Dealer,* March 10, 2002; епископ Джозеф Ай-меш (Joseph Imesch), переписка с автором.

438

Elizabeth Auster, “Rape Victims, Loved Ones Don’t Get Released Early”, *Cleveland Plain Dealer,* May 23, 1996. Телеканал CBS снял этот сюжет при участии репортера Ed Bradley. См. David Kohn, *60 Minutes,* “The Church on Trial, Part II”, July 12, 2002.

439

CARA (Center for Applied Research in the Apostolate, Georgetown University), “Understanding the Ministry and Experience: Parish Life Coordinators in the United States”, Special Report, Summer 2005.

440

Joseph Cardinal Ratzinger, “Letter to the Bishops of the Catholic Church on the Pastoral Care of Homosexual Persons”, Congregation for the Doctrine of the Faith, October 1, 1986, www.vatican.va. О влиянии гомосексуальной культуры на религиозную жизнь см. Michael S. Rose, *Goodbye! Good Men: How Catholic Seminaries Turned Away Two Generations of Vocations from the Priesthood* (Cincinnati, 2002). См.

также Mark D. Jordan, *The Silence of Sodom: Homosexuality in Modern Catholicism (*Chicago, 2000).

441

Elisabeth Schüssler Fiorenza, *In Memory of Her: A Feminist Theological Reconstruction of Christian Origins* (New York, 1984), pp. 170–171. Это и следующее примечание основаны на резюме диссертации сестры Кристины Шенк и приведенном ей списке литературы. Цитаты мной выбраны по моему усмотрению.

442

Karen Jo Torjesen, *When Women Were Priests* (San Francisco, 1993), pp. 32–33.

443

John Paul II, *Ordinatio Sacerdotalis,* Apostolic Letter to the Bishops of the Catholic Church on Reserving Priestly Ordination to Men Alone, May 22, 1994, www.vatican.va.

444

Doyle, Sipe, and Wall, *Sex, Priests, and Secret Codes,* p. 11.

445

Данные о церкви Австрии из офиса кардинала Вены Кристо-фа Шенборна были любезно предоставлены мне корреспонденткой *The Tablet* Кристой Понграц-Липпитт.

446

"Responsum ad Dubium", Congregation for the Doctrine of the Faith, October 28, 1995, publicly released November 18, 1995, www. vatican.va.

447

Nicholas Lash, “On Not Inventing Doctrine”, *The Tablet,* December 2, 1995.

448

Joan Chittister, “Can’t Suppress Spirit”, *National Catholic Reporter,* December 8, 1995.

449

David Gibson, *The Rule of Benedict: Pope Benedict XVI and His Battle with the Modern World* (San Francisco, 2006), p. 214.

450

Jerry Filteau, “Bishop Calls Bishop-People Dialogue Key to Church’s Future”, Catholic News Service, October 31, 1995.

451

David Eden, “The Bishop’s Lawyer: A Question of Faith”, *Cleveland Free Times,* December 24, 2003.

452

McCarty and Briggs, “Diocese Confronted Clergy Abuse.”

453

WJW TV, выпуск 10 новостей в 22 часа, интервью с семьей Коджер, 17 мая 2002.

454

Testimony of Stephen Sozio, U.S. District Court, Northern District of Ohio, Eastern Division, case no. 1:06-CR– 00394, *U.S. v. Joseph Smith, et al.,* crossexamination by Philip Kushner, June 10, 2008. На перекрестном допросе свидетель Sozio заявил, что партнер Jones Day, работавший на диоцезию, претендовал на оплату труда в размере $650 в час, но затем стоимость работы была снижена до $250–$280, поскольку церковь представляет собой некоммерческую организацию.

455

James F. McCarty, “Bishop Pilla Walks Tightrope in Priest Sex Abuse Scandal”, *Cleveland Plain Dealer,* May 5, 2002.

456

Kohn, “The Church on Trial, Part II.”

457

James F. McCarty and Joel Rutchick, “Catholic Charities Seeks Pledge from Pilla”, *Cleveland Plain Dealer,* August 2, 2002.

458

Ibid.

459

John Maimone, “Current Financial Concerns of the Diocese of Cleveland: Parish Pastoral Council Chair Persons Gathering”, April 28, 2007. По словам Джозефа Смита, данные за 2006 год, приведенные Maimone, который составлял официальный доклад в качестве главы финансового отдела диоцезии, не отличаются существенно от данных 2002 года, о чем говорят статьи McCarty и Rutchick в *Plain Dealer*.

460

Jason Berry and Gerald Renner, *Vows of Silence: The Abuse of Power in the Papacy of John Paul II* (New York, 2004), p. 286.

461

Рассказ основан на тексте Службы плача, который доступен на сайте www.futurechurch.org. Я уплотнил некоторые отрывки, чтобы сохранить нужный темп повествования, с разрешения составителя. См. также David Briggs, “Lament for Christ’s Broken Body”, *Cleveland Plain Dealer,* October 15, 2002.

462

James F. McCarty, “Seven Indicted in Diocesan Sex Cases”, *Cleveland Plain Dealer,* December 5, 2002.

463

Laurie Goodstein, “Diocese Resists Releasing Names of Accused Priests”, *New York Times,* February 28, 2003.

464

Prosecutor's Merit Brief, Court of Common Pleas, Cuyahoga County, Ohio, Special Docket no. SD 03 075617, Judge Brian J. Corrigan, *In Re: Grand Jury Investigation,* October 2003.

465

James F. McCarty, “Budget Woes Could Force Cutbacks, Pilla Warns”, *Cleveland Plain Dealer,* March 5, 2003.

466

Merit Brief of Petition-Intervenor New World Communications of Ohio, Inc., on Behalf of Its Television Station, WJW– Fox 8, Court of Common Pleas, Cuyahoga County, Ohio, Special Docket no. SD 03 075617, Judge Brian J. Corrigan, *In Re: Grand Jury Investigation,* August 24, 2003.

467

Сведения о Зрино Жукиче взяты из протоколов его перекрестного допроса в качестве свидетеля со стороны обвинителя Филипа Кушнера на процессе *U.S. v. Joseph Smith* и его показаний, приведенных в деле U.S. District Court, Northern District of Ohio, Eastern Division, case no. 1:06CR394-02, *U.S. v. Anton Zgoznik*. Куш-нер передал мне копии этих протоколов.

468

Bill of Particulars, U.S. District Court, Northern District of Ohio, Eastern Division, case no. 1:06– CR–00394– AA, *U.S. v. Joseph H. Smith and Anton Zgoznik,* exhibit C, The Letter.

469

Government's Responses to Defendant Smith's Motion to Order Production of Documents and Additional Scheduling Motions, *U.S. v. Joseph Smith, et al.,* March 2, 2007, exhibit G, Charles D. Hassell letter to Carl M. Grant, May 3, 2004.

470

Ibid., General Allegations.

471

Dennis Mahoney, “Clevelanders Sue Columbus Diocese’s Financial Chief”, *Columbus Dispatch,* June 5, 2005.

472

Opinion and Judgment Entry, Judge Brian J. Corrigan, Court of Common Pleas, Cuyahoga County, Ohio, case no. 03 SD 075617, *In Re Grand Jury Investigation,* February 27, 2004, p. 10. Верховный суд Огайо отказался проводить соответствующее слушание на основании противоречий между федеральными законами и законами штата относительно секретности деятельности большого жюри в ответ на требование юристов телеканала Мак-Менамина и Зирма. См. Original Action for Writ of Mandamus, case no. 04-1646, *State of Ohio, Ex Rel. New World Communication of Ohio, Inc. Relator, v. William D. Mason, Cuyahoga County Prosecutor, Respondent,* September 29, 2004.

473

“Perspectives: John Jay Sex Abuse Report”, episode 726, *Religion & Ethics Weekly,* PBS, February 27, 2004.

474

David Eden, "City Chatter: Bishop Pilla Lied About Number of Accused Priests He Transferred, Former Lawyer Charges", *Cleveland Free Times,* March 3, 2004.

475

“Bishop Reaffi rms Commitment to Protect Children”, www. dioceseofcleveland.org, February 27, 2004.

476

Regina Brett, “Diocese Lawyers Got Court to Seal Data”, *Cleveland Plain Dealer,* March 7, 2004.

477

James F. McCarty, “Catholic Reformers Contest New Edict”, *Cleveland Plain Dealer,* April 26, 2004.

478

Ibid.

479

Tom Roberts, “A Map to the Future Church”, *National Catholic Reporter,* July 16, 2009.

480

Dennis Mahoney, “Clevelanders Sue Columbus Diocese’s Financial Chief”, *Columbus Dispatch,* June 5, 2005.

481

James F. McCarty, “Diocese Ex– CFO to Get Same Job in Columbus”, *Cleveland Plain Dealer,* August 20, 2004.

482

Complaint, Court of Common Pleas, Cuyahoga County, Ohio, case no. 05 565095, *Rosie Andujar, et al. Plaintiff s v. Anthony M. Pilla, et al. Defendants,* June 13, 2005. В иске также упоминается Томас Кел-ли, который служил в диоцезии в отделе кладбищ; официальных обвинений против Келли выдвинуто не было.

483

Memorandum of Opinion and Order, Judge Stuart A. Friedman, *Rosie Andujar, et al. v. Anthony M. Pilla, et al.,* September 12, 2005.

484

“Cleveland Bishop Asks Permission of Pope to Retire”, Catholic News Agency, January 6, 2006.

485

Я бы не стал спрашивать о катакомбах св. Прискиллы у сестры Шенк, если бы о них не упоминалось в книге I Garry Wills, *What Jesus Meant* (New York, 2006), p. 51. О том паломничестве см. Sylvia Poggioli, “Pilgrims Trace Women’s Role in Early Church”, *NPR,* transcript, April 16, 2006.

486

U.S. District Court, Northern District of Ohio, Eastern Division, case no. 1:06-CR-00394-AA, *U.S. v. Joseph H. Smith and Anton Zgoznik,* August 16, 2006.

487

Mike Tobin, “Lawyer Says Priest Duped by Associates”, *Cleveland Plain Dealer,* August 24, 2006.

488

Ibid.

489

Conference for Pastoral Planning and Council Development, *2003 National Study of Parish Reorganization,* www.cppcd.org.

490

David Briggs, “Local Catholic Finances ‘Stretched’ ”, *Cleveland Plain Dealer,* February 6, 2007.

491

Расшифровка диалога любезно предоставлена мне Zingerplatz Pictures Inc., Joe Cultrera, producer, *Hand of God,* 2007.

492

Bishop Richard Lennon, “The Church Going Forward”, City Club of Cleveland, February 16, 2007. Стенограмма любезно предоставлена мне Городским клубом Кливленда.

493

Defendant Joseph H. Smith’s Motion to Order Production of Documents, case no. 1:06-CR-00394-A, *U.S. v. Joseph H. Smith and Anton Zgoznik,* February 16, 2007. Это заявление адвоката и другие материалы дела доступны на сайте www.bishopaccountability. org. Далее мы будем приводить ссылки только на дело 1:06-CR-00394-A.

494

Redacted FBI interview with Zrino E. Jukic, November 17, 2005, case no. 1:06-CR-00394-AA, document 51-6, exhibit E, filed March 15, 2007.

495

Defendant Anton Zgoznik’s Response to Motion of United States to Quash Subpoena to Huntington Bank, case no. 1:06-CR-00394-AA, November 15, 2006.

496

Bill Frogameni, "The Scum Always Rises: An Embezzlement Scandal Closes In on Top Diocesan Offi cials", *Cleveland Scene,* April 4, 2007.

497

Defendant Smith's Motion Regarding Destruction of Evidence by the Diocese and Request for the Evidentiary Hearing, case no. 1:06-CR-00394-AA, August 1, 2007.

498

Smith’s Motion to Order, case no. 1:06-CR-00394-AA, February 16, 2007.

499

Mike Tobin, “Fund Furnished Diocesan Home, Ex-Workers Say”, *Cleveland Plain Dealer,* February 25, 2007.

500

James F. McCarty, "Catholic Diocese's Income Declines, Pilla Cutting Costs, but Church Says It Is Not in Fiscal Crisis", *Cleveland Plain Dealer,* April 5, 2004.

501

Judge Ann Aldrich, Memorandum and Order, case no. 1:06-CR-00394-AA, June 14, 2007. См. также Mike Tobin, “Judge Orders Catholic Diocese to Turn Over Financial Records”, *Cleveland Plain Dealer,* June 15, 2007.

502

Christopher Maag, “Cleveland Diocese Accused of Impropriety as Embezzlement Trial Nears”, *New York Times,* August 20, 2007.

503

Trial transcript, testimony of Anton Zgoznik, U.S. District Court, Northern District of Ohio, Eastern Division, case no. 1:06CR394-02, *U.S. v. Anton Zgoznik,* September 24, 2007.

504

Trial transcript, testimony of Zrino Jukic, *U.S. v. Anton Zgoznik,* case no. 1:06CR394-02, August 23, 2007.

505

U.S. v. Anton Zgoznik, case no. 1:06CR394-02, government exhibit 72-1. Офис федерального прокурора любезно предоставил мне CD-R с записью разговора, а также его расшифровку, переданную жюри, тогда как запись прослушивали на заседании суда. Сама по себе запись разговора рассматривалась только как вспомогательный материал для присяжных. См. также James F. McCarty, “Tape Evidence Splits Trials of 2 Charged with Catholic Diocese Kickbacks”, *Cleveland Plain Dealer,* August 9, 2007.

506

Trial transcript, John Wright testimony, *U.S. v. Anton Zgoznik,* case no. 1:06CR394-02, August 27, 2007. Все цитаты из речей на судебных заседаниях ниже взяты из их расшифровки, если это не оговорено особо.

507

James F. McCarty, “Juror in Diocesan Kickback Trial Wanted to Hear More from Pilla”, *Cleveland Plain Dealer,* October 5, 2007.

508

James F. McCarty, “At Church Kickback Trial, ‘Roman Collar Amnesia’ ”, *Cleveland Plain Dealer,* September 4, 2007.

509

James F. McCarty, “Jury Now Has Diocese Kickback Case”, *Cleveland Plain Dealer,* September 28, 2007.

510

Michael O'Malley, "A Fight for Churches", *Cleveland Plain Dealer,* March 2, 2009.

511

Diocesan Finances, 2008–2009, *Key Diocesan Realities – a Context for Parish Consolidation,* www.dioceseofcleveland.org.

512

Ibid.

513

Ibid.

514

Michael O'Malley and Robert L. Smith, "Parishes Get Bishop's Decision: 29 Will Close and 41 Will Merge", *Cleveland Plain Dealer,* March 15, 2009.

515

Ibid.

516

Diocesan Finances, 2008–2009, *Key Diocesan Realities,* www. dioceseofcleveland.org.

517

O’Malley, “A Fight for Churches.”

518

Майкл Поленсек в интервью по телефону с автором, 22 октября 2010.

519

Reverend Robert Begin, letter to Archbishop Pietro Sambi, April 6, 2009.

520

Michael O'Malley, "St. Colman to Stay Open After Bishop Reconsiders", *Cleveland Plain Dealer,* May 2, 2009. См. также Michael O'Malley, "The Rev. Bob Begin, Known as the Rebel Priest, Wins His Latest Battle – to Keep St. Colman Church Open", *Cleveland Plain Dealer,* June 15, 2009.

521

Tom Roberts, “Cleveland Diocese Shaken by Seismic Shifts”, *National Catholic Reporter,* May 9, 2009.

522

Tom Roberts, “Scranton’s Bishop Martino Stepping Down”, *National Catholic Reporter,* August 28, 2009.

523

Tim Townsend, “The St. Stanislaus Saga: Is Resolution Imminent?” *St. Louis Post-Dispatch,* May 1, 2010; Tim Townsend, “After Years of Discord, Status of St. Stanislaus’s Is Coming to an End”, *St. Louis Post-Dispatch,* July 31, 2010.

524

Malcolm Gay, “Renegade Priest Leads a Split St. Louis Parish”, *New York Times,* August 13, 2010; Joseph Kenny, “St. Louis Parish Rejects Archdiocese’s Proposal”, Catholic News Service, August 24, 2010, in *National Catholic Reporter.*

525

Joan M. Nuth, Ph. D., “The Story of a Church”, неопубликованная рукопись. Нат, изучавшая систематическое богословие в Университете Джона Кэррола в Кливленде, 18 апреля 2009 года послала данную рукопись в Вашингтон папскому нунцию архиепископу Пьетро Самби. Статья была опубликована в сетевом новостном бюллетене, а затем, после закрытия прихода, циркулировала в Интернете.

526

Court of Appeals, Third District, Seneca County, *Kansas St. James Parish of Ohio, et al. Plaintiff s-Appellants v. The Catholic Diocese of Toledo in America, et al., Defendants Appellees,* case no. 13-08-19.

527

Rachel Dissell, “Final Mass at Downtown St. Peter Catholic Church Leaves ‘An Empty Tomb’ ”, *Cleveland Plain Dealer,* April 4, 2010.

528

“The Plot Thickens: Two Normas, Maciel, Consecrated and Quirece and des Andres”, March 25, 2010, www.exlcblog.com; Carmen H. Moreno, “Las familias de Maciel”, *Quien,* March 19, 2010.

529

Джордж Вейджел (George Weigel), автор изданной в 1998 биографии Иоанна Павла, был среди советников папы в Ватикане в момент разгара кризиса 2002 года. В своей книге *The End and the Beginning: Pope John Paul II – The Victory of Freedom, the Last Years, the Legacy* (New York, 2010) Вейджел представил папу жертвой обмана Масьеля. По его словам, в 2002 году Иоанн Павел получал неверную информацию от служащих Ватикана. В ответ на разоблачительные статьи в международных СМИ Иоанн Павел выступил с осуждением преступлений священников, но в то же время дал понять, что они способны исправиться (см. главу 3). Непоследовательность папы отражала его двойственное отношение к данному предмету. Иоанн Павел принадлежал к числу великих пап и знаменитых деятелей двадцатого века, но допускал существенные ошибки в управлении церковью. Пытаясь снять с Иоанна Павла ответственность за кризис с педофилией, Вейджел обходит стороной некоторые исторические факты – и даже их искажает. В 1984 году отец Том Дойль написал краткую справку на сорока двух страницах о кризисе, который тогда разворачивался, для своего начальника архиепископа Пио Лаги, папского нунция, переславшего документ в Рим. В нашей книге *Vows of Silence* (New York, 2004) мы с Джеральдом Реннером проследили за эскалацией скандалов в 1990-х, в частности связанных с именем австрийского кардинала Гроэра, уход которого на покой в 1995 году на фоне обвинений стал, как мы теперь знаем, источником напряжения в отношениях между Ратцингером и Содано, споривших о политике умолчания Ватикана в ответ на обвинения Гроэра в сексуальных правонарушениях. Вейджел (в отличие от Jonathan Kwitny, написавшего биографическую книгу *Man of the Century*) обошел вниманием хорошо отраженные в документах пассивность и бездействие Иоанна Павла, которые папа проявлял еще за несколько лет до того, как его поразила болезнь Паркинсона. В случае Масьеля Вейджел проигнорировал интервью его жертв, взятые нами и другими журналистами, и представил дело так, как если бы публичные обвинения не имели веса до расследования Конгрегации духовенства, когда монсеньор Шиклуна начал снимать показания как раз в момент смерти Иоанна Павла. Обойдя вниманием публичные обвинения против Масьеля во время жизни Иоанна Павла, Вейджел получил возможность умолчать о махинациях Содано, и ему не пришлось объяснять, почему Ратцингер ждал восемь лет, прежде чем отдал распоряжение о расследовании. Вейджел представил Иоанна Павла безупречным папой, сославшись лишь на «некомпетентность и слабость подчиненных папы, которые, когда того потребовали обстоятельства, должны были бы смело действовать

в духе его принципов» (стр. 541). Именно «принципы» стали проблемой в случае кризиса с педофилией. Вейджел не называет по именам этих «подчиненных», и это неудивительно. Агиография не служанка истории; тем не менее, если речь идет о канонизации, требуется исследовать факты и промахи кандидата в святые.

Вейджел изображает Масьеля умелым обманщиком, которому удалось ввести в заблуждение папу. На 552-й странице книги *The End and the Beginning* в примечании 139 Вейджел говорит, что 19 февраля 1998 года он побеседовал с Масьелем. Это любопытный факт. Масьель избегал журналистов на протяжении большей части своей жизни; после разоблачительного репортажа 1997 года в *Hartford Courant* он сделал хорошо подготовленное заявление Хезусу Колине, члену Регнум Христи и издателю информационного агентства Легиона *Zenit*, в книге *Christ Is My Life* (2003), давшей ему возможность оправдаться. Это означает, что Вейджелу удалось договориться об интервью с Масьелем спустя год после публикации *Hartford Courant* от 23 февраля 1997, где были приведены слова жертв Масьеля. Что спрашивал у него Вейджел? Что говорил Масьель? На протяжении нескольких последующих лет Легион вывешивал одобрительные слова Вейджела на своем сайте LegionaryFacts.org, в которых он защищал Масьеля от нападок его «врагов», то есть жертв. В 2009 году, когда СМИ заговорили о дочери Масьеля, Вейджел через веб-сайт *First Things* призвал Ватикан провести расследование относительно деятельности Легиона. Лучше поздно, чем никогда: Вейджел, всегда подававший информацию в нужном свете, отказался от своей прежней позиции, когда он был сторонником Легиона, и от своих слов в его защиту.

530

В июне 2010 в издательской статье в *New Oxford Review,* “The Double Life of Marcial Maciel”, приводятся слова Подлса о том, что Гроэр «пытался вступить в сексуальные отношения с каждым учеником, с которым вступал в контакт, и это продолжалось десятилетиями». Я задал Подлсу вопрос о его источниках по электронной почте, и 20 ноября 2010 он мне ответил: «Немецкий сайт гомосексуалистов утверждает, что Гроэр растлил практически всех учеников (более 1000), с которыми он вступал в контакт. Я спросил кардинала Шонборна, что тот думает об этом заявлении, и тот ответил, что Гроэр славился откровенными гомосексуальными домогательствами по отношению к большинству своих учеников, но эти домогательства не доходили до полового акта с проникновением».

531

John Paul II, *Ordinatio Sacerdotalis,* Apostolic Letter, to the Bishops of the Catholic Church on Reserving Priestly Ordination to Men Alone, May 22, 1994, www.vatican.va.

532

См., в частности, Paul Lakeland, *The Liberation of the Laity: In Search of an Accountable Church* (New York, 2003).

533

Garry Wills, *Papal Sin* (New York, 2000), p. 190.

534

Eugene Kennedy, *The Unhealed Wound: The Church and Human Sexuality* (New York, 2001), p. 66.

535

Marco Politi, "The Church's New Age of Dissent", *The Tablet,* March 21, 2009.
536 Ibid.

536

Ibid.

537

“MG Critical Path”, отчет, автор и дата выпуска не указаны.

538

Avery Dulles, “What Distinguishes the Jesuits?” *America,* January 15, 2007.

539

“ ‘Psalter of My Hours’, the Work Plagiarized by Maciel”, Catholic News Agency, December 18, 2009.

540

U.S. Federal Court, Minnesota District, case no. 0:04-CV-02895-RHK-AJB, *Sellors v. Legionaries of Christ et al.,* fi led June 4, 2004, http://www.mnd.uscourts.gov/. См. также Giselle Sainte Marie, “Gospel Charity Cuts Both Ways: Lifting the Veil on How the Legion Builds Their Kingdom: The Familia Saga”, www.regainnetwork.org.

541

Albert Camus, “The Almond Trees”, *Lyrical and Critical Essays* (New York, 1968), p. 135.

542

Jason Berry, "Legionary Founder Said to Father a Child", *National Catholic Reporter,* February 3, 2010.

543

U.S. District Court of Oregon, case no. CV 02 430 MO, *John Doe v. Holy See.*

544

Jill Hodges, “Attacking Abuse: Lawyer Finds His Niche Suing Authority Figures in Abuse Cases”, *Minneapolis Star Tribune,* May 20, 1991.

545

Peter Slavin, “Jeff Anderson, Jousting with the Vatican from a Small Law Offi ce in St. Paul”, *Washington Post,* April 19, 2010.

546

U.S. District Court, Eastern District of Wisconsin, Milwaukee Division, case no. 10-CV-00346-RTR, *John Doe 16 v. Holy See,* April 22, 2010.

547

Laurie Goodstein, “Vatican Declined to Defrock U.S. Priest Who Abused Boys”, *New York Times,* March 24, 2010.

548

Kim Ode, “On a Crusade”, *Minneapolis Star Tribune,* April 26, 2010.

549

David Schimke, “True Believer”, *St. Paul City Pages,* April 16, 2003.

550

Tim Townsend, “Abuse Scandal Puts Victims’ Group Back in the Spotlight”, *St. Louis Post Dispatch,* April 20, 2010.

551

Jason Berry, *Lead Us Not into Temptation* (New York, 1992), pp. 281–286, 371–373.

552

Daniel J. Wakin, “Catholic Priest Who Aids Church Sexual Abuse Victims Loses His Job”, *New York Times,* April 29, 2004.

553

Mike Davis, *City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles* (New York, 2006), p. 360.

554

Ibid., pp. 359–65. О фирме Western Sequoia см. Ron Russell, “Taj Mahony”, *New Times* (L.A.), December 20, 2001.

555

Msgr. Francis J. Weber, *Cathedral: Our Lady of the Angels* (Mission Hills, CA, 2004), p. 69.

556

Steve Lopez, "The Amazing 'Tefl on Cardinal' ", *Los Angeles Times,* April 7, 2002.

557

Показания цитируются по “The Amazing ‘Tefl on Cardinal’”, если это не оговорено особо.

558

Показания цитируются по Jason Berry, “Church in Crisis: Mahony, in Legal Battle, Insists Church Has Right to Secrecy”, *National Catholic Reporter,* March 18, 2005.

559

Margaret Leslie Davis, *Dark Side of Fortune: Triumph and Scandal in the Life of Oil Tycoon Edward L. Doheny* (Berkeley, CA, 1998), p. 277.

560

Msgr. Francis J. Weber, *A History of the Archdiocese of Los Angeles and Its Precursor Jurisdictions in Southern California, 1840–2007* (Los Angeles, 2007), pp. 9–11.

561

George J. Sбnchez, *Becoming Mexican American: Ethnicity, Culture, and Identity in Chicano, Los Angeles, 1900–1945* (New York, 1993), p. 71.

562

Davis, *City of Quartz,* pp. 330–31.

563

Charles R. Morris, *American Catholic: The Saints and Sinners Who Built America's Most Powerful Church* (New York, 1997), p. 258.

564

Msgr. Francis J. Weber, *His Eminence of Los Angeles: James Francis Cardinal McIntyre,* vol. 1 (Mission Hills, CA, 1977), p. 237.

565

Msgr. Francis J. Weber, “Historical Refl ections”, in *Days of Change, Years of Challenge: The Homilies, Addresses, and Talks of Cardinal Timothy Manning,* ed. Francis Weber (Los Angeles, 1987), p. 107.

566

Kevin Starr, *Coast of Dreams: California on the Edge, 1990–2003* (New York, 2006), p. 17.

567

О контроле над финансами, осуществляемом Хоксом, см. Thomas J. Reese, *Archbishop: Inside the Power Structure of the Roman Catholic Church* (San Francisco, 1989), p. 190. О страхе священников перед Хоксом сообщил анонимный источник в Лос-Анджелесе в ноябре 2009. О завещании Хокса см. Superior Court of California, Los Angeles County, P702033, fi led October 17, 1985.

568

В отчете Los Angeles Archdiocese, *Report to the People of God,* February 17, 2004, говорится о двух жертвах Хокса. Клиент Демарко был третьей жертвой. Как объясняет Terence McKiernan на сайте BishopAccountability.org: «Архидиоцезия не устранила соответствующий список, хотя она это отрицает – там помещены только вводные слова. Они не хотят признать, что этот отчет опубликован в урезанном виде. См. наше краткое описание ситуации со ссылками на веб-страничке: http://www.bishopaccountability.org/ AtAGlance/lists.htm».

569

Weber, *Cathedral,* p. 102.

570

Ibid., pp. 105–106.

571

Joseph Claude Harris, “Paying for Parish Programs: Archdiocese of Los Angeles”, неопубликованная рукопись, июль 2001.

572

Мэнни Вега, беседы с автором, Лос-Анджелес и Пасадена, июнь 2005; видеозапись, на которой Вега рассказывает о своей жизни, подготовленная для переговоров о выплате компенсации адвокатом Реем Баучером. Tom Kisken, “Offi cer Battles Personal Crime”, *Ventura County Star,* April 27, 2003, – это выдающийся репортаж.

573

Berry, “Mahony in Legal Battle.” Цитата из предыдущей статьи *Los Angeles Times*. Рассказ о юридической стороне событий в данной главе опирается на статьи в *National Catholic Reporter*.

574

Jeff rey Anderson, “Behind the Robes”, *L.A. Weekly,* March 18, 2003. Автор не состоит в родстве с адвокатом.

575

Glenn F. Bunting, Ralph Frammolino, and Richard Winton, “Archdiocese for Years Kept Accusations from Police”, *Los Angeles Times,* August 18, 20, 2002.

576

Larry B. Stammer, “One Church, Two Missions”, *Los Angeles Times Magazine,* August 25, 2002.

577

Larry B. Stammer, “Mahony’s Top Chiefs All Resign”, October 31, 2002.

578

Thomas P. Doyle, A.W. R. Sipe, and Patrick J. Wall, *Sex, Priests, and Secret Codes: The Catholic Church's 2,000-Year Paper Trail of Sexual Abuse* (Los Angeles, 2006).

579

Об отношениях компании Stewart с архидиоцезией см. Ron Russell, “Taj Mahony”, *New Times* (Los Angeles), December 20, 2001.

580

Berry, "Mahony in Legal Battle."

581

Jason Berry, “Telephone Interview with Cardinal Roger Mahony of Los Angeles on the Sexual Abuses in the Archdiocese of Los Angeles”, February 12, 2005, *National Catholic Reporter,* March 18, 2005, врезка к статье “Mahony in Legal Battle.”

582

Berry, “Mahony in Legal Battle.”

583

Report to the People of God, February 18, 2004, in *The Tidings,* www.archdiocese.la.org.

584

Jean Guccione, William Lobdell, and Megan Garvey, “O.C. Diocese Settles Abuse Cases”, *Los Angeles Times,* December 3, 2004.

585

Раздел о Леваде основан на составленном мною досье на архиепископа “The Man Who Kept the Secrets”, *San Francisco Magazine,* September 2005.

586

Ibid., см. также “Sipe Reports XX”, www.richardsipe.com; Court of Appeal of California, Second Appellate District, Division Eight, B198136, *Doe v. Salesian Society,* fi led January 29, 2008.

587

William Lobdell and Jean Guccione, “A Novel Tack by the Cardinal”, *Los Angeles Times,* March 14, 2004.

588

Berry, “Mahony in Legal Battle.”

589

Ibid.

590

Jason Berry, “Cracks in the Wall of the Curia”, *National Catholic Reporter,* May 10, 2010.

591

Jason Berry, “How Fr. Maciel Built His Empire, Part 2”, *National Catholic Reporter,* April 12, 2010.

592

John Spano, Paul Pringle, and Jean Guccione, “Church to Settle with 45 Accusers”, *Los Angeles Times,* December 2, 2006.

593

John L. Allen Jr., “Sex Abuse Settlement, the Pope’s Visit and Ecumenism: Cardinal Mahony Speaks with NCR”, *National Catholic Reporter,* November 30, 2007.

594

Joe Mozingo and John Spano, “$660-Million Settlement in Abuse Cases”, *Los Angeles Times,* July 15, 2007.

595

Об этом займе свидетельствуют бухгалтерские документы ар-хидиоцезии, упоминающие банк. См. Rebecca Trounson, “Parishes May Help Pay Sex Abuse Tab”, *Los AngelesTimes,* May 25, 2008.

596

Weber, *Cathedral,* p. 227.

597

Conor O'Clery, "Abuse Scandals Put Catholic Church in US in Cash and Manpower Crisis", *Irish Times,* April 13, 2002.

598

Ellie Hidalgo, “Archdiocese Outlines Financial Recovery Strategy”, *The Tidings,* March 14, 2008.

599

United States Bankruptcy Court, Southern District of California, case no. 07-00939-LA 11, *In Re: The Roman Catholic Bishop of San Diego, a California Corporation Sole, Debtor,* Chapter 11, First Report of Expert R. Todd Neilson, CPA Pursuant to Appointment, dated April 30, 2007, pp. 165–166.

600

Greg Moran and Mark Sauer, “Legal Experts Fault Bankruptcy Option”, *San Diego Union– Tribune,* September 10, 2007.

601

Sandi Dolbee and Mark Sauer, “Judge’s Tears, Rebuke Close Case”, *San Diego Union-Tribune,* November 2, 2007.

602

Trounson, “Parishes May Help Pay Sex Abuse Tab.”

603

Jeff rey Anderson, “Roger’s Nest”, *L.A. Weekly,* March 11, 2004. Автор, журналист из Лос-Анджелеса, не имеет отношения к адвокату, о котором говорилось в предыдущей главе.

604

Peter Borre, “Request for Mediation”, letter to the Reverend Monsignor Pietro Parolin, April 7, 2009.

605

Jerry Filteau, “Louisianans Face Long Recovery from Katrina, New Orleans Flooding”, Catholic News Service, August 31, 2005.

606

Will H. Coleman, “The French Market”, in Frank de Caro, editor, and Rosan Augusta Jordan, associate editor, *Louisiana Sojourns: Travelers’s Tales and Literary Journeys* (Baton Rouge, LA: 1998), pp. 89–91.

607

Randy J. Sparks, " 'An Anchor to the People': Hurricane Katrina, Religious Life, and Recovery in New Orleans", arranged and edited by Tracy Fessenden and Michael Pasquier, "After the Storm: A Special Issue on Hurricane Katrina", *Journal of Southern Religion,* 2008, http:// jsr.fsu.edu/Katrina/FrontKatrina.htm.

608

См. документальный фильм режиссера Peter Entell, *Shake the Devil Off,* Show and Tell Films, 2007, где саркастически освещается данная месса и борьба за церковь Св. Августина.

609

Peter Finney Jr., “Financial Recovery Continuing for Archdiocese”, *Clarion Herald,* September 4, 2010.

610

Bruce Nolan, “Catholic Church Quantifi es Katrina Damage”, *Times-Picayune,* July 26, 2008.

611

Jason Berry, “Mass Protests”, *Gambit Weekly,* November 4, 2008.

612

Andrew Walsh, “Losing Patience with the Vatican”, *Religion in the News* 13, no. 1 (Summer 2010).

613

Jason Berry, “What Benedict Must Do”, PoliticsDaily.com, March 30, 2010.

614

Associated Press, “Pope Celebrates Easter Mass, Hailed by Cardinal”, April 5, 2010.

615

Paddy Agnew, “Vatican Hits Back Against Criticism of Child Sex Abuse”, *Irish Times,* April 8, 2010.

616

David Gibson, “A ‘Failed Papacy’? How Benedict XVI Got into This Mess”, PoliticsDaily.com, April 18, 2010.

617

John L. Allen Jr., “Vatican Statement on Maciel, Legionaries”, *NCR Today,* May 1, 2010. В своем блоге Allen приводит полный текст перевода «Коммюнике Святейшего Престола», которое вышло 1 мая на итальянском.

618

Jason Berry, “Maciel’s Son to Sue Legion”, *National Catholic Reporter,* June 20, 2010.

619

Ibid.

620

U.S. District Court of Oregon, case no. CV 02 430 MO, *John Doe v. Holy See,* April 3, 2002.

621

Plaintiff 's Memorandum in Support of Jurisdictional Discovery, *John Doe v. Holy See,* September 8, 2010.

622

John Doe v. Holy See, 557 F.3d 1066 (9th Civ. 2009) *cert. denied,* 130 S. Ct. 3497 (2010).

623

Чтобы дополнить пересказанное мне содержание их беседы, Борре передал мне свою переписку (переведенную с итальянского) с архиепископом Самби, где они обсуждают те же ключевые вопросы.

624

Lisa Wangsness, “Archdiocese Regaining Its Financial Footing”, *Boston Globe,* June 11, 2010.

625

James P. McDonough, “Chancellor’s Annual Overview”, *Archdiocese of Boston Financial Report for the Year Ending June 30, 2009,* p. 7.

626

Archdiocese of Boston, “St. Francis of Assisi School to Consolidate with Cheverus School and St. Joseph School”, BostonCatholic.org, May 20, 2010.

627

Katherine Q. Seelye, “For Priest, Intersection of Faith and Doubt”, *New York Times,* May 16, 2010.

628

Роберт Боуэрс, электронное письмо к автору.

629

Stephanie Barry, “Historical District Under Our Lady of Hope Church in Springfi eld Wins Backing of Federal Judge”, *Springfi eld Republican,* January 6, 2011.

630

Christopher Lamb, "North-East Faces Steep Fall in Numbers of Priests", *The Tablet,* January 22, 2011.

631

Michael Rubinkam, “Catholics Win Rare Victories on U.S. Church Closures”, Associated Press, March 6, 2011.

632

Jason Berry, “Is the Church Really This Blind?” *Los Angeles Times,* November 11, 2007.

633

The Pew Forum on Religion and Public Life, Summary of Key Findings, *The U.S. Religious Landscape Survey,* February 25, 2008.

634

Patrick Schiltz, “The Future of Sexual Abuse Litigation”, *America,* July 7, 2003.

635

Jason Berry, “Gambling with History: Benedict and the Legion of Christ”, *National Catholic Reporter,* December 29, 2010.

636

Wilton Wynn, *Keeper of the Keys: John XXIII, Paul VI, and John Paul II – Three Who Changed the Church* (New York, 1988), p. 161.

637

Alessandro Speciale, “Unmasking the Vatican’s Bank”, *GlobalPost,* January 25, 2011.

638

Guy Dinmore, “Sicily Probe Adds to Vatican Bank Pressure”, *Financial Times,* November 3, 2010.

639

Russell Chandler, “Focus of Controversy: Ratzinger: Point Man for the Vatican”, *Los Angeles Times,* November 7, 1986.